

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PN. 278975 d. 80

Am. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 11 НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. БРАУНСКАГО (Литейная, № 38)

I. — ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ. I. Ульригеръ. II. Пѣсни молодого Рейтера. III. Смерть Франца Швингена. IV. Дѣтубойца и др. II. И. Вейнберга	1
II. — РОЛЬ НАУКИ ВЪ ПЕРИОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦИИ. 4) Новый свѣтъ (1477—1509). 5) Протестантизмъ (1509—1536).	11
III. — ПѢСНЯ О ГАЙАВАТЪ, поэма Лонгфелло. (VI. Сватовство Гайавати) Д. Л. Михаловскаго.	45
IV. — КАЗАНСКІЙ ПРИХОДЪ. Очеркъ Н. П—аго	55
V. — СТАРАЯ ПОМПАДУРША. Разсказъ Н. Щедрина.	99
VI. — ДОМА — ЛУЧШЕ! Стих. Н.	120
VII. — НА ВСЯКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТЫ ТЫ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Н. Остров- скаго.	121
VIII — МОЛИТВА ВДОВЫ (изъ Шамиссо). Стих. П. И. Вейнберга	211
IX. — РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯ- ТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866). Періодъ второй 1830 — 1848. 10. Великобританія и Ирландія. 11. Испанія и Португалія. В. И. Покровскаго.	213
X. — НАРОДНЫЕ МОТИВЫ. Стих. Дмитрія Минаева.	251
XI. — ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И ВЪ СТОЛИЦѢ. III. Скал- дина	255
XII. — НОЧЬ ПОСЛѢ ГРОЗЫ. Стих. Ив. Г.-М.	278

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XIII. — ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ — I — II	1
XIV. — КРИТИКА. — НОВАТОРЫ ОСОБАГО РОДА. (Жертва вечерняя. Романъ въ двухъ книгахъ и четырехъ частяхъ П. Боборыкина. 1868 г.)	33
XV. — СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ. (Матеріалы для уголовной статистики Россіи. Соч. Е. Анучина. Тобольскъ. 1866).	44
XVI. — НОВЫЯ КНИГИ. — Ульяна. (Очеркъ изъ жизни женщины). Соч. Е. Н. Глобиной. — Основы химіи. Д. Менделѣева. (Вып. 1-й). — Отчего и оттого. Сост. Отто Уле. — Уходъ за дѣтьми. Состав. А. Комбъ. Перев. съ англ. Д. Клеркъ. — Физическая географія Мери Сомервилъ. Перев. съ англ. Андрей Минъ	67

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЕХХХІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВЦОВАГО (Литонная № 88)

1868.

C-XXXVI-273

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ.

I.

Улингеръ *.

Добрый рыцарь по улицѣ ѣдетъ
И чудесную пѣсню поетъ,
И поетъ онъ такъ звонко, что всюду
Отголосокъ той пѣсни идетъ.

У окошка сидѣла дѣвица
И услышала пѣсенку: «Съ тѣмъ,
Кто поетъ такъ чудесно и звонко,
Убѣгу я отсюда совсѣмъ **.»

— «Коль уйдешь ты со мною, дѣвица,
Объщайся тебя научить
Пѣть такъ звонко чудесныя пѣсни,
Что ихъ будетъ вездѣ разносить.»

Поспѣшила красавица лентой
Золотистыя кудри стянуть,

---

* Пѣсня объ Улингерѣ или Адельгерѣ относится къ XV столѣтію, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени переходила изъ устъ въ уста, подвергаясь измѣненіямъ то со стороны самаго народа, то со стороны стихотворцевъ, переламывавшихъ ее болѣе или менѣе искусно на свой ладъ. Форма, въ которой эта пѣсня приведена здѣсь, самая древнѣйшая, судя по изысканіямъ знатоковъ. Нѣкоторые видятъ въ ней первообразъ извѣстной всему свѣту сказки о Синей Бородѣ.

** Обольщеніе дѣвушекъ посредствомъ пѣснопѣвнй составляетъ одну изъ обыкновенныхъ чертъ въ древнѣйшихъ эпическихъ стихотвореніяхъ.

Въ серебро и парчу нарядилась,
Точно въ дальній собралася путь.

Молодую красавицу рыцарь
Закрываетъ зеленымъ щитомъ,
И къ зеленому, темному лѣсу
Пробираются спѣшно вдвоемъ.

И пришли они въ чащу лѣсную.
А въ лѣсу—ни души то живой,
Только голубъ качается бѣлый
На верхушкѣ рябины густой:

«Ахъ, послушай, послушай, ты, Фридбургъ!
Ахъ, душа ты дѣвица, повѣрь:
Ужъ одинадцать дѣвъ онъ повѣсилъ,
Ты двѣнадцатой станешь теперь.»

— Ахъ, послушай, послушай, Улангеръ!
Ахъ, послушай, возлюбленный мой!
Что поеть-говорить бѣлый голубъ
На верхушкѣ рябины густой? —

«Этотъ голубъ клевететь; имъ принять
За другого кого—набудь я;
Ты не вѣрь его красному клюву,
Дорогая дѣвица моя!»

Вотъ садится онъ рядомъ съ дѣвицей,
Разостлавши свой плащъ на травѣ,
Говорить: «Почему-ка мнѣ кудри,
Понщи у меня въ головѣ.»

И въ глаза посмотрѣлъ онъ дѣвицѣ.
«Да о чемъ же ты плачешь?» спросилъ:
«О покинутомъ другѣ печальномъ?
Или я невзначай огорчилъ?»

— Я не плачу о кинутомъ другѣ,
Отгорченъя не сдѣлалъ ты мнѣ...
Но я вижу, большую толпою
Свачуть всадники тамъ, въ глубинѣ.

Ты поскачешь ли къ всадникамъ этимъ?
Ты начнешь ли рубиться и сѣчь?
Иль останешься подлѣ подруги,
Ухватившись покрѣпче за мечъ?—

«Не хочу я сказать къ нимъ на встрѣчу,
Не хочу я рубиться и сѣчь;
Но останусь я подлѣ подруги,
Ухватившись покрѣпче за мечъ.»

И пошли они дальше; и дальше
Никого, — только сосны стоятъ,
И одиннадцать дѣвушекъ рядомъ
На одномъ изъ деревьевъ висятъ.

Заломила тутъ руки дѣвица,
Золотныя вѣтъ кудри она:
—Ахъ, никто здѣсь меня не услышитъ!
Я въ дремучемъ лѣсу — и одна!

«Но прошу я тебя, мой Улингеръ,
Но прошу я, мой рыцарь: коль здѣсь
Ты меня собираешься вѣшать,
То въ моемъ одѣяньи повѣсь!—

«Не проси ты объ этомъ, дѣвица,
Не уважу я просьбы твоей.
Красный плащъ твой и черное платье
Пригодятся сестрицѣ моей!»

—Такъ прошу я тебя, мой Улингеръ,
Такъ прошу я, мой рыцарь, — смотри,
Я готова! — позволь мнѣ лишь крикнуть
Разъ одинъ, много: два или три!

«Въ этомъ я прекословить не буду:
Среди этой глухой густоты
Ни одинъ человекъ не услышитъ,
Какъ бы громко ни крикнула ты.»

Первый крикъ былъ такой: «Исусе,
Сынъ Маріи, спаси, — и сюда

Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Я останусь въ лѣсу навсегда!»

Крикъ второй былъ такой: «Богоматерь,
Пресвятая, спаси ты меня!
Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Не прожить мнѣ на свѣтѣ и дня!»

Третій крикъ былъ такой: «Драгоценный,
Милый братъ мой, спаси поскорѣй!
Поспѣши, поспѣши! — а замедлишь —
Распрощаюсь я съ жизнью моею!»

Братъ дѣвицы въ ту самую пору
Выѣжалъ на конѣ со двора:
«Мнѣ слышался голосъ знакомый,
Точно врикнула гдѣ-то сестра!»

Соколѡвъ онъ спускаетъ по вѣтру
И пускаетъ онъ чутенхъ борзыхъ,
И, по вѣрнымъ слѣдамъ поспѣшая,
Очутился въ тущобахъ лѣсныхъ.

— «Что ты дѣлаешь здѣсь, мой Улингеръ?
Что ты дѣлаешь, рыцарь?» — «Стою
И сплетаю я вѣтви, чтобъ послѣ
Приврѣпить къ нимъ веревку мою.»

— «Ты сплетаешь здѣсь вѣтви, чтобъ послѣ
Приврѣпить къ нимъ веревку свою;
Но тебя самага на веревкѣ
Я повѣшу — въ томъ вѣтви дамъ.»

«Такъ прошу я тебя, мой Фридбургеръ,
Такъ прошу я, мой рыцарь: коль здѣсь
Ты меня собираешься вѣшать,
То въ моемъ одѣяньи повѣсь.»

— «Не проси ты объ этомъ, Улингеръ,
Не проси ты объ этомъ, злодѣй:
Красный плащъ твой и черная куртка
Пригодятся для двора моего.»

Щить зеленый онъ на руку вскинулъ
И, съ своею прекрасной сестрой,
Въ государство отца послѣдуетъ
На конѣ, изъ труппы лѣсной*.

II.

ПѢСНЯ МОЛОДАГО РЕЙТЕРА**.

Я бѣдный рейтеръ молодой.
Проѣлъ я весь достатокъ мой.
Что кое-какъ скопить я могъ,
Пошло къ трактирщицу въ залогъ.
Но вотъ мнѣ разъ на умъ пришло —
Какъ уничтожить это зло,
Какъ изъ трактирщика когтей
Освободиться поскорѣй:

«Трактирщикъ! сдѣлай милость мнѣ:
Позволь на удаломъ конѣ
Хоть не надолго ускакать,
Чтобъ только счастья попытать,
Съ копьемъ-пріятелемъ въ рукахъ,
Въ богемскихъ дебряхъ и лѣсахъ
И посреди большихъ дорогъ.
Пусти меня — и видитъ Богъ,
Что я, какъ только возвращусь,
Съ тобой до гроша расплачусь.»

* Исследователи древней народной поэзии видятъ признакъ глубокой древности и несомнѣнной подлинности этой пѣсни въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ не рассказываетъ о казни, совершенной братомъ принцессы Фридрибургъ надъ Улингеромъ, а заставляетъ слушателя какъ бы самому дополнить разсказъ. Такія умолчания о самомъ процессѣ убійства, казни или другаго, тому подобнаго, не эстетическаго дѣйствія, встрѣчаются сплошь да рядомъ въ древнѣйшихъ пѣсняхъ. Въ другихъ, позднѣйшихъ редакціяхъ пѣсни объ Улингерѣ, авторъ, напротивъ, именно направляетъ на подробности этой казни.

** Рейтеры составили особаго рода дружину въ войскахъ средневѣковыхъ рыцарей и князей, — почти то же, что ландскнехты. Какъ и эти послѣдніе, рейтеры отличались удалствомъ, доходящимъ до возмутительнаго самоуправства, занимались не только войнами съ непріятелемъ, но и грабительствомъ своихъ соотчичей на большихъ дорогахъ, въ лѣсахъ и т. д. Число рейтерскихъ и ландскнехтскихъ пѣсень очень велико, и всѣ онѣ имѣютъ цѣлью прославить воспѣваемыхъ или удалцевъ. Современемъ я надѣюсь представить еще нѣсколько образчиковъ этихъ пѣсень.

— «Ступай, мой рейтерчикъ, ступай,
 Куда захочешь, поѣзжай;
 Но прежде сдѣлай лишь одно:
 Отдай мнѣ деньги за вино,
 Ну, и за жаренныхъ цыплятъ.
 А тамъ, куда глаза глядятъ,
 Ступай себѣ, душа моя, —
 Тебя держать не смѣю я!»

«Трактирщикъ, чортъ тебя деря!
 Я все еще прошу, смотри!
 Небось, пока я не проѣлъ
 Тебѣ всѣхъ денегъ, что имѣлъ,
 Какою сладенькой лисой
 Ты извивался предо мной!
 А нынче вотъ... Ну, берегись!
 Въ степи мнѣ только попадись
 Ты какъ нибудь, — ужъ тамъ, боюсь,
 Съ тобой я саблей расплачусь.»

— «Ступай, почтеннѣйшій, ступай!
 Ты сколько хочешь угрожай,
 Миѣ это, право, все равно.
 Отдай мнѣ деньги за вино,
 Ну, и за жаренныхъ цыплятъ;
 А тамъ, куда глаза глядятъ,
 Ступай себѣ, душа моя,
 Тебя держать не смѣю я!»

Женѣ трактирщика межъ тѣмъ
 Пришелся рейтерчикъ совсѣмъ
 По вкусу; бѣлою рукой
 Она ведетъ его съ собой,
 Ласкаетъ, колитъ, и къ тому
 Даетъ червончиковъ ему.
 Спасенъ бѣднякъ, совсѣмъ спасенъ,
 Отъ всѣхъ невзгодъ избавленъ онъ!

Коня выводить своего,
 Стрѣлой вскочилъ онъ на него.

Прижокъ, другой — и егѣдь простылъ!
 Трактирщикъ радъ, что получилъ
 Свои всѣ денежки сполна.
 Омъ хвалить рейтера; жена
 Супругу вторить похвалой...
 Такъ былъ надуть трактирщикъ злой!

III.

СМЕРТЬ ФРАНЦА СИНИНГЕНА *.

Три государя задумали дѣло:
 Много ландскнехтовъ собрали — и смѣло
 Двинулись вмѣстѣ въ Ландсталь,—
 Двинулись вмѣстѣ для сѣчи кровавой...
 Франца помянете славой, славой!

Францъ находился въ ту пору въ Ландстальѣ.
 Три государя предъ крѣпостью стали,
 Начали въ крѣпость стрѣлять.
 Шлетъ увѣщанье пфальцграфъ — покориться.
 Францъ начинаетъ сердиться, сердиться.

Здѣсь нападеніе, тамъ — оборона.
 Въ пятницу утромъ, въ стѣпѣ бастіона
 Сдѣлали нервный проломъ.
 Францъ это видитъ и шепчетъ, унылый:
 «Господи Боже, помилуй, помилуй!»

Три государя не даромъ стояли,
 Цѣлили мѣтко и мѣтко попали:
 Пулею Францъ пораженъ.
 Кровь благородная льется рѣвомъ...
 Вѣчной онъ чтится хвалою, хвалою!

---

* Пѣсни о знаменитомъ героѣ реформаціоннаго времени, Синингенѣ, вы-
 брана мною здѣсь, вопервыхъ, какъ образецъ исторической народной пѣсни
 въ самомъ строгомъ смыслѣ (безъ всякаго участія фантазіи); возторжкъ, по-
 тому, что пѣсни о Синингенѣ составляютъ въ Германіи чуть не цѣлый жанръ.
 Собственно же поэтическими достоинствами она, какъ не трудно увидѣть, не
 особенно блещетъ и, говоря словами одного нѣмецкаго критика, поражаетъ
 своею «сухою, почти неподвижною (starrte) объективною».

Вотъ какъ попали въ него, — приказанье
 Далъ онъ — ворота открытъ, и посланье
 Трѣмъ государямъ послалъ:
 Просить онъ ихъ за свою лишь дружину,
 Близко предвидя кончину, кончину.

Вѣхали три государя въ ворота;
 Съ ними и конный народъ, и пѣхота.
 Къ Францу приходять они.
 Съ ними онъ рѣчи ведетъ незлобиво...
 Въ пѣснѣ моей все правдиво, правдиво!

По окончаніи ихъ разговора
 Мужъ благороднѣйшій кончился скоро.
 Господи, прѣзри его!
 Лучшаго война мы не видали.
 Много онъ вынесъ печали, печали!

Былъ для ландскнехтовъ онъ истиннымъ другомъ,
 Каждого онъ награждалъ по заслугамъ, —
 Будемъ же славить его!
 Память о немъ сохранилась межъ нами
 И не исчезнетъ съ вѣками, съ вѣками!

Три государя походъ продолжаютъ.
 Вотъ къ Тракенфельсу они подступаютъ,
 Крѣпость до камня сожгли.
 Господи! Франца утѣшь ты въ печали!
 Всѣ его земли пропали, пропали!

Кончу я лучше: пожалуй, случится
 Жизнью еще и другимъ поплатиться!
 Больше я пѣть не хочу:
 Вдругъ не понравилась можетъ иному!
 Скоро уйдемъ мы изъ дому, изъ дому!

Тотъ, кѣмъ вся пѣсенка наша пропѣта,
 Самъ былъ ландскнехтомъ, и пѣсенка эта
 Имъ сложена безъ прикрасъ:
 Дѣло ландстальское видѣлъ онъ лично, —
 Знаеть его онъ отлично, отлично!

IV.

ДѢТЮБІЙЦА*.

Зигмундъ, милый Зигмундъ, вотъ ты кончалъ чѣмъ:
Молодую Гретхенъ погубилъ совсѣмъ!

«Зигмундъ, милый Зигмундъ, мой конецъ идетъ:
Выведена буду скоро изъ воротъ,

«Изъ воротъ тюремныхъ на зеленый лугъ...
Тамъ любви работу ты увидишь, другъ!»

«Ахъ, палачъ мой милый, кончи поскорѣй:
Тороплюсь я очень къ дочери моей!

«Зигмундъ, милый Зигмундъ, дай мнѣ руку; я
Все тебѣ простила, — Богъ тебѣ судья!»**

Быстро свачеть всадникъ, флагомъ машетъ онъ:
«Не казните Гретхенъ, я беру пардонъ!»**

«Всадникъ, милый всадникъ, поздно, — умерла...
Доброй ночи, Гретхенъ, къ Богу ты ушла!»

V.

. . .

Нынче ночью мнѣ приснился
Сонъ томительный такой:
У меня въ саду разросся
Розмарина кустъ большой.

Садъ былъ кладбище; могила —
Грядва, полная цвѣтовъ;
Много падало съ деревьевъ
Свѣжихъ листьевъ и плодовъ.

* Эта пѣсня, заключающая въ нѣсколькихъ простыхъ строкахъ дѣлаю по-
трисавшую трагедію, послужила Шиллеру мотивомъ для извѣстнаго стихотво-
ренія его «Дѣтубійца», стоящаго, по наипыщенности и искусственности, го-
раздо ниже своего первообраза.

** Слово «пардонъ» было въ нѣмецкомъ языкѣ магическимъ словомъ, озна-
чающимъ королевское помилованіе. Поэтому я не считалъ нужнымъ переводить
его на русскій языкъ.

Въ золотой боваль сбирала
 Я душистые цвѣтки;
 Вдругъ изъ рукъ моихъ онъ выпалъ
 И разбился весь въ куски.

Потекли оттуда капли
 Алой крови и жемчугъ...
 Чтѣ бы значилъ сонъ тяжелый?
 Ты не умерь, милый другъ?

VI.

.
 .
 .

Разъ пошла я прогуляться,
 Прогуляться въ лѣсъ густой
 И нашла я въ немъ колодезь,
 Полный свѣжею водою.

Я усѣлась у колодца
 Молчалива и грустна...
 Надо мной поркала птичка,
 Пѣла пѣсенку она.

«Мнѣ бъ узнать хотѣлось, птичка,
 Правда ль то, что слышу я,
 Будто мой желанный умеръ?
 Правда, пташечка моя?»

«И, воль мой желанный умеръ,
 Мнѣ хотѣлось бы узнать,
 Долго ль, долго ли я буду
 По желанномъ горевать?»

— «Горевать ты по желанномъ
 Перестанешь лишь тогда,
 Какъ до капли, до послѣдней,
 Въ морѣ высохнетъ вода.»

Но никакъ, никакъ не можетъ
 Въ морѣ высохнуть вода;
 Значить, горе - гореванье
 Не исчезнетъ никогда!

П. Вейнбергъ.

РОЛЬ НАУКИ

ВЪ ПЕРІОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ.

Louis Figuier: «Vies des savants illustres de la renaissance» (Paris. 1868).

Paul-Antoine Cap.: «La science et les savants au XVI siècle» (Tours. 1867).

4. Новый свѣтъ (1477 — 1509).

Если появленіе книгопечатанія и его распространеніе было самою важною чертою разсмотрѣнной эпохи, чертою, предъ которою отступаетъ на задній планъ и господство турокъ въ Византіи, и борьба французскаго короля съ послѣднимъ великимъ феодаломъ, и кровавая рѣзня Ланкастеровъ и Йорковъ, то слѣдующая за тѣмъ эпоха по справедливости характеризуется открытіемъ новаго свѣта.

Какъ нарочно рядомъ съ этимъ могущественнымъ побужденіемъ къ новой мысли, къ новымъ предпріятіямъ, къ самостоятельной дѣятельности, средневѣковыя силы выдвигаютъ самыя отвратительныя явленія. Папскій престолъ занимали сряду трое образцовыхъ папъ: Сикстъ IV (1471—1484), Иннокентій VIII (1484—1492), Александръ VI (1492—1503). Съ наглою рѣшимостью началъ строитель знаменитой сикстинской капеллы 90-лѣтній періодъ политики завоеваній для родственниковъ папъ; послѣднимъ апостоловъ былъ въ числѣ заговорщиковъ, чтобы зарѣзать братьевъ Медичи по знаку, поданному священнѣйшимъ обрядомъ христіанскаго богослуженія; отлученіе отъ церкви было наказаніемъ за то, что Венеція не хотѣла отдать племяннику (а можетъ быть, сыну) первосвященника завоеванныхъ земель. Празднество незапятнаннаго зачатія было рекомендовано (1477) челоувѣкомъ, котораго обвиняли въ самомъ противоестественномъ развратѣ. Личности, подобныя Людовику XI и Фридриху III, имѣли

право укорить папу за его хищничество и презрѣніе ко всѣмъ правамъ. Наконецъ ему обязана Испанія возрожденіемъ инквизиціи, сдѣлавшейся въ рукахъ Фердинанда Арагонскаго (1479—1516) и Изабеллы Кастильской (1474—1504) королевскимъ духовнымъ судомъ, орудіемъ подавленія всѣхъ политическихъ враговъ и средствомъ грабежа подданныхъ. Несправедливость и жестокость первыхъ государственныхъ инквизиторовъ (480) Морильо и Сан-Мартино вызвали жалобы кортесовъ и даже неудовольствіе Сикста. Но это было ничто съ послѣдовавшимъ за тѣмъ инквизиторствомъ Торквемады (1483—1498), при которомъ въ 15 лѣтъ сожгли 8,800 человекъ живыми, 6,500 въ изображеніи и различнымъ образомъ наказали 90,000 человекъ. Въ то же время въ самый годъ паденія Гренады и открытія Антильскихъ острововъ, выселялись изъ Испаніи всѣ евреи, нежелавшіе принять христіанство. Не менѣе дѣятелемъ былъ наслѣдникъ Торквемады, Діего Деца (1498—1506), при которомъ сожжено 1,664 человекъ живыми, 832 въ изображеніи и наказано различнымъ образомъ 32,456 человекъ.

Въ другихъ странахъ инквизиторы не были орудіями и помощниками свѣтскаго деспотизма, а ихъ юрисдикція была очень ограничена папою Николаемъ I (1451), но они нашли возможность въ эту эпоху играть роль не менѣе эффеетную, какъ и ихъ непанскіе товарищи, благодаря одному подсудному имъ пуніту, колдовству и союзу съ дьяволомъ. Вслѣдъ за сожженіемъ Жанны д'Аркъ (1431), еще одна дѣвушка была сожжена близъ Парижа какъ колдунья. Въ 1436 психическая эпидемія демономаніи вспыхиваетъ въ Ваатландѣ, и сотни людей гибнутъ на кострѣ. Въ 1859 г. подобная же эпидемія вызываетъ казни въ Артуа; наконецъ демономанія дѣлается восточною психическою болѣзнію въ Европѣ на два вѣка, начиная съ 1484 г., когда германскіе инквизиторы своими увѣщаніями вызываютъ ее въ обществѣ а папа Иннокентій VIII своею буллою въ упомянутомъ году призываетъ инквизиторовъ къ дѣятельности. Этотъ папа, обозначившій такимъ образомъ свое вступленіе на престолъ, оставилъ 16 человекъ дѣтей, бралъ съ христіанъ деньги на войну съ турками и съ султана деньги и подарки за содержаніе его брата въ заключеніи, продавалъ кардинальское званіе 13-лѣтнимъ мальчишамъ, былъ достойнымъ преемникомъ Сикста IV и предшественникомъ Александра Борджиа. При немъ написанъ въ 1487 и напечатанъ въ 1489 г. нѣмецкимъ инквизиторомъ Ширенгеромъ знаменитый «Молотъ Колдуній» (*Malleus maleficarum*), который столько же свидѣтельствуетъ о полной искренности этихъ судей-валачей, какъ и о возмутительномъ отрицаніи

всякаго понятія о судебномъ безпристрастіи и юридическихъ правахъ, когда дѣло шло о разбирательствѣ вопроса, касавшагося религіи. Доносы слѣдовали за доносами, пытки за пытками; эпидемія демономаніи разливалась все далѣе и далѣе, не щади ни пола, ни возраста, ни состоянія и зажигая костры для несчастныхъ галлюцинантовъ то тамъ, то здѣсь. При свѣтѣ этихъ костровъ все, что оставалось здоровымъ отъ эпидеміи, проникалось все болѣе отвращеніемъ къ средневѣковому строю общества, который логически приводилъ къ подобнымъ извращеніямъ истины и справедливости.

Эта же эпоха, въ виду быстраго распространенія путемъ книгопечатанія сочиненій, враждебныхъ церкви, вызвала первое проявленіе цензуры. Примѣръ подалъ архіепископъ-курфюрстъ Майнцскій (1486), и примѣръ его скоро нашелъ послѣдователей. Цензура церкви окончательно установлена папою Александромъ VI въ 1501 г.

При этихъ обстоятельствахъ оппозиція католицизму уменьшиться не могла. Во имя средневѣковаго аскетическаго идеала выступилъ Савонаролла, связывая этотъ идеалъ съ республиканскими стремленіями городовъ Италіи. Но эти стремленія начинали болѣе и болѣе обращаться въ отвлеченности. Богатые *прикритые* итальянскіе городовъ стремились быть государями, а граждане республикъ обращались въ подданныхъ. Влесткомъ литературы и эрудиціи при ихъ дворахъ искали государи Италіи прикрыть свой захватъ власти, и безчисленные хвалители, въ стихахъ и въ прозѣ, на итальянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ превозносили Медичи, Эсте, Сфорца, Фердинанда Неаполитанскаго или даже Борджію. Потоккомъ лились сонеты и поэмы изъ цыкла Карла Великаго, но лишь Луиджи Пульчи (1432—1487) и Воардо († 1494) были достойными предшественниками Аріосто. Сатира обращалась въ мелкую насмѣшливость надъ пустяками; подражатели Воккаціо старались превзойти одинъ другаго наготою чувственныхъ картинъ. Сотни литературныхъ академій съ самыми странными названіями соперничали изъ-за мѣстныхъ знаменитостей и изъ-за тонкостей оборота рѣчи. Дворъ Лоренцо Медичи (1472—1492), поэта, банкира и повелителя Флоренціи, былъ главнымъ центромъ итальянской литературы и искусства. Во Флоренціи началось возрожденіе архитектуры, и при Лоренцо еще были свѣжи преданія Брунеллеско († 1444) и Альберти († 1472); рѣзецъ Бенедетто до-Моано († 1498) и кисть Гириандайо († 1495) украшали столицу Медичи превосходными произведеніями; въ ней развивался гений Буанаротти (р. 1474). Во Флоренціи при Лоренцо писали Пульчи. Тамъ отправлялись празднества въ честь Платона. Тамъ

учитель Лоренцо, неоплатонникъ новаго времени, Марсилій Фензинъ († 1499) сравнивалъ Сократа со Христомъ, пошѣщалъ Пифагора, Сократа и Платона между святыми, давалъ превосходный для того времени переводъ Платона (1483—84), Платина (1492), и другихъ произведеній древности. Тамъ ученый грекъ Халькондиласъ († 1511) издавалъ погречески Гомера (1488), и это изданіе было образцомъ современнаго типографскаго искусства, тѣмъ болѣе, что лишь за 12 лѣтъ предъ тѣмъ появились въ Европѣ (именно въ Миланѣ) первыя греческія изданія. Соперникомъ Халькондиласа былъ во Флоренціи Анджело Полиціано († 1494), одинъ изъ самыхъ разнообразныхъ талантовъ, можетъ быть, слишкомъ расхваленныхъ современниками и потомствомъ: его итальянскіе стихи считались образцовыми по своей отдѣлкѣ; его «Орфей» (1472), написанный въ два дня, былъ первою итальянскою драмою; его переводы съ греческаго считались лучшими; его латинскую рѣчь находили не уступающею древнимъ; его латинскія толкованія греческихъ писателей превосходили по богатству содержанія и по блеску изложенія толкованія ученыхъ грековъ. Нельзя забыть между личностями, окружавшими Лоренцо и Джіованни Пико да-Мирандола († 1494), каббалиста, предложившаго на 24-мъ году жизни ученнымъ Европы споръ по 900 тезисамъ изъ всѣхъ областей знанія (*de omni re scibili*). Лоренцо великодушный не щадилъ денегъ для рукописей, ученыхъ и литераторовъ, но это дорого стоило республикѣ и въ 1420 г. личное нищество Медичи было спасено лишь на счетъ банкротства республики, т.-е. разоренія множества частныхъ людей.

Если Флоренція была главнымъ центромъ дѣятельности возрожденія, то тѣмъ не менѣе эта дѣятельность выпѣла и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, перехода и за Альпы. Въ сицилійской капеллѣ работали художники изъ всей Италіи. Умбрійская школа выдвигала уже Перуджино (р. 1441, † 1524). Въ Римѣ, около Помпоніо Лета († 1494) группировалась школа ученыхъ антикваріевъ. Въ Падуѣ, въ то самое время, когда Помпонаций всходитъ на кафедру (1495), чтобы начинать свою долгую борьбу съ Ахиллини во имя матеріализма, прикрываемаго именемъ Аристотеля и Александра Афродизскаго, въ той же Падуѣ Леонигусъ Томеусъ (1497) начинаетъ чисто гуманистическое толкованіе Аристотеля погречески. Тамъ же преподавалъ знаменитый Эрмолао Барбаро († 1493). Съ 1494 г. въ Венеціи работаютъ станки Альда Мануціа; съ 1496 г. начинается его изданіе Аристотеля; въ 1501 г. появляется первое альданиское изданіе in-8°. Съ 1501 же года начинаютъ появляться изданія Этье-

на во Франціи. Между тѣмъ Цельтезъ († 1508) былъ увѣнчанъ въ Германіи за свои латинскіе стихотворенія и основалъ первое нѣмецкое общество гуманистовъ; Рудольфъ Гуйсманъ Агрикола († 1485) былъ уже замѣтнымъ дѣятелемъ гуманизма на берегахъ Рейна; Рейхлинъ удивлялъ римлянъ своимъ знаніемъ латинскаго языка (1482), удивлялъ грека Аргиропуло своимъ знаніемъ греческаго (1498) и становился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ гебраистовъ Европы.

Несмотря на весь блескъ, который имѣли эти знанія гуманистовъ, несмотря на красоту рѣчи, навѣянную Фициномъ, Полицианомъ, Помпонаціемъ, древними образцами, несмотря на прелесть художественныхъ произведеній скульпторовъ и живописцевъ, нетрудно было замѣтить, что всѣ эти пріобрѣтенія не имѣли никакого приложенія къ жизненнымъ вопросамъ времени, и что обширная эрудиція, прекрасный слогъ гуманистовъ служили украшеніемъ дворовъ и университетовъ, но не давали содержанія, способнаго войти въ жизнь общества. Гуманизмъ и искусство существовали сами по себѣ, а вопросы жизни шли сами по себѣ. Рѣчи Цицерона были хороши, но римскаго сената и римскихъ легионовъ не существовало. Въ альдинской академіи могли говорить не иначе, какъ погречески, но общество требовало литературы на народномъ языкѣ. Въ честь Платона могли совершаться празднества, но неоплатонизмъ Фицина былъ еще болѣе искусственнымъ цвѣткомъ, чѣмъ неоплатонизмъ Плотина и Порфирія. Гуманистическое движеніе могло имѣть важное историческое значеніе лишь какъ средство усиленія свѣтской учености, независимой отъ церкви, и какъ воспитательное орудіе литературы для пріученія къ изящнѣйшей формѣ рѣчи. Въ этого значенія, оно имѣло лишь смыслъ собранія матеріала для далекаго будущаго: гуманисты подготовляли пониманіе историческаго процесса жизни человѣчества, но еще самые элементы этого пониманія не развились тогда въ умъ, такъ-какъ и наше время только приступило къ этой великой задачѣ.

Гораздо болѣе значительныя и невѣроятныя новости волновали мыслящихъ людей Европы. Съ Пирнейскаго полуострова шли вѣсти о великихъ открытіяхъ. Съ самаго вступленія на португальскій престолъ Іоао II (1481), оживилось снова въ этой странѣ стремленіе къ морскимъ открытіямъ, ослабѣвшее послѣ смерти Генриха (1460). Устроена была въ Лиссабонѣ астрономическая юнта, и въ 1486 г. Диасъ дошелъ до южной оконечности Африки. Но давно уже работала мысль смѣлыхъ предпринимателей надъ путемъ чрезъ Атлантическій океанъ въ бо-

гаты страны, описанныя Марко Поло. Еще въ 1474 г. Тосканелли въ письмѣ, вызванномъ португальскимъ правительствомъ, указалъ, что путь чрезъ океанъ короче пути около африканскаго материка. Въ 1486 г. составилось даже въ Португаліи общество для отысканія на западѣ острова Антигліи, обѣщаннаго Тосканелли, или какого либо материка. Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій и стремленій оставили берега Испаніи 3-го августа 1492 три маленькія судна, съ которыми Кристобалъ Колонъ (Христофоръ Колумбъ) предпринялъ свое знаменитое странство. Во время перваго же переѣзда невольно бросились въ глаза указанія новыхъ научныхъ истинъ: на одной и той же широтѣ измѣнялась температура: магнитная стрѣлка давала отклоненія, и притомъ въ различныя стороны; среди океана оказались массы плавающихъ травъ; воды океана стремились къ западу, какъ увлекаемыя (по мнѣнію Колумба) теченіемъ звѣзднаго неба, и въ самомъ океанѣ текли какъ бы широкія рѣки въ водныхъ берегахъ; задачи физики земли въ ихъ разнообразіи вставали неотразимо предъ первымъ смѣлымъ мореплавателемъ. Онъ 11-го октября увидѣлъ землю и въ 1493 г. Европа узнала о новомъ мірѣ. Колумбъ былъ вполне увѣренъ, что онъ недалеко отъ богатыхъ странъ, описанныхъ Марко Поло, и приурочивалъ названія Клавдія Птолемея къ своимъ открытіямъ, но, къ своему удивленію, онъ былъ окруженъ бѣднымъ, дикимъ населеніемъ, неуспѣвшимъ далѣе самыхъ первыхъ началъ культуры. Впрочемъ, путешественники искали золота и драгоценныхъ камней, и съ жадностью шли впередъ по темной вѣсти о дальнихъ драгоценностяхъ. Въ 1493 г. предполагаемый меридіанъ безъ магнитнаго отклоненія, по волѣ папы, сталъ границею владѣнія двухъ государей Пиринейскаго полуострова, и блуждая въ этихъ обширныхъ моряхъ, еще болѣе почувствовали нужду науки. Колумбъ признавалъ за единственный безошибочный методъ вычисленія курса судовъ—методъ астрономовъ. Эфемериды Моллера (Регіомонтануса) цѣнились на вѣсъ золота. Антиваріи Помпоніи Лэть плакалъ отъ радости при полученіи извѣстій о великихъ открытіяхъ. «Каждый день», по словамъ Петра Ангіеры, «приносилъ новыя чудеса изъ новаго міра», и извѣщенные папы (Левъ X) зачитывались въ кругу своихъ, до поздней ночи, увлеченные «Океаникою» Ангіеры. Геніальный умъ Леонардо-да-Винчи находилъ уже рациональное объясненіе морскихъ теченій. Между тѣмъ жадность къ приобрѣтеніямъ окрыляла предпримчивость. 8-го іюля 1497 года отправился Васко-де-Гама въ свою поѣздку около Африки; 22-го ноября уже обогнулъ Мысъ Доброй Надежды, и 20-го мая 1498 бросилъ якорь предъ Калику-

томъ. Еще ранѣе, въ маѣ 1407 г., отправились Джіованни Габотто (Джонъ Каботъ) и сынъ его Себастьянъ изъ Бристоля чрезъ океанъ отыскивать берега Ципангу (Японіи), 24-го іюня видѣли уже материкъ, но все-таки нашли слѣды лишь самой бѣдной культуры. За тѣмъ путешествіи чрезъ океанъ сдѣлались уже обычными. Жажда обогащенія влекла толпы коневистадаровъ далѣе и далѣе. Въ 1498 г. Колумбъ, въ 1499 эскадра, на которой былъ Америго Веспуччи, въ 1500 Кабраль были у береговъ Южной Америки. 25-го сентября 1513 г. увидѣлъ Бальбоа Восточный океанъ. Тѣмъ не менѣе Колумбъ умеръ (1506) въ убѣжденіи, что онъ видѣлъ острова, лежащіе у береговъ Азій, и золотой Херсонесъ Птолемея (Малакку). Но въ началѣ XVI-го вѣка весь читающій міръ Европы, давно волнуемый извѣстіями объ открытіяхъ въ Атлантическомъ океанѣ, бросился читать собраніе четырехъ путешествій, приписанное Америго Веспуччи, которое особенно распространилось въ страсбургскомъ изданіи 1509 г. Космографіи Пелакомилуса (Вальдмюллера). Тамъ предложено было признать новый міръ особою частью свѣта подъ названіемъ Америки, и имя счастливаго флорентійскаго кормчаго вошло навсегда въ рядъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ свѣдѣній.

Было уже сказано выше, какъ очевидно было требованіе точной науки вслѣдствіе новыхъ открытій. Астрономическую традицію Мюллера-Регіомонтануса хранилъ въ Нюрембергѣ его товарищъ и ученикъ Бернардъ Вальтеръ († 1504), оставившій рядъ весьма тщательныхъ наблюденій и впервые изъ новыхъ писателей обратившій вниманіе на дѣйствія астрономической рефракціи. Въ то же время Лука Пачіоли († въ октябрѣ 1509) въ Италіи резюмировалъ въ своей обширной математической энциклопедіи (1494) всю математическую традицію Леонардо Пизанскаго, вносилъ приемы алгебры въ геометрію и подготовлялъ математическіе труды Кардана и Тартаглии.

Пачіоли былъ флорентинецъ, но его имя мы не встрѣчаемъ въ ряду лицъ, покровительствованныхъ Лоренцо. Между ними нѣтъ и имени другаго флорентинца, одного изъ гениальнѣйшихъ и многостороннѣйшихъ умовъ Италіи, Леонардо да-Винчи (†1519). Видя на этихъ примѣрахъ, какъ слѣпы были такъ-называемые покровители наукъ и искусствъ къ настоящему величію націи, невольно припоминаешь слова Либри: «Истинные благодѣтели Италіи, возвратившіе ей ея прежній блескъ, были не тѣ, которые ее притѣснили, и полезно повторить, что никогда тираны не составляли славу націи». Леонардо да-Винчи не входитъ и

въ галерею ученыхъ, представляемую Фигье *, тогда какъ разнообразная его дѣятельность и оригинальность мысли могли бы его сдѣлать предметомъ интереснѣйшаго біографическаго этюда. Но его можно назвать исторически-несчастливымъ человекомъ. Онъ былъ замѣчательный архитекторъ и инженеръ, но о его архитектурной дѣятельности нельзя было упомянуть даже Любке въ своемъ учебникѣ исторіи искусствъ. Его скульптурныя произведенія удивляли современниковъ, но они погибли безслѣдно. Какъ живописецъ, онъ стоитъ наравнѣ съ Буонаротти и Рафаэлемъ, но его лучшія произведенія или совсѣмъ погибли, или испорчены насколько возможно, и немногія, оставшіяся произведенія даютъ слабое понятіе о гениі живописца. Между тѣмъ, именно Леонардо наиболѣе извѣстенъ какъ живописецъ. О его импровизаторскомъ и музыкальномъ талантѣ, доставившемъ ему вниманіе Сфорцы въ Миланѣ, мы знаемъ лишь по словамъ современниковъ. Тѣмъ не менѣе, художественная дѣятельность, охватившая всѣ сферы искусства, была лишь небольшимъ случайнымъ эпизодомъ въ жизни великаго итальянца. Въ наше время, онъ удивляетъ какъ ученый, какъ предшественникъ Бэкона и Галилея. Но въ этомъ отношеніи Леонардо не оставилъ ни одного произведенія: онъ не воспользовался великимъ оружіемъ книгопечатанія, которымъ такъ быстро злоупотребляли его современники. Онъ разбросалъ свою мысль въ сочиненіяхъ, отъ которыхъ до насъ дошли только оглавленія въ записныхъ книгахъ, донныя невѣданныхъ вполнѣ и растерянныхъ небрежными хранителями; наконецъ, въ словѣ, которое перешло въ сочиненія учениковъ и современниковъ. Пачіоли, Ломатто, Вазари сохранили обрывки этой мысли; наше время начало собирать ихъ; но кромѣ неоконченнаго труда Вентури (1797) и небольшого очерка Либри **, насколько намъ извѣстно, еще не существуетъ надлежащей монографіи объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предшественниковъ новаго времени. Онъ стоитъ въ ряду свѣтлыхъ умовъ, указывавшихъ, при изученіи природы, не на авторитетъ, а на наблюденіе, переходящее въ опытъ, кото-

---

* Въ своемъ предисловіи Фигье посвятилъ ему менѣе страницы. Какъ небрежно составлялъ Фигье свое сочиненіе, видно изъ того, что онъ на страницѣ 45-й говоритъ, что рисунки анатоміи Везаліа приписывались Леонардо да Винчи. Но послѣдній умеръ, когда Везалію былъ пятый годъ, следовательно самое предположеніе негѣно, да едва-ли кѣмъ либо и было высказано. На стр. 291-й тотъ же Фигье совершенно вѣрно говоритъ, что эти рисунки приписывались Тициану.

** *Libri*: «Hist. d. sciences mathematiques en Italie», III (1840). Изъ него преимущественно взято послѣдующее.

рыи долженъ служить къ отысканію причины, установленію правила, и послѣднее должно быть provato вычисленіемъ. Леонардо приписываютъ и основаніе въ Миланѣ перваго ученаго общества. Но онъ не только ставилъ задачу науки; онъ самъ выполнялъ ее: онъ составлялъ планы опытовъ, которые слѣдуетъ произвести, списокъ фактовъ, которые надо установить, сомнѣній, которыя приходится разрѣшать. Подготовивъ такимъ образомъ данныя, Леонардо старался придать разсужденію строго доказательный силлогистическій характеръ. Ему приписывалъ Либри, на основаніи его рукописей, употребленіе буквъ въ алгебрѣ и нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ алгебраическихъ знаковъ. Онъ написалъ геометрическій трактатъ и вліялъ на сочиненія Пачиоли. Онъ много занимался теоретической и практической механикой, призналъ въ дѣйствіи тяжести постоянную усворительную силу, изслѣдовалъ центры тяжести тѣлъ (первый послѣ Архимеда), теорію наклонной плоскости, теорію удара тѣлъ, ввелъ въ вычисленія треніе, устроилъ динамометръ, наблюдалъ сопротивленіе, сжатіе и вѣсъ воздуха и основалъ на этомъ теорію образованія тучъ. Леонардо изучалъ движеніе животныхъ и полетъ птицъ, съ цѣлью дать возможность людямъ летать. Онъ утверждалъ, что земля вращается около оси, изучалъ свѣтъ луны, сверканіе звѣздъ, явленіе прилива и отлива, теорію морскихъ теченій, теорію волнъ, явленія грозъ, магнитное притяженіе, теорію зрѣнія; замѣтилъ волосныя явленія и диффракцію свѣта; Леонардо тщательно наблюдалъ ископаемыя растенія и ископаемыя животныхъ; изложилъ теорію поднятія горъ и материковъ и дѣйствіе воды при образованіи долинъ, валуновъ, при отложеніи пластовъ земной поверхности; раздѣлилъ животныхъ на два класса по внутреннему или внѣшнему положенію скелета (позвоночныя и безпозвоночныя); занимался фیزیологіею растеній. Всѣ эти теоретическія изслѣдованія имѣли всегда въ глазахъ Леонардо практическое значеніе. Онъ прилагалъ ихъ къ многочисленнымъ работамъ и изобрѣтеніямъ. Гидравлика вообще, канализація, осушеніе болотъ, инженерное искусство, приборы для черченія, физическіе приборы (между прочимъ, камеръ-обскура), машины по самымъ разнообразнымъ ремесламъ и работамъ, лампы, высушиваніе растеній и множество другихъ техническихъ примѣненій привлекали на себя вниманіе этого могучаго ума, и не мимоходомъ, а при полномъ сознаніи теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Многое изъ идей Леонардо могло найти отголосокъ между современниками, осуществиться на практикѣ, или перейти, по преданію, къ болѣе счастливымъ потомкамъ, которые обнародовали мысль, дошедшую

до нихъ. Избытокъ изобрѣтательности и творческой силы часто мѣшаетъ людямъ округлить, систематизировать свои труды и заняться ихъ обнародованіемъ. Повидимому, Леонардо принадлежалъ къ этой категоріи людей и, очевидно, что онъ самъ виноватъ въ значительной степени тому, что его ученые труды черезъ нѣсколько поколѣній стали неизвѣстны: когда типографіи давали средство закрѣпить мысль, онъ не воспользовался этимъ средствомъ. Поэтому, размѣры его ученаго вліянія были далеко менѣе того, чѣмъ они могли бы быть, и Леонардо представляеть намъ высшую точку научной мысли въ началѣ XVI вѣва, но его историческое значеніе въ наукѣ остается неразъясненнымъ, да едва-ли и можетъ быть когда-либо разъяснено.

Мы остановились нѣсколько долѣе на замѣчательной личности Леонардо потому именно, что и въ наиболѣе сподручныхъ европейскихъ сочиненіяхъ онъ недостаточно оцѣненъ, тѣмъ болѣе русскій читатель не имѣетъ возможности оцѣнить въ немъ и самаго многосторонняго дѣятеля, и представителя мысли XVI вѣва.

Но эпоха, нами разсматриваемая, имѣла значеніе для науки и въ другомъ отношеніи. Ее можно назвать возрожденіемъ медицины. Въ концѣ вѣва проявились съ большою силою двѣ болѣзни: по Европѣ разлился сифилисъ (преимущественно 1495, но проявлялся и ранѣе) и въ Англии начала дѣйствовать (1486) убійственная потовая горячка. И здѣсь Галенъ и Гиппократъ, точно также, какъ арабскіе авторитеты, были безсильны, потому что не знали этихъ болѣзней; приходилось наблюдать, изслѣдовать, лечить самому. Съ 1496 г. начинается (прежде всего въ Германіи) обширная литература о сифилисѣ. Личное наблюденіе дѣлается у многихъ врачей главнымъ руководителемъ. Во главѣ медицинскаго движенія становится болонская школа, въ особенности же Беренгаръ ди-Карпи (профессоръ съ 1502 г.), который разсѣкалъ сотни труповъ (по преданію даже двухъ живыхъ испанцевъ), впервые демонстрировалъ на самомъ трупѣ и впервые иллюстрировалъ свои сочиненія анатомическими рисунками. Его анатомическія открытія подготовляли замѣчательную школу анатомовъ XVI вѣва. Анатомическія занятія встрѣчали тѣмъ болѣе сочувствія въ Италіи, что первостепенные художники (между прочимъ, Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело Буонаротти) считали эти занятія необходимыми для искусства.

Развитіе эпидемій, о которыхъ мы говорили, связываетъ внутреннюю, *настоящую* исторію Европы въ эту эпоху съ тѣми внѣшними ея пестрыми проявленіями, которыя слухомъ долго закрывали отъ глазъ историковъ дѣйствительныя пріобрѣтенія

человѣчества. Развитие сифилиса связано съ походомъ французъ въ Италію, какъ появленіе потовой горячки связано съ послѣдними фазами войны алой и бѣлой розы. Если съ точки зрѣнія развитія сознательности и мысли въ европейскомъ чело-вѣчествѣ посмотрѣть на то, что составляетъ *политическую* исторію рассматриваемой эпохи, эта исторія представится намъ событиями самаго низшаго разряда, весьма мало отличающими чело-вѣка отъ другихъ родовъ животныхъ. Хищничество и жи-вотное стремленіе къ наслажденіямъ — вотъ формула политики эпохи. Послѣдніе годы Людовика XI († 1483 г.) заняты попыт-ками присвоить себѣ сколько можно болѣе изъ бургундскаго наслѣдства. Послѣдній представитель дома Іорка, Ричардъ III (1483—1485), есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ образцовъ самаго беззащитнаго употребленія всѣхъ средствъ для достиженія власти, которыя невольно придаютъ животной сторонѣ чело-вѣка грандіозные размѣры. Его наслѣдникъ и побѣдитель, примири-тель Англій и основатель династіи Тюдоровъ, Генрихъ VII (1485—1509), по жаднѣ къ деньгамъ, по склонности торго-ваться обо всемъ и со всѣми, былъ достойный представитель эпохи. На престолахъ намѣстниковъ верховныхъ апостоловъ, по-слѣ упомянутыхъ выше Сикста IV и Иннокентія VIII, садится Александръ VI (1492—1503), который, со своими дѣтьми, Це-заремъ и Луcreціей, сдѣлался типомъ животнаго проявленія въ чело-вѣчествѣ, даже для личностей, мало знакомыхъ съ исторіею: брать, что можно, и наслаждаться, какъ только можно, не обра-щая вниманія рѣшительно ни на что — это было девизомъ поли-тическихъ властей вѣка, а Борджіи отличились лишь тѣмъ, что выносили этотъ девизъ съ самою наглою откровенностью и несгѣдовательностью. Въ сущности, онъ былъ всюду девизомъ представителей власти, которую стѣсняла иногда лишь боязнь послѣдствій. Медици во Флоренціи, Людовикъ Моръ въ Миланѣ, Альфонсъ въ Неаполѣ (1494—1495) слѣдовали ему такъ же, какъ Фердинандъ и Изабелла въ Испаніи, Карлъ VIII (1483—1498) и Людовикъ XII (1498—1515) во Франціи, Генрихъ VII въ Ан-глій, или наслѣдникъ Александра, воинственный Ровере, Юлій II (1503—1518), возвеличенный гениемъ Буонаротти и Рафаэля. Только удача была различна. Со смертью Лоренцо (1492) за-каталась звѣзда Медици, и въ 1492 они пошли въ изгнаніе. На-слѣдникъ Арнольда Брешианскаго, Савонаролла, сталъ прививать Флоренцію къ христіанскому покаянію и къ гражданской свобо-дѣ, мечтая возстановить невозможный уже идеалъ католиче-скаго республиканскаго правленія въ Италіи. Онъ погибъ на-двострѣ (1498 г.) въ то самое время, когда парижскій уни-

верситетъ принималъ догматы незапятнаннаго рожденія (1497), а папа справлялъ свои оргіи. Альфонсъ Неаполитанскій имѣлъ только годъ времени на то, чтобъ ужаснуть народъ жестокостью и распутствомъ. Людовикъ Моръ (1479 — 1500) имѣлъ, при пособіи образцоваго политическаго двоедушія, прослыть даже тонкимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя ему пришлось умереть во французской тюрьмѣ, какъ Александру VI отъ яда, приготовленнаго имъ для другихъ. Блестящій Карлъ VIII бросился на Италію съ тою наивною хищностью, съ какою термиты одной кучи бросаются грабить термитовъ другою. Если его походъ (1493 — 1498) повлекъ за собою паденіе Медичи во Флоренціи, паденіе Альфонса Неаполитанскаго, то его порывчатое хищничество встрѣтилось при этомъ съ болѣе рассчитаннымъ хищничествомъ государей Испаніи. Этимъ знаменитымъ Фердинанду и Изабеллѣ удалось очень многое, и недаромъ ихъ имя прогремѣло въ исторіи Европы. Имъ удалось окончить осьмивѣковую задачу христіанской Испаніи, разрушить слѣды мохамеданскаго владычества на Пиринейскомъ полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ низвести Испанію съ ея высокаго мѣста центра человѣческой цивилизаціи (въ X — XII вѣкахъ) на одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду цивилизованныхъ народовъ Европы. Имъ удалось подломить государственное устройство испанскихъ кортесовъ и изъ страны, гдѣ въ средніе вѣка развилось довольно значительно чувство политической самостоятельности чиновъ, сдѣлать, при пособіи инквизиціи, самую деспотическую и ничтожную въ политическомъ значеніи страну Европы. Имъ удалось обратить величайшее приобрѣтеніе новаго времени, открытіе Америки, въ образецъ самаго безчеловѣчнаго истребленія беззащитной расы одного материка толпою разбойниковъ изъ другаго, называвшихъ себя христіанами. Даже попытка пощадить краснокожихъ обратилась въ рукахъ этихъ католическихъ королей и добродушнаго Ласказаса въ прельстіе человѣчеству: она повела въ началу торговли неграми (1505), которая дошла до нашего времени какъ одна изъ самыхъ ядовитыхъ ранъ мнущаго, отравила лучшій государственный строй въ современномъ человѣчествѣ, отравила даже науку въ ея спокойныхъ изслѣдованіяхъ. Но недовольные всѣми этими историческими заслугами, великіе основатели испанскаго единства попытались въ вѣроломствѣ политики поспорить съ Людовикомъ XI и съ Борджіями для прибрѣтенія Неаполя; имъ и это удалось; французы завоевали для нихъ страну, которую знаменитому рыцарю Гонзалву Кордуанскому осталось лишь взять. Даже осецъ народа, добрый Людовикъ XII (которому приписывали, между

прочимъ, убійство его предшественника, Карла *, точно какъ какомунибудь Борджіи), и тотъ увлекся желаніемъ немножко пограбить въ Италіи (1499 — 1504). Но здѣсь вмѣсто Александра VI онъ встрѣтилъ папою Юлія II, который, по искусству хищничать, не уступалъ никому. Измѣнять союзникамъ, захватывать города, предпринимать рѣшительные походы и усиливать своихъ родственниковъ, эти всѣ приемы государственной жизни того времени были до точности знакомы Юлію. И въ то же время онъ умѣлъ сдѣлать Римъ центромъ искусствъ, прикрывавшихъ для поверхностнаго наблюдателя и деспотизмъ, и вѣроломство, и развратъ, и разореніе народа. Съ 1504 былъ въ Римѣ Микель-Анджело; съ 1508 Рафаэль. Мраморъ для памятника Юлію II загромождалъ площадь св. Петра, но этотъ памятникъ никогда не долженъ былъ быть оконченъ такъ, какъ его впервые задумалъ Буонаротти; за то куполъ Сикстинской капеллы покрывался грандіозными фигурами пророковъ и сивиллъ. Въ то же время «афинская школа» и рядъ фресковъ Рафаэля украшали стѣны Ватикана, а Браманте начиналъ постройку св. Петра. Рядомъ съ упомянутыми выше искусными хищниками играетъ жалкую роль Максимилианъ I (1493 — 1519), который, несмотря на свой прославленный рыцарскій характеръ, тоже пытался много разъ утвердить силу свое господство и во Фландріи и въ Германіи и въ Италіи, но высказался вполнѣ неспособнымъ къ какой-либо значительной государственной роли и почти всю четверть вѣка своего правленія переходилъ отъ неудачъ къ бессмысленнымъ предпріятіямъ, которыя вели къ новымъ неудачамъ. Великолѣпное изданіе «Тейерданка» (Theuerdank) (1517), пронизаннаго феодальнымъ духомъ въ эпоху, когда феодальный міръ принадлежалъ вполнѣ прошедшему, характеризуетъ этого государя, неизмѣнаго достоинствъ ни прежняго, ни новаго времени. При немъ центральная власть императора и сеймовъ потеряла еще болѣе вліянія и государственное значеніе разныхъ частныхъ центровъ Германіи еще болѣе возвысилось.

Въ обществѣ, управляемомъ этими главными политическими актерами, были требованія совершенно не тѣ, которыя побуждали государей вести неслончаемыя войны, ученыхъ латинистовъ и эллинистовъ уходить въ наслажденіе древнимъ міромъ и художниковъ создавать свои великолѣпныя фрески и статуи. Забота о насущномъ хлѣбѣ, невыносимое давленіе на поселянина,

* По рукописной запискѣ, относящейся къ 1697 г., и сошедшей на бумагу Рено де-Бонъ (Reno de Bone), архіепископа Салскаго (1527—1606),

разореніе' общества честолюбивыми предпріятіями правительствъ, ненависть горожанъ къ феодаламъ, — таковы были жизненные вопросы для большинства, грубая сатира надъ высшими классами, а пожалуй и надъ собою, такова была эстетическая пища, нужная для его удовлетворенія. Эти жизненные вопросы вызвали крестьянскія волненія въ Германіи (1491, 1493), коалицію городовъ Швабскаго союза (1488) или смѣлныя рѣчи Филиппа По (Pot) на собраніи французскихъ чиновъ 1484 г., говорившаго черезъ годъ по смерти Людовика XI: «Очевидно, король не можетъ самъ распорядиться общими дѣлами» (республикою). Политическое правило, что подати могутъ быть наложены на народъ лишь съ его согласія, встрѣчаемъ и у приверженца Людовика XI, переманеннаго имъ изъ Бургундіи, просидѣвшаго въ желѣзной клѣткѣ въ первые годы Карла VIII и давшаго Франціи одесъ изъ лучшихъ ея историческихъ произведеній, у Филиппа де-Комина († 1509). Его мемуары выказали въ немъ и внимательнаго наблюдателя, и человѣка государственнаго пониманія, по крайней-мѣрѣ съ той точки, которая ставила единство государственной власти, ея крѣпость и ея расширеніе идеаломъ правителя.

Эстетическимъ требованіямъ массы удовлетворяли во Франціи стихи Вильона († 1482), шутки Кокильера († ок. 1490), сатира Гренгуара († 1547) или фарсы Пателена на сценѣ; въ Германіи же «Корабль дураковъ» (Narrenschiff) Себастьяна Брандта († 1521), «Заклинаніе дураковъ» (1506) францисканца Муркера, Эйленшпигель (1488), или еще болѣе рѣзкая форма поэмы Лиса (Reinike de Vos, 1498), относящаяся къ этой эпохѣ. Литература дураковъ имѣла такое распространеніе въ это время, что знаменитый страсбургскій проповѣдникъ Гейлеръ († 1510) и уюманутый уже Муркеръ вносили ее въ свои проповѣди, какъ не менѣе знаменитые парижскіе проповѣдники Менд († 1518) и Мальяръ († ок. 1508) не нравились бы, еслибы ихъ проповѣди не были переиъшаны съ довольно грубыми фарсами и желчною сатирою.

Замѣтимъ, что къ этому времени, когда новый свѣтъ входилъ въ кругъ научнаго, экономическаго и политическаго пониманія Европы, къ этому времени относится и вступленіе московской Руси, сбросившей иго татаръ (1480) и подчинившей себѣ Новгородъ (1478), въ политическіе вопросы Европы, вслѣдствіе сношеній Максимилиана съ Иваномъ III Васильевичемъ († 1505) для дѣйствія противу Матвея Корвина Венгерскаго († 1490). Къ этому же времени относится проявленіе въ русской литературѣ какъ слѣдовъ заимствованій (имѣвшихъ мѣсто и ранѣе) изъ об-

ширной повѣствовательной литературы Запада, такъ и слѣдовъ религиозныхъ движеній, издавна воиновашшихъ славянскія и не славянскія племена Европы, что видно въ сектѣ жидовствующихъ, воившихся въ это время, и достигшихъ значенія даже въ теремахъ царицъ. При этомъ продолжалось соперничество Москвы съ Литвою при Казимирѣ, соединившемъ (1444 — 1492) короны литовскую и русскую съ польскою, и при наследникѣ Казимира въ Литвѣ, Александрѣ (1492 — 1506), впоследствии также соединившемъ обѣ короны (1501 — 1506); оно не могло быть прекращено и бракомъ дочери Ивана Васильевича съ Александромъ. Между тѣмъ Польша при Янѣ-Альбертѣ (1492 — 1501), имѣла своего Коммина въ лицѣ тосканца Буонапарри Каллимаха († 1496), своего религиознаго лирика въ лицѣ пріора Андрея Слупковскаго († послѣ 1497), и даже своего френолога (едва-ли не перваго въ Европѣ) Яна Глоговична († 1507).

5. Протѣстантизмъ (1509 — 1536).

Предшествующая эпоха исчерпала то, что могъ дать гуманизмъ съ его чисто-литературнымъ характеромъ. Наслажденіе древностью скоро оказалось лишь поверхностнымъ наслажденіемъ и роскошью мысли, если не приложить къ изученію древности критическихъ приемовъ и предварительныхъ знаній, едва существовавшихъ въ новой Европѣ. Практическіе же вопросы какъ политики, такъ и общественной экономіи, оказались совершенно чужды этой сферѣ эрудиціи. Они несравненно болѣе обуславливались огромнымъ расширеніемъ колониальныхъ предиріятій. Тѣмъ не менѣе, слѣдующая эпоха (1509 — 1536) разсматриваемаго періода особенно характеризуется религиознымъ движеніемъ. Та оппозиція противъ католицизма, которая накопилась въ продолженіе трехъ столѣтій, проявилась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, попыталась послѣдній разъ обновить религиозную жизнь Европы, оставаясь вѣрною христіанскимъ идеаламъ, т.-е. попыталась выполнить задачу среднихъ вѣговъ такъ, какъ они ее постоянно ставили: найти въ основныхъ документахъ христіанства матеріалъ теоретической истины и практической правды, пользуясь всѣми остальными потребностями и пріобрѣтеніями человѣчества лишь какъ пособіемъ. Это особенно характеризовало эпоху реформаціи.

Въ тотъ самый годъ (1510), когда Юлій II быстро имѣлъ свою политику и изъ союзника французовъ становился ихъ врагомъ, молодой салсонскій монахъ проваля 14 дней въ Римѣ и ужаснулся невѣрію, господствовавшему среди тамошняго духовенства. Этотъ вѣрующій пилигримъ, съ 1509 профессоръ бого-

словія въ Вяттенбергѣ, былъ Мартинъ Лютеръ. Онъ былъ представителемъ общества, которое еще вѣрило, что истину можно найти въ тѣхъ каноническихъ источникахъ, гдѣ искалъ ее католическая въ средніе вѣка, вѣрило, что эту истину надо лишь очистить. Но для цивилизованнаго общества Италіи это время прошло. Юлія II смѣнилъ тотъ самый Медичи, который 13-ти лѣтъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, Левъ X (1513—1521). Этому человѣку, смѣявшемуся со своимъ секретаремъ, кардиналомъ Бембо, надъ религіозными мѣрами, пришлось пережить эпоху, гдѣ, во имя религіознаго чувства, народы возстали противу папства. Изъ всѣхъ дѣлъ, его интересовало только усиленіе семьи Медичи, которыхъ ему, еще за годъ до вступленія на папскій престолъ, удалось вернуть во Флоренцію (1512). Бембо и Садолетъ были близъ него представителями новыхъ ццероніанцевъ, употреблявшихъ лишь выраженія, дозволенныя великимъ ораторомъ послѣдняго вѣка до нашей эры. Рафаэль († 1520) украсилъ Римъ и другіе города Италіи самыми совершенными и великими изъ своихъ произведеній. Микель-Анджело собирался отдѣлывать Сан-Лоренцо, любимую церковь Медичи. Папа не умѣлъ лишь привлечь къ своему двору хвалителя феррарскихъ д'Эсте, Аріосто, который въ своемъ «Неистовомъ Роландо» (1515) явился истиннымъ представителемъ современной итальянской придворной поэзіи. Чрезвычайное искусство въ отдѣлкѣ эпизодовъ, при полномъ недостаткѣ изобрѣтательности, огромная рыцарская поэма въ 46 пѣсень, при полномъ равнодушіи автора къ рыцарству, въ среднимъ вѣкамъ вообще, и даже къ христіанству; бесспорная красота формы, при содержаніи, имѣющемъ цѣлью лишь пустую забаву, чуждую положительнаго идеала на столько же, на сколько и сатирическаго отношенія къ дѣйствительности,—такое классическое произведеніе Аріосто; читая его, едва-ли можно вспомнить, что оно писано въ годы, когда французскія, нѣмецкія, испанскія арміи разоряли Италію изъ конца въ конецъ и сворили изъ-за того, кто изъ иностранцевъ будетъ въ ней господствовать.

Черезъ годъ послѣ перваго появленія «Роланда», въ Италіи вышла книга Помпонаціа († ок. 1525) «О безсмертіи души», гдѣ истина религіозная была совершенно отдѣлена отъ истины научной; авторъ принималъ безсмертіе души на основаніи откровенія и отвергалъ его на основаніи размышленія и доказательствъ разума. Только заступничество кардинала Бембо спасло автора отъ венеціанскихъ инквизиторовъ. Подобный же пріемъ Помпонаціо приложилъ позже къ теоріи свободы воли, наконецъ рѣшился приложить начало развитія и къ исторіи религіи. Въ

этомъ замѣчательномъ умѣ приемы стараго и возрѣнія новаго времени представляютъ борьбу, которую находимъ и у многихъ его современниковъ. Сюда принадлежитъ и Агриппа Неттельгемскій (1483 — 1535), этотъ рыцарь-профессоръ, алхимикъ и мистикъ, врагъ духовенства, одинъ изъ первыхъ защитниковъ колдуній отъ безобразныхъ юридическихъ приемовъ, употребляемыхъ въ ихъ процессахъ, ставившій изученіе природы въ основу богословія, писавшій одно изъ полнѣйшихъ руководствъ магіи и доказывавшій тщетность и невѣрность всякаго знанія, распадѣніе всѣхъ классовъ общества. Въ этой личности, можетъ быть, лучше, чѣмъ въ какой-либо другой выразилось то безпокойное исцаніе истины, которое характеризуетъ весь разсматриваемый періодъ, когда вернуться къ старому было уже невозможно, но по привычкѣ вопросы были поставлены все такъ же, какъ прежде: все искали таинственную сущность, которая бы *разомъ* дала и знаніе и могущество.

Несравненно важнѣе и характеристичнѣе для новаго времени была «Утопія» Томаса Мора, появившаяся въ 1515 г. *. Авторъ уже ранѣе подражалъ Лувіану. Здѣсь, въ формѣ политическаго романа, онъ высказалъ нѣсколько идей, недшихъ въ разрѣзъ со всѣми средневѣковыми понятіями. Такова была терпимость для всакой вѣры (кромя отрицанія безсмертія души и провидѣнія), какъ для дѣла чисто личнаго; уничтоженіе всѣхъ сословныхъ различій, всѣхъ различій по праву рожденія, отрицаніе смертной казни для менѣе важныхъ преступковъ. Эти идеи, высказанныя въ 1511 г., когда вся Западная Европа признавала *одну* церковь, истребляла еретиковъ и раздѣлялась на тысячи разноразныхъ кружковъ по рожденію и по сословіямъ, были болѣе смѣлы, чѣмъ мысль объ общности имущества, тоже встрѣчавшаяся въ «Утопіи», но вовсе не новая для среднихъ вѣковъ. Замѣтимъ, что рядомъ съ нею Морусъ рисуетъ семью, съ строгимъ охраненіемъ ея чистоты законами, точно также, какъ рядомъ съ обязательствомъ физическаго труда земледѣльца и ремесленника для всѣхъ гражданъ Утопіи, онъ вводитъ рабство.

* Не имѣя предъ собою этого изданія, указываемъ годъ по *Mohl*: «D. Gesch. u. Litter. d. Staatswiss.» I, 179, примѣч. Зигвартъ въ Энциклопедіи Герцога, цитируя того же Моля, указываетъ 1516 какъ годъ, когда *написана* Утопія. Карьеръ (D. Phil. Weltansch. d. Reformations Zeit, 315) говоритъ, что рукопись отослана въ печать 1517. Грессе (Handb. d. Allgem. Litteraturgesch. III, 61) называетъ 1516 г. годомъ изданія. Тотъ же годъ у г. Лессевича въ статьѣ «Оч. разв. идеи прогресса», въ «Совр. Обзор.» 1868 апр. 168. Грегуаръ въ «Nouv. biogr. gen.» (Didot) XXXVI, 689, относитъ ее къ 1518. Мы держимся Моля, потому что онъ имѣетъ обыкновеніе указывать, какихъ книгъ онъ самъ не зналъ.

Томасъ Моръ съ ранней молодости былъ другомъ Дезидерія Эразма Роттердамскаго, совѣты котораго не мало вліали на англійскаго гуманиста-богослова, и который въ Англии, у своего друга, писалъ одну изъ изящнѣйшихъ и самыхъ ѣдкихъ сатиръ этого времени, свою «Похвалу глупости» (1508), гдѣ картина всего общества и особенно церкви, была набросана съ такою рѣзкостью, что впоследствии католическіе богословы говорили: Эразмъ снесъ яйцо, которое высидѣлъ Лютеръ. Эразмъ разсыпалъ свою сатиру на церковь и въ другихъ произведеніяхъ, но онъ былъ не только сатирикъ. Онъ положилъ начало теоретической обработкѣ новой педагогiи, далъ образцы слога для обученія въ школахъ, но еще важнѣе былъ матеріалъ, данный имъ для научной обработки богословскихъ источниковъ: греческое наданіе Новаго Завѣта (1516) по доступнымъ ему рукописямъ съ латинскимъ переводомъ, отступавшимъ отъ Вулгаты, принятой церковью, и парафраза библии. Это было начало критической обработки писанія. Замѣтимъ, что въ 1517 г. кончено печатаніе многоязычной библии (полиглотты), изданной лишь въ 1522 г. испанскими учеными подъ руководствомъ кардинала Хименеса, пережившаго лишь нѣсколькими мѣсяцами конецъ ея печатанія.

Нѣмцы считали Эразма однимъ глазомъ гуманизма въ Германіи. Другимъ былъ Іоаннъ Рейхлинъ, о которомъ мы уже говорили, и который посвящалъ свои послѣдніе годы въ особенности изученію еврейскаго языка и каббалѣ. Въ началѣ разсматриваемой нами эпохи Рейхлинъ, несмотря на свой мирный характеръ, былъ вовлеченъ въ процессъ, гдѣ ему угрожалъ чуть ли не костеръ еретика, именно въ процессъ противъ вѣльскихъ доминиканцевъ, требовавшихъ сожженія всѣхъ еврейскихъ книгъ, которыя Рейхлинъ защищалъ какъ во имя науки, такъ и вслѣдствіе своего пристрастія къ каббалѣ. Споръ начался въ 1510 г. Чувствуя, что онъ поддержанъ всѣми гуманистами, Рейхлинъ напечаталъ въ 1512 г. свою защиту пофѣмекки; въ 1514 году епископъ Шпейерскій произнесъ приговоръ въ его пользу и въ 1517 г. въ Римѣ процессъ прекращенъ безъ приговора. Но онъ успѣлъ уже взволновать умы, далъ поводъ для цѣлаго потока сатиръ, между прочимъ и для знаменитыхъ «Писемъ темныхъ людей» (*Epistolae obscurorum virorum*), появившихся въ 1515 и 1517 гг.

Въ этой борьбѣ партія гуманистовъ впервые сознала свою силу, какъ опредѣленнаго лагеря, могущаго дѣйствовать вмѣстѣ и энергически противъ общихъ враговъ, которые были въ то же время враги всякой здоровой человѣческой мысли. Еслибы это стремленіе могло получить свое законное развитіе, полвая без-

содержательность литературно-филологического гуманизма вѣрооятно повела бы къ оживленію его научнымъ опытно-натуралстическимъ гуманизмомъ, который связалъ бы университетскую образованность съ реальными потребностями массъ и безъ особенной борьбы обновилъ бы европейскую жизнь на основаніяхъ терпимости, высказанной Моромъ, соединенія науки съ техникою, какъ проповѣдывалъ примѣромъ Винчи и здоровой педагогики, которую уважалъ Эразмъ. Но накопившаяся оппозиція противъ католицизма не могла выждать этого ровнаго теченія дѣлъ. Средневѣковые взгляды засѣли еще глубоко въ привычки большинства даже передовыхъ личностей и нетерпѣливое стремленіе къ обновленію бросило европейское общество въ борьбу, гдѣ реальныя интересы были закрыты фантастическими, энергія замѣчательныхъ личностей тратилась на споръ о словахъ, чуждыхъ всякой научной мысли, всякаго полезнаго, а тѣмъ болѣе справедливаго стремленія. Богословскіе факультеты университетовъ получали преобладающее значеніе; полвѣка послѣ «Утопія» слово *эротерпимость* оказалось новостью, и люди всѣхъ партій доказывали самымъ дѣйствительнымъ образомъ, что они объ немъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Распадавшійся католицизмъ нашелъ въ борьбѣ средство возродиться, укрѣпиться, выставить сильныхъ борцовъ и сдѣлать схоластическое мировоззрѣніе такою силою, о которой нельзя было, казалось, и думать въ эпоху Бембо, Помпонція, Макиавелли, Эразма, Мора и Гюттена. Подъ соединенными усиліями духовенства всѣхъ партій школы получили тенденціозный характеръ; наука отодвинулась на второй планъ предъ вопросами сектаторства; нравственность потеряла смыслъ предъ вопросами догматическаго разномыслія. Короче, всѣ силы были вызваны для того, чтобы раздавить въ Европѣ жажду къ научной истинѣ и къ человѣческой справедливости. Эти силы до сихъ поръ неутомимо борются, отставая шагъ за шагомъ царство тьмы и безнравственности, возобновляя при всякомъ удобномъ историческомъ событіи попытку реакціи. Но если воплощеніе справедливости есть вопросъ еще отдаленный, живучая растительность науки поборола враговъ. Несмотря на длинный періодъ всеобщаго увлеченія въ область фантастическихъ споровъ, несмотря на потоки крови и на звѣрское варварство, которое разливалось по Европѣ подъ вліяніемъ фанатиковъ всѣхъ сектъ, несмотря на то, что и виѣшнія и внутреннія причины не позволяли надолго почти ни одному замѣчательному уму устраниваться совершенно отъ безтолковыхъ разсужденій о предметахъ, лежащихъ за предѣлами пониманія,—несмотря на все это, небольшая группа работниковъ продолжала

цемъ. Лучшій нѣмецкій поэтъ того времени, Гансъ Савсъ (1494—1576), посвятилъ ей значительную часть своей литературной дѣятельности.

Между тѣмъ швейцарскіе реформаты дѣлали свое дѣло столь же энергично, и Швейцарія становилась однимъ изъ самыхъ могущественныхъ центровъ религіознаго движенія. Прежде, чѣмъ Лютеръ явился предъ королевскимъ сеймомъ (1521), уже свободная проповѣдь раздавалась въ Цюрихѣ, и проповѣдь болѣе радикальная, чѣмъ проповѣдь Лютера. Тамъ же возникло (1525) движеніе анабаптистовъ, центрами котораго сдѣлались потомъ: Страсбургъ (1526), Нидерланды (1530) и Мюнстеръ (1533). Въ концѣ разсматриваемой эпохи для проповѣди протестантизма во Франціи получила значеніе Женева, только что освободившаяся отъ власти савойскихъ герцоговъ (1524). Гордое національное сознаніе швейцарцевъ, желавшихъ имѣть свою церковь, точно также какъ свою государственную самостоятельность, сдѣлало ихъ ревностными протестантами. Скоро религіозные споры грозили распаденіемъ союзу кантоновъ, и Цвингли своею кровью († 1531) запечатлѣлъ эту распрю.

Точно также на сѣверѣ Европы національный вопросъ опредѣлялъ значеніе протестантизма. Король датскій и норвежскій Христіанъ II (1512 — 1523) господствовалъ надъ Швеціею (1520—1523) помощью князей, причемъ былъ ревностный католикъ. Густавъ Ваза, освободивъ Швецію (1523), и сдѣлавшись ея государемъ (1523—1560), сталъ ревностнымъ лютераниномъ, и король датскій Фридрихъ I (1523—1533), свергнувшій Христіана, ввелъ также протестантизмъ въ свои земли, несмотря на противодѣйствіе епископовъ. Въ Германіи протестантизмъ, подчинившій духовенство свѣтской власти и дѣлавшій государей въ нѣкоторомъ смыслѣ главами церкви, встрѣтилъ сочувствіе въ большинствѣ князей, которые этимъ самымъ становились еще болѣе независимы отъ императора. Такимъ образомъ въ немногіе годы протестантизмъ сдѣлался господствующею религіею въ значительной части Германіи. Въ особенности это лежало въ интересѣ гротмейстера нѣмецкаго ордена, который обращался путемъ протестантизма въ самостоятельнаго, наследственнаго государя. Поэтому Альбрехтъ Бранденбургскій уже въ 1523 г. приглашалъ въ Пруссію лютеранскихъ проповѣдниковъ; въ 1524 году два прусскіе епископа (прежде всѣхъ епископовъ) приняли протестантизмъ и въ 1525 г. Альбрехтъ сталъ герцогомъ Пруссіи подъ ленною зависимостью отъ Польши. Конечно, мы не имѣемъ права приписывать это явленіе сознательному расчету, но частныя біографіи и исторіи народовъ слишкомъ часто пред-

ставляютъ примѣры весьма искреннихъ увлеченій личностей и обществъ въ ту сторону, гдѣ лежитъ ихъ выгода.

Само собою разумѣется, не менѣе искренне было и положеніе, принятое Карломъ V, наслѣдникомъ Фердинанда и Изабеллы въ Испаніи и Америкѣ (1516), Максимилиана I въ Нидерландахъ, австрійскихъ земляхъ и въ Германіи (1519), именно положеніе защитника католицизма противу ереси. Правда, что обширность его владѣній и дальнѣйшіе виды на Италію вовлекли Карла въ непрестанную борьбу съ турецкимъ султаномъ Селиманомъ II и въ особенности съ королемъ французскимъ Францискомъ I. Наслѣдникъ Салма I (1512—1520), истребителя шитовъ и побѣдителя египетскихъ мамелюковъ (1517), Солиманъ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ (1520), завоевалъ Родосъ (1522) и донесъ свое знамя до самой Вѣны (1529). Карлу приходилось отражать мусульманъ въ Европѣ и сражаться съ ними въ Африкѣ (1535). Съ Францискомъ I (1515), побѣдителемъ швейцарской пѣхоты при Мариньяно (1515), Карлу пришлось вести рядъ войнъ въ высшей степени разорительныхъ для обоихъ государствъ (1512—1526, 1527—1529, 1532—1538). Это побуждало Карла временно относиться къ протестантизму снисходительно. Тѣмъ не менѣе, онъ выжидалъ лишь удобной минуты для дѣйствія противу своихъ политическихъ противниковъ въ Германіи, и они такъ хорошо знали это, что спѣшили составить въ Шмалькаденѣ союзъ (1531). Но на сколько, при всей искренности религиозныхъ влеченій обѣихъ партій, онѣ руководились безсознательно политическими интересами, видно изъ того, что Филиппъ Гессенскій, дѣятельнѣйшій членъ шмалькаденскаго союза, вступалъ въ союзы съ католической Баваріей и съ Францискомъ I противу императора; Лютеръ, столь неуступчивый въ отношеніи Цвингли, давалъ согласіе на двоеженство Филиппа, требуя лишь, чтобы это двоеженство оставалось тайнымъ, а Меланхтонъ даже присутствовалъ при второмъ бракѣ Филиппа; наконецъ Карлъ V, этотъ защитникъ католицизма противу ереси, послалъ свою армію противу папы Климента VII (1523—1534), и войска римскаго императора повторили подвигъ Гензерика, разграбили Римъ (1527).

Характеристична для внутренняго значенія реформаціи была ея судьба въ Англіи. Тамъ сѣлъ на престолъ пріятель гуманистовъ и въ особенности Томаса Мора, покровитель Ганса Гольбейна (1498 — 1554), знаменитаго «Шляскою смерти», Генрихъ VIII (1509), отъ котораго Эразмъ ожидалъ золотого вѣка. Протестантизмъ быстро нашелъ въ Англіи приверженцевъ, и уже въ 1577 г. епископъ Фоксъ требовалъ реформы церкви отъ

Вольсея, главнаго руководителя политики Генриха. Но гуманисты въ Англіи, какъ и въ Германіи, чувствовали, что реформаціонное движеніе, которому они сочувствовали въ его оппозиціонныхъ началахъ, по своимъ положительнымъ стремленіямъ, отвлекаетъ европейскую мысль совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ они видѣли истинное развитіе, и потому ни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей гуманизма этого времени не вступилъ въ ряды реформаторовъ. Они содѣйствовали и тому, чтобы Генрихъ, готовившійся при жизни старшаго брата, Артура, къ вступленію въ духовенство, противодѣйствовалъ развитію лютеранизма. Его сочиненіе противъ Лютера (1522) было просмотрѣно Моромъ и защищено Эразмомъ, что и вызвало споръ послѣдняго съ Лютеромъ. Но Генрихъ принадлежалъ къ одному изъ чистѣйшихъ типовъ деспотовъ, которые тогда пытались въ Европѣ осуществить идеалъ государя, стоявшаго превыше законовъ. Ослабленіе дворянства въ войнѣ Йорковъ съ Ланкастерами и политическая апатія, всегда слѣдующая за эпохою политическаго возбужденія, если оно не привело къ улучшенію общественныхъ формъ, при непривычкѣ англійской нижней палаты къ государственной инициативѣ, давали Генриху возможность дѣлать въ этомъ отношеніи эксперименты, невозможные ни прежде, ни послѣ того. Грабежъ страны подъ формою закона для воинственныхъ предпріятій и для неограниченной роскоши короля, шелъ такъ далеко, какъ только можно было его довести безъ опасенія возстанія. Когда же королю, послѣ двадцати лѣтъ брака, вздумалось развестись съ его первою женою, Катериною Аррагонскою, то онъ не задумался принять въ религіозномъ отношеніи весьма оригинальное положеніе. Отвергнувъ авторитетъ папы, Генрихъ объявилъ себя главою церкви уже въ болѣе прямомъ значеніи, чѣмъ сдѣлались главами церкви протестантскіе князья Германіи, именно установителемъ догмата. Онъ захотѣлъ поддержать данный ему Львомъ X титулъ *defensor fidei*, устроивъ католическую церковь безъ папы и строго охраняя ея чистоту, при чемъ, впрочемъ, онъ нѣсколько видоизмѣнилъ догматы. Вслѣдствіе этого лютеранъ стали жечь въ Англіи какъ еретиковъ, а католиковъ вѣшать, какъ враговъ супрематіи короля. Но какую важность могли имѣть для короля эти казни, когда ему ничего не значило казнить такого человѣка, какъ Томасъ Моръ († 1535), и даже королеву Анну († 1535), изъ-за которой онъ началъ реформу, свергъ всемогущаго Вольсея († 1530), заключилъ первую жену († 1534). Духовенство Англіи съ покорностью и страхомъ соглашалось со своимъ королемъ-папою, какъ парламентъ нарушалъ всѣ юридическія традиціи, посылая на эшафотъ кого угодно по

желанію короля, и еще радуясь, что грабежъ богатыхъ монастырей Англіи давалъ Генрику возможность не требовать новыхъ сборовъ съ народа.

Франція была самой прочной опорой католицизма въ это время. На престолѣ ея сидѣлъ съ 1515 г. Францискъ I, одинъ изъ многихъ государей Франціи, которыхъ литература до нашего времени окружала крайне-незаслуженнымъ ореоломъ какого-то рыцарства. Развратникъ до мозга костей, онъ былъ готовъ всякую минуту давать какія угодно обѣщанія, съ тѣмъ чтобы сей-часъ же протестовать противъ нихъ и нарушить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ; деспотъ въ душѣ, онъ нагло объявляетъ парламентамъ и государственнымъ чинамъ, что онъ не признаетъ никакого права внѣ своей власти, и въ то же время готовъ былъ маскировать свою лживость и свои фанфаронады правомъ парламентовъ регистрировать его приказанія; онъ губилъ свои арміи по недостатку заботливости, разорялъ свой народъ для безтолковыхъ предпріятій, толкалъ самъ своихъ лучшихъ помощниковъ (Вурбона, Дорію) на путь измѣны, самъ намѣнялъ силошъ да рядомъ своимъ союзникамъ и никогда не умѣлъ въ-время вести войну или заключить миръ. Предъ ничтожествомъ его качествъ какъ государя, кажется великимъ даже его соперникъ Карлъ, необладавшій тоже особенно замѣчательными свойствами, но по крайней-мѣрѣ послѣдовательный. Религіозный вопросъ занималъ всѣ умы при Францискѣ, и онъ выказался въ немъ столь же жалкимъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Изъ-за политическихъ цѣлей, совершенно чуждыхъ Франціи, онъ ввелъ во Францію конкордаты, отмѣнявшій прежнюю самостоятельность галликанской церкви. Союзникъ Салимана и нѣмецкихъ протестантовъ, онъ во главѣ процессіи (1535) молился торжественно предъ кострами, зажженными на шести площадяхъ Парижа, въ то время какъ остроумно придуманныя качели то погружали мученика-реформата въ пламя, то выдергивали его изъ пламени, пока перегорѣвшія веревки не позволяли ему окончательно упасть въ огонь. Если ловкое стихотворное посланіе Клемена Мора (1495—1544) побуждало короля спасти одинъ разъ своего остроумнаго поэта, то скоро его снова хватили, снова грозили ему смертью, пока наконецъ среди возрастающихъ казней, Мора не рѣшился оставить навсегда Францію, какъ пришлось ее оставить весьма многимъ въ слѣдующіе вѣка. Но это гоненіе сдѣлало только Мора изъ автора легонькихъ произведеній переводчикомъ псалмовъ и сатирикомъ реформы. Усиленіе гоненій не остановило распространенія ученія. Къ нему сдѣлалась и сестра Франциска, Маргарита Ангулемская, впо-

слѣдствіи королева новарская, духовные стихи которой вызвали діатрибы Сорбонн и прямое обвиненіе ея констаблемъ Монморанси предъ лицомъ короля въ ереси. Къ протестантамъ принадлежалъ и знаменитый Робертъ I Этьенъ изъ династии ученыхъ издателей, оспаривавшихъ во Франціи славу Альдовъ. Францискъ, охотно подражавшій итальянскимъ князьямъ въ ихъ деспотизмѣ, развратѣ и въ покровительствѣ безвредной эрудиціи, старался хвастаться своимъ вниманіемъ къ Этьену, какъ старался привлечь къ своему двору художниковъ и ученыхъ. Леонардо да-Винчи умеръ во Франціи (1519). Прикматаціо († 1570) и другіе украшали Фонтенебло. Итальянскіе ученые получали милостыню отъ короля Франціи. Между тѣмъ базошъ, давшая Франціи народную драматическую сатиру, была запрещена (1540) и французская драма должна была возродиться въ слѣдующемъ вѣкѣ лишь въ чуждой для народа искусственной формѣ псевдоклассицизма. Самою важною заслугою Франциска можно назвать учрежденіе французской коллегіи (ок. 1530), которая оживила во Франціи филологію, и заставила даже парижскій университетъ, пережившій свою славу и завистливо смотрѣвшій на новое учрежденіе, не ограничиться домосами на еретическія лекціи профессоровъ коллегіи, но и улучшить свое преподаваніе. Притомъ Францискъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ перваго знаменитаго французскаго филолога, Гильома Бюде (1467—1540), получившаго особенную извѣстность своимъ сочиненіемъ «объ асѣ и его раздѣленіи» (1514) и потомъ защитою гелленистовъ отъ обвиненія въ ереси (1534). Францискъ приглашалъ даже Эразма въ новоучреждаемую коллегію, но знаменитый гуманистъ, опасаясь за свою независимость, не поѣхалъ.

Свита Карла V привезла идеи протестантизма въ Испанію, гдѣ, впрочемъ, наиболѣе вліяла мистическая сторона новаго ученія. Сочиненія Лютера, Цвингли, Меланхтона, Буцера находили обширный сбытъ и въ Италіи, гдѣ въ самомъ началѣ разсматриваемой эпохи, въ Римѣ образовался кружокъ лицъ, думавшихъ о реформѣ церкви, а около 1520 г. въ Венеціи были уже ревностные послѣдователи новаго ученія.

Такимъ образомъ во всей Европѣ умы были направлены на богословскіе вопросы. Гуманистовъ укорали въ языческихъ стремленіяхъ; споръ о пресуществленіи волновалъ общество. Идеалы мучениковъ за религиозныя убѣжденія вставали предъ мыслію новаго поколѣнія и влекли его изъ школъ, гдѣ профессоръ обращался къ разсудку, въ пламенныя собранія сектаторовъ, гдѣ проповѣдникъ, готовый на смерть всякую минуту, говорилъ о таинствахъ, недоступныхъ уму, о вопросахъ, неразрѣшенныхъ разсудкомъ. Интересы науки

и общества, заботы о семьѣ, о согражданахъ, о мірской свободѣ казались такъ блѣдны и мелки предъ вопросами вѣчнаго блаженства, религіозной обязанности. И мученики шли на востры; палачи дѣлали свое дѣло; національный и семейный союзъ былъ разрушенъ во имя вражды относительно благодати и предопредѣленія, относительно дѣйствительнаго или идеальнаго присутствія тѣла и крови во хлѣбѣ и водѣ, относительно мессы или проповѣди.

Въ то же время неудержимо и неизбежно религіозное движеніе исчерпывало само себя и доходило до конца своего содержанія. Лютеръ изготавлялъ ватиканскій (1529), оканчивалъ переводъ Библии (1534). Меланхтонъ обдѣлывалъ весь цѣль лютеранскаго богословія. Молодой Кальвинъ выступалъ со своимъ «*Instituta christianaе religionis*» (1535); аугсбургское исповѣданіе (1530) заковывало лютеранизмъ въ опредѣленный догматъ. Развитіе въ средѣ протестантизма прекращалось. Онъ оставлялъ свою основную точку исхода: свободную личную вѣру на основаніи единственнаго авторитета—Библии, чтобы придти къ общему требованію всякой господствующей церкви: къ требованію чистоты и единообразія въ догматическихъ вѣрованіяхъ отъ всѣхъ членовъ церкви. Подавленіе крестьянскаго возстанія (1525) и анабаптистовъ (1535) выдѣляло и это религіозное движеніе изъ народа. Страждущій, притѣсненный, безграмотный народъ скоро увидѣлъ, что господа пасторы, такъ горячо спорящіе о благодати и пресуществленіи, столь же мало заботятся о ея жизненныхъ вопросахъ, какъ и епископы или монахи католицизма. Протестантизмъ съ его тонкими схоластическими теоріями остался религіей богослововъ, какъ и прочія исповѣданія. Народъ шелъ за своимъ пасторомъ, или за епископомъ, подвергался казнямъ, разоренію, лилъ кровь въ безконечныхъ религіозныхъ войнахъ, потому что энергія предводителей всегда увлекаетъ большинство; но что было общаго у крестьянина или ремесленника съ проповѣдникомъ-лютераниномъ, ругавшимъ реформата, или съ проповѣдникомъ реформатомъ, ругавшимъ лютеранина? Жизнь шла своимъ чередомъ, а религіозные споры своимъ.

Но и цивилизованное меньшинство участвовало лишь во внѣшнихъ проявленіяхъ протестантскаго движенія, а вовсе не было проникнуто религіозными стремленіями. Если протестантизмъ давалъ возможность удовлетворить средневѣковой привычкѣ мысли, именно поставленію богословскихъ вопросовъ выше всего, то истинная религіозная потребность, именно потребность согласить всѣ дѣйствія жизни съ основаніями вѣры, проявлялась въ очень небольшомъ числѣ личностей, и особенно мало въ тѣхъ, которыя

стояли во главѣ самаго движенія. Мы видѣли, что за люди были Францискъ или Генрихъ, послылавшіе на казнь людей, нѣсколько отклонявшихся во мнѣніяхъ отъ ихъ взгляда. Послѣдній коронованный папою (1530) римскій императоръ, Карлъ V, въ своихъ стремленіяхъ ко всемірному господству, представляетъ тоже весьма мало слѣдовъ религіознаго одушевленія. Какъ только папа устроивъ противъ него священную лигу (1526), онъ въ Шпейерѣ дозволяетъ слова: пусть каждый въ дѣлахъ религіи поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше для отвѣтственности предъ Богомъ и императоромъ. Это была первая юридическая санкція лютеранизма. Послѣдній Медичи на папскомъ престолѣ, Климентъ VII, съ своими хитрыми приѣмами политики, лавирующей между властелинами Европы, не напоминаетъ также фанатиковъ папъ прежняго времени. Вся его оппозиціонная система, направленная противу императора, исчезаетъ, какъ только Медичи возвращены (1529) во Флоренцію, несмотря на энергическую защиту города геніальнымъ Буонаротти, сдѣлавшимся изъ художника инженеромъ. Даже въ Лютерѣ, соглашающемся на секретное двоеженство Филиппа Гессенскаго, трудно не видѣть сына времени, когда религіозные вопросы были несравненно болѣе культурными привычками, чѣмъ высшими элементами цивилизаціи; и невольно бросается въ глаза противорѣчіе между первымъ изъ знаменитыхъ тезисовъ Лютера (1517), что вся жизнь христіанина должна заключаться въ покаяніи, и не менѣе знаменитымъ его изреченіемъ: кто не любитъ женщинъ, вина и пѣсень, тотъ останется дуракомъ на всю жизнь. Религіозные вопросы были уже въ XVI-мъ вѣкѣ отголоскомъ другаго времени, и жизнь, съ ея реальными задачами, на зло главнымъ представителямъ реформаціоннаго движенія, бессознательно для нихъ самихъ, руководила ихъ несравненно болѣе, чѣмъ тѣ мистическіе девизы, которые были написаны на ихъ знаменахъ. Эти девизы, внося призрачные представленія въ исторію, могли лишь отдалить европейское общество отъ раціональнаго пути его развитія и тѣмъ увеличить страданія общества; но какъ ни громко ихъ провозгласили, на каждомъ шагѣ подъ маскою ихъ боролись интересы реальныя: экономическіе, политическіе, личные, научные, общечеловѣчскіе, а мистика оставалась лишь въ словѣ проповѣдника, въ религіозной пѣсни, въ схоластическихъ томахъ богословской полемики, или въ мечтѣ галлюцинатовъ, которыхъ всегда было довольно въ человѣчествѣ.

Не лишено значенія обстоятельство, что въ то самое время, когда религіозные вопросы, казалось, руководили Европой, писалъ свои сочиненія человѣкъ, который выставилъ самое безпо-

щадное изображеніе политическихъ идеаловъ современности, именно Николо Макіавелли († 1527). Одинъ изъ дѣятелей во Флоренціи въ недолгій періодъ ея свободы (1494—1512), онъ, съ возвращеніемъ Медичи, потерялъ всякую возможность дѣйствовать политически, и 15 лѣтъ его произвольнаго досуга дали Италіи нѣсколько образцовыхъ произведеній ея литературы. Безнравственность Италіи и въ особенности ея духовенства отразилась самымъ нагляднымъ образомъ въ «Мандрагорѣ» и другихъ комедіяхъ Макіавелли; но политическіе и историческіе труды его служатъ одновременно доказательствомъ гениальнаго ума автора и глубокаго разложенія національной нравственности въ его отечествѣ. Приверженецъ республики, Макіавелли былъ способенъ отнестись такъ же объективно-безучастно къ теоріи тиранніи, какъ математикъ къ своей задачѣ. Съ самой безпощадной логикой представилъ онъ современнымъ государямъ тотъ идеалъ, который ихъ руководилъ, и представилъ такимъ схожимъ, что никто не захотѣлъ признать его своимъ идеаломъ. Это было приведеніе къ нелѣпости теоріи тиранніи. И въ то самое время, когда Макіавелли писалъ своего «Государя» и предлагалъ изгнаннымъ и пытавшимся его Медичи воспользоваться этою математическою выкладкою, въ то же самое время, въ своихъ «Discorsi» онъ, съ такою же послѣдовательностью, развивалъ для республики средства освободиться отъ тиранніи. Человѣкъ своего времени, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить о нравственныхъ обязанностяхъ людямъ, которые потеряли всякое сознаніе этихъ основныхъ обязанностей человѣка. Оттого его откровенное оставленіе въ сторонѣ всякихъ нравственныхъ требованій, его наивное и холодное описаніе ужасовъ кроваваго лицемѣрія Цезаря Борджіи и другихъ ему подобныхъ, дали произведенія, сдѣлавшія его имя нарицательнымъ и вызвавшія обширную литературу опроверженій, возраженій, порицаній и т. д., всего чаще отъ тѣхъ, кто всего охотнѣе слѣдовалъ на практикѣ выводамъ Макіавелли (напр. отъ іезуитовъ и Фридриха II). Строгіе судьи гениальнаго флорентинца должны припомнить себѣ Италію его времени, разореніе ея иноземцами, все усиливающееся господство въ ней испанцевъ, измѣну національнымъ и даже мѣстнымъ интересамъ повсюду. Это была эпоха, когда можно было въ Италіи отдохнуть лишь на картинахъ Джуліо Романо (1492—1546) и Корреджіо (1492—1534). Даже комедіи и сатиры Аріосто († 1534), писанныя послѣ его «Роланда», не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Искусственность Саннацаро († 1530) и манерность Берни († 1536) или дидактическіе и драматическіе опыты Руччелли († 1526) тѣмъ менѣе

можно считать интересными явлениями. Прославленная латинская поэма «*Syphilidis*» (1530) ученаго стихотворца-медика Фракасторо († 1553) может лишь возбудить удивленіе по странности сюжета. Впрочемъ, на сколько Маккиавелли былъ неодинокъ въ своихъ теоріяхъ, видно изъ посмертныхъ «Совѣтовъ» современника Маккиавелли, историка и государственнаго дѣятеля Гвиччардини († 1540), гдѣ высказываются совершенно такія же мнѣнія, какъ и у Маккиавелли, хотя съ меньшимъ талантомъ и только въ пользу монарховъ.

Если самое видное стремленіе эпохи заключалось въ возрожденіи богословскаго интереса, то нельзя сказать, чтобы рядомъ съ нимъ не видно было въ жизни обществъ и другихъ стремленій, гдѣ безусловный авторитетъ человѣческаго разума или личной мистики становился выше всякой буквы. Въ этомъ направленіи, повидимому, дѣйствовала проповѣдь либертиновъ (извѣстныхъ весьма плохо, такъ-какъ они извѣстны лишь по полемическимъ сочиненіямъ ихъ врага Кальвина). Они въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVI-го вѣка встрѣчаются въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Женевѣ со своею проповѣдью живаго духа, въ противность мертвой буквы, съ своимъ пантеистическимъ представленіемъ повсемѣстности духа божія, съ гордымъ отрицаніемъ грѣха и обязательства общественныхъ формъ для возрожденнаго человѣка, въ которомъ грѣхъ обратился въ ничто и который поэтому равенъ Христу. Обвиненіе въ безнравственности слишкомъ постоянно падаетъ на всѣхъ еретиковъ, чтобы можно было вѣрить подобнымъ обвиненіямъ и относительно либертиновъ, а частные случаи ничего не доказываютъ. Наконецъ гуманистъ Вивесъ (1492—1540) выступилъ представителемъ новаго времени какъ въ томъ, что онъ, на основаніи болѣе здоровой педагогики, требовалъ, чтобы начинали съ ближайшаго, то-есть съ доступнаго чувствамъ, такъ и въ своихъ нападеніяхъ на Аристотеля, уму котораго онъ отдавалъ полную справедливость, но требовалъ, особенно въ сочиненіи «О причинахъ порчи искусствъ» (1531), обращенія къ изслѣдованію природы путемъ прямаго опыта, говоря, что въ этомъ заключается настоящее послѣдованіе Аристотелю. Естественныя науки доставили извѣстность (и репутацію воддуна) учителю Агриппы Нетесгеймскаго, болѣе важному по историческимъ трудамъ, аббату Шпангейма, Иоганну Тритгейму (1462 — 1516). Онъ положилъ, можно сказать, въ новой Европѣ начало исторіи ученыхъ и церкви на основаніи критическихъ приемовъ разработкн матеріала!

Но несравненно характеристичнѣе для этой эпохи появленіе Парацельса или фонъ-Гогенгейма († 1541). Въ своей бурной и

безпорядочной жизни, какъ въ своемъ не менѣе бурномъ и безпорядочномъ ученіи, онъ соединялъ предвидѣнныя новаго времени съ привычками стараго. Врагъ авторитетовъ, онъ гордо ставилъ положеніе: никто не долженъ подчиняться другому, когда можетъ стоять на своихъ ногахъ, и провозглашалъ себя авторитетомъ выше арабскихъ ученыхъ и Галена, сочиненія которыхъ онъ сжегъ, какъ рассказываютъ, съ неменьшею рѣшимостью, хотя съ меньшею опасностью для себя (1527), какъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Лютеръ сжегъ папскую буллу. Парацельсъ требовалъ наблюденія природы и изслѣдованія ея путемъ опыта. Онъ гордился тѣмъ, что ему свѣтитъ на его пути свѣтъ природы, а не аптечная лампочка, и говорить: «Если кто-либо хочетъ писать и учить, онъ долженъ это дѣлать на основаніи опыта. Основанія всему получаютъ не изъ головы, не по слухамъ, но изъ опыта, изъ разложенія природы и изученія ея свойствъ». Поэтому онъ обращался чаще къ эмпиризму народныхъ повѣрій, гдѣ думалъ найти прямыя наблюденія, чѣмъ къ ученію профессоровъ въ университетахъ, гдѣ, по его словамъ, умѣли только «обрѣзывать деревья». Въ оппозицію какъ средневѣковымъ схоластикамъ, такъ и современнымъ ему гуманистамъ, Парацельсъ читалъ свои лекціи повѣмцами. Въ основаніе медицины онъ положилъ химию; стремился примѣнить свойства простыхъ тѣлъ, извѣстныхъ горнымъ работникамъ и алхимикамъ, къ леченію болѣзней; а для этого отыскивалъ во всякомъ органическомъ лечебномъ средствѣ основной дѣйствующій элементъ (квинтэссенцію) и упрощалъ рецепты для дѣйствія сильными химическими средствами, въ особенности же искалъ специфическія лекарства. Но это теоретическое и практическое обращеніе къ природѣ было у Парацельса основано на самой дикой мистической наукѣ, которая носитъ характеръ средневѣковаго отсутствія критики въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Здѣсь міросозерцаніе большинства, о которомъ мы говорили въ началѣ, магическое дѣйствіе веществъ и невидимыхъ олицетвореній силъ природы, смѣшивается съ обрывками физиологическихъ, химическихъ и мистическихъ теорій цивилизованнаго меньшинства. Пантеистическое пространство божественной силы, архен, оживляющіе тѣла, свойства прочности (соли), измѣнчивости (сѣры), и жидкости (ртути), тартаръ, яліастеръ и мистическія сигнатуры, каббала, требованіе добродѣтели и точный опытъ, явное хвастовство и блестящія мысли, составляютъ въ міровоззрѣніи Парацельса такой хаосъ, который позволялъ какъ современникамъ Парацельса, такъ и его позднѣйшимъ дѣятелямъ одинаково легко его ставить между гениальными представителями новаго времени, и

между самыми безобразными шарлатанами, или полоумными писателями, которые сами не понимают своих словъ. За-слуги его для техники медицины, безспорно, нельзя ни въ какомъ случаѣ отвергнуть, что съ него начинается входить въ жизнь химическое воззрѣніе на явленія, и что подъ его вліяніемъ химія изъ лабораторіи мистическихъ изыскателей философскаго камня перешла въ область изслѣдованія медиковъ, слѣдовательно, изъ орудія мечтательной философіи сдѣлалась орудіемъ науки. Трудно сказать, на сколько въ другихъ отношеніяхъ Парацельсъ способствовалъ движенію идеи новаго времени: требованія опыта на основаніи мистическихъ воззрѣній и борьба съ авторитетами при тѣхъ безобразныхъ формахъ армарочнаго шарлатанства, которое придавалъ своему ученію вѣчно пьяный *Monarcha medicorum et Mysteriarcha chemicorum princeps*, не могло ни въ какомъ случаѣ привлечь умы къ этому направленію мысли. Парацельса называли медицинскимъ Лютеромъ; но ему не доставало именно того, что заставляло даже противниковъ уважать Лютера, именно достоинства личности и жизненнаго такта. Лютеръ умѣлъ пользоваться временемъ и господствовать надъ нимъ на столько, чтобы подавить въ значительной степени стремленія, разившіяся отъ его направленія. Парацельсъ былъ лишь отраженіемъ оппозиціоннаго духа своего времени, на сколько эта оппозиція склонялась уже къ пути прямого изслѣдованія природы и ко враждѣ со всѣми авторитетами. Эту сторону современной мысли онъ высказалъ въ своей жизни ярко, но за то и нѣсколько карикатурно.

Замѣчательно, что и Лютеръ въ спорѣ съ Эразмомъ противопоставлялъ познаніе природы и ея изученіе книжному ученію роттердамскаго гуманиста. Правда, что Лютеръ въ этомъ изученіи, подобно Парацельсу, видѣлъ первую ступень для теологіи, для изученія Создателя въ созданіи. Наука слѣдующаго вѣка должна была оставить въ сторонѣ всякія цѣли, для нея постороннія, какъ бы эти цѣли ни казались высокими въ другихъ сферахъ. Оттого духовные потомки Лютера сознали, что добровольное изученіе природы еще болѣе оппозиціонно въ отношеніи къ ихъ стремленіямъ, чѣмъ въ стремленіямъ гуманистовъ.

Работы по естествознанію подвигались скромно впередъ при шумѣ религіозной полемики и при кровавой борьбѣ политическихъ силъ. Георгъ Бауэръ или Агрикола работалъ сначала въ Богеміи (1527), потомъ уже специально въ Хемницѣ (1531), полагая основанія точной металлургіи, особенно въ ея химическихъ процессахъ, и сколько либо систематической минералогіи (по наружнымъ признакамъ). Его «*Verhandlung*» (1530) имѣло до осьми

изданій. — Между тѣмъ постройка веронской цитадели повела (1517 г.) къ открытію большаго числа ископаемыхъ раковинъ, и для добросовѣстныхъ наблюдателей (напр. медикъ Фракостеро (1483 — 1553) стало уже невозможно сомнѣніе въ томъ, что это были раковины, принадлежавшія дѣйствительнымъ животнымъ, жившимъ на этихъ самыхъ мѣстахъ. Мысль Леонардо да-Винчи, встрѣчавшаяся, какъ мы видѣли, и прежде, о поднятіи материковъ и о дѣйствіи на нихъ воды, находила опытное подтвержденіе.

Но самыя важныя научныя работы готовились въ области, гдѣ не приходилось дожидать затруднительныхъ наблюдений и производить опыты, для которыхъ не существовало еще порядочныхъ инструментовъ, именно въ области математиковъ, хотя рассматриваемая эпоха не дала ни одного первостепеннаго труда. Живописецъ Альбертъ Дюреръ издавалъ свое сочиненіе о перспективѣ (1525). Иоганъ Вернеръ († 1528) пытался подвинуть далѣе геометрію древнихъ. Но всѣ эти произведенія должны были исчезнуть предъ мировымъ блескомъ труда, о которомъ пока еще никто не зналъ, но который въ кабинетѣ фрауэнбургскаго каноника (1510) готовилъ болѣе сильный ударъ авторитету папъ и древнихъ авторовъ, чѣмъ вся полемика Лютера и Цвингли противъ католицизма, или Парацельса противу Галена. Правда, что вліяніе готовимаго съ 1510 г. (или около того) труда Николая Коперника должно было быть враждебно не только авторитету Фомы Аквината, но и авторитету Лютера, такъ что, впоследствии, не только католическое духовенство Варшавы нашло нужнымъ въ 1829 г. отсутствовать на празднествѣ въ честь знаменитаго поляка, но и въ наше время пасторы лютеранизма приходятъ въ убѣжденію, что для *ихъ* міросозерцанія ваде, чтобы земля стояла на мѣстѣ, а солище двигалось.

Но еще сочиненіе Коперника не появилось и вниманіе большинства было обращено на тѣ открытія, которыя представляла Европѣ незадолго узнанная новая часть свѣта. На второй годъ царствованія Карла въ Испаніи (1-го марта 1517) впервые испанскій корабль наткнулся на цивилизованную страну въ Америкѣ. Это былъ Юкатанъ. Въ слѣдующемъ году послы императора Монтезумы привѣтствовали бѣлыхъ пришельцевъ. Жажда богатствъ быстро двинула на материкъ Мексики толпы конкистадоровъ. Въ 1519 г. Фернандо Кортезь вступалъ на почву мексиканской имперіи и въ 1521 г. имперія Монтезумы не существовала, въ то самое время, когда средневѣковыя права кортезовъ были раздавлены окончательнo войскомъ Карла послѣ неудачной борьбы (1519 — 1521). вмѣстѣ съ извѣстіями о богат-

ствахъ, награбленныхъ испанцами, Европа уважала о государствѣ съ особеннымъ строемъ, съ обширною культурою, съ цѣлою системою религиозныхъ мнѣнй, съ исторіею, лежавшею внѣ всѣхъ европейскихъ преданій.

20-го сентября 1510 г. оставила берега Испаніи эскадра, отправлявшаяся въ первое кругосвѣтное путешествіе. Въ ноябрѣ того же года Магалхаэсъ (Magalhaes, Магелланъ) вступилъ въ Восточный океанъ, обойдя Южную Америку, и смерть предводителя (27-го апрѣля 1521) не мѣшала единственному еще цѣлому судну эскадры вернуться въ отечество чрезъ 3 года и 14 дней по отъѣздѣ (6-го сентября 1522). Оставшіеся въ живыхъ 18 человекъ экипажа обошли земной шаръ.

Какъ только испанцы вступили на берега Восточнаго океана, они начали и тамъ свои хищническія экспедиціи. Въ 1524 г. Франсиско Пизарро явится на берегахъ имперіи инковъ и въ 1533 г. послѣдній центръ туземной цивилизаціи въ Америкѣ вмѣстѣ съ столицею Перуанской имперіи былъ разрушенъ европейскими разбойниками. Подъ знаменемъ христіанской пропаганды варварство воцарилось на всемъ материкѣ Новаго Свѣта. Король испанскій и императоръ римскій могъ сказать, что въ его государствѣ солнце не закатывается.

Въ то же время возникало въ Индіи такъ-называемое царство великаго Могола (1525) подъ правленіемъ Мохаммеда Бабура (1483—1530) и дѣлалось новымъ центромъ мусульманской цивилизаціи, а на равнинахъ Руси подъ ударами Василя Ивановича (1505—1533) падало послѣднее сѣвернорусское народоправство, Псковъ (1510), и присоединенъ къ Москвѣ послѣдній княжескій удѣлъ (1525); типографія Скарини въ Вильнѣ выпустила первыя русскія изданія (1517); Максимъ Грекъ неутомимо боролся за распространеніе просвѣщенія (1518—1556), и, подъ правленіемъ литвянки Елены Глинской (1533—1538), первый разъ вкуть опускался на спины русскихъ вельможъ.

ПѢСНЯ О ГАЙАВАТЪ.

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО.

VI.

Сватовство Гайаваты.

«Тò, что тетива для лука,
То жь и женщина мужчинѣ:
Хоть она его сгибаетъ,
Но сама ему покорна,
Хоть она его и тянетъ,
Но сама за нимъ стремится,
И какъ тотъ, такъ и другая
Другъ безъ друга бесполезны».

Такъ съ собою Гайавата
Разсуждалъ и думалъ думу,
Съ сердцемъ полнымъ чувствъ различныхъ,
Опасеній и надежды
И желаній и томленья,
Грезя все о Миннегагѣ,
О смѣющейся той струйкѣ
Что жила въ странѣ Дакотовъ.

Наставительно Нокомисъ
Убѣждала Гайавату:
«Ты себѣ невѣсту долженъ
Взять изъ нашего народа;
Не ходи, о, Гайавата,
Ни къ востоку, ни на западъ:

Дочь хорошаго сосѣда
 Очага огню подобна,
 А красавица чужая —
 Точно лунный свѣтъ иль звѣздный —
 Только свѣтитъ, а не грѣетъ».

Но на это Гайавата
 Отвѣчала ей: «о, Нокомись,
 Свѣтъ огня весьма пріятенъ,
 Но свѣтъ лунный и свѣтъ звѣздный
 Я люблю гораздо больше».

И тогда ему Нокомись
 Съ видомъ строгимъ говорила:
 «Не бери, о, Гайавата,
 Въ жоны праздную дѣвчонку;
 Не вводи въ нашу домъ лѣнливой,
 Безполезной бѣлоручки,
 А возьми себѣ такую,
 У которой гибки пальцы,
 Сердце владѣ съ рукою ходитъ,
 Ноги движутся охотно».

Улыбаясь, Гайавата
 Отвѣчала: «Въ землѣ дакотовъ
 Есть одинъ старикъ почтенный,
 Стрѣлодѣлатель искусный;
 У него есть Миннегага
 Дочь, Смѣющаяся Струйка,
 Изъ красавицъ всѣхъ прекраснѣй.
 Я возьму ее въ вигвамъ твой,
 И она охотно будетъ
 Дѣлать всё, что ты захочешь,
 Будетъ для тебя, Нокомись,
 Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ,
 Огонькомъ твоимъ домашнимъ,
 Свѣтомъ солнца для народа!»

Но его разубѣдая,
 Снова молвила Нокомись:
 «Не женись на чужеземцѣ
 Изъ земли дакотовъ дичихъ:

Это злой народъ, сварѣнный,
 Мы ведемъ войну съ нимъ часто,
 Между нами были распри,
 Чтò еще не позабыты,
 Застарѣлыя есть раны,
 Заживленныя лишь съ виду».

Но, смѣясь, Гайавата
 Отвѣчалъ: «Ужь по этой
 По одной причинѣ долженъ
 И желаю я жениться
 На дакотянкѣ прекрасной;
 Чтобы наше племя было
 Съ этимъ племенемъ въ союзѣ,
 Чтобы старыя раздоры
 Были преданы забвенью,
 И гноившіяся раны
 Залечились на вѣки».

И пошелъ въ страну дакотовъ
 За невѣстой Гайавата
 Черезъ луга, болота, степи,
 Нескончаемыя дебри,
 Черезъ пустыни, гдѣ царило
 Непробудное молчанье.

Въ башмакахъ своихъ волшебныхъ
 Въ каждый шагъ онъ дѣлалъ мило,
 Но ему дорога долгой,
 Очень долгой показалась:
 Шагъ не могъ поспѣть за сердцемъ,
 И онъ шелъ не отдыхая
 По тѣхъ поръ, пока услышалъ
 Дальній грохотъ водопадовъ
 Водопадовъ Миннегаги *.

---

* Путешественникамъ и читателямъ индійскихъ очерковъ знакомы водопады св. Антонія въ прекрасной мѣстности, окружающей форть Снеллингъ. Между фортомъ и этими водопадами находится такъ назыв. «малые водопады» въ 40 фут. вышиною на рѣкѣ, впадающей въ Миссиссипи. Индійцы называютъ ихъ Миннегага—т.-е. смѣющіяся воды.

Вотъ стада оленей красныхъ
 Онъ увидѣлъ на опушкѣ,
 Между лѣсомъ и лугами.
 Не замѣтили олени,
 Какъ подерался къ нимъ охотникъ;
 Луку онъ шепнулъ: «не выдай!»
 А стрѣлъ: «не промахнися!»
 И пустилъ ее онъ прямо
 Въ сердце робкое оленя.
 И, взваливъ его на плечи,
 Онъ опять впередъ пустился
 И спѣшилъ не отдыхая.

У дверей вигвама, молча,
 За своей сидѣлъ работой
 Стрѣлодѣлатель почтенный;
 Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
 Острія изъ халцедона;
 Рядомъ съ нимъ сидѣла тоже
 Миннегага за работой,
 И плела она циновки
 Изъ тростинъ и травъ болотныхъ.
 Оба думали въ молчаньи,
 Онъ — о томъ что прежде было,
 А она — о томъ, что будетъ.

Думалъ онъ о дняхъ минувшихъ,
 Какъ подобными стрѣлами
 Убивалъ онъ на охотѣ
 И оленей и бизоновъ,
 Какъ однажды подстрѣлилъ онъ
 Гуса Вэву, въ лѣтъ ударивъ,
 И о войнахъ онъ думалъ,
 Что толпами приходили
 Покупать такіа стрѣлы,
 И безъ нихъ не шли сражаться.
 «Нѣтъ такихъ бойцовъ ужъ нынче,
 Не найдешь ихъ въ дѣломъ свѣтѣ;
 Намъ оружія не надо,
 Всѣ теперь мужчины стали

Точно бабы, и работать
Языкомъ однимъ гораднѣмъ.

А она все размышляла
Объ охотникѣ красивомъ,
Молодомъ, високомъ, стройномъ,
Приходившемъ издалека
Запастись у нихъ стрѣлами.
Онъ сидѣлъ у нихъ въ вигвамѣ,
Отдохнувши всталъ, и долго
Послѣ медля у порога,
И, отправясь въ путь обратный,
Оборачивался часто.
И слыхала Миннегага
Какъ отецъ хвалилъ ей гостя,
Восхвалялъ въ немъ умъ и храбрость:
«Не придетъ ли за стрѣлами
Молодой охотникъ снова
Къ водопадамъ Миннегаги?»
И, при этой мысли, праздно
Руки дѣвушки лежали
На неконченной циновкѣ;
Взглядъ дакотянки прекрасной
Былъ задумчивъ и разсѣянъ.

Шумъ шаговъ прервалъ ихъ мысли,
Вѣтви лѣса зашумѣли,
И, съ пылавшими щеками,
На плечахъ неся оленя,
Вдругъ изъ лѣса показался
Гайавата передъ ними.

И старикъ съ своей работы
Поднял голову; стрѣлу онъ,
Не докончивъ, отодвинулъ,
Всталъ на встрѣчу Гайаватѣ,
Приглашалъ его въ вигвамъ свой,
Говора: «а! Гайавата!
Очень радъ тебѣ я видѣть!»

Предъ Смиющаея Струйной
 Гайавата сбросилъ кошу;
 Онъ у ногъ ея оленя
 Положилъ; и Миннегата
 На него взглянула съ лаской
 И привѣтливо сказала:
 «Будь намъ гостемъ, Гайавата!»

Очень былъ вигвамъ обширенъ,
 Изъ оленьей сдѣланъ кожи,
 Побѣднъ и занавѣски
 Размалеваны въ немъ были
 Всѣ дакотскими богами.
 Входъ былъ такъ высокъ, что еле
 Гайавата наклонился,
 Чтобъ войти; едва коснулся,
 Проходя, его вершины
 Головнымъ своимъ уборомъ
 Изъ большихъ орлиныхъ перьевъ.

И Смиющаяся Струйка,
 Отложивъ свою циновку
 Не доконченную, встала,
 Тотчасъ сбѣгала за водой,
 Принесла воды холодной
 Изъ ручья, и подавала
 Пищу въ глиняныхъ сосудахъ,
 Воду въ ковшикахъ изъ лопы,
 Молча слушая бесѣду
 Старика-отца и гостя.

Какъ во снѣ она внимала
 Всѣмъ рассказамъ Гайаваты:
 О Нокомисѣ, доброй бабѣ,
 Что за нимъ ходила въ дѣтствѣ,
 О друзьяхъ его сердечныхъ —
 Силачѣ и музыкантѣ,
 И о счастьи, изобильнъ
 На землѣ его родимой,

Въ этой мирной и веселой
Сторонѣ оджибузевъ.

И рассказъ свой Гайавата
Заключилъ таковъ рѣчью:
«Послѣ многихъ лѣтъ раздора,
Многихъ лѣтъ войны кровавой
Между племенемъ дакотовъ
И народомъ оджибвейскимъ,
Миръ насталъ, давно желанный.»
А потомъ прибавилъ тихо:
«Чтобы этотъ миръ былъ вѣченъ,
Чтобы крѣпче наши руки
Были сжаты, и прочіе
Нашъ союзъ установился,
Дочь отдай свою мнѣ въ жоннъ,
Миннегагу, что прекраснѣй
Всѣхъ дакотянокъ прекрасныхъ».

Помолчалъ старикъ съ минуту,
Покурилъ, въ раздумьи, трубку,
Посмотрѣлъ на Гайавату,
Посмотрѣлъ на Миннегагу,
И отвѣтилъ очень важно:
«Да, когда она желаетъ.
Что ты скажешь, Миннегага?»

И еще милѣй, прекраснѣй
Показалась Миннегага
Въ ту минуту, какъ стояла
Въ нерѣшимости стѣдливой,
Послѣ жъ прямо къ Гайаватѣ
Подошла, съ нимъ рядомъ сѣла
И сказала, вся зардѣвшися:
«Я пойду съ тобою, мужъ мой!»

И пошелъ онъ изъ вигвама,
Взявъ Смѣющуюся Струйку,
А старикъ одинъ остался,
У дверей вигвама, долго

Ихъ глазами провожал.
 Шли они рука съ рукою
 По лѣсамъ и по долинамъ,
 Между тѣмъ какъ издалёка
 Несся къ нимъ привѣтъ прощальный
 Водопадовъ Миннегаги:
 «Добрый путь, О Миннегага!»
 Грохотали водопады.

И старикъ осиротѣвшій
 Сѣлъ на солнцѣ, у порога,
 За свою работу снова;
 И шепталъ онъ самъ съ собою:
 «Такъ насъ дочери бросаютъ
 Тѣ, которыхъ мы такъ любимъ,
 И что насъ такъ любить тоже.
 Только что онѣ успѣютъ
 Научиться помогать намъ,
 Быть опорой намъ подъ старость,
 Какъ откуда ни возьмется
 Молодецъ въ красивыхъ перьяхъ:
 Онъ побродитъ по деревнѣ,
 До пошнырить, да посмотреть,
 Лучшей дѣвушкѣ кивнетъ онъ —
 И она за нимъ покорно
 Ужъ идетъ, для незнакомца
 Все на свѣтѣ оставила!»

Веселъ былъ ихъ путь далекій
 По лѣсамъ и по долинамъ,
 Черезъ горы, черезъ рѣки,
 По холмамъ и по ущельямъ.
 Онъ короткимъ показался
 Гайаватѣ, хоть и долго
 Шли они, хоть принужденъ былъ
 Гайавата шагъ свой быстрый
 Замедлять для Миннегаги.
 Черезъ бурные потоки
 И стремительныя рѣки
 На рукахъ онъ несъ невѣсту;

И она ему казалась
 Очень легкой, точно перья
 Въ головномъ его уборѣ.
 Очищала для ней тропинку,
 Отклонилъ съ дороги вѣтви,
 На налегѣ шалаши построишь
 И постель изъ гибкихъ вѣтокъ
 И стеблей болголовы,
 И развелъ огонь у входа
 Изъ сухихъ сосновыхъ шишекъ.

Перелетный вѣтеръ мчался
 Вихрь съ ними; звѣзды ночи
 Съ высоты на нихъ смотрѣли,
 И не спящими очами
 Крѣпкій сонъ ихъ сторожили.
 Притаясь на темномъ дубѣ,
 Изъ своей засады бѣла
 На любовниковъ глядѣла;
 Бѣлый кроликъ, ихъ завидя,
 Улетѣвалъ съ тропинки
 И, въ свою забившись норку,
 И присѣвъ на заднихъ лапкахъ,
 Онъ выглядывалъ оттуда
 Любопытными глазами.
 Веселье было ихъ путь далекій!
 Птицы громко, сладко пѣли
 Пѣсни счастья и веселья
 Пѣлъ овейса синепѣрный:
 «Ты счастливъ, о, Гайавата,
 Ты счастливъ такой женою!»
 Пѣлъ опечи красногрудый:
 «Ты счастлива, Миннегага,
 Гайаватой облада!»

Съ неба солнце благосклонно
 Черезъ дѣсь на нихъ смотрѣло
 И сказало имъ: «о, дѣти!
 Злоба — тѣнь, любовь — свѣтъ солнца
 Все есть въ жизни: свѣтъ и тѣни

Правъ любовь, Гайавата!
 Мѣсяцъ тоже съ неба глынулъ,
 Ихъ шалашъ наполнилъ блескомъ,
 И шепталъ онъ имъ: «О, дѣти!
 День тревоженъ, ночь спокойна,
 Склонны властвовать мужчины,
 Жены — слабы созданы:
 Правъ терпѣнъемъ, Миннегага!»

Такъ домой опять вернулся
 Гайавата съ Миннегагой
 И принесъ, какъ обѣщался,
 Свѣтъ луны, свѣтъ звѣздъ небесныхъ,
 Свѣтъ огня въ вигвамахъ Нокомисъ
 И свѣтъ солнца для народа
 Изъ страны дачотовъ дальней
 Изъ страны красныхъ женщинъ.

Д. МИХАЛОВСКІЙ.

КАЗАНСКІЙ ПРИХОДЪ.

I.

Д ѣ д ѣ .

Быль туманный зимній день; низко висѣли тучи, казалось сливались съ снѣжною пустыней. Замерзшая рѣка вся бѣлѣла; кой-гдѣ только чернѣлось на берегу безлистное дерево или избушка, ушедшая въ снѣгъ, а то все было ровно, гладко и бѣло. Старый дѣдъ сидѣлъ на скамеечкѣ посрединѣ рѣки и ловилъ рыбу. Чуть свѣтъ онъ забрался на рѣку, прорубилъ на льду маленькія лунки, числомъ до десяти, и сѣлъ въ самой срединѣ, такъ что лунки составили около него кругъ. Въ каждую лунку онъ завинулъ удочку, лесы же приладилъ такъ, что они тотчасъ разматывались, какъ только попадался ёршъ: такъ обыкновенно зимой ловятъ ершей. И было кругомъ его бѣло и тихо, и подымались снѣжные холмы по берегамъ, а сѣрныя тучи висѣли низко-низко, надъ самымъ дѣдомъ. Тишина была невозмутимая; изрѣдка видѣлся порхающій въ воздухъ снѣгъ, но такого, чтобъ шелъ хлопьями, не было. Иначе бы нельзя было дѣду видѣть тянувшійся невдалекѣ маленький уѣздный городъ съ низенькими колокольнями и притавшимися въ снѣгъ домами, весь освѣщенный какимъ-то лиловымъ полусвѣтомъ, а дѣдъ, разумѣется, смотрѣлъ на него, потому что самъ былъ изъ этого города и различалъ, по привычкѣ, и поповскій домъ съ зеленою крышей, и домъ страпцаго, и мало ли еще чтó различалъ дѣдъ, взглядывая по временамъ на городъ. Но главное вниманіе дѣда было устремлено на рыбу, и потому чуть только начинала разматываться леса, онъ тотчасъ же вставалъ и клалъ пойманнаго ерша въ особый приготовленный, заранѣе кулекъ.

А былъ онъ лѣтъ, примѣрно, шестидесяти; много на своемъ вѣку онъ прожилъ, и старость его была тиха и покойна; рыбу же ловилъ онъ и лѣтомъ и зимой, и не было даже дня, когда

бы онъ ея не ловилъ. Оттого былъ онъ и здоровъ, и свѣжъ, и хороши были его сѣдше заимдѣвшіе усы и брови, изъ-подъ которнхъ мягко и пріятно свѣтились сѣрые глаза; худое, смуглое лицо его было, правда, угловато, какъ и вообще вся фигура, но за то всѣ движенія были ровны, покойны и отличались, собственно говоря, большимъ тактомъ. Да и нельзя было дѣду быть безъ такта, потому что онъ много зналъ, много видѣлъ, да и съ кѣмъ онъ не былъ знакомъ? Попъ Матвей былъ ему другъ и пріятель, человѣкъ рѣдкій; странцій его зналъ, да и секретарь магистрата, если строго судить, былъ знакомъ ему; однимъ словомъ, не было человѣка, котораго бы дѣдъ не зналъ. Не даромъ его и звали такъ: всѣмъ онъ былъ извѣстенъ и чуть не всѣхъ въ городѣ старше былъ. Да и притомъ изъ духовнаго званія былъ человѣкъ! Отецъ его былъ дьячекъ, давно впрочемъ, когда еще города не было, а была деревня и всѣ жили просто, ходили больше въ лаптахъ, чаю не пили и ничего такого, что теперь завелось, не знали. Было всего двѣ церкви, кругомъ лѣса дремучіе, темные; дома соломою крыты, и даже никто не ужиналъ при свѣчахъ, а выходилъ въ сумерки на улицу и тихо трапезовалъ съ семьей, помолясь сначала на церковь или на востокъ, откуда уже поднималась ночная темь съ голубыми, ярко сіявшими звѣздами. За грѣхъ считалось говорить во время трапезы, и жители молча отходили, чтобы на утро встать вмѣстѣ съ солнцемъ и провести день также спокойно и ровно, не тревожась. Вотъ въ какое время воспитался еще дѣдъ! И что это за время было! Что за сады были тогда, что за огороды: капуста, горохъ, огурцы—всего этого полныя-полныя гряды! то-есть такое богатство было, что рай да и только. Дѣдъ помнитъ очень хорошо, какъ онъ караулил отцовскій садъ и спалъ въ шалашѣ на тепломъ чегменѣ, а подлѣ него спала большая овчарная собака, вся желтая, страшно косматая, такъ что дѣдъ въ холодныя ночи грѣлъ руки въ ея густой, теплой шерсти. Помнитъ также дѣдъ и теперь, какъ онъ забрался въ сосѣдній садъ и снялъ съ яблони чижъ, который и висѣлъ именно затѣмъ, чтобы другихъ чижей приманивать. И пѣлъ же этотъ чижъ! За то и страсти набрался дѣдъ, когда воровалъ чижъ. Темный и густой былъ сосѣдній садъ; было вдоволь въ немъ яблочь и грушъ, и вишенъ, и хованнъ былъ заботливый, крѣпкій караулъ держалъ; пономарь онъ былъ, и много у него всякаго богатства было; доходи имѣлъ вѣрине и въ то время уже полосатый жилетъ носилъ, а пуговицы на жилетѣ имѣлъ стеклянныя и такія снѣія, что дѣдъ все, бывало, глядитъ на нихъ. Вотъ каковъ былъ пономарь, и трудно было своровать чижъ у такого человѣка. Но дѣдъ былъ мастеръ на все. Лѣтъ шестнадцать было ему тогда, а онъ ужъ и смѣвалъ

кленъ, и въ бабки игралъ, и чаще въ западни ловилъ, а по праздниамъ въ церковь съ отцомъ ходилъ и на клиросѣ псалми читалъ. Съ твердымъ характеромъ былъ дѣдъ еще въ молодости; когда же сталъ въ лѣта входить и приспѣло время женить его, то еще больше возмужалъ. Нивогда почти онъ не испытывалъ болѣзней, не позволялъ себѣ излишества, вино пилъ только по праздниамъ, и пища его была всегда простая, здоровая; вотъ оттого, когда онъ въ лѣта пришелъ, то сейчасъ же его женили, и дожилъ онъ до сѣднхъ волосъ бодро и спокойно, безъ волненій, и много лѣтъ уже ловилъ удочкой рыбу, лѣтомъ на плотнѣхъ у мельницъ, зимой на льду, гдѣ онъ сидѣлъ, покуривая трубку, среди прорубленныхъ имъ лунокъ.

Теперь, когда ми застали дѣда на снѣгу, онъ уже былъ человѣкъ замѣтный. И сидѣлъ онъ тутъ не мало времени, потому что уже начинало смеркаться и городъ стемнѣлъ, еще плотнѣе укутался въ сѣрыя зимнія тучи, и глянули туманные, мутные огоньки изъ всѣхъ концовъ его. Приходила уже дѣду мысль, что пора домой идти, но обманывалъ его еще одинъ ершъ, разматывалъ, влудѣи, лесу, и дѣдъ весело уже принимался тащить его, но начево не было. Досадно стало дѣду. Смотрѣлъ онъ покамѣсть остальные лесы, а темъ становилась все гуще и гуще, тучи спускались ниже и городъ совсѣмъ спрятался въ нихъ; всезели леловны очертанія его, не различалъ дѣдъ даже поповской крыши; не темнѣли на небѣ колокольни и стало все бѣло и мутно; видѣлась одна снѣжная равнина, да высокіе бѣлые холмы по сторонамъ. Дѣдъ увидѣлъ, наконецъ, что совсѣмъ темно, но ему все хотѣлось донять ерша. Наконецъ-таки повался ершъ, и дѣдъ побрѣлъ, опираясь на толстую суковатую палку, прямо къ городу.

Хорошая палка была у дѣда; самъ онъ ее обдѣлалъ и сучки обжегъ, чтобъ красивѣе была. Ходить онъ съ ней и днемъ и вечеромъ: днемъ на базаръ, вечеромъ куда-нибудь къ сосѣду, или бываетъ именниникъ кто. Даже на рыбную ловлю онъ беретъ съ собой палку. Въ лѣтнее время не любитъ дѣдъ сидѣть въ комнатѣ; если не ловить рыбу, то непременно на дворѣ, что-нибудь дѣлаетъ и вездѣ съ палкой. Или же въ садъ пойдетъ и тамъ, нагнувшись подъ солнцемъ, прививаетъ деревья, надрѣзываетъ ножичкомъ кору и въ ранку сажаетъ вѣтку и мочалкой обматываетъ крѣпко-на-крѣпко: такъ ужъ онъ много насадилъ и яблонь и грушъ, и съ каждымъ годомъ все прибавляетъ. Любитъ, старикъ, вообще всякую работу. Встаетъ всегда часовъ въ пять. Есть у него сватки, прочныя, кожанныя, съ мѣдными застежками; по нимъ-то онъ молится Богу часа по два, земные поклонны кладетъ, гдѣ нужно. Любитъ онъ также всякія заутрени, всевоц-

ныя, и обѣди; пощѣ ему обыкновенно пресфору давалъ по воскресеньямъ, и дѣдъ, перекрестившись и столъ, разламывалъ на части и молча, съ должнымъ благоговѣніемъ, ѣлъ, отнюдь не чавкая. Такую религіозность дѣдъ воспиталъ въ себѣ съ дѣтства, когда еще обыкновенно читалъ на клиросѣ и замѣнять перѣдко дьячва на колокольнѣ.

Въ праздникъ же, за чаемъ, дѣдъ занимался сворцомъ. Поставитъ передъ собой на столѣ клятку и разговариваетъ.

Слова сворецъ знаетъ больше божественныя: Аминь и Вогу слава, Господи помилуй, такъ что и тутъ выразилась религіозность дѣда. Выразилась она и на другихъ вещахъ: на каждой двери выжегъ дѣдъ богоявленской свѣчкой крестъ и каждый годъ обновляетъ его въ крещенье. И разговоры онъ любитъ больше божественныя, праздники окотнигъ высчитывать, посты. Немалую вообще часть времени поглощаютъ у дѣда религіозныя обязанности.

Есть недалеко отъ города роща, съ холма спустилась она къ самой рѣкѣ: тутъ-то лѣтомъ дѣдъ ловить рыбу. Приступаютъ къ самому берегу старня сосны, тихо плещаютъ волны на аркожелтый песокъ; есть недалеко острова зеленые, густо-поросшіе, а на той сторонѣ село видно съ веткою, деревянною церковью, съ флагомъ у кабака; развѣшаны тамъ на плетняхъ кувшины, горшки, иной разъ синія солдатскія штаны сохнутъ на солнцѣ; видъ вообще оживленный, и дѣдъ, завинувъ удочку, смотритъ по временамъ вдаль; самъ-то онъ въ тѣни, а то все залито солнцемъ, и не мало шурится дѣдъ, стараясь разглядѣть и синія солдатскія штаны, и бабу, что нагнувшись, моетъ бѣлье; а вотъ жеребенокъ подбѣжалъ къ рѣкѣ и жадно тинетъ воду, встряхивая гривой. Все это видитъ дѣдъ. До позднихъ звѣздъ ловить онъ тутъ рыбу. И когда, бываетъ, подъ праздникъ ударятъ на селѣ ко всенощной и церковь засіяетъ огнями, то дѣдъ снимаетъ шапку и творитъ про себя молитву. И такъ при каждомъ звонѣ творитъ онъ молитву, смотря на звѣзды: и звѣзды смотрятъ на него такъ привѣтливо, и несказанный покой водворяется въ душѣ стараго дѣда. Такъ питаетъ онъ вездѣ и всегда свою благочестивую вѣру. И какъ безмятежно засыпаетъ онъ дома: не смутитъ его мысль нечестивая, не взволнуютъ глубокаго покоя земныя желанія и страсти; даже во снѣ слышатся ему тихій говоръ волнъ, видятся звѣзды и тихое мерцаніе ночнаго неба: встанетъ онъ добрый и свѣжій и опять пойдетъ ловить рыбу...

Но случись непогодъ, вѣтеръ, дождь, дѣдъ и дома найдетъ себѣ работу: клятку починить, черенокъ новый къ ноку приделаетъ, мало ли что! Любитъ старня и думать о чемъ набудь,

особенно въ свободное время, когда дѣлать нечего. Вотъ въ сумерки, напримѣръ, передъ чаемъ. Сидятъ на диванѣ и сейчасъ ужъ видно, что думаетъ о чемъ-то. Те соображаетъ, куда бы завтра пойти рыбу ловить, то праздниѣ вычитываетъ, особенно если Рождество близко или Святая. Тамъ думаетъ онъ до самыхъ свѣчей; при свѣчахъ же начинаетъ чай пить и рассказываетъ, о чемъ думалъ, если случится кто. А то возьметъ календарь и запишетъ что нибудь, въ родѣ того:

Рыба подъ мельницей, что на Чертвахъ, не ловится, хотя въ прошломъ году на Казанскую и ловилась, подъ Мариншамъ же берется только на муху. Однако, попъ Матвей хотя и ловилъ, но ничего не поймалъ. Мало у него еноровки, должно быть.

Разныя у дѣда записи въ календарѣ. Важные случаи въ жизни всѣ записаны. Видно, напримѣръ, когда родился дѣдъ, когда его именинны, когда женился и проч.

Есть и сентенціи философіи и практическія, напримѣръ:

Какъ нелъза человѣку, аще міръ весь приобрящеть, душу же свою отщестить?

Рождество нынче въ пятницу, въ пятницу же Новый Годъ. Всегда такъ приходится, что во что Рождество, въ то и Новый Годъ.

Купилъ вчера дровъ и сказалъ, чтобы распилили: всего-те сажень, а просить рубль. Ну, народъ!

Время нынче совсѣмъ не такое, что прежде, и если кто что говорить станеть, то не вѣрь.

Касьянъ всего одинъ разъ приходится на четыре года: вотъ что значить высокосъ!

Таковы замѣтки дѣда. Видно, что старшій не всегда надѣется на память и любитъ записать, чтобы не забыть. Одна замѣтка такъ даже и начинается:

Записать, чтобы не забыть: фунтъ гвоздей да два фунта сала. Заказать Василью Косоголазому крѣпко-на-крѣпко.

Одинъ словомъ, какъ и съ какихъ сторонъ ни рассматривай дѣда, все онъ выходитъ хорошии человѣкъ. Первое дѣло старъ, а между тѣмъ бодръ и свѣжъ, хотъ нуда; вовторихъ, рыбу ловить на рѣдкость; а втретьихъ благочестивъ.

Многіе видѣли дѣда въ разныя минуты его жизни, въ самыя

трудны — и дѣдъ не измѣнилъ себѣ. Тамъ однажды попался ему на удочку сомъ въ полтора пуда, и сколько трудовъ стоило его вытащить! Но чего нельзя сдѣлать съ характеромъ дѣда? А кто бы выучилъ чужа пѣть херувимскую, какъ не дѣдъ? А кто ловить такъ снѣгирей, когда они, краснобобе, бѣгаютъ по снѣгу и кричать, и скачутъ, словно промежъ нихъ, Богъ-знаетъ, что идетъ — кто ловить? А кто столько помнитъ, какъ дѣдъ? Какъ, напримѣръ, гдѣтъ сорокъ тому назадъ попо Матвей чуть было не утонулъ въ лужѣ пьяный? Или какъ голубятня у Фадора Михеева обвалилась — еще дѣвочку кришшла? Да что говорить! Если что по городу хочешь узнать, прямо обращай къ дѣду: все расскажетъ, да еще и свое прибавитъ, старшій! И не то, чтобы совреть — нѣтъ! ужъ такъ съумѣетъ сказать, что невольно повѣришь.

Не даромъ считается дѣдъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и почетныхъ прихожанъ Казанской церкви; и теперь нерѣдко самъ онъ читаетъ шестопсалмие на влросѣ, и нѣтъ человека, который, по своимъ отношеніямъ, стоялъ бы ближе къ отцу Матвею, главѣ Казанскаго прихода, протопопу и вмѣстѣ духовнику дѣда.

Съ другой стороны никто такъ вѣрно и правильно не цѣнитъ дѣда, какъ отецъ Матвей; качества послѣдняго служатъ какъ-бы дополненіемъ къ достоинствамъ перваго, и потому протопопъ заслуживаетъ вполне нашего вниманія, во первыхъ, какъ духовникъ дѣда, вовторыхъ, какъ рыболовъ, а втретьихъ, что всего важнѣе, какъ глава казанскихъ прихожанъ, которые и будутъ предметомъ предстоящихъ очерковъ.

II.

Попо Матвей.

Какъ разъ напротивъ дѣда, близехонько къ церкви Казанской Божіей Матери, въ ветхомъ домикѣ, съ балкономъ на улицу, доживаетъ свой вѣкъ одинъ-одинехонекъ отецъ Матвей, старшій-престаршій, такъ что никто и не знаетъ, сколько ему гдѣтъ. Цѣлнй Окуевъ не запомнитъ такого стараго попа. Когда еще большой колоколъ лели на казанскую колокольню, такъ Матвею считали пятьдесятъ. А въ то время еще Фадей Полуѣрзовъ былъ живъ, и только года черезъ три ужъ потомъ нашли его въ канавѣ торчма головой. Если даже по собакамъ считать, которыхъ отецъ Матвей держалъ у себя на привязи на дворѣ, такъ и то невѣсть сколько гдѣтъ выйдетъ. Одинъ какой-то Варбосъ жилъ у него чуть ли не двадцать гдѣтъ: възъ черааго весь сѣдой

сталъ и ужъ не брехалъ подь вонецъ. Да и самъ, наконецъ, отецъ Матвей сбивается въ показаніяхъ относительно лѣтъ своихъ.

— Да что, отецъ Матвей, спрашивается иногда дѣдъ:—который тебѣ годъ?

— А вотъ видишь ли, начинаеть погъ:— на Михайла десять лѣтъ, какъ я внуку выдагъ, да двадцать лѣтъ Мартинъ дьячкомъ. Коли помнишь пономаря Антона, такъ выйдетъ лѣтъ тридцать съ хвостикомъ на Демьяна. Дьяконъ Степанъ былъ. Доводился онъ Прохору Абрамову цѣловальнику свать. Прохоръ, надо тебѣ знать, померъ лѣтъ сорокъ тому въ сочельникъ. Стало теперича Грунька, дочь Прохора, вышла замужъ за Минишку Ерезова въ мясофдъ. Вотъ и считай сызнова: Грунькѣ на Миколу было бы пятьдесятъ, стало начинъ десять, да Сидора Переёмкина въ Самопалова коли помнишь—то и выйдетъ: на Ивана Боголова двадцать, да на Сергія по осени десять, а тамъ на Прасковью мученицу пять, да на Сидора положи три что-ль... Ну, вотъ и сочти, сколько выходитъ?

Таковы смутныя показанія пона относительно лѣтъ. Дѣдъ, разумѣется, въ недоумѣніи.

— Да ты на Михайлу-то сколько считаешь? спрашиваетъ онъ.

— Ты съ Покрова начинай, а не съ Михайлы, говорить погъ.

— Да счету все нѣту.

— Какъ нѣту? Прохора влать?

— Сколько?

— Десять.

— Ну, десять.

И дѣдъ взялъ счеты и положилъ десять.

— На Миколу да подь Мартина двадцать, продолжалъ погъ.

— Двадцать. И дѣдъ положилъ на счетахъ двадцать.

— Теперь Грунька выходила въ мясофдъ. Азакія война влать?

— Сколько?

— Десять, да на Кирики-Улиты пять.

— На кости? спросилъ дѣдъ.

— На кости, отвѣчалъ погъ. — На Сидора, примѣрно, восемь, да на Бориса-Глѣба три... Какъ разъ я пригнали къ Снасу. Теперь, выходитъ, набавъ пять да три скости. Скостилъ?

— Скостилъ.

— Ну, положи еще съ хвостомъ тридцать.

— Все?

— Все.

— Сколько жъ мнѣ теперь, по твоему, на Егорья?

— Сто тридцать-семь лѣтъ съ половиною, прочиталъ дѣдъ по счетамъ и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на пона.

Цифра оказалась несообразная. Стали власть снова. Дѣдъ, вида, что хвосты и хвостики опять хватають за сто, все срашиваеъ пона, не нужно-ли чего спостить.

— Клади, клади! упорствовалъ попь.— Нечего скопцать. Гони прямо къ мирноносицѣ!

Но и эта попытка не удалась. Попъ все на-кости да на-кости: вогнаеи чуть не въ полтораста.

— Ну, старъ же ты, отецъ Матвей, не безъ ироніи сказаеъ наконецъ дѣдъ и не рѣшилъ власть еше разъ, хотя попь и предлагаеъ снова высчитать, утверждаеъ, что дѣдъ на мирноносицѣ просчитался.

Самый домикъ попа былъ чуть-ли не старше хозяина. Проро-сталъ онъ мохомъ кругомъ и съ каждымъ годомъ косился на-сторону. Жалобно какъ-то глядѣлъ онъ на дѣда, когда тотъ, сѣдя напротивъ у огня, плѣлъ сѣтну, и словно завидоваеъ дѣдову домику, на которомъ, по временамъ, показывалась свѣжая драица, либо гвоздь новый, двухтѣсный. Росла кругомъ него крапиво, и торчала изъ-за нея одна его старая черная крыша, да крыльцо съ навѣсомъ въ родѣ балкона продиралось сквозь зелень и своими расшатавшимися ступенями колаеъ къ дорож-кѣ, что вртоптали въ травѣ пѣшеходы.

Есть на крыльцѣ лавочка, и попь любитеъ посидѣть тутъ въ сумерки, на прохладѣ, въ своей сѣрой ряеѣ, опоясанный широ-кимъ вышитымъ цвѣтами поясомъ. Высоко въ небѣ прогляды-вають звѣзды, и попь, погладивъ рукою бороду, долго глядѣть вверхъ, стараеъ по облакамъ или по мерпанію звѣздъ предъ-угадать погоду. Потомъ садится на лавочку и думаеъ о чемъ-нибудь. Любо сидѣть ему на прохладѣ послѣ знойнаго лѣтняго дня. Трава стелется у самого балкона, окаймляеъ чуть желтѣю-щую дорогу; за рѣкой синѣеъ подернутая серебрянымъ туманомъ даль. Тихо все. Изъ-за лѣса поднимается розовый свѣтъ: то мѣсяць всходитъ... Въ воздухѣ пробѣгають бѣлыя струи свѣта и скользятъ въ вѣтвяхъ березы, что стоитъ напротивъ, около дѣдова дома. Видитеъ все это попь, и сѣрые глаза его съ любовью присматриваються къ обычной картинѣ: какъ будто что новое отериваються въ ней. Видитеъ онъ, какъ церковь под-нимается гдѣ-то вдаль, и неясный силузъ ея чуть видѣляется на темно-синемъ ночномъ небѣ; кой-гдѣ роши, какъ черныя стѣны, тянутса на горизонтъ; за ними-то сіеетъ розовый свѣтъ, все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Долго просидѣть попь на крыльцѣ. До-ждется онъ, пона засеребрится облака, розовый отгѣнокъ обра-тится въ свѣтло-голубой, и мѣсяць бѣлый, величавый, выли-ветъ изъ-за темной стѣны... На лугу, на улицѣ потанутса длин-

ниа тѣни; осярится лѣно пона, стануть видѣти на немъ мелкія морщинки; на полу, на балконѣ рѣзко очертятся тѣни столбиковъ; будутъ онѣ также на рисѣ пона, которая покажется оттого полосатой; сверкнуть серебряныя капли росы на травѣ, и весь городъ, съ своими закутанными въ зелень домами, съ вышенными колокольнями, тихо несвѣчающими тусклою позолотой старинныхъ, покосившихся отъ времени, крестовъ своихъ, съ заборами и плетнями, увязанными хмѣлемъ, что вѣется по тычинкамъ и зеленой бахромой свѣшивается на улицу, съ будкой, наконецъ, сторожа Прохора, который скоро задвигнется около церкви, вмѣстѣ съ своею длинною, во всю улицу, тѣнью, и застучитъ въ чугунную доску, — все это тихо потонетъ въ лунномъ сіяніи ночнаго неба.

Къ этому времени выходитъ и дѣдъ съ трубкой за ворота, чтобы посидѣть на лавочкѣ, которую самъ онъ сдѣлалъ у калятки. Приходится дѣду въ тѣни сидѣть, и подслѣповатнй попь, прищурившись, различаетъ его только по огоньку, вспыхивающему въ трубкѣ.

Тутъ нерѣдко разговоръ завязывается между пріятелями черезъ улицу. Оно и понятно: время досужное; притомъ дѣдъ и попь, какъ болѣе независимые члены прихода, обладающіе извѣстнымъ достаткомъ, всегда имѣютъ о чемъ поговорить. Особенно словоохотливъ попь; у него всегда есть матерія, которую можно развести и обсудить. Дѣдъ такъ и выражается иной разъ: «пойти развѣ въ попу, развести матерію?»

— Жду племянника: хотѣлъ быть, началъ въ одну изъ такихъ вечернихъ бесѣдъ попь, для котораго пріѣздъ семинариста-племянника, во время лѣтнихъ ваннукулъ, всегда представлялъ тему для разговора.

— Что, кончилъ курсъ? спросилъ дѣдъ.

— Да, отвѣчалъ попь. — Мѣтить въ академію, ученымъ хочеть быть. Сколько онъ этихъ книгъ перечиталъ — страсть!

— На то наука... замѣтилъ дѣдъ.

— Сѣли его первоначалу-то, Боже мой! Потомъ исправился.

— Пошелъ?

— Пошелъ. Шибко пошелъ съ реторики-то. Диву дался тогда.

— Дерутъ ниче въ семинаріи-то? полюбовниствоваль дѣдъ.

— Да кто-жь тамъ, не-люди что-ль? отвѣчалъ попь. — Само собой поруть. Въ мое время шибко это шло. Я самъ былъ цензоромъ.

— Оттого и народъ выходишь, сказалъ дѣдъ.

— Ректоръ Исидоръ, такъ партами цѣлыми пармалъ: ниче.

прибѣрно, первая парта идетъ, завтра вторая, такъ до конца. Бывало, такъ и идутъ, особливо передъ Рождествомъ. Профессора загуляютъ къ празднику, особливо Микрай Коалище да Яшка Заушницевъ...

— Что-жъ это... перебилъ дѣдъ — имена?

— Имена.... Загуляютъ, говорю, къ празднику, въ классахъ пусто... ну и порютъ, чтобъ время, значить, не даромъ.

— А вѣдь что-жъ, замѣтилъ дѣдъ, помолчавъ: — и хорошо. Все добру учать.

— Это такъ.

— А родителямъ утѣшеніе... продолжалъ дѣдъ.

— Еще бы! вскинулся попъ: — вадери чловѣка или нѣтъ? разница.

— Не скоро высребешь! сообразилъ дѣдъ.

— Не лицо!

— Чесъба небось послѣ-то!

— Боже мой! У пономаря и теперь рубцы живы, коли ходилъ когда съ нимъ купаться. Развѣло.

— Вишь ты наука-то!

— Да! Чловѣкъ не звѣрь—какъ безъ порки? Все царство бы врозь пошло.

— Да вотъ какъ, продолжалъ попъ, помолчавъ и какъ-бы въ раздумьи, самъ съ собой: — теперь иной разъ во снѣ представится, знаешь, какъ на яву: скидаешь будто штаны и сейчасъ, значить, драть тебя...

— Шибко, стало, внушали...

— То-есть, Боже мой, какъ внушали... заключилъ попъ и понюхалъ табакъ.

Тутъ разговоръ прекратился на время, пока попъ, понюхавъ табакъ и собравшись съ мыслями, не завелъ снова рѣчь о племянникѣ, при чемъ пояснилъ, что о скоромъ прибытіи послѣдняго извѣщаетъ его отецъ Микита. Письма дѣда Микиты шли изъ губерніи и потому служили отцу Матвеемъ чѣмъ-то въ родѣ газеты; дѣдъ же вообще всему, что пашутъ или говорятъ въ губерніи (подъ этимъ именемъ въ уѣздахъ разумѣютъ обыкновенно губернской городъ), придавалъ не малое значеніе, ибо самъ бывалъ нерѣдко въ губерніи и по дѣламъ, и такъ по омазѣ, стало немудрено, что олъ, какъ чловѣкъ свѣдущій, немало заинтересовался, когда попъ Матвеемъ упоминалъ о письмѣ Микиты и сталъ понемногу передавать его содержаніе. Говорить понемногу, ибо попъ Матвеемъ, какъ чловѣкъ, рассказывающій нѣчто весьма любопытное, часто и какъ бы съ намѣреніемъ прерывалъ

свой рассказъ молчаніемъ, стараясь чрезъ то еще болѣе заинтересовать слушателя.

— Благодареніе Богу, пишетъ Микита, передавалъ, между прочимъ, попъ Матвей:—построились: флигель да сарай. Комета у нихъ тоже новая, съ хвостомъ. Не пишетъ, что означаетъ. Видно, еще и тамъ не знаютъ.

— Здоровъ самъ Микита-то? спросилъ дѣдъ.

— Переносицу зашибъ, такъ пишетъ, саломъ смазываетъ.

— Есть отъ одного древа сокъ... началъ дѣдъ.

— А водку они тамъ въ пять вогнали, перебилъ попъ.

— Серебра?

— Серебра. Хошь вовсе не пей, говорить. Меринъ совраснй тоже палъ. Шибко жалуется Микита-то. Да это все еще туда-сюда... Ты суди, во что они водку вогнали?

— Притча.

— Суди, во что теперь полштофъ-то?

Молчаніе.

— Свадебъ нѣту.

— Съ чего такъ?

— Не годъ, стало-быть.

Молчаніе.

— А впрочемъ, все тихо, замѣтилъ попъ.

Дѣдъ въ отвѣтъ на это вразнулъ.

— Моръ на скотъ, продолжалъ попъ.

— Гизъ, протянулъ дѣдъ.

— Войны, благодареніе Богу, не будетъ, пишетъ Микита, а во городу грабежъ.

— А перемиръ нѣту? спросилъ дѣдъ.

— Перемиръ нѣту.

Послѣ описаннаго нами разговора, попъ Матвей, въ теченіе, во крайней мѣрѣ, недѣли, бесѣдуя по вечерамъ съ дѣдомъ, обращался по тому или другому поводу къ письму отца Микиты. Либо припоминалъ какое обстоятельство, которое забылъ сообщить дѣду, въ родѣ того, что Микита новыя сапоги заказалъ да рясу старую передѣлалъ; либо же еще разъ обсуждалъ губернскія новости.

— А кто-то, вишь, написалъ въ газетѣ, припомнилъ разъ попъ, бесѣдуя съ дѣдомъ:—что русскіе тѣ же татары.

— Ну?

— Ну, такъ велѣно, вишь, выдрать писаку-то.

— Жидъ написалъ, сообразилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, съ увѣренностью отвѣчалъ попъ:—жида за это повѣсятъ.

— Ну, стало, прохвость каковой-нибудь.
 — Это такъ, подтвердилъ попъ:—изъ нашихъ же прохвость.
 — А то нѣмецъ? сообразилъ дѣдъ.
 — Нѣмецъ этихъ страсть теперь сколько! пишетъ Микита.
 — Что такъ? спросилъ дѣдъ.
 — Такъ, сказалъ попъ:—нельзя намъ безъ нѣмца.
 — Ишь! замѣтилъ дѣдъ.—Стало, ему житье у насъ?
 — Еще бы! Отчего жъ они оттелева-то бѣгутъ? Дома-то у нихъ хоть брось, а у насъ почетъ. Хлѣбъ-соль, милости просимъ. Всякая дрянь потому къ намъ и лѣзетъ.

— То-то вотъ, сказалъ дѣдъ:—нашъ братъ все это больше въ рыло наровить.

— Такъ. А нѣмецъ нѣтъ. Нѣмца ты, примѣрно, хошь бей, хошь плюй на него, хошь его огадь, онъ все тебѣ спасибо, все спасибо. Оттого ему ходъ.

— А намъ шашъ.

— А намъ шашъ, повторилъ попъ.—Теперь, говорятъ, какое ни на есть царство большое—ездѣ нѣмецъ требуется. И ездѣ, вишь, чуть мало-мальски,—такъ и запускаютъ нѣмцевъ... А они плодущи, прахъ ихъ побери, уходу тоже не требуютъ; разводятся—страсть! что твои тараканы...

— А все нѣмецъ легче, продолжалъ онъ въ раздумьи:—хуже нѣтъ, какъ свой же братъ зачнетъ тебя ѣсть. Пишетъ Микита-то, секретарь у нихъ теперь въ консисторіи: звѣрь, а не человѣкъ. Сколько онъ теперича этихъ поповъ заѣлъ, дяконовъ: по селамъ-то вой, хошь давись. Несутъ, несутъ, вишь, ему, чтобъ глотку-то поганую заткнуть—все мало. То-есть хуже нѣтъ, какъ нашъ же братъ тебя ѣсть.

Затѣмъ о. Матвей началъ рассказывать о кафедральномъ (т.-е. протопопѣ), который на дняхъ побожился-было съѣсть Микиту безпремѣнно, и Микита ужъ угодинка хотѣлъ поднимать, да кафедральный набросился, вишь, на другаго, такъ Микиту покаѣсть оставилъ. И ѣсть теперь онъ, кафедральный, поѣдомъ ѣсть отца Пафнута, котораго, надо полагать, и сшибетъ безпремѣнно. Изъ словъ Микиты оказывалось, что кафедральный чуть ли не больше звѣрь, чѣмъ секретарь. «Потому, объяснялъ Матвей:—что кафедральный самъ-то изъ грязи, стало, теперь и наверстываетъ».

— То есть, хуже нѣтъ звѣря на свѣтѣ, какъ человѣкъ, заключилъ онъ.

— Ну, понятно, замѣтилъ дѣдъ на это и всталъ.—Ниваги пора, продолжалъ онъ:—заговорились мы съ тобой.

Попъ тоже всталъ.

— Завтра подъ Маришки, что-ль? спросилъ онъ.

— Подъ Маришки.

— Ну, до завтра. Если припомню что еще, расскажу.

— У насъ бы такъ-то водку-то не вогнали? спросилъ въ свою очередь дѣдъ.

— Помилуй Богъ, отвѣчалъ попъ. — Микитѣ-то вотъ теперь бы молиться да радоваться, а тутъ водку-то какъ вогнали — и охаетъ.

На завтра чуть свѣтъ, они отправились подъ Маришки. Вообще, отецъ Матвей и дѣдъ рѣдко когда разлучаются. То подъ Маришками или подъ Чертеями рыбу ловятъ вмѣстѣ, то бесѣдуютъ вечеромъ на улицѣ; иной же разъ попъ самъ приходитъ къ дѣду, и наоборотъ: дѣдъ къ попу. Интересы промежъ нихъ всегда есть. Такъ дѣдъ иногда праздникъ какой запомнуетъ, или пожелаетъ узнать, когда Пасха, а то, бываетъ, спроситъ, какое зачало въ евангеліи на такого-то святого; по писанію тоже вопросы спорные случатся—все это разъясняетъ дѣду попъ Матвей. Послѣдній, въ свою очередь, нерѣдко совѣтуется съ сосѣдомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Чуть замѣтитъ какую шлаху у себя на дворѣ, либо доску — сейчасъ къ дѣду. Починка въ домѣ требуется — тоже. Садами же дѣдъ и попъ щеголяютъ другъ передъ другомъ. Только у перваго больше фруктовое дерево: вишень, малины — пропасть; у попа же садъ густой, темный: все липа да береза, вѣтви сплелись сводомъ; съ трудомъ пробивается кой-гдѣ солнце; воздухъ въ аллеяхъ прохладный, смолистый; скамейки дубовыя по сторонамъ; любо попу прохаживаться тутъ въ жаркій полдень; но за то плодовъ онъ не собираетъ никакихъ. Дѣдъ же не только собираетъ, но и продаетъ. Вообще у попа вездѣ порядокъ, чистота; въ домѣ у него все «по чину», какъ онъ самъ выражался: на полу ни соринки; часы съ кукушкой, портреты архіереевъ на стѣнахъ; потолокъ расписанъ цвѣтами, купидонами. Старинные стулья съ высокими спинками, зеркала съ бронзовыми украшеніями, потуснѣвшими отъ времени, полка съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застѣжками, кропильница на полкѣ рядомъ съ просвирой, завезенной гдѣ-то десять тому изъ Кіева, образа съ зажженными лампадами, съ воткнутою сзади вербою, вѣнокъ отъ прошлагодняго троишна дня — такова была обстановка отца Матвея, если прибавить еще большаго сибирскаго kota, которому, по словамъ попа, на прошлаго Михаила Архангела чуть ли не двадцать стукнуло. Совсѣмъ не то у дѣда. Въ саду аллея почти нѣтъ; солнце тамъ и самъ; воробьи чиркаютъ; небо не ключами синѣетъ, какъ у попа, а такъ все виситъ

громднымъ синимъ куполомъ; въ добавокъ, клѣтки развѣшаны по вѣтвямъ, западни... За то, если нѣтъ тѣни, такъ другое угодье: сѣтами покрыты яблони, вишни; видно, какъ наливается и зрѣетъ ягода; вѣтся хмѣль по плетню, по тычинамъ; огромное чучело, въ зимней дѣдовой шапкѣ, стоитъ надъ горохомъ, отпугивая воробьевъ. Изъ всего дѣдъ извлечетъ пользу. Ромашку даже соберетъ и высушитъ, и продастъ при случаѣ; а не продастъ — самъ напьется когда зимою, коли поясница шибко заломить, а то и такъ, отъ нездоровья вообще. Такое практическое направленіе дѣда еще болѣе отражалось на внутренней домашней обстановкѣ. Какъ у попа все было чисто убрано и «по чину», такъ у дѣда, напротивъ, все въ комнатѣ выражало неистощимую изобрѣтательность и разностороннюю дѣятельность хозяина. По стѣнамъ развѣшаны были клѣтки, которыя дѣдъ самъ строилъ; чужи, жаворонки наполняли комнаты немолчнымъ чириканьемъ, урчаньемъ, свистомъ; мухи звенѣли въ окнахъ, на полу разстилались сѣти... Сору было пропасть; по угламъ виднѣлись начатныя клѣтки; со стѣнъ, съ потолка, однимъ словомъ отовсюду торчали гвоздики, крючки, зацѣпы разные; все это увѣшано было сѣтми, отчего солнце, попадая въ полдень въ окна, рисовало самыя прихотливыя узоры на полу и на стѣнахъ. При всемъ видимомъ беспорядкѣ, дѣдъ, однако, хорошо помнилъ каждый гвоздикъ, зналъ, на которомъ мѣстѣ сушились, наприкладъ, штаны, гдѣ виситъ мѣшочекъ съ наживой для рыбы, и проч. На столѣ и окнахъ лежали инструменты разные: шило, рубанокъ, дратва. Тутъ же валялись точеные столбикъ отъ клѣтокъ, шпешечки разные, иной разъ гайка отъ самовара, половина подковы, горлышко отъ бутылки, пробка, кака-нибудь жестяная полоска, которой въ свое время дѣдъ ужъ непременно дастъ извѣстное употребленіе. Но главное неудобство для посторонняго посѣтителя представляли маленькіе гвоздики на полу для растагиванія сѣтей: самъ же дѣдъ такъ хорошо помнитъ каждый гвоздикъ, что подобно фокуснику, идущему по ящикамъ съ завязанными глазами, могъ даже ночью найти въ своей рабочей какую угодно вещь не споткнувшись. Удивительно также, какъ дѣдъ умѣлъ всему дать смыслъ и значеніе. Ничто не пропадало у него. Несмотря на то, что стѣны были усыяны всѣмъ, что только можно было вбить или повѣсить, онъ все-таки находилъ мѣсто прилѣпить какую-нибудь барыню съ конфетъ, или же просто билетикъ съ двустороннимъ, въ родѣ: «Вонсъ, брусничная вода мнѣ не надѣлала бѣ вреда». Особенно уваршались этимъ окна: тутъ былъ в клочекъ цвѣтной бумаги, а орелъ съ табачнаго картуза, аккуратно вырѣзанный; даже кусо-

чекъ воску съ прилѣвленной къ нему шелковинкой, пестрый снурокъ съ аптекарской слянки, вѣсколко бумажныхъ кружковъ съ помадныхъ банокъ, съ надписью «Альфонсъ Ралле», потуснѣвшіе ключки когда-то золотого бордюра, картинка изъ дѣтской азбуки на букву В, и съ подписью «Ваня», наконецъ, тамъ и самъ воткнутыя булавы, иголки, и проч. и проч. Однимъ словомъ, самую оживленную картину представляла комната дѣда. Да и самъ онъ, сидѣвшій согнувшись на стулѣ у окна, среди окружавшаго его хлама, съ мѣдными очками на носу, иногда на лбу, не мало способствовалъ общему впечатлѣнію. Онъ или плѣлъ лесу, либо сѣтъ чинилъ, а то клѣтку отдѣлывалъ: самъ точилъ столбики, самъ полировалъ, и самъ же клалъ все это на окна, на солнце, чтобы высохло хорошенько. По временамъ же посвистывалъ въ дудочку, если замѣчалъ, что птицы переставали пѣть. На поясъ у дѣда, надо замѣтить, тоже висѣли крючки разные, мѣшочки, ключи, дудочки костяныя и деревянныя, въ которыя по временамъ онъ посвистывалъ. Самая длинная изъ нихъ называлась свиристѣлкой и употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, именно, когда чижи и прочая мелкота, что сидѣла кругомъ въ клѣткахъ, слишкомъ уже совѣла отъ жару и упорно молчала, несмотря на обычныя средства, употребляемыя въ такихъ случаяхъ дѣдомъ. Средства эти были: ножъ съ вилокъ, дудочка съ однимъ свистомъ, костяная дудочка въ два свиста и съ какимъ-то еще, по выраженію дѣда, прѣсвистомъ; затѣмъ, деревянная дудка съ переборомъ; кромѣ того, обыкновенный свистъ ртомъ, раздѣлявшійся на свистъ въ полпальца, и свистъ въ полтора пальца, тоже съ прѣсвистомъ; къ крайнимъ средствамъ принадлежали: свиристѣлка и пищалка. Употребленныя вмѣстѣ, онѣ производили удивительное дѣйствіе. Не даромъ дѣдъ называлъ пищалку самограемъ. Какъ бы ни осовѣли птицы, при звукахъ ея тотчасъ же начинали уже не пѣть, а такъ-сказать, орать во все горло. Свирецъ поминутно повторялъ: «Аминь и Богу слава!»; чижъ тянулъ Херувимскую; кака-то птичка, въ родѣ овсянки, выдѣлывала: «И во Господу»; даже сигирь надувался что-то спѣть, да, къ сожалѣнію, ничего не выходило; однимъ словомъ, шумъ, гамъ были несказанные. Впоследствии, дѣдъ еще болѣе усовершенствовалъ систему дудочекъ, прибавивъ двѣ новыя подъ номерами: Большая сопель № 1, и Малая сопель № 2. Обѣ повисли на поясъ. Можно судить, каково было ихъ дѣйствіе вмѣстѣ съ пищалкой и свиристѣлкой. Не мало дивился попъ, пробуя то ту, то другую сопель.

— Что въ ней особаго? спросилъ онъ, вынимая изо рта второй номеръ.

— А видишь ли, отвѣчалъ дѣдъ: — свистъ-то въ ней словно съ насморкомъ.

Такова была изобрѣтательность дѣда. Оттого и обстановка была хлопотливая, дѣятельная; войдешь въ комнату, словно все воочию совершается; видишь, какъ кипитъ работа, поспѣваютъ клѣтки, сѣти новья плетутся, лукъ въ горшкѣ прозабаетъ... Не то у попа. Тамъ размѣры сравнительно грандіознѣе; тишина въ комнатахъ невозмутимая, запахъ нѣсколько затхлый, съ примѣсью ладона, напоминающій отчасти ризницу: не услышишь тутъ ни дудки, ни дудочки, проукують развѣ часы, да боть пере-скочить со стула на диванъ. Попъ тоже иной разъ вздохнетъ, сѣда у она, въ сумерки, или постучитъ пальцами по столу, а то и скажетъ что-нибудь, когда мысль придетъ.

Тутъ встаетъ сказать о времяпровожденіи попа, въ случаѣ, если онъ остается одинъ. А это нерѣдко бываетъ, особливо осенью, когда рано начинаются сумерки и долго освѣчиваютъ своей блѣдной, чуть теплящейся зарей. Въ вечернемъ воздухѣ холодно и ясно; предметы выдѣляются рѣзко, не такъ, какъ лѣтомъ, когда они, кажется, тонуть въ поминутно измѣняющихся тѣняхъ гаснущаго неба. За рѣкой желтѣетъ лѣсъ, что былъ недавно еще зеленый и густой, и стлались золотныя нивы у опушки его; а теперь, на мѣсто ихъ, голныя озими, торчатъ шалаши, прежде прятаншіяся въ зелени, да ближе, у самой почти рѣки, избѣнка мельника Прохора, охваченная послѣдними лучами солнца, кажется словно въ огнѣ вся: самъ Прохоръ въ соломенной шляпѣ, сѣда на бревнѣ у завалинки, доплетаетъ лапоть, а дѣвчонка его, Ганьба, обвила ручонками желтую овчарную собаку, и карабкается сѣсть на нее верхомъ... Все это видно бываетъ попу изъ окна, у котораго онъ любить сидѣть; налѣво же, немного наискось черезъ дорогу, является дѣдъ въ окнѣ, тоже охваченный солнцемъ: стругаетъ что-то, спѣшитъ, видно, кончить засвѣтло; мѣднныя очки блестятъ, во рту дратва: выстругалъ и вертитъ что-то буравомъ старикъ, приподнялся даже; и вотъ уже прикидывается на свѣтъ дырку, что буравомъ сдѣлалъ, продуваетъ... Слѣдитъ попу. Продулъ дѣдъ дырку, сѣлъ, свистнулъ въ дудочку.

«И суетливъ же старикъ!» думаетъ попу.

Но погасло окно у дѣда. Вышелъ дьячокъ Мартинъ на улицу. Вышелъ и сталъ на крылечкѣ: бороду поглаживаетъ.

«Должно, трезвъ», думаетъ попу.

Вечеръ темнѣетъ все больше и больше. Выступаютъ кой-гдѣ звѣзды. Мартинъ смотритъ вверхъ на небо.

— Тоже на звѣзды глядитъ, говоритъ попь. — И чтó онъ тамъ видитъ, желательно знать?

Мартынъ сплюнулъ и сѣлъ.

— Вотъ такъ-то! насмѣшливо сказалъ попь. — Сущій пѣсъ!

Мартынъ, дѣйствительно, за пьянство и за бушеваніе, извѣстенъ былъ во всей улицѣ подъ именемъ пса.

Высказавъ свое замѣчаніе о Мартыпѣ, попь начинаетъ постукивать пальцами.

По мѣрѣ того, какъ темнѣетъ на улицѣ, въ комнатѣ отца Матвея свѣтъ отъ лампы становится ярче: портреты выступаютъ изъ мрака, поблескиваетъ позолота на зеркалахъ, цвѣты и купидоны, чтó ближе къ образу, становятся виднѣе.

Попъ все сидитъ у окна, постукиваетъ пальцами и думаетъ по временамъ. Мысли свои онъ больше вслухъ высказываетъ. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ замѣчался строгій порядокъ: свободно текутъ мысли у отца Матвея, смотря по тому, какъ и чтó приходитъ ему въ голову. Иногда являются онѣ въ формѣ замѣчаній, или соображеній, и всегда сопровождаются паузами, болѣе или менѣе продолжительными.

«Хорошая насѣдка у пономаря», думаетъ, наприимѣръ, попь, постукивая пальцами.

Тутъ слѣдуетъ молчаніе, ибо нельзя такъ, чтобы сразу же и другая мысль пришла. Погода мало, попь продолжаетъ:

— Мартынъ развелъ-было цесарокъ, да не пошли отчего-то.

Пауза.

— Вотъ гусинныя яйца, такъ очень велики. Мартынъ сказывалъ, что ѣлъ.

Тутъ попа беретъ сомнѣніе, дѣйствительно ли Мартынъ ѣлъ.

— Да чего! говоритъ онъ, какъ бы сообразивъ: — онъ, поди, и воробьиныя жралъ.

Въ окнѣ у дѣда блеснулъ свѣтъ.

— Э! говоритъ попь, совсѣмъ уже вслухъ: — сосѣдъ нивагъ свѣчку зажегъ. Нѣтъ, потухло. Должно, трубку закуривалъ.

Пауза.

— Съ чего это табакъ жгутъ?

Затѣмъ, опять про себя:

— А скоро, должно, заморозки пойдутъ. То и дѣло въ сннѣ свербить.

И попь постукиваетъ пальцами.

— Выпить чайку развѣ?

Громкая зѣвота; попь креститъ себѣ ротъ три раза и оглаживаетъ сапоги.

— Э, эхъ-ма! говоритъ онъ довольно громко: — въ непогодѣ моволь-то поеть.

И затѣмъ смотритъ въ окно.

— Никакъ это Аксютка колесомъ ходитъ. Вишь, вишь!... (попъ привсталъ). Онъ и есть. А воиъ и Мартынь. Должно, смотреть тоже.

Мартынь, дѣйствительно, стоитъ на крыльцѣ, заложивши пальцы въ жилетные карманы, и пристально слѣдитъ за Аксюткой.

Поглядѣвши, какъ Аксютка ходитъ колесомъ, попъ опять садится и, немного погодя, вздыхая, восклицаетъ:

— О-охъ! Божье-то дѣло куды велико!

Пауза.

— Такъ оно все! говоритъ какъ бы въ заключеніе попъ. — И не увидишь, какъ проживешь.

Тутъ опять мысли прерываются. Опять отецъ Матвей стучитъ по столу. Изрѣдка вздыхаетъ и произноситъ что-то въ родѣ хе-хе-хе...

— А чтѣ, какъ бы спохватившись говоритъ онъ: — когда у насъ высокость-то?

И идетъ къ календарю, чтѣ виситъ на стѣнѣ, смотрѣтъ, когда высокость.

Трудно разглядѣтъ что-нибудь на листѣ, именуемомъ календаремъ. Календарь, надо замѣтить, *отчмый*, и мужи до того испе-стрили его, что всѣ краски, означавшія праздники большіе и малые, смѣшались: дѣдъ чуть-было не потерялъ глаза, отыскивая разъ Акима на 1903-й годъ. (Благочинному Акиму было уже въ то время за 80, но все-таки понадобилось зачѣмъ-то узнать, во что онъ будетъ именинникъ въ 1903 г.). Не малую возню доставляетъ календарь попу. Двѣ свѣчи зажигаетъ, двое очковъ надѣваетъ иной разъ отецъ Матвей, чтобъ отыскать новый годъ, не говоря уже объ Акимѣ, либо о Фодотѣ...

Вечернія занятія попа бѣльшею частію начинаются съ календаря. Зажигается свѣча, отыскивается чернильница съ перомъ, и высокость, напрымѣръ, либо что другое, вносится для памяти въ особую тетрадку. Подобно дѣду, попъ имѣетъ обычай записывать все, чтѣ, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія. Для этого существуетъ особая тетрадь изъ плотной сѣрой бумаги, довольно толстая; только попъ не записываетъ все безъ разбора, какъ дѣдъ, а довольствуется извѣстными замѣтками касательно домашнего хозяйства или медицины. Бѣльшая часть тетради наполнена рецептами, переданными отъ вѣрныхъ людей, въ разныя времена. По вечерамъ, отецъ Матвей почти всегда занн-

маестя тетрадкой, перечитываетъ старое, новое вписываетъ. По множеству рецептовъ, тетрадь скорѣе можно назвать лечебникомъ, хотя самъ отецъ Матвей во всю жизнь ничѣмъ не лечился, кромѣ ромашки да муравьиного спирта. Былъ еще у него настой особаго свойства, на какихъ-то кореньяхъ, по рецепту изъ тетради: и дѣдъ и пошъ часто прибѣгали къ нему.

— Ну-ка, снаряду-то разрывнаго! говорилъ дѣдъ.

И удивительное дѣйствіе имѣлъ снарядъ. Слабить начнетъ — снарядъ, обратно — опять снарядъ; кашель, ломъ въ спинѣ, тоска подъ ложечкой, вывихъ незначительный — все снарядъ; даже если мозоль сильно занеетъ, пошъ и тутъ настоємъ лечится. Однимъ словомъ, все какъ рукой снимаетъ. Помогаетъ отъ усталости, отъ большой ходьбы, хорошъ на похмѣлье; многолѣтнимъ опытомъ дѣдъ и пошъ убѣдились, что нѣтъ такой болѣзни, которой бы не вылечилъ снарядъ. Да и чего только нѣтъ въ немъ! Перець, ромашка, дурманъ, почечуй-листь, разрывъ-корень (названія, обозначенныя въ тетради), да еще штукъ пять-шесть: все это двѣнадцать днѣй стоитъ на водѣ, въ теплѣ,—можно судить, какова сила! Да и вообще всѣ рецепты, по которымъ у попа Матвея лечится чуть не полприхода, довольно сильны, сколько можно судить по нѣкоторымъ ингредиентамъ, каковы, напримѣръ, порошокъ, хмѣль, лаписъ-камень, коровій помѣтъ, дѣготъ и проч. Есть также средства, основанныя на симпатіи, наговорѣ; есть слова извѣстныя, сохранившіяся будто бы отъ языка, на которомъ Адамъ говорилъ въ раю, и т. п. Много также зелий разныхъ, каковы: бабье зелье, самодурное зелье, зелье, чтобъ мужья женѣ не били, особня зелья, чтобъ начальникъ былъ ласковъ, чтобъ большой человекъ не обидѣлъ, чтобы чортъ не обошелъ, чтобы чинъ большой дали. Для образчика приведемъ нѣкоторые рецепты:

Отъ лихорадки. Возьми козьего пуку (лучше ежели отъ козла), обмочи въ масло простое деревянное и приложи къ пупу: ежели будетъ жечь, мочи водой. Лихорадка пройдетъ въ одинъ день, какъ не бывало.

Отъ запоя. Намеси отрубей и смажь коровьимъ каломъ; клади въ рюмку по ложкѣ передъ тѣмъ, какъ пить. Повторять сіе два раза и болѣе. При семъ ставить свѣчку св. чудотворцу Николаю черезъ день.

Нѣкоторые рецепты носятъ названія секретовъ. Таковъ:

Секретъ отъ тайной болѣзни. Возьми шелкъ сырецъ, намотай на коровій хвостъ и держи девять днѣй; все сіе вскипяти въ чистой водѣ до трехъ разъ и съѣшь часть натошакъ передъ обѣдней; ежели не пройдетъ, то поди къ колодцу, стань подъ

вѣтеръ и скажи такъ: *колодезь, колодезь, возьми мою болѣзнь; у хвоста короля много здоровья.* Въ ту же минуту станешь здоровъ, а на утро поставь свѣчку Полиевту Мученику. Сказывалъ Сидоръ Перепойкинъ изъ села Самопрядова.

Секретъ, чтобы водились курь. Возьми насѣдку и обнеси кругомъ избы; стань къ солнцу и говори такъ :

Разродись, зуриное отродье,
Батюшкѣ на угодь,
Матушкѣ на подспорье,
Мнѣ на здорovie.

куръ въ ту же весну народится гибель.

Пныя замѣтки не носятъ никакого заглавія. Просто, напримѣръ, говорится :

«Ежели зимой на дорогѣ нападетъ блудъ, то дунь на вѣтеръ и скажи три раза: *зачаль-пѣчаль-много ворочаль; обернись, воротись, напередъ задомъ станы.*»

Любопытна слѣдующая замѣтка, помѣщенная въ числѣ велій:

«Ежели зашумитъ генераль и учнетъ тебя ругать, то, сотворивъ про себя молитву, прочитай про себя же «Взбранную». Генераль укроется и въ скорости станежъ къ тебѣ милостивъ».

Въ тетради встрѣчаются также замѣчательныя изреченія, выписки изъ книгъ. Напримѣръ :

«Есть на землѣ три пупа: Москва, Константинь-градъ да Ерусалимъ.— Выписано изъ книги въ бытность у поля Микиты, ея же заглавіе такъ: «Краткое Всемирное Позорище или Малый Оеатронъ, къ споспѣшествованію російскаго юношества раченіемъ всего духовнаго московской академіи чина купно изданный согласно Православной Каѳолической Церкви и св. отцовъ, на пользу и поученіе».

Таково вообще содержаніе тетради. Дѣдъ нерѣдко дѣлаеть изъ нея выписки, ибо въ ней встрѣчаются рецепты, касающіеся леченія птицъ.

— Ну, вотъ никакъ и день прошелъ, говоритъ попъ, перелистовавъ тетрадь, и смотритъ на часы. Затѣмъ выпиваетъ настойки, трапезуетъ по обычаю, и, сотворивъ молитву, отправляется на покой.

— Знать Матвей-то лёгъ, говоритъ въ то же время дѣдъ, поглядѣвъ въ окно. — Стало пора: онъ по часамъ ложится! И, сотворивъ молитву, тоже отходить во сну.

Такъ тихо и мирно живутъ наши знакомцы. Да и нельзя имъ жить иначе. Тутъ они выросли, тутъ поженились, и сами себя

не отдѣляются отъ почвы. Они вполне автохтоны. Поля, сады, поросшая травой улица, церковь подлѣ — все это видѣло попа и дѣда тогда еще, когда нижншіе старики бѣгали босые ребятишками. Въ глазахъ попа и дѣда все, кажется, имѣетъ смыслъ. Вотъ, на примѣръ, береза въ церковномъ саду у забора: она была когда-то тонкая, жидкая — теперь же какую длинную тѣнь бросаетъ на дорогу, когда заходитъ солнце! А колоколь церковный? Больше полсотни разъ слышали старики наши ночной благовѣсть его во время Свѣтлаго дня. Самъ дѣдъ когда-то былъ мастеръ звонить и въ молодости ходилъ объ святой на колокольню. Теперь старикъ не сможетъ уже взойти туда, да и охоты нѣтъ. А весело тамъ. Далеко видно поле; въ свѣтломъ туманѣ весенняго дня покойно тонетъ глазъ, лиловыя облака по краямъ, и вѣтеръ свѣжій, здоровый обдаетъ лицо. Бѣжить по колоколамъ вѣтеръ и слышится гулъ отъ нихъ; а то вдругъ станетъ тихо все на мигу: только постукиваетъ капель, тихо падая сверху. Иной разъ донесется съ поля звонкая пѣсня жаворонка: звенить и льется, какъ серебро...

Съ малолѣтства, какъ истыхъ дѣтей своихъ, убаюкивала стариковъ нашихъ природа, да и теперь относится къ нимъ ласково, бережно. Нѣтъ ни морозовъ большихъ, ни жаровъ лѣтомъ особенныхъ; на высокой горѣ стоитъ городъ, кругомъ лѣса, холмы, пригорья; воздухъ всегда чистый, здоровый. И что всего важнѣе — рыба не переводится. Ловится окунь, головль, лещъ; зимой же ёршь и налимы.

Какъ сама природа, тиха и безмятежна жизнь стариковъ. Нѣтъ въ ней переменъ особенныхъ: цѣлые годы идутъ ровно, одинаково. Наступитъ ли зима, весна ли настанетъ, лѣто, — заранѣе уже извѣстно пону и дѣду, что дѣлать и гдѣ ловить рыбу, и какъ: на червя ли, на муху, подъ Зудѣшками ли начинать, или подъ Чертками, ибо на все есть примѣты. Календарь покажетъ солнцу восходъ, ущербъ мѣсяцу. По Пасхѣ вычислятся праздники, посты, и весь годъ такимъ образомъ раздѣлится на извѣстные опредѣленные пункты, каковы: Петровки, Троица, Успѣнье, и проч.

Какъ годы, похожи и дни другъ на друга. Особенные случаи развѣ тѣ, что дѣдъ или попъ, по неосторожности, бултыхнетъ въ воду съ головой гдѣнибудь на Чеврижномъ Яру подъ Зудѣшками: ну, о такомъ днѣ вспоминаютъ, разговоръ ведутъ. Дѣдъ даже въ календарѣ записываетъ, коли случится, побываетъ въ проруби.

Покойны и ровны дни, еще покойнѣй ночи.

Тихо гаснетъ въ сумеркахъ день; вечеръ смѣняется тьмою.

Одолѣла дремота попа, одолѣваетъ дѣда. Проловили весь день старики на Черткахъ, выходили версть двадцать. Скоро, сотворивъ молитву, заснуть они оба. И какой освѣжительный сонъ посылаетъ имъ ночь, словно знаетъ, что старикамъ опять завтра надо рано поспѣвать подь Маришки!

Чуть мерцаетъ лампада въ окнѣ у попа; близится къ полночи время. Высоко поднялся мѣсяцъ, ходитъ дозоромъ надъ улицей и пробирается лучами въ окна. Попъ не закрывается на ночь: чудится, будто голубая дымка изъ лучей спустилась съ оконъ на-поль. У дѣда ставни; но пробрались въ скважины голубые лучи, искрестили комнату: тамъ блеснулъ гвоздикъ, тамъ стекло... Одинъ лучъ пронизалъ кѣтку, освѣтилъ голову чижа, спавшаго на жердочкѣ, и побѣжалъ тонной голубой полоской по стѣнѣ до пола...

Видится дѣду попъ, сидитъ будто надъ водой, рыбу удить. Отражается сѣдой попъ въ рѣкѣ, надъ нимъ зеленоватая тѣнь, а вверху клочками снѣжетъ въ вѣтвяхъ небо. Чуть лепечетъ волна, подбѣгая къ берегу, бѣжитъ поплавокъ, облѣпленный сургучемъ. Самъ дѣдъ будто на другой сторонѣ, но рѣка такъ узка, что можно разговаривать. Попалась попу большая рыба, и видитъ дѣдъ — натянута леса, какъ струна, ходитъ огромный окунь и гнетъ въ кольцо приподнятую удищу. Встрепенулась у дѣда душа — не изъ камня! слѣдить за попомъ, слова не выговаривать. А окунь все ходитъ и ходитъ. Хочетъ дѣдъ бривнуть попу — и просыпается отъ волненія. Но сонъ такъ ярокъ, что, повернувшись на другой бокъ и перекрестившись, дѣдъ все еще видитъ окуня.

— И за что онъ его захлеснулъ? думаетъ онъ — подь ребра что ль? и снова засыпаетъ.

Грезится попу дѣдъ. Свиститъ будто въ дудочку, а Микита подлѣ въ сопель дупить.

— Зачинай! говорить дѣдъ.

Микита надулся.

Дупить Микита въ сопель нещадно.

— Шибче! кричитъ дѣдъ, выбивая тактъ ногою.

— Вотъ свирстать! думаетъ попъ.

Но тутъ представляется ему Мартынь съ огромной трубой; онъ надувается больше и больше, готовясь сыграть. Вотъ уже приладилъ къ дыркамъ пальцы.

Холодный потъ проступаетъ на лбу у попа. Мартынь все дуется. Надъ самымъ попомъ приладилъ трубу: видать отецъ Матвей широкое, темное какъ ночь, отверстие.

— Тьфу, окаянный! говорить онъ, проснулся отъ кошмара и начинаетъ читать «да воскреснетъ Богъ».

Но легче становится сонъ, свободнѣй дышать грудь, ибо чуетса близость утра.

Словно въ полглаза проглядываетъ ночная темь; брезжутъ сумерки. Тишина мертвая повсюду. Все словно задумалось. Листъ не шелохнется на деревѣ. Но это уже не сонъ. Все, чудится, насторожило очи и ждетъ чего-то. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, видишь въ часъ разсвѣта, какъ будто зарождается какая-то смутная мысль въ природѣ.

Но ближе и ближе утро. Свѣтлѣютъ вершины окрестныхъ горъ, серебрится туманъ надъ рѣвою.

Высоко поднялась заря и гонять облава передъ собой и золотить края ихъ. Просыпаются, отражаютъ ночную влагу деревья, лепечуть промель себя и, охваченныя первыимъ вѣтромъ, шумять, расправляя вѣтви. Такъ оправляетъ слегка шумящее платье молодая хорошенькая дѣвушка, входя къ давно ждущимъ ее гостямъ и разливая кругомъ себя ароматъ свѣжести и молодости.

Разгарается ярче и ярче заря. Повставали тамъ и сямъ прятаншіяся во мракѣ ночи колокольни, и вотъ, наконецъ, первые косвенные лучи солнца обняли городъ: пронизали заборы, шетни, потянулись по улицамъ, забрались въ окна, къ попу съ улицы, къ дѣду со двора.

Первый просыпается дѣдъ, открываетъ ставни и свѣжаго вѣтру нускаетъ въ окна. Сѣлъ у окна и сидитъ. Свистнулъ, по обычаю, въ дудочку.

— Э! думаетъ онъ — дырку-то я доверчу теперь, а какъ ночь Матвей встанетъ, то и пойдемъ подъ Маршени.

И тутъ же начинаетъ вертѣть дырку.

— Ай ужъ всталъ? кричитъ отецъ Матвей изъ окна.

— Вотъ! отвѣчаетъ дѣдъ.

Попъ, высунувшись изъ окна, оглядѣлъ, прищурясь, улицу, расправилъ бороду.

— Ай, что вертишь? обратился онъ снова къ дѣду.

— Верчу, отвѣчалъ дѣдъ безъ объясненій.

Попъ почавкалъ губами, сплюнулъ.

— Ночь-то спалъ?

— Сналъ.

— Мартинъ мнѣ снился, сказалъ попъ.

Дѣдъ продолжалъ вертѣть.

— Съ трубой словно. А ты будто съ Миентой въ сонель дуешь.

Дѣдъ пригнулъ на свѣтъ дырку.

— Ай продуваешь? спросилъ попь.

— Видѣлъ я, началъ въ свою очередь, съ разстановкой и стругая въ то же время что-то, дѣдъ: — будто ты окуни вытаскилъ.

— Ну? сказалъ попь.

Дѣдъ помолчалъ и затѣмъ, опять съ разстановкой и стругая, продолжалъ:

— Фунтовъ отъ семи будто ты вытаскилъ окуна. Подъ Чертками словно.

— Ишь ты!

Дѣдъ замолчалъ и сталъ оглядывать шило.

— Вишь, сказалъ попь. — Отъ семи фунтовъ.

— Да! подтвердилъ дѣдъ. — Подъ Чертками, а не подъ Маришками.

— Подъ Маришки что ль нишче? спросилъ попь.

Дѣдъ помолчалъ.

— Словно бы на Чертки, отецъ Матвей! въ раздумьи проговорилъ онъ, оглядывая въ то же время гладко выструганную палочку.

— А на Чертки, такъ на Чертки, согласился попь.

— А то нѣтъ подъ Маришки.

— И подъ Маришки хорошо, подтвердилъ попь.

— Ежели подъ Маришки, началъ съ разстановкой дѣдъ:—то надо, отецъ Матвей, на муху, подъ Чертки же червяка припасаи, и ежели станетъ браться, то что твои Маришки... Мельникъ тамъ, выходитъ, Агаѳонъ (дѣдъ что-то застругалъ)... Подъ Чертками-то... Прохору, видишь, свать... лѣтъ ему подъ семьдесятъ... Жена у него Маланья, у Агаѳона-то, и завсегда, почитай, на мельницѣ, потому самъ-то пьетъ...

Такъ начинается день у пріятелей нашихъ; такъ же начинался онъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, и спокойнѣе шло все у пона съ дѣдомъ, почитай, одинаково. Поэтому такъ сжились старикъ съ окружающею обстановкой, такъ привыкли къ ней, что къ самымъ явленіямъ природы относятся какъ-то запросто, хозяйственнымъ, можно сказать, образомъ. Они почти убѣждены, что если восходить солнцу, то чуть ли не потому, что ночью же нельзя всегда рыбу ловить. Зима, по ихъ понятіямъ, для того существуетъ, чтобы за нею наступало лѣто, и, пожалуй, наоборотъ. Когда кто-то спросилъ отца Матвея, затѣмъ на небѣ звѣзды, то онъ совершенно естественно отвѣчалъ: «а что жь бы ночью-то было?» Такъ все просто и естественно кажется старикамъ, что никогда никакіе вопросы, въ родѣ «почему» да «какъ», не приходятъ имъ въ голову. Разъ

только отецъ Матвей вздумалъ поставить нѣсколько философскн вопросъ, по поводу камня, встрѣченнаго на дорогѣ.

— Чтѣ, еслибы, сказалъ отецъ Матвей:—да бросить этотъ камень съ неба на землю?

Дѣдъ помолчалъ.

— Да, сказалъ онъ въ свою очередь:—здорово бы треснулся. Тѣмъ и рѣшенъ былъ вопросъ.

Но какъ просто и даже, можно сказать, по домашнему относятся старики къ окружающей ихъ природѣ, можно судить уже по самымъ выраженіямъ, какія употребляются попомъ и дѣдомъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Вишь разгремѣлся какъ! говорить, напимѣрь, дѣдъ, поглядывая во время грозы въ окно.

— Прощель, продолжаетъ онъ, когда минуетъ гроза: — вишь куда поворотилъ... Ну, теперь на Захарыно возьметъ... Мужиковъ-то съ поля всѣхъ сгонить...

— Да чтѣ, когда солнцу-то восходъ? спрашиваетъ иногда попу такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: да гдѣ горшокъ-то разбитый?

Солнце, впрочемъ, еще уважаютъ старики, потому пригрѣтъ вной разъ; но мѣсяцу нивакого, можно сказать, почету отъ нихъ нѣтъ.

— Да чтѣ мѣсяцъ-то свѣтитъ, что-ль? спрашиваетъ иногда попу въ сумерки.

— Не видать, говорить дѣдъ.

— Погляди-ко въ календарѣ.

— Да по календарю-то вонъ онъ.

— Что жъ онъ по сѣхъ поръ?

Да и не къ мѣсяцу одному: и къ другимъ явленіямъ относятся они не всегда съ уваженіемъ.

— Гляди-ко, расшумѣлся! обращается дѣдъ къ попу, указывая на крупный, пронизанный косыми лучами солнца, дождь.

— Слѣпой, оттого и шумить, замѣчаетъ попу.

Или, напимѣрь, осенью, тоже во время дождя:

— Вишь пошелъ, не уймешь, говорить дѣдъ: — в чего свѣтъ?

— Чего свѣтъ! отвѣчается попу. — Извѣстно, осеннягъ безтолковъ; ему только бы идти...

Но за то есть явленія, пользующіяся какъ бы особымъ преимуществомъ. Такъ, радуга называется не иначе, какъ «Божьей», первый снѣгъ «снѣжкомъ», трава весенни «травкой» и т. п.

Такимъ образомъ ко всему въ природѣ старики относятся нѣсколько своеобразно: къ иному дружелюбно и ласково, къ иному съ пренебреженіемъ, смотря по тому, какой отъ чего толкъ ви-

дять. Да и какъ относятся иначе? Все-то имъ знакомо, все свое, родное. Нѣтъ мѣста, кажется, кругомъ верстъ на двадцать, котораго бы они не знали вдоль и поперегъ. Пригорокъ ли подымется, спустится ли дорожка въ оврагъ и, извиваясь между кустами, побѣжитъ къ самому дну, гдѣ прыгаетъ по яркоблѣвющимъ камнямъ ручей; перекинется ли ветхій въ двѣ-три жерди мостовъ тамъ, гдѣ столпившіеся по берегамъ лѣса стѣснили обычную ширь рѣки, и зеленѣющія волны, прыгая и шумя, грозятъ опрокинуть смѣлаго путника вмѣстѣ съ переправой; пойдетъ ли густой, съ непроницаемыми чащами, лѣсъ, гдѣ роса не спадаетъ съ листьевъ, гдѣ солнце среди лѣта не можетъ добраться до снѣга, что лежитъ въ глубинѣ овраговъ; или же взбѣжитъ на пригорокъ жидкій, наполовину срубленный лѣсокъ, весь пронизанный золотыми лучами заходящаго солнца; вездѣ, однимъ словомъ, хожено да перехожено, развѣ только тамъ, гдѣ чортъ ногу сломить, дѣдъ съ попомъ еще не были. Да и въ такихъ мѣстахъ бывали, особливо смолоду. Станетъ иной разъ, что стѣна, берегъ, буеракъ на буеракѣ, цѣпляйся за землю, на суку висн надъ самой водой, а то по шлотинѣ перебирайся къ мельницѣ, рукой держись за колышекъ, а ногой ищи, гдѣ упереться. Да все нипочемъ было смолоду. Теперь ужъ не ходятъ старики по такимъ мѣстамъ. Наровятъ гдѣ бытишь да гладь, да чтобъ и тѣнь была. А все шлеются: чуть маломальски свѣтлый денекъ, такъ ихъ и тянетъ, такъ и выпираетъ изъ дому. Впрочемъ, мѣстность самая много перемѣнилась и ходить не въ примѣръ легче противъ прежняго. Пошли села кругомъ; дороги пробиты, гдѣ прежде дубнякъ либо орѣшникъ росъ; по оврагамъ мосты, тамъ изба у самой дороги, либо шалашъ торчитъ; людно вообще стало. Прежде не то. Дачь, глушь; болота по-попаясь; жилиа на полсотни верстъ кругомъ нѣту. Да и городъ не тотъ уже. Теперь каменные дома пошли, самовары вездѣ завелись; курятъ тоже этотъ табакъ, папиросы, чего прежде и слухомъ не слышать было; вообще мало уже теперь старини въ Окуевѣ, какъ особенно видно будетъ изъ послѣдующихъ очерковъ; пошъ и дѣдъ служатъ, можно сказать, единственными представителями той древней патріархальной жизни, которая, хотя рѣдко, но встрѣчается еще во всей свѣжести въ нашихъ захолустьяхъ.

III.

Сципионъ Назика и регентъ Оволдукъ.

Около того времени, какъ попъ Матвей сидѣлъ у окна въ ожиданіи сумерекъ, поглядывая, по временамъ, чрезъ улицу на

дѣда, мастеровитого клѣтку, верстахъ въ семи отъ Окуева показались два путника. Солнце садилось и вечерняя свѣжесть была ощутительна послѣ знойнаго дня. Путники замѣтно ускоряли шаги, ибо недалеко отъ нихъ, посторонившись немного отъ большой дороги, какъ бы на отлетѣ, бѣлѣлъ только что выстроенный и обитый новымъ тѣсомъ кабакъ, казавшійся тѣмъ примекательнѣе, что въ окно его ударили послѣдніе лучи ярко-краснаго солнца, а у самаго входа, на чистомъ воздухѣ, видѣлся бѣлый новыи столѣкъ съ такими же около него стульями. Регентъ Оболдухъ былъ слишкомъ положительнаго характера, чтобъ не зайти въ кабакъ; Сципіонъ же Назива, хотя былъ и ниже ростомъ и слабѣе Оболдуха, не уступалъ однако послѣднему въ разсудительности. Онъ былъ рыжеватъ, имѣлъ длинный носъ и тонкія губы; былъ вообще угловатъ, глядѣлъ больше внизъ и имѣлъ видъ, какъ будто что нюхалъ носомъ, за что и прозванъ былъ въ семинаріи Назикой; пальто же носилъ гороховаго цвѣта съ таліей. Вообще, Назива былъ семинаристъ хорошій, сморкался въ платокъ, и если бы не веснушки, не рыжіе волосы и не слишкомъ острый подбородокъ, то мало чѣмъ отличался бы отъ Оболдуха, который въ настоящее время былъ гораздо красивѣе товарища. Онъ былъ весь рябой, гораздо выше Називы; носомъ вовсе не нюхалъ, а глядѣлъ прямо и на ходу былъ спокоенъ, не махалъ руками подобно своему товарищу; пальто же имѣлъ черное суконное, безъ перехвата, что еще болѣе придавало регенту волноты и солидности. Вообще, это былъ очень хорошій семинаристъ, въ противоположность тихому и нѣсколько шепелявому Назикѣ, говорилъ басомъ, при всемъ этомъ нюхалъ табакъ, не былъ уклончивъ, объяснялся легко и пріятно. Послѣднихъ качествъ Назива не имѣлъ: когда говорилъ, то больше спрашивалъ, отвѣчалъ не вдругъ, въ разговорѣ держался реторикъ, любилъ философію и ссылался часто на отцовъ церкви. Оболдухъ, напротивъ, читалъ больше романы, любилъ пѣть канты разныя, игралъ на гитарѣ, тонкостей не терпѣлъ, хотя тоже былъ въ философіи и волею-неволею читалъ отцовъ церкви. Назива вѣчно говорилъ съ кѣмъ-нибудь о догматикѣ, приводилъ Августина блаженнаго, Тертуліана, Лактанція, часто сидѣлъ надъ книгами и писалъ длинныя разсужденія на темы, въ родѣ: О нравственномъ вліяніи книгъ, о преимуществѣ духовнаго образованія надъ свѣтскимъ, о послушаніи наставникамъ; Оболдуху же было смертною казнію написать какое бы то ни было сочиненіе, и до философіи онъ добрался собственно за голосъ, обѣщавшій въ немъ хорошаго протодіакона. Назива мечталъ быть проповѣдникомъ и уже пробовалъ свои силы на

этомъ поприщѣ; когда же Оболдуху пришлось по очереди говорить проповѣдь въ семинарской церкви, то онъ на три дня совсѣмъ пропалъ, такъ что ни въ одномъ трактирѣ не могли отыскать его.

Несмотря на столь противоположныя качества, семинаристы были дружны между собой. Назика любилъ Оболдуху собственно за характеръ, регентъ же уважалъ въ товарищѣ знанія. Притомъ, оба были изъ одного города, жили на одной квартирѣ и теперь отправлялись домой въ Окуевъ: Назика на каннигулы къ дядѣ своему, извѣстному намъ о. Матвеев, Оболдухъ на постоянное жительство, такъ-какъ онъ не захотѣлъ переходить въ богословіе и предпочелъ мѣсто регента въ одной изъ церквей своего роднаго города.

Назика кончилъ курсъ и готовился въ академію. Въ головѣ у него было много плановъ, и потому немудрено, если онъ былъ нѣсколько разсѣянъ или, лучше сказать, слишкомъ сосредоточенъ на своихъ мысляхъ касательно будущаго. Оттого, можетъ быть, во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была нѣкоторая неровность, нѣчто въ родѣ постоянного лирическаго паренія; часто вдыхалъ онъ, устремлялъ глаза вдаль, иногда посвистывалъ, глядя на кончикъ сапога. Все это дѣлалось еще замѣтнѣй при видѣ солиднаго, спокойнаго регента, обладавшаго чisto конкретнымъ взглядомъ на вещи. Оболдухъ возвращался домой безъ всякихъ особенныхъ надеждъ и желаній; денегъ оставалось у него всего два рубля, и онъ соображалъ теперь, какинъ бы образомъ повыгоднѣе пустить въ ходъ наслѣдственное серебро, именно толстую, обозначающую не всегда вѣрно время, луковницу, о которой онъ съ этою цѣлью и говорилъ уже Назикѣ. Это была единственная, тревожившая его мысль, но и она тотчасъ же разсѣялась, какъ только Оболдухъ усѣлся за столикъ и увидѣлъ предъ собой стаканъ пива: полное спокойствіе разлилось по всѣмъ чертамъ лица ея.

— Приятная мѣстность, сказалъ онъ, закуривая трубку.

Назика поглядѣлъ на него, вдохнулъ свѣжаго вечерняго воздуха и сказалъ:

— Вѣрстъ семь не больше осталось.

— Отъ этого кабака ровно семь верстъ, подтвердилъ регентъ.

— А я луковницу возьму, воли крайность, сказалъ Назика послѣ небольшого молчанія.

Регентъ въ отвѣтъ на это врякнулъ и потомъ сплунулъ.

— Три, сказалъ онъ: — полтину давнишнюю долой. Чѣмъ въ придачу, буде хочешь.

— Хорошо, отвѣчалъ Назика.

— Все-таки будетъ пѣть у тебя, пояснилъ регентъ.

Пріатели помолчали.

— Чижъ живучъ: онъ и годъ, и два пропоётъ у тебя, продолжалъ регентъ. — И вотъ этого табаку онъ не боится: кури хоть цѣлый день!.. Вотъ кормъ мѣнай, тоже воду, — а табакъ ему плевать!

Назика, казалось, не слыхалъ словъ Оболдуха и продолжалъ молча разсматривать какую-то травку.

— Не выпить ли по рюмкѣ водки? спросилъ онъ, поднявъ голову и поглядѣвъ на Оболдуха.

— А чтожъ, отвѣчалъ послѣдній:—мое мнѣніе таково, чтобъ выпить.

Пріатели выпили. Регентъ набилъ новую трубку и закурилъ.

— Мое мнѣніе таково, сказалъ онъ: — чтобъ ни въ чемъ не стѣснять себя.

Назика ничего не отвѣчалъ на это. Въ разговорахъ пріателей вообще видно было, что Оболдухъ находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ своего товарища. Назика и самъ чувствовалъ это; сознавая себя ученѣе, онъ невольно иногда входилъ въ роль ментора и заправлялъ, такъ-сказать, регентомъ. Послѣдній долгомъ считалъ отвѣчать подробно на всѣ вопросы Назики, совѣтоваться съ нимъ, и, вообще, подчинялся своему пріателю, можно сказать, съ охотою.

Помолчавъ нѣкоторое время и замѣтивъ, что Назика сидѣлъ задумавшись, Оболдухъ счелъ какъ бы обязанностью развлечь пріателя.

— Эко заря-то! сказалъ онъ и поглядѣлъ кругомъ.

— Аюга тшис амиса, сказалъ, даже не поглядѣвъ на зарю, Назика и сплюнулъ.

— Это полатини, замѣтилъ регентъ.

Назика посвисталъ.

— Ты кленлъ когда змѣи? спросилъ онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего.

— Кленлъ. А что?

— Кленлъ и я.

И Назика опять опустилъ голову и опять сталъ разсматривать травку. Регентъ не привыкъ къ такой отрывочности мыслей и потому, помолчавъ, продолжалъ:

— Я большіе кленлъ.

— Я большихъ не кленлъ, отозвался Назика.

Назика тѣмъ временемъ вынулъ что-то въ родѣ записной книжки изъ кармана и, напѣвая, началъ ее перелистывать.

— Ну, такъ твоя исторія съ ректоромъ и кончилась? спросилъ онъ, продолжая перелистывать.

— Тутъ и конецъ, заговорилъ, оживляясь, регентъ: — поелнку, говорить, ты такъ и такъ, надежды не подаешь, а только чижей ловишь, то, говорить, спитъ сиіце, дорога открыта...

— Тоже полатини! не безъ ироніи замѣтилъ Назика.

— Да, какъ же. Однако не ругался.

Пока пріатели разговаривали такимъ образомъ, подъѣхала ихъ повозка съ кладью, съ сидѣньями въ родѣ насѣсти, съ тонкимъ и длиннымъ ямщикомъ, который въ сумерки, при усиительномъ звонѣ бубенчиковъ, казался сѣдокамъ чѣмъ-то въ родѣ колокольни, поднимающейся въ дали на горизонтѣ. Подлѣ длинной фигуры ямщика, на козлахъ же, помѣщались клѣтки съ чижамы и синицами — принадлежность собственно регента. Ему же принадлежала гитара, торчавшая ручкой съ боку. Богъ ужъ вѣдаетъ, какъ помѣщались бурсаки среди всякаго рода узловъ и узелковъ, только они вскарабкались на свои насѣсти, когда подвода подъѣхала къ кабаку, и поплелись шагомъ къ городу. Регентъ ушелъ въ глубь и, благодаря своей тяжести, засѣлъ твердо, какъ свая; тонкій и жидкій Назика, возсѣдавшій на цѣлой горѣ подушекъ, раскачивался изъ стороны въ сторону, и вообще весь экипажъ съ своимъ длиннымъ, то-и-дѣло подскакивающимъ ямщикомъ, съ тихимъ бряцаньемъ бубенчиковъ, съ распатавшимися на осяхъ колесами, изъ которыхъ инья боязливо поскрипывали, — представлялъ самую жалкую, несчастную фигуру. Все въ немъ словно развинтилось и того-и-гляди разлетится въ разныя стороны: только регентъ, какъ балластъ въ кораблѣ, спасалъ, казалось, своимъ грузомъ все судно отъ конечнаго разрушенія.

Въ городѣ бурсаки разстались. Регентъ пріятлся на время гдѣ-то на выгонѣ у дальняго родственника, пономаря кладбищенской церкви; Назика отправился къ дядѣ, отцу Матвею.

IV.

Каникулы. Назика готовится въ академію.

Въ первый же вечеръ, какъ пріѣхалъ Назика, поплъ осадилъ его вопросами о Минитѣ. Не обнаруживая особенной радости, о. Матвей замѣтно, однакожъ, оживился, сталъ словоохотливѣе, чаще вынималъ платокъ, чаще сморкался и разглаживалъ бороду. Сѣрые маленькіе глазки его то-и-дѣло поглядывали на На-

зину. Когда послѣдній, по возможности, удовлетворилъ любопытству попа, рассказавши, сколько у Микиты рясъ, сапогъ и т. п., о. Матвей замѣтно повеселѣлъ и успокоился.

— Ну, стало, Микита ничего? сказалъ онъ.

— Ничего.

— Правда, отписалъ бы, коли чтó. Не запиваетъ эдакъ, Микита-то?

— Рѣдко. По приходу развѣ.

— То-то. Онъ на это уменъ. По поповству-то какъ у васъ тамъ, въ губерніи — ничего не слыхать?

— Не слыхать будто.

— Пушаль тутъ прохвость какой-то слухъ, будто архиреевъ изъ вѣдцевъ хотятъ ставить — правда?

— Вздоръ!

— То-то, благоразумно замѣтилъ попъ:—на чтожь похоже?

И о. Матвей помолчалъ.

— Такъ вотъ какъ, началъ онъ снова, разрѣзывая яйцо (дѣло было за ужиномъ): — Микита, стало, живъ и здоровъ — ну, и слава Богу! А яйца у васъ дороги?

— Да какъ сказать? Не равно.

— Микита небось своихъ куръ-то держать?

— Пропастъ.

— Такъ. Хозяинъ, чтó говорить! Небось гусь, индѣйка — а?

— Все.

Итакъ, попъ болѣею частію все спрашивалъ о Микитѣ, не только въ этотъ вечеръ, но и потомъ — о чемъ бы ни заговорилъ съ Назикой, непременно уже рѣчь сводилъ на Микиту.

На другой же день по пріѣздѣ, Назика поселился на верху у попа въ мезонинѣ. Комната съ старыми, по мѣстамъ отставшими обоями, выходила единственнымъ окномъ своимъ на дворъ и была вообще темна; только вечеромъ попадало въ нее солнце, да и то пробравшись кое-какъ между крышами. Назика проводилъ тутъ каждая каннулы, и теперь засталъ все по прежнему. Картины библейскаго содержания, старой печати, все также лѣпились по стѣнамъ вмѣстѣ съ портретомъ Ермолова; то были: «Видъ Іерусалима», «Іосафатова долина» и проч. Когда Назика вошелъ, то на него замѣтно пахнуло сыростью, и онъ поспѣшилъ отворить окно, въ теченіе года остававшееся запертымъ; свѣжій вѣтеръ свободно ворвался въ комнату, обвѣвая сырость и гниль со стѣнъ и шелестя отставшими обоями. Въ комнатѣ посвѣтлѣло. На полу обозначились слѣды прежней краски, а въ углу, куда наиболѣе проникалъ свѣтъ, показались полки съ книгами. Разныя тутъ были изданія. На самой нижней полкѣ,

въ шести томахъ и въ кожаномъ переплетѣ, тянулся «Духъ Благодѣнія»; выше «Ядро Россійской Имперіи», а еще выше «Всемирная Исторія Аббата Роллена». Эти три заглавія прежде всего бросались въ глаза. Были, вромѣ того, переводы разные: Корнелія Непота, Плутарха, Отрывки изъ Боссюэта и Массильона, Квинтъ Курцій съ гравюрами въ родѣ суздальскаго Бовы Королевича, томика два или три Библіотеки для чтенія временъ Сенковсаго; романы нѣкоторые: Мазепа, Ѡ. Булгарина, 3-я часть Выжигина (прочія отъ частаго употребленія затерялись), Ермавъ, покоритель Сибири, Леонидъ; и между всѣмъ этимъ, чего никакъ нельзя было ожидать, стереотипное изданіе «La pucelle d'Orleans» Вольтера. Какъ зашла сюда подобная книга — трудно объяснить. Самъ о. Матвей, по всей вѣроятности, если и видѣлъ ее, то подумалъ только, что «де вѣрно какая иностранная», и положилъ на мѣсто. Особую полку занимали божественныя книги: Псалтирь, Библія, проповѣди Филарета, Иннокентія. Сюда же зашелъ Балакиревъ вмѣстѣ съ руководствомъ къ изученію французскаго языка Куртнера, да Катехизисъ Петра Могилы радомъ съ новѣйшимъ Пѣсенникомъ.

И комната и библіотека вполне соотвѣтствовали характеру новаго жильца. Въ то же утро, Назика осмотрѣлъ книги, нѣкоторыя отобралъ и положилъ на столъ, около дивана. Разлился также чернильницей, и съ первыхъ же дней засѣлъ за книги. Кстати, никто не мѣшалъ ему, ибо дѣто было рыбное, и пощъ съ дѣдомъ почти не сходили съ рѣки. Готовясь болѣе или менѣе къ ученому поприщу, Назика не пренебрегалъ никакой книгой, читалъ и Мазепу, и Выжигина 3-й томъ; Леонидъ былъ прочитанъ имъ въ сласть, что называется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже раза по два: тутъ Назика первый разъ знакомился съ высокими чувствами, съ аристократическими гостинными, гдѣ дѣйствовали и говорили князья, однимъ словомъ, съ такимъ міромъ, о которомъ въ бурсѣ имѣется, какъ извѣстно, самое смутное понятіе. У Назики было довольно пылкое воображеніе, и потому, естественно, въ душѣ его зарождалось иногда смутное желаніе самому влѣзть когда-нибудь въ этотъ заколдованный кругъ, гдѣ шумать шелковыя платья, мельбають фраки, музыка гремитъ, и аромать всякій шибаетъ въ носъ... Чувствовалъ, правда, онъ, что еслибы его пустить теперь же туда, такъ, какъ есть, въ гороховомъ сюртукѣ, то фигура вышла бы куда не представительная! Потому, и самое желаніе было весьма смутно. Къ счастью философа, были другія книги, которыя мѣшали ему сосредоточиваться на однихъ предметахъ. Такъ Корнелій Непотъ и Плутархъ давали совершенно другое направле-

ніе мыслилъ. Впрочемъ, они все-таки поддерживали восторженное состояніе; но за то «Духъ Благочинія» и особливо «Ядро Россійскаго Государства» дѣйствовали такъ снасительно, что прочитавши страннички четыре (больше не въ состояніи былъ Назика), философъ съ добрыхъ полчаса глядѣлъ, выпуча безъ смыслу глаза, на дворъ, словно корешкомъ Ядра по макушкѣ его ступнули. Хорошее тоже вліяніе оказывала исторія Кайданова. Изъ ней, между прочимъ, прочелъ Назика, что аристократы въ Аѳонахъ назывались эвпатридами, въ Римѣ оптиматами, и что Цицеронъ отвергъ заговоръ Катиллины. Тутъ съ Назикой происходили иногда странныя явленія, которыя, впрочемъ, можетъ испытывать всякій, кто въ лѣтнюю полуденную пору вздумаетъ читать что-нибудь въ родѣ исторіи Кайданова. Все происходило передъ нимъ въ картинахъ: такъ, когда Назика читалъ объ аристократахъ, то ему буквально представлялись толстые, жирные эвпатриды, и сидѣли они будто на плечахъ у народа и давили его, и надувались даже, чтобы давить поврѣще; злодѣй Катиллина, нечесанный, небритый, съ рожей въ угрихъ, сидѣлъ на задней партѣ въ сенатѣ, а Цицеронъ, поднявъ руки и разинувъ громадный ротъ, оралъ на него съ баедрой не на животъ, а на смерть. Толстый, аляповатый Клавдій, въ длиннополомъ домашнемъ бешметѣ, съ круглымъ, какъ мѣсяцъ, лицомъ и узкими, залпывшими жиромъ, глазками, нѣчто въ родѣ секретаря окуевского магистрата, сидѣлъ будто на диванѣ, пилъ водку, закусивая грибами, и, обращаясь по временамъ къ сидѣвшей позлѣ Мессалинѣ, ударялъ ее дружески рукою съ словами: «Охъ, бума, какая жъ ты жирная!» Такъ представлялось Назикѣ это «игралоце жень и дѣтей». Да и вообще все принимало какія-то знакомыя, родныя формы. Тверскій являлся чѣмъ-то въ родѣ семинарскаго сторожа, вѣчно пьянаго, съ подбитыми глазами и пластырями на носу и на лицѣ; папа Иннокентій III принималъ видъ казанскаго помомара съ рыжей окладистой бородой и вообще благолѣпной физиономіей, Неронъ ходилъ будто колесомъ и т. п. Таковы были представленія, которыя Назика, впоследствии, въ сочиненіяхъ своихъ именовалъ *историческими данными*.

Попъ Матвей не безъ удовольствія замѣчалъ, что племянникъ его не на шутку, кажется, хочетъ сдѣлаться ученымъ. Оставляя въ сторону Минуту, онъ заговаривалъ иногда съ Назикой по поводу чтенія, причѣмъ самъ припоминалъ свои познанія и даже пускался, по мѣрѣ возможности, въ философію.

— Небось все читаешь? спрашивалъ онъ какъ будто мимоходомъ Назику, если заставалъ его за книгой.

- Да, почитываю.
- То-то! небось, нужно все! Сильна у васъ латинь-то теперь?
- Ничего, смеваются.
- То-то, какъ, небось, не смеять. Небось, ректорь-то всю проглотилъ...
- Чѣмъ?
- Латинь-то. Такъ, небось, и съѣлъ живьемъ. Ужь что другое, а это надо. Потому, какъ безъ латини? Пропадешь. Вся суть. Дерево теперь — арборъ, столъ — менса — все надо. И небо теперь соеішъ, и рѣка тоже... Какъ, бишь, рѣка-то?
- Flumen.
- То-то. И земля, небось, terra?
- Да.
- Помнимъ, помнимъ. А Concordia res maximae crescunt — чуеть?
- Чую.

Но не далеко простирались познанія о. Матвея, и потому онъ охотнѣе вдавался въ общія философскія размышленія, отчасти въ наставительномъ тонѣ.

— Всякому человѣку теперь дано, говорилъ онъ, напримѣръ: — и дано, понимаешь, для того, чтобы не окопачиться... человекъ-то. Поелку всякъ, ежели начнетъ дѣлать что, можетъ всегда окопачиться... Не все жъ въ головѣ умъ, иное бываетъ соръ, навозъ почитай... Вотъ кабы мы были нѣмцы — ну, такъ. А нашъ братъ, выходитъ, не тѣмъ силенъ, не оттедова.

И; подѣе водросительно взглядывалъ на Назику.

— И выходитъ ничего не подѣлаешь, заключаешь онъ.

Въ такомъ родѣ говорилъ о. Матвей. Общій смыслъ его наставленій былъ тотъ, что де какъ ни прикидывай, все дважды два четыре, и что ежели и случается что, то все, выходитъ, нужно жать, какъ тамъ опять-таки ни прикидывай. «Супротивъ Бога не стать идти, говорилъ онъ, а ежели, примѣрно, и пойдешь, то сразу, окопачишься. Шницъ тоже не хочется получить. Да и что за охота?»

Такимъ образомъ понѣ, хотя и не высказывалъ прямо, однако втайнѣ радовался успѣхамъ племянника, въ которомъ видѣлъ будущаго профессора семинаріи. Вотъ оттого не безъ удовольствія отиравался онъ съ Назикой куда-нибудь по вечерамъ въ гости, всего чаще къ какому-нибудь попу или дьякону. Всѣ почти оубевскіе попы знали Назику съ малыхъ лѣтъ, но прежде не обращали, разумѣется, вниманія на маленькаго бурсака; теперь же каждый считалъ своею обязанностью поговорить съ

молодымъ семинаристомъ, готовившимся въ академію. Тѣмъ съ большіимъ уваженіемъ относились къ Назигѣ, что онъ вончалъ курсъ вторымъ. Попъ Аммосъ интересовался узнать объ отцѣ-ректорахъ, о томъ, какъ латынь идетъ въ семинаріи; Назига на все отвѣчалъ удовлетворительно. Попъ Аммосъ самъ готовился когда-то въ академію, но, по обстоятельствамъ, не поступилъ; тѣмъ не менѣе сохранилъ нѣкоторую любовь къ занятіямъ собственно научнымъ, почитывалъ журналы и нѣсколько лѣтъ уже занимался разработкою «Лѣтописи соборной окуевской церкви». Много уже было у него написано по этому предмету, причемъ Аммосъ касался нерѣдко и исторіи самаго Окуева, одного изъ древнѣйшихъ городовъ удѣльно-вѣчевой Руси. Существованіе искусственной насипи, въ видѣ вала, на концѣ города и теперь еще указываетъ на времена татарщины, а огромные камни по улицамъ, гладкіе и по формѣ четырехугольныя, говорятъ о прежнихъ кладбищахъ, которыя городъ мало-по-малу захватывалъ, отодвигая все дальше и дальше мѣсто для покойниковъ. Къ сожалѣнію, между жителями Окуева не осталось ни одного преданія, которое восходило бы дальше прошлаго столѣтія, и попъ Аммосъ съ трудомъ могъ отыскать два-три имени знаменитыхъ въ свое время потомковъ Рюрика, князей Окуевскихъ. Церковная лѣтопись, хранящаяся въ соборѣ и служившая Аммосу главнымъ источникомъ для исторіи Окуева, большею частію ограничивается церковными дѣлами; старожилы же городскіе, въ родѣ о. Матвея, исходнымъ пунктомъ своихъ сказаній считаютъ 12-й годъ, иначе говоря французскій погромъ. Съ этого года и начинается собственно историческій характеръ въ рассказахъ окуевскихъ стариковъ; сказанія же, относящіяся къ прошлому столѣтію, весьма туманны и сбивчивы: это нѣчто въ родѣ легендъ о какихъ-то непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ городъ, о непоимѣрномъ количествѣ всякаго звѣря и дичи, о дешевизнѣ необычайной и т. п. Назига заинтересовался отчасти рассказами попа Аммоса, а впослѣдствіи даже принялъ участіе въ археологическихъ розысканіяхъ относительно Окуева. Водилъ также о. Матвей племянника къ попу Андрею. Это былъ своего рода тузъ между окуевскими попами, былъ толстъ и солиденъ, норовилъ перейти въ губернію, потому деньги имѣлъ не малую и съ секретаремъ консисторскимъ пребывалъ во всякой пріязни и дружбѣ. Съ попами собственно онъ мало знался, больше все съ исправникомъ, да городничимъ, ибо и въ карты любилъ перекинуть и угостить умѣлъ прилично: были у него и водки разныя и вино про запасъ. Вліятельный человѣкъ былъ попъ Андрей. Съ малыми людьми не любилъ

водиться, потому самъ чуть не цѣлый табунъ лошадей нѣлъ и земли много; понятно, большому кораблю—большое и плаваніе.

— Попъ Андрей великая сила, говорилъ отецъ Матвей Назикъ, когда они подходили къ дому Андрея:—онъ ужь кой-кого погнулъ въ бараній рогъ изъ нашихъ.

— За что? спросилъ Назика.

— А здорово живешь, вотъ за что! паявно отвѣчалъ Матвей.— Наши-то любятъ шить изъ кармана показывать, а попъ Андрей однихъ вонъ лошадей штукъ пять на конюшнѣ держать...

— Ну, да это что жь... началъ-было Назика.

— Какъ? пять лошадей-то? вскинулся попъ:—да ты отвѣдова? Назика что-то проямлилъ.

— Хе! продолжалъ попъ: — да кони-то какіе? Все мерень! Одинъ къ одному, ѣзда тихая, слѣдетъ попъ Андрей, такъ его закачиваетъ.

Тутъ Матвей съ Назикой подошли къ самому дому отца Андрея. Хозяинъ сидѣлъ у окна, на прохладѣ, въ ожиданіи чая. По временамъ онъ отдувался, потому жарко было. Назика увидѣлъ обстановку несравненно лучшую, чѣмъ у Аммоса. У Аммоса двѣ маленькія комнатки, изъ которыхъ одна отгорожена ширмами на переднюю и спальню, другая же служить приѣмной или гостиной; мебель простая, темноватаго цвѣта, стулья около стѣнъ едва замѣтны въ сумерки, клеенчатый диванъ и передъ нимъ незатѣйливый круглый столъ; тутъ же неподалеку гусли, гитара на стѣнѣ, крохотные стѣнные часы, въ родѣ собачьей мордочки у самаго потолка, и такіе суетливые, скорые часики, маятникъ словно все спѣшить, прыти много, а бьютъ чуть слышно, словно горло захватило. Да и шуму же у Аммоса въ комнатѣ: тутъ и мухи, и маятникъ, и случайно забѣжавшій вѣтеръ, какъ шаловливый мальчишка, которому все нужно и до всего хочется дотронуться: тронетъ вѣтеръ и гусли, и на гитарѣ прозвенитъ, приподыметъ отставшіе кой-гдѣ обои по стѣнамъ, пошевелитъ перомъ въ чернильницѣ, бумажку потянетъ по столу... То-ли дѣло у попа Андрея: комнаты просторныя, мебель красивая, на диванѣ шитыя подушки; воздухъ цѣлыми волнами струится въ открытыя окна, а все чинно и солидно, какъ самъ хозяинъ. Часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева глядятъ такъ серьезно, съ достоинствомъ; маятникъ жѣрно и плавно отсчитываетъ секунды, не суетится, не спѣшитъ, да и большой притомъ, не то что у Аммоса, что меньше пятака, и часики вылаютъ имъ, словно комнатная шавка хвостомъ.

Попъ Андрей не любилъ быть ниже кого-нибудь; потому, когда посѣтили его отецъ Матвей съ Назикой, онъ не мало

крихтѣль и стучалъ по столу пальцами, желая спросить что нибудь у будущаго магистра по семинаріи, но скоро почувствовалъ, что дѣло семинарское какъ-то отъ него ушло (понятно: 500 десятинъ земли одной); поэтому, онъ ограничился тѣмъ, что предложилъ вопроса два о ректорѣ да о семинарскихъ профессорахъ, и затѣмъ приступилъ прямо къ дѣлу, затолковавъ объ овсѣ. Назника сѣлъ у окна и сталъ глядѣть безцѣльно на улицу. Отецъ же Матвей съ хозяиномъ затянули какую-то безконечную болтовню о томъ, о сѣмъ: отъ овса перешли къ пьянству, толковали о попахъ Окуевскихъ и часто поминали архіерея. Назикѣ то и дѣло слышалось: владыка говорить, владыка въ бытность свою поминалъ... Такъ говорили они до самаго вечера, когда подали, наконецъ, водку. Подали водку двухъ сортовъ, въ граненныхъ разноцвѣтныхъ графинчикахъ, съ приличной закуской. Тутъ хозяинъ обратилъ вниманіе отца Матвея на балыкъ, что подало поводъ къ длинному разговору о томъ, кто въ Окуевѣ какъ торгуетъ, кто проторговался или проторгуется. Затѣмъ, опять владыка пошелъ въ ходъ и не сходилъ уже со сцены до самаго конца вечера, когда отецъ Матвей напомнилъ, что пора уже ко дворамъ. Даже въ передней попы еще разъ поманили владыку, причеиъ отецъ Андрей замѣтилъ:

- Помни же ты, отецъ Матвей, коли ежели что владыка...
- Помню, помню, отецъ Андрей...
- Ну, а Аммосу ни гу-гу...
- Чую! Аммосу въ этомъ дѣлѣ...
- Ну, прощай! Не забудь же.
- Прощай! не забуду.

Такъ прощались попы, стоя на крыльцѣ. Назника ничего уже не понималъ въ ихъ разговорѣ; слышалось только ему: «брось-прощай, и наплюй-прощай, и что де Аммосъ тутъ не при чемъ». Словомъ, Назника мало вынесъ изъ этого визита, ибо попъ Андрей оказался слишкомъ практичнымъ человѣкомъ, чтобы обратитъ вниманіе, подобно Аммосу, на молодаго семинариста. За то въ другихъ мѣстахъ, куда водилъ отецъ Матвей племянника, дѣло шло иначе. Назикой интересовались, вступали съ нимъ въ споры, и философъ отводилъ душу, вдавался въ діалектическія тонкости и часто ставя въ тупикъ противника неожиданнымъ оборотомъ рѣчи и цѣлыми кучами асиныхъ, какъ день, опроверженій и доказательствъ. Философу казалось, что въ спорахъ ему нѣтъ противника, и онъ съ тайнымъ наслажденіемъ, чуть не съ замираніемъ сердца, приступалъ къ изложенію какой-нибудь истины, имѣя въ то же время въ виду поразить на голову какого-нибудь дьякона Савву или попа Еремея.

И всёхъ онъ поражалъ и разбивалъ, и вездѣ интересовались имъ, и вездѣ подчивали наливкой... А между тѣмъ, проходили каникулы и слава Назики росла все больше и больше. Особенно возросла она съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ одинъ престольный праздникъ сказалъ въ Казанской церкви проповѣдь, и сказалъ такъ хорошо и убѣдительно, что староста церковный подарилъ ему цѣлковый, и двѣ старухи, стоявшія у дверей, горько плакали и долго послѣ молились въ землю. Темою была небесная іерархія, отъ которой ораторъ удачно перешелъ къ земной, что особенно понравилось секретарю Окуевского уѣзднаго суда, такъ что онъ взялъ на домъ проповѣдь и велѣлъ переписать ее для себя. Словомъ, въ Назикѣ такъ и свазывался будущій профессоръ, который со временемъ будетъ говорить, говорить и говорить, съ роскошной-ли профессорской кафедрой академіи, или просто съ прорваннаго кожанаго стула бурси, только непремѣнно будетъ говорить. Конечно, такой народъ, какъ попъ Андрей, не пойдетъ на удочку, тѣмъ не менѣе найдется много и такого, что послушаютъ Назику всласть и слава его возрастетъ еще больше...

Такимъ образомъ каникулы не даромъ проходили для Назики. Кромѣ говоренія, онъ занимался также тѣмъ, что дѣлалъ выписки изъ книгъ, набрасывалъ замѣтки, записывалъ темы для будущихъ сочиненій, начиналъ даже писать кое-что, словомъ, собиралъ матеріалы въ ожиданіи того времени, когда нужно будетъ отправиться въ академію. Подошло, наконецъ, и время отъѣзда. Еще накануне явился Оболдухъ, чтобы провести послѣднюю ночь съ товарищемъ своего дѣтства, а на утро проводить Назику въ путь и затѣмъ разстаться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на годъ. Но посмотримъ, что дѣлаетъ Оболдухъ.

V.

Каллѣйдоскопъ.

Въ сравненіи съ Назикой, положеніе Оболдуха было крайне прискорбное. Между тѣмъ, какъ товарищъ его быстро шелъ по пути почестей и славы, регентъ претерпѣвалъ поражение за поражениемъ. Мѣсто его успѣлъ занять соборный сверхштатный дьяконъ, Оболдухъ же считался какъ бы его помощникомъ, на самомъ же дѣлѣ состоялъ въ хорѣ и получалъ самое скудное содержаніе. Но, къ счастью, не такого характера былъ Оболдухъ, чтобы стѣсняться какими бы то ни было условіями жизни. Онъ жилъ себѣ баринкомъ. У Николи на Четверенькахъ, на самомъ выгонѣ, нанялъ себѣ комнату и устроился такъ, что жилъ на

пять рублей въ мѣсяцъ изрядно. Видно было изъ окна его поле; дорога, окаймленная лозами, убѣгала далеко-далеко, и свѣтился въ сторонѣ ея знакомый домикъ, куда нерѣдко направлялся регентъ въ часы досуга, когда уже садилось солнце и золотые лучи его, казалось, скользили по самой травѣ. И было это любимое мѣстопробываніе Оболдуха. Оттуда, сидя за бѣлымъ столикомъ и покуривая трубку, видѣлъ онъ городъ весь, какъ на ладони, видѣлъ синѣвшіе кругомъ лѣса. И едва-ли Назига, сидѣвшій въ то же время у какого-нибудь отца Алексѣя, предъ которымъ ему надо еще было упрочить свой философскій авторитетъ, былъ такъ счастливъ, какъ Оболдухъ. Говоря откровенно, несмотря на всѣ отрицательныя качества Назики, его нерѣдко терзала зависть, боязнь утратить авторитетъ, страсть къ славѣ и вообще все то, что тѣсно связано со всякимъ высокимъ положеніемъ. Оболдухъ ничего подобнаго не зналъ. Чтобы уяснить его покойный и ровный характеръ, надо замѣтить, что бурса не имѣла на него никакого почти вліянія, ни въ ученое, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Правда, онъ долбилъ уроки, затыкая уши и стараясь по возможности не видѣть вокругъ себя; составлялъ даже задачи, просиживая по цѣлымъ ночамъ и въ потѣ лица сооружая какой-нибудь винословный періодъ; но все это, повторяемъ, не имѣло на него особеннаго вліянія, частію потому, что онъ всегда какъ-то инстинктивно ненавидѣлъ всю эту книжную дребедень и уже въ малолѣтствѣ обнаруживалъ склонности болѣе практическія: ловилъ чижей, дѣлалъ клѣтки, палки любилъ стругать... Питая такія наклонности, регентъ на всю свою школьную дѣятельность рано началъ смотрѣть, какъ на что-то постороннее, которое заставляетъ почему-то дѣлать, а почему именно и зачѣмъ—Богъ еѣ вѣдаетъ. Поэтому, онъ никогда не пристращался, подобно Назигѣ, къ книгамъ, но и вопроса, зачѣмъ онъ сидитъ въ бурсѣ, тоже не задавалъ себѣ, а какъ истинный гражданинъ, неразмышляющій о своихъ обязанностяхъ, а исполняющій ихъ, ждалъ только, пока выйдутъ положенныя годы. Немало выигралъ регентъ отъ такого образа мыслей. Между тѣмъ, какъ на слабыя головы бурса производила страшное вліяніе, забывая въ нихъ мало-по-малу здравый смыслъ, регентъ упорно оставался и глухъ и нѣтъ ко всѣмъ богословскимъ и философскимъ тонкостямъ, и, по прежнему, любилъ поля, рощи, клѣтки, любилъ играть на гитарѣ въ досужее время, а то такъ что-нибудь мастерить у себя въ углу: либо ящикъ изъ бумаги, а то домикъ на продажу в т. п. За то въ пѣніи отличался. Разумѣется, за такое поведение не мало драли его и давно бы выгнали, но голосъ спасъ. Сначала

теноръ, потомъ густой солидный басъ. Къ тому же и ноту принималъ отменно. Благодаря этому, дошелъ до философій.

Къ этому времени онъ уже превосходно дѣлалъ вѣтки, рамки, началъ тоже учиться переплетному мастерству. Однимъ словомъ, онъ могъ рассчитывать выйти изъ бursы съ большимъ запасомъ свѣдѣній, особенно въ сравненіи съ другими бурсаками. Послѣдніе не могли никакъ рассчитывать на самостоятельный трудъ. Большинству ихъ предстояло либо состарѣться гдѣ-нибудь писцами, бухгалтерами, либо спиться съ кругу въ качествѣ приходскихъ учителей или дьячковъ; многіе даже рады были тому, что попали въ церковные сторожа. Были и такіе, что продались въ рекруты, и такіе, что цѣлые годы не знали что дѣлать съ собой и своими знаніями: слонялись по деревнямъ, уча дѣтей у мелкопомѣстныхъ дворянъ и чуть не каждый мѣсяць перемѣняя мѣсто жительства; либо писала письма бабамъ; а говорятъ были и такіе, что фальшивые паспорта составляли по кабыкамъ за полуштофомъ водки, а потомъ подъ красную шапку угодили или же по владиміръѣ прошлись.

Ничто подобное не угрожало регенту: одно уже переплетное мастерство, которое ему было извѣстно въ точности, давало ему точку опоры. Но главное, что спасло и должно было спасти регента во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—это необыкновенное спокойствіе и ровность характера, качества, приобрѣтшія ему уваженіе даже и въ бурсѣ. Эти же качества упрочили вскорѣ положеніе его въ Окуевѣ и прежде всего въ томъ окологдѣ, гдѣ онъ поселился.

Мѣстность эта была дешевая, но пріятная и разнообразная, по близости отъ выгона и поля. Были тутъ маленькіе домики съ низкими, почти у самой земли окнами, съ зелеными ставнями, на которыхъ изрѣдка туземный маляръ изобразилъ разныя фигуры въ видѣ горшковъ съ зелеными цвѣтами. Весь день было тутъ тихо; рѣдко-рѣдко, если пройдетъ кто-нибудь. Трава на улицѣ въ дождливое время подымалась такъ высоко, что косить было можно: въ ней утопали ступеньки, на которыя, по вечерамъ, выходили посидѣть хозяйка маленькихъ домиковъ; это были разнаго рода синія чуйки, или же дьячки, а иногда попадался семинаристъ въ сѣромъ жилетѣ и безъ сюртука; былъ также сапожникъ съ однимъ глазомъ, ибо другой выкололъ себѣ объ Святой какъ-то шиломъ. Сосѣдъ же дьячокъ былъ очень хорошій человекъ: длинный и тонкій, съ острой сѣрой бородкой и пучкомъ волосъ назади; Оболдухъ часто видѣлъ, какъ онъ, выходя на крыльцо и прикладывая руку къ глазамъ, смотрѣлъ на небо, либо въ поле, гдѣ ярко свѣтила и волновалась желтая поспѣв-

шая рожь; дьячокъ по нѣскольку мннуть смотрѣлъ обыкновенно вдаль и потомъ, сильно нагнувшись изъ боязни стукнуться лбомъ, уходилъ въ маленькую, почти въ половину его роста, дверь, походившую на отверстіе въ собачьей конурѣ. Никто не зналъ зачѣмъ выходилъ дьячокъ и что онъ видѣлъ вдаль, но только онъ выходилъ часто, и всѣ замѣчали это. Вечеромъ, вся улица принимала довольно оживленный видъ. Солнце прорывалось своими косвенными лучами вездѣ, гдѣ было мѣсто: и сквозь плетень, окружавшій огорода, и изъ-подъ воротъ чьего нибудь двора, въ щель, протягиваясь по травѣ золотою ниткой; пыльными свѣтлыми столбами сѣялось оно изъ-подъ навѣсовъ, и, когда случайно падало краснымъ вечернимъ свѣтомъ на старую изсохшую фигуру дьячка, сидѣвшаго согнувшись на ступенькахъ, когда золотило его сѣдую бороду и играло въ стеклянныхъ пуговкахъ его жилетки, то картина была полная, и вся игра тѣни и свѣта, сливая одни предметы и ярко выдвигая другіе, дѣлала изъ улицы и маленькихъ домиковъ нѣкотораго рода калейдоскопъ, въ которомъ попеременно освѣщались то шедшая по улицѣ корова, то верхъ красной кирпичной трубы, то горшокъ съ цвѣтами гдѣ-нибудь въ окнѣ съ полужадрнутой бѣлой занавѣской, то, наконецъ, дьячокъ, который въ этомъ случаѣ, казалось, вдругъ вспыхивалъ и, какъ духъ, сидѣлъ нѣсколько времени въ огнѣ. Такова была мѣстность, гдѣ поселился регентъ. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ была своя жизнь и свои интересы дна. Такъ, дьячокъ нерѣдко интриговалъ съ сапожникомъ, что, впрочемъ, всегда оканчивалось мировой, ибо недалеко былъ, какъ сказано, бѣлый домикъ, имѣвшій способность волновать и усмирять въ то же время страсти жителей; притомъ дьячиха часто враждовала съ женой сапожника, что заставляло мужей придерживаться больше мира, такъ-какъ сапожникъ имѣлъ иногда обычай пропивать женнины платки, на которые гулялъ нерѣдко и дьячокъ. Все это развлекало регента въ часы досуга. Скоро онъ не только привыкъ къ новой обстановкѣ, но, по своему мирному и трудолюбивому характеру, оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ къ тому рабочему люду, который населялъ окологокъ.

Вставалъ Оболдухъ рано; отиѣвши обѣдню, пробѣгалъ разныя партесныя ноты, игралъ на гитарѣ, а то читалъ какую-нибудь книжку, если ужъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Комната регента имѣла особый, соответственный занятіямъ, видъ: на столахъ были разложены ноты, висѣли клѣтки у оконъ и вдоль стѣнъ; кой-гдѣ видѣлись картинка въ новенькихъ рамкахъ; у окна, гдѣ онъ обыкновенно работалъ, было довольно свѣтло;

тутъ лежали инструменты, какая-нибудь книга или картина, ждавшая рамки; остальная часть комнаты, гдѣ начинались ширмы съ висѣвшею на нихъ гитарою, была постоянно въ полумракѣ, что еще болѣе усиливало эффектъ ярко освѣщеннаго окна. Солнце почти весь день не выходило изъ комнаты, и, подвигаясь съ окна на столъ, освѣщало попеременно то рубанокъ, то половину картины, то захватывало уголокъ нотъ, или же сѣялось сквозъ новую, только что выполированную клѣтку. Была также у регента страсть ко всякимъ чижамъ и синицамъ, наполнявшимъ съ утра до вечера шумомъ и жизнью маленькую комнату, въ которой рослый плечистый человекъ, работой и весь загорѣлый, едва не касавшійся потолка своими черными курчавыми волосами, обдѣлывалъ грубыми толстыми руками тонкіе нѣжные прутыки и тѣми же руками осторожно разсаживалъ только что пойманныхъ чижей по клѣткамъ. Суровый съ виду, онъ умѣлъ обращаться съ самыми нѣжными созданиями и былъ счастливъ въ своей независимой камерѣ, гдѣ было довольно ему и тепла и свѣта, и гдѣ, съ самаго ранняго утра, когда въ раскрытое окно вбѣгали все новыя и новыя струи свѣжаго душистаго вѣтра, начиналась шумная веселая жизнь, полная здороваго, прочнаго и, главное, независимаго труда.

Весь уголокъ скоро замѣтилъ здороваго крѣпкаго регента, человека негулящаго и трудолюбиваго. Всякій, проходя мимо, могъ видѣть Оболдуха, занятаго у своего окна либо клѣткой, либо отдѣлкой новой рамки. Трудолюбіе и трезвость регента возбуждали къ нему невольное уваженіе въ сосѣдяхъ. Да и самая личность его, съ первымъ пробивавшимся пухомъ на смуглыхъ щекахъ и черными, нѣсколько вьющимися волосами, имѣла такое простое и вѣстѣ серьезное выраженіе, что невольно вызывала на довѣрчивость и откровенную бесѣду.

Первое знакомство регента, какъ и слѣдовало ожидать, было съ дьячкомъ, который раннимъ утромъ, на самомъ восходѣ солнца, сталъ будить Оболдуха къ заутрени, постукивая въ окно. Длинный старый дьячокъ былъ и глухъ и подслѣповатъ; немного шамкалъ, когда говорилъ, и за недостаткомъ зубовъ, имѣлъ вдавленные и тонкія губы; острая борода его траслась постоянно, потому что онъ имѣлъ привычку какъ бы жевать что. О его внутреннихъ качествахъ едва-ли что можно сказать, кромѣ того, что онъ любилъ посидѣть на крыльцѣ, при случаѣ выпить, говорилъ же рѣдко и по старости лѣтъ казался уже не отъ міра сего. Весь спорбленный, сухой, съ длинными руками, онъ едва держался на ходу и его длинная хламида болталась на немъ, какъ на вѣшалѣ: такъ онъ высохъ. При церкви онъ былъ за

штатомъ и его держали по старости лѣтъ, удѣляя по временамъ самую малую копейку изъ общихъ дохо... . Былъ онъ дьячкомъ чуть ли не шестьдесятъ лѣтъ. Его молчаливость и старческая немощь приобрѣли ему если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, расположеніе сосѣдей. Такъ Кривой Глазъ (такъ назывался сапожникъ), хотя и трактовалъ дьячка нѣсколько свысока, покровительственнымъ тономъ, но это не мѣшало ему питать къ своему старому безотвѣтному сосѣду искреннюю привязанность. Ругая его иногда въ пьяномъ видѣ, Кривой Глазъ, однако, управляясь въ бѣдный домикъ, никогда не упускалъ изъ виду захватить съ собой и дьячка. Дорогой онъ спрашивалъ его, на чемъ свѣтъ стоитъ, когда будетъ война и что какая звѣзда на небѣ значить. Дьячокъ, съ своей стороны, показывалъ ему Мн-севу дорогу, разъяснялъ, какъ умѣлъ, звѣзды, или же изъ св. писанія говорилъ, такъ-какъ сапожникъ любилъ вообще что-нибудь божественное. Въ такихъ случаяхъ Кривой Глазъ былъ обыкновенно очень внимателенъ и серьезенъ, сознавая неволью, что трактуетъ съ человѣкомъ «книжнымъ» и о предметахъ важныхъ. Иногда даже, послѣ такихъ бесѣдъ, онъ терялъ обычную свою разговорчивость и дѣлался молчаливъ на нѣкоторое время. Особенно же его интересовалъ конецъ свѣта. Дьячокъ говорилъ положительно, что конца ему нѣту, и что ежели даже по Мн-севой дорогѣ пойдешь, то все конца не будетъ вплоть до самаго неба. Кривой Глазъ никакъ не бралъ этого въ толкъ и просилъ дьячка принять въ соображеніе, что всякое дѣло, хоть то же шило, вапримѣръ, и то имѣетъ конецъ, и что нельзя же, чтобъ все это было такъ, безъ всякаго конца.

— Либо ты врешь, либо ужъ Богъ такъ, заключалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. — Ну, а Монсей, зачѣмъ шель?

Дьячокъ объяснялъ, зачѣмъ шель Монсей.

— Ну, и онъ не дошелъ до конца?

— Нѣтъ. И онъ не дошелъ до конца, отвѣчалъ дьячокъ.

— Ну, а отъ коего мѣста свѣтъ идетъ? продолжалъ допытываться сапожникъ.

— Отъ моря, отвѣчалъ дьячокъ.

— Такъ, замѣчалъ сапожникъ.— Тамъ значить и небо?

— И не тамъ.

— Ну, а вотъ звѣзды, что они, изъ чего?

— Звѣзды изъ огня.

— А зачѣмъ онѣ ходять?

— Положено, отвѣчалъ дьячокъ.

— Такъ, говорилъ въ раздумьи сапожникъ.— Дивно это, подумаешь, какъ свѣтъ устроенъ. Отчего жъ это Фараонъ теперь не
Т. СЛХХХІ. — Отл. І.

вѣровалъ? Все, кажись, положено, тоже и Адамъ былъ и Соломонъ... А съ чего премудрости Соломона пошло — не знаешь?

— Богъ повелѣлъ, отвѣчалъ дьячокъ.— Для всякаго человѣка звѣзда есть.

Такъ обыкновенно разспрашивалъ Кривой Глазъ своего спутника до тѣхъ поръ, пока они не приходили къ бѣлому домику. Замѣчательно, что онъ постоянно любилъ обращаться къ сказаннымъ вопросамъ, ибо никогда не бралъ въ толкъ всего, что говорилъ ему дьячокъ.

Но когда пріятеля возвращались домой поздно вечеромъ, и Мысева дорога была уже въ полномъ сіяніи, то философія сапожника принимала нѣсколько другое направленіе. Онъ уже не столько предлагалъ вопросы, сколько самъ разрѣшалъ ихъ. Онъ утверждалъ, напримѣръ, что до конца свѣта можно дойти, только надо шить сапоги крѣпкіе-прекрѣпкіе и идти ночью, потому что Мысевой дороги днемъ нѣту. Запуталъ онъ было дьячка на вопросъ, почему Мысевой дороги днемъ нѣту. Хорошо еще, что тотъ во время успѣлъ сообразить, что Моисей днемъ шель по облаку. Но тутъ начался толкъ объ огненномъ столбѣ, ибо Кривой Глазъ пожелалъ знать, какой онъ былъ величины. Наконецъ, опредѣлили его мѣру въ три аршина, на томъ основаніи, что число три въ св. писаніи самое главное. Любили также говорить они о потоцѣ, о Ноѣ. Только однажды Кривой Глазъ очень обидѣлся, услыжавъ отъ дьячка, что простой народъ пошелъ отъ Хама. Это произвело между ними большой споръ, при чемъ сапожникъ, ударивъ кулакомъ по столу, вскричалъ:

— Я жь тебѣ докажу, что я не отъ Хама! Ты на чѣи деньги пьешь?

Дѣло было у бѣлаго домика, на свѣжемъ воздухѣ и послѣ полуштофа. Но ссора не имѣла особенныхъ послѣдствій, такъ какъ дьячокъ объяснилъ, что простой народъ или черный тотъ, который подъ помѣщиками, и что, слѣдовательно, Кривой Глазъ пошелъ не отъ Хама.

Таковы были обитатели этого скромнаго уголка. О прочихъ личностяхъ Казанскаго прихода расскажемъ впоследствии.

Н. П—гій.

СТАРАЯ ПОМПАДУРША *.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Ни для кого внезапная отставка старого помпадуря не была такъ обильна горькими послѣдствіями, ни въ чемъ существованіи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованіи Надежды Петровны Бламанжé. Квартальные, секретари и другіе подъячіе, въ ожиданіи новаго помпадуря, все-таки, продолжали именоваться квартальными, секретарями и подъячными; она одна, въ одно мгновеніе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе... Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, ма сhère, несите свой крестъ съ достоинствомъ! говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ: — не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города.

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Что ей теперь «глаза цѣлаго города!» что въ нихъ, когда они устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадуря, она утратила все... даже способность быть патриоткою!..

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданные, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выжили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмо-

* Рассказъ этотъ, изображающій наше недавнее прошлое, составляетъ отрывокъ изъ обширнаго сочиненія: «Помпадури и Помпадуриши». Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

чился слезами, что старшй помпадуръ только махнулъ рукою и свазалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый.

Однако, Надежда Петровна была сдержана и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь— она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпадурову пѣсню:

Шли три оги...

и только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!
Ты, Матрена!
Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнуть...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старшй помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдержнула съ своихъ плечъ пуховую косынку, и обернувъ ея шею помпадуръ, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо сосѣднихъ лѣсовъ.

— Nadine a été sublime d'abnégation! говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ: — представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салона.

— Et se cri! прибавила другая дама: — се cri! Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Какъ бы то ни было, но старшй помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть «старшй помпадуршей»

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемены и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами и чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась, что у нея вынесли изъ квартиры пѣлаго помпадуръ! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмивало. Рука ея машинально поднималась чтобы ущипнуть, или потрепать кого-то по щекѣ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобы отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; талія вздрагивала отъ живаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и

трепетала; губы полуоткрывались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни, когда счастье полнымъ ключемъ било въ ея жилы, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобъ сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: «нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не мое! Это все и на вѣкъ принадлежитъ моему милому помпадуру!...»

— Душенька! не мучь ты себя! Утри свои глазки! успокой Надежду Петровну мужъ ея, надворный совѣтникъ Бламанжé, стоя передъ ней на колѣняхъ: — повѣрь, такіа испытанія никогда безъ цѣли не посылаются! Современемъ...

— Чтò «современемъ»? ужь не вы ли думаете замѣнить мнѣ сяю? съ негодованіемъ прерывала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: современемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжé удалялся въ другую комнату, и оттуда робко вслушивался; какъ вдыхала Надежда Петровна.

Бламанжé былъ малый кроткій и несъ званіе «помпадуршина мужа», безъ нахальства и даже безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиралъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непремѣнно сталъ бы и обрывать, и козырять, и финты-фанты выкидывать; онъ же нетолько ничего не выкидывалъ, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны? спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ! отвѣчалъ онъ любезно: — въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мишу, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили! или: — опять помирились! смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка, или любовное согласеніе.

Обыватели нетолько цѣнили такую ровность характера, но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и нельзя было не цѣнить, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти

мужъ предшествовавшей помпадурши, корнетъ Отлетаевъ, который нетолько разбивалъ по ночамъ винные погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ, проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старшій помпадуръ, Бламанжé огорчился этимъ едва-ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Она чувствовала, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться—и поклониться нѣкому; хочется во время уйти изъ квартиры—и уйти не для чего; хочется сказать: «какъ прикажете?»—и сказать нѣтъ слова. Просто не стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, и совокупность которыхъ сама собой составила такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Со своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадурствованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что нетолько не повредила себѣ въ мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гордилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подъячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не прійти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мужъ зла не сдѣлала! вослищали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! и какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальникъ! Всякому она сдумѣла сдѣлать что нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другаго была посаженной матерью; у бесплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цаловали ручки и заводили при этомъ расслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была поворотъ, но всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой, впрочемъ, стронтивости, прерывала разговоръ словами: «нѣтъ! объ этомъ вы пожалуйста ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежитъ моему милому помпадуру!» Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпадура добра.

Очень понятно, что обыватели и это сдумѣли оцѣнить не дос-

тониству. Вспоминали прежних помпадуршъ, какія онѣ были калды и притязательныя, какъ наушничали, смлетичали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и изсекуціями... Передавали другъ другу рассказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадуря апельсинамъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ, и сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мигемми, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всѣ въ одинъ голосъ вопіали:

— Мухи не обидѣла! Самому послѣднему приважному—и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадуря, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому, выходъ ея изъ помпадуршъ былъ нетолько сносимъ, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ такъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т.-е. начинаютъ не узнавать ее, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несомвѣстныя тѣлодвиженія, называть душенькой, подсылать къ ней извожиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя приличнѣе. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на другой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящую въ дверяхъ на колѣнахъ, и сдержанно, но пламенно молящуюся, вздумалъ-было сдѣлать рукою какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого поступка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— *Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte!* говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она и не Бламанже, а какая-нибудь принцесса! прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучера долгое время вспоминали, какъ господа ѣздили «Бламанжейшино горе утѣлять» — такъ великъ былъ въ этотъ день съѣздъ экипажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ попрежнему! убѣждала Надежду Петровну предводительша Веденѣва.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, что для васъ такъ дорого! прибавляла господа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ понимаемъ! перебивала статская совѣтница Глумова.

— Mais venez donc dîner, chère... sans cérémonies! благосклонно упрасивала дѣйствительная статская совѣтница Валбесова.

— И чѣмъ чаще-сь, тѣмъ лучше-сь! присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Валбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляными глазами: — горе ваше, Надежда Петровна, большое-сь; но, смѣю думать, не безъ надежды, однако, на врачеваніе-сь!

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старшій помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ, и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемые имъ бумаги. Припоминали, какъ предшествовавшіе помпадуры швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали квартальному по животу, прибавляя: — что! много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросяточекъ! Какъ невѣжничали на званыхъ обѣдахъ... и не могли не удивляться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставнаго!) помпадура. А такъ-какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторые топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что пережѣна, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благодѣтельному вліанію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобъ укротить такого звѣря! говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла! утверждали другіе.

— Да-сь, это искусство немаленькое! Быть ввержену въ одну клѣтку съ звѣремъ — и не проштрафиться! прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старшій помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Бламанже, — все дѣйствовало за одно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что, когда старшій помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась совсѣмъ не въ томъ ложномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуршъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣ-

кто провелъ черту и сказалъ при этомъ: «отнынѣ быть тебѣ, попрежнему, дѣвницей!»

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, Надежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ея щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ помпадура!

— Противный ты, помпадурушка! напалидь и уфхалъ! говорила она, томю опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанже обыкновенно ловилъ такія минуты налету, и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

— Другъ мой! начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Современемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! все противно! все мерзко! все отвратительно! кричала она на него, и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую нибудь бездѣлицу.

Прежде всего, ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его — въ томъ ничего не было удивительнаго. Это была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человѣкъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясицу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подпрыгивать. Многие пробовали устоять противъ одуражающаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды, окружной акцизный даже пари поддержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ жевѣ: «а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ пѣсно заплѣлъ!» Въ этомъ положеніи засталъ его старый помпадуръ.

— Вы, государь, мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете, кажется, сами понимать, что виажать на улицѣ неприлично! сказалъ онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотать языкомъ что-то невнятное, и указывалъ рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ, все пошло какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обладалъ надворнаго совѣтника Бламанже. Потомъ, сталъ непрерывно прохаживаться подъ

окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: «Jeune fille aux yeux noirs». Напѣвалъ онъ этотъ романсъ то грустными фальцетомъ, то подражая звуку трубы; причемъ фальшивилъ неупустительно. Весь городъ замѣтилъ нелѣпое помпадурово шатанье, и съ тревожнымъ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала, и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадуръ, смѣлась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотать животикъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда замѣтитъ, что помпадуръ въ охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ лѣсу, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ того живаго дыханія, которое не послало бы своего отвратительнаго пожеланія, которое не посодѣйствовало бы какому-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предпріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровной у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала, онъ все пѣлъ: «Jeune fille aux yeux noirs», и объяснялъ, что музыка этого романса была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впрочемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки, и бормоталъ себѣ, подурачки, подъ носъ:

— Неприступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она, навѣрное, увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожъ, она не поддавалась обаянію его любезности; повременамъ, случалось даже такъ, что онъ затанцуетъ:

Des chevaliers ainsi m'ont exprimée leur flamme...

а она въ отвѣтъ:

Et moi, j'ai refusée l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотреть на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнитъ матерію и затанцуетъ: «Т'en souviens-tu?»

— Чтò это вы вдругъ какую похоронную? спроситъ Ольга Семеновна.

— Что ж дѣлать-съ? Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья нравиться! отвѣтить онъ, и какъ-то такъ уморительно надуетъ губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется попробовать, какой онѣ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ-какъ никто своей судьбой не избѣжитъ, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды — это было осеннимъ вечеромъ, — помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ Проходимцевой, и по обыкновенію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ, нервы у ней были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règnes sur mon âme!

затянулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

Et moi, j'ai refusée...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте нѣтъ! какъ-то нервически вскринула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи, вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанже ползалъ по полу и цаловалъ ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія, горькія слезы...

— Какой онъ, однакожъ, тогда глупенькій былъ! говорила она: — и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался рулады видѣливать! какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти рулады клонятся!

Отъ одного воспоминанія, мысль ея невольно переходила къ другому.

Однажды, у Проходимцевой состоялись живныя картины. Были только *свои*. Онъ представлялъ Іакова, она — Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную афору, складки ея тунники спускались на груди, и какъ-то случайно разстроились... Онъ протягивалъ губы («и какъ онъ уморительно ихъ протрагивалъ... глумишка мой!» думалось ей)...

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попойли! сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Валбесовъ, но она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ, однажды, сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будешь къ тебѣ приставать, только скажи! я сейчасъ его на тележку — и фить!

Она же нетолько не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Потомъ, однажды, это было ужь очень-очень поздно — она расшалился и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожъ, у тебя тѣло, такъ и таетъ!

Потомъ... они были, однажды, въ командировкѣ... она — по дѣламъ, она — случайно... Ихъ пригласилъ предводитель объѣдать... бесѣдка... садъ... пость соловей... вдаль ходить письмоводитель и курить сигару...

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней, какъ живое! И, что всего важнѣе: по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга, уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! всѣ знали, что это такъ есть, какъ и быть должно... А теперь? что она такое теперь? *Старая* помпадурша! развѣ это положеніе? развѣ это пость?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, дурѣшка мой!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней попрежнему, что и квартальные ни мало не утратили своей предупредительности, но это ее не радовало, и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на объѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, о томъ недавнемъ прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ — Ольга Семеновна Проходимцева...

Съ этимъ другомъ она запералась одинъ на одинъ, и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадуршка глупенькій! сколько онъ нашалилъ! говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще неразсказанную подробность, и повѣствовала объ ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Балбесову даже напрямки сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она попрежнему принадлежать одному ему, или лучше сказать, благодарному воспоминанію объ немъ. Это до такой степени ожесточило Балбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну

ходичею паниядой по помпадурѣ; но и за всѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье! говорилъ онъ: — вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обезьяну покожъ, а какую привязанность къ себѣ получилъ!

Большую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура, и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали-таки проникать въ ея уединеніе, и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь уѣздномъ увеселеніи. Но она на всѣ эти уговоры отвѣчала презрительною улыбкой. Наконецъ, это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанже, и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни.

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества... умолялъ злосчастный Бламанже, ползая по полу.

— Вы съума сошли! вы, кажется, забыли, кто меня любилъ! отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадура.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ, и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды, утромъ Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смятеніе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями прошлаго, но сердце ея невольно задрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новый помпадуръ пріѣхалъ! весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанже.

II.

Между тѣмъ уваженіе въ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что «еслибы не она, наша макушка, она бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и прахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!» Дворяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Частный приставъ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить объ нихъ новому помпадуру.

— Скажите бабу, чтобы она утилась, а не то... фить! отвѣ-

чалъ новыи помпадуръ, и какъ-то самонадѣнно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новыи помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ, и до такой степени мало уважалъ, такъ-называемыхъ, идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Бока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избраннѣйшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: «фиты!» и «куда Макарь телать не загонялъ!»

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣздилъ уѣздную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, повѣлъ, что Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считаться было бы неблагоприятно.

— Повѣрьте, шоп снэг, открывался онъ одному изъ своихъ приближенныхъ: — эта Бламанже... это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда! Но что она, во всякомъ случаѣ, волнуеъ общественное мнѣніе — это такъ вѣрно, какъ дважды два!

Но что всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противоудѣйствіе.

— Помилуйте! я прѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... влянусь Богомъ, ничего! говорилъ онъ: — и что жь... на первыхъ же порахъ!

Однако, мало-по-малу, любопытство взяло верхъ, и однажды, когда частный приставъ явился утромъ, по обыкновенію, то новыи помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова? спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм... вы понимаете... я... Но!...

— Точно такъ-съ.

— Ну да!

У частнаго пристава сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный, и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неурядицъ. Поэтому, онъ немедленно отъ помпакура поспрашивалъ къ Надеждѣ Петровнѣ, и засталъ ее сидящею въ унизіи передъ портретомъ стараго помпакура. У ногъ ея ползалъ Бламанже.

— Гдѣ-то ты теперь, глупушка! Нашалилъ — и уѣхалъ! рассуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось звяканье полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старыи боевой конь, заслышавъ призывной звукъ трубы. Надо

сказать, впрочемъ, что въ Надеждѣ Петровнѣ вслѣдїи и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закусь.

— Принеси ты мнѣ, Семень, этой рыбки—знаешь? командоваль частный приставъ въ передней.—А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что жъ это такое? продолжалъ онъ, входя въ комнату: — ну, поплакали! ну, и будетъ! глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить!

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить! вступился Бламанже.

— До тѣхъ поръ, куда... сказала Надежда Петровна, и голосъ ея оборвался.

— Ну да, есть резонъ! а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Что жъ я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Надежда Петровна поникла головой.

— А я вотъ что вамъ доложу, сударыня! настойчиво продолжалъ частный приставъ: — вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идиломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ что, сударыня!

Но Надежда Петровна, попрежнему, смотрѣла въ упоръ на стараго помпадуря.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать... Частный приставъ вздохнулъ.

— Что же? вступился Бламанже!

— А что жъ, говорить, коли онѣ хотять противодѣйствовать, такъ и пускай!... Нехорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ, за это спросить! такъ-то-съ!

Но она все молчала, и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадуря почерпала все болшую и болшую душевную твердость.

«Нашалилъ — и уѣхалъ!» думалось ей.

— Вотъ то-то оно и есть-съ! продолжалъ частный приставъ, какъ бы предвосхищая ея мысль: — они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу! оправдывался Бламанже: — и не я одинъ — все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста, и какъ раненая тигрица, устремилась на частнаго пристава.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ? вскрикнула она на него: — а я... я помню! я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаше и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непремѣнно заводила рѣчь объ новомъ помпадурѣ. Нѣкоторые говорили даже, что онъ начинаетъ приударивать.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... *vous savez?* прибавляла при этомъ какаа-нибудь сердобольная дамочка.

— Нѣтъ, не знаю! отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго...

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все вѣрѣпилась, и не слускала глазъ съ портрета стараго помпадуря. Въ городѣ стали рассказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— *Mais enfin, cela commence à devenir ridicule; ma chère!* говорили ей подруги, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, *mesdames*, кто меня любитъ! былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти приставаыя: — а я... я знаю! О! я очень-очень многое знаю!

— Все это такъ... *c'est sublime, il n'y a rien à dire!* но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый божій день бьюсь! вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанже, который, въ послѣднее время, всталъ, какъ свѣчка.

Въ сущности, однакожь, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать фязіономію стараго помпадуря, и находила, что у него носъ...

— Ахъ, *ma chère*, посмотрите, какой у него уморительный носъ! говорила она Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили, отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употреблила всѣ усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ. — Да и губы-то не больно мудрація!

И вотъ, однажды, она рискнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ! она увидѣла новаго помпадуря, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ:

L'amour — qu'est que c'est que ça, madame?

L'amour — qu'est que c'est que ça?

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально-сложивный; онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣ-

вать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брѣшена небольшая борода (она все замѣтила!), а надъ губой прихотливо висѣла темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совсѣмъ другого рода, нежели красота стараго помпадура. У того и носъ и губы были такіе мягкіе, такіе уморительныя, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ скомкать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцаловать. Но не за красоту поцаловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было крѣпко, все говорило о неуклонности, неуступчивости и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже поравнился съ домомъ Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился... онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремилась подъ защиту портрета стараго помпадура. Влѣпанже еще разъ оказалъ свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна, говорилъ онъ черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ: — я до такой степени уважалъ вашу горестъ, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣ лестныя отзывы... еслибъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ушахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старнй помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами.

— Повѣрте, продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ: — что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего героя. Господинъ частный приставъ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я неоднократно приказывалъ, и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были всѣ способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла, поврежнему, не шевелилась, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако, мнѣ очень обидно, гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы... какъ будто изъ-за меня... лишаете общество, такъ-сказать, лучшаго его украшенія! Конечно, я... моя достоинства... Я не могу похвалиться опытносью...

— Нѣтъ! васъ хвалятъ! промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говоритъ.

— Общество слишкомъ ко мнѣ снисходительно! Конечно, все, что отъ меня зависитъ... я готовъ жертвовать жизнью... но, во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позволяте

уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ-сказать, его лучшаго украшенія!

— Я-съ... если прикажете-съ... отвѣчала она, съ прежнею бессознательностью.

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взялъ ея руку и поцаловалъ.

— Это, вѣжета, портретъ моего предмѣстника? спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ! и какъ много, какъ много утратилъ, съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадуръ становились масляними; рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпененія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ, промолвила она, сама удивляясь, отчего языкъ ея говоритъ только одиѣ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, но позволю себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ всѣ недоразумѣнія между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ-сказать, лучшаго украшенія! сказалъ онъ наконецъ, поднимаясь съ дивана, и вновь цалуя ручку хозяйки.

По уходѣ его, Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ остолененіи. Ей казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во что бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очнулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадуръ.

— Помпадурушка! глупушка мой! Куда жъ ты уѣхалъ! что ты со мной сдѣлалъ! вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадуръ долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла даже отличить «jeune fille aux yeux noirs» отъ «l'amour qu'est que c'est que ça». Она знала навѣрное, что то и другое пѣлъ какой-то помпадуръ, но какой именно — доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горячился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало по малу, затворническая жизнь прискучила, и Надежда Петрова начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго

помпадур все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и когда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, «не уѣхать, не показавшись своему глупушгѣ». Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадур, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ, она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить, въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба «глупушки». Съ тѣхъ поръ, «показываніе» себя передъ портретомъ стараго помпадур сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила, вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Частный приставъ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь — мудрость, стряпчій — стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, что думаете? говорилъ стряпчій: — вы, можете быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ, или на обѣдахъ... что онъ пустяками какими нибудь занимается?... на плечи нашихъ барынь облизывается?... Нѣтъ-съ! онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чего нибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ, задумчиво отвѣчала Надежда Петровна: — да боюсь я...

— Чего же вы бонтесь? вы, можете быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! онъ у насъ вотъ какой: мухѣ зла не сдѣлаетъ! вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить...

Но помпадуру былъ робокъ, что, впрочемъ, отчасти объяснилось уже тѣмъ, что въ самомъ формулярѣ его было отмѣчено, что онъ не бывалъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности, оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были нерѣшительны и даже просто глупы. Такъ, напримѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ, и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— Кушайте!

— На что мнѣ? изумилась Надежда Петровна.

— Такъ!... это такъ! почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце. И вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глупо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

— Господи! да какой же онъ, однако, глупушка!

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея, и вдругъ проглаголялъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ вашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что жъ это вамъ? вновь изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ, онъ ее спросилъ:

— Вы когда нибудь цалуете вашего Бламанже?

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Ннѣ... иногда...:

— Отлично! а знаете ли вы, что вашъ Бламанже на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ, онъ навинулся на Бламанже и началъ его цаловать.

— Что вы дѣлаете? испугалась Надежда Петровна.

— Цалую!

— Да перестаньте же! развѣ не видите, что онъ весь пошнѣлъ?

— Цалую! повторялъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще, дѣйствія его были не только нерѣшительны, но и загадочны. Иногда, онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держитъ ее, гладитъ, и вдругъ какъ-то такъ нелѣпно рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда, вскочитъ со стула словно ужаленный, схватитъ фуражку и, не говоря ни слова, ударетъ въ городническое правленіе. Однако, словомъ, были всѣ признаки; недоставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняетъ портретъ стараго помпадуря. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну; но и оттуда онъ какъ будто бы примѣчалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бламанже предложилъ перенести его, какъ личнаго

своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ человѣкъ холостой; вѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печатные приписки. Это зрѣлище до такой степени истерзало его, что онъ, съ горя, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоимочныхъ реестровъ. Но и это занятіе представляло слѣшкомъ мало пищи для ума и сердца, чтобы наполнить помпадурову жизнь. Онъ сталъ ходить въ городническое правленіе и тосковать.

Между тѣмъ, зимній сезонъ окончился; наступилъ постъ; пахнуло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея мѣла и запыла. Чтобы уговорить напивъ жизни, она по цѣлымъ часамъ выставляла передъ открытою форточкой, вдыхая влажный воздухъ, и выхаживала десятки верстъ, безстрашно проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая, полуразбитая, возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрывала глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время оковывала ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе: и съ усами и безъ усовъ, и бѣлокурные и брюнеты, и съ бородачками и безъ бородавокъ, и высочествовольные и низкочествовольные; но, увы! между ними не было одного — не было новаго помпадуря! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ.

«Неужто жъ онъ только того и добивался, чтобы расцаловать этого противнаго Вламанже?» думалось иногда Надеждѣ Петровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго другаго ощущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда Петровна сама повинилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой минуты, онъ до такой степени усидилъ нѣжность къ женѣ, что даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные приписки. Такимъ образомъ, дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея, имѣя во главѣ частнаго пристава, рѣшительно во всемъ обвиняла Надежду Петровну.

— Я все ей прощу! грѣмѣлъ въ глубѣ глава недовольныхъ:—

но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ, своею непростительною медлительностію, поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ городническое-то правленіе шататься, да пустыни на бобахъ разводить, лучше бы дѣло дѣлалъ! говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостовѣряться, что уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ умалется. То вдругъ, на какомъ нибудь благотворительномъ концертѣ, угонять ее карету за тридцать земель, то вчучера занапрасно въ части высѣкутъ, то Бламанжею скажутъ въ глаза язвительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго не бывало, и всѣ эти маленькія непріятности тѣмъ сильнѣе явили ее сердце, что старнй помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Наконецъ, посинѣли и развалились рѣвѣ; въ полѣ показалась первая молодая травва; въ сосѣднемъ пруду затрещали лягушки, въ сосѣдней рошѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская княгиня Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

— Изъ-за чего же онъ со мной это комедію игралъ? спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяньи по комнатамъ и вымещая на Бламанже свою досаду.

Однажды, она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ на углу одной изъ нихъ столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ попрежнему, хотя на его лицѣ вскопчло нѣсколько прыщей.

— Вы что жъ это перестали ко мнѣ ходить? спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ? наступила она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неописанномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого изступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на лицѣ истерика.

— Знаю я! знаю я все, что вы дѣлаете! продолжала она, не

помня себя отъ волненія: — вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понялъ, что участь его рѣшена.

IV.

Сердца ихъ заглясь...

Но какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были по малой мѣрѣ, бесполезны.

Вопервыхъ, татарскую княгиню Уланбекову немедленно фиты и водворили въ городъ Свияжскѣ, при слияніи рѣки Свияги съ Волгою.

Вовторыхъ, частнаго пристава удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Втретьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Вчетвертыхъ, съ Бламанжеемъ поступили до того скверно, что даже невозможно сказать...

Н. Щедринъ.

ДОМА — ЛУЧШЕ!

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Ни съ чѣмъ несравнимы, Вернувшись домой,
Въ телегу спѣшу пересѣсть изъ коляски
И маршъ на охоту! Денежъ недурной;

Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвышему глазу нова...
О, матушка Русь! ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова!

Твои мужики на меня выгнали
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень.

Н.

НА ВСЯКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

И Ц А.

Егоръ Дмитръичъ Глузовъ, молодой человѣкъ.

Глафира Климовна Глузова, его мать.

Никъ Фидосъичъ Маманъ, богатый баринъ, дальній родственникъ Глузова.

Егоръ Васильичъ Бурчанъ, гусарь.

Голутынкъ, человѣкъ, невѣжливый занятий.

Манюша, женщина, занимающаяся гаданьемъ и предсказаньемъ.

Человѣкъ Маманъ.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный столъ, зеркало; одна дверь во внутреннія комнаты, на правой сторонѣ, другая входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Глузовъ и Глафира Климовна (*за сценой*).

Глузовъ (*за сценой*).

Вотъ еще! Очень нужно! Идти на проломъ, да, и вончено дѣло. (*Выходитъ изъ боковой двери*). Дѣлайте, что вамъ говорить, и не разсуждайте!

Глузова (*выходя изъ боковой двери*).

Зачѣмъ ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мнѣ тяжело.

Глузовъ.

Пишите, пишите!

Глузова.

Да что толку? Вѣдь за тебя не отдадутъ. У Турусиной тысяча двѣсти приданого, родство, знакомство, она знатная невеста,

или генеральская. И за Курчаева не отдадутъ; за что я взвожу на него, на бѣднаго, разныя клеветы и небывальщины!

Глумовъ.

Кого вамъ больше жаль, меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Онъ все равно ихъ въ карты проиграетъ. А еще хнычете: я тебя носила подъ сердцемъ.

Глумова.

Да еслибы польза была!

Глумовъ.

Ужъ это мое дѣло.

Глумова.

Имѣешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумовъ.

Имѣю. Маменька, вы знаете меня; я уменъ, волеъ и завистливъ; весь въ васъ. Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Мосеву, а самъ бакалуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь карьеры не составишь, карьеру составляютъ и дѣло дѣлаютъ въ Петербургѣ, а здѣсь только говорить. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты, — съ меня и довольно. Чѣмъ въ люди выходить? Не все дѣлами, чаще разговоромъ. Мы въ Москвѣ любимъ поговорить. И чтобъ въ этой обширной говорильнѣ я не имѣлъ успѣха! Не можетъ быть. Я съумѣю поддѣлаться и къ тузамъ, и найду себѣ покровительство, вотъ вы увидите. Глупо ихъ раздражать, имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха. Я начну съ неважныхъ лицъ, съ кружка Турусиной, выжму изъ него все, что нужно, а потомъ заберусь и повыше. Подвте, пишите! Мы еще съ вами потолкуемъ.

Глумова.

Помоги тебѣ Вогъ! (*Уходитъ*).

Глумовъ (*садится къ столу*).

Эпиграммы въ сторону! Этотъ разъ поэзия, кромѣ вреда, ничего не приноситъ автору. Примемъ за панегириси (*снимаетъ изъ кармана тетрадь*). Всю желчь, которая будетъ кипать въ душѣ, и буду сбывать въ этотъ дневникъ, а на устахъ останется только медъ. Одишь, въ ночной тиши, я буду вести дѣтопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я одинъ буду и авторомъ, и читателемъ. Развѣ, со временемъ, когда укрѣплюсь на прочномъ фундаментѣ, съдѣлаю изъ нея извлеченіе. (*Входитъ Курчаевъ и Голутвинъ; Глумовъ встаетъ, и прячетъ тетрадь въ карманъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ГЛУМОВЪ, КУРЧАЕВЪ, ГОЛУТВИНЪ.

КУРЧАЕВЪ.

Bon jour!

ГЛУМОВЪ.

Очень радъ; чему обязанъ?

КУРЧАЕВЪ (*садясь къ столу на мѣсто Глумова*).

Мы за дѣломъ. (*Указывая на Голутвина*). Вотъ, рекомендую.

ГЛУМОВЪ.

Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

ГОЛУТВИНЪ.

Тонъ мнѣ вашъ что-то не нравится. Да-съ.

ГЛУМОВЪ.

Это какъ вамъ угодно. Вы вѣрно, господа, порядочно повывтравали?

КУРЧАЕВЪ.

Малымъ дѣломъ. (*Беретъ карандашъ и бумагу и чертитъ что-то*).

ГЛУМОВЪ.

То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободнаго не много. Въ чемъ дѣло? (*Садится, Голутвина тоску*).

КУРЧАЕВЪ.

Нѣтъ ли у васъ стиховъ?

ГЛУМОВЪ.

Какихъ стиховъ? Вы вѣрно не туда зашли.

ГОЛУТВИНЪ.

Нѣтъ, туда.

ГЛУМОВЪ (*Курчаеву*).

Не марайте, пожалуйста, бумагу!

КУРЧАЕВЪ.

Намъ эпиграммъ нужно. Я знаю, что у васъ есть.

ГЛУМОВЪ.

Ничакихъ нѣтъ.

КУРЧАЕВЪ.

Ну, полно вамъ! Всѣ знаютъ. У васъ на весь городъ написаны. Вонъ онъ хочеть сотрудничкомъ быть въ юмористическихъ газетахъ.

ГЛУМОВЪ (*Голутвину*).

Вотъ какъ. Вы писали прежде?

ГОЛУТВИНЪ.

Писалъ.

Глумовъ.

Что?

Голутвинъ.

Все: романы, повѣсти, драмы, комедіи...

Глумовъ.

Ну, и что же?

Голутвинъ.

Ну, и не печатаютъ нигдѣ, ни за что; сколько ни просилъ, и даромъ не хотятъ. Хочу за скандалчики приняться.

Глумовъ.

Опять не напечатаютъ.

Голутвинъ.

Попробуюсь.

Глумовъ.

Да вѣдь опасно.

Голутвинъ.

Опасно? А что, прибьютъ?

Глумовъ.

Пожалуй.

Голутвинъ.

Да говорятъ, что въ другихъ мѣстахъ бьютъ; а у насъ что-то не слыхать.

Глумовъ.

Тагъ пишете!

Голутвинъ.

Съ кого мнѣ писать-то, я никого не знаю.

Бурчавъ.

У васъ, говорятъ, дневникъ какой-то есть, гдѣ вы всѣхъ по косточкѣ разобрали.

Голутвинъ.

Ну, вотъ и давайте, давайте его сюда!

Глумовъ.

Ну, да, какъ же не дать.

Голутвинъ.

А ужъ ми бы ихъ распечатали.

Глумовъ.

И дневника никакого у меня нѣтъ.

Бурчавъ.

Разговаривайте! Видѣли его у васъ.

Голутвинъ.

Ишь, какъ прикидывается; а тоже вѣдь нашъ братъ Исавій.

Глумовъ.

Не братъ, я вамъ, и не Исавій.

Голутвинъ.

А какія бы ми деньги за него взяли...

Курчавъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, ему деньги нужны. «Будетъ, говоритъ, на чужой счетъ пить, трудиться хочу». Это онъ называетъ: трудиться. Скажите, пожалуйста!

Глумовъ.

Слышу, слышу.

Голутвинъ.

Материаловъ нѣтъ.

Курчавъ.

Вонъ, видите, у него материаловъ нѣтъ. Дайте ему материалъ, пусть его трудится.

Глумовъ (*вставая*).

Да не марайте же бумагу!

Курчавъ.

Ну, вотъ еще, что за важность.

Глумовъ.

Какихъ-то нѣтуковъ тутъ рисуете.

Курчавъ.

Ошибаетесь. Это не нѣтукъ, а мой уважаемый дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ. Вотъ (*описываетъ*) и похоже, и кохоль похожъ.

Голутвинъ.

А интересная онъ личность? Для меня, напримѣръ?

Курчавъ.

Очень интересная. Впервыкъ, онъ считаетъ себя всѣхъ умнѣе и всѣхъ учить. Его хлѣбомъ не корми, только приди совѣтъ попроси.

Голутвинъ.

Ну, вотъ, подпишите подъ нѣтукомъ-то новѣйшій самоучитель! (*Курчавъ подписываетъ*). Да и пошлемъ напечатать.

Курчавъ.

Нѣтъ, не надо, все-таки дядя. (*Оттанимываетъ бумагу, Глумовъ беретъ и прячетъ въ карманъ*).

Голутвинъ.

А еще какія художества за нимъ водятся?

Курчавъ.

Много. Третій годъ квартиру ищетъ. Ему и не нужна квартира, онъ просто ѣздитъ разговаривать, все какъ будто дѣло дѣлаетъ. Выѣдетъ съ утра, квартиръ десять осмотритъ, поговоритъ съ хозяевами, съ дворниками, потомъ побѣдетъ по лавкамъ пробовать игру, балнѣ, тамъ разсядется, въ разсужденіи пустится.

Купцы не знаютъ, какъ выжить его изъ лавки, а онъ доволенъ, все-таки утро у него не пропало даромъ. (*Глумосу*). Да, вотъ еще, я и забылъ сказать. Тѣтка въ васъ влюблена, какъ кошка.

ГЛУМОВЪ.

Какихъ же это образомъ?

КУРЧАЕВЪ.

Въ театрѣ видѣла, всѣ глаза проглядѣла, шею было-свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этимъ не шутите!

ГЛУМОВЪ.

Я не шучу, вы всѣмъ шутите.

КУРЧАЕВЪ.

Ну, какъ хотите. Я бы на вашемъ мѣстѣ... Такъ вы стиховъ дадите?

ГЛУМОВЪ.

Нѣтъ.

ГОЛУТВИНЪ.

Что съ нимъ разговаривать! Поѣдемъ обѣдать!

КУРЧАЕВЪ.

Поѣдемъ! Прощайте! (*Кланяется и уходитъ*).

ГЛУМОВЪ (*останавливая Курчаева*).

Зачѣмъ вы съ собой его возите?

КУРЧАЕВЪ.

Умныхъ людей люблю.

ГЛУМОВЪ.

Нашли умнаго человѣка.

КУРЧАЕВЪ.

По насъ и эти хороши. Настояще-то умные люди съ какой стати станутъ знакомиться съ нами? (*Уходитъ*).

ГЛУМОВЪ (*съ слѣдъ ему*).

Ну, смотрите! Маменька! (*Входитъ Глумава*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛУМОВЪ, ГЛУМОВА.

ГЛУМОВЪ (*показывая портретъ Мамаева*).

Поглядите! Вотъ съ кѣмъ нужно мнѣ сойтись прежде всего.

ГЛУМОВА.

Кто это?

ГЛУМОВЪ.

Нашъ дальній родственникъ, мой дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ.

ГЛУМОВА.

А кто рисовалъ?

ГЛУМОВЪ.

Все тотъ же гусарь, племянничекъ его, Курчаевъ. Эту картинку надо убрать на всякій случай. (*Прячетъ ее*). Вся бѣда въ томъ, что Мамаевъ не любитъ родственниковъ. У него человекъ тридцать племянниковъ, изъ нихъ онъ выбираетъ одного, и въ пользу его завѣщаніе пишетъ, а другіе ужъ и не показываясь. Надоѣстъ любимецъ, онъ его прогонитъ и возьметъ другаго, и сейчасъ же завѣщаніе переписываетъ. Вотъ теперь у него въ милости этотъ Курчаевъ.

ГЛУМОВА.

Вотъ кабы тебѣ...

ГЛУМОВЪ.

Трудно, но попробую. Онъ даже не подозрѣваетъ о моемъ существованіи.

ГЛУМОВА.

А хорошо бы сойтись. Впервыхъ, наслѣдство, потомъ отличный домъ, большое знакомство, связи.

ГЛУМОВЪ.

Да! Вотъ еще обстоятельство: я поправился тѣтѣ Клеопатрѣ Львовнѣ, она меня гдѣ-то видѣла. Вы это на всякій случай запомните! Сблизиться съ Мамаевымъ, для меня первое дѣло—это первый шагъ на моемъ поприщѣ. Дядя познакомитъ меня съ Крутицкимъ, съ Городулинымъ; впервыхъ, это люди съ влияніемъ, ввторыхъ, близкіе знакомые Турусиной. Мнѣ бы только войти къ ней въ домъ, а ужъ я жениусь непременно.

ГЛУМОВА.

Такъ, сынокъ, но первый-то шагъ самый трудный.

ГЛУМОВЪ.

Успокойтесь, онъ сдѣланъ. Мамаевъ будетъ здѣсь.

ГЛУМОВА.

Какъ же это случилось?

ГЛУМОВЪ.

Тутъ ничего не случилось, все это было рассчитано впередъ. Мамаевъ любитъ смотрѣть квартиры, вотъ на эту удочку мы его и поймали. (*Входитъ человекъ Мамаева*).

ЧЛОВѢКЪ.

Я привезъ Нила Федосѣвича.

ГЛУМОВЪ.

И прекрасно. Получай. (*Дастъ ему ассигнацію*). Веди его сюда.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Да, пожалуй, они рассердятся: я сказалъ, что квартира хорошая.

Глумовъ.

Я беру отвѣтственность на себя. Ступайте, маменька, къ себѣ; когда нужно будетъ, я васъ кликну. *(Человѣкъ Мамаева уходитъ. Глумовъ садится къ столу и дѣлаетъ видъ, что занимается работой. Входитъ Мамаевъ, за нимъ человѣкъ его).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЛУМОВЪ, МАМАЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ МАМАЕВА.

МАМАЕВЪ *(не снимая шляпы оглядываетъ комнату).*

Это квартира холостая.

ГЛУМОВЪ *(кланяется и продолжаетъ работать).*

Холостая.

МАМАЕВЪ *(не слушая).*

Она не дурна, но холостая. *(Человѣку).* Куда ты, братецъ, меня завелъ?

ГЛУМОВЪ *(поднимаетъ стулъ, и опять принимается писать).*

Не угодно ли присѣсть?

МАМАЕВЪ *(садится).*

Благодарю. Куда ты меня завелъ? я тебя спрашиваю!

ЧЕЛОВѢКЪ.

Виновать-съ.

МАМАЕВЪ.

Развѣ ты, братецъ, не знаешь, какая нужна мнѣ квартира? Ты долженъ сообразить, что я статскій совѣтникъ, что жена моя, а твоя барыня, любятъ жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Гдѣ гостиная, я тебя спрашиваю?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Виновать-съ.

МАМАЕВЪ.

Гдѣ гостиная? *(Глумову).* Вы меня извините!

ГЛУМОВЪ.

Ничего-съ, вы мнѣ не мѣшаете.

МАМАЕВЪ *(человѣку).*

Ты видишь, вонъ сидитъ человѣкъ, пишетъ! Можетъ быть, мы ему мѣшаемъ; онъ, конечно, не скажетъ по деликатности; а все ты, дуракъ, виновать.

Глумовъ.

Не браните его, не онъ виноватъ, а я. Когда онъ тутъ на лѣстницѣ спрашивалъ квартиру, я ему указалъ на эту и сказалъ, что очень хороша, — я не зналъ, что вы семейный чловѣкъ.

Мамаевъ.

Вы хозяинъ этой квартиры?

Глумовъ.

Я.

Мамаевъ.

Зачѣмъ же вы ее сдаете?

Глумовъ.

Не по средствамъ.

Мамаевъ.

А зачѣмъ же нанимали, коли не по средствамъ? Кто васъ неволилъ? Чтò васъ, за воротъ, что ли, тянули, въ шею толкали? Нанимай, нанимай! А вотъ теперь, чай, въ должникахъ запутались? На пугундеръ тянуть? Да ужь, конечно, конечно. Изъ большой-то квартиры да придется въ одной комнаткѣ жить; пріятно это будетъ?

Глумовъ.

Нѣтъ, я хочу еще больше нанять.

Мамаевъ.

Какъ-такъ больше? На этой жить средствъ нѣтъ, а нанимаете больше! Какой же у васъ резонъ?

Глумовъ.

Никакого резона. По глупости.

Мамаевъ.

По глупости? Чтò за вздоръ?

Глумовъ.

Какой же вздоръ! Я глупъ.

Мамаевъ.

Глупъ! это странно. Какъ же такъ, глупъ?

Глумовъ.

Очень просто, ума недостаточно. Чтò жь тутъ удивительнаго! Развѣ этого не бываетъ? Очень часто.

Мамаевъ.

Нѣтъ, однако, это интересно! Самъ про себя чловѣкъ говорить, что глупъ.

Глумовъ.

Чтò жь мнѣ, дожидаться, когда другіе скажутъ? Развѣ это не все равно? Вѣдь ужь не скроешь.

Мамаевъ.

Да, конечно, этотъ недостатокъ скрыть довольно трудно.

Т. СЛХХХІ. — Отд. І.

9

Глумовъ.

Я и не скрываю.

Мамаевъ.

Жалью.

Глумовъ.

Покорно благодарю.

Мамаевъ.

Учить васъ, должно быть, некому?

Глумовъ.

Да, некому.

Мамаевъ.

А вѣдь есть учителя, умные есть учителя, да много ихъ слушаютъ,—нынче время такое. Ну, ужь отъ старыхъ и требовать нечего: всякій думаетъ, что, коли старъ, такъ и умнѣе. А если мальчишки не слушаются, такъ чего отъ нихъ ждать потомъ? Вотъ я вамъ расскажу случай. Гимназистъ недавно бѣжить чуть не бѣгомъ изъ гимназiи; я его, понятное дѣло, остановилъ и хотѣлъ ему, знаете, въ шутку поученiе прочесть: «въ гимназiю-то, молъ, тихо идешь, а изъ гимназiи домой бѣгомъ, а вѣдо, милый, наоборотъ». Другой бы еще благодарилъ, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцаловалъ; а онъ что жь!

Глумовъ.

Преподаванiе нынче, знаете...

Мамаевъ.

«Намъ, говорить, въ гимназiи наставленiя-то надожи. Коли вы, говорить, любите учить, такъ наймитесь къ намъ въ надзиратели. А теперь, говорить, я ѣсть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мнѣ-то!

Глумовъ.

На опасной дорогѣ мальчишъ. Жаль!

Мамаевъ.

А куда ведутъ опасныя-то дороги, знаете?

Глумовъ.

Знаю.

Мамаевъ.

Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна отъ обязанности выслушивать поученiя. Прежде, бывало, я у своихъ подданныхъ во всякую малость входилъ. Всѣхъ поучалъ отъ мала до велика. Часа по два каждому наставленiю читалъ; бывало, въ самыя высшiя сферы мышленiя заберешься, а онъ стоитъ передъ тобой, постепенно до чувства доходить, одними вздохами, бывало, онъ у меня потонитъ. И ему на пользу, и

мнѣ благородное занятіе. А нынче, послѣ всего этого... Вы понимаете, погдѣ чего?

Глумовъ.

Понимаю.

Мамаевъ.

Нынче, пойдѣ-но, съ прислугой, попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, онъ и идетъ за расчетомъ. Чтѣ, говорить, за наказаніе! Да; чтѣ, говорить, за наказаніе!

Глумовъ.

Безправственность!

Мамаевъ.

Я вѣдь не строгій человекъ, я все больше словами. У купцовъ вотъ обынованіе глупое: какъ наставленіе, сейчасъ за волосы, и при всякомъ словѣ и качаетъ, и качаетъ. Этакъ, говорить, крѣпче, понятнѣе. Ну, что хорошаго! А я все словами, и то нынче не нравятся.

Глумовъ.

Да-съ, послѣ всего этого, я думаю, вамъ непріятно.

Мамаевъ (*строю*).

Не говорите, пожалуйста, объ этомъ, я васъ прошу. Какъ меня тогда кольнуло насквозь вотъ въ это мѣсто (*показываетъ на грудь*), такъ до сихъ поръ, словно какъ какой-то...

Глумовъ.

Въ это мѣсто?

Мамаевъ.

Повыше.

Глумовъ.

Вотъ здѣсь-съ?

Мамаевъ (*съ сердцемъ*).

Повыше, я вамъ говорю.

Глумовъ.

Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Ужъ я вамъ скажеть, что я глупъ.

Мамаевъ.

Да-съ, такъ вы глупы... Это нехорошо. То-есть тутъ ничего нѣтъ дурнаго, если у васъ есть пожилые, опытные родственники, или знакомые.

Глумовъ.

То-то и бѣда, что никого нѣтъ. Есть мать, да она еще глупѣе меня.

Мамаевъ.

Ваше положеніе дѣйствительно дурно. Мнѣ васъ жаль, молодой человекъ.

ГЛУМОВЪ.

Есть, говорятъ, еще дядя, да все равно, что его нѣтъ.

МАМАЕВЪ.

Отчего же?

ГЛУМОВЪ.

Онъ меня не знаетъ, а я съ нимъ и видѣться не желаю.

МАМАЕВЪ.

Вотъ ужъ я за это и не похваляю, молодой человекъ, и не похваляю.

ГЛУМОВЪ.

Да помиуйте! Будь онъ бѣдный человекъ, а бы ему, кажется, руки целовалъ, а онъ человекъ богатый; придешь къ нему за совѣтомъ, а онъ подумаетъ, что за деньгами. Вѣдь какъ ему растолкуешь, что мнѣ отъ него ни гроша не надобно, что я только совѣта жажду, жажду — аичу наставленія, какъ манни небесной. Онъ, говорятъ, человекъ замѣчательнаго ума, а готовъ бы цѣлые дни и ночи его слушать.

МАМАЕВЪ.

Вы совсѣмъ не такъ глупы, какъ говорите.

ГЛУМОВЪ.

Временемъ это на меня просвѣтленіе находить, вдругъ, какъ будто прояснится, а потомъ и опять. Большею частію я совсѣмъ не понимаю, чтѣ дѣлаю. Вотъ тутъ-то мнѣ совѣтъ и нуженъ.

МАМАЕВЪ.

А кто вашъ дядя?

ГЛУМОВЪ.

Чуть ли я и фамилію-то не забылъ. Мамаевъ, кажется, Нилъ Федосѣичъ.

МАМАЕВЪ.

А вы-то кто?

ГЛУМОВЪ.

Глумовъ.

МАМАЕВЪ.

Дмитрія Глумова сынъ?

ГЛУМОВЪ.

Такъ точно-съ.

МАМАЕВЪ.

Ну, такъ этотъ Мамаевъ-то, это я.

ГЛУМОВЪ.

Ахъ, Боже мой! Какъ же это! Нѣтъ, да какъ же! Позвольте вашу руку! (*Почти со слезами*). Впрочемъ, дядюшка, я слышалъ, вы не любите родственниковъ; вы не безпокойтесь, мы можемъ быть такъ же далеки, какъ и прежде. Я не посмѣю явиться къ

вамъ безъ вашего принаванія; съ меня довольно и того, что я васъ видѣлъ и наслаждался бесѣдой умнаго человѣка.

Мамаивъ.

Нѣтъ, ты заходи, когда тебѣ нужно о чемъ-нибудь посоветоваться.

Глумовъ.

Когда нужно! Мнѣ постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну безъ руководителя.

Мамаивъ.

Вотъ заходи сегодня вечеромъ!

Глумовъ.

Покорно васъ благодарю. Позвольте ужъ мнѣ представить вамъ мою старуху, она недалняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаивъ.

Что жъ, покалуй.

Глумовъ (*громко*).

Маменька! (*Выходитъ Глумова*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Глумова.

Глумовъ.

Маменька! Вотъ! (*Указывая на Мамасва*). Только не плакать! Счастливый случай привелъ къ намъ дядюшку, Нила Федосѣича, котораго вы такъ порывались видѣть.

Глумова.

Да, батюшка братецъ, давно желала. А вы вотъ родныхъ и знать-то не хотите.

Глумовъ.

Довольно, маменька, довольно. Дядюшка ниѣтъ на то свои причины.

Мамаивъ.

Родня роднѣ ровнѣ.

Глумова.

Позвольте, батюшка братецъ, поглядѣть на васъ! Жоржъ! а вѣдь не похожъ?

Глумовъ (*держитъ ее за мать*).

Полнотѣ, маменька, перестаньте!

Глумова.

Да что, перестаньте! Не похожъ, совсѣмъ не похожъ.

Мамаивъ (*строю*).

Что вы шепчете? На кого я тамъ не похожъ? Я самъ на себя похожъ.

Глумовъ (матери).

Очень нужно толковать пустыни.

Мамавъ.

Ужь коли начали, такъ говорите.

Глумова.

Я говорю, что портретъ на васъ не похожъ.

Мамавъ.

Какой портретъ? Откуда у васъ портретъ?

Глумова.

Вотъ видите, у насъ бываетъ иногда Егоръ Васильичъ Курчаевъ. Онъ, кажется, вамъ родственникъ тоже доводится?

Глумовъ.

Такой отличный, веселый малый.

Мамавъ.

Да; ну, такъ что жъ?

Глумова.

Онъ все васъ рисуетъ. Покажи, Жоржъ!

Глумовъ.

Да я, право, не знаю, куда я его дѣлать.

Глумова.

Поизи хорошенько! Еще онъ давеча рисовалъ, ну, помнишь. Съ нимъ былъ, какъ ихъ называютъ? Вотъ что критики стихами пишутъ. Курчаевъ говорить: я тебѣ дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай! Я вѣдь слышала, что они говорили.

Мамавъ.

Покажи мнѣ портретъ! Покажи сейчасъ!

Глумовъ (подавая портретъ).

Никогда, маменька, не нужно говорить такихъ вещей, которые другому могутъ вредъ сдѣлать.

Мамавъ.

Да вотъ, учи мать-то лицемѣрью. Не слушай, сестра, живи по простотѣ! По простотѣ лучше. (Разсматриваетъ портретъ). Ай-да молодецъ племянничекъ!

Глумовъ.

Бросьте, дядюшка! И непохоже совсѣмъ, и подпись къ вамъ не подходитъ: «Новѣйшій самоучитель».

Мамавъ.

Похоже-то оно похоже, и подпись подходитъ; ну, да это ужъ до тебя не касается, это мое дѣло. (Отдаетъ портретъ и встаетъ). Ты на меня карикатуръ рисовать не будешь?

Глумовъ.

Помилуйте, за кого вы меня принимаете! Что за занятія!

Маманья.

Такъ ты вотъ что, ты непремѣнно приходи уже вечеромъ. И мы пожалуйте!

Глумова.

Ну, я-то ужь... я вѣдь, пожалуй, надоѣмъ своимъ глупостями. (*Маманья уходитъ, Глумовъ со провожатомъ*). Кажется, дѣло-го улаживается. А много еще труда Жоржу будетъ. Ахъ, какъ это трудно и хлопотно къ людямъ выходить. (*Глумовъ возвращается*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Глумова, Глумовъ и потомъ Маняа.

Глумовъ.

Маменька, Маняа идетъ. Будьте къ ней внимательнѣе, слышите! Да не только внимательнѣе, подобострастнѣе, какъ только можете.

Глумова.

Ну, ужь унижаться-то передъ бабой.

Глумовъ.

Вы барствовать-то любите; а гдѣ средства! Кабы не моя оборотливость, такъ вы бы чуть не по міру ходили. Такъ помогайте же мнѣ, помогайте же мнѣ, я вамъ говорю. (*Засмѣшавъ шами, бѣжитъ въ переднюю и возвращается вѣсть съ Маняей*).

Маняа (*Глумову*).

Убѣгай отъ суеты, убѣгай!

Глумовъ (*съ постыжнѣмъ видомъ и со вздохами*).

Убѣгаю, убѣгаю.

Маняа.

Не будь корыстолюбивъ!

Глумовъ.

Не знаю грѣха сего.

Маняа (*сидя и не обращая вниманія на Глумову, которая ей часто кланяется*).

Летала, летала, да къ вамъ попала.

Глумовъ.

Охъ, чувствуемъ, чувствуемъ.

Маняа.

Была въ нѣкоемъ благочестивомъ домѣ, дали 10-ть рублей на милостыню. Моеми руками творять милостыню. Святими-то руками доходчивѣе, летѣмъ грѣшными.

Глумовъ (*вынимая деньги*).

Прините 15-ть рублей отъ раба Егорья.

Манеа.

Благо дающимъ!

Глумовъ.

Не забываете въ молитвахъ!

Манеа.

Въ ономъ благочестивомъ домѣ пилъ чай и кофея.

Глумова.

Пожалуйте, матушка, у меня сейчасъ готово. (*Манеа встаетъ, они ее провожаютъ подъ руки до двери. Глумовъ возвращается и садится къ столу*). Записать! (*Вынимаетъ дневникъ*). Человеку Мамаева три рубля, Манеевъ 15 рублей. Да ужъ встать весь разговоръ съ дядей. (*Пишетъ. Входитъ Курчаевъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Глумовъ, Курчаевъ.

Курчаевъ.

Послушайте-ко! Былъ дядя здѣсь?

Глумовъ.

Былъ.

Курчаевъ.

Ничего онъ не говорилъ про меня?

Глумовъ.

Ну, вотъ! Съ какой стати! Онъ даже едва-ли знаетъ, гдѣ былъ. Онъ заѣзжалъ, по своему обыменованію, квартиру смотрѣть.

Курчаевъ.

Это интрига, адская интрига!

Глумовъ.

Я слушаю, продолжайте!

Курчаевъ.

Представьте себѣ, дядя меня встрѣтилъ на дорогѣ и...

Глумовъ.

И... что?

Курчаевъ.

И не велѣлъ мнѣ показываться ему на глаза. Представьте!

Глумовъ.

Представляю.

Курчаевъ.

Пріѣзжаю къ Турусиной — не принимаютъ; вешмаютъ закую-то шляху-приживалу сказать, что принять не могутъ. Самишите?

Глузовъ.

Слышу.

Курчавъ.

Объясните мнѣ, что это значитъ?

Глузовъ.

По какому праву вы требуете отъ меня объясненія?

Курчавъ.

Хоть по такому, что вы человѣкъ умный и больше меня понимаете.

Глузовъ.

Извольте! Оглянитесь на себя, какую вы жизнь ведете.

Курчавъ.

Какую? Всѣ ведутъ такую — ничего, а я виноватъ. Нельзя же за это лишать человѣка состоянія, отнимать певѣсту, отказывать въ уваженіи.

Глузовъ.

А знакомство ваше! Напримѣръ, Голутвинъ.

Курчавъ.

Ну что жъ, Голутвинъ?

Глузовъ.

Язва! такіе люди на все способны. Вотъ вамъ и объясненіе! И зачѣмъ вы его давеча привели ко мнѣ? Я на знакомства очень остороженъ — я берегу себя. И поэтому я васъ прошу не посѣщать меня.

Курчавъ.

Что вы, съума сошли!

Глузовъ.

Дядюшка васъ удалилъ отъ себя, а я желаю этому, во всѣхъ отношеніяхъ, достойному человѣку подражать во всемъ.

Курчавъ.

А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глузовъ.

Ну, и слава-Богу!

Курчавъ.

Послушайте-ко вы, миленькій, ужъ это не вы ли? Если мои подозрѣнія оправдаются, такъ берегитесь! Такія вещи даромъ не проходить. Вы у меня того... вы берегитесь!

Глузовъ.

Буду беречься, когда будетъ нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчавъ.

Прощайте! (*уходитъ*).

Глузовъ.

Дядя его прогнать. Первый шагъ сдѣланъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

И И Ц А.

Мамавъ.

Клеопатра Львовна Мамавъ, его жена.

Крутицкій, старикъ, очень важный господинъ.

Иванъ Ивановичъ Горедулинъ, молодой, важный господинъ.

Глузовъ.

Глузова.

Человѣкъ Мамавъ.

Зала, одна дверь входная, двѣ по сторонамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамавъ и Крутицкій *(выходятъ изъ боковой двери)*.

Мамавъ.

Да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ, куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится?

Крутицкій.

Я, знаете ли, смотрю на все это, какъ на легкомысленную пробу, и особенно дурного ничего не вижу. Нашъ вѣкъ, вѣкъ по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то передѣлаю, другое перемѣню. Перемѣнять легко. Вотъ возьму, да поставлю всю мѣбель въ верхъ ногами, вотъ и перемѣна. Но гдѣ же, я васъ спрашиваю, вѣковая мудрость, вѣковая опытность, которая поставила мѣбель именно на ноги? Вотъ стоять столъ на четырехъ ножкахъ, и хорошо стоять, крѣпко?

Мамавъ.

Крѣпко.

Крутицкій.

Солнце?

Мамавъ.

Солнце.

Крутицкій.

Дай, попробую поставить его въ верхъ ногами. Ну, и поставили.

Мамавъ *(махнувъ рукой)*.

Поставили.

Крутицкий,

Вотъ и увидать.

Мамаевъ.

Увидать ли, увидать ли?

Крутицкий.

Что вы мнѣ говорите! Странное дѣло! Ну, а не увидать, такъ узнать, есть же люди.

Мамаевъ.

Есть, есть. Какъ не быть! Я вамъ скажу, я очень есть, да не слушаютъ, не слушаютъ. Вотъ въ чемъ вся бѣда: умныхъ людей, насъ не слушаютъ.

Крутицкий.

Мы сами виноваты: не умѣемъ говорить, не умѣемъ заявить своихъ мнѣній. Кто пишетъ? Кто кричитъ? Мальчишки. А мы молчимъ, да жалуемся, что насъ не слушаютъ. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаевъ.

Легко сказать: писать! На это нуженъ навыкъ, нужна базилито шпорева. Конечно, это вздоръ, но все-таки нужно. Вотъ я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать, и Богъ-знаетъ, что выходить. А вѣдь не дуракъ, кажется. Да вотъ и вы. Ну, какъ вамъ писать!

Крутицкий.

Нѣтъ, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаевъ.

Да! Вы пишете? Не зналъ. Но вѣдь не отъ всякаго же можно этого требовать.

Крутицкий.

Прошло время, любезнѣйшій Нилъ Федосѣичъ, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умѣй владѣть перомъ.

Мамаевъ.

Не всякому дано.

Крутицкий.

Да, вотъ кстати. Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человека, поскромнѣе и образованнаго, конечно, чтобы могъ свободно излагать на бумагѣ разныя тамъ мысли, проекты, ну и проч.

Мамаевъ.

Есть, есть именно такой.

Крутицкий.

Онъ не болтуетъ, не изъ вышнихъ зубоскаловъ?

Мамаевъ.

Ни-ни-ни! Только привлекаете, будетъ вѣтъ, какъ рыба.

Крутицкий.

Вот видите ли, у меня написанъ очень серьезный проектъ, или записка, какъ хотите назовите, но вѣдь вы сами знаете, я человѣкъ стараго образования...

Мамаевъ.

Крѣпче было, крѣпче было.

Крутицкий.

Я съ вами согласенъ. Излагаю я стилемъ стариннѣмъ, какъ бы вамъ сказать? Ну, близкимъ къ стилю великаго Ломоносова.

Мамаевъ.

Старый стиль сильнѣе былъ. Куда! Далекое нынѣче.

Крутицкий.

Я согласенъ; но все-таки, какъ хотите, въ настоящее время писать стилемъ Ломоносова или Сумарокова, вѣдь, пожалуй, засмѣются. Такъ вотъ можете ли онъ дать моему труду, какъ это говорится? Да, литературную отдѣлку.

Мамаевъ.

Можеть, можеть, можеть.

Крутицкий.

Ну, я заплачу ему тамъ что слѣдуетъ.

Мамаевъ..

Обидите, за счастье почтеть.

Крутицкий.

Ну, вотъ! Съ какою же стати я буду одолжаться! А кто онъ?

Мамаевъ.

Племянникъ, племянничекъ, да-съ.

Крутицкий.

Такъ скажите ему, чтобы зашелъ какъ-нибудь пораньше, часу въ восьмомъ.

Мамаевъ.

Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий.

Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени былъ разговоръ, это ослабляетъ впечатлѣннѣе.

Мамаевъ.

Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий.

Прощайте!

Мамаевъ.

Я самъ съ нимъ завтра же заѣду къ вамъ.

Крутицкий.

Милости просимъ. (*Уходитъ, Мамаевъ его провожаетъ. Выходятъ: Клеопатра Львовна и Глухова.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАМАЕВА И ГЛУМОВА.

МАМАЕВА.

Молодъ, хорошъ собою, образованъ, милъ! Ахъ!

ГЛУМОВА.

И при всемъ при этомъ онъ могъ погибнуть въ безвѣстности, Клеопатра Львовна.

МАМАЕВА.

А кто жъ ему велѣлъ быть въ безвѣстности! Ужъ довольно и того, что онъ молодъ и хорошъ собою.

ГЛУМОВА.

Если нѣтъ родства хорошаго, или знакомства, гдѣ людей-то увидишь? гдѣ протекцію найдешь?

МАМАЕВА.

Ему не надо было убѣгать общества; мы бы его замѣтили, непременно замѣтили.

ГЛУМОВА.

Чтобы замѣтнымъ-то быть, нужно умъ большой; а людямъ обыкновеннымъ трудно, охъ, какъ трудно!

МАМАЕВА.

Вы къ сну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нѣтъ особенной надобности въ большомъ умѣ, довольно и того, что онъ хорошъ собою. Къ чему тутъ умъ? Ему не профессоръ быть. Повѣрьте, что красивому молодому человѣку, просто въ состраданія, всегда и въ люди видти помогутъ и дадутъ средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человѣкъ бѣдно одѣтъ, живетъ въ дурной квартирѣ, ѣдетъ на плохомъ извозчикѣ — это васъ не поражаетъ, не колетъ вамъ глазъ; такъ и нужно, это идетъ къ умному человѣку, тутъ нѣтъ видимаго противорѣчя. Но если вы видите молодого красавца, бѣдно одѣтаго — это больно, этого не должно быть, и не будетъ, никогда не будетъ.

ГЛУМОВА.

Какое у васъ сердце-то ангельское!

МАМАЕВА.

Да нельзя!... Мы этого не допустимъ, мы женщины. Мы поднимемъ на ноги мужей, знакомыхъ, всѣ власти; мы его устроимъ. Надобно, чтобы ничто не мѣшало намъ любоваться на него. Вѣднosity! Фw! Мы ничего не пожалѣемъ, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди такъ рѣдки...

ГЛУМОВА.

Кабы всё такъ думали...

МАМАЕВА.

Всё, всё. Мы вообще должны сочувствовать бѣднымъ людямъ, это нашъ долгъ, обязанность, тутъ и разговаривать нечего. Но едва-ли вынесетъ чье-нибудь сердце видѣть въ бѣдности красиваго мужчину,—молодаго. Рукава потерты, или коротки, воротнички вечны. Ахъ, ахъ! ужасно, ужасно! Кромѣ того, бѣдность убиваетъ развязность, какъ-то принижаетъ, отнимаетъ этотъ побѣдный видъ, эту смѣлость, которыя такъ простительны, такъ къ лицу красивому молодому человѣку.

ГЛУМОВА.

Все правда, все правда, Клеопатра Львовна! (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МАМАЕВЪ и тѣ жв.

МАМАЕВЪ.

А, здравствуйте!

ГЛУМОВА.

Я ужъ не знаю, кому на васъ жаловаться, Нилъ Федосѣичъ!

МАМАЕВЪ.

А что такое?

ГЛУМОВА.

Сына у меня совсѣмъ отбили. Онъ меня совсѣмъ любить не остался, только вами и грезить. Все про васъ ужъ да про ваши разговоры; только ахаетъ да удивляется.

МАМАЕВЪ.

Хорошій мальчикъ, хорошій.

ГЛУМОВА.

Опъ ребенкомъ былъ у насъ очень удивителенъ.

МАМАЕВА.

Да опъ и теперь почти дитя.

ГЛУМОВА.

Тихій, такой тихій былъ, что удивленіе. Ужъ никогда, бывало, не забудетъ у отца, или у матери, ручку поцаловать; у всѣхъ бабушекъ, у всѣхъ тетушекъ разцалуетъ ручки. Даже, бывало, запрещаетъ ему; подумаютъ, что нарочно научили; такъ потихоньку, чтобъ никто не видалъ, подойдетъ и поцалуетъ. А то одинъ разъ, было ему пять лѣтъ, вотъ удивилъ-то онъ насъ всѣхъ! Приходитъ по утру и говоритъ: «сказой я видѣлъ сонъ! Слетаютъ ко мнѣ, въ кровати, ангелы и разговоры:—любви па-

пашу и мамашу и во всемъ слушайся! А когда вырастешь большой, люби своихъ начальниковъ. Я имъ сказалъ: ангелы! я буду всѣхъ слушаться... Удивилъ онъ насъ, ужъ такъ обрадовалъ, что и сказать нельзя. И такъ мнѣ этотъ сонъ памятенъ, такъ памятенъ...

Мамавъ.

Ну, прощайте, я ѣду, у меня дѣла-то побольше вашего. Я вашимъ сыномъ доволенъ. Вы ему такъ и скажите, что я имъ доволенъ. (*Надѣвая шляпу*). Да, вотъ было-забылъ. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умѣете; такъ зайдите ко мнѣ какъ-нибудь утромъ, я вамъ дамъ...

Глумова.

Покорно благодаримъ.

Мамавъ.

Не денегъ, нѣтъ; а лучше денегъ. Я вамъ дамъ совѣтъ относительно вашего бюджета. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мамаява и Глумова.

Глумова.

Довольны, такъ и слава Богу! Ужъ никто такъ не умѣетъ быть благодарнымъ, какъ мой Жоржъ.

Мамаява.

Очень приятно слышать.

Глумова.

Онъ, не то что благодарнымъ быть, онъ можетъ обожать своихъ благодѣтелей.

Мамаява.

Обожать? Ужъ это слишкомъ.

Глумова.

Нѣтъ, не слишкомъ. Такой характеръ, душа такая. Разумѣется, матери много хвалить сына не годится, да и онъ не любить, чтобы я про него рассказывала.

Мамаява.

Ахъ, одѣвайте одолженіе; я ему ничего не передамъ.

Глумова.

Онъ даже осѣпленъ своими благодѣтелями, ужъ для него лучше ихъ на свѣтѣ нѣтъ. По уму, говорить, Нилу Федосичу равныхъ нѣтъ въ Москвѣ; а ужъ что про вашу красоту говорить, такъ печатать, право, печатать надо.

Мамаява.

Скажите, пожалуйста.

ГЛУМОВА.

Какія сравненія находятъ!

МАМАЕВА.

Неужели?

ГЛУМОВА.

Да онъ васъ гдѣ-нибудь прежде видалъ?

МАМАЕВА.

Не знаю. Я его видѣла въ театрѣ.

ГЛУМОВА.

Нѣтъ, должно быть, видалъ.

МАМАЕВА.

Почему же?

ГЛУМОВА.

Да какъ же? Онъ такъ недавно васъ знаетъ, и вдругъ такое...

МАМАЕВА.

Ну, ну! Что же?

ГЛУМОВА.

И вдругъ такое родственное расположеніе почувствовалъ.

МАМАЕВА.

Ахъ, милый мальчикъ!

ГЛУМОВА.

Даже непонятно. Дядюшка, говоритъ, такой умный, такой умный, а тетюшка, говоритъ, ангель, ангель, да...

МАМАЕВА.

Пожалуйста, пожалуйста говорите! Я, право, очень любопытна.

ГЛУМОВА.

Да вы не разсердитесь за мою глупую откровенность?

МАМАЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ.

ГЛУМОВА.

Ангель, говоритъ, ангель; да ко мнѣ на грудь да въ слезы...

МАМАЕВА.

Да, вотъ что... Какъ же это? Странно.

ГЛУМОВА (*перемѣнивъ тонъ*).

Ужъ очень онъ радъ, что его, сироту, обласкали; отъ благодарности плачетъ.

МАМАЕВА.

Да, да, съ сердцемъ мальчикъ, съ сердцемъ!

ГЛУМОВА.

Да ужъ что говорить! Натура кипитокъ.

МАМАЕВА.

Это въ его возрастѣ понятно и... извинительно.

ГЛУМОВА.

Ужъ извините, извините его. Молодъ еще.

МАМАЕВА.

Да въ чемъ же мнѣ его извинить? Чѣмъ онъ передо мною виновать?

ГЛУМОВА.

Ну, знаете ли, вѣдь, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни видѣть такую красавицу женщину, — гдѣ жъ ему было! Она къ нему ласкова, снисходительна... конечно, по родственному... голова-то горячая, поневолѣ съ ума сойдешь.

МАМАЕВА (*задумчиво*).

Онъ очень милъ, очень милъ.

ГЛУМОВА.

Оно, конечно, его расположеніе родственное... А вѣдь, какъ хотите... близость-то такой очаровательной женщины въ молодле его года... вѣдь ночи не спать, придетъ отъ васъ, мечется, мечется...

МАМАЕВА.

Онъ къ вамъ довѣрчивъ, онъ отъ васъ своихъ чувствъ не скрываетъ?

ГЛУМОВА.

Грѣхъ бы ему было. Да вѣдь и чувства-то его дѣтскія.

МАМАЕВА.

Ну, конечно, дѣтскія... Ему еще во всемъ нужны руководители. Подъ руководствомъ умной женщины онъ современемъ... да, онъ можетъ...

ГЛУМОВА.

Поручайте его! Ему это для жизни очень нужно будетъ. Вы такая добрая...

МАМАЕВА (*сметая*).

Да, да, добрая. Но вѣдь это, вы знаете, вѣдь это опасно; можно и самой... увлечься.

ГЛУМОВА.

Вы, право, такая добрая.

МАМАЕВА.

Вы, я вижу, очень его любите.

ГЛУМОВА.

Одинъ, — какъ не любить!

МАМАЕВА (*тожно*).

Такъ давайте его любить вмѣстѣ.

ГЛУМОВА.

Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно, онъ себѣ счастье нашелъ въ нашемъ семействѣ. Однако, мнѣ и домой

пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А бѣда если сынъ узнаетъ, ужъ вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какія вы, маменька, глупости дѣлаете, а вѣдь не скажетъ. Онъ этого слова избѣгаетъ изъ почтенія въ родительницѣ. А ужъ я бы ему простила, только бы впередъ отъ глупостей остерегалъ. Прощайте, Клеопатра Львовна.

МАМАВА (*обнимаетъ ее*).

Прощайте, душа моя, Глафира Клеимовна! На дняхъ я въ вамъ, мнѣ съ вами еще потолкуемъ о Жоржѣ (*проводжаетъ ее до двери*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МАМАВА, потомъ ГЛУМОВЪ.

МАМАВА.

Какая болтушка! Ну, еслибъ услыхалъ ее сынъ, не сказалъ бы ей спасибо. Онъ такъ гордъ, подходитъ ко мнѣ съ такой холодной почтительностью, а дома вонъ что дѣлаетъ. Значить, я могу еще внушить молодому человѣку истинную страсть. Такъ и должно быть. Въ послѣднее время, конечно, очень былъ чувствителенъ недостатокъ въ обожателяхъ; но вѣдь это оттого, что окружающіе меня люди отжили и износились. Ну, вотъ, наконецъ-то. А, мой милый! Теперь я буду смотрѣть за тобой. Какъ онъ ни робокъ, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно, наблюдать, когда впередъ знаешь, что человѣкъ влюбленъ въ тебя. (*Входитъ Глумовъ, кланяется и останавливается въ почтительной позѣ*). Пойдите, пойдите сюда. (*Глумовъ робко подходитъ*). Что же вы стоите? Развѣ племянники ведутъ себя такъ?

ГЛУМОВЪ (*цалуетъ ей руку*).

Здравствуйте, Клеопатра Львовна, съ добрымъ утромъ.

МАМАВА.

Браво! Какъ это вы осмѣлились, наконецъ, я удивляюсь!

ГЛУМОВЪ.

Я очень робокъ.

МАМАВА.

Будьте развязнѣе! Чего вы боитесь? Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Будьте доврчивѣе, откровеннѣе со мной, повѣряйте мнѣ свои сердечныя тайны! Не забывайте, что я ваша тѣтка.

ГЛУМОВЪ.

Я былъ бы откровеннѣе съ вами, еслибы...

Мамлева.

Еслибъ что?

Глумовъ.

Еслибъ вы были старуха.

Мамлева.

Что за вздоръ такой! Я совсѣмъ не хочу быть старухой.

Глумовъ.

И я тоже не желаю. Дай вамъ Богъ цѣсти какъ можно долѣе. Я говорю только, что мнѣ тогда было бы не такъ робко, мнѣ было бы свободнѣе.

Мамлева.

Отчего же? Садитесь сейчасъ ко мнѣ ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вамъ было бы свободнѣе, еслибъ я была старухой.

Глумовъ (*беретъ стулъ и садится подлѣ нея*).

У молодой женщины есть свои дѣла, свои интересы; когда же ей заботиться о бѣдныхъ родственникахъ! А у старухи только и дѣла.

Мамлева.

Отчегожь молодая не можетъ заботиться о родныхъ?

Глумовъ.

Можетъ, но ее совѣстно просить объ этомъ; совѣстно надоѣдать. У ней на умѣ веселье, забавы, развлечения, а тутъ скучное лицо племянника, просьбы, вѣчное нытьѣ. А для старухи это было бы даже удовольствіемъ; она бы ѣздилла по Москвѣ, хлопотала. Это было бы для нея и занятіе отъ скуки, и доброе дѣло, которымъ она послѣ могла бы похвастаться.

Мамлева.

Ну, еслибъ я была старуха, о чемъ бы вы меня попросили?

Глумовъ.

Да, еслибъ вы были; а вѣдь вы не старуха, а, напротивъ, очень молодая женщина. Вы меня лѣвите.

Мамлева.

Все равно, все равно, говорите!

Глумовъ.

Нѣтъ, не все равно. Вотъ, напримѣръ, я знаю, что вамъ стоитъ сказать только одно слово Ивану Ивановичу, и у меня будетъ очень хорошее мѣсто.

Мамлева.

Да, я думаю, что довольно будетъ одного моего слова.

Глумовъ.

Но я все-таки не буду беспокоить васъ этой просьбой.

МАМАЕВА.

Почему же?

ГЛУМОВЪ.

Потому, что это было бы насиліе. Онъ такъ вами очарованъ.

МАМАЕВА.

Вы думаете?

ГЛУМОВЪ.

Я знаю навѣрное.

МАМАЕВА.

Какой вы всевѣдущій. Ну, а я?

ГЛУМОВЪ.

Ужъ это ваше дѣло.

МАМАЕВА (*про себя*).

Онъ не ревнивъ, это странно.

ГЛУМОВЪ.

Онъ не смѣетъ отказать вамъ ни въ чемъ. Потомъ, ему ваша просьба будетъ очень пріятна; заставитъ васъ просить—всѣ равно, что дать ему взятку.

МАМАЕВА.

Все это вздоръ, фантазія! Такъ вы не желаете, чтобъ я за васъ просила?

ГЛУМОВЪ.

Рѣшительно не желаю. Кромѣ того, мнѣ не хочется быть у васъ въ долгу. Чѣмъ же я могу заплатить вамъ?

МАМАЕВА.

А старухѣ чѣмъ вы заплатите?

ГЛУМОВЪ.

Постояннымъ угоженіемъ; я бы ей носилъ собачку, подвигалъ подъ ноги скамейку, целовалъ постоянно руки, поздравлялъ со всѣми праздниками и со всѣмъ, съ чѣмъ только можно поздравить. Все это только для старухи имѣетъ цѣну.

МАМАЕВА.

Да, конечно.

ГЛУМОВЪ.

Потомъ, если старуха дѣйствительно добрая, я могъ бы привязаться къ ней, полюбить ее.

МАМАЕВА.

А молодую развѣ нельзя полюбить?

ГЛУМОВЪ.

Можно, но не должно смѣть.

МАМАЕВА (*про себя*).

Наконецъ-то!

ГЛУМОВЪ.

И къ чему же бы это повело? Только лишнія страданія. (*Входитъ человекъ*).

ЧЕЛОВѢКЪ.

Иванъ Иванычъ Городулинъ-съ.

ГЛУМОВЪ.

Я пойду къ дядюшкѣ въ кабинетъ, у меня есть работа-съ (*Кланяется очень почтительно*).

МАМАЕВА (*человѣку*).

Проси! (*Человѣкъ уходитъ, входитъ Городулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЕВА и ГОРОДУЛИНЪ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Имѣю честь представиться.

МАМАЕВА (*съ упрекомъ*).

Хорошъ, хорошъ! Садитесь: какимъ вѣтромъ, какой бурей занесло васъ ко мнѣ?

ГОРОДУЛИНЪ (*садится*).

Вѣтромъ, который у меня въ головѣ, и бурей страсти, которая бушуетъ въ моемъ сердцѣ.

МАМАЕВА.

Благодарю. Очень мило съ вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

ГОРОДУЛИНЪ.

Гдѣ онъ? Гдѣ тотъ несчастный, который васъ покинулъ? Укажите мнѣ его! Я ничче въ особенно воинственномъ расположеніи духа.

МАМАЕВА.

Вы первый, васъ-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

ГОРОДУЛИНЪ.

Ужъ лучше что-нибудь другое.

МАМАЕВА.

Я ужъ придумала вамъ наказаніе.

ГОРОДУЛИНЪ.

Позвольте узнать. Объявите рѣшеніе, безъ того не казнять. Если вы рѣшили задушить меня въ своихъ объятіяхъ, я аппендировать не буду.

МАМАЕВА.

Нѣтъ, я хочу явиться къ вамъ просителемъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

То-есть, помѣниться со мной ролями?

МАМАЕВА.

Развѣ вы проситель? вы сами тамъ гдѣ-то чуть-ли не судья.

ГОРОДУЛИНЪ.

Такъ, такъ-съ. Но передъ дамами я всегда...

МАМАЕВА.

Полно вамъ болтать-то! У меня серьёзное дѣло.

ГОРОДУЛИНЪ.

Слушаю-съ.

МАМАЕВА.

Моему племяннику нужно...

ГОРОДУЛИНЪ.

Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

МАМАЕВА.

Вы мнѣ надѣли. Слушайте и не перебивайте! Мой племянникъ совсѣмъ не ребенокъ, онъ очень милый молодой человекъ, очень хорошъ собой, уменъ, образованъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Тѣмъ лучше для него и хуже для меня.

МАМАЕВА.

Ему нужно мѣсто.

ГОРОДУЛИНЪ.

Какое прикажете?

МАМАЕВА.

Разумѣется, хорошее! У него отличныя способности.

ГОРОДУЛИНЪ.

Отличныя способности? Жаль. Съ отличными способностями теперь некуда дѣться; онъ остается лишній. Такія всѣ мѣста заняты: одно Бисмаркомъ, другое Бейстомъ.

МАМАЕВА.

Послушайте, вы меня введете изъ терпѣнія, мы съ вами поссоримся. Говорите, есть ли у васъ въ виду мѣсто?

ГОРОДУЛИНЪ.

Для обмывеннаго смертнаго найдется.

МАМАЕВА.

И прекрасно.

ГОРОДУЛИНЪ (*тихо*).

Намъ люди нужны. Позвольте мнѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на этотъ феноменъ; тогда я вамъ слажу опредѣлительно, на что онъ годенъ и на какое мѣсто можно будетъ его рекомендовать.

МАМАЕВА.

Егоръ Дмитричъ! Жоржъ! Подите сюда (*Городулину*). Я васъ оставлю съ нимъ на нѣсколько времени. Вы послѣ зайдите ко

мнѣ! Я васъ подожду въ гостинной (*Глумовъ выходитъ*). Представляю вамъ моего племянника. Егоръ Дмитричь Глумовъ. (*Глумову*). Иванъ Ивановичъ хочетъ съ вами познакомиться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Городулинъ и Глумовъ.

Городулинъ (*подавая Глумову руку*).

Вы служите?

Глумовъ (*разсѣяно*).

Служилъ, теперъ не служу, да и не имѣю никакой охоты.

Городулинъ.

Отчего?

Глумовъ.

Умѣнья не далъ Богъ. Надо имѣть очень много различныхъ качествъ, а у меня ихъ нѣтъ.

Городулинъ.

Мнѣ кажется, нужно только умъ и охоту работать.

Глумовъ.

Положимъ, что у меня за этии дѣло не станеть; но что толку съ этии качествами? сколько ни трудись, нѣтъ будешь канцелярскимъ чиновникомъ. Чтобы выслужиться человѣку безъ протекціи, нужно совсѣмъ другое.

Городулинъ.

А что же именно?

Глумовъ.

Не разсуждать, когда не приказываютъ, смѣяться, когда начальство задумаетъ острить, — думать и работать за начальниковъ и въ то же время увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самимъ угодно было призвать. Кромѣ того нужно имѣть еще нѣкоторыя лавейскія качества, конечно, въ соединеніи съ извѣстной долей граціозности: напримѣръ, вселочить и вытануться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, и прямолинейно и граціозно. Когда начальникъ доплетъ за чѣмъ-нибудь, надо умѣть производить легкое порханье, среднее между галопомъ, маршъ-маршъ и обыкновеннымъ шагомъ. Я еще и половины того не сказалъ, что надо знать, чтобы дослужиться до чего-нибудь.

Городулинъ.

Прекрасно. То-есть, все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; зотъ важная вещь. Впрочешъ, все это было прежде, теперъ совсѣмъ другое.

Глумовъ.

Что-то не видать этого другаго-то. И притомъ, все бумага и форма. Цѣлыя стѣны, цѣлыя крѣпости изъ бумагъ и формъ. И изъ этихъ крѣпостей только вылетаютъ, въ видѣ бомбъ, сухіе циркуляры и предписанія.

Городулинъ.

Какъ это хорошо! Превосходно, превосходно! Вотъ талантъ!

Глумовъ.

Я очень радъ, что вы сочувствуете моимъ идеямъ. Но какъ мало у насъ такихъ людей!

Городулинъ.

Намъ идеи что! Кто же ихъ не имѣеть, такихъ идей! Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сдѣлать для меня великое одолженіе.

Глумовъ.

Все, что вамъ угодно.

Городулинъ.

Запишите все это на бумажку!

Глумовъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. На что же вамъ?

Городулинъ.

Вамъ-то я откроюсь. Мы съ вами оба люди порядочные, и должны говорить откровенно. Вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ завтра нужно спичъ говорить за обѣдомъ, а думать рѣшительно некогда.

Глумовъ.

Извольте, извольте!

Городулинъ (*жметъ ему руку*).

Сдѣлайте для меня это дружески.

Глумовъ.

Стоять ли говорить, помиловать! Нѣтъ, вы дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ младшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его настоящія нужды и удовлетворять имъ скоро и сочувственно.

Городулинъ.

Отлично, отлично! Вотъ ужъ и это запишите! Какъ я васъ понимаю, такъ вамъ, по вашему честному образу мыслей, нужно мѣсто смотрителя или эконома въ казенномъ или благотворительномъ заведеніи?

Глумовъ.

Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватить, но съ однимъ условіемъ: чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала

количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустаго въ порожнее, считать это службой и получать отличія—я несогласенъ.

Городулинъ.

Ужъ и это бы кстати. «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Глумовъ.

Хотите, я вамъ весь спичъ напишу?

Городулинъ.

Неужели? Вотъ видите, долго ли порядочнымъ людямъ сойтись! Перекинули нѣсколько фразъ—и друзья. А какъ вы говорите! Да, намъ такіе люди нужны, нужны, батюшка, нужны! (*Взянувъ на часы*). Заѣзжайте завтра ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ (*подастъ ему руку*). Очень пріятно, очень пріятно. (*Уходитъ въ истинную. Выходитъ Мамаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мамаевъ и Глумовъ.

Мамаевъ.

А, ты, здѣсь! Поди сюда! (*Таинственно*). Крутицкій давеча заѣзжалъ ко мнѣ посовѣтоваться объ одномъ дѣлѣ. Добрый старикъ! Онъ тамъ написалъ что-то, такъ нужно ему обдѣлать, выгладить слогъ. Я указалъ на тебя. Онъ у насъ въ кружкѣ не считается умнѣмъ человѣкомъ, и написалъ, вѣроятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься съ нимъ, польсти ему нѣсколько.

Глумовъ.

Вотъ, дядюшка, чему вы меня учите.

Мамаевъ.

Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь изъ нятаго въ десятое, это пріятно будетъ старику. Онъ можетъ впередъ пригодиться. Ругать его будемъ мы, отъ этого онъ не уйдетъ, а ты все-таки долженъ хвалить, ты еще молодъ. Мы съ тобой завтра къ нему поѣдемъ. Да, вотъ еще одно тонкое обстоятельство. Въ казія отношенія ты поставилъ себя къ тетѣ?

Глумовъ.

Я человѣкъ благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

Мамаевъ.

Ну, вотъ и глупо, ну, вотъ и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты называешь себя хочешь?

ГЛУМОВЪ.

Я, дядюшка, не понимаю.

МАМАЕВЪ.

Не понимаешь, такъ слушай, учись! Слава Богу, тебѣ есть у кого поучиться. Женщины не прощаютъ тому, кто не замѣчаетъ ихъ красоты.

ГЛУМОВЪ.

Да, да, да! Скажите! Изъ ума вонъ.

МАМАЕВЪ.

То-то же, братецъ! Хоть ты и седьмая вода на киселѣ, а все-таки родственникъ; имѣешь больше свободы, чѣмъ просто знакомый; можешь иногда, какъ будто по забывчивости, лишній разъ ручку подаловать, ну тамъ глазами что-нибудь. Я думаю, имѣешь?

ГЛУМОВЪ.

Не умѣю.

МАМАЕВЪ.

Экой ты, братецъ! Ну, вотъ такъ (*заводитъ глаза кверху*).

ГЛУМОВЪ.

Полноте, что вы! Какъ это можно!

МАМАЕВЪ.

Ну, да ты передъ зеркаломъ хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни съ томнымъ видомъ. Все это невозможно щекочетъ ихъ самолюбіе.

ГЛУМОВЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю.

МАМАЕВЪ.

Да и для меня-то покойнѣе. Пойми, пойми!

ГЛУМОВЪ.

Опять не понимаю.

МАМАЕВЪ.

Она женщина темперамента сангвиническаго, голова у ней горячая, очень легко можетъ увлечься какимъ-нибудь фантомъ, чортъ его знаетъ, что за механикъ попадется, можетъ быть совсѣмъ ваторжннй. Въ этихъ прихвостнахъ Бога вѣтъ. Вотъ оно куда пошло! А тутъ, понимаешь ты, не угодно ли вамъ, моль, свой, испытанный человекъ. И волки сыты и овцы цѣлы. Ха, ха, ха! Понялъ?

ГЛУМОВЪ.

Ума, ума у васъ, дядюшка!

МАМАЕВЪ.

Надѣюсь.

ГлуMOVъ.

А вотъ еще обстоятельство! Чтобъ со стороны не подумалъ чего дурнаго, вѣдь люди зли, вы меня познакомьте съ Турусинной. Тамъ ужъ я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для васъ, если вамъ угодно, посватаюсь. Вотъ ужъ тогда дѣйствительно будутъ и волки сыты и овцы цѣлы.

Мамаевъ.

Вотъ, вотъ, вотъ. Дѣло, дѣло!

ГлуMOVъ.

Клеопатрѣ Львовнѣ вы, разумѣется, не скажемъ про Турусинну ни слова. Не то что ревность, а знаете, есть такое женское чувство.

Мамаевъ.

Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни, и заикаться не надо.

ГлуMOVъ.

Когда же вы къ Турусинной?

Мамаевъ.

Завтра вечеромъ. Ну, теперь ты знаешь, что дѣлать тебѣ.

ГлуMOVъ.

Что дѣлать? Удивляться уму вашему. (*Входятъ Мамаева и Городулинъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Мамаевъ, ГлуMOVъ, Мамаева и Городулинъ.

Городулинъ (*Мамаевой тихо*).

Черезъ двѣ недѣли онъ будетъ опредѣленъ.

Мамаева.

Черезъ двѣ недѣли я васъ поцѣлую.

Мамаевъ.

А, Иванъ Ивановичъ! Я къ вамъ заѣзжалъ сегодня, я хотѣлъ дать вамъ совѣтъ по клубному дѣлу.

Городулинъ.

Извините, Нилъ Федосѣичъ, некогда (*подаетъ руку ГлуMOVу*). До свиданья.

Мамаевъ.

Такъ поѣдемте вмѣстѣ, я вамъ дорогою. Мнѣ въ сенатъ нужно. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Мамаева и ГлуMOVъ.

Мамаева (*садится на кресло*).

Цѣлуйте ручку, ваше дѣло улажено.

ГЛУМОВЪ.

Я васъ не просилъ.

МАМАЕВА.

Нужди нѣтъ, я сама догадалась.

ГЛУМОВЪ (*цалуесть руку*).

Благодарю васъ (*береть шляпу*).

МАМАЕВА.

Куда же вы?

ГЛУМОВЪ.

Домой. Я слишкомъ счастливъ. Я побѣгу подѣлиться моею радостью съ матерью.

МАМАЕВА.

Вы счастливы? Не вѣрю.

ГЛУМОВЪ.

Счастливъ, насколько можно.

МАМАЕВА.

Значить, не совсѣмъ; значить, вы еще не всего достигли.

ГЛУМОВЪ.

Всего, на что только я смѣлъ надѣяться.

МАМАЕВА.

Нѣтъ, вы говорите прямо: всего вы достигли?

ГЛУМОВЪ.

Чего же мнѣ еще! Я получу мѣсто.

МАМАЕВА.

Не вѣрю, не вѣрю. Вы хотите въ такихъ молодыхъ годахъ показывать себя материалистомъ, хотите увѣрить меня, что думаете только о службѣ, о деньгахъ.

ГЛУМОВЪ.

Клеопатра Львовна...

МАМАЕВА.

Хотите увѣрить, что у васъ никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

ГЛУМОВЪ.

Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

МАМАЕВА.

А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и васъ любили?

ГЛУМОВЪ.

Я не говорю этого.

МАМАЕВА.

Вы говорите, что всего достигли.

ГЛУМОВЪ.

Я достигъ всего возможнаго, всего, на что я могу позволить себѣ надѣяться.

Мамаява.

Значить, вы не можете позволить себѣ надѣяться на взаимность. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы даромъ тратите ваши чувства. Вѣдь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумовъ.

Но вѣдь это птица, Клеопатра Львовна.

Мамаява.

Говорите, негодный, говорите сейчасъ! Я знаю, я вижу, по вашимъ глазамъ, что вы любите. Бѣдный! Вы очень, очень страдаете?

Глумовъ.

Вы не имѣете права прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вы знаете, что я не посмѣю ничего скрыть отъ васъ.

Мамаява.

Кого вы любите?

Глумовъ.

Смѣйтесь!

Мамаява.

Стоитъ ли она васъ?

Глумовъ.

Боже мой, что вы со мной дѣлаете!

Мамаява.

Умѣетъ ли она оцѣнить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумовъ.

Хоть убейте меня, я не смѣю.

Мамаява (*шепотомъ*).

Смѣлѣй, мой другъ, смѣлѣе!

Глумовъ.

Кого люблю я?

Мамаява.

Да.

Глумовъ (*падая на колѣно*).

Васъ.

Мамаява (*тихо вскрикивая*).

Ахъ!

Глумовъ.

Я вашъ рабъ на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость; но я васъ люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядѣть на васъ, запретите мнѣ любоваться вами, еще хуже, заставьте меня быть почтительнымъ; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Еслибъ вы не были такъ очаровательны, такъ снисходительны ко мнѣ, я, можетъ быть, удержалъ бы мою страсть въ предѣлахъ приличія, чего бы мнѣ это ни стоило. Но

вы, ангель доброты, вы, красавица, изъ меня, благоразумнаго челоуѣка, вы сдѣлали бѣшенаго сумасброда! Да, я сумасшедшій! Мнѣ показалось, что меня манитъ блаженство, и я не побоялся кинуться въ пропасть, въ которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня (*склоняетъ голову*).

МАМАЕВА (*цалуя ея съ головоу*).

Я васъ прощаю. (*Глумовъ почтительно кланяясь уходитъ. Мамаева провожаетъ ея долгимъ взлядомъ*).

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л И Ц А.

Софья Игнатьевна Турусина, богатая вдова, барыня, рокомъ изъ кучекъ.

Машенька, ея племянница.

Манюша.

Приживалка 1-я.

Приживалка 2-я.

Брунцкій.

Городулинъ.

Мамаевъ.

Глумовъ.

Григорій, челоуѣкъ Турусиной.

Богатая гостиная на дачѣ въ Сокольникахъ, одна дверь по срединѣ, другая съ боку.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Машенька и Турусина (*выходятъ изъ средней двери*).

МАШЕНЬКА.

Поѣдемте, ма tante! Поѣдемте! Ну, пожалуйста поѣдемте!

ТУРУСИНА.

Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтъ! Я ужъ велѣла лошадей отложить.

МАШЕНЬКА.

Помилуйте, ма tante, на что же это похоже! Въ кон-то вѣкъ мы соберемся выѣхать, и то не въ часъ; десяти шаговъ отъ воротъ не отъѣхали, и назадъ.

ТУРУСИНА (*сидясь*).

Мой другъ, я очень хорошо знаю, что дѣлаю. Зачѣмъ напрасно подвергать себя опасности, когда можно избѣжать ее?

МАШЕНЬКА.

Но почему же намъ непремѣнно угрожала опасность?

ТУРУСИНА.

О чемъ ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама ви-

дѣла: въ самыхъ воротахъ намъ перешла дорогу какая-то женщина. Я хотѣла приказать остановиться, но такъ ужь, скрѣпя сердце, поѣхала дальше, и вдругъ встрѣча...

Машенька.

Да что жь такое, что встрѣча?

Турусина.

Да, еслибъ съ лѣвой стороны, а то съ правой...

Машенька.

Да и съ правой и съ лѣвой все равно.

Турусина.

Не говори такъ, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства въ моемъ домѣ. Я и такъ довольно слышу кощунства отъ гостей, которые бываютъ у насъ. Постороннимъ я запретить не могу, а тебѣ запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишкомъ много заботиться о себѣ грѣхъ, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямымъ! Мало ли мы видимъ несчастныхъ случаевъ: разобьютъ лошади, сломается экипажъ, кучеръ напьется пьянъ и завезетъ въ канаву. Провидѣніе печется о людяхъ. Если тебѣ прямо говорятъ: не ѣзди туда-то, ты подвергнешь себя опасности,—такъ кто же виноватъ, если ты не слушаешь благаго совѣта и сломишь себѣ голову?

Машенька.

Намъ некто не говорилъ: не ѣзди!...

Турусина.

Развѣ непременно нужны слова! Дурная встрѣча краснорѣчивѣй всякихъ словъ. Еще еслибъ была крайняя необходимость, ну, ужь нечего дѣлать: а то ѣхать Богъ знаетъ зачѣмъ! Для того только, чтобъ провести весь вечеръ въ пустыхъ разговорахъ, въ пересудахъ о ближнемъ: и для этого пренебрегать указаніями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нѣтъ ужь, покорно благодарю. Я понимаю, зачѣмъ тебѣ хочется ѣхать туда! Ты думаешь встрѣтить тамъ Курчаева, самаго нераскаяннаго безбожника, котораго я къ себѣ пускать не вѣлю. Вотъ ты и тянешь тетку, нисколько не разсуждая о томъ, что я изъ-за твоего удовольствія могу переломить ногу или руку.

Машенька.

Я не понимаю, ма tante, что вамъ не понравился Курчаевъ?

Турусина.

Какъ онъ можетъ мнѣ понравиться? Онъ смѣется въ моемъ присутствіи надъ самыми священными вещами.

Машенька.

Когда же, ма tante, когда?

ТУРУСИНА.

Всегда, постоянно, онъ смѣется надъ моими страничками, надъ юродивыми.

МАШЕНЬКА.

Вы говорите, что онъ смѣется надъ священными вещами.

ТУРУСИНА

Ну, конечно; а ему говорю какъ-то: посмотрите, у моей Матрени, отъ святости, ужъ начинается лицо свѣтиться; это, говорить, не отъ святости, а отъ жиру. Ужъ этого я ему никогда въ жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходить, до чего позволяютъ себѣ забиваться молодые люди! Я въ людяхъ рѣдко ошибаюсь; вотъ и оказалось, что онъ за человѣкъ. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

МАШЕНЬКА.

Развѣ вѣрять безъимяннымъ письмамъ?

ТУРУСИНА.

Еслибъ одно, можно бы еще сомнѣваться: а то вдругъ два и отъ разныхъ лицъ. (*Входитъ человекъ и подаетъ Турусиной письмо*).

ГРИГОРІЙ.

Скитающіе люди пришли-сь.

ТУРУСИНА.

Что онъ говорить, Богъ его знаетъ. Ну, да все равно, вѣро-отно, богомольцы. Вели ихъ накормить. (*Человекъ уходитъ. Турусина читаетъ письмо*) Вотъ еще письмо. Видно, что пишетъ женщина солидная! (*читаетъ вслухъ*). Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имѣю счастья... (*Читаетъ про себя*). Вотъ слушай! «Выборъ вами такого человѣка, какъ Егоръ Васильевичъ Курчаевъ, заставляетъ меня заранѣе проливать слезы объ участи бѣдной Машеньки»... ну, и такъ далѣе.

МАШЕНЬКА.

Удивительно! Я не знаю, что и думать объ этомъ.

ТУРУСИНА.

Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочемъ, мой другъ, если ты непременно желаешь, такъ выходи за него. (*Нюхаетъ спиртъ*). Я не хочу, чтобъ меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этимъ огорчаешь, и что едва-ли ты вправѣ будешь жаловаться, если я тебѣ...

МАШЕНЬКА.

Не дадите денегъ...

ТУРУСИНА.

И, главное-то, благословенія.

Машенька.

Нѣтъ, ма tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замужъ безъ денегъ и безъ позволенія родныхъ. Мнѣ Жоржъ Курчаевъ очень нравится, но если вамъ негодно, я за него не пойду и никакой чашотки со мной отъ этого не будетъ. Но, ма tante, пожалуйте меня! у меня, благодаря вамъ, есть деньги. Мнѣ хочется пожить.

Турусина.

Понимаю, мой другъ, понимаю.

Машенька.

Найдите мнѣ жениха, какого угодно, только порядочнаго чело-вѣка, я за него пойду безъ всякихъ возраженій. Мнѣ хочется поблестѣть, покрасоваться. Такъ жить, какъ мы живемъ, подумайте сами, мнѣ скучно, очень скучно.

Турусина.

Я вхожу въ твое положеніе. Суетность въ твоемъ возрастѣ извинительна.

Машенька.

Когда я буду постарше, ма tante, я весьма вѣроятно буду жить такъ же, какъ и вы, — это у насъ въ роду.

Турусина.

Дай Богъ, я тебѣ отъ всей души желаю. Это прямой путь, настоящій.

Машенька.

Такъ, ма tante, но мнѣ прежде надо видѣти замужъ.

Турусина.

Не хочу скрывать отъ тебя, что я въ большемъ затрудненіи. Ниче молодежь такъ испорчена, что очень трудно найти такого чело-вѣка, который бы мнѣ понравился, ты мои требованія знаешь.

Машенька.

Ахъ, ма tante, ужъ въ Москвѣ-то не найти! Чего-чего въ ней нѣтъ. Все, что угодно. У васъ такое большое знакомство. Мож-но обратиться къ тому-другому; Крутицкій, Мамаевъ, Городу-линъ вамъ помогутъ, укажутъ или найдутъ для васъ точно та-кого жениха, какого вамъ нужно. Я въ этомъ увѣрена.

Турусина.

Крутицкій, Городулинъ! Вѣдь они люди, Marie! Они могутъ обмануть, или сами обмануться.

Машенька.

Но какъ же быть?

Т. OLXXXI. — Отд. I.

ТУРУСИНА.

Надо ждать указанія. Безъ особаго указанія я никакъ не рѣшусь.

МАШЕНЬКА.

Но откуда же явится это указаніе?

ТУРУСИНА.

Ты скоро узнаешь, откуда оно явится сегодня же.

МАШЕНЬКА.

Курчаеву не отказывайте отъ дому, пусть ѣдять.

ТУРУСИНА.

Только ты знай, что онъ тебѣ не женихъ.

МАШЕНЬКА.

Я вполнѣ полагаюсь на васъ; я ваша покорная, самая покорная племянница.

ТУРУСИНА (*цалуетъ ее*).

Ты мое дитя.

МАШЕНЬКА.

Я буду богата, буду жить весело. Вѣдь и вы прежде весело жили, ма tante?

ТУРУСИНА.

Откуда ты знаешь?

МАШЕНЬКА.

Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

ТУРУСИНА.

Да, ты знаешь кой-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

МАШЕНЬКА.

Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и васъ я беру примѣромъ для себя. (*Обнимаетъ тетку*). Я тоже хочу жить очень весело; если согрѣшу, я покаюсь. Я буду грѣшить и буду ваяться, такъ какъ вы.

ТУРУСИНА.

Празднoсловіе, Marie! празднoсловіе!

МАШЕНЬКА (*сложивъ руки*).

Винувата.

ТУРУСИНА.

Ужъ ты разговорилась очень. Я устала, дай мнѣ отдохнуть, немного успокоиться. (*Цалуетъ Машеньку; она уходитъ*). Милая дѣвушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимаетъ, что болтаетъ. Гдѣ же ей понимать? Такъ лезе-четъ. Я всё силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполнѣ этого заслуживаетъ. Сколько въ ней благоразумія и покорности! Она меня тронула почти до слезъ своей дѣтской пре-

данностью. Право, такъ взволновала меня. (*Нюхаетъ стиртъ.*
Входитъ Григорій.)

ГРИГОРІЙ.

Господинъ Крутицкій!

ТУРУСИНА.

Проси! (*Входитъ Крутицкій.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТЯЖЕЛЫЯ И КРУТИЦКІЙ.

КРУТИЦКІЙ (*береть ее за руки*).

Что, все нервы? а?..

ТУРУСИНА.

Нервы.

КРУТИЦКІЙ.

Нехорошо! Вотъ и руки холодныя. Ужь вы того, очень...

ТУРУСИНА.

Что?

КРУТИЦКІЙ.

Очень, то-есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо
очень-то...

ТУРУСИНА.

Я ужъ васъ просила не говорить мнѣ объ этомъ.

КРУТИЦКІЙ.

Ну, ну, не буду.

ТУРУСИНА.

Садитесь.

КРУТИЦКІЙ.

Нѣтъ, ничего, я не усталъ. Я вотъ гулять пошелъ, ну, дай,
думаю, зайду навѣстить старую знакомую, пріятельницу старую...
хе, хе, хе!.. Помните, вѣдь мы...

ТУРУСИНА.

Ахъ, не вспоминайте! я теперь...

КРУТИЦКІЙ.

А что жъ такое! Что не вспоминать-то... У васъ въ прошед-
шемъ было много хорошаго. А если и было кой-что на вашъ
взглядъ дурное, такъ ужъ вы, вѣроятно, давно покаялись. Я, при-
знаться вамъ сказать, всегда съ удовольствіемъ вспоминаю и
несколько не раскаиваюсь, что...

ТУРУСИНА (*съ умоляющимъ видомъ*).

Перестаньте! (*Входитъ Григорій.*)

ГРИГОРІЙ.

Сударыня, уродливый пришель.

Крутицкий.

Что такое?

Турусина.

Григорій, какъ тебѣ не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить. (*Григорій уходитъ*). Какъ глупы эти люди, самаго обыкновеннаго назвать не умѣютъ.

Крутицкий.

Ну, я не скажу, чтобы въ нынѣшнее время юродивые были очень обыкновенны. Кромѣ васъ, едва-ли ихъ гдѣ встрѣтишь. Обращаюсь къ прежнему разговору. Вы извините, я хотѣлъ вамъ только сказать, что прежде, когда вы вели другой образъ жизни, вы были здоровѣе.

Турусина.

Здоровѣе тѣломъ, но не душою.

Крутицкий.

Ну, ужъ этого я не знаю, это не мое дѣло. Вообще вы съ виду были здоровѣе. Вы еще довольно молоды... вамъ бы еще можно было пожить, какъ слѣдуетъ.

Турусина.

Я живу, какъ слѣдуетъ.

Крутицкий.

Ну, то-есть рано бы ханжить-то.

Турусина.

Я васъ просила...

Крутицкий.

Ну, виновать, виновать, не буду.

Турусина.

Вы странный человѣкъ. (*Входитъ Григорій.*)

Григорій.

Сударыня, странный человѣкъ пришелъ.

Турусина.

Откуда онъ, ты не спрашивала?

Григорій.

Говорить, изъ странъ невѣдомыхъ.

Турусина.

Пустить его и посадить за столъ вмѣстѣ съ тѣми.

Григорій.

Да вмѣстѣ-то они, сударыня, позалуй...

Турусина.

Поди, поди! (*Григорій уходитъ*).

Крутицкий.

Вы у этихъ, что изъ невѣдомыхъ-то странъ приходятъ, хоть бы паспорта велѣли спрашивать.

ТУРУСИНА.

Зачѣмъ?

КРУТИЦКІЙ.

Зачѣмъ, что съ ними до бѣды недолго. Вонъ у одного тоже три странника спасались.

ТУРУСИНА.

Такъ что же?

КРУТИЦКІЙ.

Ну, всё трое и оказались гравёры хорошіе.

ТУРУСИНА.

Что жъ за бѣда?

КРУТИЦКІЙ.

Да ремесло-то плохое.

ТУРУСИНА.

Чѣмъ же плохо ремесло, гравированіе?

КРУТИЦКІЙ.

Не портреты же они въ землянкахъ-то гравируютъ.

ТУРУСИНА (*тихо*).

Лieni?

КРУТИЦКІЙ.

Какъ же не лieni! Цѣлковне.

ТУРУСИНА (*съ испугомъ*).

Ахъ, что вы?

КРУТИЦКІЙ (*садится*).

Вотъ то-то же! Добродѣтель добродѣтелю, а и осторожность не мѣшаетъ. Вамъ особенно надо беречься. Ужъ это дѣло извѣстное, коли барыня черезчуръ за добродѣтель возьмется, такъ ужъ тутъ мошенникамъ пожива. Потому что обмануть васъ въ это время очень просто.

ТУРУСИНА.

Я дѣлаю добро для добра, не разбирая людей. Я съ вами хотѣла посоветоваться объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

КРУТИЦКІЙ (*поднимаясь*).

Что такое, говорите! Я радъ, радъ вамъ служить, чѣмъ могу.

ТУРУСИНА.

Вы знаете, что Машенька теперь ужъ въ такомъ возрастѣ, что...

КРУТИЦКІЙ.

Да, да, знаю.

ТУРУСИНА.

Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человѣка? Вы знаете, какого мнѣ нужно?

КРУТИЦКІЙ.

Какого вамъ нужно. Вотъ это-то и закорючка. Мало ли мо-

лодыхъ людей... Да ностой же! Есть, именно такой есть, какого вамъ нужно.

ТУРУСИНА.

Вѣрно?..

КРУТИЦКІЙ.

Я вамъ говорю. Скромень не по лѣтамъ, уменъ, дворянинъ, можетъ сдѣлать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мнѣ для нѣкоторыхъ занятій; ну, я тово, знаете ли, попыталъ его, что, молъ, ты за птица! Парень хоть куда! Далекъ поидеть, далекъ, вотъ увидите.

ТУРУСИНА.

А кто онъ?

КРУТИЦКІЙ.

Какъ его! Дай Богъ памяти! Да вотъ, постоитъ, онъ мнѣ адресъ далъ, онъ мнѣ теперь не нуженъ, люди знаютъ. (*Вынимаетъ бумагу.*) Вотъ! (*Читаетъ*) Егоръ Дмитріевъ Глумовъ! Каково пишеть! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчасъ можно узнать характеръ! Ровно,—значить аккуратень... кругло, безъ ровчерковъ, ну, значить, не вольнодумецъ. Вотъ возьмите, можетъ быть, и пригодится.

ТУРУСИНА (*беретъ адресъ*).

Благодарю васъ.

КРУТИЦКІЙ.

Что за благодарность! Вотъ еще. Нашъ долгъ! (*встаетъ*). Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

ТУРУСИНА.

Ахъ, что вы! Всегда, всегда рада.

КРУТИЦКІЙ.

То-то! Я вѣдь любя. Жаль.

ТУРУСИНА.

Навѣщайте.

КРУТИЦКІЙ.

По старой памяти? хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья. (*Уходитъ*).

ТУРУСИНА.

Вотъ и старшій человѣкъ, а какъ легкомыслень. Какъ ему повѣрить! (*Прячетъ адресъ въ карманъ*). А все-таки надо будетъ справиться объ этомъ Глумовѣ. (*Входитъ Григорій*).

ГРИГОРІЙ.

Господинъ Городулинъ.

ТУРУСИНА.

Проси. (*Григорій уходитъ. Входитъ Городулинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Турусина и Городулинъ.

Турусина.

Очень рада васъ видѣть. Не стыдно вамъ! Что вы пропали?

Городулинъ.

Дѣла, дѣла. То обѣды, то вотъ желѣзную дорогу открывали.

Турусина.

Не вѣрится что-то. Просто вамъ скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что вотъ изрѣдка навѣщаете. Что наше дѣло?

Городулинъ.

Какое дѣло?

Турусина.

Вы ужъ и забыли? Вотъ прекрасно! Покорно васъ благодарю. Да и я-то глупо сдѣлала, что поручила вамъ. Вы человѣкъ занятый важными дѣлами; когда вамъ помнить о бѣдныхъ несчастныхъ, угнетенныхъ! Стоить заниматься этой жалостью!

Городулинъ.

Угнетенныхъ, вы изволите говорить? Насчетъ угнетенныхъ я не могу припомнить ничего-съ. А вотъ позвольте, я теперь вспомнилъ: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчетъ вороженъ?

Турусина.

Не вороженъ, а гадальщицы—это большая разница; къ ворожеѣ я бы не поѣхала ни за что.

Городулинъ.

Извините! Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ: я въ этихъ тонкостяхъ не силенъ. Однимъ словомъ, вдова коллежскаго регистратора, Улита Шмигаева.

Турусина.

Какого бы она званія ни была, это все равно, во всякомъ случаѣ она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тѣмъ, что пользовалась ея особеннымъ расположеніемъ.

Городулинъ.

Особеннымъ-то ея расположеніемъ, какъ изъ дѣла видно, пользовался отставной солдатъ.

Турусина.

Что вы говорите! Это все вздоръ, клевета! Она имѣла успѣхъ, имѣла знакомство съ лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надѣюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулинъ.

Нѣтъ-съ, ей по Владиміръ.

Турусина (*присѣвъ*).

Какъ! Вотъ онъ, вашъ хваленый судъ! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приноситъ пользу другимъ?

Городулинъ.

Да вѣдь ее не за гаданье судили.

Турусина.

Нѣтъ, вы мнѣ не говорите! Все это сдѣлано въ угоду нынѣшнему модному невѣрью.

Городулинъ.

Ее судили за укрывательство завѣдомо вкраденныхъ вещей, за пристанодержательство и за опоеніе какаго-то купца.

Турусина.

Ахъ, Боже мой! Чтò вы говорите!

Городулинъ.

Святую истину. Жена этого купца просила у нея приворотнаго зелья для мужа, чтобы больше любилъ,—ну, и сварили зелье по всѣмъ правиламъ, на мадерѣ; только одно забыли—спросить дозволеніе медицинской управы.

Турусина.

Что же купецъ?

Городулинъ.

Подѣйствовало. Умеръ-было, только не отъ любви.

Турусина.

Вамъ все это смѣшно, я вижу. У юристовъ и у медиковъ сердца нѣтъ. И неужели не нашлось ни одного человѣка, который бы заступился за эту бѣдную женщину?

Городулинъ.

Помилуйте, ее защищаль одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ. Краснорѣчіе лилось, клубилось, выходило изъ береговъ, и наконецъ стихло въ едва замѣтное журчанье. Ничего сдѣлать было нельзя, сама призналась во всемъ. Сначала солдатъ, который пользовался ея особеннымъ расположеніемъ, потомъ она.

Турусина.

Я этого не ожидала! Какъ легко ошибиться! Нельзя жить на свѣтѣ!

Городулинъ.

Не то что нельзя, а при смутномъ пониманіи вещей, дѣйствительно мудро. Теперь ученіе о душевныхъ болѣзняхъ довольно подвинулось, и галлюцинаціи...

Турусина.

Я васъ просила не говорить со мною объ этомъ.

Городулинъ.

Виновать, забылъ.

Турусина.

Пусть я ошибаюсь въ людяхъ. Пусть меня обманываютъ. Но помогать людямъ, хлопотать о несчастныхъ — для меня единственное блаженство.

Городулинъ.

Блаженство — дѣло не шуточное. Ниньше такъ рѣдко можно встрѣтить блаженнаго человѣка. (*Григорій входитъ.*)

Григорій.

Блаженный человѣкъ пришелъ.

Городулинъ.

Ну жели?

Турусина.

Кто онъ такой?

Григорій.

Надо полагать, изъ азіатцевъ-съ.

Городулинъ.

И я тоже полагаю.

Турусина.

Почему ты думаешь, что азіатецъ?

Григорій.

Ужъ очень страшень-съ. Такъ даже жутко глядѣть-съ. Ежели, сударыня, къ вечеру, — не приведи Господи.

Турусина.

Какъ страшень? что за вздоръ?

Григорій.

Такая свирѣпость необыкновенная-съ. Обросъ весь волосами, только одни глаза видны-съ.

Турусина.

Грекъ, должно быть.

Григорій.

Не очень, чтобы грекъ-съ, еще цвѣтомъ не дошелъ. А какъ вотъ есть, венгерецъ-съ.

Турусина.

Какой венгерецъ? Что ты глупости говоришь!

Григорій.

Вотъ чтó мышеловки продають.

Турусина.

Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

ГРИГОРІЙ.

Его, я думаю, особенно-съ...

ТУРУСИНА.

Ну, ступай, не разсуждай!

ГРИГОРІЙ.

Слушавъ-съ. (*Уходитъ*).

ТУРУСИНА.

У меня къ вамъ просьба, Иванъ Ивановичъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Весь вниманіе.

ТУРУСИНА.

Я насчетъ Машеньки. Нѣтъ ли у васъ кого на примѣтъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Жениха? Попадите! что за фантазія пришла вамъ просить меня! Ну, съ какой стороны я похожъ на сваху московскую? Мое призваніе — рѣшить узы, а не связывать. Я противникъ всякихъ цѣпей, даже и супружескихъ.

ТУРУСИНА.

А сами носите.

ГОРОДУЛИНЪ.

Оттого-то я и не желаю ихъ никакому лихому татарину.

ТУРУСИНА.

Кромѣ шутокъ, нѣтъ ли?

ГОРОДУЛИНЪ.

Постойте, кого-то я надняхъ видѣлъ, такъ у него крупными буквами на лбу написано: хорошій женихъ. Вотъ такъ того и гляди, что сію минутоу женится на богатой невѣстѣ.

ТУРУСИНА.

Вспомните, вспомните.

ГОРОДУЛИНЪ.

Да, да... Глумовъ.

ТУРУСИНА.

Хорошіи человѣкъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Честный человѣкъ, я больше ничего не знаю. Кромѣ шутокъ, отличный человѣкъ.

ТУРУСИНА.

Постойте, какъ вы назвали? (*вынимаетъ бумагу изъ кармана*).

ГОРОДУЛИНЪ.

Глумовъ.

ТУРУСИНА.

Егоръ Дмитричъ?

ГОРОДУЛИНЪ.

Да.

ТУРУСИНА.

Вотъ и Крутицкій мнѣ про него же говорилъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Ну, значить, ему я быть, такъ у него и на дбу, то-есть на роду написано. Прощайте! *(Кланяется и уходитъ)*.

ТУРУСИНА:

Что это за Глумовъ? Въ другой разъ сегодня я слышу имя этого человѣка. И хотя я не вѣрю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тутъ что нибудь да есть, коли его хвалятъ люди совершенно противоположныхъ убѣждений. *(Звонитъ. Входитъ Григорій)*. Зови барышню и скажи, чтобы всѣ шли сюда. *(Григорій уходитъ)*. Какая потеря для Москвы, что умеръ Иванъ Яковичъ! Какъ легко и просто было жить въ Москвѣ при немъ. Вотъ теперь я ночи не сплю, все думаю, какъ пристроить Машеньку: ну, ошибешься какъ нибудь, на моей душѣ грѣхъ будетъ. А будь живъ Иванъ Яковичъ, мнѣ бы и думать не о чемъ. Съѣздила, спросила—и покойна. Вотъ когда мы узнаемъ настоящую-то цѣну человѣку, когда его нѣтъ! Не знаю, замѣнить ли его Мансеа, а много и отъ нея сверхъестественнаго. *(Входятъ Машенька, 1-я приживалка съ колодой картъ, которую держитъ передъ собой какъ книгу, 2-я приживалка съ собачкой на рукахъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

1-я ПРИЖИВАЛКА *(садится у стола)*, 2-я ПРИЖИВАЛКА *(садится на скамейку у ногъ Турусиной)*.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Прикажете разложить?

ТУРУСИНА.

Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебѣ и съ Крутицкимъ, и съ Городулинымъ.

МАШЕНЬКА *(съ волнением)*.

Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей волѣ и теперь съ трепетомъ жду рѣшенія.

ТУРУСИНА.

Они оба рекомендовали одного человѣка, точно стоворились.

МАШЕНЬКА.

И прекрасно. Значить, человѣкъ достойный. Кто же онъ?

ТУРУСИНА.

Но я имъ не вѣрю.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Прикажете?

ТУРУСИНА..

Гадай! правду ли они говорили? (*Машенька*) Я имъ не вѣрю, они могутъ ошибаться.

МАШЕНЬКА.

Почему же, ма tante?

ТУРУСИНА.

Они люди. (*2-й приживалка*) Не урони собачку!

МАШЕНЬКА.

Кому же вы повѣрите, ма tante? оракулу? Мнѣ что-то страшно.

ТУРУСИНА,

Очень естественно. Такъ и надо, и должно быть страшно. Мы не можемъ, не должны безъ страха поднимать завѣсу будущаго. Тамъ, за этой завѣсой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

МАШЕНЬКА.

Кто же намъ приподниметь завѣсу?

ТУРУСИНА.

Тотъ, кто имѣетъ власть. (*Входитъ Григорій*).

ГРИГОРІЙ.

Манеѳа-съ.

ТУРУСИНА.

Вотъ кто. (*Встаетъ, идетъ на встрѣчу Манеѳо и вст за ней. Входитъ Манеѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И МАНЕѳА.

ТУРУСИНА.

Милости просимъ, пожалуйста!

МАНЕѳА.

И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я ПРИЖИВАЛКА (*съ умиленіемъ*).

Охъ, батюшки мои!

ТУРУСИНА (*врозно*).

Молчи!

МАНЕѳА (*садясь*).

Пришла да съѣла, какъ вѣшная.

2-я ПРИЖИВАЛКА (со вздохом).

О, о, о, охъ! Ахъ, премудрость!

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Приветъ Господь, дожили!

МАНЕЛА (тише).

Что вы бѣльми-то выпучили?

ТУРУСИНА.

Очень рады, что сподобились видѣть тебя.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Охъ, сподобились!

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Всѣ сподобились.

ТУРУСИНА.

Ждемъ! что скажешь, мати Манела.

МАНЕЛА.

Ждемъ! ждали въ сапогахъ, а прѣехали въ лаптяхъ.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько.

ТУРУСИНА.

Я хотѣла спросить тебя...

МАНЕЛА.

Не спрашивай, впередъ знаю. Знайка бѣжить, а незнайка лежить. Дѣвкой меньше, такъ бабой больше.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Такъ, такъ, такъ.

ТУРУСИНА.

Намъ человѣка-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабѣ Маріи? Можетъ быть, во снѣ или въ видѣніи тебѣ...

МАНЕЛА.

Было видѣніе, было. Идетъ Егоръ съ высокихъ горъ.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Скажите! Егоръ!

МАШЕНЬКА (тихо Турусиной).

Вѣдь и Курчаевъ Егоръ.

ТУРУСИНА.

Погоди. Кто же онъ такой?

МАНЕЛА.

А я по чемъ знаю? Увидишь, такъ узнаешь!

ТУРУСИНА.

Когда же мы его увидимъ?

МАНЕЛА.

Желанный гость зову не ждетъ.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Замѣчайте! Замѣчайте!

ТУРУСИНА.

Ты намъ хоть пригѣти скажи.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Первое дѣло: надо спросить, волосомъ каковъ. Всегда такъ спрашивать, какъ это вы не знаете!

ТУРУСИНА.

Ну, ужъ ты молчи! Волосомъ каковъ?

МАНЕЛА.

Къ кому бѣлокуръ, а къ вамъ бѣлокуръ.

МАШЕНЬКА.

Бѣлокурый. Вѣдь и Курчавъ бѣлокурый. Можетъ быть, онъ.

ТУРУСИНА.

Да вѣдь ты слышала — видѣніе было. Развѣ можетъ гусаръ благочестивымъ людямъ въ видѣніяхъ являться? Какая ты легкомысленная.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Ахъ, даже удивительно! И по картамъ выходитъ Егоръ.

ТУРУСИНА.

Что ты мелешь! Какъ ты по картамъ нѣя увидала?

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Тыфу-ты! Обмолвилась. Языкъ-то нашъ... то-есть бѣлокурый по картамъ-то.

ТУРУСИНА (*Манселъ*).

Тебѣ все извѣстно, а мы грѣшныя люди, мы въ сомнѣніи. Егоровъ много, и бѣлокурныхъ тоже довольно.

МАНЕЛА.

Чужъ чуженинъ далеко, а суженинъ у воротъ.

ТУРУСИНА (*и прочіе*).

У воротъ?

МАНЕЛА.

Сряжайтесь, собирайтесь, гости будутъ.

ТУРУСИНА.

Когда?

МАНЕЛА.

Въ сей часъ, въ сей мигъ (*все обращаются къ дверямъ. Входитъ Григорій*). Пріѣхали съ орѣхами (*встаетъ*).

ГРИГОРІЙ.

Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ.

ТУРУСИНА.

Однѣнь?

ГРИГОРІЙ.

Съ ними молодой бардеъ, такой бѣлокурый.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Ахъ! Будемъ ли мы живы?

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Не во снѣ ли мы все это видѣли?

ТУРУСИНА.

Проси! *(обнимая Машеньку)*. Ну, Машенька, услышавши мои молитвы! *(садится, похвастъ спиртъ)*.

МАШЕНЬКА.

Это такъ необыкновенно, ма tante, я вся дрожу.

ТУРУСИНА.

Поди, успокойся, другъ мой: ты послѣ выйдешь *(Машенька уходитъ)*.

МАНЕОА.

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ *(идетъ къ двери)*.

ТУРУСИНА *(приживалкамъ)*.

Возьмите ее подъ руки, да чаю ей, чаю.

МАНЕОА.

Его пьетъ чай, тотъ отчаянный.

ТУРУСИНА.

Ну, чего только ей угодно *(приживалки берутъ подъ руки Манею и идутъ къ двери. Въ дверяхъ остаются)*.

1-я ПРИЖИВАЛКА.

Однимъ бы глазомъ взглянуть.

2-я ПРИЖИВАЛКА.

Умрешь, телегъ чудесъ не увидишь *(исходитъ Мамаевъ и Глумовъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТУРУСИНА, МАМАЕВЪ, ГЛУМОВЪ, МАНЕОА И ПРИЖИВАЛКИ.

МАМАЕВЪ.

Софья Игнатьевна, позвольте представить вамъ моего племянника, Егора Дмитрича Глумова.

ПРИЖИВАЛКИ *(съ дверяхъ)*.

Ахъ, Егоръ! Ахъ, бѣлокурый!

МАМАЕВЪ.

Полюбите его.

ТУРУСИНА *(остаеъ)*.

Благодарю васъ! Я люблю его, какъ роднаго сына *(Глумовъ почтительно целуетъ ея руку. Занавѣсъ)*.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Л И Ц А :

Крутицкій.

Глумовъ.

Мамаева:

Человѣкъ Крутицкаго.

Пріемная у Крутицкаго. Дверь выходная, дверь направо въ кабинетъ, направо въ гостиную. Столъ и одинъ стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Глумовъ, человѣкъ у двери, потомъ Крутицкій.

ГЛУМОВЪ.

Доложи!

Человѣкъ (*замыдывая въ дверь кабинета*).

Сейчасъ выдуть-съ (*выходитъ Крутицкій. Человѣкъ уходитъ*).

Крутицкій (*кивая головой*).

Готово?

ГЛУМОВЪ.

Готово, ваше превосходительство (*подастъ тетрадь*).

Крутицкій (*беретъ тетрадь*).

Четко, красиво, отлично. Bravo, bravo! Трактатъ, отчего же не прожеть?

ГЛУМОВЪ.

Прожеть, ваше превосходительство, когда что нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротивъ, все новое отвергается... (*съ заискивающей улыбкою*), и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Такъ вы думаете, трактатъ?

ГЛУМОВЪ.

Трактатъ лучше-съ.

Крутицкій.

Трактатъ? Да, ну пожалуй. «Трактатъ о вредѣ реформъ вообще». «Вообще-то» не лишнее ли?

ГЛУМОВЪ.

Это главная мысль вашего превосходительства, что всѣ реформы вообще вредны.

Крутицкий.

Да, коренныя, рѣшительныя; но если неважно что нибудь измѣнить, улучшить, я противъ этого ничего не говорю.

Глумовъ.

Въ такомъ случаѣ это будутъ не реформы, а поправки, починки.

Крутицкий (*ударяя себя крандашомъ по лбу*).

Да, такъ, правда. Умно, умно. У васъ есть тутъ, молодой человѣкъ, есть. Очень радъ; старайтесь!

Глумовъ.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкий (*надвывая очки*).

Пойдемъ далѣе! Любопытствую знать, какъ вы начинаете экспликацію моея главной цѣли. «Артикулъ 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отмѣну стараго и 2) поставленіе на мѣсто онаго чего-либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отмѣтая старое, мы даемъ просторъ опасной шатливости ума проникать причины, почему то или другое отмѣтается, и составлять таковыя умозаключенія: отмѣтается нѣчто непригодное, такое-то учрежденіе отмѣтается, значитъ, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободномысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, что обсужденію не подлежитъ». Сладко, толково.

Глумовъ.

И совершенно справедливо.

Крутицкий (*читаетъ*).

«2-е) поставляя новое, мы дѣлаемъ какъ бы уступку такъ-называемому духу времени, который есть не что иное, какъ мышленіе праздныхъ умовъ.» Ясно изложено. Надѣюсь, будетъ понятно для всякаго; такъ сказать, популярно.

Глумовъ.

Мудрено излагать софизмы, а неопровержимыя истины...

Крутицкий.

Вы думаете, что это неопровержимыя истины?

Глумовъ.

Совершенно убѣжденъ, ваше превосходительство.

Крутицкий (*омылдываясь*).

Что это они другого стула не ставятъ?

Глумовъ.

Ничего-съ, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкий.

Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, разседется... магазинщикъ со счетомъ, или портной приѣдетъ...

Глумовъ.

Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я долженъ буду просить извиненія у вашего превосходительства.

Крутицкий.

Что такое, мой любезный, что такое?

Глумовъ.

Въ вашемъ трактатѣ нѣкоторыя слова и выраженія оставлены мной безъ всякаго замѣненія.

Крутицкий.

Почему?

Глумовъ.

Слабъ современный языкъ для выраженія всей граціозности вашихъ мыслей.

Крутицкий.

Напрямѣръ?

Глумовъ.

Въ двадцать пятомъ артикулѣ, о положеніи мелкихъ чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ...

Крутицкий.

Ну?

Глумовъ.

Вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содержаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что, напротивъ, надобно значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ.

Крутицкий.

Не помню (*перемстиваетъ тетрадь*).

Глумовъ.

Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да нетолько этотъ параграфъ, а весь трактатъ.

Крутицкий.

Вѣрю, но удивляюсь. Для чего?

Глумовъ.

У меня вѣдь цѣлая жизнь впереди; нужно запастись мудростію; не часто можетъ представиться такой случай; а если

представится, такъ надо имъ пользоваться. Не изъ журналовъ же учиться уму разуму.

Крутицкій.

Еще бы!

Глумовъ.

Молодому человѣку и свихнуться не трудно.

Крутицкій.

Похвально, похвально! Пріятно видѣть такой образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ. Чтò тамъ ни толкуй, а благонамѣренность хорошее дѣло.

Глумовъ.

Первое, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, такъ чтò жь у меня тамъ въ двадцать-пятомъ артикулѣ?

Глумовъ.

Артикулъ двадцать-пятый. «Увеличеніе окладовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, если почему-либо таковое потребуетъ, должно быть производимо съ крайней осмотрительностію, и то только предсѣдателямъ и членамъ присутствія, а отнюдь не младшимъ чиновникамъ. Увеличеніе окладовъ старшимъ можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получаетъ несвойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ для усѣшнаго и стройнаго теченія дѣлъ, подчиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетень».

Крутицкій.

Да, такъ, вѣрно, вѣрно.

Глумовъ.

Вотъ слово: «трепетень», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкій (*позрузившись въ чтеніе, изрядка взмалдываетъ на Глумова*).

(*Какъ бы мелко*). Коли вურიшь, такъ вური. Спички на каминѣ.

Глумовъ.

Я не вую, ваше превосходительство. А впрочемъ, какъ прикажете?

Крутицкій.

Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло! Дядя не выдастъ твоей работы?

Глумовъ.

Какъ можно! Какъ же бы я осмѣлился!

Крутицкій.

Ну, то-то же. Онъ только говоритъ, что уменъ, а вѣдь онъ болванъ совершенный.

Глумовъ.

Не смѣю спорить съ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкій.

Онъ только другихъ учитъ, а самъ попробуй написать, вотъ мы и увидимъ. А жена тоже вѣдь дура, замѣчательная.

Глумовъ.

Не заступлюсь и за нее.

Крутицкій.

Какъ ты съ ними уживаешься — не понимаю.

Глумовъ.

Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ты служишь?

Глумовъ.

Поступаю. По протекціи тетушки, Иванъ Ивановичъ Городулинъ обѣщалъ достать мѣсто.

Крутицкій.

Вотъ еще нашли человѣка. Опредѣлить онъ тебя. Ты ищи прочнаго мѣста; а эти всѣ городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь. Онъ у насъ считается человѣкомъ опаснымъ. Ты это замѣть.

Глумовъ.

Я не по новымъ учрежденіямъ...

Крутицкій.

Да, да. А ужъ я думалъ... Ну, что жъ, поступаю. Безъ службъ болтаться хуже. Потому, если хочешь, я тебѣ могу письма дать въ Петербургъ, — перейдешь, — тамъ служить виднѣе. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумовъ.

Я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, что жъ, это неважно. Очень-то заучишься, такъ оно, пожалуй, и хуже. Нѣтъ ли чего важнѣе?

Глумовъ.

Мнѣ совѣстно признаться передъ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкий (съ серьёзнымъ видомъ).

Что такое? Ужь ты лучше говори прямо.

Глумовъ.

Въ молодости грѣшки, увлеченія...

Крутицкий.

Говори, не бойся.

Глумовъ.

Въ студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старыхъ обычаевъ придерживался.

Крутицкий.

Какихъ старыхъ обычаевъ? Что ты, раскольникъ, что ли?

Глумовъ.

То-есть не такъ велъ себя, какъ нынѣшніе студенты.

Крутицкий.

А какъ же?

Глумовъ.

Покучивалъ, ваше превосходительство; случались кой-какія исторіи не въ указные часы, небольшія стычки съ полиціей.

Крутицкий.

И только?

Глумовъ.

Вольше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Богъ! сохрани Богъ!

Крутицкий.

Что жъ, это даже очень хорошо. Такъ и должно быть. Въ молодыхъ лѣтахъ надо пать, бутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь ты не барышня. Ну, такъ значить, я на твой счетъ совершенно покоенъ. Я не люблю оставаться неблагодарнымъ. Ты мнѣ съ перваго раза понравился, я ужъ за тебя замолвилъ въ одномъ домѣ словечко.

Глумовъ.

Мнѣ сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу словъ благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий.

Ты присвтался, что ли? Тутъ вѣдь кушъ очень порядочный.

Глумовъ.

Я на деньги глупъ, ваше превосходительство; дѣвушка очень хороша.

Крутицкий.

Ну, не умѣю тебѣ сказать. Онѣ, братъ, всѣ одинаковы; вотъ тетка, знаю, что ханжа.

Глумовъ.

Любовь нынче не признаютъ, ваше превосходительство; а я знаю по себѣ, какое это великое чувство.

Крутицкій.

Пожалуй, не признавай, никому отъ того ни тепло, ни холодно; а какъ забереть, такъ скажешься. Со мной было въ Бессарабинъ лѣтъ 40 тому назадъ; я было-умеръ отъ любви. Чтѣ ты смотришь на меня?

Глумовъ.

Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Горячка сдѣлалась. Вотъ ты и не признавай. Ну, что жъ, давай Богъ, давай тебѣ Богъ! Я очень радъ. Будешь капиталистомъ, найдемъ тебѣ мѣсто видное, покойное. Намъ такіе люди нужны. Ты вѣдь будешь изъ нашихъ? Намъ теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали. — Но однако, мой милый, сколько же я тебѣ долженъ за твой трудъ?

Глумовъ.

Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Ты меня не обижай!

Глумовъ.

Если ужъ хотите вознаградить меня, такъ осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Чтѣ такое? Въ чемъ дѣло?

Глумовъ.

Бракъ — такое дѣло великое, такой важный шагъ въ жизни... не откажитесь!... благословеніе такого высокобродѣтельнаго лица будетъ служить залогомъ... уже знакомство съ особой вашего превосходительства есть счастье, а въ нѣкоторомъ родѣ родство, хотя и духовное, это даже и для будущихъ дѣтей...

Крутицкій.

Въ посаженные отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумовъ.

Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Изволь, изволь! Ты бы такъ и говоришь. Это дѣло не мудреное.

Глумовъ.

Я передамъ и Софѣ Игнатьевнѣ.

Крутицкій.

Передавай, пожалуй.

Глумовъ.

Я не нуженъ вашему превосходительству?

Крутицкій.

Нѣтъ.

Глумовъ.

Честь имѣю кланяться.

Крутицкій.

О моемъ марафьи молчи. Оно скоро будетъ напечатано, безъ моего имени, разумѣется; одинъ редакторъ просилъ; онъ, хотя это довольно странно, очень порядочный человѣкъ, пишетъ такъ учтиво: ваше превосходительство осчастливьте, ну и проч. Коли будетъ разговоръ о томъ, кто писалъ, будто ты не знаешь.

Глумовъ.

Слушаю, ваше превосходительство! *(кланяется и уходитъ).*

Крутицкій.

Прощай, мой любезный! Что ужъ очень бранять молодѣжь! Вотъ, значить, есть же и изъ нихъ; и съ умомъ и съ сердцемъ малый. Онъ лъститъ и, какъ будто, немного надмененъ; ну, да вотъ оперится, такъ это, можетъ быть, пройдетъ. Если эта подлость въ душѣ, такъ нехорошо, а если только въ манерахъ, такъ большой бѣды нѣтъ; съ деньгами и съ чинами это постепенно исчезаетъ. Родители, должно быть, были бѣдные, а мать попрошайка: «у того ручку поцалуй, у другаго поцалуй»; ну, вотъ оно и въѣлось. Впрочемъ, это все-таки лучше, чѣмъ грубость *(сходитъ человекъ).*

Человѣкъ.

Госпожа Мамаева! Онѣ въ гостиной-съ. Я докладываю, что ея превосходительства дома нѣтъ-съ.

Мамаева *(за дверь).*

Не помѣшаю?

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! *(человѣку)* Подай кресло! *(человѣкъ уходитъ, возвращается съ кресломъ. Входитъ Мамаева).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Крутицкій и Мамаева.

Мамаева.

Будетъ вамъ дѣламе-то заниматься! Чтò бы съ молодыми дамами полюбезничать! А то сидитъ въ своемъ кабинетѣ! Такой нелюбезный старичокъ!

Крутицкий.

Гдѣ ужъ мнѣ! Быть конь, да увѣдился! Хе-хе-хе! Пора и молодымъ дорогу дать.

Мамавва (*садясь*).

Нынче и молодѣжь-то хуже стариковъ.

Крутицкий.

Жалуетесь?

Мамавва.

Развѣ не правда?

Крутицкий.

Правда, правда. Никакой поэзии нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ. Я думаю, это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ. Возобновить бы Озерова, вотъ молодѣжь-то бы и набиралась этихъ деликатныхъ тонкихъ чувствъ. Да чаще давать трагедіи, черезъ день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи. Для дворянъ трагедіи Озерова, для простаго народа продажу сбитня дозволить. — Мы, бывало, всѣ трагедіи наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книгѣ-то прочесть не умѣютъ. Вотъ оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги (*декламируетъ*):

Мнѣ ждуть ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустные дни?
Прерву.

Помните?

Мамавва.

Ну, какъ же не помнить! Вѣдь чай этому лѣтъ пятьдесятъ, не больше, такъ какъ же мнѣ не помнить!

Крутицкий.

Извините, извините! Я считаю васъ мсей ровесницей. Ахъ, я и забылъ вамъ сказать! Я вашимъ родственникомъ очень доволенъ. Прекрасный молодой человекъ.

Мамавва.

Не правда ли, милъ?

Крутицкий.

Да, да. Вѣдь ужъ и вы его балуете.

Мамавва.

Да чѣмъ же?

Крутицкий.

Позвольте, вспомнилъ еще (*декламируетъ*):

О, боги! Не прошу отъ васъ рѣчей искусства;
Но дайте мнѣ лишь языкъ души и чувства!

Очаровательно!

МАМАЕВА.

Чѣмъ же балуемъ?

КРУТИЦКІЙ.

Ну, да какъ же! жените. Какую невѣсту нашли...

МАМАЕВА (съ испугомъ).

Какую? Вы ошибаетесь.

КРУТИЦКІЙ (декламируетъ).

О, мать, слезный токъ, нозь можно, осуши!
А ты, сестра, уиѣрь уиыніе души!

МАМАЕВА.

На комъ же, на комъ?

КРУТИЦКІЙ.

Да, Боже мой! На Турусной. Будто не знаете? Двѣсти тысячъ приданого.

МАМАЕВА (встаетъ).

Не можетъ быть, не можетъ быть, я говорю вамъ.

КРУТИЦКІЙ (декламируетъ).

При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вздыханья тяжкія въ груди своей срываешь,
И горестъ мрачная въ чертахъ твоихъ видна!

МАМАЕВА.

Ахъ, вы надоѣли мнѣ съ вашими стихами.

КРУТИЦКІЙ.

Но онъ, кажется, парень съ сердцемъ. Вы, говорить, ваше превосходительство, не подумайте, что я изъ-за денегъ. Звалъ меня въ посаженные отцы: сдѣлайте, говорить, честь. Ну, что жъ не сдѣлать! Я, говорить, не изъ приданого; мнѣ, говорить, дѣвушка нравится. Ангелъ, ангелъ, говорить, и такъ съ чувствомъ говорить. Ну, что жъ, прекрасно. Дай ему Богъ:—нѣтъ, а вы возьмите, вотъ въ Донскомъ (декламируетъ).

Когда Россіянинъ рѣшится слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.

МАМАЕВА.

Ой!

КРУТИЦКІЙ.

Что съ вами?

МАМАЕВА.

Мигрень. Ахъ, я больна совсѣмъ.

КРУТИЦКІЙ.

Ну, ничего. Пройдетъ. (Декламируетъ).

Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того...

МАМАЕВА.

Ахъ, подите вы! Скажите вашей женѣ, что я хотѣла ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ахъ! Прощайте!

КРУТИЦКІЙ.

Да ничего. Что вы? У васъ видъ такой здоровый. (*Декламируетъ*).

Чтобъ при соперницѣ въ измѣнѣ обличить,
И ревностью его веселье отравить...

МАМАЕВА.

Прощайте, прощайте! (*Быстро уходитъ*).

КРУТИЦКІЙ.

Что ея кольнуло? Поди вотъ съ бабами! Хуже, чѣмъ дивизіей командовать. (*Беретъ тетрадь*). Заняться на досугѣ. Никого не принимать! (*Уходитъ въ кабинетъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

ГЛУМОВЪ.
ГЛУМОВА.
МАМАЕВА.
ГОЛУТВИНЪ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ГЛУМОВЪ (*выходитъ изъ боковой двери съ дневникомъ*), потомъ
ГЛУМОВА.

ГЛУМОВЪ.

Насилу кончилъ. Интересный разговоръ съ Крутицкинымъ записанъ весь. Любопытный памятникъ для потомства! Чего стоило весь этотъ вздоръ запомнить! Я, кажется, въ разговорѣ съ нимъ пересолнилъ немного. Еще молодъ, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мѣшаетъ, кашу масломъ не испортишь. Вотъ дядюшка у меня прелестъ! Самъ научилъ за женой ухаживать. И тутъ я увлекся. Это дѣло ужъ не шуточное! Тутъ надо держать ухо востро. Какъ мы отъ нея ни скрываемъ наше сватовство, а все же узнаеть; пожалуй, и помѣшаетъ, хоть не изъ любви, такъ изъ ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умѣетъ, а ревновать-то всякая мастерица. (*Входитъ Глумова*). Маменька, вы къ Турусной?

ГЛУМОВА.

Къ Турусной.

Глумовъ (*глядя на часы и строго*).

Вы немного поздно, маменька! Туда надо съ утра идти. И каждый день, каждый день. Такъ и живите тамъ.

Глумова.

Можно и надоѣсть.

Глумовъ.

Ну, да ужъ что дѣлать. Сойдитесь съ прислугой, съ гадальщицами, съ странницами, съ приживалками; не жалѣйте для нихъ никакихъ подарковъ. Зайдите теперь въ городъ, купите двѣ табакерки серебряныхъ, небольшихъ! Всѣ эти приживалки табакъ нюхаютъ зло и очень любятъ подарки.

Глумова.

Хорошо, хорошо!

Глумовъ.

Главное, блюдите всѣ входы и выходы, чтобъ ничто сомнительное ни подъ какимъ видомъ не могло проникнуть въ домъ. Для этого убажайте прислугу, у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтобъ поскорѣ парадный сговоръ.

Глумова.

Говорить, ближе, какъ черезъ недѣлю нельзя. (*Уходитъ*).

Глумовъ.

Ухъ, долго! Измучаешься. Богатство само прямо въ руки плыветъ; проѣзжать такой случай будетъ и жалко, и грѣхъ непростительный. (*Садится къ столу*). Что-то я хотѣлъ добавить въ дневникъ? Да, расходъ записать. (*Записывается*). Двѣ табакерки приживалкамъ. (*Заслыша стукъ экипажа, подходитъ къ окну*). Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знаетъ она, или не знаетъ? Сейчасъ увидимъ. (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Глумовъ, Мамаева.

Глумовъ.

Могъ ли я ожидать такого счастья! Еслибы всѣ олимпійскіе боги сошли съ неба...

Мамаева.

Не горячитесь, я не къ вамъ: я зашла вашу матушку навѣстить.

Глумовъ (*про себя*).

Не знаетъ. (*Громко*). Она только вышла передъ вами.

Мамаева.

Жаль.

Глумовъ (*подавая стулъ*).

Присядьте! Осчастливьте мою хату, освѣтите ее своимъ блескомъ.

Мамавва (*садясь*).

Да, мы счастливымъ, а васъ дѣлаютъ несчастными.

Глумовъ.

Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступленіе? Даже огорчить-то васъ чѣмъ-нибудь, и то надо имѣть черную душу и звѣрское сердце.

Мамавва.

Черную душу и звѣрское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумовъ.

Ни черной души, ни звѣрскаго сердца у меня нѣтъ, значить...

Мамавва.

Что «значить»?

Глумовъ.

Значить, я и не огорчу васъ ничѣмъ.

Мамавва.

Вѣрить прикажете?

Глумовъ.

Вѣрите!

Мамавва.

Будемъ вѣрить.

Глумовъ (*про себя*).

Не знаетъ. (*Громко*). Какъ мнѣ огорчить васъ! Я, страстный, робкій юноша, давно искалъ привязанности, давно искалъ теплаго женскаго сердца, душа моя ныла въ одиночествѣ. Съ трепетомъ сердца, съ страшной тоской я искалъ глазами ту женщину, которая бы позволила мнѣ быть ея рабомъ. Я бы назвалъ ее своей богиней, отдалъ ей всю жизнь, всѣ свои мечты и надежды. Но я былъ бѣденъ, незначителенъ и отъ меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даромъ. И вотъ явились передо мной вы, сердце мое забилося сильнѣй прежняго; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли къ несчастному страдальцу, вы согрѣли бѣдное сердце взаимностью, и я счастливъ, счастливъ, безконечно счастливъ! (*Цалуетъ руку*).

Мамавва.

Вы жевитесь?

Глумовъ.

Какъ! Нѣтъ... да... но!

МАМАЕВА.

Вы женитесь?

ГЛУМОВЪ.

То-есть, вашъ мужъ хочетъ женить меня, а я не думалъ. Да я и не расположенъ совсѣмъ и не желаю.

МАМАЕВА.

Какъ онъ васъ любитъ, однако! Противъ воли хочетъ сдѣлать счастливымъ!

ГЛУМОВЪ.

Онъ хочетъ женить меня на деньгахъ. Не все же мнѣ быть бѣднымъ писарькомъ, пора мнѣ быть самостоятельнымъ человѣкомъ, имѣть значеніе. Очень естественно, онъ хочетъ мнѣ добра; жаль только, что не справился о моихъ чувствахъ.

МАМАЕВА.

На деньгахъ? А невѣста вамъ не нравится?

ГЛУМОВЪ.

Конечно, не нравится. Да развѣ можетъ...

МАМАЕВА.

Такъ вы ее не любите?

ГЛУМОВЪ.

Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее, или васъ?

МАМАЕВА.

Можетъ быть, обѣихъ.

ГЛУМОВЪ.

За что вы меня мучаете подозрѣніями? Нѣтъ, я вижу, это надо кончить.

МАМАЕВА.

Какъ кончить?

ГЛУМОВЪ.

Пусть дядюшка сердится, какъ хочетъ, я скажу ему рѣшительно, что не кочу жениться.

МАМАЕВА.

Правда?

ГЛУМОВЪ.

Сегодня же скажу.

МАМАЕВА.

И прекрасно. Безъ любви что за бракъ!

ГЛУМОВЪ.

И вы могли подумать! И вамъ не совѣстно?

МАМАЕВА.

Теперь, когда я вижу такое безкорыстіе, разумѣется совѣстно.

Глумовъ (съ жаромъ).

Я вашъ, вашъ, всегда вашъ. Только ужъ вы ни слова: ни дядюшкѣ, никому, я самъ все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамавва.

Конечно, конечно.

Глумовъ.

Вотъ что значить застѣнчивость! Я боялся сказать прямо дядюшкѣ, что не хочу жениться, отдѣлывался полусловами: посмотримъ, увидимъ, къ чему спѣшить? А вотъ что изъ этого вышло. Я далъ поводъ подозрѣвать себя въ нязости. (Звонки). Кто это? Вотъ очень нужно! (Идетъ къ дверямъ).

Мамавва (про себя).

Онъ меня обманываетъ. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтобъ я не мѣшала.

Глумовъ.

Клеопатра Львовна, войдите въ маменькину комнату, кто-то пришелъ ко мнѣ. (Мамавва уходитъ. Входитъ Голутвинъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Глумовъ и Голутвинъ.

Глумовъ (пристально глядя на Голутвина).

Ну-съ?

Голутвинъ.

Вопервыхъ, такъ не принимаютъ, а восторныхъ, я усталъ, потому что на своихъ къ вамъ. (Садится).

Глумовъ.

Что вамъ нужно отъ меня?

Голутвинъ.

Пустяки. Minimum 25 рублей; а болѣе сколько хотите, я не обижусь.

Глумовъ.

Да, вотъ что. На бѣдность? Да кто же вамъ сказалъ, что я имѣю возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвинъ.

Я не милостыню прошу, я за трудъ.

Глумовъ.

За какою?

Голутвинъ.

Я ходилъ за вами, наблюдалъ, собиралъ свѣдѣнія, чертилъ изъ жизни вашей, написалъ вашу біографію и приложилъ портретъ.

Въ особенности живо изобразилъ послѣднюю вашу дѣятельность. Такъ неудобно ли вамъ купить у меня оригиналъ, а то я продамъ въ журналъ. Вы видите, я прошу недорого, дѣвно себя невысоко.

Глумовъ.

Меня не испугаете. Печатайте! Кто васъ читаетъ?

Голутвинъ.

Да вѣдь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большаго вреда вамъ сдѣлать не могу; ну, а все-таки неприятность, скандальчикъ. Вѣдь лучше для васъ, еслибъ его не было совсѣмъ, ну, такъ и заплатите!

Глумовъ. :]

Знаете, какъ называется вашъ поступокъ?

Голутвинъ.

Знаю. Умѣнье пользоваться обстоятельствами.

Глумовъ.

Да честно ли это?

Голутвинъ.

Вотъ этого не знаю. А все-таки, должно быть, честно, чѣмъ посылать безыменныя письма.

Глумовъ.

Какія письма? Чѣмъ вы доказаете?

Голутвинъ.

Не горячитесь! Заплатите лучше; я вамъ совѣтую.

Глумовъ. ?

Ни копейки.

Голутвинъ. :]

У васъ теперь богатая невѣста въ виду. Чтò хорошаго, прочитаютъ. «Ахъ!» скажутъ... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мнѣ-то хлѣбъ, и вамъ покойнѣе. Право, дешево прошу.

Глумовъ.

За что платить? Вы этакъ, пожалуй, повадитесь, въ другой разъ придете.

Голутвинъ.

Честное слово. За кого вы меня принимаете?

: Глумовъ (*указывая на дверь*).

Прощайте.

Голутвинъ.

А то вѣдь въ слѣдующемъ номерѣ.

Глумовъ.

Въ какомъ хотите!

Голутвинъ.

Пять рублей уступлю, деньги пустыя.

Глумовъ.

Пяти копеекъ не дамъ.

Голутвинъ.

Ну, какъ хотите. Пашироски нѣтъ у васъ?

Глумовъ.

Нѣтъ. Освободите меня отъ вашего посѣщенія.

Голутвинъ.

Сейчасъ. Отдохну немного.

Глумовъ.

Васъ Курцаевъ подослалъ?

Голутвинъ.

Нѣтъ, мы съ нимъ поругались. Онъ тоже гусь порядочный, въ родѣ васъ.

Глумовъ.

Ну, довольно.

Голутвинъ (*встаетъ и закладываетъ въ дверь*).

Что это у васъ тамъ?

Глумовъ.

Что за низость! Убирайтесь!

Голутвинъ.

Любопытно.

Глумовъ.

Убирайтесь, говорю вамъ.

Голутвинъ (*уходитъ*).

Вы не умѣете цѣнить чужаго благородства отъ того, что въ васъ своего нѣтъ. (*Идетъ въ переднюю*).

Глумовъ.

Вотъ еще принесло. Ну, да пусть печатаются! (*Идетъ за Голутвиннымъ*).

Голутвинъ (*изъ двери*).

Два слова только. (*Глумовъ уходитъ за нимъ въ переднюю и затворяетъ дверь. Выходитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МАМАЕВА (*одна*), потомъ ГЛУМОВЪ.

МАМАЕВА.

Някого нѣтъ. Куда же онъ дѣлся? (*Подходитъ къ столу*). Это что? Дневникъ его. Ай, ай, какъ зло! Это ужасно! А вотъ

о невѣстѣ! Я такъ и знала; онъ меня обманываетъ! Какой глупый человѣкъ! Ахъ, Боже мой! Это про меня-то! Миѣ дурно, я падаю... Низкій, низкій человѣкъ! (*Оттираетъ слезы. Подумавши*). Вотъ мысли! Онъ никакъ не подумаетъ на меня. (*Прячетъ дневникъ въ карманъ и отходитъ отъ стола*). О, какъ я могу его унижить! Какъ миѣ пріятно будетъ видѣть его униженіе! Когда всѣ отвернутся отъ него, бросая, выкинуть его, какъ негодную вещь, какой кроткой овечкой онъ приползетъ ко миѣ. (*Входитъ Глумовъ*).

Глумовъ.

Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Мамаева.

Кто былъ у васъ?

Глумовъ.

Такихъ людей нельзя пускать ни подъ какимъ видомъ. Написать ругательную статью на меня, и пришелъ за деньгами, а то, говорить, напечатать.

Мамаева.

Что вы за ужасы говорите! Это тѣ же брави. Кто онъ такой, я желаю знать?

Глумовъ.

Зачѣмъ вамъ?

Мамаева.

Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумовъ.

Голутвинъ.

Мамаева.

Гдѣ живетъ?

Глумовъ.

Гдѣ день, гдѣ ночь. Адресъ можно узнать въ редакціи. Да зачѣмъ вамъ?

Мамаева.

А если кто меня обидитъ, вотъ и мщеніе! Другаго вѣтъ у женщины; дуэли для насъ не существуютъ.

Глумовъ.

Вы шутите?

Мамаева.

Конечно, шучу. Вы дали ему денегъ?

Глумовъ.

Немного. Онъ вѣдь недорогъ. Все-таки покойнѣе. Всякій скандалъ нехорошъ.

МАМАЕВА.

А если ему дадутъ больше?

ГЛУМОВЪ.

Кому же нужно! У меня враговъ нѣтъ.

МАМАЕВА.

Значить, вы покойны. Ахъ, бѣдный! Какъ онъ васъ разстроилъ. Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ невѣсты?

ГЛУМОВЪ.

Рѣшительно.

МАМАЕВА.

Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

ГЛУМОВЪ.

Денегъ. Промѣняю ли я рай на деньги?

МАМАЕВА.

Да вѣдь много денегъ, двѣсти тысячъ.

ГЛУМОВЪ.

Знаю.

МАМАЕВА.

Кто же это дѣлаетъ?

ГЛУМОВЪ.

Тотъ, кто истинно любитъ.

МАМАЕВА.

Да вѣдь этого не бываетъ.

ГЛУМОВЪ.

Вотъ вамъ доказательство, что бываетъ.

МАМАЕВА.

Вы герой! Вы герой! Ваше имя будетъ записано въ исторію. Придите въ мои объятія. (*Обнимаетъ его*). Ну, прощайте, душа моя! Жду васъ сегодня вечеромъ (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ (*одинъ*).

Ну, какъ гора съ плечъ. Пора къ невѣстѣ. (*Беретъ шляпу и смотрится въ зеркало*). Разумѣется, все это мелочи; но, когда дѣло-то рискованное, такъ всего боишься. Правъ-то у меня на эту невѣсту и, главное, на это приданое нивакихъ. Все взято одной энергіей. Цѣлый замокъ виситъ на воздухѣ безъ фундамента. Все это можетъ лопнуть и разлетѣться въ прахъ каждую минуту. Поневоля будешь пугливъ и остороженъ. Ну, да теперь мнѣ бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоилъ, Голутвину заплачено. Пока я все уладилъ. (*На расстѣ*). Все уладилъ, все

уладилъ. Я съ этими хлопотами разсѣянъ сталъ. Шляпа, перчатки... Гдѣ перчатки, гдѣ перчатки? Вотъ онѣ. (*Подходитъ къ столу*). Въ этомъ карманѣ бумажникъ, въ этомъ дневникъ. (*Не глядя, шаритъ рукой по столу, а другую опускаетъ въ задній карманъ*). Платокъ здѣсь. (*Оборачивается къ столу*). Чтѣ такое? Гдѣ же? (*Открываетъ ящикъ*). Куда я его засунулъ? Да чтѣ жъ это такое? Вотъ еще бѣда-то! Да нѣтъ, не можетъ быть! Я его здѣсь положилъ. Я сейчасъ видѣлъ его. А-ахъ!.. Гдѣ же онъ? Нельзя, нельзя... (*Стоитъ молча*). Падаеть, все падаетъ... и я валюсь, въ глубокую пропасть валюсь. Зачѣмъ я его завелъ? Что за подвиги въ него записывалъ? Глупую, дѣтскую злобу тѣшилъ. Нѣтъ, ужъ если такія дѣла дѣлать, такъ нечего ихъ записывать! Ну, вотъ и предоставилъ публикѣ «Записки подлеца, имѣ самимъ написанныя». Да что же я самъ-то себя ругаю! Меня еще будутъ ругать, всѣ ругать. Кто же это? Онъ или она? Если онъ, я выкуплю; онъ на деньги пойдетъ; еще бѣда невелика. А если она? Ну, тутъ ужъ одно краснорѣчіе. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; за то вѣдь ужъ и злѣй-то женщины ничего на свѣтѣ нѣтъ, если ее обидѣтъ чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстить ужасно, она можетъ такую гадость придумать, что мужчинѣ и въ голову не придетъ. Ну, ужъ дѣлать нечего! Бездѣйствіе хуже. Пойду прямо въ пасть къ гіеннѣ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Л И Ц А:

ТУРУСИНА.
 МАШЕНЬКА.
 МАМАЕВЪ.
 МАМАЕВА.
 КРУТИЦЫЙ.
 ГОРОДУЛИНЪ.
 ГЛУМОВЪ.
 КУРЧАЕВЪ.
 ГРИГОРІЙ.

Большая терраса на дачѣ, прямо садъ, по сторонамъ двера.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КУРЧАЕВЪ и МАШЕНЬКА (*выходятъ изъ комнаты*).

КУРЧАЕВЪ.

Какъ все это быстро сдѣлалось.

Машенька.

Я сама не понимаю. Тутъ или самая тонкая нитрига, или...

Курчаевъ.

Чудо, вы думаете?

Машенька.

Я ничего не думаю, я просто голову потеряла.

Курчаевъ.

Я его знаю давно, и ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ; кажется, человѣкъ хорошій.

Машенька.

Онъ явился какимъ-то неотразимымъ. Всѣ за него. Всѣ знакомые тѣтушки рекомендуютъ прямо его, приживалики во снѣ его видать каждую ночь, стануть на картахъ гадать—выходить онъ, гадалышцы указываютъ на него, странницы тоже; наконецъ, Манеѳа, которую тетушка считаетъ чуть не за святую, никогда не выдавъ ее, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидимъ. Какія же тутъ могутъ быть возраженія? Судьба моя въ рукахъ тетушки, а она имъ совершенно очарована.

Курчаевъ.

Значить, отдадутъ ему вась, отдадутъ деньги, — добродѣтель награждается, лороеъ наказанъ. Съ вашей стороны возраженія нѣтъ, а про меня и говорить нечего: я долженъ въ молчаніи удалиться. Еще съ кѣмъ другимъ я бы поспорилъ, а передъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, я пасъ; я никогда этимъ не занимался.

Машенька.

Тише! Они идутъ. (*Входятъ Турусина и Глузовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же Турусина и Глузовъ.

Турусина садится въ кресло. Глузовъ останавливается съ левой стороны и кладетъ руку на спинку кресла. Курчаевъ стоитъ съ права, нѣсколько потупившись, въ самой почтительной позѣ.

Машенька у стола перелистываетъ книгу.

Глузовъ.

Когда я почувствовалъ призваніе въ семейной жизни, я взглянулъ на это дѣло серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не въ моихъ правилахъ, — это была бы торговая сдѣлка, а не бракъ — установленіе священное! Жениться по любви... но вѣдь любовь чувство преходящее, плотское! Я по-

ннзъ, что въ выборѣ подруги на всю жизнь должно быть нѣчто особое, нѣчто ровное для того, чтобы бракъ былъ крѣпокъ. Мнѣ нужно было найти кроткое женское сердце, связать его съ своимъ неразрывными узами; я говорю: судьба, уважи мнѣ это сердце, и я покорюсь твоимъ велѣнiямъ. Я вамъ признаюсь, я ждалъ чего-то чудеснаго! Чудеснаго много на свѣтѣ, только мы не хотимъ замѣтить его.

Турусина.

Я сама тоже говорю, но не всё вѣрятъ. (*Взглядываетъ на Курчаева, тотъ шаркаетъ ногой и кланяется*).

Глумовъ.

Я ждалъ чуда, и дождался чуда.

Курчаевъ.

Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумовъ.

Я поѣхалъ къ одной благочестивой женщинѣ.

Курчаевъ.

Не къ Манеѣ ли?

Глумовъ.

Нѣтъ, къ другой. Я Манею не знаю. Только я вошелъ, не успѣлъ промолвить слова, она, даже не видя лица моего,—она сидѣла ко мнѣ задомъ,—заговорила: «не ты невѣсть ищешь, онѣ тебя ищутъ. Ступай замурившись и найдешь». Куда идти, говорю, уважите мнѣ! «Какъ войдешь, говорить, въ первый незнакомый домъ, гдѣ ты ни разу не бывалъ, тамъ и ищи, тамъ тебя знаютъ!» Я, знаете ли, сначала удивился, и какъ будто не совсѣмъ повѣрилъ. Поутру она мнѣ это сказала—вечеромъ дялюшка привезъ меня къ вамъ. Тутъ есть невѣста, и тутъ меня знаютъ.

Турусина.

Да много чудеснаго, но мало избранныхъ...

Курчаевъ.

У насъ тоже, когда мы стояли въ Малороссiи, былъ случай съ однимъ евреемъ...

Турусина.

Вы бы пошли по саду погуляли. (*Курчаевъ шаркаетъ ногой и кланяется*).

Глумовъ.

Не ясно ли тутъ предопредѣленiе! Я даже не успѣлъ еще совершенно осведомиться о чувствахъ моей невѣсты... (*Машенька*) Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ея соглашенiемъ.

ТУРУСИНА.

Ничего больше и не нужно.

ГЛУМОВЪ.

Если я, можетъ быть, не совсѣмъ правлюсь теперь, такъ по-
правляюсь послѣ. Такой бракъ долженъ быть счастливъ и благо-
полученъ.

КУРЧАЕВЪ.

Непремѣнно.

ГЛУМОВЪ.

Въ этомъ бракѣ нѣтъ людскаго произвола, слѣдовательно,
нѣтъ и ошибокъ.

ТУРУСИНА.

Вотъ правила! Вотъ у кого надо учиться, какъ жить. (*Вхо-
дитъ Григорій*).

ГРИГОРІЙ.

Иванъ Ивановичъ Городулинъ.

ТУРУСИНА.

Я пойду одѣвусь потеплѣе, здѣсь сыро становится. (*Уходитъ*).

МАШЕНЬКА (*Курчаеву*).

Пойдемте въ садъ. (*Уходятъ въ садъ. Входитъ Городулинъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛУМОВЪ и ГОРОДУЛИНЪ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Здравствуйте! Сколько вы денегъ берете?

ГЛУМОВЪ.

Кажется, двѣсти тысячъ.

ГОРОДУЛИНЪ.

Какъ же вы это сдѣлали?

ГЛУМОВЪ.

Да вѣдь вы же сами меня рекомендовали, — мнѣ Софья Игнать-
евна сказывала.

ГОРОДУЛИНЪ.

Когда же? Да, да, помню. Да какъ же вы поладили съ Туру-
синой, вѣдь вы вольнодумецъ?

ГЛУМОВЪ.

Я съ ней не спорю.

ГОРОДУЛИНЪ.

А если она вздоръ говоритъ?

ГЛУМОВЪ.

Ее исправить невозможно. Къ чему же трудиться?

Городулинъ.

Да, такъ вы вотъ какъ. Это хорошо. Вы теперь будете имѣть состояніе. Я васъ въ клубъ запишу.

Глумовъ (*тихо*).

На дняхъ будетъ напечатанъ трактатъ Крутицкаго.

Городулинъ.

Неужели? Вотъ бы его отдѣлать хорошенько!

Глумовъ.

Это очень легко.

Городулинъ.

Еще бы, съ вашими способностями. Но вамъ неловко, вы еще очень молодой человѣкъ, можете себя повредить. Васъ надо будетъ выгородить. Вы напишите, а ужъ я, такъ и быть, пожертвую собой, выдамъ за свое. Надо ихъ, старыхъ, хорошенько.

Глумовъ.

Надо, надо. Вѣдь только посмотрите, что пишутъ.

Городулинъ.

Осмѣять надо. Я бы и самъ, да некогда. Очень радъ вашему счастью. Поздравляю. Намъ такіе люди, какъ вы, нужны. Нужны. А то, признаться вамъ, чувствовался недостатокъ. Дѣльцы есть, а говорить некому, нападутъ старики въ расилохъ. Ну, и бѣда. Есть умные изъ молодыхъ людей, да очень молодые, въ разговоръ пустить нельзя, съ ними разговаривать не стануть. Хоръто есть, да зашѣвали нѣтъ. Вы будете зашѣвать, а мы вамъ подтягивать. Гдѣ Марья Ивановна?

Глумовъ.

Вонъ, въ саду гуляетъ.

Городулинъ.

Пойду поболтать съ ней. (*Идетъ въ садъ*).

Глумовъ (*въ слѣдъ*).

Я сейчасъ васъ догоню. Кажется, Мамаевы пріѣхали, какъ я урезонилъ. Мало того, что дала согласіе на мой бракъ, но и сама пріѣхала. Вотъ это мило съ ея стороны. (*Входитъ Мамаева*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глумовъ и Мамаева.

Мамаева.

Ну, что, нашле?

Глумовъ.

Нѣтъ, Голутвинъ клянется-божится, что не бралъ. Даже слезы

на глазах у него показались. Я, говорить, безъ куса хлѣба останусь, а такой гнусности не сдѣлаю.

МАМАЕВА.

Кому же взять! Потеряли какънибудь.

ГЛУМОВЪ.

И представить себѣ не могу.

МАМАЕВА.

Найдегь кто нибудь и бросить.

ГЛУМОВЪ.

Хорошо, какъ бросить.

МАМАЕВА.

А чего же вы боятесь, развѣ тамъ было что нибудь такое?

ГЛУМОВЪ.

Ничего особеннаго! Сердечныя изліянія, любовныя замѣтки, страстныя тирады, стишки; очи, кудри. Все то, что пишется про себя, и что въ чужихъ рукахъ видѣть стыдно.

МАМАЕВА.

Такъ у васъ въ дневникѣ очи да кудри? Ну, такъ не беспокойтесь, никто не обратитъ вниманія. Такихъ дневниковъ бездна. Что же вы здѣсь одни? Гдѣ ваша невѣста?

ГЛУМОВЪ.

Гуляетъ въ саду съ молодыми людьми. Вотъ вамъ доказательство, что я женюсь не по склонности. Мнѣ нужны деньги, нужно положеніе въ обществѣ. Не все же мнѣ быть милымъ молодымъ человѣкомъ, пора быть милымъ мужчиной. Посмотрите, каинимъ молодцомъ я буду, каинихъ лошадей заведу. Теперь меня не замѣчаютъ, а тогда всѣ вдругъ заговорятъ: Ахъ, какой красавецъ появился!—точно какъ будто я изъ Америки пріѣхалъ. И всѣ будутъ завидовать вамъ.

МАМАЕВА.

Отчего же мнѣ?

ГЛУМОВЪ.

Оттого, что я вашъ.

МАМАЕВА.

Да хорошо, еслибъ можно было взять деньги безъ невѣсты, а то у васъ будетъ молодая жена.

ГЛУМОВЪ.

Это не мѣшаетъ. Я предложилъ руку невѣстѣ, карманъ для денегъ, а сердце остается вамъ.

МАМАЕВА.

Вы опасный человѣкъ; васъ слушаешь, слушаешь, да, пожалуйста, и повѣршишь.

ГЛУМОВЪ.

На какихъ рисакахъ я буду подѣвжать къ вамъ!

МАМАЕВА.

Подѣвжайте, подѣвжайте. А теперь подите къ невѣстѣ, хорошо оставлять ее. Если она вамъ и не нравится, такъ вы хоть для виду, изъ приличія полюбезничайте съ ней.

ГЛУМОВЪ.

Вотъ вы сами посмаете.

МАМАЕВА.

Ступайте, ступайте. (*Глумовъ уходитъ*). Какъ онъ торжествуетъ! Погоди, мой другъ, не рано ли ты вздумалъ радоваться! (*Входитъ Курчаевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МАМАЕВА И КУРЧАЕВЪ.

МАМАЕВА.

Куда вы?

КУРЧАЕВЪ.

Домой-съ.

МАМАЕВА.

Домой, такой печальный? Погодите, — я догадываюсь. (*Курчаевъ клянется*). Погодите, я вамъ говорю. (*Курчаевъ клянется*). Ахъ, какой противный! Подождите, я вамъ говорю. Мнѣ васъ нужно. (*Курчаевъ клянется и остается*). Вы влюблены? (*Курчаевъ клянется и хочетъ уйти*). Вы ничего не знаете?

КУРЧАЕВЪ.

Позвольте мнѣ удалиться.

МАМАЕВА.

Я поѣду домой рано одна, вы меня проводите. (*Курчаевъ клянется*). Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я привязываю вамъ, какъ тетя. Вы влюблены, я знаю. Она васъ любитъ? Ну! (*Курчаевъ клянется*). Я увѣрена, что любитъ. Не теряйте надежды. Мало ли, какіе сюрпризы бываютъ.

КУРЧАЕВЪ.

Во всякомъ другомъ случаѣ я могъ бы...

МАМАЕВА.

А здѣсь, что же?

КУРЧАЕВЪ.

Софья Игнатьевна заявляетъ такія требованія...

Кавіа?

МАМАЕВА.

КУРЧАЕВЪ.

Я никакъ не могъ ожидать этого. Пригомъ же это несвѣ-
мѣстно съ моей службой.

МАМАЕВА.

Что несовмѣстно?

КУРЧАЕВЪ.

И воспитаніемъ неприготовленъ...

МАМАЕВА.

Я васъ не понимаю.

КУРЧАЕВЪ.

Софья Игнатьевна ищетъ для племянницы...

МАМАЕВА.

Ну?

КУРЧАЕВЪ.

Могъ ли я это ожидать? Это такъ рѣдко бываетъ...

МАМАЕВА.

Что, что?

КУРЧАЕВЪ.

Я никогда и не слыхивалъ...

МАМАЕВА.

Да объяснитесь хорошенько.

КУРЧАЕВЪ.

Она ищетъ добродѣтельнаго человѣка.

МАМАЕВА.

Ну, такъ что жь?

КУРЧАЕВЪ.

Я никакихъ добродѣтелей не имѣю.

МАМАЕВА.

Какъ никакихъ? Что же, въ васъ только пороки?

КУРЧАЕВЪ.

Я и пороковъ не имѣю, я просто обыкновенный человѣкъ. Это страшно искать добродѣтельнаго человѣка. Ну, не будь Глумова, гдѣ бы она взяла? во всей Москвѣ только онъ одинъ и есть. И чудеса съ нимъ бываютъ, и видѣнія онъ видитъ. Ну, позвольте васъ спросить, какъ же можно этого требовать отъ всякаго?

МАМАЕВА.

Погодите, погодите! Можетъ быть, это еще и лучше не имѣть добродѣтелей, но не имѣть и пороковъ. (*Входитъ изъ сада Машенька*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Мамаева, Курчаевъ, Машенька, потомъ Турусина, Мамаевъ, Крутицкий.

Мамаева.

Поздравляю васъ! Вы съ каждымъ днемъ все больше разцвѣтаете. Очень рада вашему счастью.

Машенька.

Въ господинѣ Глумовѣ такъ много хорошихъ качествъ, что мнѣ становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева.

Гдѣ же и искать добродѣтелей, какъ не въ вашемъ домѣ? Вы можете пользоваться и наставленіемъ, и примѣромъ, отъ вашей тетушки.

Машенька.

Я ей очень благодарна! Добродѣтельной быть дѣйствительно очень недурно, но изъ всѣхъ добродѣтелей, я могу похвалиться только одной: послушаніемъ. (*Входятъ Турусина, Мамаевъ и Крутицкий*).

Мамаевъ (*Крутицкому*).

Въ принципѣ я съ вами согласенъ, но въ подробностяхъ нѣтъ.

Крутицкий.

Да почему же?

Мамаевъ.

Зачѣмъ непременно трагедія, отчего не комедія!

Крутицкий.

А затѣмъ, что комедія изображаетъ низкое, а трагедія высокое, а намъ высокое-то и нужно.

Мамаевъ.

Да, но позвольте! Разсмотримъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ (*Отходятъ въ комнату*).

Турусина (*Мамаевой*).

У насъ теперь принято не вѣрить ничему, это въ модѣ; только и слышишь, зачѣмъ вы пускаете къ себѣ Манею, она обманщица. Вотъ бы я и пригласила господъ невѣрующихъ посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдетъ въ моду, получитъ большую практику. И мнѣ Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этимъ много для Москвы сдѣлала.

МАМАЕВА.

Но гдѣ же вашъ женихъ? я его не вижу.

ТУРУСИНА.

Машенька, гдѣ Егоръ Дмитричъ?

МАШЕНЬКА.

Онъ въ саду съ Городулиннымъ.

ТУРУСИНА.

По рекомендаціямъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, я уже ожидала, что встрѣчу примѣрнаго молодого человѣка. Но когда я познакомилась съ Егоромъ Дмитричемъ повороче, тутъ я увидала, что онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

МАМАЕВЪ (*подходя*).

Кто это превзошелъ всѣ ожиданія?

ТУРУСИНА.

Вашъ племянникъ.

МАМАЕВЪ.

Я зналъ, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не сталъ сватать ему другую невѣсту, прямо къ вамъ.

ТУРУСИНА.

Вамъ бы грѣшно было; вы знаете, я сирота.

КРУТИЦКІЙ.

Да, Глумовъ можетъ далеко пойти.

МАМАЕВЪ.

Разумѣется, съ нашею помощью. (*Входитъ Григорій*).

ТУРУСИНА.

И за что мнѣ такое счастье? Развѣ за мои... (*Григорію*). Что тебѣ? Развѣ за мои добрыя дѣла! (*Человѣкъ подаетъ конвертъ*). Что это такое? (*Распечатываетъ*). Какая-то газета! Должно быть, не ко мнѣ.

МАМАЕВА (*беретъ конвертъ*).

Нѣтъ, къ вамъ. Вотъ видите, адресъ.

ТУРУСИНА.

Это должно быть ошибка. Кто принесъ?

ГРИГОРІЙ.

Почталіонъ-съ.

ТУРУСИНА.

Гдѣ онъ?

ГРИГОРІЙ.

Онъ давно ушелъ-съ.

МАМАЕВЪ.

Дайте-бо сюда. Я вамъ разберу и объясню. (*Беретъ конвертъ и вынимаетъ изъ него печатный листъ*). Вопервыхъ, газета, да и не газета, а только одинъ листъ изъ газеты, одна статья.

ТУРУСИНА.

Но вѣдь это не изъ редакціи?

МАМАЕВЪ.

Нѣтъ, кто нибудь изъ знакомыхъ прислалъ.

ТУРУСИНА.

Что же такое тамъ?

МАМАЕВЪ.

А вотъ сейчасъ разсмотримъ. Статья называется: «Какъ выходить въ люди».

ТУРУСИНА.

Это до насъ не касается. Бросьте.

МАМАЕВЪ.

Зачѣмъ же? Надо посмотрѣть. Вотъ и портретъ съ подписью: «Мужъ какихъ мало». Ба, ба, ба! Да это Егоръ Дмитричъ!

МАМАЕВА.

Покажите сюда, это интересно. (*Мамаевъ отдаетъ газету*).

ТУРУСИНА.

Это какая нибудь гнусная интрига, у него должно быть много враговъ. (*Мамаевъ косо взмладываетъ на Курчаева*).

КУРЧАЕВЪ.

Вы не меня ли подозреваете? Я въ живописи не мастеръ, только вась и умѣю рисовать.

МАМАЕВЪ (*строю*).

Да, да. Я знаю.

МАМАЕВА.

Тотъ, кто писалъ эту статью, долженъ очень хорошо знать Егора Дмитрича: тутъ всѣ малѣйшія подробности его жизни, если это только не выдумки.

МАМАЕВЪ (*вынимаетъ изъ конверта тетрадь*).

Вотъ еще что-то.

КРУТИЦКІЙ.

Это его рука, я къ ней приглядѣлся. Его, его, чѣмъ хотите отвѣчаю.

МАМАЕВЪ.

Да, это его рука, а вотъ подпись другой рукой. «Въ доказательство того, что все въ статьѣ справедливо, прилагается сей дневникъ». Что намъ читать — статью или дневникъ?

Крутицвй.

Лучше ужь оригиналь.

Мамаевъ.

Начнемъ съ той страницы, которая заложена закладной. Тутъ счетъ. «Манеѳъ дадцать-пять руб., ей же еще двадцать-пять руб.. Дура набитая, а берется предсказывать! Училъ, училъ, насслу наладилъ. Ея же послано: бутылка рому. Ей же даво на дому у мена пятнадцать руб... Очень неприятно, что такимъ прибыльнымъ ремесломъ занимаются глупне люди. Любопытно узнать, что она возьметъ съ Турусиной? спросить послѣ! Двумъ приживалкамъ Турусиной за гаданье на картахъ и за разсказыванье сновъ, въ которыхъ онѣ должны видѣть каждый день мена, по семи руб. съ полтиной и по серебрянной табакеркѣ, десять рублей за обѣ.»

Турусина (*нюхая спиртъ*).

Всѣхъ прогоню, всѣхъ. Злой быть грѣшно, и доброй глупо! Какъ жить послѣ этого?

Мамаева.

Не жалуйтесь, не васъ однихъ обманываютъ.

Мамаевъ.

«За три анонимныхъ письма къ Турусиной пятнадцать коп...»

Машенька.

Такъ вотъ отбуда письма-то, ма tante!

Турусина.

Вижу, мой другъ. Извини мена. Я очень дурно сдѣлала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мнѣ и не по уму и не по силамъ. Располагай собой, какъ хочешь, я тебѣ мѣшать не буду.

Машенька (*тихо*).

Мой выборъ ужь сдѣланъ, ма tante.

Турусина.

И прекрасно. Въ немъ ты не обманешься, потому что она ничего хорошаго и не общаетъ. (*Курчаевъ кланяется*). А этихъ приживалокъ я прогоню непременно.

Крутицвй.

И заведете себѣ другихъ?

Турусина.

Не знаю.

Мамаевъ.

Прикажете продолжать?

Турусина.

Ужъ теперь продолжайте, всё равно.

Мамаевъ.

«Человѣку Мамаева, за то, что привезъ ко мнѣ своего барина обманомъ, пользуясь его слабостью къ отдающимся въ наймы квартирамъ,—этому благодѣтелю моему три руб. Чувствую, что мало. Тутъ дальше разговоръ со мной, совсѣмъ неинтересный. Первый визитъ Крутицкому. Муза! Воспоемъ доблестнаго мужа, и его проекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старецъ! Повѣдай намъ, повѣдай міру, какъ ты ухитрился, доживъ до шестидесятилѣтнаго возраста, сохранить во всей неприкосновенности умъ шестилѣтнаго ребенка?»

Крутицкій.

Ну, довольно! это пашевиль... Кому пріятно?...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Городулинъ, потомъ Глузовъ.

Мамаевъ (*не замѣчая Городулина*).

Позвольте, тутъ я вижу нѣсколько словъ о Городулинѣ. «Городулинъ въ какомъ-то глупомъ спорѣ о рысистыхъ лошадяхъ однимъ господиномъ названъ либераломъ; онъ такъ этому названію обрадовался, что три дня по Москвѣ ѣздилъ и всѣмъ рассказывалъ, что онъ либераль. Такъ теперь и числится». А вѣдь похоже!

Крутицкій.

Похоже! Вы про себя то-прочтите, похоже-ли написано.

Городулинъ.

Вы находите, что похоже?

Мамаевъ.

Ахъ, Иванъ Иванычъ, я васъ и не примѣтилъ. Посмотрите, какъ насъ тутъ расписали.

Городулинъ.

Кто же этотъ современный Ювеналь?

Мамаевъ.

Мой племянникъ, Глузовъ.

Турусина.

Отдайте, Иванъ Иванычъ, эту рукопись автору и попросите его, чтобы онъ удался незамѣтно. (*Входитъ Глузовъ, Городулинъ почтительно подаетъ ему дневникъ*).

Глузовъ (*принимая дневникъ*).

Зачѣмъ же незамѣтно? я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вамъ, что вы сами скоро пожалѣете, что удалили меня изъ вашего общества.

Крутицкій.

Милостивый государь, наше общество состоитъ изъ честныхъ людей.

Всѣ.

Да, да, да.

Глумовъ (*Крутицкому*).

А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я не честный человѣкъ? Можетъ быть, вы вашимъ проникательнымъ умомъ убѣдились въ моей нечестности, тогда, какъ я взялся за отдѣлку вашего трактата? Потому что какой-же образованный человѣкъ возьмется за такую работу? Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я въ кабинетѣ у васъ раболѣпно восторгался своими дикими вашими фразами и холопски унижался передъ вами? Нѣтъ, вы тогда готовы были расцаловать меня. И не попадись вамъ этотъ несчастный дневникъ, вы долго, долго, всегда считали бы меня честнымъ человѣкомъ.

Крутицкій.

Оно конечно, но...

Глумовъ (*Мамаеву*).

Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, какъ вы меня учили лгать Крутицкому?... Не тогда ли, какъ вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее отъ другихъ поклонниковъ, а я жеманился да отпѣкивался, что не умѣю, что мнѣ совѣстно. Вы видѣли, что я притворяюсь, но вамъ было пріятно, потому что я давалъ вамъ просторъ учить меня умразуму. Я давно умѣе васъ, и вы это знаете, а когда я приницусь дурачкомъ и стану просить у васъ разныхъ совѣтовъ, вы рады-радехоньки, и готовы влгаться, что я честнѣйшій человѣкъ.

Мамаевъ.

Ну, что намъ съ тобой считаться — мы свои люди.

Глумовъ.

Васъ, Софья Игнатьевна, я точно обманулъ. и передъ вами я виноватъ, то-есть не передъ вами, а передъ Марьей Ивановной, а васъ обмануть не жалъ. Вы берете съ улицы какую-то полупьяную крестьянку, и по ея слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знаетъ ваша Манеа, кого она можетъ назвать! Разумѣется, того, кто ей больше денегъ даетъ. Хорошо, что еще попался я, Манеа могла бы вамъ сосватать какогонибудь бѣглаго, и вы бы отдали, что и бывало.

Турусина.

Я знаю одно, что на землѣ правды нѣтъ, и съ каждымъ днемъ всё больше въ этомъ убѣждаюсь.

Глумовъ.

Ну, а вы, Иванъ Ивановичъ?

Городулинъ.

Я ни слова. Вы прелестнѣйшій мужчина! Вотъ вамъ рука моя. И все, что вы говорили про насъ, то-есть про меня,—про другихъ я не знаю, — правда совершенная.

Глумовъ.

Я вамъ нуженъ, господа. Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Не я, такъ другой будетъ. Будетъ и хуже меня, и вы будете говорить: эхъ, этотъ хуже Глумова, а все-таки славный малый. (*Крутицкому*) Вы, ваше превосходительство, въ обществѣ человѣкъ, что называется, обходительный; но когда въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ съ вами, молодой человѣкъ стоитъ на вытяжку, и униженно поддаивая послѣ каждаго слова, говорить «ваше превосходительство», у васъ по всѣмъ членамъ разливается блаженство. Дѣйствительно честному человѣку вы откажете въ протекціи, а за того поскачете хлопотать, сломя голову.

Крутицкій.

Вы слишкомъ злоупотребляете нашею снисходительностію.

Глумовъ.

Извините, ваше превосходительство! (*Мамасу*) Вамъ, дядюшка, я тоже нуженъ. Даже прислуга ни за какія деньги не соглашается слушать вашихъ наставленій, а я слушаю даромъ.

Мамавъ.

Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебѣ здѣсь оставаться долѣе неприлично, такъ я тебѣ растолкую...

Глумовъ.

Понимаю. И вамъ, Иванъ Ивановичъ, я нуженъ.

Городулинъ.

Нуженъ, нуженъ.

Глумовъ.

И умныхъ фразъ позаимствоваться для спича...

Городулинъ.

И умныхъ фразъ для спича.

Глумовъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Городулинъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Глумовъ.

И вамъ, тетушка, нуженъ.

Т. СЛXXXI. — Отд. I.

МАМАЕВА.

Я и не спору, я васъ и не виню ни въ чемъ.

Крутицкій (*Мамаеву*).

Я, знаете ли, въ немъ сразу замѣтилъ...

МАМАЕВЪ (*Крутицкому*).

И я сразу. Въ глазахъ было что-то.

Глумовъ.

Ничего вы не замѣтили. Васъ возмутилъ мой дневникъ. Какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки, я не знаю. На всякаго мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я былъ между вами, въ вашемъ обществѣ,—я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ. И всякій честный человѣкъ иначе къ вамъ относиться не можетъ. Вы подняли во мнѣ всю желчь. Чѣмъ вы обидѣлись въ моемъ дневникѣ? Что вы нашли въ немъ новаго для себя? Вы сами то же постоянно говорите другъ пре друга, только не въ глаза. Еслибъ я самъ прочелъ вамъ, каждому отдѣльно, то, что про другихъ писано, вы бы мнѣ апплодировали. Если кто имѣетъ право обижаться, сердиться, выходить изъ себя, бѣситься, такъ это я. Не знаю кто, но кто нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацію. Вы гоните меня и думаете, что это все, — тѣмъ дѣло и кончится. Вы думаете, что я вамъ прощу. Нѣтъ, господа, горько вамъ достанется. Прощайте. (*Уходитъ. Молчаніе*).

Крутицкій.

А вѣдь онъ все-таки, господа, что ни говори, дѣловой человѣкъ. Наказать его надо; но, я полагаю, черезъ нѣсколько времени можно его опять приласкать.

Городулинъ.

Непремѣнно.

МАМАЕВЪ.

Я согласенъ.

МАМАЕВА.

Ужъ это я возьму на себя.

А. Н. Островскій.

МОЛИТВА ВДОВЫ *.

(изъ Шамиссо).

Въ деревнѣ, въ глубокую полночь, не спитъ лишь старушка одна;
Стойтъ въ уголку на колѣняхъ и шепчетъ молитву она:
«О, Господи, Господи Боже! молю я тебя, сохрани
Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
Нужда научаетъ молиться!

Помѣщикъ проходитъ и слышитъ, что громко читаетъ она;
Въ диковинку рѣчи такія; онъ думаетъ: «вѣрно пьяна!»
И собственной барской персоной вошелъ онъ въ сырую избу
И краткимъ вопросомъ изволилъ свою удостоить рабу:
«Нужда научила молиться?»

—«Ахъ, баринъ! когда-то имѣла я восемь хорошихъ коровъ.
Вашъ дѣдушка—вѣчная память! изъ насъ онъ высасывалъ кровь—
Коровушку лучшую отнялъ, и, какъ тамъ ни плакала я,
И какъ ни молила я горько,—пропала корова моя!
Нужда научаетъ молиться!

«Я долго его провѣдывала за горе мое; наконецъ
Услышала меня и за это послалъ наказанье Творецъ:
Вашъ дѣдушка умеръ и править деревней вашъ батюшка сталъ,
И онъ у меня, горемичной, двухъ добрыхъ коровушекъ взялъ!
Нужда научаетъ молиться!

---

* Стихотвореніе это принадлежитъ собственно Мартину Лютеру; мною же оно взято у Шамиссо, у котораго оно названо подражаніемъ Лютеру. П. В.

«Я батюшку вашего тоже и денно и ношно клалъ.
 Пова и его, какъ и дѣда, могила къ себѣ прибрала;
 Тогда вы изволили сами прѣхать въ деревню,—и, охъ!
 Къ себѣ изъ монхъ коровеновъ угнали еще четырехъ!
 Нужда научаетъ молиться!

«Теперь, коль можете вы тоже, сыночка оставивъ у насъ,
 Корову послѣднюю, вѣрно, себѣ онъ оттанетъ тотчасъ...
 О, Господи, Господи Боже, молю я тебя—сохрани
 Помѣщика нашего долго, на многіе, многіе дни!»
 Нужда научаетъ молиться!

II. Вейнвертъ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(1830—1846).

10. Великобританія и Ирландія.

Избирательная система въ Англіи до 1831 года. Гнилыя мѣстечки. Преобладаніе аристократія въ палатѣ общинъ. Сущность билля, предложеннаго Росселемъ 1 марта 1831 г. Неудача билля. Распущеніе парламента. Волненіе въ народѣ. Томасъ Атвудъ. Отставка графа Грея. Новое волненіе въ народѣ. Второе министерство Грея. Билль о реформѣ принятъ верхнею палатою (4 іюня 1832). Чартисты и ихъ народная хартія. Пауперизмъ въ Англіи и мѣры, принятыя противъ него съ 1776 по 1833 годъ. Офіціальныя изслѣдованія быта рабочихъ классовъ въ Англіи, предпріятыя въ 1833 году. Сочиненіе Бюре о пауперизмѣ. Лондонскіе бѣдняки; положеніе рабочихъ въ промышленныхъ городахъ, въ графствахъ Англіи и Ирландіи. Моральныя условія быта бѣдняковъ. Положеніе женщинъ. Рабство и пролетаріатъ. Мѣры правительства противъ нищеты. Рабочіе дома (Work-Houses). Дѣятельность Роберта Озена. Отгнана хлѣбнаго закона въ Англіи. Ирландскія дѣла. Оранскій союзъ. Освобожденіе невольниковъ (1833). Вступленіе принцессы Вигторіи на англійскій тронъ и бракосочетаніе ея съ Альбертомъ Кобургскимъ. Распространеніе англійскаго владычества въ Индіи. Война съ афганцами и китайцами.

По окончательномъ паденіи министерства Велингтона, въ 1831 году, вся Англія занята была вопросомъ о парламентской реформѣ, и неумудрено: неудобства существовавшей тогда избирательной системы были слишкомъ очевидны, чтобы народу не подумать о нихъ. Уже прежде говорили мы о неправильномъ распределеніи въ Англіи избирательнаго права, о томъ, что верховная законодательная власть принадлежала исключительно почти аристократіи, что существовали малочисленныя селенія (такъ-называемыя гнилыя мѣстечки), послышавшія отъ себя представителей въ нижнюю палату, въ то время какъ большіе города, обогатившись въ два послѣднія столѣтія, не имѣли представителей.

Такъ-называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ насчитывалось въ соединенномъ королевствѣ до 204, и изъ нихъ нѣкоторые имѣли

по сту, нина же по нѣскольку десятковъ избирателей. Существовали селенія, въ которыхъ даже вовсе не было жителей, но у которыхъ, несмотря на это, не было отнято избирательное право*. Почти каждое изъ мѣстечекъ мало-населенныхъ и совершенно безлюдныхъ, находилось во владѣніи какого-нибудь аристократа, который, на время выборовъ, помѣщалъ въ своемъ владѣніи нѣсколько слугъ, содержателей постоянныхъ дворовъ и кабаковъ, и, во главѣ всего этого сброда, производилъ выборы въ законодателя страны. Высчитано, что 293 голоса въ палатѣ общинъ принадлежали аристократіи, что на избраніе большей части остальныхъ депутатовъ, аристократія имѣла сильное вліяніе, и что только пятая часть всего числа членовъ нижней палаты, то-есть около *ста двадцати* человекъ, могли назваться представителями страны въ полномъ смыслѣ слова. Въ небольшихъ городахъ сами избиратели, находившіеся, въ качествѣ ремесленниковъ и торговцевъ, въ зависимости отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, въ мѣстечкахъ же землевладѣльцы торговали своими избирательными голосами, и эта торговля (хотя и была строго запрещена закономъ) сдѣлалась до такой степени общераспространеннымъ явленіемъ, что доходъ, отъ нея выручавшійся, принимался въ расчетъ при покупкѣ имѣній.

Несмотря на всѣ эти темныя стороны политической жизни Англіи, крайніе тори, усердные приверженцы старинны, старались, во что бы то ни стало, удержать такъ долго существовавшую систему выборовъ; они боялись, что перемѣна въ составѣ нижней палаты поведетъ къ потрясенію всей конституціи, къ революціи и демократическому деспотизму. Государственная машина Англіи—говорили они—конечно, не чужда недостатковъ, но, вообще говоря, дѣйствуетъ такъ хорошо, что желать лучшаго—неблаго-разумно. Въ отвѣтъ на это «неблагоразумные» виги, приверженцы реформы, твердили торіямъ: «Англія достигла величія и славы не потому, что въ ней гнилыя мѣстечки обладаютъ избирательнымъ правомъ, не потому, что въ ея государственной жизни существуетъ много злоупотребленій, но—несмотря на привилегіи гнилыхъ мѣстечекъ. Нѣтъ никакого основанія и никакой нужды терпѣть эти злоупотребленія, и тѣмъ скорѣе страна освободится отъ нихъ, тѣмъ быстрее достигнетъ еще большаго благосостоянія. Англійская конституція, конечно, создана вѣнами, она возникла не изъ головы какой-нибудь отдѣльной личности и не для цѣлей одной какой-либо эпохи; англійская конституція создана цѣлыми

---

* По два депутата послыалось въ парламентъ отъ двухъ безлюдныхъ мѣстечекъ: Old Sarum и Gathon.

народомъ; она есть плодъ всей исторической его жизни, но именно по этой причинѣ каждое поколѣніе имѣеть право отмѣнять въ законахъ страны *esse то, quod okazivается вреднымъ*. Англійская аристократія имѣеть достаточно представителей въ верхнемъ парламентѣ, и нѣтъ никакой нужды, чтобы нижняя палата представляла собою только конію, только второе, даже неисправленное изданіе палаты лордовъ: допустить это — значило бы стать въ противорѣчіе съ духомъ англійской исторіи. Нужно наконецъ взять въ расчетъ теперешнее настроеніе всего англійскаго народа, который избралъ именно эти дни, чтобы заявить свое желаніе устранять злоупотребленія, давно уже сдѣлавшіяся ему не-навиственными».

Билль о парламентской реформѣ предложенъ былъ палатѣ общинъ лордомъ Джономъ Росселемъ 1-го марта 1831 года. Палата выслушала этотъ билль, сохраняя глубокое молчаніе, но въ концѣ чтенія послѣдовали необшиновенно бурныя заявленія радости и одобренія со стороны виговъ и такое же энергичное неодобреніе со стороны торіевъ. По этому биллю Джона Росселя, мѣстечки, имѣвшія до 1821 года менѣе 2,000 жителей, лишались права посылать представителей въ палату общинъ, а такихъ мѣстечекъ было *больше ста*. Сорокъ-семь городовъ, насчитывавшихъ у себя, каждый, не болѣе 4,000 жителей, должны были посылать не по два, какъ прежде, а только по одному депутату. Семь городовъ, имѣвшихъ болѣе 20,000 жителей*, получили по два голоса, двадцать другихъ — по одному голосу. Въ Лондонѣ прежде только старшія части города имѣли право посылать депутатовъ въ парламентъ, около 900,000 жителей столицы были лишены этого права; по биллю же Джона Росселя, этимъ 900,000 дано было *восемь* голосовъ въ палатѣ общинъ. Чтобы положить конецъ преобладанію замкнутыхъ корпорацій, билль требовалъ, чтобы каждый горожанинъ, платящій 10 фунтовъ стерл. податей, имѣлъ голосъ на выборахъ. При существованіи же прежней избирательной системы, были въ Англии города, въ которыхъ изъ шестидесятитысячнаго населенія къ корпораціи избирателей принадлежало всего нѣсколько десятковъ домохозяевъ, но были и такіе, въ которыхъ голосъ на выборахъ подавали всѣ жители, пользовавшіеся пособіемъ изъ кассы бѣдныхъ.

Внѣ городовъ, въ графствахъ, *свободные собственники* съ доходомъ въ 40 шиллинговъ удерживали за собой, но биллю Рос-

---

* Въ числѣ этихъ городовъ были: Манчестеръ, Бирмингемъ, Лидсъ, Шеффилдъ.

селя, право голоса на выборах; временные же и наследственные арендаторы (copyholders) могли, по биллю 1-го марта 1831 года, пользоваться правом голоса только в том случае, когда имъ был доходъ въ 50 фунтовъ стерл. Этими постановленіями впрочемъ, только ограничивалось, а не уничтожалось вліяніе аристократіи на парламентскіе выборы въ графствахъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что реформа, предложенная, по инициативѣ графа Грея, Росселемъ, далеко не была радикальна. Многочисленный рабочій классъ оставался при новой, какъ и при старой системѣ, лишеннымъ избирательнаго права. Реформа эта рассчитана была лишь на то, чтобы устранить, съ теченіемъ времени, самыя вопіющія злоупотребленія, взравшіяся въ систему выборовъ. Десять фунтовъ податей въ городахъ и 50 фунтовъ дохода въ селеніяхъ — цензъ весьма высокій; сами министры и другіе вожди движенія сознавались, что намѣреваются лишь отстранить отъ парламентскихъ выборовъ грубую, доступную подкупамъ толпу, среднимъ же классамъ общества дать политическое значеніе, которое соответствовало бы уже приобрѣтенному ими социальному значенію.

Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ преній, билль о реформѣ, прочитанный во второй разъ, принятъ былъ 22-го марта большинствомъ лишь одного голоса; а при третьемъ чтеніи онъ былъ измѣненъ до такой степени, что министры не узнали въ немъ своего созданія. Глубоко убѣжденные въ правотѣ своего дѣла и надѣясь на счастливый его исходъ, министры не отступали; они посовѣтовали королю распустить палату общинъ, что и было исполнено 22-го апрѣля.

Министры не ошиблись. Сила общественнаго мнѣнія дала имъ, несмотря на несовершенную избирательную систему, реформистское большинство въ нижней палатѣ. 21-го іюня снова открытъ былъ парламентъ, лордъ Россель снова выступилъ съ своимъ биллемъ, немного измѣненнымъ, но сохранившимъ все существенное, и 21 сентября 1831 г., послѣ долгихъ и горячихъ преній, билль этотъ былъ принятъ большинствомъ 109 голосовъ. На слѣдующій день онъ перешелъ въ верхнюю палату, но здѣсь былъ отвергнутъ большинствомъ 41 голоса. Вслѣдъ затѣмъ засѣданія парламента были отсрочены до 6-го декабря.

Неудача, испытанная биллемъ о реформѣ, возбудили народъ противъ парламента; въ Лондонѣ и другихъ городахъ произошло сильное волненіе. Веллингтонъ, высказавшійся въ палатѣ лордовъ противъ билля о реформѣ, едва избѣжалъ побіенія камнями. Народъ поговаривалъ уже — какъ и во времена Кром-

вели—объ упраздненїи палаты лордовъ, о примѣненїи принципа свободы, равенства и братства къ государственнымъ учрежденїямъ. Народъ поговаривалъ даже о государственномъ переворотѣ, подобномъ тому, который совершился въ 1688 г., при Іаковѣ II. Радикалы въ своихъ газетахъ, и на митингахъ, все чаще и чаще составлявшихся, старались убѣдить народъ, что билль о реформѣ общааетъ слишкомъ мало хорошаго, что серьезное улучшенїе въ быту всего англїйскаго народа можетъ быть достигнуто только распространенїемъ избирательнаго права на весь народъ и отмѣною всякихъ наслѣдственныхъ привилегїй. Существовавшїя прежде общества «друзей реформы» усилились, къ нимъ присоединились еще новыя союзы «реформеровъ». Томасъ Атвудъ, президентъ древнѣйшаго изъ этихъ союзовъ, насчитывавшаго до 50,000 членовъ, объявилъ, что реформеры, въ случаѣ нужды, могутъ составить собственное войско и ратовать съ своими противниками въ открытомъ полѣ.

Парламентъ снова собрался въ декабрѣ 1831 г.; нижняя палата снова приняла билль, верхняя — снова его отвергла. Тогда графъ Грей предложилъ королю пожаловать перское достоинство нѣкоторымъ приверженцамъ реформы, и такимъ образомъ обезпечить за министерствомъ большинство въ палатѣ лордовъ. Но король, находившїйся подъ влїенїемъ высшей аристократїи, чужеземныхъ пословъ и супруги своей, мейнингенской принцессы, не согласился на это предложенїе, принялъ отставку Грея и поручилъ герцогу Веллингтону составить новый кабинетъ.

Назначить въ такое время герцога Веллингтона первымъ министромъ, значило — возжечь въ Англїи революцію, повторить въ этой странѣ парижскую іюльскую недѣлю и вызвать страшную грозу противъ вождей аристократїи. Всѣ дѣла остановились, все стало готовиться къ борьбѣ. Въ Бирмингемѣ собралось до 100,000 друзей реформы, которые поклялись бороться за свое дѣло до послѣдней крайности и сообщили населенїю столицы о своей готовности взяться, по первому знаку, за оружіе. Тысячи шотландцевъ выказали полнѣйшую готовность перейти границу своей страны и помочь англичанамъ. Многострадальная Ирландїя ждала только знава къ возстанїю. На всѣхъ митингахъ имя Веллингтона возбуждало общее негодованїе, вмѣшательство супруги короля въ политику осуждалось очень рѣзко.

Всѣ эти демонстраціи подѣйствовали на правительство; Веллингтонъ, правда, не боялся междоусобной войны, но долженъ былъ отказаться отъ министерскаго портфѣля, когда влїятельнѣйшіе изъ торїевъ отказались быть его сотрудниками. Графу Грею опять поручено было составить кабинетъ, на что онъ и

согласился, но съ условіемъ, чтобы ему дозволено было ввести въ верхнюю палату нѣскольکو новыхъ пэровъ. Въ высшей степени непріятна была торіямъ эта политическая мѣра, подкапывавшая независимость верхней палаты. Усерднѣйшіе изъ торіевъ палаты лордовъ уклонились отъ подачи голоса; 4-го іюня 1832 года билль о реформѣ прошелъ чрезъ верхній парламентъ и былъ утвержденъ королемъ. Аристократія потерпѣла сильнѣйшее пораженіе. Друзья прогресса могли теперь надѣяться, что, благодаря реформѣ, рушатся многія устарѣлыя феодальныя учрежденія Англій.

Но все же — повторимъ — не масса народа, а только средніе классы общества получили отъ преобразованія очевидную выгоду. И вотъ, по окончаніи борьбы, народъ заявляетъ свое желанье, чтобы политическія права всѣхъ сословій были одинаковы. Отдѣлившіеся отъ реформеровъ, *радикалы*, желая новыхъ преобразованій въ избирательной системѣ, примкнули къ простому народу и къ многочисленнымъ рабочимъ ассоціациямъ. Эта новая соціально-политическая партія заявила въ составленной ею *Народной Хартіи* слѣдующія требованія:

- 1) право голоса для всякаго взрослого человѣка, если онъ въ здоровомъ умѣ и не совершилъ никакого преступленія;
- 2) ежегодное возобновленіе парламента;
- 3) содержаніе членамъ парламента, чтобы люди небогатые могли принять выборъ;
- 4) избраніе посредствомъ тайной баллотировки, чтобы устранить подкупы и застращиванія сильныхъ и вліятельныхъ людей;
- 5) равенство избирательныхъ округовъ и отмена избирательнаго ценза.

Оконнелъ, Юмъ, Атвудъ, ирландскій адвокат Оксноръ агитировали въ пользу этихъ требованій на митингахъ, въ печати и въ палатѣ общинъ. Въ Манчестерѣ въ пользу чартистовъ (или хартистовъ, т.-е. приверженцевъ народной хартіи) высказался митингъ, состоявшій изъ 300,000 человѣкъ, въ Ватѣ — митингъ изъ 40,000 женщинъ.

Центромъ дѣятельности чартистовъ былъ Бирмингемъ, гдѣ находился и комитетъ ихъ. Въ 1839 году этотъ комитетъ подалъ палатѣ общинъ «національное» прошеніе, снабженное 1.285,000 подписей. Эта полномѣсная просьба не была уважена, несмотря на всѣ представленія Атвуда и другихъ приверженцевъ хартіи. Но тѣмъ не менѣе пренія о ней въ парламентѣ доказали, что чартизмъ пріобрѣлъ уже силу и что интересы бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ принимаются въ сердцу многими просвѣщенными и высокопоставленными людьми. Рабочіе

взволновались по случаю неудачи, испытанной друзьями народа въ 1839 году, и съ трудомъ могли быть успокоены. Разсчитывая на свою многочисленность, чартисты, во время французской революціи 1848 года, сдѣлали новую попытку привлечь большинство въ парламентъ на свою сторону и обѣщали представить петицію съ 5.000,000 подписей. Но весь средній классъ съ такою рѣшимостію и съ такою силою возсталъ противъ этой попытки, что и на сей разъ всѣ усилія чартистовъ остались тщетными. Еще не настала часъ политическаго торжества четвертаго сословія.

Аристократы и буржуазія не допустили въ парламентъ представителей рабочаго класса, и этимъ самымъ возложили на себя нравственную обязанность позаботиться объ облегченіи участи неполноправныхъ, бѣднѣйшихъ классовъ общества. Вопросъ о науперимѣ и о средствахъ къ поднятію уровня благосостоянія рабочихъ классовъ, довольно серьезно поднятый въ парламентѣ еще въ 1776 году Жильбертомъ, былъ уже тогда предметомъ долгихъ и оживленныхъ преній. Въ то время бѣдныхъ было такъ много, что для вспомоствованія имъ требовалось ежегодно 1.720,316 фун. стерл. только въ одной Англіи, не считая ни Шотландіи, ни Ирландіи. Въ 1801 г. сума вспомоствованій возросла до 4.078,861 фун. стерл., при населеніи въ 9.000,000 душъ. Въ 1818 г. налогъ въ пользу бѣдныхъ простирался до *восьми милліоновъ фун.*, а въ 1833 г. былъ гораздо болѣе этой цифры *. Въ 1821 году въ Англіи, по вычисленію Жерандо, было 881,000 бѣдныхъ, пользовавшихся пособіемъ отъ государства, т.-е. одна тринадцатая всего населенія, въ 1831 г.—уже 1.276,620 человекъ, т.-е. слишкомъ *осмая* часть всего населенія. Но эти цифры не даютъ еще полнаго понятія о размѣрахъ нищеты, ибо кромѣ бѣдняковъ, пользовавшихся пособіемъ отъ государства, было весьма много работниковъ, которые, хотя и не прибѣгали къ государственной благотворительности, но по справедливости могли считаться круглыми бѣдняками.

Въ 1833 году парламентъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія бѣдствій рабочаго класса и для изысканія средствъ облегчить его участь. Факты, раскрытые этою комиссіею, способны привести въ содроганіе даже человекъ съ весьма крѣпкими нервами. Не рѣшаясь утомлять читателя подробнымъ изображеніемъ этихъ фактовъ, укажемъ лишь на самое существен-

---

* Въ 1818 г. населеніе Англіи не превышало 11¹/₂ милл., въ 1833—14 милл. душъ.

ное въ нихъ. Руководителемъ нашимъ будетъ, на этотъ разъ, Бюре, замѣчательное изслѣдованіе котораго, основанное на официальныхъ данныхъ и собственныхъ наблюденіяхъ, до сихъ поръ остается лучшею монографіею по статистикѣ и исторіи нищеты въ Западной Европѣ тридцатыхъ годовъ*.

Несмотря на громадную сумму, тратившіяся на вспоможеніе бѣднымъ, сотни тысячъ людей въ различныхъ городахъ и селеніяхъ Англіи томилась въ грязныхъ, нездоровыхъ помѣщеніяхъ, питались скудною, нездоровою пищею, одѣвались въ лохмотья, и не имѣли никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ поближе всмотрѣться въ великолѣпную столицу англійскаго народа, по справедливости славящуюся и въ тридцатыхъ годахъ чистотою своихъ улицъ, роскошью своихъ площадей и домовъ. Роскошны и красивы въ Лондонѣ аристократическіе кварталы: въ цѣломъ мірѣ едва-ли найдется другое мѣсто, подобное Вестъ-Энду по отношенію къ комфорту, блеску и роскоши. Но тотъ, кто покинетъ эту западную часть Лондона, кто покинетъ эти богатые улицы, обитаемыя лордами, джентльменами, банкирами и фабрикантами, и проникнетъ въ восточную его часть, служащую пристанищемъ для людей бѣдныхъ, тотъ увидитъ самое печальное и возмутительное зрѣлище. Въмѣсто щегольскихъ улицъ и зеленѣющихъ скверовъ Вестъ-Энда, встрѣчаются хижины полуразвалившіяся, улицы немощены, неосвѣщенны, вовсе неснабженны стоками, и площади тѣсны, узкія, представляющія собою сборище нечистотъ всякаго рода. Всего ужаснѣе въ этомъ отношеніи сѣверо-восточная часть Лондона, которую составляютъ три квартала: Бетналь-Гринъ, Спитальфильдъ и Уайтъ-Чепель. Въ 1833 году въ этихъ трехъ кварталахъ жило около 150,000 человекъ. Большая часть Бетналь-гринскаго квартала состоитъ изъ участковъ, сохранившихъ до сихъ поръ названіе садовъ (gardens). На этихъ участкахъ построено владѣльцами ихъ и спекуляторами безчисленное множество деревянныхъ домиковъ, имѣющихъ по большей части одинъ только этажъ и назначенныхъ для помѣщенія бѣдныхъ семействъ. Между этими хижинами, построенными изъ гнилыхъ досокъ, нѣтъ ни улицъ, ни канавъ для протока воды; на каждомъ шагу встрѣчаются кучи всякихъ нечистотъ, ани, наполненныя грязной и гниющей водою; предъ всякимъ домомъ непременно куча навоза; всюду соръ, грязь, зловоніе. Эти квар-

---

* De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, par Eugène Buret. 1840, Paris. Измеченіе изъ этой книги помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846, подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и нищеразмъ».

таки не подвергаются никакому надзору. Полиція не посѣщаетъ ихъ, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, не заботится о принятіи самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, составляющихъ необходимое условіе существованія всякаго образованнаго города. Жители этихъ мѣстъ предоставлены самимъ себѣ: здѣсь царствуетъ полнѣйшее *laissez faire*, какое только можно себѣ представить. Проходя по этимъ ужаснымъ кварталамъ, мы были поражены, говорить Бюре, злоупотребленіями собственности, которыя обнаруживались видомъ жилищъ, отдаваемыхъ вънаймы бѣднымъ. Мы были удивлены, какимъ образомъ собственники земли могли создать здѣсь, въ своихъ интересахъ, новую Ирландію среди англійской столицы. Собственники строятъ дома, назначаемые для бѣдныхъ, какъ попало, въ какомъ имъ вздумается порядкѣ, не оставляя между домами промежутка, необходимаго для проведенія улицъ, не уравнивая предварительно почвы, не сообразившись съ гигиеническими условіями мѣстности. Они строятъ деревянные *жилища, годная разетъ для помѣщенія животныхъ* *, и никакая власть не вмѣшивается въ это дѣло, несмотря на то, что въ Англійи существуетъ цѣлое законодательство о городскихъ постройкахъ. По истинѣ, бѣдность, въ наши дни, виѣ покровительства законовъ.

Неудивительно, что населеніе этихъ кварталовъ не пользуется ни здоровьемъ, ни долголѣтностію. По мнѣнію доктора Ке (1838), горячка — болѣзнь, свойственная тѣмъ кварталамъ Лондона, которые населены бѣдными; она свирѣпствуетъ въ нихъ постоянно и, подобно чумѣ, обнимаетъ дома и цѣлыя улицы. Едва лишь больной переходитъ въ больницу и умираетъ, какъ уже мѣсто его занимаетъ новымъ жильцомъ: нищета съ удивительною быстротою наполняетъ эти грязныя убѣжища. Особенно страшно дѣйствуетъ горячка, по преимуществу тифозная, въ послѣдніе годы, въ годы промышленныхъ кризисовъ, когда застой въ работахъ оставляетъ цѣлыя массы населенія почти безъ куса хлѣба.

Менѣ замѣтна, но, конечно, не менѣ ужасна другая болѣзнь, весьма распространенная между рабочими, это — чахотка, развитію которой способствуютъ какъ нездоровыя жилища, такъ и самая работа въ душныхъ, переполненныхъ народомъ, мастерскихъ. Кромѣ того, существуетъ множество занатій, которыя сами по себѣ, помимо другихъ неблагоприятныхъ условій, убійственно дѣйствуютъ на грудь рабочихъ.

* «Въ кварталѣ Shadwell, на правомъ берегу Темзы, жилища бѣдныхъ по отношенію къ частотѣ, гораздо хуже самыхъ грязныхъ хлѣбовъ, и за такіи-то жилища, многія семейства платятъ по 1½ шиллинга въ недѣлю» (Кору).

Другой рядъ болѣзней между рабочими имѣеть непосредственною причиною ихъ скудное содержаніе. Поденщикъ на выработанную имъ плату можетъ доставить себѣ въ недѣлю 122 унціи пищи, въ томъ числѣ 13 унцій мяса, между тѣмъ какъ преступникъ въ тюрьмѣ получаетъ 239 унцій пищи и въ томъ числѣ 38 унцій мяса. Пища, трудно варимая желудкомъ взрослого рабочаго, уже совершенно негодна для дѣтей; рабочіе совершенно лишены возможности давать дѣтямъ пищу, соответствующую ихъ возрасту. Мало того: существуетъ еще обычай, для успокоенія дѣтей, давать имъ водку и даже опиумъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, вообще неспособствующихъ здоровому развитію дѣтей, они страдаютъ расстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, оставляющихъ слѣды на всю жизнь. Расстройство пищеварительныхъ органовъ развиваетъ еще въ дѣтствѣ новыя болѣзни. Золотуха распространена между всѣми почти рабочими, и золотушные родители производятъ на свѣтъ золотушныхъ же дѣтей. Кромѣ того, отъ недостатка питанія тѣла во время развитія молодаго организма, является нерѣдко англійская болѣзнь.

Если ко всему сказанному присоединить плохую одежду, не защищающую отъ простуды, наконецъ, необходимость крѣпиться во время болѣзни до послѣдней степени, чтобъ не лишиться заработка, то не трудно будетъ вообразить, въ какомъ положеніи находится здоровье тѣхъ самыхъ рабочихъ, руками которыхъ совидается богатство Англій.

Не должно думать, чтобы Лондонъ, по отношенію своему къ бѣднымъ кварталамъ, составлялъ исключеніе изъ общаго правила: то, что мы видѣли въ Лондонѣ, встрѣчается во всѣхъ большихъ городахъ Англій. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Манчестеръ и Ливерпуль. Въ Манчестерѣ улицы, населенныя бѣдными рабочими, построены недавно, а потому онѣ, болѣею частію, отличаются шириной и правильностію. За исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ хижинъ, выстроенныхъ на берегу Медлока, наружность домовъ опрятна, прилична, даже красива. Вообще говоря, эти кварталы похожи на городъ, который былъ хорошо выстроенъ, но который портится и разваливается вслѣдствіе нерадѣнія жителей. Нѣкоторыя части Манчестера какъ будто не совершенно оконченны; народъ, привлекаемый сюда развитіемъ промышленности, прибываетъ такъ быстро, что спекуляторы не успѣвали строить достаточное количество домовъ. Между новыми пришельцами было весьма много ирландцевъ, которые, какъ извѣстно, неприхотливы. Поселившись въ балаганахъ, на скоро устроенныхъ спекуляторами на первое вре-

ма, они оставались въ этихъ импровизованныхъ жилищахъ навсегда. Они довольствовались всѣмъ, что находили, поселялись въ погребахъ, подъ лѣстницами.

До холеры (1831) никто въ Англіи не думалъ серьезно о гигиеническихъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ бѣдные. Во время холеры, боязнь, что эпидемія распространится отъ бѣдныхъ и на богатыхъ, побудила господствующіе классы позаботиться о санитарномъ состояніи бѣдныхъ кварталовъ. Въ Манчестерѣ произведено было изслѣдованіе, въ результатѣ котораго оказалось, что изъ 687 улицъ болѣе половины находилось въ самомъ неудовлѣтвительномъ состояніи: инья были вовсе не вымощены, въ другихъ воздухъ былъ совершенно спертъ, безъ движенія, весьма многія наполнены кучами нечистотъ и покрыты грязной, стоячею водою. Изъ 6,950 осмтрѣнныхъ домовъ болѣе половины находились въ самомъ жалкомъ состояніи, напоминая собою хижины Бетналь-Грича и Спитальфильдса. Всего ужаснѣе оказались тѣ пріюты, въ которыхъ нищія, бродяги, бездомные люди находятъ себѣ убѣжище по ночамъ — пріюты, одинаково гибельные какъ для здоровья людей, такъ и для общественной безопасности.

На ряду съ Манчестеромъ какъ по богатству, такъ и по нищетѣ, стоитъ Ливерпуль, насчитывавшій въ 1830 году около 280,000 жителей. Въ этомъ городѣ, гдѣ цѣлыя улицы состоятъ изъ дворцовъ, насчитано болѣе 7,800 погребовъ, населенныхъ работниками. Но въ это число не вошли еще погреба, въ которыхъ бѣдняки живутъ только ночью, не проводя тамъ дня, и тѣ подземелья, въ которыхъ помѣщаются питейныя заведенія. Темные, узкіе, грязные и сырые погреба Ливерпуля содержатъ въ себѣ пятую часть всего рабочаго населенія этого портоваго города, именно — около 40,000 человекъ.

Если вы хотите, говорить Бюре, составить себѣ понятіе объ этихъ погребахъ, то представьте себѣ дыру, занимающую поверхность отъ 10 до 12 квадр. футовъ и часто вмѣющую менѣе 6 англ. футовъ въ вышину. Въ этихъ берлогахъ никогда не бываетъ окошекъ; воздухъ и свѣтъ проникаютъ туда посредствомъ двери, верхняя перекладина которой находится на одной линіи съ поверхностью улицы. Въ эту яму, точно какъ въ колодезь, или спускаются по веревкамъ, или сходятъ по совершенно отвѣсной лѣстницѣ. Полъ погреба бываетъ обыкновенно покрытъ водою, грязью и всякимъ соромъ; вентиляціи тутъ никакой быть не можетъ, а потому помѣщенія эти отличаются сыростію. Иногда погребъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; заднее служитъ обыкновенно спальней; оно бываетъ, болѣею ча-

стію, совершенно темно; свѣтъ проникаетъ туда только изъ передней комнаты. Въ каждомъ такомъ погребѣ живетъ отъ 3 до 5 человѣкъ, и за такую квартиру платятъ обмѣновено не мѣнѣе двухъ шиллинговъ въ недѣлю. Вообще же въ Ливернулѣ находилось, въ тридцатыхъ годахъ, до пятнадцати тысячъ домовъ, дававшихъ весьма вредное, для здоровья людей, помѣщеніе.

Другіе многолюдные города Англіи, какъ-то: Поттингемъ, Ньюкестль, Глазго и проч. представляли, въ описываемое нами время, такое же множество дурныхъ помѣщеній, напоминающихъ скорѣе конюшни Авгіаса, чѣмъ человѣческія жилища. Въ Ньюкестлѣ на Тэнѣ, большинство населенія жило въ такой атмосферѣ, что свѣжій человѣкъ не могъ бы вынести ея даже въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Несправедливо было бы—говорить Бюре—думать, что въ такой грязи и бѣдности живутъ только лѣнныя и развращенныя люди. Въ жалкихъ хижинахъ и подземельяхъ всего чаще можно найти самыхъ трудолюбивыхъ людей, съ истиннымъ героизмомъ боровшихся противъ нужды и въ самую тяжкую минуту страдающихъ протянуть руку за милостивей и принять эту милостиню отъ государства или отъ частныхъ благотворителей. Нѣсколько типовъ такихъ честныхъ и благородно-гордыхъ страдальцевъ изобразилъ Бюре въ своей книгѣ о нищетѣ (*La misère des classes laborieuses*, p. 370—374 etc.).

Не въ однихъ городахъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, обитаетъ бѣдность. Въ деревняхъ она еще ужаснѣе: счастье для Англіи, что ея земледѣльческое населеніе составляетъ только третью часть всего числа жителей, иначе—Англія превратилась бы въ Ирландію. Въ этой странѣ не существуетъ сословія крестьянъ-собственниковъ, земледѣльцы здѣсь не что иное, какъ жалкіе поденщики, продающіе трудъ свой фермерамъ за самую дешевую цѣну. Спросъ на этотъ трудъ не всегда одинаковъ, слѣдовательно плата весьма измѣнчива, и работникъ нисколько не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Задѣльная плата въ земледѣліи такъ низка, что даже во время жатвы рабочій, цѣлый день занятый, едва себя пропитываетъ. Прежде, до конца XVIII столѣтія, существовалъ еще обычай у богатыхъ землевладѣльцевъ отдавать землю въ наймы мелкимъ фермерамъ-поселанамъ. Въ то время каждый такой поселанинъ имѣлъ свою корову, свинью и даже лопыть, огороженный заборомъ. Теперь же одинъ фермеръ хозяйничаетъ на пространствѣ, обработывавшемся прежде тридцатью арендаторами-поселанами, и нанимаетъ 29 жалкихъ

поденщиковъ, помѣщая ихъ въ хижины съ платою за квартиру по 60 шиллинговъ въ годъ.

Еще болѣе бѣдствуетъ земледѣльческое населеніе въ плодородной, нѣкогда цвѣтущей Ирландіи.

По вычисленію Нортонъ, поземельный доходъ Ирландіи простирается до четырехъ сотъ мил. франковъ. Изъ этой суммы работнику земледѣльцу остается, среднимъ числомъ, не болѣе 35 сантимовъ, или 8—9 копеекъ сер. въ день, ибо доходъ живущихъ въ Ирландіи землевладѣльцевъ оцѣнивается въ 100 милліоновъ, доходъ, наполовину отсутствующаго духовенства—въ 37½ мил., государственные налоги—въ 122½ мил., содержаніе «охраняющей» Ирландію арміи — въ 32 мил. франковъ. Остальная сумма распредѣляется между 6-ю милліонами ирландцевъ.

Голодъ въ Ирландіи—явленіе обыкновенное, ежегодно повторяющееся. Съ апрѣля по августъ, т.-е. со времени посѣва картофеля, до его созрѣванія, ирландцы ежегодно голодаютъ. Въ 1727 году примасъ Бутлеръ писалъ слѣдующее: «со времени моего прибытія, голодъ не прекращался между бѣдными, погибли многія сотни бѣдныхъ». Въ 1832 г., епископъ Дойль (Doyle), на вопросъ: каково положеніе народа въ Западной Ирландіи, отвѣтилъ: «по обыкновенію, умираетъ съ голоду» (people are perishing as usual). Коммисія, назначенная правительствомъ для изслѣдованія нуждъ ирландцевъ, въ 1835 г., утверждаетъ, что весьма многіе въ этой странѣ умерли голодною смертію (Poor Irish Inquiry. 10 vol. in-folio, citée par Buret, I, 204). По увѣренію этой коммисіи, около трехъ милліоновъ ирландцевъ находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Изъ всего сказаннаго можно составить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ нищеты въ Соединенномъ королевствѣ въ описываемую намъ эпоху. Точныхъ цифръ не дадутъ намъ, впрочемъ, и самые компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ.

То, что сказано было о матеріальной нищетѣ народныхъ массъ, можетъ послужить основаніемъ для выводовъ о моральныхъ условіяхъ ихъ быта. Дѣти бѣдняковъ рабочихъ—говоритъ Бюре — воспитываются весьма дурно. Никто не заботится объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣти рабочихъ, болѣею частію, блѣдны, худы, изнурены, живутъ и воспитываются на улицѣ, въ грязи; за ними никто не смотритъ, объ нихъ никто не думаетъ. Работники, съ трудомъ провармивая себя, видятъ нерѣдко въ дѣтяхъ только лишнюю тягость и стараются слишкомъ рано извлекать изъ нихъ матеріальную пользу. Ребенокъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ

уже работаетъ на фабрикѣ, или проситъ милостиню, или продастъ спички, ленты и всякую дрянъ; многіе же изъ ребятъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ начинаютъ привыкать къ обману, мошенничеству, воровству.

Число преступленій, совершенныхъ малолѣтними, весьма велико. Изъ официальныхъ документовъ, обнародованныхъ английскимъ правительствомъ, видно, что въ тюрьмахъ королевства содержалось въ 1838 году болѣе 12,000 преступниковъ, имѣвшихъ отъ роду менѣе двадцати лѣтъ. Малолѣтние составляли въ Лондонѣ 20%, въ Ливерпулѣ 23% всего числа преступниковъ. Во всей Англии обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ лицъ и противъ собственности было:

Въ 1814 году	6,930
» 1817 »	13,902
» 1825 »	14,437
» 1834 »	22,451
» 1838 »	23,612
» 1842 »	31,309

Замѣчательно, что между преступниками насчитывается болѣе 25% женщинъ.

Нищета почти всегда сопровождается двумя пороками: неоправданнымъ пьянствомъ. Человѣкъ, доходя до извѣстной степени бѣдности, перестаетъ бороться съ своимъ горемъ, впадаетъ въ апатію. Подъ гнетомъ лишеній, онъ ограничиваетъ постепенно свои потребности и доходитъ до того, что ограничивается желаніемъ сохранить свое физическое существованіе. Достигнувъ такого положенія, онъ заботится уже не о томъ, чтобы улучшить, а чтобы только забыть свое бѣдственное состояніе. Пьянство для огромнаго большинства бѣдныхъ есть необходимая потребность. Лавки съ распивочною продажей джина замѣняютъ бѣднымъ рабочимъ храмы и театры. Чѣмъ бѣднѣе въ городѣ кварталъ, тѣмъ больше въ этомъ кварталѣ мѣстъ для продажи вѣрныхъ напитковъ. Количество водки, потреблявшейся въ описываемое время, было:

Въ Англии	12.341,240	галлоновъ.
» Ирландіи	12.239,464	»
» Шотландіи	6.676,715	»

Образованіе низшихъ классовъ народа находилось въ весьма плачевномъ состояніи. По официальнымъ изслѣдованіямъ въ Англии тридцатыхъ годовъ, изъ 4.294,230 дѣтей отъ 3-хъ до 15-лѣтняго возраста, только 1.276,647 получали первона-

чальное образованіе, и притомъ такое несовершенное, что оно, въ болѣе части случаевъ, оказывалось бесполезнымъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что и семейная жизнь въ бѣднѣйшемъ классѣ находилась не въ благопріятныхъ условіяхъ. Получая ничтожную задѣльную плату, работникъ долженъ отпустить жену и дѣтей на фабрику, которая, въ описываемое время, убійственно дѣйствовала на нравственность работниковъ и работницъ. Число проституткоу въ Лондонѣ 1793 года было 50,000; въ тридцатыхъ же годахъ ихъ было до 80,000. Смертность между этими несчастными жертвами бѣдности и разврата такова, говоритъ Буре, что болѣзнь и самоубійство ежегодно сводитъ въ могилу по 8,000 проституткоу (Buret, I, 407 и 408). Лондонъ не составляетъ исключенія; и въ другихъ промышленныхъ городахъ можно встрѣтить подобныя же статистическія цифры.

Количество незаконнорожденныхъ въ Англіи 1835 года дошло до 71,298 (Шотландія и Ирландія не вошли въ расчетъ). Если послѣ этого года оно нѣсколько уменьшилось, то это слѣдуетъ приписать новому закону, на основаніи котораго на мать, а не на отца возложена была отвѣтственность предъ обществомъ за незаконнорожденнаго ребенка. Впрочемъ, въ сущности уменьшилось лишь число официально извѣстныхъ незаконныхъ рожденій; дѣйствительная же цифра осталась та же. Число дѣтубійствъ даже увеличилось.

Таково, въ общихъ чертахъ, положеніе большинства англійскаго народа въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Несмотря на громадныя успѣхи промышленности, удвоившей въ короткое время народный доходъ и обогатившей многихъ фабрикантовъ, несмотря на изобрѣтеніе многихъ машинъ, благосостояніе массы въ теченіе 50 лѣтъ (т. е. съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія) не возвысилось, даже упало. Ясно, что было о чемъ позаботиться друзьямъ народа; ясно, почему чартисты достигли такой популярности. Сами рабочіе стали лучше понимать свое положеніе, и умнѣйшіе изъ нихъ—энергичнѣе изыскивать средства къ облегченію своей участи. «Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ (1780—1830), говоритъ докторъ Кэ*, произошла перемѣна въ моральномъ и интеллектуальномъ положеніи рабочихъ. Прежде они считали свою бѣдность и свои страданія неизбѣжными, теперь они приписываютъ свои бѣдствія причинамъ политическимъ: они думаютъ, что перемѣны въ англійскихъ государственныхъ учрежденіяхъ могутъ улучшить ихъ бытъ. Агн-

* Dr. Kay у Буре, т. I, стр. 399 и слѣд.

тація чартистовъ существуетъ не со вчерашняго дня, она пришла много различныхъ формъ въ послѣдніа тридцать лѣтъ, и каждый разъ можно было видѣть, какъ легко увлечь невѣжественныя, недовольныя и страдающія массы. То принимались эти толпы устраивать заговоръ, стачку для возвышенія заработной платы, то разламывать машины. Агитація дѣлается съ каждымъ днемъ систематичнѣе, и нельзя надѣяться, чтобы этотъ духъ безпорядка успокоился самъ собою, или чтобы онъ могъ быть подавленъ силою. Чартизмъ, это социальное чудовище, грозитъ сдѣлаться еще болѣе страшнымъ.

«Мы не можемъ равнодушно смотрѣть на громадную физическую силу, приводимую въ движеніе людьми столь невѣжественными и столь «чуждыми принциповъ», какъ чартистскіе вожди. Если не дойдетъ дѣло до междоусобной войны, то, вѣроятно, по крайней-мѣрѣ, что собственности и личности подвергнутся насиліямъ, такъ что наши мануфактуры и наша торговля будутъ стѣснены, взаимное довѣріе будетъ подорвано, прочность политическихъ и социальныхъ учреждений ослабѣетъ. Чартисты умѣютъ пользоваться народнымъ суевѣріемъ для подкрѣпленія своихъ ученій; они употребляютъ тексты св. писанія, которыхъ невѣжественный народъ хорошо не понимаетъ. Бѣдность, по ихъ словамъ, это Лазарь на лонѣ Авраамовомъ,—довольство, это притѣснитель-богачъ, осужденный на вѣчное геенское пламя. Они находятъ мѣста въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, гдѣ говорится объ общеніи имуществъ, существовавшемъ у первыхъ христіанъ. На этихъ текстахъ они основываютъ свою социальную доктрину. Даже насильственнымъ поступкамъ находятъ они оправданіе въ священномъ писаніи» (*Dr Kay*, у Бюре, I, 399—401).

Но какъ ни мало одобряли доктрину чартистовъ солидные буржуа, все же они не могли отказать ей въ вѣрной постановкѣ политическаго и социальнаго вопроса, и главнымъ образомъ вопроса о пролетаріатѣ и пауперизмѣ. Если въ періодъ реставраціи выработано было европейскою мыслию что-либо дѣльное, серьезное въ моральной и политической сферѣ, то это конечно болѣе ясное, чѣмъ прежде, пониманіе интересовъ рабочаго люда и пониманіе солидарности всѣхъ классовъ общества, всѣхъ людей между собою. И этимъ обязана Европа всего болѣе продолжительному миру, прерывавшемуся несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествовавшіе низверженію Наполеона годы.

Чартисты подняли вопросъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ классовъ, но не рѣшили его; по крайней-мѣрѣ, рѣшили

не совершенно, по мнѣнію тогдашнихъ фабрикантовъ, аристократовъ и даже ученыхъ. Гдѣ же искать правильнаго рѣшенія?

Было время, и исторія хорошо его помнить, когда сама наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, обрекала одну часть рода человѣческаго на рабство, на грубыя, матеріальныя работы, другую же предназначала для свободы, для высшаго умственнаго и нравственнаго образованія, для всѣхъ добродѣтелей. Дабы общество могло выработать достаточное количество образованныхъ и свободныхъ гражданъ, необходимо — думали древніе — чтобы масса рабовъ и неполноправныхъ ремесленниковъ работала на этихъ избранныхъ счастливицевъ. Но еслибы тѣмъ же древнимъ было доказано, что всѣ люди, безъ изыатія, могутъ когда нибудь достигнуть и матеріальнаго благосостоянія, и свободы, и добродѣтелей, свойственныхъ свободному человѣку, что будутъ изобрѣтены машины, въ тысячи и тысячи разъ облегчающія человѣческій трудъ, что вопарется въ міръ религія мира, правды и любви, которая соединитъ всѣхъ людей, какъ братьевъ, что дармоѣдство и эксплуатація человѣка человѣкомъ будутъ изгнаны и уступятъ мѣсто самоотверженной дѣятельности каждому изъ людей для общей пользы; еслибы, повторю, все это было доказано древнимъ, то, конечно, нѣкто изъ нихъ не сталъ бы оправдывать рабства и считать его вѣковѣчнымъ учрежденіемъ. Въ тѣхъ странахъ древняго міра, въ которыхъ потребности были скромнѣе, вся жизнь была проще и природа не совершенно скупа, рабства и не существовало: не имѣли рабовъ многіе кочевые народы, не знали рабства и евреи въ самую лучшую пору своей исторической жизни. Но въ большей части древняго міра существовало это учрежденіе, и оттого оное распался.

Явилось христіанство, провозгласившее отиѣну рабства, возвѣстившее братство и равенство всѣхъ людей. Эта святая проповѣдь свободы, равенства и братства распатала основы древняго міра, покоившагося на привилегіяхъ, на порабощеніи большинства меньшинствомъ полноправныхъ гражданъ; но возникшія на развалинахъ римской міровой имперіи государства оказались бессильными провести въ жизнь принятый ими христіанскій принципъ. Рабство, правда, въ нѣсколько смягченной формѣ, организовалось и въ средневѣковыхъ государствахъ. Чтобы обставить роскошью жизнь нѣсколькихъ тысячъ блестящихъ, чистокровныхъ рыцарей, совмѣщавшихъ въ себѣ всю сумму тогдашней свѣтскости и любезности, миллионы вѣрнопослушныхъ людей, лишеныя возможности хорошо развить свой умъ и нравственное чувство, должны были работать въ потѣ лица, ни днемъ

ни ночью не знать покоя. Древніе справедливо говорили: «начальную долю рабства давъ въ удѣлъ человеку, Зевсъ отнимаетъ у него вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую половину его доблестей». Понятно, что въ массѣ крѣпостныхъ ихъ зависимое положеніе не могло развить высокихъ гражданскихъ добродѣтелей. Только немногіе изъ нихъ, пользуясь выгодой своей мѣстности и занявшись какими нибудь промыслами, могли оградить себя отъ произвола владѣльцевъ, окружить свое селеніе крѣпкими стѣнами, создать въ немъ самостоятельную городскую общину и противопоставить господствующему феодальному сословію фалангу мужественныхъ, доблестныхъ гражданъ. Раньше другихъ странъ свободное городское сословіе выработалось въ Италіи, Нидерландахъ и Англіи.

Но масса народа продолжала пребывать въ зависимости, бѣдности и нравственномъ убожествѣ. Въ Англіи раньше чѣмъ гдѣ-либо крѣпостные поселане получили свободу, но съ свободой они не приобрѣли прочной осѣдлости, собственности. Не имѣя участія въ политической жизни страны, масса народа терпѣливо сносила гнетъ высшихъ классовъ, которые пользовались каждымъ случаемъ, чтобы часть государственныхъ повинностей сложить съ себя на народъ. Всѣ войны среднихъ вѣковъ и новаго времени велись, главнымъ образомъ, на счетъ низшихъ, рабочихъ классовъ общества. Главнымъ налогомъ всегда былъ налогъ на предметы, необходимые для каждаго: на хлѣбъ, на мясо, на соль и проч. Хлѣбная пошлина была въ Англіи особенно отягчительна, ибо въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживала цѣну хлѣба на искусственной высотѣ.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи и въ бытѣ ея рабочихъ классовъ произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ, ткацкихъ и прядильныхъ станковъ. Пова не было машинъ, и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами поодиночкѣ. Усовершенствованіе ткацкихъ станковъ и примѣненіе къ нимъ пароваго двигателя способствовало необыкновенному усиленію промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ принудило многихъ работниковъ изъ самостоятельныхъ мастеровъ сдѣлаться совершенно зависимыми поденщиками на фабрикѣ. При существованіи машинъ, одиночная работа перестала быть выгодною, мало по малу она была совершенно подорвана машиннымъ производствомъ, которое, по своей простотѣ и дешевизнѣ, дало фабрикантамъ возможность понижать цѣну на товары. Волей-неволей мастеру приходилось дѣлаться наемникомъ. Сначала рабочимъ на фабрикахъ давали

еще хорошую плату, но, благодаря быстрому приливу населенія въ промышленные округа, эта плата быстро и весьма сильно понижалась. Положеніе рабочихъ сдѣлалось безвыходнымъ, и конкуренція между капиталистами-фабрикантами не только не служила къ улучшенію быта рабочихъ, но еще болѣе ухудшала его. Конкуренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить; такимъ образомъ товары упали въ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижалась и заработная плата. Масса бѣдныхъ пролетаріевъ, неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ, увеличилась.

Рабочіе могли бы еще конкурировать съ промышленниками-капиталистами, еслибы сгруппировались въ артели, въ кооперативныя ассоціаціи, подобно благоразумнѣйшимъ изъ рабочихъ нинѣшняго времени. Но у нихъ не было на столько умственного развитія, чтобы придумать и приложить къ дѣлу это средство; они не были подготовлены къ борьбѣ, образованные же классы не хотѣли или не могли помочь имъ. Землевладѣльцамъ и фабрикантамъ до рабочихъ не было дѣла: имъ нужно было только покупать товаръ, называемый работою, какъ можно дешевле; они и не подозревали, сколько гора потерпитса Англія отъ язвы пауперизма; они недостаточно ясно сознавали, что величіе и сила страны несомнѣсны съ бѣдностію народныхъ массъ.

Были, правда, друзья человѣчества, заботившіеся о просвѣщеніи простаго народа; ихъ великодушію и самоотверженію Англія обязана основаніемъ школъ для бѣдныхъ, начало распространенія которыхъ восходитъ къ половинѣ XVIII вѣка, устроеніемъ воскресныхъ школъ (съ 1784 г.) и школъ взаимнаго обученія (съ 1798 г.); но эти попытки были каплею въ морѣ эгоизма и равнодушія къ народнымъ нуждамъ. Правительство Англіи, употребившее на военныя надобности многія сотни милліоновъ фунтовъ стерл. въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, не находило возможнымъ удѣлять на народное образованіе хотя бы ничтожную сумму: всю эту важную отрасль народнаго труда оно предоставило частной инициативѣ. Извѣстно, что народныя школы не могутъ давать хорошаго процента на затраченный капиталъ, а потому мало кто, кромѣ людей, проникнутыхъ филантропическимъ чувствомъ, рѣшался открывать ихъ.

Можно прямо сказать, что образованіе простаго народа вовсе не было въ видахъ правительства и господствовавшей въ странѣ партіи торіевъ. Торіи были убѣждены, что хорошее воспитаніе и образованіе не можетъ научить народъ уважать тѣ учрежденія, которыя создали и поддерживаютъ нищету; они знали, что, при хорошемъ образованіи, народъ пойметъ всю несостоя-

тельность политической и социальной системы, обрекающей миллионы людей на жизнь бездомных пролетариевъ, требующей, чтобы трудъ бѣдныхъ людей покупался быль какъ можно дешевле. Желая быть послѣдовательными, крайніе торіи до самаго послѣдняго времени противятся всякимъ реформамъ въ смыслѣ прочнаго образованія народа; они хотятъ, чтобы для массы оставался лишь выборъ между совершеннымъ невѣжествомъ и библейскою исторіей, объясненною надежнымъ, въ торійскомъ смыслѣ, духовнымъ лицомъ. До самаго 1830 года, то-есть до того времени, когда могущество торіевъ поколебалось, правительство воздерживалось отъ всякихъ жертвъ въ пользу народнаго образованія; въ 1833 году оно начало уже дѣлать нѣкоторыя пособія народнымъ школамъ, наконецъ, въ 1839 г. учреждено было «Бюро образованія» (Board of education), которое могло ежегодно употреблять на поддержку школъ до 30,000 фунтовъ стерл.

Результаты такой политики не трудно было предвидѣть. Несмотря на необыкновенное развитіе промышленности въ Англіи, несмотря на увеличеніе размѣровъ фабричнаго производства въ началѣ XIX столѣтія, число бѣдныхъ въ этой странѣ увеличилось до того, что государство, для вспоможенія имъ, должно было, какъ мы видѣли, ежегодно тратить около восьми милл. фунт. стерл. (около 200 мил. франк.)*. И при такой громадной цифрѣ подавнй, города и селенія Англіи представляли весьма печальную картину бѣдности и невѣжества рабочаго класса.

Что же сдѣлали высшіе, просвѣщеннѣйшіе классы англійскаго общества для устраненія зла? Не углубившись въ самую сущность, въ самыя причины зла, они — эти просвѣщенные классы общества — стали ратовать противъ его послѣдствій. Видя, что милостыня, раздаваемая бѣднымъ, достигла страшной цифры, что часть ея попадаетъ въ карманы инспекторовъ по благотворительной части, или пропивается самими бѣдняками, они уменьшили официальную милостыню и обставили ея полученіе такими тяжелыми условіями, что не всякій могъ рѣшиться принять ее. «Бѣдность есть тяжкій проступокъ, за котораго виновный долженъ быть наказанъ» — вотъ принципъ, положенный въ основу новаго закона о бѣдныхъ (1835 г.). По этому закону, помощь на дому прекращается; лица же, нищета которыхъ доказана, должны

---

* Уже въ 1818 году Робертъ Овенъ доказывалъ, что изобрѣтеніе, во второй половинѣ XVIII вѣка, механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ увеличило промышленную производительность Англіи въ двѣдцать разъ. (Соч. Добролюбова. IV, 40).

идти въ рабочій домъ (Work house) и тамъ искупать свой грѣхъ, бѣдность, тяжкими принудительными работами. За неимѣніемъ полезныхъ занятій, бѣдняки, осмѣлившіеся прибѣгнуть къ общественной благотворительности, должны иногда вертѣть по цѣлымъ днямъ жернова на ручной мельницѣ — то-есть исполнять трудъ, на который древніе осуждали провинившихся въ чемъ-нибудь невольниковъ. Семья своей бѣднякъ въ рабочемъ домѣ не видѣть, ибо жена его помѣщается въ особомъ отдѣленіи, дѣти — въ особомъ. Пища самая скудная, совершенно недостаточная для здороваго человѣка, обращеніе самое суровое. Словомъ, употреблены всѣ мѣры для того, чтобы возбудить въ рабочихъ полнѣйшее отвращеніе къ общественной благотворительности. Лишившіеся заработковъ, бѣдняки весьма неохотно поступаютъ въ рабочій домъ, и только невыносимая, жгучая нужда можетъ ихъ къ тому принудить; чтобы избѣжать этой благотворительной тюрьмы съ ея безцѣльнымъ, принудительнымъ трудомъ, рабочіе готовы принимать отъ хозяевъ самыя невыгодныя условія.

Болѣе важныхъ мѣръ къ уничтоженію нищеты правительство не предприняло; оно предоставило самому пролетарію собственными силами выбиваться изъ бѣдственнаго положенія. «Мы не виноваты — такъ разсуждали господствующіе въ Англіи классы общества — мы не виноваты въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ рабочими; винить во всемъ слѣдуетъ историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь англійскаго общества; современное поколѣніе искупаетъ ошибки и грѣхи предковъ».

Конечно, грѣхи и ошибки предковъ тягостны и для потомства; еслибы въ былыя времена больше сдѣлано было для благосостоянія и образованія народныхъ массъ, то простому народу жилось бы теперь легче: но все же должно сказать, что лишеній и страданій досталось по наслѣдству гораздо больше простому народу, чѣмъ аристократіи и буржуазіи. Въ рукахъ землевладѣльческой и промышленной аристократіи сосредоточились всѣ земли, всѣ капиталы, все политическое и моральное вліяніе. Ясно, что такія преимущества налагали на нихъ извѣстный рядъ обязанностей относительно бѣднѣйшихъ классовъ общества. Во всѣ времена сильныя, лучшіе люди сознавали свою нравственную обязанность оказывать поддержку слабымъ; сознается она многими и въ нашъ вѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ еще поклонниковъ теоріи, провозгласившая, что слабыя должны быть предоставлены самимъ себѣ, что поддерживать ихъ значитъ несагать на ихъ нравственную свободу. Предоставьте общественную жизнь ея собственному теченію, и тогда сама собою устроится желанная гармонія интересовъ всѣхъ людей. Безспорно, принципъ свободы

личности долженъ быть положенъ въ основу общественной жизни; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же заперать для представителей рабочаго народа двери парламента, зачѣмъ лишать большинство народа политическихъ правъ? Чтобы свобода личностей и соперничество ихъ принесли желанную пользу, необходимо, чтобы силы или, по крайней-мѣрѣ, права личностей были уравнены. Скажутъ: народъ не можетъ пользоваться политическими правами, онъ будетъ злоупотреблять ими, ибо еще очень невѣжественъ. Но когда же онъ сдѣлается просвѣщеннымъ? какими средствами? Опытъ показалъ, что въ массахъ народа очень много силъ воли, много самоотверженія для того, чтобы выбиться изъ нищеты, доказательствомъ могутъ служить многочисленныя общества рабочихъ, составляющіяся въ Англии для взаимнаго вспоможенія, для общаго потребленія, для совокупнаго производства. Невозможно вычислить, сколько лишены добровольно вынесли рабочіе для того, чтобы, откладывая по копейкамъ изъ своего скуднаго заработка, составить потребный капиталъ для организаціи всѣхъ этихъ обществъ, увеличивающихся съ каждымъ годомъ; нельзя надвинуться энергіи, съ какою они работаютъ для коллективныхъ интересовъ. Но именно для просвѣщенія своего они дѣлаютъ всего менѣе, по той простой причинѣ, что, чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше онъ чувствуетъ нужду въ просвѣщеніи. Иначе и быть не можетъ. Вотъ почему лучшіе, образованнѣйшіе люди въ каждомъ государствѣ сознаютъ свою великую обязанность способствовать просвѣщенію народныхъ массъ. Необходимо только при этомъ, чтобы въ основу образованія положены были не феодальныя, не средневѣковыя моральныя и политическія воззрѣнія, а начала гуманной, христіанской нравственности и политики. Необходимо также, чтобы содѣйствіе образованнѣйшихъ классовъ общества невѣжественнымъ не имѣло характера милостыни, подачки, а было плодомъ твердаго внутренняго убѣжденія. Необходимо, чтобы каждый членъ общества пришелъ къ сознанію, что интересы всѣхъ людей солидарны между собою, что невозможно пользоваться благосостояніемъ матеріальнымъ и духовнымъ, и въ то же время равнодушно смотрѣть, какъ миллионы людей гибнутъ въ нищетѣ и невѣжествѣ; необходимо сознавать, что общество существуетъ для возможно-полнаго благосостоянія всѣхъ и каждаго.

Всѣ эти условія не представляютъ собой ничего невозможнаго. Никогда и никто серьезно не отрицалъ существованія въ человѣкѣ симпатіи, чувства любви къ ближнимъ. Всѣ законодатели, болѣе или менѣе, опирались на эту симпатичную сторону человѣческой природы; ею поддерживается общество. Но можно возразить:

«Принципъ христіанской любви къ ближнимъ, конечно, долженъ служить основою какъ частной, такъ и общественной жизни; онъ и примѣняется болѣе или менѣе; желать большаго, значить впадать въ область утопіи». Отвѣтомъ на эти слова можетъ служить жизнь одного замѣчательнаго человѣка, посвятившаго себя благу бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ; я говорю о Робертѣ Овенѣ.

Овенъ родился въ 1771 году въ Ньютонѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Въ ранней молодости онъ посвятилъ себя торговлѣ и, не получивъ основательнаго научнаго образованія, восполнилъ этотъ недостатокъ тщательнымъ изученіемъ практической жизни. Своею дѣятельностію, честностію, настойчивостію въ трудѣ Овенъ приобрѣлъ уваженіе всѣхъ, кто только зналъ его. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ женился на дочери одного манчестерскаго фабриканта Дэла, который принялъ его въ компаніоны по большой ньюльнаркской фабрикѣ, на берегахъ Клейда въ Шотландіи. Фабрика находилась въ самомъ плачевномъ положеніи; не было въ ней ни богатствъ, ни цвѣтущей индустріи. Рабочее населеніе этой мѣстности было крайне грубо, бѣдно, невѣжественно; это былъ всякій сбродъ, оказавшійся негоднымъ въ трехъ королевствахъ, составляющихъ Англію.

Главною задачею своею Овенъ поставилъ вырвать рабочихъ изъ ихъ плачевнаго положенія. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно было сперва рѣшить вопросъ: по своей винѣ сдѣлались рабочіе дурными, или по причинамъ, независящимъ отъ ихъ воли? Рѣшивъ вопросъ этотъ въ послѣднемъ смыслѣ, Овенъ пришелъ къ убѣжденію, что улучшить нравственность людей, съ которыми свела его судьба, можно только устраненіемъ причинъ, отъ которыхъ они сдѣлались дурными. А такъ-какъ, наказанія и стѣсненія дѣйствуютъ не на причину зла, а на его слѣдствіе, то онъ отвергъ всякое наказаніе (равно какъ и награды), и сталъ дѣйствовать на рабочихъ только своимъ добрымъ примѣромъ, взаимнымъ поощреніемъ, благопріятною окружающею средою, особенно же неистощимою личной добротою своею, безпредѣльною любовью къ ближнимъ, которою былъ проникнутъ. Скоро обнаружались прекрасные плоды такого воспитанія. Видя, что хозяинъ ихъ не обманываетъ, рабочіе получили къ нему довѣріе; они не только не препятствовали Овену парализовать вредныя дѣйствія содержателей кабаковъ, старавшихся спавать народъ, но и сами помогали ему. Пьянство было изгнано, и стало считаться великимъ порокомъ въ Нью-Денэргѣ. Уровень нравственности возвысился, рабочіе стали бережливѣе, богаче, получая почти прежнюю плату; фабричное дѣло пошло отлично,

доходы фабриканта увеличились необыкновенно. Давая рабочимъ задатки, Овэнъ поощрялъ ихъ къ закупкѣ нужныхъ припасовъ большими количествами и къ обширному хозяйству съобща.

Кромѣ прядильной фабрики, въ Нью-Лэнэргѣ были и другія мастерскія. Для удобства всѣхъ рабочихъ этой мѣстности, Овэнъ устроилъ на свой счетъ училище на 600 воспитанниковъ, гдѣ система его имѣла такіе же благіе результаты. Дѣти учились основнымъ началамъ практическихъ наукъ, изощрили эстетическое чувство свое пѣніемъ, музыкой, и приобрѣтали тѣлесную крѣпость гимнастическими упражненіями. Воспитанники не получали ни наградъ, ни наказаній, не приобрѣтали также никакихъ свѣдѣній въ катехизисѣ и, несмотря на то, были примѣромъ доброй нравственности и прилежанія. Уже по истеченіи четырехъ лѣтъ, колонія отличалась благосостояніемъ и образованіемъ. Тысячи путешественниковъ ежегодно посѣщали счастливое селеніе и дивились созданію Овэна. Самъ русскій императоръ Николай I, посѣтившій Овэна, не могъ отказать ему въ удивленіи и сочувствіи.

Ободренный успѣхомъ, Овэнъ выступилъ теоретическимъ и практическимъ реформаторомъ общественныхъ отношеній. Прежде всего обнародовалъ онъ (въ 1812 г.) свои воззрѣнія въ брошюрѣ: «Объ образованіи человѣческаго характера». «Человѣкъ — говоритъ въ ней Овэнъ — во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ. Полной, абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому человѣкъ не можетъ нести отвѣтственности за то, что у него дурной характеръ и ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ, и всѣ практическія послѣдствія развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствію тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ». Итакъ, по воззрѣнію Овэна, нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ, достойныхъ казни; есть только несчастные, не получившіе достаточно хорошаго воспитанія, окруженные съ дѣтства дурными примѣрами, словомъ люди, не имѣвшіе возможности выработать въ себѣ честный характеръ. Добродѣтельные же люди, это счастливыя, получившіе отъ Бога сердце, воспримчивое ко всему доброму и прекрасному, да къ тому же и окруженные благоприятными условіями для выработки въ себѣ чистаго, добраго характера. Какъ

первыя не заслуживаютъ казней, такъ послѣдніе — вѣнскихъ ваградъ. Не наказывать, а исправлять слѣдуетъ порочныхъ и преступныхъ людей, а исправить ихъ можно только давъ имъ умственное и нравственное образованіе, приучивъ ихъ къ труду, словомъ измѣнивъ обстановку ихъ жизни. Въ другомъ своемъ сочиненіи, представленномъ ахенскому конгрессу, Овэнъ предлагаетъ нѣкоторыя практическія мѣры, могущія облегчить участь рабочихъ во всей Европѣ. По его мнѣнію, необходимо отказаться отъ огромныхъ, чисто-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющее вліяніе на массу рабочаго населенія. Въмѣсто ихъ Овэнъ предлагаетъ завести небольшія общины, которыя были бы устроены на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата, избавивъ массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекуляторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ, Овэнъ указывалъ на Нью-Лэнэргъ. Но ахенскій конгрессъ былъ слишкомъ занятъ различными дипломатическими вопросами и не имѣлъ времени подумать объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ. Проектъ остался безъ послѣдствій на конгрессѣ.

Съ 1818 года начинается для реформатора жестокая борьба, вмѣсто того триумфа, которымъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Заявляя требованіе объ уменьшеніи числа часовъ работы на фабрикахъ и объ опредѣленіи возраста, раньше достиженія котораго нельзя принимать дѣтей на фабрику*, Овэнъ не имѣлъ еще особенно большихъ непріятностей; но требованіе безусловной религіозной терпимости въ школьномъ преподаваніи возмутило клерикаловъ и приверженцевъ высокой (англиканской) церкви.

Робертъ Овэнъ могъ искать себѣ поддержки въ радикальной партіи, но и тутъ повредила ему прямота и откровенность. Въ простотѣ сердца онъ имѣлъ смѣлость объяснить равнителямъ, что замышляемая ими парламентская реформа неважна, что она недостаточна для облегченія бѣдствій народныхъ массъ.

Основавъ въ Шотландіи, Ирландіи и Англии нѣсколько новыхъ колоній по образцу нью-лэнэрской общины, Овэнъ удался въ

---

* Овэнъ требовалъ, чтобы дѣти ранѣе десятилѣтняго возраста не были принимаемы на фабрики, и чтобы дѣти, принятые на фабрики, работали не болѣе десяти часовъ въ день.

Америку, думая тамъ найти больше религіозной терпимости, больше людей, способныхъ осуществить его принципы. Основная имъ на рѣкѣ Вэбашѣ (въ штатѣ Индіанѣ) колонія долгое время процвѣтала; несмотря на то, что на кличъ реформатора въ Нью-Гармони собрался народъ самый ненорченный, Овэнъ умѣлъ образовать изъ него хорошихъ рабочихъ. Особенно дѣти быстро измѣнялись къ лучшему. У Овэна были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться дружной и старательной земледѣльческой работы. Горсть образованныхъ людей, послѣдовавшихъ за Овэномъ, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давались балы, концерты, вечера; самыя нивкія работы перемѣщивали съ самыми деликатными. Овэнъ слишкомъ поторопился, слишкомъ понадѣялся на правоту своихъ взглядовъ, и потерпѣлъ въ Нью-Гармони неудачу. Онъ убѣдился, что не всѣ усвоили его ученіе, что въ колоніи образовались ватага лѣтателей, старавшихся только воспользоваться выгодами общинной жизни, отклонявъ отъ себя ея обязанности. Увидавъ, что расходы не покрываются доходами, Овэнъ закрылъ предприятие, отказавшись отъ вознагражденія за свои затраты на него. Скоро встрѣтилъ Овэнъ новыя неприятели: онъ долженъ былъ выдержать борьбу съ методистомъ фанатикомъ Кэмпбелемъ, путешествовавшимъ по Америкѣ и проповѣдывавшимъ крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей.

Не найдя поддержки, даже терпимости въ Америкѣ, реформаторъ возвратился въ Европу. Здѣсь онъ узналъ, что основанное имъ въ Лондонѣ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно стремилось къ осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Глазго и другихъ городахъ учреждены были отдѣленія этого общества. Вскорѣ основана была новая колонія, на началахъ Овэна, близъ Дублина, подъ управленіемъ Комба. Колонія эта процвѣтала до 1827 г., то-есть до смерти Комба.

Съ 1829 года реформаторъ сталъ встрѣчать особенно сильный отпоръ своей пропагандѣ въ высшихъ слояхъ общества. Союзниками его остались одни лишь рабочіе, да и между ними весьма немногіе понимали сущность новаго ученія. Въ послѣдніе годы жизни Овэнъ ограничился пропагандою своихъ идей посредствомъ публичныхъ чтеній и брошюръ. И въ этомъ онъ былъ неутомимъ; число рѣчей, имъ сказанныхъ, считается тысячами.

Какъ ни мало нашелъ реформаторъ послѣдователей между высшими, образованными классами общества, все же мысль его

не умерла: ей обязана Англія большею частію существующихъ нынѣ многочисленныхъ рабочихъ ассоціацій.

Овэнъ не имѣлъ полнаго успѣха, но не потому, что его идеи несостоятельны, а потому лишь, что противъ него возстали представители уворенившихся привилегій и злоупотребленій; а въ средѣ рабочихъ онъ не нашелъ достаточно просвѣщенныхъ помощниковъ.

Усиленная работа общества надъ вопросомъ объ улучшеніи быта народныхъ массъ способствовала нѣкоторымъ замѣчательнымъ преобразованіямъ въ податной системѣ Англіи. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Англія нашла средство значительно удешевить самый необходимый для каждаго товаръ — хлѣбъ.

До XV столѣтія заграничный хлѣбъ былъ запрещенъ къ привозу въ Англію; въ слѣдующія за тѣмъ столѣтія онъ обложенъ былъ высокими пошлинами. Въ XVIII вѣкѣ хлѣбъ допущенъ былъ къ привозу только въ томъ случаѣ, когда на туземномъ рынкѣ онъ достигалъ 57 шиллинговъ за квартеръ*. Но и этого показалось землевладѣльцамъ мало. Въ 1815 году, когда страна была весьма истощена, когда государственный долгъ ея возросъ до 840 милліоновъ фунтовъ стерл., а проценты долга до 32 милліоновъ фунт.; въ то время, когда пауперизмъ въ Англіи достигъ весьма видныхъ размѣровъ, изданъ былъ законъ, охарактеризованный названіемъ «голоднаго закона» (Famine law), дозволявшій ввозъ хлѣба изъ чужихъ краевъ лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна пшеницы на туземномъ рынкѣ достигнетъ *восемьдесяти шиллинговъ* за квартеръ. Благодаря этому закону, землевладѣльцы увеличили въ своихъ имѣніяхъ арендную плату, и въ теченіе 15-ти лѣтъ доходъ съ имѣній упалъ, между тѣмъ, какъ поземельный налогъ оставался такъ же низокъ, какъ и прежде. Народъ поднималъ по временамъ ропотъ противъ хлѣбнаго закона, и министерство Каннинга сдѣлало уступку народнымъ требованіямъ, допустивъ почти беспошлинный привозъ хлѣба при 73 шиллингахъ за квартеръ. Но аристократамъ не нравилась эта уступка, вынужденная у нихъ Каннингомъ послѣ долгой борьбы. Какъ только Каннингъ умеръ, хлѣбный законъ былъ восстановленъ во всемъ прежнемъ своемъ безобразіи.

Терпѣніе народа истощилось, и онъ обнаружилъ наконецъ признаки политической жизни. Послѣ 1828 года къ прежнимъ обществамъ, агитировавшимъ противъ хлѣбнаго закона, присоединилось много новыхъ, особенно когда ту же цѣль стала преслѣ-

---

* За квартеръ пшеницы.

довать такъ-называемая манчестерская партія, то-есть партія приверженцевъ свободной торговли и дешевизны во что бы то ни стало.

Въ 1838 году во всей Англии произошелъ сильнѣйшій финансовый кризисъ, вызвавшій страшную дороговизну и закрытіе многихъ фабрикъ. Къ этому присоединился еще двухгодичный неурожай. Во всей Англии былъ страшный голодъ, рабочіе были въ отчаяніи и громко выражали свое неудовольствіе противъ правительства. На одномъ митингѣ въ Манчестерѣ высказано было, между прочимъ: «Хлѣбные законы изданы были противъ воли народа, вопреки его протестамъ, и если существуютъ до настоящаго дня, то потому лишь, что противъ нихъ не производилось никакой сильной, исходящей отъ самаго народа агитаціи». Въ томъ же году, по инициативѣ Кобдена, Смита и Боуринга, основана была обширная ассоціація для противодѣйствія стѣсненіямъ хлѣбной торговли. Въ 1839 году Кобдену удалось убѣдить манчестерскую торговую палату пожертвовать для цѣлей ассоціаціи 3,000 фунтовъ стерлинговъ. Эти 3,000 ф. сдѣлались основнымъ капиталомъ лиги.

Имѣя въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя денежные средства, Кобденъ собралъ въ Манчестерѣ депутатовъ отъ всѣхъ ассоціацій противъ хлѣбнаго закона и съ ними отправился въ Лондонъ, чтобъ поддержать члена нижней палаты Вилльерса, наиѣревавшагося склонить парламентъ къ отмиѣнѣ ненавистнаго народу закона. Въ назначенный заранѣе день Вилльерсъ представилъ свою петицію, покрытую 10,000 подписей, и въ то же время предложилъ палатѣ «выслушать такихъ свидѣтелей, которые могли бы сдѣлать ей полезныя сообщенія касательно жалобъ, изложенныхъ въ петиціи».

Но палата не пожелала выслушать никакихъ полезныхъ сообщеній и два раза отвергла прошеніе Вилльерса. Депутаты ассоціацій возвратились въ Манчестеръ, гдѣ состоялся новый митингъ. Кобденъ уговаривалъ депутатовъ не унывать и сказалъ между прочимъ: «образуйте великую лигу противъ несправедливостей нашей феодальной аристократіи, и пусть развалины замковъ на Рейнѣ и Эльбѣ укажутъ нашимъ противникамъ на ту участь, которая ожидаетъ ихъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать дѣйствовать наперекоръ интересамъ промышленныхъ классовъ. Пусть нашъ союзъ зовется лигою противъ хлѣбнаго закона (anticorn law league). Аристократы стали дѣйствовать противъ агитаторовъ ихъ же средствами: они образовали союзъ подъ именемъ Central Agricultural society of Great Britain and Ireland. Въ изданномъ ими, по этому случаю, манифестѣ гово-

рится между прочимъ: «представители земледѣльческихъ интересовъ не должны терять ни минуты, для противоудѣствія губельнымъ планамъ лиги «противъ хлѣбнаго закона». Какъ бы презрѣнны ни были матеріалы, изъ которыхъ составлялась эта лига—исватели приключеній, неизмѣннѣ никакихъ принциповъ, социалисты, имѣющіе черезчуръ высокое о себѣ понятіе— всѣтаи было бы безуміемъ не сознаться въ томъ, что непрерывная агитація этихъ людей можетъ повести рано или поздно къ великому злу. Лига употребила возможныя средства для того, чтобы отравить потокъ общественнаго мышленія и чувствованія. Чтецы ея снуютъ по всей странѣ и проповѣдуютъ о «гнусности» землевладѣльческой монополіи. Хотя эти люди суть не что иное, какъ пустыя головы, однако ложь и бредни ихъ могутъ въ концѣ концовъ показаться истинами, если не вызовутъ противоудѣствія. Землевладѣльческимъ интересамъ, въ видахъ самосохраненія, остается только прибѣгнуть къ тактикѣ противниковъ, т.-е. образовать союзъ, распространять брошюры, разсылать по всей странѣ многочисленныхъ чтецовъ и т. д.»

Съ конца 1842 г. агитація противъ хлѣбныхъ законовъ приобрѣла новую силу. Лига расходовала въ это время не менѣе 3,000 фунт. стер. въ мѣсяцъ на пропаганду; вліятельнѣйшіе члены лиги, Кобденъ, Брайтъ и др. разъѣзжали по всей Англій, созывали митинги, говорили рѣчи, издавали брошюры, расходившіяся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Въ 1845 году, къ неурожаю въ Англій и Шотландіи присоединилась болѣзнь картофеля въ Ирландіи. Лига, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, стала проповѣдывать, что само провидѣніе высказываетъ свою волю въ непосланныхъ на Англій бѣдствіяхъ, что никто не смѣетъ заперать гавани Великобританіи для ввоза иностраннаго хлѣба». Давленіе лиги такъ было сильно, что министры, члены палаты, органы журналистики, прежде съ энергіей возстававшіе противъ нея, теперь стали склоняться въ пользу безпошлиннаго привоза хлѣба. Самъ Робертъ Пиль, этотъ столпъ торизма, этотъ сильный защитникъ землевладѣльческихъ интересовъ, объявилъ себя побѣжденнымъ. И кто же былъ его побѣдителемъ? Ричардъ Кобденъ, сынъ бѣднаго поселанна, паспій нѣкогда стадо овецъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ сдѣлавшійся однимъ изъ лучшихъ экономистовъ Англій.

Въ началѣ 1846 г. билль о безпошлинномъ привозѣ хлѣба былъ принятъ нижней, а потомъ и верхней палатой. Хлѣбъ подешевѣлъ, заработная же плата вовсе не понизилась и до сихъ поръ стоитъ выше, чѣмъ была до отмѣны хлѣбнаго закона.

Въ 1847 году поднять былъ вопросъ объ уменьшеніи числа часовъ работы на фабрикахъ. Аристократы въ парламентѣ вспомнили теперь «о бѣдныхъ рабочихъ, трудящихся до изнеможенія, лишенныхъ свѣта и воздуха въ черныхъ фабрикахъ, о бѣдныхъ матеряхъ, которыя отрываются отъ домашняго очага, о бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя вырываются изъ родительскаго дома». Благодаря враждѣ, возникшей между аристократами и фабрикантами во время агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлинъ, билль объ ограниченіи часовъ работы прошелъ, и болѣе десяти часовъ въ день фабриканты не имѣли уже права удерживать женщинъ и дѣтей въ мастерскихъ.

Съ вопросомъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Англіи тѣсно связанъ ирландскій вопросъ. Хотя многіе британцы, унаслѣдовавшіе отъ предковъ духъ нетерпимости, и теперь наклонны считать ирландцевъ какою-то отверженною расой, обреченною на вѣчную нищету, грязь и невѣжество, но есть, и тогда были, люди, гуманное чувство которыхъ не допускало такого взгляда. Исторія утверждаетъ, что Ирландія не всегда была стравою голода и равнодушія къ нищетѣ. Прежде чѣмъ принадлежать Британіи, она пользовалась въ Европѣ хорошею славой; народъ ирландскій былъ знаменитъ благородствомъ и живостію своего характера, своимъ поэтическимъ даромъ, своею способностью къ искусствамъ и къ наукѣ. Впродолженіе многолѣтняго рабства, Ирландія онѣмѣла, ея народъ потерялъ всю живость ума, всю веселость, которою отличался въ былые дни. Но и при всемъ этомъ матеріальномъ и нравственномъ паденіи народа, въ средѣ и внѣ его были люди, неотчаявавшіеся въ его свѣтлой будущности, въ его возрожденіи.

Несмотря на эманципаціонный билль 1829 года, давшій католикамъ доступъ въ парламентъ, ирландцы имѣли еще много во пьющихъ несправедливостей. Богатѣйшія церковныя имущества Ирландіи оставались еще въ рукахъ протестантскаго духовенства, и 6 миліоновъ ирландцевъ-католиковъ должны были платить еще десятину англиканской церкви, въ то время какъ католическое духовенство и католическія школы, поддерживаемыя частными лицами, владѣли самымъ печальнымъ существованіемъ. Протестанты преобладали еще въ администраціи и судѣ; суды присяжныхъ попрежнему составлялись изъ протестантовъ.

Первымъ требованіемъ ирландцевъ, послѣ эманципаціоннаго билля, была отмена ненавистой десятины. О'Connellъ, чтобы пресѣчь зло въ самомъ его корнѣ, призывалъ соотечественниковъ къ совершенному отдѣленію отъ Британіи, къ учрежденію особеннаго, ирландскаго парламента. Слово «*repeal*» сдѣлалось

лезунгомъ всѣхъ ирландцевъ; по всему острову распространились общества, цѣлю которыхъ было содѣйствовать окончательному отдѣленію Ирландіи отъ Великобританіи. Но, несмотря на то, что Океннелъ могъ повелѣвать своими соотечественниками, какъ любимый вождь, несмотря на то, что на людныхъ сходкахъ (monster meetings) слову его народъ внималъ точно евангелію, онъ былъ на столько хитеръ, что не преступилъ предѣловъ законности. Не такъ осторожны были многіе изъ его приверженцевъ. Народъ часто отказывался платить десятину; сборщикамъ и полицейскимъ агентамъ, описывавшимъ имущество неплательщиковъ, нерѣдко оказываемо было сопротивленіе; даже убійствами и пожарами мстили нерѣдко ирландцы ненавистнымъ «англасаксамъ» за всѣ ихъ притѣсненія.

Чтобы Ирландію сдѣлать органическою и здоровою частію Соединеннаго королевства, необходимо было совершить въ ней радикальныя церковныя и политическія реформы. Но невѣжество англиканскаго духовенства, все еще пугавшаго общественное мнѣніе мнимою опасностію отъ папизма; недобросовѣстность торіевъ, боявшихся за свою власть и за свои кошельки — все это помѣшало осуществленію радикальныхъ преобразованій. Лишь по каплямъ можно было выжимать у парламента цѣлебныя средства противъ тяжкихъ общественныхъ недуговъ Ирландіи. Ирландскій десятинный билль опять предложенъ былъ палатѣ общинъ министрами вигами; но въ 1838 году билль этотъ вышелъ изъ парламентскихъ преній въ весьма изуродованномъ видѣ. Десятинные сборы, сложенные съ неимущихъ ирландцевъ, перенесены были на землевладѣльцевъ, которые съумѣли взвалить ихъ на бѣдныхъ поселянъ-арендаторовъ, увеличивъ арендную плату. Когда же лордъ Россель захотѣлъ употребить излишекъ ирландскаго церковнаго дохода на улучшеніе народныхъ школъ, то приверженцы высокой, то-есть англиканской церкви завопили о профанаціи, и предложеніе Росселя было отвергнуто парламентомъ. Итакъ, вовсе не диво, что въ Ирландіи никогда, даже по смерти великаго агитатора не умоляло, и до сихъ поръ не умоляетъ требованіе отдѣленія отъ Британіи; не диво, что голодъ 1846 года *, и французская февральская революція вызвали снова въ Ирландіи рядъ возстаній. Противъ этихъ возстаній, правительство дѣйствовало не устраненіемъ злоупотребленій и неправдъ, а штыками и ядрами. Новый агитаторъ Обринъ (O'Brien) сосланъ былъ, какъ государственнй измѣнникъ, въ

* Населеніе Ирландіи въ голодный 1846 и слѣдующіе за нимъ годы до 1851 уменьшилось на два съ половиной милліона (съ 8¹/₂ до 6 м.).

Австралію. И если въ наши дни заговоръ феніевъ имѣеть дѣлю освобожденіе Ирландіи отъ британскаго владичества, то не есть ли это слѣдствіе системы, столь безжалостно поддерживающей церковныя, политическія и соціальныя неправды въ Ирландіи?

Неблагопріятному рѣшенію ирландскаго вопроса много способствовалъ такъ-называемый оранскій союзъ. Основанный во времена Вильгельма III, для поддержанія англійскихъ законовъ и протестантизма, этотъ союзъ обнаруживалъ свою дѣятельность и въ новѣйшія времена, когда поднятъ былъ ирландскій вопросъ. Всѣ торіи примкнули къ оранскому союзу, число членовъ котораго возрасло до 300,000 человекъ. Идеаломъ всей этой партіи былъ герцогъ Кумберландскій, получившій, впоследствии, въ качествѣ ганноверскаго короля, такую печальную извѣстность. Могущественный оранскій союзъ стремился теперь уже не только къ упроченію преобладанія протестантизма въ Ирландіи, но и къ сохраненію владичества торіевъ надъ всею Англіей. Со страхомъ помыслили торіи о близкой смерти бездѣтнаго и болѣзненнаго Вильгельма IV, которому, по англійскимъ законамъ, должна была наследовать принцесса Викторія, дочь его старшаго брата, герцога Кентскаго. Такъ-какъ Викторія воспитана была въ принципахъ партіи вигговъ, такъ-какъ отъ дяди своего, бельгійскаго короля, она могла заразиться либерализмомъ, то торіи боялись утратить при ней свое вліяніе. Принцъ же кумберландскій, совершенно преданный интересамъ торіевъ, былъ способенъ отстаивать эти интересы съ упрямствомъ Карла X и легкомысліемъ Полиньяка. Оранскому союзу приписываютъ планъ обойти законъ о престолонаслѣдствіи и возвести герцога кумберландскаго на англійскій престолъ. Радикальный Юмъ довелъ до свѣдѣнія парламента происки торійской партіи и потребовалъ закрытія оранскихъ ложъ. Слухи о дѣйствіяхъ и намереніяхъ оранжистовъ встревожили общественное мнѣніе до того, что принцъ кумберландскій самъ долженъ былъ распорядиться закрытіемъ этого союза (1836).

Послѣднимъ замѣчательнымъ событіемъ царствованія Вильгельма IV, было освобожденіе невольниковъ въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ. По биллю, предложенному лордомъ Стэнли, рабовладѣльцамъ, за отпущенныхъ на волю негровъ, присуждено было вознагражденіе въ *пятьсотъ милліоновъ франковъ* (20 милл. фунтовъ стер.). Невольниковъ освобождено было около 639,000, изъ которыхъ на одной Ямайкѣ — 322,000. Эта замѣчательная реформа совершена была не безъ труда. Въ парламентѣ происходили по поводу предложенія Стэнли продолжи-

тельными и оживленныя пренія. Приверженцы рабства утверждали, что негры, лишеныя всякаго моральнаго и интеллектуальнаго развитія, недостойны «даровъ свободы», что плантаторы обращаются съ своими невольниками такъ гуманно, такъ евангельски-просто, что положеніе ихъ, то-есть невольниковъ, сносно, мало того — весьма пріятно. Что касается до состраданія и христіанскихъ добродѣтелей сословія плантаторовъ, то все это оказалось вздоромъ; доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, слѣдующій фактъ: въ теченіе двухъ лѣтъ, на островѣ Тринидадѣ и въ Демарарѣ отсыпано было негритянскимъ спинамъ, официально дозволенныхъ, 642,620 ударовъ плетью. Серьезнѣе было то возраженіе, что освобожденные негры не захотятъ продолжать обработку земли и что сахаръ британскихъ колоній не въ состояніи будетъ конкурировать съ колониальнымъ сахаромъ другихъ государствъ, видѣланнымъ невольниками. Но и это возраженіе оказалось неосновательнымъ. Правда, въ первые годы послѣ утвержденія билия въ переходную для негровъ эпоху (1834 — 1838) производство сахара нѣсколько уменьшилось въ британскихъ колоніяхъ; но уже съ 1840 года оно стало увеличиваться, и къ 1845 году достигло прежней цифры. Правда, многіе негры въ первое время по освобожденіи отказывались отъ работъ на плантаціяхъ; но только потому, что плантаторы предлагали имъ за трудъ ничтожную плату. Освобожденные негры съ большою охотой пріобрѣтали, при первой возможности, небольшіе участки земли и съ необыкновеннымъ усердіемъ обрабатывали свою собственную землю. Моральныя послѣдствія освобожденія были еще утѣшительнѣе, чѣмъ матеріальныя. Негры оказались людьми столь же благонаправленными и столь же жаждущими просвѣщенія, какъ и бритты. Окончательная эманципація 639,000 негровъ въ англійскихъ колоніяхъ совершилась 1-го августа 1838 года; совершилась она въ строгомъ порядкѣ и сопровождалась религіозными торжествами.

20-го іюня 1837 года умеръ король Вильгельмъ; ему наслѣдовала юная принцесса Викторія. Континентальныя принцы стали предпринимать, наперерывъ другъ передъ другомъ, путешествія въ Англію; каждый изъ нихъ уповалъ найти больному сердцу своему исцѣленіе въ обществѣ царственной дѣвн. Наконецъ принцъ Альбертъ саксенъ-кобургскій, племянникъ бельгійскаго короля, отличавшійся утонченнымъ образованіемъ и мужествомъ, сдѣлался избранникомъ сердца королевы; съ нимъ Викторія и вступила въ супружество.

Въ правленіе Викторіи, владѣчество и торговныя связи Англіи значительно расширились въ Азіи. Уже съ 1824 года англичане

начали утверждаться въ Задней Индіи; война съ бирманами доставила имъ Араканъ и Ассамъ, а въ 1852 году — Пегу со всѣми прилегающимъ къ нему побережьемъ. Успѣхи Россіи въ Средней Азій побудили англичанъ начать войну съ авганцами, которымъ въ 1839 году англичане дали преданнаго Британіи государя. Но въ 1841 году авганцы возмутились противъ англичанъ и прогнали ихъ войско. Англичане, правда, отмстили авганцамъ: въ 1842 году они разорили города Кандагаръ и Кабуль; но должны были очистить страну. За то въ 1843 году они покорили Синдъ, страну при устьѣ Инда и, послѣ продолжительной войны, овладѣли землею сейковъ, Пенджабомъ, съ городомъ Лагоромъ, гдѣ нашли безчисленныя сокровища и въ томъ числѣ знаменитый алмазь Кохинуръ (гора свѣта).

Споръ изъ-за торговли опиумомъ, запрещенной китайцами, подалъ поводъ къ войнѣ англичанъ съ Китаемъ, во время которой они завоевали Кантонъ, грозили взять Нанкинъ и принудили (1842) китайцевъ къ невыгодному миру. По нанкинскому мирному трактату, англичанамъ уступленъ былъ островъ Гонконгъ; пять китайскихъ гаваней открыты для торговыхъ сношеній; одурающій и расслабляющій нервы опиумъ допущенъ къ привозу въ Китай.

12. Испанія и Португалія.

Начало междоусобной войны въ Испаніи (1838). Донъ-Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ. Правительница Марія-Христина заключаетъ союзъ съ Франціей, Англіей и Португаліей. Эспартеро побѣждаетъ карлистовъ. Мирный договоръ 31 августа 1839. Правительница Христина сближается съ реакціонерами. Восстаніе противъ правительницы. Христина присягаетъ на вѣрность конституціи. Благотворная дѣятельность Эспартеро. Вступленіе Изабеллы на испанскій престолъ. Сношенія испанскаго правительства съ Луи-Филиппомъ. Состояніе Португаліи.

Не успѣлъ еще король Фердинандъ VII-й закрыть глаза (1833 г.), какъ апостолическая партія въ сѣверной Италіи провозгласила королемъ брата его, Донъ-Карлоса, подъ именемъ Карла V-го. Чтобы воспрепятствовать успѣхамъ этой партіи, правительницѣ Маріи-Христинѣ оставалось прибѣгнуть къ либераламъ. Семилѣтняя война между карлистами и християносами превратилась такимъ образомъ изъ борьбы за престолъ въ междоусобную войну изъ-за политическихъ принциповъ. Карлисты, благодаря талантамъ своего генерала Зумалакаргегуи (Zumalacarbequi), имѣли сначала перевѣсъ надъ своими противниками, но Донъ Карлосъ все гостилъ еще въ Португаліи у своего любезнаго племянника Дона-Мигуэля и оттуда грозилъ вторгнуться въ Испанію. Чтобы оградить себя, Христина обратилась за помощью къ Англіи

и Франціи. Просьба ея была услышана, и между этими двумя государствами, къ которымъ примкнули Португалія и Испанія, заключенъ былъ такъ-называемый четверной союзъ (24 апрѣля 1834), съ цѣлю поддержать конституціонный испанскій тронъ Изабеллы и португальскій — Маріи да-Глоріи. Въ томъ же 1834 году оба претендента, Донъ-Мигуэль и Донъ-Карлосъ, должны были оставить Португалію. Карлосъ на англійскомъ кораблѣ удалился въ Англію, но въ іюлѣ того же года оставилъ ее и черезъ Францію успѣлъ пробраться въ Наварру, чтобъ оживить павшій духъ приверженцевъ своимъ «королевскимъ» присутствіемъ. Война вспыхнула снова и продолжалась съ страшнымъ ожесточеніемъ. По смерти Цумалакарегунъ, погибшаго 14 іюня 1835. при осадѣ Вильбао, перевѣсь, повидимому, склонился на сторону христіаносовъ. Но противъ неутомимаго Кабреры, перешедшаго въ лагерь претендента, христіаносы ничего не могли сдѣлать: это былъ весьма искусный вождь въ партизанской войнѣ. Только съ тѣхъ поръ, какъ армія, ратовавшая за конституцію, ввѣрена была генералу Эспартеро, военное счастье перешло на сторону конституціоналистовъ. Въ 1836 году Эспартеро разбилъ карлистовъ въ кровопролитной битвѣ при Луханѣ (Luchana), и затѣмъ, устремившись къ Мадриду, отразилъ нападеніе на этотъ городъ.

Къ военнымъ неудачамъ присоединились еще разногласія и распри въ лагерѣ претендента. Совершенно неспособный и несамостоятельный, Донъ-Карлосъ былъ орудіемъ камарильи, которая, при выборѣ главнокомандующаго, обращала вниманіе болѣе на свѣдѣнія въ катехизисѣ, чѣмъ на военныя способности и стратегическія свѣдѣнія, которая низлагала способныхъ генераловъ и замѣняла неспособными креатурами. Новый главнокомандующій Гѣрге былъ нѣсколько разъ разбитъ христіаносами, предводимыми храбрымъ Эспартеро — обстоятельство, значительно охладившее сѣверныя испанскія провинціи къ Карлу. Гѣрге былъ смѣненъ, и начальство ввѣрено хитрому Маротто, врагу камарильи, умѣвшему устоять противъ ея козней только благодаря своимъ побѣдамъ, но и его наконецъ побѣдилъ Эспартеро. 31 августа 1839 г. Маротто заключилъ съ этимъ вождемъ перемиріе, по условію котораго перешелъ со всѣмъ своимъ войскомъ на сторону христіаносовъ, выпросивъ лишь для басковъ и наваррцевъ амнистію и подтвержденіе старинныхъ вольностей. Дѣло Донъ-Карлоса было такимъ образомъ совершенно потеряно. Со многими изъ своихъ приверженцевъ удалился онъ во Францію и шесть лѣтъ прожилъ въ Буржѣ, подъ надзоромъ полиціи. Въ 1845 году, получивъ позволеніе выѣхать изъ Франціи, онъ удалился въ Италію. Въ 1855 Д

Карлосъ умеръ въ Триестѣ. Приверженцы его продолжали борьбу въ Каталоніи подъ предводительствомъ Кабреры, но Эспартеро побѣдилъ ихъ. Междоусобная война окончилась, но борьба партій не прекратилась. Эспартеро получилъ титулъ герцога Витторіа и сдѣлался популярнѣйшею личностію въ Испаніи: даже сама правительница побаивалась его.

Ни частною жизнію, ни политическою дѣятельностію, Христина не снискала любви и уваженія испанцевъ. Ея либеральныя стремленія были далеко не искренни, и какъ скоро обстоятельства перемѣнились къ лучшему для нея, ея либерализмъ уступилъ мѣсто направленію совершенно противоположному. Въ 1834 году, когда возстаніе парлистовъ наиболѣе грозило трону, Христина назначила первымъ министромъ гонимаго прежде поэта Мартиненеца де-ла-Розу и дала странѣ конституцію, которая, впрочемъ, никого не удовлетворила. Послѣ долгой паузы кортесы собрались снова и скоро раздѣлялись по прежнему на двѣ враждебныя партіи: умѣренныхъ и прогрессистовъ. Вьстро смѣняли другъ друга министры*. При безотрадномъ финансовомъ положеніи, прогрессисты, на зло апостолической партіи, требовали уничтоженія монастырей, монашескихъ орденовъ, и конфискаціи ихъ имуществъ, чтѣ отчасти и было приведено въ исполненіе. Въ нѣкоторыхъ городахъ происходили кровавыя сцены: много монастырей было разрушено, нѣсколько монаховъ и монахинь убито, толпы безумцевъ прогнаны за границу. Прогрессисты боялись реакціи и хотѣли предупредить ее. Въ большихъ городахъ организованы были возстанія, и программю инсургентовъ была конституція 1812 года. Правительство отвѣтило на эти требованія объявленіемъ осаднаго положенія въ Мадридѣ и распущеніемъ національной гвардіи. Тогда возстаніе вспыхнуло въ глѣтней королевской резиденціи — Ла-Гранжѣ (La Granja), куда, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, удалилась Христина. Гвардейскіе солдаты ворвались во дворецъ и принудили Христину ввести конституцію 1812 года. Учредительное собраніе пересмотрѣло эту конституцію, и такимъ образомъ составилась картія 1837 года. Христина присягнула на вѣрность новой конституціи, но надѣялась своимъ вліяніемъ на выборы навязать парламенту большинство умѣренныхъ. Когда это ей удалось (въ 1840), то она издала законы, которыми выборъ общинныхъ сановниковъ поставленъ былъ въ зависимость отъ правительства. Это было причиной возстанія въ Мадридѣ и другихъ городахъ. Подавить возстаніе правительница поручала генералу Эспартеро, только-что окончившему свою борь-

* Торесо, Мендизабаль, Истурицъ.

бу съ карлистами; но онъ не согласился быть орудіемъ неприятной народу политикѣ, а только онъ и могъ остановить революціонное движеніе. 16-го сентября 1840 г. Эспартеро назначенъ былъ президентомъ министровъ. Онъ окружилъ себя въ министерствѣ одними прогрессистами и 5 октября предложилъ правительницамъ политическую программу, въ которой требовалъ отмены новаго общиннаго закона, распущенія кортесовъ и удаленія камарильи. При такихъ условіяхъ власть имѣла для Христины мало прелести, а тутъ еще одно весьма-затруднительное обстоятельство: вскорѣ послѣ смерти супруга, Христина увлеклась однимъ красивыимъ лейб-гвардейцемъ, съ которымъ прижила кучу дѣтей. Чтобы узаконить эти отношенія, она вступила съ своимъ любимцемъ въ бракъ, а когда увижала, что весьма многіе испанцы недовольны этимъ поступкомъ, правительница предпочла сложить съ себя государственныя обязанности и удалиться во Францію.

Вновь избранные кортесы назначили Эспартеро правителемъ Испаніи, опекуномъ королевы Изабеллы и ея сестры, инфанты Луизи-Фернанды. Эспартеро выказалъ себя достойнымъ такого высокаго поста: во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія онъ ввелъ порядокъ и умѣлъ съ достоинствомъ защищать интересы народа отъ чрезмѣрныхъ притязаній папы и клерикаловъ. Но онъ не могъ долго удержать за собою власть. Зная, что Христина, поддерживаемая Луи-Филиппомъ, не жалѣетъ денегъ и труда, чтобы ослабить новое испанское правительство, имъ руководимое, онъ особенно дорожилъ союзомъ съ Англіей, за что завистники и соперники обвиняли его какъ измѣнника интересамъ отечества. Когда Эспартеро велѣлъ бомбардировать возставшую противъ правительства Барселону и тѣмъ подавить мятежъ, недруги обвиняли его въ превышеніи власти. Въ 1843 году, на югѣ вспыхнулъ новый мятежъ. Полковникъ Примъ поспѣшилъ въ Каталонію и сталъ во главѣ солдатъ, которыхъ Христина привлекла на свою сторону денежными подарками. Но самымъ непримиримымъ врагомъ герцога былъ генералъ Нарваецъ, высадившійся въ Валенсію и вступившій съ войскомъ въ Мадридъ. Эспартеро, противъ котораго соединились прогрессисты и умѣренные, увидѣлъ себя покинутымъ, и (26 іюля 1843) отплылъ изъ Кадиса въ Англію, откуда только въ 1848 году воротился на родину.

Въ ноябрѣ 1848 г., тринадцатилѣтняя Изабелла объявлена была совершеннолѣтнею. Принявъ управленіе страной, она назначила Нарваца президентомъ министровъ, а мать свою Христину призвала въ Испанію. Такимъ образомъ французскому вліянію и интригамъ реакціонеровъ предоставленъ былъ полный

просторъ. Конституція 1837 года была измѣнена въ пользу абсолютизма, свобода печати ограничена, національная гвардія распущена, парламентъ же долженъ былъ ограничиться ризрачнымъ существованіемъ. Чтобы обезвѣтить за своею династіей вліяніе на Испанію, Дуи-Филиппъ, по соглашенію съ Христиной, устроилъ, въ 1846 году, бракосочетаніе королевы Изабеллы съ двоюроднымъ братомъ ея, Францемъ Ассизскимъ, и инфантныи Луизы съ младшимъ сыномъ своимъ, Монапансье.

Живая, весьма покойная на мать, Изабелла была мужа своего Франца слабымъ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи, къ тому же невыносимо скучнымъ, а напротивъ прогрессиста, генерала Серрано, милымъ и любезнымъ, такъ что Францъ поневолѣ долженъ былъ осудить себя на отшельническую жизнь въ своихъ охотничьихъ замкахъ; супруга же его поселилась въ Лагранхѣ съ Серрано и другими офицерами. Впрочемъ, согласіе между супругами было опять восстановлено: королева произвела на свѣтъ ребенка, потомъ другаго. Бывшая правительница Христина не оставала своими заботами королевскую чету, но весьма многимъ ея вліяніе на королеву было неприятно въ высшей степени.

Въ Португаліи политическія событія имѣли тотъ же характеръ, что и въ Испаніи. 9-го сентября 1836, когда получено было извѣстіе о происшествіи въ Лагранхѣ, народонаселеніе Лисабона взволновалось не на шутку, въ толпѣ раздались крики: «Да здравствуетъ конституція 1820 года!» Марія да-Глорія должна была назначить министерство («сентябристовъ») и созвать учредительное собраніе, которое въ 1838 году измѣнило конституцію, впрочемъ, въ самомъ умѣренномъ духѣ. Черезъ четыре года послѣ того, эта новая конституція была отмѣнена; отменена хартія 1826 г. и составлено новое правительство подъ руководствомъ герцога Терсейры и графа Тамара. Истощенная страна снова стала стонать подъ тяжестью налоговъ. Когда же новое возстаніе вспыхнуло въ Португаліи, королева вынуждена была прибѣгнуть за помощью къ тремъ державамъ, съ которыми и заключенъ извѣстный четверной союзъ. Только съ помощью англійскаго флота да испанской сухопутной арміи королева успѣла подавить возстаніе. Подъ управленіемъ даровитаго Салданьи въ странѣ снова водворилось спокойствіе.

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

I.

Цѣлое лѣто нѣтъ дождика съ неба.
Горе крестьянамъ остаться безъ хлѣба...

Въ небѣ — ни тучки, сухая земля,
Выжжены солнцемъ нагія поля.

Въ полѣ чуть бродить усталое стадо...
— «Дождичка, дождичка только намъ надо,

Чтобъ изъ земли все полѣзло тотчасъ»...
Молвилъ прохожему староста Власть.

— «Ну, братъ, спасибо, отвѣтилъ прохожіи :
Въ землю зарылъ я, по милости божьей,

Ровно трехъ женъ своихъ... Будетъ мнѣ адъ,
Если подѣзутъ всѣ жены назадъ»...

II.

На берзюмъ конѣ воевода севкаль
Домой съ своимъ вѣрнимъ слугою ;
Онъ три года ровно дѣтей не видалъ,
Разстался съ женой дорогою.

И въ синюю даль онъ упорно глядеть,
 Глядеть и вдыхаетъ глубоко...
 — «Далеко ль еще?» онъ слугѣ говорить,
 Слуга отвѣчаетъ: «далеко!»...

Ужь старъ воевода; скакать на конѣ,
 Какъ прежде, онъ долго не можетъ,
 Но хотеть узнать поскорѣй о женѣ,
 Его нетерпѣніе гложетъ.

Слугѣ говорить онъ: «скачи ты впередъ,
 Узнай ты, все-ль дома здорово,
 Съ коня не слѣзая, у самыхъ воротъ,
 И мчись ко мнѣ съ вѣсточкой снова.»

И скачешь безъ усталы вѣрныи слуга...
 Скорѣе ему доскакать бы...
 Вотъ видѣть знакомой рѣки берега
 И садъ воеводской усадьбы.

Узнавъ обо всемъ онъ у барскихъ воротъ
 И сталъ, какъ опущенный въ воду...
 Печальныи вѣсти назадъ онъ везетъ
 И жалко ему воеводу.

— «Ну, что?» Воевода скрываетъ свой вздохъ
 И ждетъ. — «Все въ усадьбѣ исправно»,
 Слуга отвѣчаетъ: «лишь только вздохъ
 Любимый вашъ соколъ недавно.»

— «Ахъ, бѣдный мой соколъ! Онъ дорогъ былъ мнѣ
 Какой же съ нимъ грѣхъ приключился?»
 — «Сидѣлъ онъ на нашемъ надохшемъ конѣ,
 Съѣлъ падалъ и съ живньюю протислся.»

— «Какъ, конь мой буланый? Неужли онъ палъ?
 Но какъ же погибъ онъ, мой Воже!»
 — «Когда подъ Ниволу, вашъ домъ зашпалагъ,
 Сгорѣлъ вмѣстѣ съ домою онъ тоже.»

— «Что слышу? Скажи мнѣ, мой теремъ спаленъ,
 Мой теремъ, гдѣ росъ я, женился?
 Но какъ то случилось?» — «Да въ день похоронъ
 Въ усадьбѣ пожаръ приключился»...

— «О, если тебѣ жизнь моя дорога,
 Скажи мнѣ, какъ брату, какъ другу:
 Кого въ хоронили?» И молвилъ слуга:
 — «Покойную вашу супругу.»

III.

На село вернулся ратникъ,
 Гдѣ лѣтъ пять онъ не бывалъ,
 И пошли кругомъ распросы:
 — «Гдѣ ты былъ, съ кѣмъ воевалъ?»
 — «На татаръ ходилъ, ребята!»
 Хвасталъ ратникъ... «На татаръ?»
 И спрашивали парни:
 — «А скажи-ка намъ, Макаръ,
 Коль не трусь ты, то, вѣстимо,
 Одного хотя врага,
 На войну ходилъ къ татарамъ,
 Да убилъ ты, братцы...» — «Ага!
 Точно, братцы, было дѣло.»
 Отвѣчаетъ имъ храбрецъ:
 «Самъ дивлюсь я, какъ отъ смерти
 Уберегъ меня Творецъ.
 Разъ иду я, братцы, лѣсомъ,
 Глядь—лежитъ передо мной
 Здоровеннѣйшій татаринъ,
 Развалившись подъ сосной.
 Я топоръ хватаю въ руки
 И — хошь въ гробъ сейчасъ, не лгу—
 Отрубилъ врагу я руку,
 А татаринъ—ни гу-гу,
 Все лежитъ. Что, молъ, за диво!
 Видно крѣпкій человекъ!»

И ему другую руку
Въ тужь минуту я отсѣкъ,
А татаринъ хошь бы дрогнулъ,
И ногой не шевелилъ...»
— Да ему, кричали парни,
Ты-бы голову срубилъ...»
— «Безтолковые ребята!
Знать, прямые дурни вы;
Какъ я могъ съ нимъ это сдѣлать,
Коль онъ былъ... безъ головы».

ДМИТРИЙ МИНАЕВЪ.

ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ И ВЪ СТОЛИЦѢ *.

III.

Подъ этимъ названіемъ помѣщены были мною двѣ статьи въ №№ 18 и 20 «Отечественныхъ Записокъ» прошедшаго 1867 г. Поводомъ къ нимъ послужило мѣсячное пребываніе мое въ деревнѣ, въ одной изъ внутреннихъ губерній, въ теченіе лѣта 1866 года. Одновременно съ этими статьями набросано было мною чернѣ и продолженіе ихъ, составившее довольно объемистую тетрадь; но я долго не могъ собраться съ временемъ, чтобы придать моимъ дальнѣйшимъ замѣткамъ окончательную отдѣлку и сдѣлать ихъ годными для печатанія. Между тѣмъ, лѣтомъ нынѣшняго 1868 года, мнѣ снова довелось провести пять недѣль въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя, назадъ тому два года, доставили матеріалъ для моихъ наблюденій сельской жизни. Ходъ этой жизни совершается столь медленно и однообразно, а обычные явленія ея, при всей ихъ кажущейся простотѣ и несложности, такъ трудно поддаются анализу заѣзжаго наблюдателя, что, вѣроятно, мнѣ немного пришлось бы прибавить новаго къ моимъ прежнимъ бѣглымъ замѣткамъ, еслибы въ нынѣшнемъ году не отяготѣло надъ этою мѣстностію одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыми нашъ сельскій народъ изстари привыкъ исчислять время своего скорбнаго житія. Голода, моры и войны, съ ихъ разореніями и усиленными рекрутскими наборами,— вотъ событія, которыми только и обозначалось тысячелѣтнее существованіе нашего народа; одно лишь недавнее освобожденіе отъ помѣщичьей власти составило свѣтлую для крестьянъ эпоху

---

* Печатаю эту полную живаго интереса статью и предполагаю печатать статью, служащую продолженіемъ настоящей, — считаемъ нужнымъ сказать, что мы не всегда согласны съ воззрѣніями почтеннаго автора, и предоставляемъ себѣ право дѣлать подъ строкою наши оговорки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разногласіе коснется чего-либо существенно-важнаго. *Ред.*

въ этомъ ряду тяжелыхъ воспоминаній. Въ нынѣшнемъ году, мѣстность, о которой говорилось въ моихъ прежнихъ статьяхъ, терпѣла жестокой голодъ; оба упоминаемые тамъ уѣзда, вмѣстѣ съ сосѣдними уѣздами той же губерніи, принадлежать къ мѣстностямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ прошлогодняго неурожая. Поэтому, прежде, чѣмъ продолжать печатаніе замѣтовъ, написанныхъ мною вслѣдъ за посѣщеніемъ этихъ мѣстъ въ 1866 г., я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ положеніи здѣшнихъ жителей относительно продовольствія и потомъ изложить тѣ общія причины, которыя, по моему мнѣнію, поддерживаютъ бѣдность русскихъ крестьянъ и препятствуютъ имъ предохранять себя отъ послѣдствій неурожая.

Мы, жители Петербурга, имѣемъ довольно смутное понятіе о томъ, въ какомъ именно видѣ обнаруживались въ деревняхъ послѣдствія прошлогодняго неурожая. Свѣдѣнія, сообщавшіяся въ официальныхъ и частныхъ газетахъ, были весьма между собою разнорѣчивы: одни изъ нихъ говорили только о недостаткѣ продовольствія; другія, шедшія изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, рисовали самыя мрачныя картины настоящаго голода, сопровождаемаго голодною смертью, самоубійствами и пр. Были и такіе повѣствователи, которыми нынѣшнее бѣдствіе крестьянъ выдавалось чуть ли не выдумкою нигилистовъ, или, по крайней-мѣрѣ, объяснялось тѣмъ, что наши крестьяне, падкіе на даровщинку, облѣившіеся и пропившіеся вслѣдствіе упраздненія помѣщичьей власти, охотяще готовы протягивать руку за пособиями, чѣмъ добывать себѣ хлѣбъ собственными трудами. Отнюдь не надобно думать, что всѣ эти противоположныя мнѣнія искусственно фабрикуются въ редакціяхъ газетъ, или, что сообщаемые въ нихъ факты умышленно искажаются официальными и частными доносителями, въ силу данныхъ имъ наставленій. Мнѣ приходилось, на самомъ мѣстѣ бѣдствія и отъ самихъ очевидцевъ его, слышать объясненія и рассказы, почти столь же разнорѣчивые, какъ и тѣ, которые помѣщались въ нашихъ официальныхъ и частныхъ газетахъ. Все это служить только подтвержденіемъ той старой истины, что нѣтъ такого очевиднаго и убѣдительнаго факта, о которомъ нѣсколько свидѣтелей могли бы дать совершенно согласное показаніе, но что, съ другой стороны, въ показаніи каждаго изъ нихъ заключается нѣкоторая, хотя бы и самая малѣйшая доля истины. Помѣщикъ, раздраженный потерю крѣпостнаго права, чиновникъ мѣстной администраціи, помышляющій только о томъ, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ и имѣть при этомъ какъ можно менѣе заботъ и отвѣтственности, вупецъ, норовящій навлечь себѣ выгоду изъ общаго стѣ-

свенія, молодой поклонникъ гуманныхъ идей, прочитавшій много прекрасныхъ книгъ, но вовсе незнакомый ни съ сельскимъ бытомъ, ни съ извѣликами чловѣческаго сердца, наконецъ, крестьянинъ, лежащій спать съ пустымъ желудкомъ и выдающій во снѣ кули ржи и пачки ассигнацій, обильно притекающіе къ нему въ видѣ пособій изъ царской казны или отъ dobroхотныхъ дателей, — всѣ эти люди будутъ описывать нывѣшнее бѣдствие весьма различными чертами и объяснять его весьма несходными причинами, и при этомъ каждый изъ нихъ будетъ чистосердечно убѣжденъ, что въ его-то словахъ и заключается настоящая истина. Каждый видитъ обыкновенно въ описываемомъ имъ предметѣ только то, что соотвѣтствуетъ его личнымъ интересамъ и наклонностямъ. Ближайшіе къ народу чиновники нашей администраціи, становые и исправники, хотя и знаютъ иногда дѣйствительное положеніе народнаго продовольствія, но рѣдко считаютъ нужнымъ представлять о немъ начальству вѣрныя свѣдѣнія. Дѣлается это наичаще не вслѣдствіе какаго-либо умысла, а просто въ силу столь общаго у насъ нерадѣнія и по привычкѣ всегда и во всемъ отдѣливаться одиѣми бессмысленными формальностями. Еслибы какой-нибудь становой и сумѣлъ составить обстоятельный и достовѣрный отчетъ о состояніи народнаго продовольствія въ его станѣ, то онъ не сдѣлаетъ этого потому, что впередъ увѣренъ, что его донесеніе, не обративъ на себя ничьего вниманія, безслѣдно пропадетъ въ архивѣ губернаторской канцеляріи и даже можетъ навлечь ему замѣчаніе начальства, за обремененіе его излишнею и неумѣстной перепискою. О такихъ фактахъ, какъ народное продовольствіе, народное здравіе, степень личной и имущественной безопасности въ глубинѣ уѣздовъ, губернское начальство находится наичаще въ полнѣйшей неизвѣстности, до той поры, когда, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, возникшей въ Петербургѣ, вдругъ потребуются отъ него немедленныя донесенія. Тогда становые и исправники съ изумптельною быстротою составляютъ свѣдѣнія, въ которыхъ нерѣдко доносятъ объ умолотѣ хлѣбовъ, стоящихъ еще на корню, или рапортуятъ въ половинѣ мѣсяца о числѣ умершихъ отъ эпидеміи за цѣлый мѣсяцъ. На основаніи подобныхъ свѣдѣній, въ канцеляріяхъ губернаторовъ составляются отчеты, въ которыхъ съ полною ясностію усматривается только одно обстоятельство, именно, что мѣрама, заблаговременно прпвѣтными губернскою администраціею, мѣстное населеніе спасено отъ угрожавшаго ему бѣдствія. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ ему подобныхъ, вина не столько въ отдѣльныхъ лицахъ, составляющихъ администрацію, сколько во всей административ-

ной системѣ, при которой и лучшіе люди скоро опускаютъ руки и теряютъ надежду сдѣлать что-нибудь полезное.

Въ настоящемъ моемъ разсказѣ я намѣренъ передать только то, что видѣлъ собственными глазами или узналъ, чрезъ многократные распросы и взаимную провѣрку, отъ непосредственныхъ свидѣтелей описываемыхъ здѣсь фактовъ. При этомъ я долженъ предупредить читателей, что посѣщенные мною деревни принадлежатъ, по сознанию самихъ крестьянъ, къ наименѣе нуждавшимся въ этихъ двухъ уѣздахъ; самая большая нужда существовала въ волостяхъ, лежащихъ на противоположномъ краю этихъ уѣздовъ, а также въ двухъ другихъ уѣздахъ той же губерніи, гдѣ мнѣ вовсе не пришлось быть. Такимъ образомъ мое описаніе будетъ относиться только къ небольшому пространству четырехъ или пяти волостей, о положеніи которыхъ я могъ судить частію по собственному наблюденію, частію по разсказамъ ихъ жителей.

Неурожай 1867 года коснулся здѣсь собственно озимаго хлѣба, составляющаго у насъ основу народнаго продовольствія; яровые же хлѣба были большею частію удовлетворительны, хотя и нѣсколько хуже обыкновенныхъ. Въ лучшихъ имѣніяхъ этихъ уѣздовъ помѣщики не досчитались по крайней-мѣрѣ одной трети обыкновеннаго здѣсь урожая ржи; въ большинствѣ же хозяйствъ потеря вышла на половину и даже болѣе. Среднимъ урожаемъ ржи надобно считать здѣсь самъ-четыре, но иногда бываетъ самъ-семь и самъ-восемь. Въ моей первой статьѣ я упоминалъ, что въ 1866 году, около 4-го августа, начались здѣсь проливные дожди, замедлившіе уборку полей, производимую здѣсь около того же времени; вслѣдствіе этого и посѣвъ озимыхъ, дѣлаемый крестьянами всегда изъ новаго хлѣба, былъ въ 1866 году произведенъ слишкомъ поздно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ здѣшнихъ жителей, имѣло неблагоприятное вліяніе на урожай слѣдующаго года. Но еще чаще случалось мнѣ слышать, что неурожай 1867 года надобно объяснять холодною и дождливою весною этого года, сопровождавшеюся сильными вѣтрами (около Николина дня). Въ чемъ бы ни состояла дѣйствительная причина неурожая, она очевидно была на этотъ разъ не мѣстною, а общою для огромнаго пространства, ибо это бѣдствіе одновременно прошло широкою, хотя и прерывающеюся полосою, отъ Архангельской губерніи и Финляндіи до Орловской, задѣвъ и восточную Пруссію.

Недостатокъ продовольствія обнаружился въ описываемой мною губерніи уже осенью 1867 года, хотя и въ различной степени. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя довелось мнѣ посѣтить лично, крестьяне могли обсѣменить собранною рожью всѣ свои озимыя поля; но затѣмъ для нихъ продовольствія осталось уже весьма

малое количество ржи, въ которую они были принуждены поднимать все болѣе и болѣе машины. На первое время важнымъ для нихъ подспорьемъ служилъ яровой урожай, преимущественно овесъ, который они употребляютъ частію для приѣски въ ржаной хлѣбъ, частію на блины. Ячмень и гречиха сѣются въ одномъ изъ этихъ двухъ уѣздовъ въ ничтожномъ количествѣ, потому что эти хлѣба не выдерживаютъ тумановъ и медовыхъ росъ, которые такъ часты въ этой лѣсной и болотистой мѣстности. Къ февралю 1868 года крестьяне упоминаемой мѣстности, исключая самыхъ зажиточныхъ, сѣли весь собственный запасъ хлѣба. Отселѣ они начинаютъ пропитываться только тѣмъ хлѣбомъ, который могли купить на чистыя деньги, или успѣвали добыть въ займы отъ помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, или же наконецъ получали отъ правительства въ видѣ заемобразнаго пособия. Цѣна ржи стала быстро подниматься, и къ веснѣ нынѣшняго года достигла 10 руб. за четверть. Для покупки хлѣба многіе крестьяне принуждены были продать часть рогатаго скота, составляющаго единственное ихъ богатство; много есть и такихъ, которые продали половину лошадей и остались при одной лошади на работника. Иногда и въ цѣломъ дворѣ не найдется больше одной лошади, ибо еще прежде многіе крестьяне подѣлились и имѣли всего не двѣ лошади на дворѣ. Кромѣ того, за хлѣбъ, бравшійся въ колгѣ, крестьяне отдавали въ залогъ мелкимъ городскимъ и сельскимъ торговцамъ свои бѣчины, армяки, сапоги и все имѣющее какую-нибудь цѣнность въ крестьянскомъ обиходѣ. Въ уѣздномъ городѣ одинъ мелкій купецъ показывалъ мнѣ цѣлый амбаръ, набитый крестьянскою одеждою и холстами, отданными въ залогъ. Мужикъ еще повѣритъ иногда въ долгъ знакомому мужику и безъ залога; но въ городѣ безъ залога, или, какъ говорятъ здѣсь, безъ застави никто не дастъ крестьянину и гарнца хлѣба. Богатые крестьяне, давашіе хлѣбъ въ займы, большею частію не назначали роста; но въ замѣнъ его должникъ обязывался отбыть какую-нибудь работу въ полѣ заимодавца. Хлѣбный ростъ и въ обыкновенное время бываетъ довольно значителенъ, по 2 мѣры на четверть, т.-е. 25%, за 5 мѣсяцевъ; но во время голода многіе крестьяне считаютъ грѣхомъ брать ростъ хлѣбомъ, хотя требуемая въ замѣнъ его работа часто, по цѣнѣ своей, даже превосходитъ сказанный ростъ. Однако, при здѣшнихъ скудныхъ урожаяхъ, крестьянину все-таки легче отбыть работу, чѣмъ отдавать ростъ хлѣбомъ. Кромѣ того, хлѣбные заимодавцы непремѣнно требуютъ отъ мужика угощенія водкой; безъ этого не совершается ни одной подобной сдѣлки. Вотъ почему въ то самое время, какъ крестьянинъ и

вся его семья голодаютъ по цѣлымъ днямъ, кабаки биваютъ по праздникамъ биткомъ набиты народомъ; однако, угощеніе при сдѣлкахъ бываетъ умѣренное, такъ что во все дѣло я видѣлъ здѣсь только одного пьянаго. Впрочемъ, иногда работа, назначаемая въ замѣнъ роста, бываетъ такъ тяжела, что только крайняя нужда заставляетъ крестьянъ принимать такія условія. Одинъ изъ здѣшнихъ волостныхъ старшинъ, человѣкъ весьма зажиточный, арендующій значительныя земли у помѣщиковъ, соглашается иногда платить подати за нѣкоторыхъ крестьянъ; но при этомъ, какъ говорили мнѣ крестьяне, если онъ заплатитъ за кого 10 р., то деньги возврати ему само собой, да работы сдѣлай на десять же рублей. Крестьяне, имѣвшіе хоть какія-нибудь денежные средства, предпочитали покупать хлѣбъ на наличныя деньги отъ мелкихъ сельскихъ промышленниковъ, т.-е. дворниковъ, держателей мельницъ и т. п. При покупкѣ на наличныя деньги, эти продавцы довольствовались небольшимъ барышомъ, какому-нибудь гривенникомъ съ пуда. Крестьянину выгоднѣе было дать лишній гривенникъ съ пуда ближнему торговцу, чѣмъ терять время на поѣздку въ городъ.

Помѣщики большою частію распродаютъ свои запасы еще съ осени, въ руки мелкихъ промышленниковъ. Они жалѣютъ теперь, что успѣли продать, не дождавшись высокихъ цѣнъ. Въ декабрѣ прошедшаго года цѣна ржи на мѣстѣ была 8 р. 50 к., а въ апрѣлѣ нынѣшняго года она дошла до 10 р. Въ іюнѣ въ деревняхъ невозможно уже было купить хлѣба; въ уѣздныхъ же городахъ цѣна его возвышалась съ каждою недѣлею на рубль и болѣе съ четверти: въ началѣ іюня привозный хлѣбъ продавался въ городахъ по 10 р. 50 к., потомъ по 11 р., въ концѣ іюня по 12 р., а въ губернскомъ городѣ одно время доходилъ до 14 р. 50 к. Немногіе изъ помѣщиковъ рѣшались давать хлѣбъ крестьянамъ въ счетъ будущей работы, хотя такія сдѣлки были бы всего выгоднѣе какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ: первыхъ онѣ избавили бы отъ голода, отъ необходимости продавать скотъ и платить за хлѣбъ чрезмѣрныя цѣны или же отдавать въ закладъ свою одежду; помѣщикамъ эти сдѣлки доставили бы дешевыя рабочія руки. По отзывамъ помѣщиковъ, главною причиною, по которой не могли осуществиться подобныя сдѣлки, была необезпеченность условій, заключаемыхъ съ крестьянами. Голодный крестьянинъ, говорятъ они, готовъ на всякое условіе; но какъ только манетъ крайняя нужда и наступитъ время отработать занятаго хлѣбъ, то начнутся съ его стороны всякаго рода уклоненія и проволочки. Жалобы въ волостное правленіе и волостной судъ

оканчиваются болѣею частью ничѣмъ и только отнимаютъ у помѣщика время. Волостныя власти ограничиваются только склоненіемъ обѣихъ сторонъ къ полюбовнымъ уступкамъ; затѣмъ начинаются новыя уклоненія со стороны крестьянина, новыя жалобы въ волость и новыя вынужденныя уступки со стороны помѣщика. Такимъ образомъ бессудность, царствующая въ нашемъ сельскомъ мирѣ, между прочимъ, имѣетъ своимъ примѣмъ послѣдствіемъ то, что бѣдствія, столь часто претерпѣваемыя нашими крестьянами, отъ естественныхъ ли причинъ, или же отъ случайныхъ несчастій, не могутъ быть облегчаемы взаимнымъ обѣднѣмъ услугъ между земледѣльцами и помѣщиками; крестьянину остается только голодать, разоряться продажей своего имущества, входить въ неоплатные долги, однимъ словомъ, впадать въ безвыходную нищету.

Избытокъ помѣщичьяго хлѣба, производимаго въ этой губерніи, отправляется къ портовымъ городамъ изъ трехъ существующихъ въ ней пристаней, такъ-какъ на заграничныхъ рынкахъ здѣшній овинный хлѣбъ предпочитается сиромолотному, идущему изъ степныхъ губерній. По отзывамъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, несмотря на скудный урожай 1867 г., хлѣба, собраннаго въ здѣшней губерніи, хватило бы для избавленія мѣстнаго населенія отъ крайняго голода до новой жатвы, еслибы весь урожай съ помѣщичьихъ полей остался въ губерніи и не былъ въ значительнѣйшей части вывезенъ къ портовымъ городамъ. Нынешнею весною, несмотря на высокія цѣны въ здѣшней губерніи, въ ней былъ особенно бойкій спросъ хлѣба къ одному изъ нашихъ портовъ. Изъ пристани, лежащей въ одномъ изъ описываемыхъ мною уѣздовъ, отпущено 250 барокъ ржи и овса, т.-е. около 300,000 кулей; изъ другой пристани, находящейся въ сосѣднемъ уѣздѣ, отправленъ къ тому же порту еще болѣе значительный караванъ; всего же изъ трехъ пристаней губерніи сплавлено вѣроятно не менѣе 800,000 кулей. Конечно, часть этого хлѣба доставлена изъ сосѣднихъ губерній; но если положить, что собственнаго хлѣба здѣшней губерніи было въ этомъ количествѣ только 400,000 кулей, то и этотъ запасъ, оставшійся въ предѣлахъ губерніи, могъ бы спасти отъ голода наиболѣе нуждающіеся уѣзды. Но при необезпеченности условій и совершенномъ отсутствіи взаимнаго довѣрія между помѣщиками и крестьянами, помѣщики предпочитаютъ сбывать свой хлѣбъ огудомъ въ руки купцовъ, отправляющихъ его къ пристанямъ, чѣмъ раздавать по мелочамъ крестьянамъ, въ счетъ работы, хотя послѣдняго рода сдѣлки были бы гораздо выгоднѣе для помѣщиковъ, ибо доставляли бы имъ дешевыя рабочія руки.

Такое состояніе нашего сельскаго міра безъ преувеличенія можетъ быть названо первобытнымъ и неустроеннымъ. Желѣзныя дороги, направляемыя изъ хлѣбородныхъ мѣстностей въ губерніи малопроизводительныя, конечно, могутъ до извѣстной степени облегчить бѣдствіе крестьянъ во время неурожаевъ быстрою подвозкою хлѣба; но за этотъ хлѣбъ крестьянамъ придется платить чистыми деньгами, т.-е., опять-таки продавать свой скотъ или входить въ неоплатные долги, такъ-какъ въ губерніяхъ, подобныхъ описываемой, гдѣ средній урожай не превышаетъ самъ-четырехъ и не существуетъ почти никакихъ промысловъ, у крестьянъ вовсе не имѣется запасныхъ денегъ. Для спасенія себя отъ голода, крестьянину, и при существованіи желѣзныхъ дорогъ, придется разстроивать свое хозяйство на нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, при существованіи въ странѣ законности и довѣрія, крестьяне въ голодные годы могли бы получать хлѣбъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ будущей работы, такъ-какъ здѣшніе помѣщики сильно нуждаются въ рабочихъ рукахъ; хозяйство крестьянина не терпѣло бы разстройства и выигрывала бы мѣстная хлѣбная производительность чрезъ большее напряженіе труда. Вотъ одно изъ ошутительнѣйшихъ доказательствъ той истинѣ, что для благосостоянія всякой страны не столько важны желѣзныя дороги, сколько утвержденіе въ странѣ законности и взаимнаго довѣрія. На эти-то первоначальныя основы цивилизаціи слѣдовало бы обратить у насъ главнѣйшія заботы правительства и общества, для того, чтобы извлечь Россію изъ ея нинѣшняго гражданскаго и экономическаго нестроепія. Желѣзныя дороги могутъ обезпечивать продовольствіе жителей только въ мѣстностяхъ мануфактурныхъ, подобныхъ примѣръ Ярославской, Владимірской и частию Нижегородской губерніи, гдѣ крестьяне могутъ уплачивать за привозный хлѣбъ своими издѣліями. Въ описываемой же губерніи крестьяне, не производя никакихъ мануфактурныхъ издѣлій, существуютъ только своимъ скуднымъ земледѣліемъ и лишь немногіе изъ нихъ отправляются зимою въ извозъ. Съ другой стороны надобно замѣтить, что и крестьяне неохотно и только въ крайней нуждѣ обращаются къ помѣщикамъ для заннманія хлѣба, считая условія, предлагаемыя имъ помѣщиками, слишкомъ для себя тяжелыми.

Дѣйствительно, я самъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ тягостны бывають для крестьянъ подобнаго рода сдѣлки съ помѣщиками; но такъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ вѣрность условій ничѣмъ не обезпечена и не существуетъ правильнаго кредита: условія непременно должны быть тягостны для одной стороны, какъ скоро они рискованы для другой. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда

у большинства окрестныхъ крестьянъ не только не оставалось уже ни зерна купленного ими хлѣба, но прїѣдена была и вся макина, они толпами приходили къ нѣкоторымъ наиболѣе состоятельнымъ помѣщикамъ, вымаливая въ займы хлѣба. Заѣхавъ однажды въ волостное правленіе послушать разбирательство волостнаго суда, я былъ свидѣтелемъ условій, заключавшихся письменно однимъ помѣщикомъ съ нѣсколькими крестьянами сосѣднихъ деревень. Однимъ онъ давалъ въ займы по булю, другимъ, менѣе состоятельнымъ, по осьминѣ ржи на дворъ. Занимаемый хлѣбъ долженъ быть возвращенъ изъ перваго же умолта въ нынѣшнемъ году, то-есть не далѣе конца августа; въ противномъ случаѣ волень помѣщикъ взять у крестьянина любую скотину. Въ замѣнъ роста, помѣщикъ выговаривалъ за каждый буль одного работника на 14 дней молотбы въ началѣ августа. Надобно замѣтить, что эта пора есть самая дорогая для крестьянина: здѣсь онъ долженъ и возить снопы на гумно, и молотить свой хлѣбъ, и обсѣмнять свое озимое поле, и косить свой покосъ. Работникъ, нанимаемый въ эту пору, стоитъ здѣсь около 50 в. въ день; слѣдовательно 14 дней молотбы надобно цѣнить около 7 рублей. Понятно, что только страхъ умереть съ голоду, не дождавшись новаго урожая, могъ побудить крестьянъ занимать хлѣбъ на такомъ условіи. Между занимавшими были и такіе, у которыхъ во дворѣ всего два и даже одинъ работникъ и которыхъ, слѣдовательно, предстоялъ рискъ оставить собственное поле несжатымъ или незасѣяннымъ. Вся надежда такихъ крестьянъ на бабъ, которыя здѣсь и молотятъ снопы, и пашутъ землю. Расчетъ же связаннаго помѣщика состоялъ въ томъ, что, обязавъ крестьянъ отмолотить ему въ августѣ 14 овиновъ, онъ обмолотитъ даровыми руками весь свой урожай и не будетъ имѣть надобности нанимать осенью и зимою работниковъ для молотбы, которая въ прошедшемъ году обошлась ему до 200 рублей. Условіе это было до того тягостно для крестьянъ, что нѣкоторые изъ нихъ не рѣшились его принять, а другіе согласились только вслѣдствіе безвыходной крайности. Черезъ недѣлю послѣ того я слышалъ отъ крестьянъ, что тотъ же помѣщикъ уже не давалъ болѣе никому ржи, которой у него самаго оставалось немного, но еще ссужалъ нѣкоторымъ голодавшимъ крестьянамъ овесъ. За 4 буля овса онъ требовалъ, въ видѣ роста, скосить и убрать 2 десятины луга, вспахать десятину поля и выставить 4 человекъ на бороньбу, по одному дню на борону; всѣ эти работы требовались въ промежутокъ времени съ конца іюня до половины августа. Такъ-какъ скосить и убрать десятину луга одинъ человекъ можетъ въ 6 дней, а вспа-

хоть десятину поля въ 3 дня, то условленную работу можно оцѣнить, въ сказанную пору, рублей въ 9; это составляетъ двухмѣсячный ростъ на 4 буля овса, стоившихъ въ ту пору въ этой мѣстности не болѣе 16 рублей. Такою дорогою цѣною добывали себѣ пропитаніе здѣшніе крестьяне; но такихъ счастливыхъ было немного, ибо немного здѣсь помѣщиковъ, имѣвшихъ у себя запасъ хлѣба; да и тѣ давали его въ займы только крестьянамъ, лично имъ извѣстнымъ и за исправность которыхъ ручалось волостное правленіе. Слѣдуетъ еще добавить, что крестьяне, занимавшіе хлѣбъ у сказаннаго помѣщика, были уже должны ему по прежнимъ займамъ, кто по два, а кто и по 3 буля. Многие изъ нихъ сверхъ того состояли должниками въ волостной запасной магазинъ. Такъ-какъ и въ нижншемъ 1868 году урожай ожидается здѣсь весьма плохой, то, по всей вѣроятности, заемъ, сдѣланный крестьянами у этого помѣщика, растянется на нѣсколько лѣтъ. Условіе взять любую скотину дѣлается больше для острастки крестьянамъ; но помѣщикъ впередъ увѣренъ, что нѣкоторая часть розданнаго имъ хлѣба пропадетъ безвозвратно. Потому-то нельзя не согласиться, что, ссужая крестьянъ хлѣбомъ въ такое бѣдственное время и безъ увѣренности въ его возвратѣ, сказанный помѣщикъ дѣлалъ имъ почти благодѣніе. Самая тяжесть условленной работы объясняется тѣмъ, что отъ многихъ изъ заемщиковъ помѣщикъ только и получить, что эту работу, назначенную въ видѣ роста, самый же хлѣбъ придется ему скинуть со счетовъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ помѣщикъ не останется въ убыткѣ, если принять въ соображеніе цѣнность условленной работы и трудность найти здѣсь рабочія руки. Надобно также вспомнить о всѣхъ досажденіяхъ, испытываемыхъ помѣщиками отъ крестьянъ, о несговорчивости послѣднихъ въ хорошіе годы, о готовности ихъ насолить помѣщику при всякомъ удобномъ случаѣ; въ виду этого нельзя не отдать справедливости тѣмъ помѣщикамъ, которые не отворачивались равнодушно отъ крестьянъ, когда голодъ сдѣлалъ ихъ смиренными и сговорчивыми. Правда, помѣщики, ссужающіе хлѣбъ крестьянамъ, имѣютъ при этомъ и слѣдующее соображеніе: они боятся, чтобы голодъ и отчаяніе не довели крестьянъ до паники и не подвинули ихъ на разграбленіе помѣщичьихъ магазиновъ. Это соображеніе и побудило многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ послѣшить продажей своего хлѣба еще съ осени, какъ скоро обозначилось, что крестьянамъ предстоитъ голодъ.

Запасные сельскіе магазины были бы въ нижншемъ году истиннымъ спасеніемъ для крестьянъ, еслибы эти магазины су-

ществовали въ дѣйствительности, а не были бы однимъ изъ тѣхъ обмановъ или виѣсныхъ подобій благоустройства, которыми такъ превозбиауетъ русская земля. По закону, въ запасномъ магазинѣ должно быть засыпано по 1 кулю ржи и по осьминѣ овса на каждую ревизскую душу. Еслибы этотъ комплектъ хлѣба существовалъ въ дѣйствительности, то его достаточно было бы для прокормленія мѣстнаго населенія въ теченіе 5 мѣсяцевъ (принимая, что изъ куля ржи получается 9 пуд., а изъ осьмины овса 2 пуда муки, и что, въ крайней нуждѣ, для прокормленія каждой души мужской и женской достаточно по 3 фунта чистой муки въ сутки); стоимость же всего запаснаго хлѣба въ этой губерніи (свыше полумилліона ревизскихъ душъ) равнялась бы, при бывшихъ весной цѣнахъ, болѣе чѣмъ 6 милліонамъ рублей. Никакія пожертванія и продовольственные капиталы не могли бы замѣнить собою и малой доли такого запаса. Продовольственный капиталъ, какъ бы онъ ни былъ значителенъ, не можетъ обезпечить населеніе отъ голода, ибо его приходится обыкновенно расходовать при самыхъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и слѣдовательно приобрѣтать на него сравнительно весьма незначительное количество хлѣба. Продовольственные губерпскіе капиталы, отчисленные въ распоряженіе земствъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1866 г. мѣнія государственнаго совѣта, составляютъ всего по 48 коп. на ревизскую душу временно-обязанныхъ крестьянъ и мѣщанъ (государственные крестьяне въ составленіи продовольственныхъ капиталовъ не участвовали). На эту сумму, при бывшей здѣсь весной цѣнѣ ржи въ 10 руб., можно бы было приобрѣсть только по полтора гарнца на каждую душу, мужскую и женскую, что едва-ли можетъ быть названо обезпеченіемъ продовольствія. Весь продовольственный капиталъ, отчисленный на эту губернію, оставляетъ 220,000 руб., слѣдовательно въ 27 разъ меньше той суммы, въ которую слѣдовало бы оцѣнить весь запасъ хлѣбныхъ магазиновъ, еслибы они дѣйствительно заключали узаконенное количество хлѣба. На эти 220,000 руб. можно бы было приобрѣсть только 22,000 кулей ржи, тогда какъ полный комплектъ магазиновъ представлялъ бы полмилліона кулей ржи и четверть милліона кулей овса. Изъ четырехъ извѣстныхъ мѣъ волостей въ этой мѣстности, въ двухъ вовсе не существуетъ запасныхъ магазиновъ. Въ большинствѣ деревень этихъ волостей магазиновъ не было и прежде, при крѣпостномъ правѣ; въ другихъ деревняхъ магазинный хлѣбъ былъ частію распроданъ помѣщиками, какъ скоро они слышали о готовившемся уничтоженіи крѣпостнаго права, частію разобранъ самими крестьянами,

уже послѣ освобожденія, и съ тѣхъ поръ никогда не пополнялся; даже не осталось и строеній отъ магазиновъ. Между тѣмъ уѣздъ, въ которомъ находятся обѣ эти волости, есть одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ губерніи и весьма часто терпитъ нужду въ продовольствіи. До сей поры никому не приходило въ голову побудить крестьянъ къ исполненію закона, хотя со времени освобожденія прошло уже 7 лѣтъ, изъ числа которыхъ было нѣсколько урожайныхъ годовъ. Земство, существующее въ этой губерніи уже 3 года, также не обратило вниманія на это обстоятельство, хотя правленіе одной изъ упоминаемыхъ волостей помѣщается именно въ имѣніи предсѣдателя уѣздной управы, который живетъ въ немъ почти круглый годъ. Въ другомъ уѣздѣ мнѣ извѣстны также двѣ волости. Въ одной изъ нихъ магазины существовали только у трехъ помѣщиковъ и, по освобожденіи крестьянъ, были переведены въ общій волостной магазинъ; остальные же деревни этой волости не всыпали въ магазинъ ни одного зерна. Въ нынѣшнемъ году весь хранившійся въ немъ хлѣбъ былъ розданъ, по осьмины на ревизскую душу, наиболѣе нуждавшимся крестьянамъ, по усмотрѣнію волостнаго старшины. При этомъ хлѣбъ выдавался и тѣмъ крестьянамъ, которые не участвовали въ засыпкѣ магазина, тогда какъ многіе изъ засыпавшихъ вовсе его не получали. Въ другой волости того же уѣзда изъ магазина выдано было весной по вѣлю ржи на душу, но также только наиболѣе нуждавшимся, ибо и въ этомъ магазинѣ далеко не содержалось полного комплекта хлѣба.

Описываемая губернія, какъ наиболѣе потерпѣвшая отъ неурожая, послѣ Архангельской (малолюдной по населенію), получила и наибольшія пособія. Кромѣ губернскаго продовольственнаго капитала (220,000 р.), распределеннаго до послѣдней копейки между уѣздами, на губернію ассигновано 900,000 р. изъ общаго продовольственнаго капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, и сверхъ того выдано комиссіею для сбора частныхъ пожертвованій и московскимъ ея отдѣломъ: 40,300 р. деньгами и на 173,000 р. хлѣбомъ; слѣдовательно всего губернія получила воспособленія на 1.333,300 р. Впрочемъ, изъ сказанныхъ 900,000 р. было отдѣлено 350,000 р. на производство работъ, съ цѣлью доставленія заработковъ мѣстному населенію, а 200,000 р. оставались еще невзятыми въ теченіе минувшаго лѣта. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году большая половина этой губерніи страдала отъ голода, то понятно, что, при всей значительности поименованныхъ средствъ, они, даже и при самомъ лучшемъ ихъ употребленіи, не могли бы обезпечить всѣхъ нуждающихся (въ губерніи 1.140,000 душъ обоего пола); такъ напримѣръ, было

счислено, что на 550,000 р., полученныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала, можно выдавать въ нуждающихся мѣстностяхъ только по 4 гарнца ржи въ мѣсяцъ на человѣка, включая работниковъ и дѣтей до пятилѣтняго возраста. Но независимо отъ того, въ распоряженіи упомянутыми средствами произвели, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, разныя замѣшательства и замедленія, значительно ослабившія ту пользу, которую могли бы получать голодавшіе крестьяне отъ помощи, преподанной имъ правительствомъ и частными жертвователями. Обвиняютъ въ этомъ земскія управы, которымъ вѣрено было распоряженіе всѣми предоставленными на продовольствіе губерніи средствами. Такъ наиримѣръ, хотя сильный недостатокъ продовольствія обнаружился въ описываемыхъ мною уѣздахъ еще въ началѣ осени 1867 г. и многія озимыя поля остались незапѣяными, тѣмъ не менѣе губернская управа только въ концѣ января 1868 г., то-есть въ самый уже развалъ голода, распорядилась выслкою въ эти уѣзды пособія изъ губернскаго продовольственнаго капитала (около 24,000 р. на каждый изъ двухъ уѣздовъ); да прошло болѣе мѣсяца, пока уѣздныя управы приобрѣли хлѣбъ и приступили къ его раздачѣ. Губернская управа оправдывала такое замедленіе необходимостью ожидать на выдачу продовольственнаго капитала разрѣшенія очереднаго губернскаго собранія, бывающаго обыкновенно въ декабрѣ; но, при столь серьезныхъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы созвать чрезвычайное собраніе еще въ самомъ началѣ осени, еслибы губернская управа дѣйствительно заботилась о народномъ продовольствіи: положеніе урожая вполне бываетъ ясно еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ распоряженіи деньгами, высланными министерствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, земство также не обнаружило ни быстроты, ни расчетливости. Деньги эти были присланы въ губернский городъ въ концѣ февраля. Еслибы земство немедленно распорядилось покупкою хлѣба, то онъ обошелся бы ему на мѣстѣ не дороже 9 р. за куль ржи и 3 р. за куль овса, а при законтрактованіи въ сосѣдней губерніи, и еще того дешевле. Въмѣсто того земство и губернское начальство потратили болѣе мѣсяца времени на переписку, требуя отъ волостныхъ старшинъ свѣдѣній о существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ и ведя переговоры съ мѣстными хлѣбными торговцами; губернская же управа хлопотала болѣе всего о земляныхъ работахъ. Первые покупки были произведены уѣздными управами уже въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Торговцы, пользуясь такимъ промахомъ земства, брали съ него за рожь по 11 р., а за овесъ по 5 р., наживая на каждый куль по 2 р. Вообще здѣсь того мнѣнія, что земство, даже и въ это время,

могло бы сдѣлать покупку хлѣба гораздо экономнѣе. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ члену управы (изъ дворянъ) выдано было 22,000 р. для закупки хлѣба въ сосѣдней губерніи, гдѣ цѣны стояли значительно ниже мѣстныхъ; между тѣмъ, если вѣрять рассказамъ, онъ приобрѣлъ хлѣбъ, еще по зимнему пути, дороже, чѣмъ онъ обошелся бы на мѣстѣ. Рассказываютъ еще, будто бы въ другомъ уѣздѣ (не въ числѣ мною описываемыхъ) предсѣдатель управы, по настоянію своей жены, поручилъ закупку хлѣба живущему у нихъ гувернеромъ при дѣтяхъ молодому полячку, изъ студентовъ. Объ этомъ характеристическомъ казусѣ много толковали въ средѣ здѣшней губернской аристократіи, которая, разумѣется, интересовалась при этомъ не столько безцеремонностію отношеній нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ къ общественному дѣлу (на этомъ пути никто изъ здѣшнихъ аристократовъ другъ другу не уступить), сколько нѣкоторымъ отгѣнкомъ скандала, примѣшаннымъ въ сказанной исторіи. О работахъ, открытыхъ здѣшнимъ земствомъ для прокормленія мѣстнаго населенія, ходятъ также различныя слухи. Повторять ихъ я не буду, не разъ убѣдившись на опытѣ, какъ слухи и газетныя корреспонденціи бывають часто далеки отъ истины, и что вѣрять можно только тому, что видѣлъ собственными глазами. Не подлежитъ, какъ кажется, сомнѣнію одно обстоятельство, именно — что нѣкоторые помѣщики этой губерніи, взявъ подрядъ на участіи сказанныхъ работъ (они раздавались безъ торговъ), передавали ихъ потомъ другимъ лицамъ, съ полученіемъ отступнаго. Бывъ въ губернскомъ городѣ, я встрѣтилъ одного помѣщика, моего школьнаго товарища; онъ сожалѣлъ, что не догадался также взять подрядъ, чтобы получить потомъ отступнаго, и при этомъ никакъ не могъ понять, что эти отступныя суть куски хлѣба, вырываемые изо рта у голодающихъ работниковъ.

Въ противоположность дѣйствіямъ здѣшняго земства, съ замѣчательною быстротою и распорядительностію дѣйствовалъ московскій отдѣлъ комиссіи для пособія пострадавшимъ отъ неурожаа, а также и главная комиссія въ Петербургѣ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Московскій отдѣлъ, учрежденный 8 февраля нынѣшняго года, уже 16-го февраля отправилъ въ здѣшнюю губернію 20,000 р., и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился о закупкѣ хлѣба какъ въ этой губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею. Купленный отдѣломъ хлѣбъ уже съ первыхъ чиселъ марта сталъ доставляться въ нуждавшіеся уѣзды этой губерніи, такъ что наибольшая его часть получена еще по зимнему пути и по цѣнамъ значительно низшимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ закупало хлѣбъ мѣстное земство.

Вообще комиссія и московскій ея отдѣлъ оставили по себѣ свѣтлую память. Высокое и любезное Россіи имя, стоявшее во главѣ комиссіи, внушало жертвователямъ особое къ ней довѣріе, такъ что пожертвованія, особенно въ Петербургѣ, стеклись съ невиданною у насъ дотолѣ щедростію; быстрота же, разсчетливость и добросовѣстность дѣяствій комиссіи и отдѣла вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

При раздачѣ земствомъ хлѣбныхъ ссудъ произошли въ этой губерніи замѣшательства, истинныя причины которыхъ я не могъ вполне себѣ разъяснить, хотя спрашивалъ о томъ у многихъ крестьянъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что весной, то-есть въ началѣ раздачи ссудъ, большинство крестьянъ рѣшительно отказывалось отъ полученія ихъ хлѣбомъ, а желало получать деньгами; вслѣдствіе этого нѣкоторыя уѣздныя управы, боясь, чтобы купленный ими хлѣбъ не остался у нихъ на рукахъ, продали его купцамъ, а чрезъ нѣкоторое время снова должны были покупать его, но уже по гораздо высшимъ цѣнамъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прочелъ въ одной газетной корреспонденціи такое объясненіе этого печальнаго происшествія, что его слѣдуетъ приписать наущенію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей, подговаривавшихъ крестьянъ не брать хлѣбомъ, потому-де, что царь велѣлъ выдавать имъ деньгами, по 15 р. на душу, а земство, изъ своихъ выгодъ, накупило хлѣба по дорогой цѣнѣ. Весьма возможно, что были и подобныя случаи подговора: между крестьянами шныряютъ часто подозрительныя личности, и не изъ однихъ солдатъ и исключенныхъ семинаристовъ, а иногда, изъ людей дворянскаго званія, изъ праздношатающихся и обманывавшихъ помѣщичьихъ дѣтокъ, которые норовятъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Но нельзя однако допустить, чтобы отказъ отъ хлѣбныхъ ссудъ, повторившійся одновременно въ нѣсколькихъ уѣздахъ, произошелъ единственно отъ наущенія двухъ-трехъ такихъ личностей; въ подобныхъ общераспространенныхъ явленіяхъ всегда есть общія и болѣе самостоятельныя причины. Вотъ что удалось самому мнѣ узнать изъ разспросовъ у крестьянъ и у одного волостнаго старшины. Въ одной волости крестьянамъ было предложено, уже въ концѣ марта, ѣхать въ сосѣднюю губернію, верстъ за 120, за хлѣбомъ, купленнымъ земствомъ, и получить его въ ссуду. Въ это время начиналась уже распутица; крестьяне боялись пробить долго въ дорогѣ, истратиться на харчи и лошадиный кормъ, измучить лошадей, и потому отказались отъ поѣздки, надѣясь добыть хлѣба другими средствами. Такъ объясняли сами крестьяне причину своего отказа. Въ другихъ случаяхъ крестьяне, по ихъ

словамъ, отказывались отъ хлѣба потому, что земство ставило его въ большую цѣну, чѣмъ по какой можно было купить его на мѣстѣ, и хотя расрочивало ссуду, но съ процентами, входить въ которые крестьяне не желали, опять-таки надѣясь извернуться собственными средствами. Рассказывали, что въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ съ особою силою, земское начальство требовало, чтобы крестьяне немедленно уплачивали половину стоимости ссужаемаго хлѣба, а другую половину расрочивало на два года. По всему видно, что въ первое время все дѣлалось впопыхахъ и крестьянамъ не были разъяснены, какъ должно, условія, на которыхъ предлагалось имъ пособіе. Эта неизвѣстность, въ соединеніи съ обычными недоувѣріемъ и боязнію крестьянъ ко всему, что идетъ отъ начальства, едва-ли не были главною причиною ихъ отказовъ отъ хлѣба. Въ срединѣ лѣта, когда голодъ достигъ высшей степени, тѣ же самые крестьяне, которые весной отказывались отъ ссуды, осаждали волостныхъ старшинъ, требуя пособій. Но тогда хлѣбъ выдавался имъ уже въ самомъ ничтожномъ количествѣ и рѣдкими приемами: часть запасеннаго земствомъ хлѣба была, какъ уже сказано, продана обратно; другая часть, законтрагованная у подрядчиковъ, не была вовсе ими доставлена. Земство стало выдавать пособія преимущественно деньгами, и уже волостные старшины сами покупали хлѣбъ и раздавали его наиболѣе нуждавшимся деревнямъ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторая часть денегъ еще весной выдавалась прямо на руки крестьянамъ, для покупки овса на обмененіе.

Земство выдавало пособія разнымъ деревнямъ въ весьма различномъ количествѣ, смотря по собраннымъ отъ волостныхъ старшинъ свѣдѣніямъ о степени существовавшей нужды; многія деревни не получили вовсе пособія. Въ тѣхъ двухъ волостяхъ, въ которыхъ не существуетъ запасныхъ магазиновъ, отпущено было, до половины іюня 1868 г., сперва по 3 гарнца ржи, а потомъ по 2 на ревизскую душу, и сверхъ того выдано по 60 коп. на душу для покупки овса на посѣвъ. Въ другомъ уѣздѣ выдано было въ одну волость для покупки хлѣба 600 р., что составляетъ менѣе 60 коп. на ревизскую душу, такъ-какъ въ этой волости считается болѣе 1,000 душъ. Въ бытность мою въ этой волости на сходѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ толпа мужиковъ, человекъ въ пятьдесятъ, съ шумомъ осаждала старшину, упрекая его за то, что онъ оставляетъ ихъ голодать и не хлопочетъ о выдачѣ имъ новаго пособія, тогда какъ другія волости получили по два и по три раза. При этомъ нѣкоторые крестьяне, вѣроятно принявъ меня за чиновника изъ губерніи, жало-

вались миѣ на старшину, говоря, будто бы онѣ, при выдачѣ магазиннаго хлѣба (по осьминѣ на душу) и денежныхъ пособій, обращаетъ вниманіе только на мужиковъ состоятельныхъ, а бѣдниковъ оставляетъ безъ помощи. Они увѣрили, что нѣкоторые изъ получившихъ хлѣбъ продавали его другимъ съ баришомъ, не имѣя въ немъ нужды. Трудно распознать, на сколько въ этихъ словахъ было правды и на сколько преувеличенія. Крестьяне вообще завистливы и песговорчивы; притомъ они не долюбиваютъ этого старшину за то, что онѣ держитъ ихъ въ строгости и не оставляетъ безъ удовлетворенія жалобъ помѣщиковъ. Крестьяне говорятъ о немъ, что онѣ танетъ только сторону помѣщиковъ и богатыхъ мужиковъ. Дѣйствительно, этотъ старшина представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ аристократа между крестьянами; это тотъ самый, который арендуетъ у помѣщиковъ значительныя земли и платитъ иногда подати за крестьянъ. Онѣ знается преимущественно съ помѣщиками и богатыми крестьянами, и потому естественно принимаетъ не очень близко къ сердцу нужды мелкой братіи. Но надобно также замѣтить, что исправный возвратъ выдаваемыхъ ссудъ прямо лежитъ на отвѣтственности старшины, и потому, вѣроятно, онѣ отказывалъ въ ссудахъ тѣмъ крестьянамъ, которые, по своему разстроенному хозяйству и безпечности, подавали мало надежды на ихъ возвращеніе. Въ слѣдъ за этимъ сходомъ, старшина ѣздилъ въ земскую управу просить вторичнаго пособія, и получилъ оттуда 275 р., на которые купилъ, въ концѣ іюня, у одного мѣстнаго помѣщика 25 четвертей ржи по 11 р. Изъ нихъ выдано было тотчасъ по нѣскольгу гарнцевъ на человѣка въ самыя нуждавшіяся деревни. Это была, въ упоминаемомъ уѣздѣ, послѣдняя помощь крестьянамъ до новаго урожая, тагъ-какъ, по словамъ старшины, въ управѣ не было больше ни копейки денегъ. А до новаго урожая оставался еще цѣлый мѣсяцъ! Въ другую волость того же уѣзда выдана было земствомъ, еще весною, денежная ссуда на посѣвъ овса, рассчитанная по осьминѣ на душу, и еще вторично, на прокормленіе, по 50 коп. на душу. И въ этой волости помощь выдавалась не всѣмъ крестьянамъ, а только наиболѣе нуждавшимся. Въ одной деревнѣ, принадлежащей къ другой волости, крестьяне получили всего по 25 коп. на душу; въ одну волость присланъ былъ однажды всего одинъ кулъ ржи. Вѣроятно это были пособія, присылаемыя изъ московскаго отдѣла и петербургской комиссіи и распредѣлявшіяся земствомъ по мѣрѣ нужды разныхъ волостей и деревень. Въ сосѣднемъ уѣздѣ получено однажды изъ московскаго отдѣла 900 пудовъ ржаныхъ сухарей, весьма тщательно уложенныхъ въ ящики.

Нерѣдко я слышалъ отъ крестьянъ жалобы на то, что пособія раздавались несоотвѣтственно нуждѣ: одиѣ деревни, терпѣвшія крайнюю нужду, получали очень мало или вовсе ничего не получали; другія, менѣе нуждавшіяся, получали больше и чаще; кто изъ волостныхъ старшинъ больше хлопоталъ въ земствѣ, тотъ и больше получалъ на свою волость. Едва-ли и возможна была въ этомъ случаѣ раздача, совершенно соразмѣрная со степенью нужды: отъ крестьянъ трудно узнать правду, на сколько кто изъ нихъ нуждается, особенно когда нужда гнететъ ихъ всѣхъ. Вѣроятно, были и лицепрятія со стороны волостныхъ старшинъ. Но зато случалось, какъ я уже упоминалъ, что и крестьяне продавали полученный ими хлѣбъ. Миѣ рассказывали даже случай, когда два мужика, получивъ деньги на овесъ, тотчасъ же ихъ пропили въ кабаки. Но примѣръ нѣсколькихъ негодяевъ не можетъ служить укоромъ всѣмъ крестьянамъ, точно такъ, какъ невозможность совершенно уравнительной раздачи хлѣба не уничтожала пользы, полученной крестьянами отъ пособій.

Хлѣбъ и деньги, отпускаемые въ волости, выдавались крестьянамъ въ видѣ ссудъ, которыя должны быть возвращены деньгами въ три года, съ ростомъ по 6⁰/₁₀₀; нѣкоторая же часть денегъ и хлѣба выдавались безъ возврата: по всей вѣроятности, это были пожертвованія, полученные изъ комиссiи и московскаго ея отдѣла. Относительно оцѣнки хлѣбныхъ ссудъ, выдававшихся крестьянамъ здѣшнимъ земствомъ, принять быдъ, какъ я слышалъ, такой порядокъ: пожертвованныя деньги присоединялись къ тѣмъ, которыя выданы правительствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, но купленный хлѣбъ отпускался крестьянамъ по цѣнѣ, уменьшенной пропорціонально пожертвованной суммѣ. Впрочемъ, это уменьшеніе должно было быть весьма незначительно, такъ-какъ вся денежная сумма, присланная въ губернію изъ комиссiи и отдѣла, равнялась 40,300 р., и нѣкоторая часть ея была роздана деньгами.

Многіе читатели, узнавъ, что пособія, выдававшіяся крестьянамъ, равнялись часто нѣсколькимъ гарцамъ на мужскую душу, вѣроятно готовы будутъ назвать такія пособія бесполезными, такъ-какъ ими нельзя было продовольствоваться до новаго урожая. Но надобно знать то положеніе, въ которомъ находились минувшимъ лѣтомъ здѣшніе крестьяне, чтобы понять, какъ дороги были для нихъ и эти гарцы ржи и овса, получавшіеся ими насчетъ продовольственнаго капитала и частныхъ пожертвованій: безъ нихъ многія здѣшнія деревни буквально могли бы вымереть голодною смертію. Расскажу то, что я видѣлъ соб-

ствѣнными глазами въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ теченіе нынѣшняго лѣта. Мы пріѣхали въ одну деревню съ помѣщикомъ, у котораго нѣкоторые изъ тамошнихъ крестьянъ только что получили замѣтно по кулю ржи. Въ первомъ дворѣ мы вели хозяйну отпереть кѣтъ; въ ней не оказалось ни зерна хлѣба, и только было нѣсколько гарницевъ льняной мякны. На порогѣ хаты сидѣла толпа голодныхъ ребятшекъ, отъ двухъ до пяти лѣтъ (дѣтей и племянниковъ хозяйна), съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его возвращенія. Завидя его, они подняли веселый визгъ и стали просить хлѣба. Хозяинъ, суроваго и озабоченнаго вида, молча прошелъ мимо нихъ и повелъ насъ въ хату. Мы отворили печь; она была нетоплена и совершенно пуста: въ хатѣ не варили никакого приварка. Мы спросили, есть ли хлѣбъ; крестьянинъ досталъ кусокъ, не болѣе полутора фунта: это была смѣсь изъ одной части ржаной муки и двухъ частей льняной мякны, колючая при глотаніи и почти вовсе немѣвшая хлѣбнаго вкуса. Въ избѣ стояла дѣжа со вновь утвореннымъ хлѣбомъ, изъ муки, полученной утромъ отъ помѣщика; мы открыли дѣжу: муки почти не было замѣтно между массою льняной мякны. Намъ привесли напоказъ небольшой кусокъ хлѣба изъ другой хаты: этотъ былъ еще чернѣе и колючѣе и имѣлъ вкусъ земли, смѣшанной съ соломой; онъ былъ испеченъ изъ сора, выметеннаго въ амбаръ и на гумнѣ, съ малою примѣсью ржаной муки. Въ цѣлой деревнѣ не оставалось уже ни зерна собственнаго хлѣба; все у кого была еще мякина, овсяная и льняная. Это было около 12-го іюня, слѣдовательно до новаго хлѣба оставалось еще болѣе мѣсяца, если предположить, что въ нынѣшнемъ году, по случаю ранняго зрѣнія ржи и крайней нужды въ хлѣбѣ, жатва начнется около Ильина дня. Женщина, которую мы видѣли въ хатѣ, хотя еще не старая, но изможденная и имѣвшая на лицѣ какіе-то темныя прыщи и пятна, говорила намъ, что она совсѣмъ измалась и едва держится на ногахъ отъ худой пищи. Всѣ крестьяне этой деревни имѣли видъ исхудалый и озабоченный; подрѣзавшіяся щеки и впалые глаза свидѣтельствовали о претерпѣваемыхъ ими лишеніяхъ. Всѣ лишніе работники ушли еще съ весны въ другія губерніи, на желѣзныя дороги и нныя работы. Оставшіеся дома теряютъ много времени, рыская по деревнямъ, мельницамъ и постояннымъ дворамъ, чтобы достать нѣсколько гарницевъ ржи или овса, для прокормленія себя и своей семьи. Возвращаясь съ тяжелыхъ полевыхъ работъ, они ложатся спать съ пустымъ желудкомъ; многіе в утромъ не имѣютъ, что перекусить, и голодаютъ по цѣлымъ днямъ. Дѣти ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, ту же неудобосваримую массу,

которую питаются взрослые. Несмотря на то, я, къ удивленію моему, замѣтилъ, что большая часть дѣтей сохраняла еще свѣжій и здоровый видъ. Вѣроятно, это надобно приписать молоку, которое, несмотря на петровъ постъ, крестьяне не возбраняютъ малымъ дѣтямъ. Но иногда мнѣ попадались дѣти старшаго возраста, поражавшія меня впалыми глазами и какимъ-то старческимъ видомъ, каковаго я никогда прежде не встрѣчалъ въ дѣтяхъ: это были дѣти голодныя. Вслѣдствіе преувеличеннаго понятія нашихъ крестьянъ о постѣ, они не дозволяютъ въ теченіе его ѣсть молоко дѣтямъ, вышедшимъ изъ младенческаго возраста. Какъ ни велика была нужда крестьянъ въ упомянутой деревнѣ, но они считали себя еще счастливѣе многихъ. Въ томъ же уѣздѣ есть много деревень, гдѣ озимыя поля остались незабѣянными и гдѣ крестьяне стали голодать еще съ прошедшей осени. Въ разговорѣ съ нами, крестьяне выражали признательность Государю и жертвователямъ за полученныя ими пособія, и говорили, что безъ этого имъ пришлось бы умирать съ голоду. Для этихъ людей вопросъ былъ уже не въ продовольствіи, не въ сытости, а буквально въ спасеніи отъ голодной смерти, и сіе-то великое благодѣяніе оказывали имъ тѣ гарницы ржи и овса, которые они время отъ времени получали изъ правительственнаго пособія и частныхъ пожертвованій. Въ другомъ уѣздѣ я жилъ въ мѣстности, также значительно лучшей противъ другихъ по положенію продовольствія; но и тамъ большинство крестьянъ давно уже пріѣло собственный хлѣбъ. Къ помѣщику того имѣнія, въ которомъ я жилъ, почти ежедневно являлись толпы крестьянъ просить взаимы хлѣба. Часто, вмѣсто всякихъ объясненій, они произносили краткую фразу: ѣсть хотимъ. Въ этомъ уѣздѣ я не видалъ мякиннаго хлѣба, потому что мякина была уже вся употреблена въ пищу; крестьяне ѣли чистый хлѣбъ, но въ такихъ пріемахъ, которые едва могли поддерживать у нихъ процессъ жизни. Встрѣчать мужика, неѣвшаго два и даже три дня, было здѣсь не рѣдкость. Въ одной деревнѣ я видѣлъ, какъ крестьяне, вмѣсто приварка, хлебали зеленую ботву съ огорода, сваренную въ одной водѣ, безъ всякой другой приправы, кромѣ щепотки соли. «Развѣ у васъ нѣтъ коноплянаго масла?» спрашивалъ я у нихъ. «Мы и въ хорошіе годы не употребляемъ коноплянаго масла, отбѣчали они; только изрѣдка въ постные дни мы прибавляемъ въ приварокъ коноплянаго соку. Мы только и можемъ уплачивать выкупные платежи доходомъ съ нашихъ конопляниковъ, и потому продаемъ свою коноплю почти до послѣдняго зерна». Особенно бѣдственно положеніе семействъ малоробочихъ, которыя теперь весьма размножились, вслѣдствіе

безпрестанныхъ раздѣловъ. Часто бываетъ, что въ домѣ, при одномъ работникѣ, находится куча дѣтей и подростковъ и ни зерна хлѣба. Бросить поле безъ обработки — значитъ остаться зимою безъ пищи; а если работать въ полѣ, то кому же идти добывать хлѣбъ на прокормленіе! Да такому малосильному хозяину никто и не дастъ взаймы хлѣба, такъ-какъ нѣтъ надежды на возвратъ долга. Даже волостные старшины, какъ я уже упоминалъ, отказываютъ такимъ бѣднякамъ въ выдачѣ хлѣба изъ магазина или насчетъ получаемыхъ пособій, опасаясь, что сдѣланная ссуда не будетъ возвращена. Войдя въ одну хату, я нашелъ въ ней вдову, лишившуюся мужа назадъ тому три мѣсяца, и двухъ малыхъ дѣтей, изъ которыхъ одно грудное. Другой ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, слушая мой разговоръ съ его матерью, печально промолвилъ: «если бъ былъ татка (отецъ), принесъ бы хлѣба». Былъ уже вечеръ, а дѣти не ѣли еще ничего съ самаго утра. Старшій сынъ вдовы, мальчикъ лѣтъ тринадцати, началъ въ полѣ, а дочь, лѣтъ десяти, возила навозъ. Мать просила взаймы хлѣба у сосѣдняго помѣщика, но получила отказъ, такъ-какъ, она не подавала никакой надежды возвратить долгъ, а отработать его у нея было негдѣмъ. Она принуждена была наконецъ пойти по деревнямъ собирать милостыню. Уходя изъ деревни, я встрѣтилъ ее старшихъ дѣтей, сына и дочь, ѣхавшихъ въ телегѣ съ работы; исхудалыя лица и страдальческій видъ ихъ доказывали, что желудки ихъ были пусты цѣлый день, а тяжелая работа нанурила ихъ послѣднія дѣтскія силы. Неподалеку отъ насъ есть деревня, выгорѣвшая наканунѣ Духова дня; крестьяне, безъ крова и хлѣба, живутъ въ сараяхъ, и многіе изъ нихъ не въ состояніи будутъ выстроиться къ зимѣ. Таково положеніе большинства крестьянъ въ этомъ, сравнительно лучшемъ окологдѣ одного изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ. На противоположномъ его краю, покрытомъ огромными лѣсами, со множествомъ болотъ, нужда, по слухамъ, достигла крайней степени. Одна помѣщица, живущая въ тѣхъ окрестностяхъ, говорила мнѣ, что еще въ августѣ прошедшаго года тамошніе крестьяне ходили по помѣщикамъ, прося хлѣба на озимый посѣвъ. Тифъ, почти никогда непревращающійся между крестьянами той мѣстности, совмѣстствуетъ съ прошедшею осажою съ чрезвычайною силою.

Къ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ крестьянами вслѣдствіе прошлагоднаго неурожая, присоединилась жестокая засуха нынѣшнимъ лѣтомъ, угрожающая, что будущій годъ будетъ еще голоднѣе настоящаго. Съ мая мѣсяца и по 11-е іюля, когда я пишу эти строки, здѣсь почти вовсе не было дождей; растительность

поддерживалась только обильными росами. Въ концѣ іюня отъ жаровъ стали горѣть лѣса и даже такіа болота, по которымъ, за топиною, нельзя было пройти въ прежнее время. Земля засохла и растрескалась на полтора аршина въ глубину. Яровые, взшедшіе—было довольно хорошо, остановились въ ростѣ и представляютъ теперь, почти въ половинѣ іюля, жалкій видъ травы, едва видной отъ земли и пожелтѣвшей отъ зноя; между тѣмъ гречиха и ленъ уже около недѣли стали цвѣсти, а овесъ давно уже повыветался. Если бездождіе продлится еще недѣлю, то, по общему мнѣнію, гибель яровыхъ несомнѣнна. Рожь также пострадала отъ засухи, хотя и въ гораздо меньшей степени. Въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ, сравнительно лучшемъ, рожь бѣльшею частію нрядна, преимущественно на помѣщичьихъ поляхъ; но на нѣкоторыхъ крестьянскихъ нвахъ она такъ рѣдка и низка, что ее нельзя будетъ жать, а придется косить. На такихъ нвахъ она едва-ли уродится самъ-другъ. Вообще здѣсь замѣчено, что рожь поздняго сѣва бываетъ хуже ранней; несмотря на то, крестьяне почти постоянно запаздываютъ посѣвомъ, что, по мнѣнію помѣщиковъ, слѣдуетъ объяснить только ихъ нерадѣніемъ и привычкою откладывать всякое дѣло до послѣдней возможности. Уже по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, мнѣ присланы слѣдующія свѣдѣнія объ урожаѣ ржи въ этомъ уѣздѣ, добытыя на мѣстѣ отъ одного официального лица: всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ въ уѣздѣ считается 42,000; изъ нихъ въ 4,000 рожь очень хороша, въ 13,000 хороша, въ 17,000 посредственная, въ остальныхъ 8,000 плоха и даже мѣстами очень плоха. Яровые, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, почти повсемѣстно плохи; хотя мѣстами и есть хорошіе, но такихъ мѣстъ весьма мало. Предвидится сильный недостатокъ въ яровой соломѣ, а также и въ сѣнѣ; уже въ концѣ іюля сѣно въ ближайшемъ къ описываемымъ мѣстамъ уѣздномъ городѣ продавалось по 40 коп. за пудъ. Въ другомъ уѣздѣ количество полей съ худымъ урожаемъ, судя по слухамъ, гораздо значительнѣе. Забывъ къ одному изъ тамошнихъ мировыхъ посредниковъ (около половины іюля), я видѣлъ у него донесенія волостныхъ старшинъ объ озимомъ урожаѣ нынѣшняго года. Изъ 7 волостей, составляющихъ этотъ мировой участокъ (всѣхъ волостей въ уѣздѣ 20), въ одной волости, за посѣвомъ, останется ржи на продовольствіе до 1-го января, а въ другой только до 1-го октября, но во второй волости семь деревень не будутъ имѣть ржи на обмененіе. Въ остальныхъ пяти волостяхъ рожь мѣстами нрядна, мѣстами плоховата, вообще же лучше прошлагодной. Яровыхъ, по донесенію старшинъ, не хватитъ во многихъ деревняхъ даже на

обсѣменение; въ нѣкоторыхъ же, немногихъ селеніяхъ яровые изрядны. Я слышалъ, что, по расчету земской управы, на одно обсѣменение крестьянскихъ полей потребуется въ этомъ уѣздѣ не менѣе 60,000 р. пособія. Въ концѣ іюля крестьяне, какъ мнѣ пишутъ, стали уже приходить къ посредникамъ просить пособія на сѣмена. По общему мнѣнію, этому уѣзду предстоитъ голодъ и въ будущемъ сельско-хозяйственномъ году. Отъ одного тамошняго мирового посредника, пріѣзжавшаго въ Петербургъ осенью, я слышалъ, что въ большинствѣ деревень продовольствія хватить только до 1-го января. Къ голоду должна присоединиться потеря лошадей и рогатаго скота, какъ вслѣдствіе бывшаго тамъ падежа, такъ и отъ недостатка корма: травы посохли, а яровой соломы, главнаго корма для крестьянскаго скота, почти вовсе не будетъ. Притомъ многіе крестьяне, заложившіе свои овчины и армяки и неизбѣжіе средствъ ихъ выкупить, останутся зимою безъ одежды.

Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ деревняхъ, несмотря на всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя крестьянами, за ними состоятъ весьма мало недонюкъ въ казну и помѣщикамъ: подати, оброки и другіе платежи за первую половину года внесены ими болѣею частію сполна. Эта исправность крестьянъ, въ столь бѣдственное для нихъ время, должна бы быть весьма поучительна для тѣхъ помѣщиковъ, которые безпрестанно кричатъ о распущенности мужиковъ, а сами не платятъ по дѣльнымъ годамъ тѣхъ небольшихъ сборовъ, которые слѣдуютъ съ нихъ въ земство. Едва-ли однако здѣшніе крестьяне будутъ въ состояніи уплатить повинности за вторую половину года; обнищаніе ихъ замѣтно для самаго поверхностнаго взгляда и въ будущей веснѣ должно еще болѣе усилиться. Замѣчу также, что и многіе изъ здѣшнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ бѣдствуютъ почти не менѣе мужиковъ. Одинъ волостной старшина говорилъ мнѣ, что двѣ помѣщичьи обращались къ нему съ просьбою о выдачѣ имъ заимообразно хлѣба изъ пособій, отпускаемыхъ крестьянамъ. По словамъ старшины, этимъ помѣщикамъ дѣйствительно нечего было ѣсть. Въ другомъ изъ описываемыхъ двухъ уѣздовъ земская управа постановила выдавать на продовольствіе бѣднѣйшимъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ по 48 в. въ мѣсяцъ на человѣка; потомъ это пособіе было, какъ я слышалъ, увеличено до 90 коп.

Чрезвычайное губернское земское собраніе, бывшее въ іюлѣ мѣсяцѣ, признало, что для обсѣмененія полей во всѣхъ уѣздахъ, пораженныхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, необходимо 160.000 р.; но затѣмъ нашло возможнымъ обойтись безъ новыхъ

денежных пособій собственно на прокормленіе жителей, если только будутъ расширены упомянутыя выше земляныя работы, для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію, и будутъ предоставлены жителямъ льготы по уплатѣ податей и другихъ сборовъ. По ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, означенная сумма 160,000 р. ассигнована земству, въ началѣ августа, изъ общаго продовольственнаго капитала, заимообразно на три года, безъ процентовъ. На усиленіе же земныхъ работъ, сверхъ отпущенныхъ уже 350,000 р. изъ общаго продовольственнаго капитала и 300,000 р. изъ казны, вновь ассигновано изъ казны 30,000 р. и испрашивается еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отпускъ 434,000 р. Министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ, какъ видно, съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе несчастной губерніи; дай Богъ, чтобы земство сумѣло распорядиться, какъ слѣдуетъ, средствами, отпускаемыми въ его руки для доставленія заработковъ голодающему населенію. Мы писали, что изъ упомянутыхъ 160,000 р. отпущено на обмененіе 30,000 р. въ тотъ уѣздъ, гдѣ, по соображеніямъ уѣздной управы, нужно было для этой цѣли 60,000 р. Уѣздная управа сначала не могла нигдѣ найти хлѣба на эти деньги и хотѣла было вовсе отказаться отъ его приобрѣтенія; наконецъ ей удалось гдѣ-то его купить. Не знаю однако, послѣлъ ли этотъ хлѣбъ во времени озимаго посѣва.

Какія противоположныя ощущенія вызвала нынѣшнимъ лѣтомъ деревенская жизнь въ городскомъ жителѣ, случайно заброшенномъ въ эти края! Солнце въ полномъ блескѣ посреди голубаго, безоблачнаго неба; прозрачный воздухъ наполненъ цѣлительными ароматами, несущимися отъ рощей и луговъ; уснувшее озеро блещетъ своею неподвижною синевою; вдали горизонтъ окаймляется темною полосой лѣса; кругомъ невозмутимая тишина и безмолвіе; только изрѣдка пронесется изъ глубины рощи и потонетъ въ воздухѣ свистъ какой-нибудь птицы. Среди этого великолѣпія, ясности и торжественнаго покоя окружающей природы, люди, казалось бы, только и могутъ дышать миромъ, довольствомъ и благоговѣніемъ. А между тѣмъ въ этихъ, чернѣющихъ вдали деревняхъ, гнѣздятся голодъ, подавляющія заботы и мрачная безнадежность; на этихъ окаменѣвшихъ нашинахъ виднѣтся исхудалый и печальный народъ, напрягающій послѣднія силы надъ своимъ неблагодарнымъ трудомъ. Отъ продолжительной засухи почва затвердѣла, какъ камень; соки не могутъ углубляться въ землю и ломаются; оводы цѣлыми роями терзаютъ лошадей; люди и лошади выбиваются изъ силъ и земледѣлецъ принужденъ оставлять свое

поле неспаханнымъ. А тутъ рядомъ, на ровныхъ поляхъ, едва торчатъ изъ земли жалкіе и уже пожелтѣвшіе всходы, погибшій трудъ цѣлаго года. Я видѣлъ, какъ одинъ крестьянинъ, взявъ двѣ сохи надъ своею явою, сталъ поливать ее водою изъ близкаго озера. Конечно, этотъ приемъ оказался бесполезнымъ: нуженъ сильный дождь въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы размягчить окаменѣвшую землю. Бездождіе, какъ слышно, продолжается и въ сосѣднихъ уѣздахъ. Будущее все болѣе и болѣе представляется въ мрачномъ видѣ. По церквамъ совершаются за обѣдами продолжительныя молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, о ниспосланіи дождя.

Когда видишь нашъ народъ въ такія тяжкія години, какъ нынѣшняя, тогда-то встаетъ предъ глазами колоссальный образъ той силы, которая спасала его во всѣхъ невзгодахъ и восполняла ему недостатокъ многихъ другихъ качествъ, которыми обдѣлили его природа и исторія: эта сила есть неистощимое терпѣніе нашего народа, способность его переносить всевозможныя лишенія и бѣдствія, не впадая въ отчаяніе и не покидая, до послѣдняго издыханія, борьбы съ гнетущими его обстоятельствами. Проходя этими полями, на которыхъ молчаливая толпа мужчинъ и женщинъ спокойно дѣлала свое обычное дѣло, встрѣчаясь съ этими людьми, отъ которыхъ не слышно было ни ропота, ни мольбы о помощи, ни буйныхъ порывовъ отчаянія, нельзя бы, казалось, и подумать, что они давно уже сѣли послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба и что у нихъ не осталось почти никакой надежды и на будущій урожай. Крестьяне, приходившіе просить въ займы хлѣба къ знакомымъ мнѣ помѣщикамъ, терпѣливо и безъ малѣйшихъ сѣтованій выслушивали отказъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняли еще при этомъ способность шутить, смѣяться и балагурить, хотя было извѣстно, что они не ѣли по цѣлымъ суткамъ. Другіе смиренно сознавались, что постигшее ихъ бѣдствіе было Божиимъ наказаніемъ за ихъ грѣхи. А между тѣмъ имъ было извѣстно, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ закромы полны еще хлѣба... Едва-ли въ какой-либо другой европейской странѣ народъ могъ бы выносить голодъ съ такимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Только замогнущая по деревнямъ русская пѣсня наводила на мысль, что крестьянамъ было уже не до пѣсней и хороводовъ. Проживъ въ деревнѣ болѣе мѣсяца, я ни разу не слышалъ крестьянскаго пѣнія, столь обычнаго въ нашихъ деревняхъ при возвращеніи съ работъ и подъ большіе праздники.

Другая, столь же извѣстная черта, отличающая русскій народъ отъ иноземцевъ, есть его сострадательность; она осо-

бенно выказывается въ такіа тяжкіа времена, какъ нынѣшнее. Крестьянинъ, у котораго въ хатѣ есть еще запасъ хлѣба, не отказываетъ удѣлить кусокъ нищему, хотя и собственная его семья ѣсть только вполголода. Этому мірскому милостынею только и можно объяснить, что въ нашихъ окрестностяхъ не было еще доселѣ случаевъ голодной смерти. Милостыней кормятся, по деревнямъ и въ городахъ, преимущественно вдовы, малолѣтки, старики и старухи изъ бобылей, наконецъ больные и неспособные къ работѣ, составляющіе тягость для ихъ семействъ. Къ чести нашего дворянства слѣдуетъ сказать, что оно не уступаетъ крестьянамъ въ чувствѣ христіанскаго милосердія. Многие здѣшніе помѣщики, въ томъ числѣ и такіе, которые сами терпятъ стѣсненіе, не отказываютъ въ кускѣ хлѣба приходящимъ нищимъ. Одинъ богатый и титулованный помѣщикъ, живущій большую часть года въ Петербургѣ, открылъ минувшею зимою большія постройки въ своемъ имѣніи, чтобы доставить заработки своимъ прежнимъ крестьянамъ. Я однако замѣтилъ, что здѣшніе крестьяне, вынужденные просить милостыню, охотнѣе обращаются за нею къ своему брату—мужику, чѣмъ къ помѣщикамъ, или же идутъ въ города. Въ одномъ имѣніи помѣщикъ разрѣшилъ-было давать молоко для крестьянскихъ дѣтей сосѣдней деревни, терпѣвшей крайнюю нужду; однако крестьяне, по чувству самолюбія, почти вовсе не пользовались этою даровою дачею. Крестьяне помнятъ, что они довольно-таки досаждали помѣщикамъ своею неговорчивостію, нежеланіемъ идти къ нимъ въ работу, самовольнымъ нарушеніемъ договоровъ, потравами и порубками; однимъ словомъ, они сознаютъ, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были не очень дружелюбны, и потому имъ тяжело теперь протянуть помѣщикамъ руку за милостынею. Другое дѣло — попросить хлѣба въ займы и за работу; это не можетъ считаться милостынею, хотя бы крестьянинъ и рассчитывалъ про себя затянуть долгъ на неопредѣленное время. Вообще крестьяне охотнѣе принимаютъ помощь отъ людей вовсе имъ постороннихъ и невзвѣстныхъ, но стыдятся нищенствовать въ своемъ окологдѣ. Потому-то въ деревняхъ нищие встрѣчаются довольно рѣдко, даже въ это голодное время. Мужикъ, который жилъ собственнымъ хозяйствомъ, рѣшается идти по міру только въ самой крайней нуждѣ. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ, что, войдя въ первый разъ въ чужую избу за милостынею, онъ не могъ промолвить слова и высоко чилъ изъ нея, какъ угорѣлый; «а потомъ помаленьку привыкъ», добавилъ онъ. Зато города, особенно губернскаго, биткомъ набиты нищими. Едва настанетъ утро, они одинъ за другимъ

начинають ходить по домамъ и лавкамъ до самыхъ вечерень. Конечно, они получаютъ подаеніе далеко не вездѣ. У купцовъ имъ обыкновенно подаются маленькіе баранки изъ такъ-называемой вторички, величиною въ четвертакъ, по два и по три баранка на человѣка. Есть и такіе благодѣтельные люди изъ дворянъ и купцовъ, которые велятъ печь хлѣбъ нарочно для нищихъ и раздаютъ его каждодневно. Въ губернскомъ городѣ между нищими встрѣчаются иногда крестьяне, которые въ теченіе нѣсколькихъ недѣль питались однимъ щавелемъ; они имѣютъ огромные животы, распухшее тѣло и отличаются полумертвеннымъ видомъ и какимъ-то равнодушіемъ, походящимъ на идиотизмъ. Желудокъ ихъ уже не въ состояніи переваривать хлѣба, который дѣлается для нихъ губительнымъ. Жители даютъ имъ мясной супъ и другую легкую пищу. Слышно, что въ уѣздѣ губернскаго города было уже много случаевъ голодной смерти. Одного изъ этихъ несчастныхъ анатомировали и нашли кишки совершенно пустыми.

Какъ ни велико теперь число нищихъ въ городахъ, но все-таки оно должно быть признано ничтожнымъ сравнительно съ массою народа, бѣдствующаго отъ голода по деревнямъ. Вообще мнѣніе о склонности русскаго народа къ нищенству (этого мнѣнія я и самъ прежде держался, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ) показалось мнѣ крайне преувеличеннымъ и несправедливымъ, когда я увидѣлъ, съ какими лишениями борются теперь наши крестьяне и что только весьма немногіе изъ нихъ, угрожаемые голодною смертію, рѣшаются пойти по міру. Нѣмецкіе пролетаріи несравненно болѣе нашихъ крестьянъ склонны къ нищенству, не говоря уже о томъ, что нѣмецкіе нищіе отличаются назойливостію и беззастѣнчивостію, о которыхъ у насъ не имѣютъ и понятія. Если у насъ есть нищіе, обратившіе нищенство въ постоянное ремесло, и есть даже цѣлыя деревни, промышленяющія прошеніемъ милостыни и сборомъ на погорѣлор, то эти явленія отнюдь не составляютъ черты народнаго характера; они происходятъ, во-первыхъ, отъ отсутствія у насъ порядка и полицейскаго надзора, чѣмъ пользуются всякаго рода негодяи и празднолюбцы, а во-вторыхъ, эти явленія суть неизбѣжныя слѣдствія того, что общественная благотворительность никогда не была у насъ устроена правильно и разумно. Для раздачи милостыни у насъ не отыскиваютъ истинно нуждающихся и несчастныхъ, а подаютъ ее всякому, кто вздумаетъ протянуть руку; поэтому милостыни наичаще попадаетъ у насъ въ руки негодяевъ, обратившихъ нищенство въ выгодный промыселъ. Нѣкоторые религіозные обычаи и учрежденія еще бо-

дѣе облегчаютъ людямъ порочнымъ и празднотлюбивымъ средства жить на счетъ нашей неразумной благотворительности. Неспособность русскаго люда къ общественнымъ соглашениямъ и къ правильному организованію чего бы то ни было, уменьшаетъ такимъ образомъ пользу его личной сострадательности и нерѣдко обращаетъ ее даже во вредъ общественному порядку и нравственности. Такъ и въ настоящее время, личная благотворительность къ голодающимъ дѣйствуетъ въ городахъ враздробь, но не получаетъ ни возбужденія, ни правильнаго устройства путемъ общественнаго соглашенія. Въ губернскомъ городѣ нѣкоторые жители мнѣ говорили, что они охотнѣе пожертвовали бы извѣстную сумму, по своимъ средствамъ, для устройства столовъ для нищихъ, чѣмъ каждый день и ежеминутно видѣть подъ окнами и на кухнѣ толпы нищихъ, между которыми нѣтъ возможности отличить истинно нуждающихся отъ тѣхъ, для которыхъ нищенство сдѣлалось прибыльнымъ ремесломъ. Особенно ничего не можетъ у насъ клеиться и достигать цѣли тамъ, гдѣ заправлять дѣломъ берутся наши такъ-называемые губернскіе аристократы и аристократки. Они не могутъ смотрѣть серьезно ни на какое дѣло и все обращаютъ только въ предметъ чванства или развлеченія отъ скуки. Другія сословія, зная съ давнихъ поръ эти замашки губернской аристократіи, никогда не принимаютъ добровольно къ ея предпріятіямъ, хотя бы они имѣли самую лучшую цѣль. Такъ и въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ составилась-было дамскій комитетъ для устройства столовъ для бѣдныхъ; немедленно собрано было до 2,000 руб.; но вслѣдъ затѣмъ возникла распря о томъ, кому изъ аристократокъ начальствовать въ комитетѣ и принимать дань хвалы и удивленія отъ своихъ согражданъ и отъ редакціи губернскихъ вѣдомостей. Между губернскими аристократками произошла сцена, и комитетъ разстроился послѣ перваго же засѣданія. Хотя столъ для бѣдныхъ и существуетъ (съ платою по 3 коп. сер. за входный билетъ), но охотниковъ покупать эти билеты для нищихъ является очень немного, такъ что полиція должна почти принудительно навязывать ихъ купцамъ.

Съ конца іюня многіе здѣшніе крестьяне, доведенные до послѣдней крайности, стали продавать коровъ и лошадей; но покупатели находились рѣдко, потому что продолжительные жары посушили травы и предвидѣлся недостатокъ въ кормѣ. Около Петрова дня бываетъ ярмарка въ одномъ изъ ближнихъ уѣздныхъ городовъ. Къ этому дню потянулись туда крестьяне съ своимъ скотомъ. Но цѣны давались тамъ низкія; покупателями были почти одни мелкіе промышленники, или булаки. Крестьяне

большую часть вернулись домой съ своими лошадьми и коровами, и осенью должны будутъ продать ихъ на шкуру.

Къ довершенію бѣдствій, отъ продолжительныхъ жаровъ и мучительной работы на окаменѣвшей почвѣ, при худомъ кормѣ, на лошадей открылся, въ началѣ іюля, падѣжъ, имѣющій несомнѣнные признаки сибирской язвы. Гдѣ-нибудь на тѣлѣ образуется желвакъ, который быстро разрастается, и лошадь падаетъ, часто въ тотъ же самый день, въ который заболѣла. Падѣжъ быстро распространяется по окрестнымъ уѣздамъ. Во всемъ нашемъ околудѣ, на пространствахъ многихъ десятковъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ ни одной деревни, въ которой не пало бы уже по нѣскольку лошадей. Мѣстами начинаютъ падать также коровы и свиньи. Въ одной сосѣдней деревнѣ умеръ мужикъ, вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ содралъ шкуры съ палыхъ лошадей; другой крестьянинъ также заболѣлъ отъ той же причины, но потомъ оправился. Это новое бѣдствіе навело на крестьянъ сильное уныніе: лошади составляютъ рабочую силу крестьянина и, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, суть единственное его богатство. Зажаточный крестьянинъ, потерявъ лошадей, вырощенныхъ или пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, разомъ становится бѣднякомъ и часто не можетъ уже поправиться. Здѣсь насчитываютъ уже нѣсколько такихъ мужиковъ, внезапно разорившихся въ послѣдніе дни отъ потери всѣхъ своихъ лошадей; придетъ жатва, а имъ неначемъ будетъ привести снопа съ поля. Несчастный народъ, терпѣливо переносившій голодь, всполошился теперь при этомъ новомъ бѣдствіи, угрожающемъ въ конецъ разорить его бѣдное состояніе. Мужики и бабы ходятъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, выпрашивая, для леченія лошадей, кто камфоры, кто нашатиря, кто мышьяку. Ничего этого ни у кого здѣсь не имѣется, и лошади погибаютъ безъ всякаго пособія. О ветеринарахъ нѣтъ здѣсь и слуху; весьма рѣдки даже простые коновалы, все искусство которыхъ состоитъ въ бросаніи руды, что въ эпизоотіи не приноситъ, какъ кажется, ни малѣйшей пользы. Бросаніе же крови здоровымъ еще лошадямъ положительно для нихъ пагубно, какъ я слышалъ отъ опытныхъ людей; между тѣмъ коновалы, являясь въ деревню, начинаютъ обыкновенно съ того, что отерываютъ кровь всѣмъ лошадямъ, больнымъ и здоровымъ, получая по 3 и по 5 коп. съ головы. Здѣшнее земство, доживающее уже свое первое трехлѣтіе, не позаботилось ни о лекарахъ, ни о ветеринарахъ, и вообще не проявило себя ничѣмъ полезнымъ для народа. Заботливость здѣшнихъ крестьянъ, хотя въ настоящемъ случаѣ и бесплодная, о поданіи помощи заболѣвавшему скоту служитъ опроверженіемъ толковъ, будто бы наши

мужики считаютъ бесполезнымъ всякое врачебное пособіе, какъ людямъ, такъ и животнымъ, объясняя все Божиимъ попущеніемъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Правда, крестьяне наши непредусмотрительны и неспособны, какъ и всѣ мы русскіе, къ общественымъ соглашеніямъ; она, напримѣръ, едва-ли когда-нибудь позаботится сами нанять, насчетъ нѣсколькихъ волостей, ветеринара или медика: думать и предусматривать за нихъ долго еще должны будутъ власти. Но когда бѣда страсется надъ ними или ихъ скотомъ, то они обращаются ко всѣмъ, кого считаютъ способнымъ оказать имъ помощь. Боятся они только нашихъ градскихъ больницъ, зная по опыту, что онѣ были доселѣ только обманомъ и пародіею больницъ, куда больные отправлялись, какъ на вѣрную смерть. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ этихъ мѣстъ, прибылъ туда единственный, имѣющійся въ губерніи ветеринаръ, высланный губернскимъ начальствомъ, по требованію, какъ говорили, того титулованнаго помѣщика, о которомъ упоминалось выше. Но что можетъ сдѣлать одинъ ветеринаръ, когда падѣжъ начинаетъ охватывать уже 4 уѣзда *.

Общее заключеніе о состояніи продовольствія въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ я былъ лично или о которыхъ имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія отъ тамошнихъ крестьянъ, можно сдѣлать такое. Нужда существуетъ въ нихъ въ различной степени, и притомъ, въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ она сильнѣе, чѣмъ въ другомъ. Это послѣднее обстоятельство видно между прочимъ и изъ того, что въ первомъ уѣздѣ значительное количество крестьянъ разбрелось по деревнямъ и городамъ просить милостыню, тогда какъ во второмъ нищія встрѣчаются сравнительно гораздо рѣже, а въ нашемъ окологдѣ ихъ почти не было видно. Въ первомъ уѣздѣ и пособія выдавались крестьянамъ чаще, чѣмъ во второмъ. Въ извѣстной мѣ мѣстности втораго уѣзда есть три или четыре достаточныя деревни, гдѣ крестьяне извлекаютъ свои доходы не столько изъ земледѣлія, сколько изъ разныхъ промысловъ: ѣздятъ въ извозъ, занимаются по городамъ и деревнямъ плотничною и штукатурною работою; здѣшніе штукатуры ходятъ даже въ Петербургъ; двѣ деревни имѣютъ собственныя мельницы. Крестьяне этихъ зажиточныхъ деревень запаслись покупнымъ хлѣбомъ; нѣкоторые довольствуются даже собственнымъ, прошлогоднимъ сборомъ, и хотя ѣдятъ не вдосталь, но и не голодаютъ, а даже ссужаютъ хлѣбъ сосѣдямъ. Изъ одной такой деревни крестьяне ѣздили зимою за хлѣбомъ въ одинъ хлѣбородный

---

* По возвращеніи въ Петербургъ, я получилъ извѣстіе, что падѣжъ, къ счастью, скоро прекратился.

уѣзлъ другой, даже не сосѣдной губерніи, верстъ за 300. Зажиточные люди всегда и вездѣ предусмотрительнѣе и запасливѣе бѣдняковъ, которыхъ всѣ помыслы подавлены только заботою о завтрашнемъ днѣ. Но такіа достаточныя селенія составляютъ здѣсь исключеніе. Остальныя деревни въ извѣстныхъ мнѣ окологкахъ обонхъ уѣздовъ можно бы раздѣлить на два разряда. У однихъ собственнаго хлѣба хватило на большій срокъ, такъ что, распродавъ кое-что изъ своего имущества и войдя въ долгъ, онѣ могли растянуть купленный и занятый ими хлѣбъ до настоящей минуты, и хотя мѣшали его съ мякиной, но не испытывали того, что собственно называется голодомъ. Другія же деревни пріѣли собственный хлѣбъ еще зимою, и уже въ декабрѣ прошедшаго года пытались смѣсями, почти неизмѣвными подобія хлѣба. Въ такихъ деревняхъ крестьяне поддерживаютъ свое существованіе только урывочнымъ питаніемъ, то изъ выдаваемыхъ имъ пособій, то изъ хлѣба, добываемаго ими въ долгъ или чрезъ продажу своего скота и пожитковъ. Положеніе такихъ крестьянъ вполнѣ можетъ быть названо голодомъ, и если о случаяхъ голодной смерти еще не было слышно въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ, то это надобно объяснить какъ привычною здѣшнихъ крестьянъ ко всевозможнымъ лишениямъ (они и въ обыкновенные годы ѣдятъ пушной хлѣбъ), такъ и тѣмъ, что совершенно обнищавшіе и голодные находятъ себѣ пропитаніе прошеніемъ милостини. Притомъ, много крестьянъ ушло на желѣзныя дороги и другіе заработки; ушедшіе присылаютъ деньги своимъ семействамъ. Деревни послѣдняго разряда, испытывающія настоящій голодъ, составляли большинство въ первомъ изъ двухъ уѣздовъ, гдѣ я прожилъ всего одну недѣлю, около половины іюня. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ голодъ еще болѣе тамъ усалился. Въ другомъ уѣздѣ, гдѣ я пробылъ около четырехъ недѣль и который оставилъ 11-го іюля, одну половину сосѣднихъ съ нами деревень можно отнести къ первому разряду нуждающихся, другую — ко второму, т. е. къ голодному. Однако, здѣсь и эти голодные деревни, находясь среди другихъ, менѣе нуждающихся, оказываются въ болѣе счастливомъ положеніи сравнительно съ голодными деревнями перваго уѣзда. Разумѣется, и въ голодныхъ деревняхъ встрѣчаются крестьяне болѣе или менѣе достаточные, которые не подходятъ подъ общее заключеніе. Изъ числа сосѣднихъ уѣздовъ два находятся, по слухамъ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Знакомый мнѣ арендаторъ большаго имѣнія, живущій въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, рассказывалъ, что въ нихъ околodikъ, въ одной деревнѣ, изъ 120 рев. душъ умерло отъ голода въ іюнѣ 37 душъ.

Многіе здѣшніе крестьяне, какъ бывшіе помѣщичья, такъ и государственные, истощенные голодомъ, распродаютъ свой скотъ и позитки для покупки хлѣба, видя свои поля незасяянными еще съ прошлогодней осени, впали въ отчаяніе и устремились къ переселенію въ дальнія губерніи. Это переселеніе въ неизвѣстныя страны могло бы принять большіе размѣры, если бы не было сдерживаемо земскою полиціею и убѣжденіями мировыхъ посредниковъ. Нынѣшнею весною, какъ рассказывалъ мнѣ очевидецъ, въ одномъ изъ двухъ описываемыхъ мѣстъ уѣздовъ становой читалъ крестьянамъ какую-то бумагу о переселеніи въ Самарскую или Оренбургскую губернію; въ бумагѣ этой между прочимъ говорилось, что крестьяне должны сперва послать туда выборныхъ людей для осмотра мѣстъ. Это объявленіе произвело большое движеніе между крестьянами; двѣ волости объявили поголовно, что онѣ желаютъ идти на переселеніе. Между тѣмъ въ другомъ, сосѣднемъ уѣздѣ я слышалъ отъ одного изъ мировыхъ посредниковъ, что имъ и земской полиціи подъ строжайшею отвѣтственностію предписано препятствовать всѣми способами попыткамъ въ переселенію и убѣждать крестьянъ, что нигдѣ нѣкакихъ земель имъ не отводится. Не знаю, какъ согласить эти два противорѣчивыя сообщенія, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться; вѣроятно, второе предписаніе было послѣдующимъ и дано именно для отвращенія тѣхъ серьезныхъ затрудненій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе перваго. По слухамъ, стремленіе къ переселенію приняло гораздо большіе размѣры въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ мнѣ не случилось быть, хотя этотъ уѣздъ весьма мнѣ близокъ по воспоминаніямъ перваго дѣтства. Тамъ, повидимому, нужда и лишения между крестьянами достигли крайней степени. Очевидцы говорятъ, что въ этомъ уѣздѣ голодные крестьяне, преимущественно изъ государственныхъ селеній, еще съ зимы стали распродавать свои позитки, а съ наступленіемъ весны, побросали свои хижинны и незасяянныя поля и толпами устремились на переселеніе, съ женщинами и дѣтьми, не зная сами, куда они идутъ. Однихъ успѣли вернуть, другіе ушли; но, конечно, большая часть ихъ должна погибнуть на пути въ неизвѣстную и далекую страну. По слухамъ, раздача пособій въ этомъ уѣздѣ производилась крайне безпорядочно. Въ одномъ официальном документѣ, напечатанномъ въ газетахъ въ срединѣ сентября, сказано, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстнаго начальства еще въ февралѣ нынѣшняго года, въ описываемой губерніи былъ почти повсемѣстный голодъ, преимущественно же въ тѣхъ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ,

а также въ томъ, гдѣ обнаружилось такое сильное стремленіе къ переселеніямъ. «Въ этихъ трехъ уѣздахъ—сказано въ документѣ—приблизительно двѣ трети населенія не имѣли ни ржи на продовольствіе, ни ярогого хлѣба для обмѣненія. Запасные магазины почти всѣхъ волостей губерніи были въ неудовлетворительномъ состояніи. Вслѣдствіе недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, начали появляться болѣзни и усиливаться воровства и грабежи». О послѣднемъ обстоятельстве, т.-е. о воровствахъ и грабежахъ, я ничего не слыхалъ отъ мѣстныхъ жителей; мнѣ самому приходилось не разъ ѣздить, въ глухую полночь, по проселочнымъ дорогамъ и черезъ здѣшніе густые лѣса, и со мною ничего подобнаго не случалось. Воровства въ нашихъ околицахъ случались, но не чаще обыкновеннаго, а главное—виновниками ихъ были не голодающіе крестьяне, но нѣкоторые, всѣмъ извѣстные здѣсь негодяи, давно уже безнаказанно промышляющіе этимъ ремесломъ.

Сваддингъ.

(Продолженіе будетъ.)

НОЧЬ ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Гроза давно умолкла. Влажная земля
Покоится въ здоровомъ усыпленьи;
Дохнули свѣжестью окрестныя поля
И лѣсъ сосѣдній замеръ, словно въ восхищеньи.

Далевой мельницы однообразный шумъ,
Какъ усыпляющая пѣсня старой няни,
Наводитъ на душу, усталую отъ думъ,
Забвенье личныхъ чувствъ, тревогъ, надеждъ, желаній...

Здѣсь духъ стоитъ на томъ великомъ рубежѣ,
Мирашемъ временное съ вѣчною свободой,
Когда въ исполненной гармоніи душѣ
Мы чуемъ родственную связь свою съ природой.

Безлунной лѣтней ночи строгій полусвѣтъ
Облежъ весь спящій міръ торжественности краской:
Такъ любящій супругъ, въ разцвѣтѣ силъ и лѣтъ,
Глядитъ въ глаза подруги съ мужественной лаской...

И одинокая, съ насупленнымъ челомъ,
По небу тучка тихо двигается съ юга,
Какъ будто человекъ, что медленно въ свой домъ
Плетется съ похоронъ любимѣшаго друга...

Ив. Г.-М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОѢЗДКИ.

I.

Цѣль моего путешествія. На Николаевской желѣзной дорогѣ я убѣждаюсь, что, кѣмъ въ карманѣ полтинникъ, можно выиграть самое спорное дѣло, пропустивши даже законные сроки. Приятное сосѣдство въ спальномъ вагонѣ. Хлѣбъ для голодныхъ, вымачиваемый подъ дождичкомъ и подариваемый подъ солнышкомъ. Московскіе городовые, неумѣрившіе никакого сравненія съ нѣтербургскими. Гулянье въ Сокольникахъ, на которомъ я замѣчаю въ московскихъ студентахъ влеченіе къ ковардамъ. Штурмъ вагоновъ третьяго класса Нижегородской дороги. Нѣкоторые, небылоуны для публики, свидѣнія, собранныя на волжскомъ пароходѣ.

Видно правду говорить, что хорошо только тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Не знаю, какъ другихъ, но меня, по крайней-мѣрѣ, постоянно куда-то тянетъ: такъ бы вотъ набилъ чемоданъ, да и уѣхалъ. Впрочемъ, есть основаніе предполагать, что такого рода слабость чувствую не одинъ только я, а почти всѣ мои соотечественники безъ различія сословія и независимо отъ той обстановки, при которой они живутъ. Возьмите, напримѣръ, нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ: ну, чѣмъ бы имъ, казалось, не житье? Вѣкъ свой ничего не дѣлай и ѣшь себѣ щи съ правниками; а между тѣмъ и эти идеально-счастливые люди нерѣдко продавали хлѣбъ свой на корню, за два, за три года впередъ, чтобы ударить куда нибудь въ Баденъ-Баденъ въ рулетку и въ карточки поиграть, или въ Напцу — полежать подъ тѣнью лимонныхъ деревьевъ. Купечество наше и прикащикій людъ постоянно мечтаютъ, какъ бы поскорѣе ударить на нижегородскую армарку, преимущественно въ Кунавину слободу, въ которой, какъ извѣстно, сосредоточиваются всевозможныя удовольствія. Наконецъ, и «черныя непросвѣщенныя», сирѣчь мужики, отличающіеся, какъ постоянно намъ толковали, необыкновенною привязанностью къ домашнему очагу, — в эти, какъ оказалось, постоянно стремятся переѣхать на какую-то Дарью-рѣку съ кисельными берегами и съ сытной водой, а иныя рады бы ѣхать и въ такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни кисельныхъ береговъ, ни

сытней воды. Приравняемость въ населенному и переселенному мѣсту и здѣсь оказалась такою же слабою и ничтожною, какъ перегнившая веревка, на которой нѣсколько лѣтъ сряду держали цѣпную собаку около господскихъ хлѣбныхъ амбаровъ.

Въ концѣ мая мѣсяца, когда все петербургское население выѣзжаетъ изъ города на дачи, или за границу, — и я тоже послѣдовалъ общему примѣру. На первыхъ порахъ вновь нанятая дача привела меня въ восторгъ: вездѣ зелень, сады и вода; видъ съ балкона открывался верстъ на десять и даже дальше. Удобства увеличивались еще вслѣдствіе того обстоятельства, что дача моя стояла не непосредственно на землѣ, а на крышѣ чужой дачи, въ которой жили какіе-то нѣмцы.

Черезъ нѣсколько дней оказались, однакоже, нѣкоторыя неудобства, прежде мною незамѣченныя. Съ открытаго залива со втораго же дня по моему пріѣздѣ началъ дуть холодный вѣтеръ съ упорствомъ неимовѣрнымъ, и указавъ мнѣ, изъ какого матеріала строятся петербургскія загородныя дачи нашими предпримчивыми нѣмцами. Оказалось, что хитрый нѣмецъ скотилъ мое жилище просто изъ тонкихъ барочныхъ досокъ, пробитыхъ, какъ рѣшето, дырами, оставшимися изъ-подъ гвоздей; слѣдовательно, ничто не мѣшало буйному вѣтру вторгаться въ мою квартиру и задувать свѣчку въ то время, когда мнѣ хотѣлось, чтобы она горѣла. Иной разъ даже страхъ забиралъ, какъ бы меня, вмѣстѣ съ мезониномъ, не сорвало съ крыши чужой дачи. Наконецъ, въ половинѣ іюня, буйные вѣтры поунались, опасность миновала, но появилась за то другая бѣда: дымъ и смрадъ, извѣстіями о которыхъ, за неимѣніемъ другихъ, лучшихъ матеріаловъ, нынѣшнее лѣто пробавлялись всѣ наши газеты. Сначала дымокъ показывался маленькій, и то только по вечерамъ; потомъ все больше да больше и, наконецъ, до слезъ началъ доводить: являясь новая опасность обратиться въ нѣчто въ родѣ копченой корюшки. Подумалъ-подумалъ я — и рѣшился ѣхать; куда бы то ни было, но непременно ѣхать. Почему, на примѣръ, по Волгѣ, по Камѣ не проѣхаться? Почему не посмотрѣть, какія въ этомъ, родомъ мнѣ, краѣ дѣла творятся? Съ достаточною ли быстротою развивается тамъ общественная жизнь, которой, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе дано вразъ нѣсколько сильныхъ подзатыльниковъ сверху? Много новаго я тамъ увижу, еще болѣе услышу, а, вдобавокъ, избавлюсь на время отъ дыма и смрада, который разъѣдаетъ глаза. Не зналъ, не вѣдалъ я еще тогда, что петербургскій дымъ и смрадъ успѣютъ прокоптить и пропитать гарью и горечью всю Русь безъ исключенія, даже и самыя отдаленныя ея края.

Желаніе выбраться какъ можно поскорѣе изъ прокопченнаго Питера было во мнѣ очень сильно, но тѣмъ не менѣе я чуть не опоздалъ на утренній пассажирскій поѣздъ, благодаря флегматическому извощику, котораго трудно было заподозрить въ томъ, чтобы его куда нибудь тянуло отъ биржевой колоды.

Какъ бы то ни было, но въ воксалѣ Николаевской дороги я прибылъ уже въ такое время, когда пассажиры всѣ разиѣстились по вагонамъ, оставивъ на память о себѣ на полу лепешки-грязи и все-какіе обрывки тряпокъ. По огромной залѣ 3-го класса спокойно расхаживали двое или трое сторожей.

— Что, ужъ теперь нельзя? обратился я къ одному изъ расхаживающихъ по залу.

— Опоздали! отвѣчалъ сторожъ.

— Экая досада! Еслибы зналъ, то извозчика бы лучше нанялъ. Пусть бы лишній полтинникъ ужъ вышелъ... Еслибы кто билетъ мнѣ досталъ, я и сейчасъ бы не прочь полтинникъ заплатить...

Немедленно послѣ этихъ словъ, сказанныхъ про себя, съ досады, одинъ изъ сторожей, молча, взявъ у меня саекъ-воляжъ и, указавши пальцемъ на притворенную дыру въ кассу, отправился по направленію къ ней, пригласивъ и меня слѣдовать за собою. Вслѣдъ за этимъ я тотчасъ же убѣдился, что человѣку, располагающему свободномъ полтинникомъ, предоставляется полнѣйшая возможность выиграть самое спорное дѣло, пропустивши даже законные сроки.

Въ томъ отдѣленіи спальнаго вагона, въ которое усадилъ меня добрый сторожъ, народъ собрался все спокойный, молчаливый, повидимому склонный болѣе къ созерцанію и отчасти ко сну, чѣмъ къ спорамъ и оживленной бесѣдѣ. Ближайшій мой сосѣдъ— купецъ съ лопатообразной бородой, по крайней-мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ молча, неподвижно; потомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, перекрестился, вытащилъ изъ-подъ подушки сайку и началъ ее медленно жевать. По крайне-медленному движенію челюстей сосѣда можно было съ большою вѣроятностію предположить, что жевалъ онъ сайку вовсе не потому, чтобы особенный аппетитъ чувствовалъ, а такъ, просто для развлечения. Люди просвѣщенные запасаются съ этою цѣлью газетами, но въ нашемъ непросвѣщенномъ отдѣленіи газетъ нѣтъ не купилъ, но каждый за то вооружился чѣмънибудь съѣстнымъ: кто сайкой, кто вренделемъ; а одинъ изъ пассажировъ, не взирая на постыднй день, вытащилъ даже изъ узелка кусокъ колбасы съ чеснокомъ, что заставляло въ немъ предполагать или человѣка передоваго, съ либеральнымъ образомъ мыслей, или же просто не совсѣмъ православнаго.

Но вѣдь нельзя же было, однако, все время заниматься исключительно жеваніемъ саекъ; нельзя уже потому, что пришлось бы запастись саекъ въ огромномъ количествѣ, тогда какъ пассажиру не позволяется имѣть при себѣ, не сдавая въ багажъ, болѣе двадцати фунтовъ. Не знаю, по этой ли, или по какойнибудь другой причинѣ, но только сосѣдъ мой, даже еще не покидая жвачки, обратился ко мнѣ съ рѣчью, имѣющею видъ формальнаго вопроса судебного слѣдователя:

1) Откуда ѣхать изволете?

2) Здѣсь, въ Питерѣ, и проживаете, или на время только пріѣзжали?

3) А теперь куда ѣдете?

На третій вопросъ я отвѣтилъ, разумѣется, что ѣду въ ту же сторону, въ которую ѣдетъ и онъ, то-есть въ Москву; но сосѣдъ такимъ отвѣтомъ не удовлетворился.

— До Москвы только, или еще дальше? спросилъ купецъ съ физиономіей, невыражавшей, впрочемъ, никакого любопытства. Ясно было, что онъ и допрашивалъ съ тою же самою цѣлью, съ какою и сайку жевалъ.

Я сказалъ, что еще дальше.

— Такъ-съ... промчалъ сосѣдъ. — А вы сами-то чѣмъ изволите быть?

Такой неожиданный запросъ даже озадачилъ меня нѣсколько, потому что я никогда прежде не думалъ о томъ, чей я. Чей, въ самомъ дѣлѣ? Если я скажу, что ничей, то подобный отвѣтъ покажется непопнтнымъ моему пожилому сосѣду, какъ видно, насъвозъ пропитанному исключительно русскими началами, выработанными самостоятельной русской наукой. Послѣ такого отвѣта разспросы моего сосѣда не прекратятся, а, напротивъ, усилятся до такой степени, что придется отдѣлываться отъ него какимъ нибудь крѣпкимъ словомъ, чего бы мнѣ не хотѣлось. Видимое дѣло, что почтенный сосѣдъ со своею, чисто-національной точки зрѣнія, смотритъ на всѣхъ вообще согражданъ какъ полицейскіе служители на городскихъ собакахъ, бѣгающихъ по улицамъ съ ошейниками, или безъ ошейниковъ. Если съ ошейникомъ, то, значитъ, кому нибудь принадлежитъ; ее нужно сбережъ, потому что можно даже ожидать награды; если же безъ ошейника,—то, значитъ, вольная, можетъ быть, даже бѣшеная: всего благоразумнѣе дубиной по лбу треснуть и шкуру содрать. Съ этой точки зрѣнія, въ вопросѣ купца о принадлежности каждаго человѣка другому человѣку ничего не было страннаго, и я, изъ деликатности, долженъ былъ отвѣтить, хотя уклончиво.

— То-есть какъ, чей? переспросилъ я, вмѣсто отвѣта. — Просто вотъ по своимъ дѣламъ въ Москву ѣду, да и все тутъ!

Купецъ, повидимому, удовлетворился, но отъ допроса не отсталъ.

— Вы торговлей какой изволите заниматься, служите гдѣ, али бы такъ-съ?

— Такъ! отвѣчалъ я, потому что фраза эта дѣйствительно всего ближе ко мнѣ подходила, да, притомъ, аснѣ-то и отвѣчать не стоило.

Долго еще продолжался купеческій допросъ. Слѣдователь мой полюбопытствовалъ узнать, былъ ли у меня батюшка, была ли матушка и иные родственники; продолжался бы, вѣроятно, этотъ допросъ вплоть до отвѣта: «убирайтесь отъ меня къ чорту!», еслибы мы не подъѣхали къ какой-то полустанціи, на которой сосѣдъ мой бросился покупать пироги и ватрушки.

Версть за пятьдесятъ отъ Петербурга и дальше, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, видѣлся дѣсной пожаръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дымъ подходилъ къ самой насыпи и дѣвъ въ окна вагона. Печальная мѣстность сдѣлалась еще печальнѣе отъ пожирающаго ее внутренняго, подземнаго огня. Изсохшее болото, да мелкій соснакъ и ельникъ желто-краснаго цвѣта на безконечное пространство, а вдали дымъ. Поневолѣ всѣмъ пассажирамъ вразъ захотѣлось закрыть окошки наглухо занавѣской, поднять полки, замѣняющія кровати, и улечься поспать до обѣда.

Не знаю, какому счастливому случаю мы были обязаны, но только на этотъ разъ нашъ поѣздъ опоздалъ всего на какихъ нибудь двадцать минутъ съ небольшимъ. Въ девять часовъ утра мы уже прокатили мимо Марьиной рощи и потихоньку тянулись мимо цѣлыхъ горъ рогожныхъ кулей съ хлѣбомъ, наваленныхъ грядями по обѣимъ сторонамъ дороги. Это, какъ мы узнали, были запасы продовольствія, предназначенные для нашихъ голодныхъ согражданъ сѣверныхъ губерній: хлѣбные запасы эти здѣсь временно вымачивались подъ дождичкомъ и поджаривались подъ солнышкомъ. О возможности порчи хлѣба, казалось, никому и мысль въ голову не приходила, да едва-ли и могла прійти. Каждый очень хорошо сознавалъ, что обезумѣвшимъ отъ голодухи нашимъ сѣвернымъ братьямъ, привышимъ пожирать вмѣсто хлѣба мохъ, древесную кору и даже *молотыя имля избы*, — и самый дрянной хлѣбъ покажется превосходнымъ, а осолодѣлый хлѣбъ даже долженъ показаться слаще неосолодѣлаго.

Аккуратность, съ какою нашъ поѣздъ прибылъ въ Москву, была до такой степени непривычна, что всѣ мы, пассажиры, взглянули на нее, какъ на нѣчто болѣзненное, ненормальное. Много было разныхъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, наконецъ остановились на томъ, что такъ-какъ на дняхъ Николаевская дорога будетъ сдана главному обществу, то старое начальство на послѣднихъ порахъ захотѣло зарекомендовать себя съ хорошей стороны. Быть можетъ, молъ, главное общество, замѣтивъ въ старомъ начальствѣ рѣзкій поворотъ къ лучшему, переимѣнитъ гнѣвъ на милость и скажетъ: «оставить всѣхъ ихъ, старыхъ, на прежнихъ мѣстахъ и прибавить имъ жалованья, ибо доказано уже тысячами примѣровъ, что отъ прибавки жалованья на Руси чиновники совершенно видоизмѣняются, становясь изъ черныхъ бѣлыми, какъ свѣтъ!» Очень жаль, что старое начальство за умъ хватилось поздно немножко, всего только за недѣлю какую нибудь передъ смертью; а то бы намъ, пассажирамъ, куда бы какъ хорошо было!

Если чтѣ и можетъ броситься въ глаза человѣку, пріѣхавшему изъ Петербурга въ Москву, — такъ это, вопервыхъ, примѣрная грязь и нечистота и, воторныхъ, ничтожное, сравнительно съ петербургскимъ, количество городовыхъ, къ которымъ такъ привыкъ глазъ петербуржца; впрочемъ, первое, то-есть нечистота

по улицамъ, бросается больше въ носъ, чѣмъ въ глаза, а потому я поговорю преимущественно о второмъ, то-есть о городскихъ.

Петербургскіе городовне, какъ извѣстно, народъ все рослый, красивый, одѣтый франтовски; они по угламъ улицъ точно монументы каіе стоятъ, и поза у нихъ величественная и благородная. Иной разъ, какъ протанетъ руку по направленію въ остановившемуся на дорогѣ извозчику, — смотрѣтъ любо: точно статуя Петра-Великаго. Не даромъ, какъ изъ газетъ видно, московскій оберъ-полиціимейстеръ поѣхалъ въ Петербургъ съ исключительной цѣлью посмотреть петербургскую полицію, чтобы, по этому образцу, устроить ее и у себя, въ Москвѣ.

Московскіе городовне не выдерживаютъ никакого сравненія съ петербургскими. Тамъ на иномъ перекресткѣ встрѣтишь городского худеняго, преземистаго, съ какой-то, вовсе невоинственной фізіономіей и одѣтаго мѣшковато, а на другомъ такъ и вовсе его не встрѣтишь и, если спросить, гдѣ онъ? то услышишь въ отвѣтъ: «пошелъ по кварталу полицейскую газету разносить!» Разъ, проходя по Колосову переулку, я случайно набрелъ на ужаснѣйшее побоище: двое московскихъ гражданъ били не на животь—на смерть третьяго московскаго гражданина, а густая толпа московскихъ гражданъ любовалась этимъ зрѣлищемъ среди улицъ. Такъ-какъ избитый едва уже дышалъ, то нѣсколько сострадательныхъ зрителей отправились въ будку и на ближайшій перекрестокъ за городовымъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не отыскали ни одного. На вопросъ, куда же онъ дѣвался?—услыхали они обычный отвѣтъ: «пошелъ полицейскую газету разносить!»

Или, напримѣръ, насчетъ уваженія. Въ Петербургѣ ни одному прохожему, даже пьяному, въ голову никогда не придетъ, въ виду полицейской власти, пачкать какимъ бы то ни было способомъ тротуаръ, или стѣны домовъ, а въ Москвѣ это — сплошь да рядомъ. Въ Москвѣ даже и въ сухую погоду по тротуарамъ ходить мокро, да и самыя стѣны домовъ, сплошь до оконъ перваго этажа, разукрашены никогда невысыхающими потоками помой, называемыми фонтанами московскихъ слезъ.

Такъ-какъ мнѣ никогда еще не случалось бывать на московскихъ загородныхъ гуляньяхъ, то я, пользуясь случаемъ, отправился въ Сокольники на какой-то семейно-танцевальный вечеръ, на которомъ испыталъ за уплаченный рубль тоску самую мучительную. Около одной изъ аллей скучной сосновой рощи отгороженъ былъ тыномъ квадратъ сажень въ 60, на задней сторонѣ котораго стоялъ деревянный амбарчикъ съ колоннами, оказавшійся воксаломъ. Около загорода, съ наружной ея стороны, наставлены стулья, натасканные съ дачъ. Здѣсь тихой похоронной процессіей танулась безконечная цѣпь разодѣтыхъ дамъ и кавалеровъ, которне въ ворота загорода, однако же, не шли, такъ-какъ за входъ нужно было заплатить по рублю. Въ амбар-

чнкѣ, уставленномъ стульями, кое-гдѣ торчали посѣтители и посѣтительницы, слушая жиденькій оркестръ музыки. Ни одобреній, ни порицаній со стороны публики не было: всѣ сидѣли чинно и посматривали вдаль другъ на друга тоскливо. Кто-то въ углу захопалъ—было въ ладоши, но тотчасъ же пересталъ, вѣроятно, сконфузившись своимъ одиночествомъ, а быть можетъ и просто испугавшись законной отвѣтственности. Въ Москвѣ вѣдь былъ уже случай, что за аплодисменты въ театрѣ нѣсколько человѣкъ студентовъ посажены были подъ арестъ и отданы подъ судъ.

Оркестръ попиликалъ часа полтора и скрылся куда-то; слѣдомъ за нимъ разошлись и слушатели изъ загорода, напоминающей собою ошарию. Похоронная процессія двигалась по-прежнему, а изъ глубины рощи доносились звуки шарманки. Когда нѣсколько стемнѣло, въ ошариѣ загляли плошки и стаканчики; далеко по окрестности распространился запахъ блиновъ, жареныхъ въ испорченномъ маслѣ, и въ амбарчикѣ опять появился оркестръ. Теперь публики собралось уже больше прежняго. Появились какіе-то странно одѣтые юноши въ лаковыхъ башмакахъ, бархатныхъ короткихъ пиджакахъ и въ бѣлыхъ военныхъ фуражкахъ съ кокардами и нѣсколько дѣвицъ. Франты съ кокардами, по справкамъ, оказались студентами, изъ которыхъ многіе, какъ рассказываютъ, отличаются любовью къ кокардамъ. Начались танцы,—и я, разумѣется, отправился домой, сожалея о потраченномъ времени и потерянномъ рублѣ.

Облегчивъ разъ на московскомъ увеселительномъ учрежденіи, мнѣ еще больше прежняго захотѣлось поскорѣе ударить вонь, модальнее отъ этихъ центровъ, которые насковозъ меня пронитали и прожали. Потянуло меня неудержимо вдаль, на Волгу и на Каму, гдѣ, по крайней-мѣрѣ, воздухъ почище и жизнь вопревольнѣе.

Судя по тому, какое громадное количество пассажировъ лѣзло въ вагоны нижегородской дороги, можно было подумать, что, выѣстъ со мною, вся Москва тронулась. Вагоны третьего класса буквально брались приступомъ и дѣло обходилось не безъ драги. Здоровенные мужики, подвазавши покрѣче къ синякамъ мѣшки, со скатыми кулаками и свирѣпыми выдомъ храбро лѣзли другъ на друга въ двери вагона, откуда другіе, такіе же свирѣпые люди, толкали штурмующихъ въ грудь и куда пошло. Платформа желѣзной дороги буквально на время обратилась въ поле брани, но ужъ никакимъ образомъ не въ поле чести, потому что брань раздавалась всуду самая непотребаная. Начальство желѣзной дороги не только не вступалось въ разборъ всѣхъ этихъ споровъ и недоразумѣній, доходящихъ до зуботичинъ, но само наускивало новыя толпы рабочихъ съ мѣшками на отчаянные штурмы. Ну, куда вы, осли, лѣзете? Куда лѣзете? озабоченно кричали высунувшіеся изъ вагонныхъ дверей красныя, банныя фязіономіи пассажировъ: ми и то другъ на

дружкѣ сидимъ. На головы, что ли, вы гѣ намъ садете? — Но никакіе доводы не могли остановить штурмующихъ. Пооспрямленые сзади желѣзно-дорожнымъ начальствомъ, они лѣзли неудержимо и, направляемые сзади новыми толпами, обращали всякій разъ самые жестокіе отпоры въ ничто. Здѣсь, стоя на платформѣ нижегородской дороги, можно было получить понятіе о настоящей атакаѣ и штурмѣ, несравненно болѣе ясныя понятія, чѣмъ, напримѣръ, на военныхъ маневрахъ. Здѣсь очень ясно каждый желающій могъ видѣть, какъ это на поляхъ битвъ

«Надъ старымъ строимъ новый строй
Штыки смыкаеть...»

Здѣсь только фразу «штыки смыкаеть» нужно было замѣнить другою, а именно: «мѣшки смыкаеть», потому что штурмующіе рабочіе дѣйствовали своими мѣшками, какъ солдаты штыками. Тутъ набитые мѣшки, выдвигаемые впередъ, вперышихъ, обезсиливали удары и толчки, а восторжкѣ, подавляли своей тяжестью энергію вагоннаго гарнизона. Изъ набитаго вагона, когда онъ, наконецъ, захопывался самимъ начальствомъ, слынались стоны, вопли и брань великая. Нѣкоторые изъ пассажировъ, просунувъ кое-какъ изъ окна голову между десятками другихъ головъ, осмѣливались даже бранить вслухъ начальство, которое, будто бы, за мѣста въ вагонѣ деньги получаетъ, а мѣста отводить на головахъ и плечахъ пассажировъ. Желѣзное начальство слышало брань, видѣло это бранится, но уже не обижалось, а улыбалось только, сознавая, вѣроятно, что за великія мученія можно сдѣлать кое-какую уступку. Въ качествѣ утѣшителя скорбящихъ, въ ту же набитые вагоны послали много, милосерднаго кондуктора, который съ ангельской улыбкой докладывалъ огорченными пассажирамъ, что имъ страдать придется только до третьей или до четвертой станціи, гдѣ болѣе половины публики выльзеть.

Версты за полторы до нижегородскаго воксала предъ глазами нашими предстала та же картина цѣлаго горнаго крижа изъ кулей съ хлѣбомъ подъ открытымъ небомъ, какою мы любовались и на московской. Какой-то чиновникъ, глядя на безконечный рядъ кулей, оглядывался по сторонамъ, проговорилъ громко, на весь вагонъ: «Вотъ ужъ именно правильно говорится, что съ голода не умираютъ люди на Руси святой. Чуть только начальство узвало о кое-какихъ недостаткахъ въ хлѣбѣ, — сейчасъ вонъ сколько навесали, и все вѣдь на пожертвованія. Теперь, вахаетъ, пожаловаться ужъ ни на кого нельзя: слава Богу, благодать!»

— Не пріемли имени Господа твоего воуе! возразилъ степеннаго вида куведъ. — Навезти-то навесали—это точно, да голодные-то изъ этого сыты не будутъ. Хлѣбъ-о-тъ этотъ вотъ ужъ въ мѣсяцъ тутъ лежитъ подъ дождемъ. Солодъ вмѣсто хлѣба олучать наши голодвенькіе!

Многіе изъ пассажировъ улыбнулись невеселой улыбкой, да головами поначали, а у чиновника такая фізіономія сдѣлалась, что, казалось, такъ бы вотъ сейчасъ вразъ онъ два или три предостереженія сдѣлалъ наивному купцу, еслибы сѣдѣлъ не въ вагонѣ и не среди такой публики.

Но невеселыя мысли быстро разсѣялись сами собою. Направо показалась во всей своей красотѣ и величіи, только-что успѣвшая прогорѣть, знаменитая Кунавина слобода, которая чуть не каждый годъ очищается огнемъ и все-таки никакъ не можетъ очиститься отъ грязи. Появилась на горѣ, неизвѣстно съ какою цѣлью воздвигнутая, верзила-башня съ часами, по которымъ съ армарки все-таки нельзя было узнать, который часъ. Предъ зрителями раскинулась цѣлая панорама широкой, мелководной рѣки, горъ, садовъ и красивыхъ издали, но облупленныхъ, а главное, вовсе ни къ чему негодныхъ построекъ, которыми отличаются всѣ наши старинные города, окруженные кирпичными стѣнами на случай нашествія татаръ, хотя нынѣшніе татары дѣлаютъ набѣги не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ миломъ и халатами.

По выходѣ на крыльцо воксала, я тотчасъ же имѣлъ случай убѣдиться, что нижегородская полиція не бездѣйствуетъ. На всѣхъ столбахъ, въ огражденіе пассажировъ, вѣшаны таксы цѣны, по которымъ должны бы возить нижегородскіе извозчики на пароходныя пристани, еслибы извозчики были люди благонамѣренные и послушные. Я, признаюсь, ни въ какія таксы не вѣрю и всегда больше стараюсь придерживаться свободныхъ торговъ и переторжекъ, но за то до смерти люблю смотрѣть на глубоко вѣрующахъ въ нихъ людей, когда они свои вѣрованія горячо начинаютъ примѣнять къ практикѣ.

На этотъ разъ одинъ изъ нашихъ пассажировъ, какъ видно, приверженецъ строгой законности, твердо вѣруя въ таксу, сѣлъ прямо на перваго, близъ стоявшаго, извозчика, и приказалъ трогать на пристань. Извозчикъ молча слѣзъ съ козелъ, снялъ съ дрожекъ сакъ-вожжъ своего непрощеннаго сѣдока и попросилъ самаго сѣдока сойти прочь, потому что онъ уже занятъ. То же самое повторялось съ нимъ разъ пять или шесть, тогда какъ люди, придерживающіеся свободнаго торгова, спокойно садились-себѣ, и уѣзжали. Законникъ перебрался со своимъ сакъ-вожжемъ на крыльцо воксала, горячился, размахивалъ руками и кричалъ, что онъ покажетъ, кто онъ такой, и заставить уважать законъ; грозился въ газетахъ даже пропечатать, — но грубые извозчики не пропались и этимъ. Въ довершеніе несчастія законника, къ нему подошелъ жандармъ и вѣжливо замѣтилъ: «господинъ, потрудитесь сойти внизъ; здѣсь не приказано!..» «А такса-то зачѣмъ? злобно закричалъ законникъ. — А ты-то, наконецъ, зачѣмъ здѣсь торчишь?» «Пожалуйте, господинъ, внизъ!» повторилъ жандармъ уже болѣе настойчиво, и здоровенная рука его въ бѣлой перчаткѣ согнулась, какъ у лакея, когда

онъ намѣревается подсаживать свою старую бариню въ карету... Чѣмъ кончилась исторія, — не знаю, потому что и мнѣ пора было ѣхать на пристань, покуда не разѣхались всѣ извозчики.

Наконецъ, я у цѣли своихъ желаній, на Волгѣ, и, притомъ, на одномъ изъ роскошнѣйшихъ пароходовъ волжской компаніи, подъ названіемъ «Государь», сдѣланномъ въ Англии, не по нашему. Это не то, что какой-нибудь меркурьевскій «Купецъ» или «Молодецъ», на которыхъ сидишь точно на водяной мельницѣ, да и то на такой, которая вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ въ старые годы сдавалась обыкновенно въ аренду за 15 рублей въ годъ.

Пассажировъ на роскошномъ пароходѣ было, какъ говорится, разъ-два — да и обчелся; впрочемъ, и всѣ вообще пароходы, во время открытія нижегородской армарки, внизъ по Волгѣ идутъ рустми, ввучая уже съ избыткомъ свои протори и убытки на обратномъ пути. Случается, что въ этотъ армарочный періодъ времени на пароходахъ (особенно самолетской компаніи, отличающейся своей отъѣвной безцеремонностью) пассажировъ везутъ съ такими же точно удобствами, съ какими въ добрые времена возили негровъ-невольниковъ изъ Африки въ Америку. Палубу сплошь уставать ящиками съ астраханскими фруктами, которыми торгуютъ и капитанъ, и лоцманъ, и матросы; въ промежуткахъ навалить дровъ, а въ свободныя щели, между фруктами и дровами, напустить человѣкъ 200, такъ-называемыхъ, пассажировъ 3-го класса, съ которыми обыкновенно обращаются съ меньшей церемонностью, чѣмъ съ дровами. Каюты 2-го класса, въ эти тяжкіе для пассажировъ времена, тоже превращались въ нѣчто въ родѣ тюремныхъ камеръ съ варами по стѣнамъ. Отъ вошіющихъ неудобствъ освобождаются лишь только каюты перваго класса, и то потому единственно, что въ нихъ нѣрѣдко сидятъ воинственнаго вида служащіе и отставные генералы.

На нашемъ пароходѣ пассажировъ собралось до такой степени много, что даже тоска забирала. Въ огромную кабину собралось всего человѣкъ семь-восемь: форсисный русскій кучинокъ съ европейской наружностью, армянинъ, чахоточникъ, умирающій офицеръ, чиновникъ съ красивыми бачками, и еще двѣ какія-то личности, которыхъ разглядѣть не представлялось случая. Темныя эти личности, какъ только вступили въ кабину, сейчасъ раздѣлись по домашнему, залегли спать, и спали вплоть до Казани, нзрѣдва только, второпаяхъ, выбѣгая на палубу. Въ женскомъ отдѣленіи помѣщалась кучиха, молоденькая вертливая баринья и горничная.

Чахоточнаго офицера везли, какъ оказалось, на кумисъ, хоти каждому, и не медю, было ясно, что онъ ѣдетъ прямо на какое нибудь изъ владѣнцъ Самарской губерніи. Вольной еле двигался, бранилъ все кого-то и безпрестанно приказывалъ при-

слугѣ закупоривать окна въ каютѣ, хотя для пассажировъ, неразсчитывающихъ еще на владбище, это было положительно невыносимо. Всѣ отправились на палубу. Туда же вышла и вертлявая барышня, какъ оказалось, жена умирающаго офицера. Несмотря на постигшее ее несчастіе, она хохотала безъ умолку, и только изрѣдка, видимо искусственно, дѣлалась на минуту серьезною, печально качала головою, хотя въ то же время глаза у нее смѣялись. Теперь только сдѣлалось мнѣ понятнымъ, къ кому обращалась брань умирающаго офицера, неподвижно лежавшаго въ душевной каютѣ. Предъ глазами моими разыгрывалась, значить, одна изъ тѣхъ плачевныхъ семейныхъ драмъ, которыя каждому, сколько нибудь наблюдательному человѣку, таскавшемуся по бѣлому свѣту, случается владѣть чаще, чѣмъ постоянному носѣтителю Александринскаго театра плохія тенденціозныя драмы и водевили съ клубничнымъ характеромъ.

Щеголеватый купчикъ распылился предъ будущей неутѣшною вдовой, какъ бѣсъ передъ заутреней; чиновникъ съ бачками мало чѣмъ уступалъ купчику, а армянинъ и самъ, какъ видно, сознавая себя неспособнымъ конкурировать съ этими господами по разговорной части, пристально, не спуская глазъ, смотрѣлъ на барыньку и повременамъ вздыхалъ.

Даже и ночью духота не позволяла спуститься въ каюту, въ которой стоналъ умирающій. Ночь была теплая, свѣтлая, и Волга казалась еще привольнѣе, нежели днемъ. Ловко управляли два рослые, плечистые лодмана рулевымъ колесомъ, не посадивъ нашего «Государя» ни разу на мель, что съ другими пароходами случается—таки частенько. Кстати, въ послѣднее время почти уже ни одна пароходная волжская компанія не приглашаетъ въ капитаны морскихъ нашихъ офицеровъ, какъ это еще недавно было въ обычаѣ у всѣхъ компаній. Вопервыхъ, флотскіе офицеры обходились очень дорого, а вовторныхъ, рассказываютъ, что они чаще, нежели кто другой сажали пароходы на мель, такъ—какъ имъ Волга была столько же извѣстна, сколько волжскимъ лодманамъ извѣстно Балтійское море. Отдавая полную справедливость искусству нашихъ балтійскихъ моряковъ, съ каковыми они проводятъ военные фрегаты и броненосныя суда мимо мелей и шхеръ, рѣчныя пароходныя компаніи пришли къ тому убѣжденію, что для волжскихъ пароходовъ самыя полезныя люди—простые лодмана, родившіеся на Волгѣ.

На этотъ разъ я проплылъ мимо Казани, пересѣвши на другой пароходъ. Мнѣ хотѣлось сначала съѣздить въ Каму, чтобы, высадившись тамъ на одной изъ отдаленныхъ приставей Казанской губерніи, совершить небольшое сухопутное путешествіе и собственными глазами увидѣть, съ достаточною ли быстротою развивается въ этомъ, родномъ мнѣ краю, общественная жизнь, которой, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе дано нѣсколько сильныхъ толчковъ сверху.

II.

Чисто-русскій городъ съ греческимъ окончаніемъ. Наружный видъ города и неудачныя попытки къ его улучшенію. О томъ, какими способами ведется обширная хлѣбная торговля и какое вліяніе имѣютъ подобныя способы на крестьянъ.

Съ какимъ-то особеннымъ, чрезвычайно сложнымъ, смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ чувствомъ подпывалъ я на пароходѣ къ пристани города Чистополя*, къ пункту, съ котораго я рѣшился начать свои наблюденія. Въ этомъ городѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ предсѣдателя земской управы, я прожилъ слишкомъ годъ. При мнѣ открыта управа, мною составлены всѣ проекты, которые теперь уже, кѣмъ утвержденные собраніемъ, должны быть уже приведены въ исполненіе. Очень естественно, что мнѣ, больше чѣмъ кому-либо, любопытно было посмотреть, какъ осуществилось на дѣлѣ все то, что тогда только лишь казалось удобоисполнимымъ. И такъ, при самомъ обсужденіи моихъ проектовъ, люди опытные, мужи, убѣжденные сѣдиною, покачивали головами, въ душѣ сердились и не противорѣчили единственно только потому, что не умѣли противорѣчить и, притомъ, боялись, чтобы не прослыть ретроградями. Проектъ о переложеніи подводной повинности въ денежную съ привлеченіемъ къ платежу всѣхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ — едва-едва прошелъ. Мужи, убѣжденные сѣдиною, хотѣли было вытащить изъ-подъ спуда старинный указъ о вольности дворянства и опереться на него, какъ на несокрушимую твердыню; но, къ счастью, въ собраніи преобладали черные и русые волосы, а сѣданы составляли только лишь ничтожный клочъ, немнѣвшій силы**.

* Чистополь — уѣздный городъ Казанской губерніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ присатней на Камѣ. Настоящее названіе этого города, вѣроятно, было просто *Чистое поле*, а греческое окончаніе, надобно полагать, присвоено уже впоследствии, такъ больше, изъ приличія. Судя по окончанію *поле* — подумаешь, что городъ основанъ греками, точно будто Севастополь, или Константинополь, но за то ужъ слово *Чистое*, какъ его ни перевертывай, все-таки остается чисто русскимъ. Могу побожиться, что городъ Чистополь никогда не былъ греческой колоніей. Метрополіей его, по справедливости, можетъ считаться, недалеко отъ него отстоящее, село Рыбная слобода, изъ котораго вышли всѣ родовачальники ннѣшнихъ именитыхъ чисто-польскихъ купеческихъ фамилій. Недалеко отъ Чистополя есть деревня Дяное Поле, которое тоже, вѣроятно, когда разбогачится и уважится, превратится въ Дянополь, на томъ же основаніи, какъ и Чистое поле въ Чистополь, въ которомъ нѣтъ ни одного грека; развѣ случайно какой зайдетъ съ коробкой, или съ халвой.

** Въ обществѣ, къ сожалѣнію, до сей поры еще понятіе о сѣдыхъ волосахъ тѣсно соединено съ понятіемъ о мудрости и умственной зрѣлости, хотя это далеко не всегда такъ. Недавно, въ одной австрійской газетѣ былъ расска-

Времени мною прожито въ этомъ городѣ немного, но зато немало пережито. Не входя въ неинтересныя читателямъ подробности, я замѣчу только, что въ Чистопольской управѣ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, успѣло переимѣниться *четыре председателя*, членами же въ этотъ короткій промежутокъ времени перебивала чуть не третья часть всего количества гласныхъ. Въ предсѣдателяхъ успѣли перебивать люди различныхъ сословій и національностей; не было покуда только татарина и чувашанина. Былъ въ числѣ ихъ и князь, но очень, впрочемъ, недолго, и то больше номинально. Онъ все время прожилъ вдали отъ управы, и даже за полученіемъ жалованья не пріѣзжалъ. Теперь, пятимъ по счету предсѣдателемъ, — мѣщанинъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія.

Уже изъ одного количества предсѣдателей и членовъ, успѣвшихъ смѣниться въ три года, читателю дѣлается болѣе или менѣе яснымъ, почему я завелъ рѣчь о *пережитомъ мною* въ теченіе года въ русскомъ, купеческомъ городѣ, съ греческимъ омовчаніемъ. Считаю излишнимъ прежде всего поговорить о самомъ городѣ.

Каждый, имѣющій привычку выражаться точно и опредѣленно, увидавши хотя разъ въ жизни Чистополь, сейчасъ бы понялъ, что словъ *Чисто* — рѣшительно неподходяще и неприлично, какъ въ его греческому омовчанію, такъ, равно, и къ самой внѣшности города. Его съ болѣшими удобствами можно было бы называть грязнополемъ, мерзополемъ, свинополемъ, или, вообще, какъ вамъ угодно, но съ единственнымъ условіемъ: не употреблять слова, чистоту выражающаго.

Городъ этотъ, по населенности своей, занимаетъ не послѣднее мѣсто между уѣздными городами: въ немъ числятся до двѣнадцати тысячъ постоянныхъ жителей, но ужъ за то, относительно внутреннихъ удобствъ, — не взъщите! Осенью и весной, даже на самыхъ главныхъ его улицахъ, люди и лошади буквально тонуть въ жидкой и липкой, какъ растворъ вишневаго клея, грязи. (Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на базарной улицѣ, одинъ мужикъ, дѣйствительно, утонулъ въ грязи. Нѣкоторымъ оправданіемъ городу можетъ служить здѣсь то обстоятельство, что, при судебномъ вскрытіи, въ желудкѣ у мужика оказалась водка и каленныя яйца; хотя, съ другой стороны, еслибы подвергнуть

кажъ замѣчательный случай, какъ, заграницей, въ одномъ игорномъ домѣ, въ нѣсколько минутъ совершенно посѣдѣлъ какой-то прокутывшійся 22-лѣтній юноша, снѣгъ русскаго окупщика, поставивъ на карту послѣднія 75 тысячъ. Неужели и такихъ сѣдыхъ вутылъ, когда они, промотавшись заграницей, возвратятся въ отечество, мы будемъ считать тоже мудрыми?

Во всѣхъ календаряхъ, по заграничю аферистовъ-издателей ихъ, *тщательно просмотренныхъ*, въ Чистополь значится 1,800 съ чѣмъ-то жителей, тогда какъ въ немъ теперь нѣвѣрное слишкомъ *двадцать*! Что, еслибы кто взялъ на себя трудъ проверить дѣйствительно всѣ эти *тщательно просмотренные* календари? Вотъ бы враги-то открылись!

вскрытію каждаго чистопольскаго гражданина послѣ двѣнадцатъ часовъ пополудни, то въ желудкѣ жидкія частицы оказались бы тѣ же, что и у покойнаго мужа). Въ городѣ устроены тротуары, но такого свойства, что можно подумать, будто устроены они для гибели человѣчества, а не для удобства: это, скорѣе, капканы, чѣмъ тротуары. Въ самое послѣднее время, при новомъ исправникѣ, разставили-было по улицамъ нѣсколько фонарей, но сомнительно, чтобы это нововведеніе удалось. На другой же, или на третій день, два фонаря *украли*. Мѣстные статистики рассчитываютъ, что къ концу осени останутся въ городѣ только два фонаря: у подъяздовъ исправника и его помощника; остальные же всѣ будутъ раскрадены, такъ-какъ въ Чистополѣ крѣпко придерживаются мудрой поговорки: «всякъ для себя, — Богъ для всѣхъ». Сторожилы рассказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ, какому-то мудрому городничему удалось вбить въ голову не менѣе мудрому и податливому городскому головѣ мысль о необходимости вымостить улицы камнемъ. Камень былъ припасенъ и сложенъ на видномъ мѣстѣ, но граждане *весь ею раскрали* на каменни въ баняхъ и на другія домашнія потребности. Мудрый городничій и голова успѣли теперь уже обратиться въ мифъ, а камень тоже улетучился.

Судя по тому, что Чистополь расположенъ на наклонной плоскости, довольно круто спускающейся къ Камѣ, большой грязи нельзя бы, кажется, въ немъ и ожидать; но, чего бы не слѣдовало ожидать отъ естественнаго расположенія, къ тому нечистоплотные чистопольскіе жители пришли искусственными способами. Чистополы, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, счумѣли накопить на своихъ улицахъ толстѣйшій слой искусственной почвы изъ перегниваемаго навоза и всевозможныхъ гнющихъ остатковъ и, наконецъ, достигли до того, что теперь улицы ихъ мостить даже неудобно: камни тонуть въ жидкой, клейкой грязи, и ложатся такъ глубоко, что толку отъ нихъ никакого и быть не можетъ. Самое простое и легкое дѣло обратилось теперь въ головоломное; а все потому единственно, что грязи ужъ слишкомъ много накопилось. Надъ накопленіемъ ея трудилось нѣсколько поколѣній.

Впрочемъ, и незамѣтно, чтобы чистополы ломали голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса; они давно порѣшили его по своему, безъ всякой головоломной работы: богатые граждане завели у себя лошадей и экипажи, такъ что ихъ нѣшихъ и увидать такъ же трудно, какъ китайскихъ дѣвницъ изъ мѣстной аристократіи, у которыхъ, какъ извѣстно, ноги нарочно дѣлають негодными для ходьбы; а бѣдному населенію все равно: могутъ ходить или въ смазныхъ сапогахъ, или босикомъ, соображаясь съ состояніемъ. На этомъ всѣ и успокоились и принялись опять наваливать на своихъ улицахъ гнилую, вязкую почву для будущихъ поколѣній. Но, въ то же время, нельзя однакоже сваять, чтобы богатые люди не заботились объ украшеніи города. Въ прошед-

шестъ году, наврѣмѣрь, богатые граждане порѣшили устроить, на общественныя городскія сумми, на площади, при самомъ выгнѣдѣ изъ города, огромный скверъ, на манеръ петербургскаго на Румянцовской площади, — и работа уже кипитъ непетербургски. Огромная площадь огорожена красивой рѣшеткой, деревья рассажены, дорожки проложены, и, хотя скверъ этотъ, по содѣйствию съ безконечными полями, лугами и рощами, можетъ показаться вещью совершенно ненужною, — но все-таки, какъ хотите, а красиво выходитъ. Если — чего можно сильно опасаться — энергія къ рожденію новой рощи не остываетъ; если это неотъшное предпріятіе чистопольскихъ затѣйниковъ не будетъ потоптано коровами и телятами и взбудоражено свиньями, — то, впоследствии, можетъ вырасти на этомъ мѣстѣ отличная роща, которую руководители городской думы могутъ выгодно продать на срубъ, точно такъ же, какъ продали вышнюю превосходную дубовую рощу около самаго города, служившую, въ теченіе многихъ лѣтъ, единственнымъ загороднымъ гуляньемъ. Впрочемъ, впоследствии, новый скверъ съ большимъ удобствомъ можетъ идти и подъ владбище, которое находится съ нимъ по содѣйствию и становится уже тѣснымъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы богатые и именитые чистополи не дѣлали кое-чего и для низшей ободранной братіи. Во-первыхъ, и самый скверъ устроивается на общественный счетъ, значить для всѣхъ; въ немъ, когда деревья подростутъ, могутъ гулять, сколько душъ угодно, и бѣдняки. (Оно и истина, потому что, когда городскую рощу вырубятъ, то тѣнь и успокоеніе въ лѣтніе жары бѣдняки найдутъ только лишь на владбищѣ. У богатыхъ, опять-таки, свои сады есть); во-вторыхъ, устроивается и еще кое что, кромѣ сквера. По завѣщанію умершаго купца Полякова, наслѣдникъ его воздвигъ въ прошломъ году на берегу Камы новую, прекрасную каменную церковь, которую съ Камы видно издали, со всѣхъ сторонъ. При церкви устроенъ монастырь для нѣсколькихъ женщинъ, разумѣется, небогатыхъ, неспособныхъ или отвывшихъ отъ работы, такъ что, безъ вновь устроеннаго общежитія, онѣ бы принуждены были голодать, или съ величайшимъ только усиліемъ приниматься за работу. На это учрежденіе, которое мы не смѣемъ назвать иначе, какъ полезнымъ, — употреблено до восьмидесяти тысячъ денегъ.

Вообще, если рѣчь повести объ общественной благотворительности мѣстнаго купечества, то упрекнуть его рѣшительно невозможно: деньги сыпятся щедро, въ особенности, когда имѣется въ виду помяновеніе умершаго близкаго человѣка. Въ нерѣдкихъ случаяхъ похоронѣ, роднѣ, крестинѣ, различныхъ «родительскихъ» и т. п. — сотни небогатаго народа стекаются на обширные купеческіе дворы и получаютъ тамъ пшеничные пироги, блины, калачи и мѣдныя деньги. Сѣстного раздается имъ такъ много, что бѣдные, даже самые прожорливые изъ нихъ, не успѣвая всего переѣсть на дворѣ, уносятъ кое-что съ собою, и

иногда доносить до дому, если только на пути не случится драки, весьма нередкой въ этихъ случаяхъ, или, если пшеничные пироги не поступятъ въ кабаки въ обихъ на свиху, которая бѣдному человѣку такъ же необходима, какъ и пироги. Такъ-какъ похоронныя раздачи для избавленія отъ вѣчной муки умершихъ богатыхъ хлѣботорговцевъ производится въ теченіе нѣсколькихъ дней, и такъ-какъ купцы, по значительному ихъ количеству въ городѣ, мрутъ нередко, а купчихи рождаются еще чаще, — то рассказываютъ, что доходъ, получаемый бѣдными людьми этимъ путемъ, превышаетъ доходы обыкновеннаго поденщика. Такой порядокъ дѣлъ, само собою разумѣется, воспроизвелъ особенный, довольно многочисленный классъ работниковъ, единственно только умѣющихъ поминать души умершихъ купцовъ. Прекратись эти благодѣтельныя раздачи только на каіе-нибудь полгода, — сейчасъ же образуется въ городѣ и окрестностяхъ многочисленный классъ самаго несчастнѣйшаго народа, какой только можно себѣ вообразить; въ счастью, что этого и вообразить себѣ невозможно, по крайней-мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Это все равно, какъ еслибы кто задалъ вопросъ: что бы случилось съ несмѣтными стадами воронъ, еслибы вдругъ куда-нибудь пропала обычная ихъ пища? На это можно только отвѣтить, что при нашихъ хозяйствахъ, при нашемъ значительномъ скотоводствѣ, воронамъ опасаться нечего; точно такъ и бѣдняки, спеціально пробаляющіеся поминаніемъ умершихъ. Купечество наше, при его похвальномъ стремленіи сохранять нерушимо все старое, просуществуетъ въ томъ видѣ, какъ теперь, еще времена нескончаемы; слѣдовательно, и бѣднымъ людямъ, непривыкшимъ ни къ какой, особенно обременительной работѣ, опасаться покуда нечего: купцы поддержать. Умирать же они, конечно, тоже не перестанутъ.

Впрочемъ, если взглянуть на дѣло повнимательнѣе, то окажется, что купечеству даже невыгодно было бы уничтожить подобный порядокъ вещей; окажется, что благодѣанія бѣднякамъ, принося неоспоримую пользу умершимъ, почти не приносятъ никакого убытка и живымъ жертвователямъ. Бѣдняки, получивши свою добычу, потребляютъ изъ нее только лишь малую часть, а остальное все, превративши въ деньги, несутъ въ кабаки, которые въ городѣ содержатся опять-таки тѣми же благотворителями. Во всемъ этомъ олицетворяется, разумѣется, въ маломъ видѣ, мудрый механизмъ природы, посредствомъ котораго образуется постоянный дождь. Капли дождя (какъ купеческія копейки, бросаемыя нищему) всасываются въ землю (то-есть идутъ въ кабаки), и собираются тамъ въ ручьи, которые, сливаясь въ рѣки, впадаютъ въ море (то-есть во всѣ купеческіе карманы въ совокупности); а море опять испаряетъ свои излишки, и опять повторяется тотъ же, безконечный круговоротъ.

Но, мнѣ кажется, о благотворительности чистопольскаго купечества сказано уже довольно; пора поговорить о тѣхъ спосо-

бахъ, посредствомъ которыхъ приобрѣтають они капиталы, потому что въ этомъ состоитъ вся суть. Чтобы прослыть благотѣльнымъ Титомъ, — мало еще одного желанія: нужно имѣть средства. Чтѣ въ томъ толку, читатель, если вы, напримѣръ, желали бы устроить монастырь съ женскимъ или мужскимъ общежитіемъ? На это нужны деньги, а деньги нужно умѣть добыть. Чистопольскіе купцы деньги добывать умѣють; вотъ объ этомъ-то мы съ вами и поговоримъ.

Несмотря на непроходимую грязь по улицамъ и на невзрачность, когда-то погорѣвшаго и до сей поры неотстроеннаго городка, здѣшняя клейкая, навозная почва способна, какъ видно, производить миллионныя капиталы и цѣлыя поколѣнія тысячниковъ. Здѣшняя пристань ежегодно отправляетъ сотни тысячъ кулей разныхъ сортовъ, такъ-называемаго, *сборнаго* хлѣба въ Рыбинскъ, и занимается въ большихъ размѣрахъ поставкою его по различнымъ *отдомствамъ*.

Каждый годъ, предъ самыми сроками уплаты податей, двухсотъ-тысячное населеніе уѣзда везетъ свой сиромолотный, второпяхъ обработанный, сорный хлѣбъ на городской базаръ не партиями, а отдѣльными возами, хотя этихъ отдѣльныхъ возовъ являються цѣлыя тысячи. (Отсюда и названіе: *сборный* хлѣбъ, то-есть съ міру по возу). Вотъ тутъ-то и начинается своеобразная торговля, очень выгодная для капиталистовъ, и убыточная бѣднякамъ. Эта торговля и даетъ возможность мѣстнымъ капиталистамъ строить различныя общежитія, какъ мужскія, такъ и женскія и, вообще, производить всякаго рода добрыя дѣла, приносящія пользу преимущественно душамъ умершихъ капиталистовъ.

Самые дѣятельные изъ мѣстныхъ капиталистовъ выстроили свои дома при самомъ въѣздѣ въ городъ, съ той стороны, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія изъ внутренности уѣзда, — съ цѣлю, какъ можно бдительнѣе слѣдить за приѣзжающими съ хлѣбомъ крестьянами. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Чистополя образовалось какъ-бы два города: старій, на берегу Камы, съ церквами, присутственными мѣстами, кабаками и съ жилищами нуждающихся всякаго рода, и — новый городъ, при въѣздѣ въ поле, со вновь устраиваемымъ скверомъ, обстроенный красивыми домами, въ которыхъ живутъ тѣ, въ комъ всѣ нуждающіеся нуждаются. Устроено все это дѣло такъ отлично, что ни одному мужику, приѣхавшему съ хлѣбомъ изъ деревни, не удастся проникнуть въ старій городъ съ цѣльнымъ возомъ, а все больше уже налегкѣ, съ деньгами въ карманѣ, которыя онъ тутъ же и распределяетъ, болѣе или менѣе равномерно, между уѣзднымъ назначенствомъ и кабаками.

Еще версты за двѣ до города, чуть только ловкіе и зоркіе купеческіе приващия завидятъ тянующихся по полю съ возами мужиковъ, — они, какъ ясные соколы, нападаютъ на бѣдныхъ утиць и, волей-неволей, тянутъ ихъ къ своимъ хозяевамъ на

смуждать съ большими чувствами и о народной нуждѣ поговорить и объ эксплуатациі, какой нашъ бѣдный мужичокъ оутывается, какъ тараканъ паутиной, благоразумно, разумѣется, умалчивая, кто именно тутъ играетъ роль паука. Смуждать образованный купчикъ и въ карточки сыграть партіюку съ кѣмъ слѣдуетъ и даже проиграть, сколько слѣдуетъ.

Впрочемъ, такіа тонкости къ дѣлу примѣнять обыкновенно очень рѣдко случается. По большей части, откровенные приемщики объявляютъ прямо, какъ подобаешь честному и благородному человѣку, сколько ему нужно получить съ вудя *добавочныя*, то есть, значить, сверхъ той цѣны, по которой поставляютъ хлѣбъ на бумагѣ. Торговля производится здѣсь уже на чистоту, какъ въ обыкновенной лавкѣ пушными, или какими угодно товарами. Точно такъ же запрашиваютъ, скидываютъ, боятся и вьнутси и, даже, употребляютъ торговую фразу: «только для васъ, повѣрьте, по знакомству». Мнѣ разъ случилось быть невольнымъ свидѣтелемъ подобнаго, очень оригинальнаго торга у одного, знакомаго мнѣ, образованнаго купца. Само собою разумѣется, что я былъ заключенъ въ отдѣльную комнату номера и выпущенъ былъ изъ нее только лишь тогда, когда договоръ о добавочной платѣ былъ окончательно улаженъ за бутылкой добраго вина и, когда, получившій эти *добавочныя*, уже вѣхалъ на извозчикѣ по огромной площади, раскинувшейся передъ окнами гостиницы.

Замѣчательно, что оба сторговавшіеся были въ одно и то же время отѣнно веселы. И получившій *добавочныя* потиралъ руки и псмѣивался, точно будто кого оставилъ въ дуракахъ, и мой образованный пріятель утверждалъ положительно, что онъ оставилъ приемщика въ дуракахъ, потому что теперь ему остается съ каждаго кула по столько-то копеекъ чистой пользы противъ той цѣны, каковую предполагалось дать. Пріятель увѣрялъ меня, что главнѣйшая выгода при поставкѣ хлѣба заключается именно въ величинѣ этой добавочной платы, которая зависитъ единственно отъ личности и сообразительности приемщика.

— Да зачѣмъ же вы платите эти добавочныя-то? спросилъ я въ простотѣ сердечной своего пріятеля. — Вѣдь онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ хлѣбъ принять? Зачѣмъ же тутъ еще добавочныя, которыя, по правдѣ тебѣ сказать...

Образованный пріятель не далъ договорить, схватился мнѣ за плечо и захоталъ очень громко и добродушно. Видно, что онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на человѣка очень мало образованнаго, а главное, несообразительнаго.

Оно и точно, что я тогда, съ перваго-то раза, не сообразилъ. Оказалось, что этотъ сборный хлѣбъ, хотя и дешевъ, но за то и плохъ очень, такъ что стоитъ только захотѣть приемщику, и онъ всегда имѣетъ возможность его не принять; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, нужно такъ устроить, чтобы приемщику не захотѣлось не принять, а напротивъ, какъ можно сильнѣе

нагляднымъ и очевиднымъ для всѣхъ способомъ, доказала неизбежность этихъ вліяній. Она открыла, что въ мірѣ свободныхъ человѣческихъ дѣйствій царствуетъ законъ такой же непреложной необходимости, какъ и въ мірѣ физическомъ, что всѣ свободныя дѣйствія людей, которыя доселѣ могли только подлежать ея наблюденію, совершаются въ каждомъ данномъ обществѣ въ теченіе извѣстнаго времени съ такою неизмѣнностію и такою пунктуальною точностію относительно сроковъ, относительно числа лицъ, ихъ совершающихъ, какъ будто бы такое ихъ исполненіе въ строго-опредѣленномъ числѣ и въ опредѣленные сроки было предписано самымъ строгимъ закономъ и находилось подъ самымъ строгимъ принудительнымъ контролемъ.

«Въ области человѣческой дѣятельности — говоритъ Кольбъ, повторяя слова Кветелета — нѣтъ, конечно, дѣйствія, гдѣ бы свободная воля принимала такое непосредственное участіе, какъ въ бракѣ — и, однакожъ, продолжаетъ онъ — списки о брачующихся доказываютъ, что въ бракахъ существуютъ постоянство и правильность гораздо большія, нежели въ въ рожденіи и смертности. Само собою разумѣется, что каждое общественное бѣдствіе, каждый дурной, равно какъ и хорошій годъ, производятъ разницу въ цифрахъ и рожденій, и смертности, и браковъ. Но замѣчательно, что изъ этихъ трехъ моментовъ, цифра менѣе всего мѣняется относительно браковъ. Но, кромѣ того, здѣсь встрѣчаются и другіе поразительные факты. Если мы будемъ разсматривать сумму браковъ въ какой-нибудь значительной странѣ, напримѣръ, съ населеніемъ Франціи или даже только съ населеніемъ Бельгіи, то мы найдемъ, что даже между различными родами браковъ, какъ-то браковъ между холостыми и дѣвцами, между холостыми и вдовами, между вдовцами и дѣвцами, наконецъ вдовыми, числовыя отношенія остаются одни и тѣ же. «Но что всего болѣе приводитъ въ изумленіе—замѣчаетъ Кветелетъ — такъ это то, что постоянная правильность однихъ и тѣхъ же числовыхъ отношеній между различными родами брачующихся сохраняется до самыхъ мелкихъ провинцій, гдѣ числа такъ малы, что разнообразныя, рядомъ съ волею человѣческой дѣйствующія случайныя причины должны бы были, казалось, разрушить всякую правильность. А между тѣмъ, въ дѣйствительности идетъ все такъ, какъ будто бы весь народъ отъ одного конца страны до другаго ежегодно поголовно соглашался заключать одно и то же число браковъ и распредѣлять ихъ равномернымъ образомъ между частными провинціями, между городомъ и деревней, между холостыми и дѣвцами, вдовцами и вдовами. Едва ли можно искать какихъ бы то ни было слѣдовъ человѣческой воли въ этой постоянной пропорціональности, ибо, нѣтъ сомнѣнія, никто не думаетъ о томъ, чтобы подобная пропорціональность существовала. Этого мало. Можно подумать, что существуютъ какія-нибудь правительственныя распоряженія, позволяющія (или, лучше сказать, предписывающія и требующія настоятельно какъ

подати) различнымъ возрастамъ заключать только известное число браковъ. Такая господствуетъ въ этомъ отношеніи правильность въ брачныхъ союзахъ. О мужчинѣ моложе 30 лѣтъ, который женится на женщинѣ 60 лѣтъ, конечно, нельзя сказать, что онъ увлекается слѣпою страстью или необдуманностью. Онъ находится въ такомъ положеніи, что можетъ располагать своею свободою въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. И вотъ онъ додумывается, однакожь, до того, что покорно несетъ свою подать въ ту вторую казну, которая учреждена обычаями и потребностями нашего общественнаго организма. И именно *этой* казны подати вносятся всегда съ гораздо большею правильностію, нежели тѣ, которыя слѣдуетъ платить въ казну государственную». «Еще болѣе замѣчательно то, что упоминаемое Кветеле-томъ числовое отношеніе брачущихся остается правильнымъ и въ тѣ годы, которые, напримѣръ, вслѣдствіе дороговизны, имѣютъ вліяніе на уменьшеніе браковъ. Число ненормальныхъ браковъ въ эти именно годы не только остается на прежней высотѣ, а даже нѣсколько возрастаетъ. Въ Австріи въ 1852 году сумма всѣхъ брачныхъ союзовъ простиралась до 316,800, изъ нихъ 231,200 были заключены между холостыми и 85,000 между состоявшими уже въ бракѣ; часть или двѣ части послѣднихъ были между вдовыми. Въ 1855 году общее число браковъ упало до 245,000; это ненормальное уменьшеніе браковъ на цѣля 72,000 относилось однакожь исключительно къ бракамъ нормальнымъ (между холостыми), которые уменьшились до 156 тысячъ, браки же ненормальные даже увеличились до 79,000. Въ 1852 году мѣра пшеницы стоила только 3,⁸⁵ флорина, а въ 1855 году 6,⁰⁴ флорина. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается, по нашему мнѣнію, поясненіе почему именно въ дурныя времена вдовне (имѣющіе уже известное прочное положеніе въ обществѣ) имѣютъ болѣе возможности вступать въ браки, нежели въ другое время. Многие изъ брачущихся, которые въ хорошіе годы вступили бы въ бракъ съ холостыми, или незамужними, въ дурные годы ищутъ себѣ партіи между вдовцами и вдовами».

«Да не подумаетъ ктонибудь, говорить Кветелець, что изъ всѣхъ общественныхъ явленій только браки имѣютъ такую правильность и постоянство. Въ *преступленіяхъ* оказывается такая же правильность и постоянство, и даже наказанія, которыя они влекутъ за собою, подчиняются тому же закону. Та же правильность усматривается въ *членовредительствахъ*, которыя дѣлаются для избѣжанія конскрипціи, въ *количествѣ суммъ*, проигрываемыхъ въ публичныхъ игорныхъ домахъ; даже въ количествахъ не *точно* или неправильно адресованныхъ и потому неотправленныхъ по назначенію писемъ. Однимъ словомъ, все идетъ такимъ образомъ, какъ будто бы различныя разряды общественныхъ явленій подлежали дѣйствию исключительно физическихъ законовъ». «Къ этому мы можемъ, говорить Кольбъ, присовокупить, что и дѣла милосердія, разныя вспомошествованія,

однимъ словомъ «добрыя дѣла» подлежатъ тому же самому закону».

И такъ, тотъ міръ, который мы привыкли считать міромъ чисто свободныхъ дѣйствій, подчиненъ законамъ какаго-то неотразимаго фатума, по волѣ котораго люди, воображая себя свободными, движутся и дѣйствуютъ точно куклы на пружинахъ...

Что же такое человѣческая свобода? Есть ли она? «Въ виду такихъ, очевидно подрывающихъ ее фактовъ, не должны ли мы отвергнуть ее безусловно? спрашиваетъ Кветелетъ и отвѣчаетъ: «я не думаю, а полагаю только, что свобода воли въ своей дѣятельности ограничена очень тѣсными предѣлами и въ общественныхъ явленіяхъ играетъ роль случайной причины. Поэтому, если выпустимъ изъ виду частныхъ недѣлимыхъ, и будемъ разсматривать положеніе вещей въ общемъ и цѣломъ, то окажется, что дѣйствія случайныхъ причинъ нейтрализуются и сводятся къ тому, что остаются господствующими только истинныя причины, которыми стоитъ и сохраняется общество. Возможность основать моральную статистику и дѣлать изъ нея полезныя выводы, вполне зависитъ отъ того основнаго факта, что свободная человѣческая воля ступенчато и остается незамѣтною, какъ скоро наблюденіе распространяется на извѣстное значительное число недѣлимыхъ. Только такимъ образомъ и можно распознавать, какія изъ причинъ, управляющихъ обществомъ, постоянныя и какія измѣнчивыя,—и на видовѣніе именно этихъ причинъ и должно быть обращено вниманіе, когда хотятъ сдѣлать въ обществѣ полезныя перемѣны». Чтобы понять это объясненіе Кветелетъ, представимъ себѣ, что кому нибудь пришла охота записывать число прогуливающихся на Невскомъ проспектѣ людей въ каждый ясный, хорошій день. Очень немудрено, что, по истеченіи года послѣ такой записи, оказалось бы, что въ каждый ясный день на Невскомъ проспектѣ прогуливается постоянно одно и то же число, положимъ, 5,000 или 10,000 ч., конечно съ небольшими колебаніями, недѣлающими, однакожъ, значительной разницы для общей цифры. Очень не мудрено, что при этомъ оказалось бы, что постоянно въ извѣстныя часы проходитъ публика однихъ занятій и профессій, въ другіе часы публика другихъ занятій и профессій и т. д. Еслибы всѣ эти числа заключить въ статистическія формулы, то представилось бы, что Петербургъ какъ будто сговорился въ каждый ясный день высылать на Невскій проспектъ опредѣленную массу людей, распредѣливъ притомъ прогуливающихся такимъ образомъ, что категория однихъ профессій и занятій должна гулять въ такой-то часъ, другихъ въ другой и т. д. Общая причина, вызывающая опредѣленное число проходящихъ Невскій проспектъ въ ясный день, была бы одна: именно хорошая погода. Но эта общая причина насколько не исключала бы частныхъ или, какъ говорить Кветелетъ, случайныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ каждый индивидуумъ изъ пяти или десяти тысячъ выходитъ на Невскій проспектъ въ ясный день. Одни, какъ извѣстно,

проходятъ Невскій проспектъ не только въ ясный, но и каждый Божій день по дѣламъ служебнымъ, торговымъ и другимъ. Другіе приходятъ сюда исключительно въ ясные дни для гигиеническихъ дѣлъ, третьи въ эти же дни для свиданія съ знакомыми, которыхъ надѣются здѣсь встрѣтить; четвертые идутъ сюда потому, что некуда дѣваться отъ бездѣля, и проч. и проч. Контингентъ прогуливающихся каждый день на Невскомъ проспектѣ можетъ и долженъ оставаться долгое время неизмѣннымъ, потому что сумма людей, несущихъ извѣстныя служебныя, торговыя и другія обязанности, болѣе или менѣе постоянна, равно какъ болѣе или менѣе постоянно количество людей, имѣющихъ извѣстныя гигиеническій взглядъ на прогулку въ ясные дни, а также людей, шатающихся безъ дѣла и ищущихъ, гдѣ бы главу приклонить или преслѣдующихъ разныя мелкія житейскія цѣли въ подобныхъ сборищахъ.

Но если изысканія моральной статистики и не отрицаютъ свободной воли въ человѣкѣ, то во всякомъ случаѣ они должны сильно видоизмѣнять вопросъ о виновеннѣ преступленій. Хотя и прежде, какъ мы уже сказали выше, предполагалось, что та или другая нравственность человѣка зависитъ отъ того или другаго воспитанія, отъ той или другой среды, въ которой онъ живетъ и т. п., но пока цифры не было разъяснено и доказано, на сколько велико участіе тѣхъ или другихъ общественныхъ вліяній въ преступленіяхъ людей, дотогѣ каждый за свое преступленіе наказывался почти какъ личность абсолютно свободная. Теперь подобное виновеніе было бы весьма жестоко и вполне несправедливо. Есть такія общественныя состоянія, которыя извѣстныя преступленія дѣлаютъ неизбѣжными и преступникъ является скорѣе жертвой подобнаго плачевнаго состоянія общества, чѣмъ причиною дѣйствующей. Наказывать его какъ истиннаго преступника значило бы то же, что наказывать человѣка, подвергнутаго болѣзни отъ эпидеміи. Съ другой стороны тѣ же статистическія данныя о преступленіяхъ доказываютъ, что самоопредѣляемость воли въ людяхъ и вообще очень слаба и состоитъ, исключая, можетъ быть, очень немногихъ избранныхъ личностей, подъ постояннымъ гнетомъ той или другой опутывающей ихъ рутинны. Если часто имъ самимъ и кажется, что они дѣйствуютъ весьма обдуманно и по полному сознанію, то это ничего не доказываетъ, кромѣ природной слабости ихъ разума, или крайней его неразвитости. Кольбъ очень кстати напоминаетъ по этому поводу слова глубокомысленнаго Спинозы, который говорить, что слѣди только потому почитаютъ себя свободными, что они сознаютъ свои дѣйствія, но не знаютъ причинъ, которыми они опредѣляются (къ дѣйствіямъ). Дети думаютъ, что оно свободно хочетъ молока; разгнѣванный мальчикъ думаетъ, что онъ свободно хочетъ мщенія; трусъ—что онъ свободно рѣшился бѣжать; пьяный — что онъ говорить по свободному самосознанію. Дѣти, глупцы, болтуны и вообще люди подобнаго сорта также

вообразаютъ себѣ, что они говорятъ на свободной волѣ, тогда какъ они не имѣютъ никакой силы противодѣйствовать внутреннему напору къ болтовнѣ.

Общій смыслъ всѣхъ добытыхъ доннихъ уголовною статистикою фактовъ тотъ, что въ своихъ преступленіяхъ люди болѣе жалки, чѣмъ преступни, и что каждое человеческое общество нуждается болѣе въ помощи умалощенныхъ съ хорошими докторами, чѣмъ въ тюрьмахъ съ усердствующими сторожами. Нѣтъ сомнѣнія, что работа все въ этомъ направленіи, статистика когда нибудь подроетъ наконецъ современный свирѣпый взглядъ людей на преступность себѣ подобныхъ, уничтожить безволеяныя изсказанія и внесетъ болѣе свѣта и тепла въ человеческія отношенія. Но всѣхъ этихъ блестящихъ результатовъ статистика можетъ достичь очень не скоро... быть можетъ, только въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ настоящее время мы можемъ пользоваться болѣе скромными идеями ея трудовъ, хотя, впрочемъ, также весьма существенными въ дѣлѣ общественнаго прогресса. Важно то, что уголовная статистика, собирая *данныя* по разрядамъ преступленій, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ ненормальное или безобразное наклоненіе въ тѣхъ или другихъ состояніяхъ общества, слѣдовательно, указываетъ большія мѣста въ обществѣ. Это даетъ возможность законодателямъ и лицамъ, имѣющимъ власть и средства, дѣйствовать на общественный строй, улучшать разномъ цѣли общественныя состоянія, не имѣя дѣла съ личною преступною волею. Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказалъ, что всѣ мудрыя мѣропріятія—репрессивныя, карательныя, изсказательныя, направленныя на личную преступную волю, не вели въ обществѣ ни къ чему и всегда самымъ благонадежнымъ образомъ ухудшали, а не улучшали общество. Вѣка жестокихъ казней, пытокъ, инквизицій, шпионства, всегда и всюду были вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣками глубокаго варварства. Съ другой стороны, пріемы указанія статистики освобождаютъ неумѣльныхъ администраторовъ замышлять собственнымъ умомъ разныя мѣропріятія въ видахъ улучшенія общественной нравственности. Ясная, проверенная на опытѣ и жизни народа цифра говоритъ имъ, что они должны дѣлать для этой цѣли...

Въ Россіи разработка уголовной статистики еще не начиналась, — не имѣется въ виду даже подготовительныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ могла бы быть начата подобная разработка. Авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ нашей статьи, былъ поставленъ въ особенно благопріятныя обстоятельства для своей работы. Онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ архивъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ. Приказъ о ссыльныхъ, учрежденный въ 1828 году въ Тобольскѣ, имѣетъ своимъ специальнымъ назначеніемъ приемъ и распредѣленіе ссыльныхъ по Сибири. О всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь преступникахъ ведутся особыя книги, въ которыхъ записывается имя и

звание арстанта съ обозначеніемъ пола, возраста, религія, рода преступленія, степени наказанія и мѣстности, откуда онъ отправленъ. На основаніи этихъ книгъ составляется вѣдомости, въ которыхъ всѣ арстанты, сосланные въ Сибирь, распределяются по полу, по губерніямъ и главнымъ категоріямъ преступленій. Конечно, весь этотъ матеріалъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ для статистическихъ исследований и выводовъ. Въ количественномъ вѣдомому, что 1) не всѣ наши преступники сослаются въ Сибирь, слѣдовательно на основаніи его нельзя дѣлать вполне твердыхъ выводовъ относительно всей Россіи; 2) потому, что въ немъ, кромя дѣтъ, званія, прежняго мѣста жительства, вѣры преступника, не обозначается болѣе никакихъ условій, которыя, между тѣмъ, могли бытъ и самими вліятельными въ преступленіи, и изученіе моральныхъ вліанія которыхъ въ обществѣ составляетъ предметъ первѣйшей важности для статистики, напр. степень образованія. Въ *качественномъ* отношеніи матеріалъ этотъ неудовлетворителенъ потому, что трудно имѣть довѣріе въ тѣмъ приговорамъ о преступникахъ, которые дѣлались нашими старыми судами. Еслибы была возможность повѣрить ихъ, то, по всей вѣроятности, оказался бы очень значительный процентъ и лицъ совершенно невинныхъ, обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и сосланныхъ въ Сибирь, и лицъ виновныхъ, но виновныхъ не въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя они сосланы. Все это должно сильно видоизмѣнить истинную цифру преступленій. Но окончательную пертурбацію въ эту цифру должны вносить сосланные административнымъ порядкомъ. По вѣдомостямъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ, общее число сосланныхъ въ продолженіе 20 лѣтъ (съ 1827—по 1846) простиралось до 159,755 человекъ, въ томъ числѣ сосланныхъ за уголовныя преступленія *по суду* . . . 79,846 чел.

и сосланныхъ безъ суда, *административнымъ* порядкомъ . . . 79,909 »

Такимъ образомъ, административнымъ порядкомъ сослано столько же, и даже нѣсколько болѣе, чѣмъ по суду.

Преступленія, каравшіяся административнымъ порядкомъ, были слѣдующія:

1) Бродяжничество	48,566 чел.
2) Дурное поведеніе, по распоряженію мѣстнаго начальства	6,129 »
3) Дурное поведеніе, по волѣ помѣщиковъ	6,888 »
4) Бѣгство каторжныхъ и ссыльныхъ изъ Сибири	18,328 »

Разсматривая эти четыре категоріи преступленій административнаго усмотрѣнія, за которыя въ теченіе 20 лѣтъ пошло въ Сибирь почти 80 тысячъ человекъ, можно сильно сомнѣваться не только въ дѣйствительной преступности большей части нестрадавшихъ, но даже иногда въ существованіи самихъ пре-

ступлений, за которыя они пострадали. Всѣ мы знаемъ, что, на-
 примѣръ, значила часто ссылка за дурное поведеніе по волѣ
 помѣщиковъ. О бродягахъ г. Анучинъ говоритъ, что ссылка ихъ
 въ Сибирь была до того неразборчива, что администрація долго не
 имѣла законнаго опредѣленія о томъ, кого считать бродягой.
 «Такимъ образомъ, говоритъ г. Анучинъ, какъ видно изъ доше-
 сенія вѣлужскаго губернатора, считали за бродягъ и есмляли въ
 Сибирь безъ дальнѣйшихъ справокъ даже приходившихъ изъ
 сосѣднихъ губерній по своимъ дѣламъ, или для испрашиванія
 милостыни, такъ-какъ указомъ 23-го февраля 1823 года велѣ-
 но было всѣхъ непредъявляющихъ паспортовъ, не наводя о
 нихъ никакихъ справокъ, отсылать прямо въ Сибирь. На этомъ
 основаніи есмляли всѣхъ странствующихъ нищихъ, слѣпыхъ,
 хромыхъ, нѣмыхъ и другихъ убогихъ» (стр. 231). Очень можетъ
 быть также, что нерѣдко за побѣгъ есмльныхъ принимали про-
 стыя ихъ отлучки безъ видовъ, или безъ позволенія началь-
 ства. Спрашивается: какъ же быть послѣ этого съ преступлені-
 ями административнаго усмотрѣнія статистику?... Не включатьъ
 ихъ въ число преступниковъ нельзя, потому что, можетъ быть,
 половина ихъ понесла дѣйствительно заслуженное наказаніе по
 существующему закону. Но, съ другой стороны, какъ и включатьъ
 ихъ въ число преступниковъ, когда есть полнѣйшее основаніе
 думать, что, по крайней мѣрѣ, половина ихъ люди ни въ чемъ
 неповинны? — Вѣдь это значить на цѣлыя 40,000 чел. увеличить
 общую сумму преступниковъ?

Естественно, что большая часть выводовъ отъ этого должна
 стать на шаткую почву или принять другой колоритъ. Г. Ану-
 чинъ храбро включилъ всѣхъ административно-сосланныхъ въ
 число преступниковъ; мы бы на его мѣстѣ воступили иначе:
 всѣхъ преступниковъ административнаго усмотрѣнія исключили бы
 изъ статистики, помѣстивъ свѣдѣнія и отчетъ объ нихъ отдѣль-
 ной главой въ приложеніи.

Дѣло въ томъ, что г. Анучинъ нѣсколько иначе смотритъ на
 свой матеріалъ, чѣмъ мы... Онъ не признаетъ его такъ недобро-
 качественнымъ, какъ мы; онъ видитъ въ немъ только однихъ не-
 достатокъ — количественную неполноту. Но количественная не-
 полнота не пугаетъ его. «Неполнота и ограниченность мате-
 ріаловъ тобольскаго приказа о есмльныхъ — говоритъ онъ — ли-
 шаетъ насъ возможности найти точныя величины для процента
 преступности, но отнюдь не препятствуетъ правильности выво-
 довъ относительно наклонности къ преступленіямъ подъ влія-
 ніемъ различныхъ условій, что и составляетъ нашу главную за-
 дачу, такъ-какъ основная мысль, съ которою мы принялись за
 этотъ трудъ, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, по воз-
 можности, на сколько степень и форма преступленія обуслови-
 вается нѣкоторыми обстоятельствами, независащими отъ лично-
 сти человѣка, какъ на примѣръ, его полонъ, возрастомъ, обще-
 ственнымъ положеніемъ, религіею, расою и мѣстностію».

Авторъ весь имѣвшійся у него подъ руками матеріалъ раздѣлилъ на двѣ части: первая обнимаетъ двадцатилѣтіе отъ 1827 по 1846—эта уже вышла въ свѣтъ; другая, еще невыведенная въ свѣтъ, представитъ выводы за послѣднее двадцатилѣтіе, съ 1847 по 1866 годъ.

Первую часть своего труда авторъ кончилъ и началъ печатать еще въ концѣ 1865 года. Но книга печаталась въ тобольской губернской типографіи; во время печатанія она возникомо недоразумѣніе: можетъ ли книга съ такими радикальными выводами явиться въ свѣтъ; она была послана въ Петербургъ на цензуру по начальству, и такимъ образомъ явилась въ свѣтъ только въ 1867 году. Но напечатанная и сложенная въ Тобольскѣ, она и по появленіи своемъ въ свѣтъ остается мало кому извѣстною. Это обстоятельство, конечно, не можетъ вліять на автора воощряющимъ образомъ. Мы слышали, что у него давно уже приготовлена въ изданію и вторая часть его труда,—но она останавливается въ раздумьи надъ своею книгою, не зная какъ кончатъ кажуцесся равнодушніе публики къ своему труду.

Нельзя не пожалѣть, что случайныя обстоятельства сдѣлали книгу г. Анучина мало доступною для русской публики. Трудъ этотъ, какіе бы ни были его недостатки, во всякомъ случаѣ весьма почтенный и серьезный и содержитъ очень много интересныхъ выводовъ для статистики преступленій въ Россіи, потому мы почитаемъ своею обязанностію, хотя и заднимъ числомъ, познакомиться съ нимъ нашу читающую публику.

Книга г. Анучина раздѣлена на семь отдѣловъ: въ первомъ изъ нихъ представленъ краткій очеркъ исторіи русскаго законодательства о ссылкахъ въ Сибирь; во второмъ содержатся объясненія колебанія цифръ сосланныхъ въ Сибирь по періодамъ времени. Слѣдующіе отдѣлы излагаютъ вѣроятность зависимости преступленій: третій отъ пола; четвертый—отъ возраста; пятый—отъ сословія; шестой—отъ религіи; седьмой—отъ мѣстности.

Мы не поведемъ читателя по всѣмъ этимъ рубрикамъ, ибо это было-бы утомительно, да, пожалуй, немножко случновато. Мы изъ всѣхъ рубрикъ выберемъ болѣе характерныя выводы автора относительно женскаго и мужскаго пола, и такимъ образомъ, читатель будетъ имѣть понятіе о томъ, въ чемъ въ особенности грѣшны равныхъ сортовъ россияне и россиянки.

Изъ 159,755 лицъ, сосланныхъ въ Сибирь въ теченіе 20 лѣтъ, было 134,315 мужчинъ и 25,440 женщинъ. Слѣдовательно, въ массѣ ссыльныхъ вообще, россиянки составляютъ около $\frac{1}{6}$ всего числа, или, что все равно, на 100 россиянъ приходится 18,95 россиянокъ. Это доказываетъ несомнѣнное благоправіе нашего прекраснаго пола. Но это благоправіе не во всемъ выдерживаетъ; напротивъ, по нѣкоторымъ статьямъ оказывается весьма несостоятельнымъ. Такъ, между сосланными въ Сибирь

за дѣтубійство, на 100 мужчинъ приходится	1912,50	женщинъ;
» прелюбодѣліе » 100 » »	492,81	»
» супругоубійство » 100 » »	161,61	»

До 16 лѣтъ своего возраста, россиянки остаются ангелами. Но съ этого времени страсти ихъ быстро развиваются, и онѣ дѣлаются врожденными въ преступленіяхъ, ихъ полу свойственникъ, и такимъ образомъ дѣло идетъ до тридцатилѣтняго возраста включительно. Тогда какъ, изъ мужчинъ отъ 16 до тридцатилѣтняго возраста за дѣтубійство сослано было въ Сибирь, въ теченіе 20 лѣтъ, всего 11 человекъ, женщинъ въ то же самое время, и за то же самое преступленіе, было сослано 417; мужчинъ, отъ 16 до 20 лѣтъ своего возраста, убившихъ своихъ женъ, въ теченіе двадцати лѣтъ было только 19, — отъ 21 до 30 лѣтъ — всего 89; женщинъ, отъ 16 до 20 лѣтъ своего возраста, убившихъ въ теченіе того же времени своихъ мужей, было 158, отъ 21 до 30 лѣтъ — 181.

Желая оправдать такую страшную кровожадность прекраснаго пола въ юныхъ возрастахъ, авторъ говоритъ о дѣтубійствѣ, что это преступленіе до такой степени сильно развито между женщинами вслѣдствіе невыгодныхъ условій общественнаго положенія у насъ женщинъ — условій, при которыхъ вся вина незаконной половой связи падаетъ на женщину. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что къ дѣтубійству побуждаютъ женщинъ главнымъ образомъ стыдъ и страхъ общественнаго мнѣнія, и потому до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся условія, порождающія этотъ стыдъ и страхъ, дѣтубійство останется въ ряду женскихъ преступленій на самомъ видномъ мѣстѣ».

Точно также и сильную склонность женщинъ къ супругоубійству авторъ объясняетъ изъ общихъ условій общественнаго и семейнаго положенія нашей женщины. «Господствующій въ низшихъ сословіяхъ обычай — говоритъ онъ — отдавать дѣвицъ замужъ безъ ихъ согласія, даже насильно, жестокое обращеніе мужа съ женою, желаніе освободиться отъ жестокаго или нелюбимаго мужа — вотъ условія, въ которыхъ кроются причины мужеубійства. Указывая на особенную склонность женщинъ къ супругоубійству, мы не можемъ оставить безъ вниманія тотъ замѣчательный фактъ, что для выполненія этого преступленія, женщины гораздо чаще прибѣгаютъ въ отравленію, чѣмъ мужчины. Именно, изъ мужей прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ яду 1 изъ 26, изъ женъ 1 изъ 8; мы приводимъ эти цифры, какъ лучшее доказательство зависимости формъ отъ силъ исполнителя».

Все это можетъ быть и такъ, но мы, во всякомъ случаѣ, совѣтовали бы молодымъ людямъ и вообще мужчинамъ, вступающимъ въ бракъ, ради сохраненія своей жизни, не жениться на молодыхъ дѣвушкахъ, или молодыхъ женщинахъ, а избирать себѣ изъ возрастовъ болѣе зрѣлыхъ и благоразумныхъ, начиная

отъ 31 и въ особенности отъ 41 года. Изъ статистическихъ данныхъ показываютъ, что тогда какъ отъ

15 до 20 лѣтъ супругоубійцъ бываетъ на 100,00 м. 755,00 ж.
20 „ 30 „ „ „ „ „ „ „ 100,00 „ 200,00 „

въ возрастахъ отъ 30 до 40 на 100,00 мужчинъ приходится только 64,71 супругоубійцы, а отъ 40 до 50 на 100,00 всего 39,16 супругоубійцъ.

Кромѣ наклонности въ дѣтоубійству и супругоубійству, авторъ находитъ женщинъ въ молодыхъ ихъ лѣтахъ еще очень склонными къ кровосмѣшенію, и доказываетъ это слѣдующими данными. Въ теченіе двадцатилѣтія было сослано въ Сибирь за кровосмѣшеніе.

	16—20 лѣтъ	21—30	31—40	41—50	51—60	сверхъ 60—всего.	
Мужчинъ	»	7	14	25	23	9	75
Женщинъ	7	35	10	2	»	»	54

Благоговѣемъ предъ приведенными фактами! Но только все-таки не знаемъ, за кѣмъ признавать наклонность къ кровосмѣшенію, за женщинами ли молодыхъ лѣтъ, или за мужчинами старшихъ лѣтъ, выбирающихъ для кровосмѣшенія женщинъ не старшихъ, а младшихъ возрастовъ?

Чтобы правильно разрѣшить этотъ вопросъ, надобно, относительно мужчинъ, данныя по преступленію кровосмѣшенія разсматривать вмѣстѣ съ данными по преступленію изнасилованія. Мы привели выше данныя о мужчинахъ по преступленію кровосмѣшенія, а вотъ данныя по преступленію изнасилованія въ теченіе того же двадцатилѣтія:

11—15 лѣтъ	16—20	21—30	31—40	41—50	51—60	сверхъ 60—всего	
4	30	113	47	39	20	4	257

Изъ этой краткой таблички видно, что мужчина, удовлетворенія своихъ плотскихъ вожделѣній начинаетъ насиліемъ. Насиліе дѣлать, какъ показываетъ табличка, даже мальчики, не достигшіе до 15 лѣтъ! Чѣмъ болѣе съ возрастомъ увеличивается сила физическая, тѣмъ числомъ насилій возрастаетъ. На возрастъ отъ 16—20 лѣтъ падаетъ 80 случаевъ изнасилованія, на возрастъ отъ 21—30 лѣтъ 118 случаевъ изнасилованія, на возрастъ отъ 31—40 лѣтъ также сильный, но болѣе уже благоразумный, падаетъ 47 случаевъ. — Цифра изнасилованія уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ цифра кровосмѣшенія; она даетъ уже 14 случаевъ кровосмѣшенія; въ слѣдующее десятилѣтіе отъ 41—50, когда начинается уменьшеніе силъ, цифра изнасилованія еще болѣе уменьшается, но цифра кровосмѣшенія становится почти вдвое болѣе, наконецъ въ остальныхъ двухъ десятилѣтіяхъ цифра кровосмѣшенія уже превосходитъ цифру изнасилованія.

Что жъ это доказываетъ? Это доказываетъ то, что пока мужчина силенъ и дръзковъ, онъ насилуетъ кого и гдѣ можетъ, видя дома; когда онъ хирѣетъ и дѣлается слабъ, онъ насилуетъ под-

Однако, довольно намъ административать за женщинъ. Будемъ продолжать ихъ изобрешеніе.

О россиянкѣ, которая вышла замужъ за лицо духовное, или за купца, можно смѣло сказать, что она заочтала свое благоправіе семью печатями, изъ-подъ которыхъ никто его не покатитъ. Ни въ комъ изъ православныхъ не обнаруживается такой патентованной нравственности, какъ въ женскомъ полѣ духовнаго и купеческаго званія. О женщинахъ изъ дворянскъ авторъ говоритъ: «Особенно сильною, сравнительно со всѣми прочими сословіями, наклонностію къ убійству родителей, отличаются дворяне и, что всего замѣчательнѣе, женщины. У дворянскъ наклонность къ этому преступленію не только значительнѣе, чѣмъ у женщинъ другихъ сословій, даже сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ всѣхъ сословій, кромѣ однодворцевъ, которые одни могутъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи». О солдатахъ и дворовыхъ женщинахъ авторъ говоритъ: «Изъ сравненія солдатки или дворовой женщины съ купчихою оказывается, что для первыхъ двухъ вѣроятность сдѣлаться убійцею въ 12 разъ сильнѣе, чѣмъ для послѣдней. Женщины духовнаго званія отличаются такою же слабою наклонностію къ убійству, какъ и купчихи. Но самый замѣчательный выводъ состоитъ въ слѣдующемъ. Для женщинъ вообще вѣроятность сдѣлаться убійцею въ 4 раза слабѣе, чѣмъ для мужчинъ. Между тѣмъ для солдатки и дворовой женщины вѣроятность убійства почти такая же, какъ и для мужчинъ изъ сословія крестьянъ, и гораздо значительнѣе, чѣмъ для мужчинъ изъ сословія духовнаго и купеческаго».

«Наивысшимъ процентомъ *детоубійства* отличаются солдаты, далеко превосходящіе по наклонности въ этомъ преступленіи всѣ другія сословія. Гораздо меньшій, но сравнительно съ прочими сословіями, значительный процентъ имѣютъ однодворцы, военные поселенцы, заводскіе, фабричныя, дворовые и казаки. Рѣже всего становятся детоубійцами ищпанки и женщины духовнаго званія. Въ купеческомъ сословіи это преступленіе случается еще рѣже». На сколько можно судить по проценту сосланныхъ за воровство солдатокъ, это преступленіе должно быть очень сильно развито въ военномъ сословіи. Между женщинами послѣ дворовыхъ, какъ воровки, болѣе всего отличаются солдатки. Вообще, по пропорціи женщинъ въ общемъ числѣ осужденныхъ сословія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Между ссыльными изъ купеческаго сословія на 100 ж. приход.	4,56%	ж. в.
» » » духовнаго » » » » »	5,58	» »
» » » ищпанъ » » » » »	15,00	» »
» » » дворянъ » » » » »	15,64	» »
» » » гос. крестьянъ » » » » »	16,72	» »
» » » влад. крестьянъ » » » » »	28,05	» »
» » » казачьихъ » » » » »	29,14	» »
» » » дворовыхъ » » » » »	59,79	» »

Иной набобидный человекъ, пробѣжавъ эти выводы, можетъ подумать, что низкій процентъ преступности между женщинами духовнаго званія и купеческаго обуславливается тѣмъ усердіемъ къ церкви, какое по преимуществу доселѣ провъидается въ этихъ двухъ сословіяхъ.

Но изъ пропорцій женщинъ между ссыльными различнаго вѣроисповѣданія оказывается слѣдующее:

У протестантовъ на 100 мужчинъ приходится	28,64 женщ.
» католиковъ » » » »	22,44 »
» православныхъ » » » »	22,01 »
» раскольниковъ » » » »	14,91 »
» евреевъ » » » »	7,37 »
» магометанъ » » » »	1,33 »

Изъ этого видно, что магометанки отличаются еще болѣе высокимъ благопріятіемъ, чѣмъ наши духовныя и купеческія жены.

Авторъ это кажущееся благопріятіе женщинъ нехристіанскаго исповѣданія въ сравненіи съ христіанскими женщинами объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«При объясненіи разницы въ степени вѣроятности преступленія для мужчинъ и женщинъ, какъ на одну изъ существеннѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ причинъ, мы указали на различіе въ образѣ жизни. Для мужчинъ сдѣлаться преступникомъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ для женщинъ, потому же самому, почему для него вѣроятнѣе сдѣлаться жертвою нечаянной или неестественной смерти. Онъ чаще вращается въ мірѣ и подвергается болѣе широкой массѣ впечатлѣній и случайностей. Первыя увеличиваютъ для него возможность преступленія, какъ послѣднія возможность нечаянной смерти. Тою же самою причиною можно объяснить разницу въ пропорціи женщинъ между преступниками христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій. Стоитъ только всмотрѣться въ образъ жизни и общественное положеніе христіанки и магометанки, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ предположеній. Основатель магометанства вложилъ въ корень все, чтобы совершенно удалить женщину отъ общественной жизни и сдѣлать изъ нея простую вещь, приковавъ эту вещь къ господину-мужу. Укутанная въ чадру, замурованная въ гаремъ, пропитанная съ дѣтства самою рабскою покорностію къ мужичку, привыкнувъ считать себя за вещь, которую можно покупать и продавать, магометанка лишена всякой возможности проявить свою дѣятельность въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ въ хараемѣ, такъ и въ дурномъ. Образъ жизни магометанки, сложившійся на ученіи пророка, постепенно развилъ въ ней сильнѣйшую апатію и сдѣлалъ ее совершенно неспособною ни на перопись, ни на крупное владѣніе. Цивилизація христіанскихъ обществъ поставила женщину совершенно въ другія условія. И мужчина, и женщина, по ученію Христа, въ равной степени признаются человекомъ съ одинаковыми правами и въ настоящей и въ

будущей жизни. Съ другой стороны, римская цивилизация, перешедшая по наслѣдству въ европейскія общества, независимо отъ христіанства, мало по малу освобождала женщину отъ порога-родога, преграждавшихъ ей путь къ общественной жизни. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ, женщина новѣйшихъ христіанскихъ обществъ, поставленная въ большее соприкосновеніе съ вѣдшимъ міромъ, чѣмъ магометанка, подвергается гораздо большей суммѣ впечатлѣній, способныхъ довести ее до преступленія, чѣмъ послѣдняя, совершенно отрѣзанная отъ общественной жизни и по степени нравственнаго развитія низведенная къ состоянію существа, равно безвреднаго и бесполезнаго».

Нѣсколько похожее на это объясненіе авторъ даетъ и относительно незначительнаго процента преступности женщинъ въ купеческомъ сословіи. «Спокойная и сидячая жизнь женщинъ купеческаго сословія—говоритъ онъ—предполагаетъ несравненно меньшую вѣроятность преступленія, чѣмъ дѣятельная, полная тревогъ и заботъ жизнь крестьянки и въ особенности дворовой женщины. Этимъ и объясняется разница въ пропорціи женщинъ между ссыльными этихъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, какое сословіе отличается болѣе покойною жизнью, чѣмъ купеческое? Окруженная всѣми удобствами, всегда сытая и тепло одѣтая, купчиха, въ своемъ довольствіи доходитъ до состоянія совершенной апатіи. Матеріальное благосостояніе купечества выражается даже въ его вѣдшинности: полнота лицъ этого сословія есть прямое слѣдствіе ихъ образа жизни, располагающаго къ ожирѣнію тѣла и къ развитію флегматическаго темперамента. Невозможность удовлетворенія насущныхъ потребностей, существенная причина большей части преступленій — незнакома женѣ или дочери богатаго купца. Остается только разрядъ преступленій изъ злобы или мести. Но и въ этомъ случаѣ нравственность женщины купеческаго сословія достаточно гарантирована ея темпераментомъ. Какъ для женщины купеческаго сословія, вслѣдствіе счастливой обстановки, вѣроятность преступленія незначительна, такъ, напротивъ, она велика для дворовой женщины вслѣдствіе особенно неблагоприятныхъ условій ея жизни. Какъ купчиха бросается въ глаза своею полнотою, такъ, напротивъ, дворовая женщина отличается по большей части истинною наружностію. Взрослая въ горѣ и нищетѣ, дворовая женщина могла вынести изъ своего дѣтства и юности только недо-вольство. Безпрестанное вліяніе дѣлой массы неблагоприятныхъ впечатлѣній сдѣлало ея характеръ раздражительнымъ, а избытокъ въ условіяхъ, возбуждающихъ дурныя страсти, значительно увеличиваетъ для нея возможность преступленія».

Такъ-какъ вы, читатель мой, родились мужчиной, то я долженъ сказать вамъ, что надъ вами, если не съ самой колебели, то съ самыхъ раннихъ лѣтъ вашей юности повѣшеетъ мечъ Дамокловъ. Вы никогда не лишены вѣроятности попасть въ Сибирь путемъ ли судебной, или путемъ административной ссылки — все равно.

Чѣмъ дальше идете вы по избранному вами поприщу жизни, какое-бы это поприще ни было, все равно, тѣмъ болѣе эта вѣроятность увеличивается. И когда вамъ стукнетъ 60 лѣтъ, вѣроятность эта хотя и уменьшится, но все-таки совершенно не исчезаетъ. И это все потому только, что вы родились мужчиной. Вы мужчина, слѣдовательно вы *приобрѣтатель*. А статистическія данныя показываютъ, что въ 79,846 сосланныхъ въ Сибирь по суду въ теченіе двадцатилѣтія болѣе 60,000 все приобрѣтатели, то-есть поскользнувшіеся такъ или иначе на пути приобретенія. Да и то еще надобно полагать, что въ этой цифрѣ сочтены не всѣ поскользнувшіеся... Ибо въ теченіе двадцатилѣтія сослано за растрату казеннаго имущества всего 157 ч., а за лихоимство всего 82. Неправда ли, что обѣ эти цифры должны быть очень снисходительныя!!!

Вы, можетъ быть, обидитесь на меня за это и скажете, что вы не просто мужчина, а дворянинъ, привыкшій дѣлать приобретенія честныя. Вполнѣ вѣрю вамъ лично, отвѣтствую я вамъ на это; но все-таки, опираясь на несомнѣнныя статистическія данныя, не могу не сказать, что если вы не простой смертный, а еще и дворянинъ, то вѣроятность побывать въ Сибири не только отъ этого для васъ не уменьшается, а еще увеличивается.

«По многимъ причинамъ казалось бы, говоритъ авторъ, что для дворянина вѣроятность преступленія должна быть значительно слабѣе, чѣмъ для лица всякаго другаго сословія. Привилегированное положеніе дворянина среди другихъ сословій и высшій уровень образованія должны бы, казалось, въ значительной мѣрѣ содѣйствовать уменьшенію этой вѣроятности. Между тѣмъ, статистическія цифры показываютъ совершенно противное. Онѣ показываютъ именно, что для дворянина вѣроятность быть сосланнымъ въ Сибирь за такое преступленіе значительно выше, чѣмъ для многихъ другихъ сословій. Правда, что процентъ для дворянства значительно увеличивается собственно отъ двухъ преступленій: отъ поддѣлки документовъ и противъ власти, процентъ которыхъ въ этомъ сословіи наивысшій. Но даже и по общему проценту для такихъ преступленій, какъ смертоубійство, грабежъ, замигательство, дворяне не уступаютъ мѣщанамъ и значительно превосходятъ крестьянъ, а въ особенности духовенство и купечество».

Авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ раздѣляетъ дворянство на три категоріи: 1) неслужащее дворянство; 2) военнослужащее и 3) чиновниковъ, и приходитъ къ слѣдующему окончательному выводу, относительно преобладающихъ преступленій въ каждой изъ эти категоріи:

1) сильнѣйшая склонность къ преступленіямъ преимущественно развита между чиновниками. Но при этомъ нужно замѣтить, что значительный процентъ для категоріи чиновниковъ происходитъ отъ сильной склонности ихъ къ поддѣлкѣ документовъ и преступленіямъ по службѣ.

2) По общему проценту для самых тяжелых преступлений (смертоубийство, грабеж и закидательство) военное дворянство значительно превышает все другие категории. Самая слабая наклонность къ такимъ преступленіямъ замѣтна въ категориі чиновниковъ, меншого превышающихъ въ этомъ отношеніи купечество и духовенство.

3) Сильнѣйшею наклонностію къ государственнымъ преступленіямъ отличается неслужашее дворянство, слабѣйшею — чиновники.

Какъ дворянство погрѣшаетъ, если можно такъ выразиться, тѣми самыми орудіями, которыми оно служитъ славу своего отечества, а именно, чиновники тѣми самыми перомъ, которыми они начертываютъ распоряженія администраціи, поддѣлываютъ и фальшивые документы; военное дворянство самое оружіе, которое они употребляютъ на враговъ отечества, обращаютъ на смертоубійства и грабежи, и наконецъ, неслужашіе дворяне, то самое побѣдоносное краснорѣчіе, которымъ они блистаютъ въ дворянскихъ, земскихъ и другихъ собраніяхъ, употребляютъ и къ погубленію себя, ибо думаемъ, что государственныя ихъ преступленія, главнымъ образомъ, состоятъ въ неукротимости ихъ языка, такъ точно и въ другихъ сословіяхъ замѣчается, что они злоупотребляютъ тѣми самыми предметами своего служенія, которые и по существу ихъ служенія, и по общему понятію всѣхъ должны бы быть для нихъ священнѣйшими.

Въ особенности въ этомъ случаѣ рѣзко выдѣляется духовенство.

«Сильная наклонность къ святотатству — говоритъ авторъ — составляетъ главнѣйшую характеристическую черту духовенства въ криминальномъ отношеніи. Изъ сравненія сословій по пропорціи этого преступленія между сословіями также по проценту осмысливъ за святотатство видно, что это преступленіе составляетъ почти такую же исключительную особенность духовенства, какъ государственныя преступленія въ дворянствѣ и преступленія по службѣ въ классѣ чиновниковъ. Святотатство есть самая частая причина ссылки для духовенства. Лица этого сословія складируются въ Сибирь за святотатство даже чаще, чѣмъ за простое воровство. Между осмыслившими святотатцы изъ духовнаго званія составляютъ болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа, именно 34,02%, тогда какъ ни въ одномъ изъ другихъ сословій пропорціи подобныхъ преступленій не превышаютъ 4%. Въ ряду сословій, расчлаемыхъ по проценту осмыслившихъ, духовенство въ большей части преступленій занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. Исключеніе составляютъ только три преступленія: святотатство, поддѣлка документовъ и изнасилованіе. Первое изъ нихъ — святотатство, есть единственное преступленіе, по проценту котораго духовенство превышаетъ все сословія. Разница въ этомъ отношеніи между духовенствомъ и всеми прочими сословіями огромная, какъ видно изъ слѣдующихъ пропорцій:

Преступленія по родству съ стататотра.

Духовенства : солдат.	— 6, 8 : 1
» : мѣщанамъ	—10,20 : 1
» : дворянамъ	—14,42 : 1
» : купцамъ	—21,25 : 1
» : крестьянамъ	—39,23 : 1

Купечество имѣеть такъ же нѣкоторую профессиональную слабость, какъ духовенство.

«Относительно порядка преступленій купечество — говорить авторъ — представляетъ ту особенность, отличающую это сословіе отъ всѣхъ другихъ, что послѣ воровствъ и смертоубійствъ лица купческаго сословія чаще всего ссылаются въ Сибирь за поддѣлку ассигнацій и монетъ. Это есть единственное изъ тяжкихъ преступленій, по наклонности къ которому, купечество превышаетъ всѣ другія сословія. Въ этомъ отношеніи купечество уступаетъ только заводскимъ и фабричнымъ. Къ прочимъ главнымъ сословіямъ купечество находится въ такихъ отношеніяхъ по проценту ссыльныхъ за это преступленіе:

Купечество : солдатамъ	—1,84 : 1
» : мѣщанамъ	—1,58 : 1
» : дворянамъ	—2,23 : 1
» : духовен.	—4,46 : 1
» : крестьянамъ	—4,83 : 1

Въ такомъ видѣ представляются наши лучшія сословія — лучшія, какъ по *материальному* положенію, такъ по образованію и нравственности, но крайней-мѣрѣ, въ общемъ мѣрѣ. Посмотримъ теперь на самыя худшія сословія въ томъ и другомъ отношеніи; но предварительно приведемъ процентное отношеніе сословій по самымъ тяжкимъ преступленіямъ, какъ-то: смертоубійству, разбою, грабежу и зажитательству.

Солдаты	0,00710
Заводскіе и фабричныя	0,00686
Дворовые	0,00584
Одноворцы	0,00542
Военные поселяне	0,00492
Казакъ	0,00326
Дворяне	0,00302
Мѣщане	0,00290
Государственныя крестьяне	0,00266
Владѣльческія крестьяне	0,00257
Духовенство	0,00163
Купечество	0,00150

И такъ, самый огромный процентъ преступности, по самымъ тяжкимъ преступленіямъ въ двадцатилѣтіе съ 1827 по 1846 годъ, существовалъ между солдатами, фабричными и дворовыми.

«Наклонность къ тяжкимъ преступленіямъ развита между солдатами, говоритъ авторъ, въ самой сильной степени: по проценту сосланныхъ за смертоубійство, солдаты значительно превышаютъ даже дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными. По проценту сосланныхъ за грабежи и разбой, они уступаютъ только заводскимъ, однодворцамъ и военнымъ поселянамъ, по проценту для святотатства—только духовенству. Наклонность къ поддѣлкѣ ассигнацій и монетъ развита между ними также сильно, какъ въ купечествѣ, наклонность къ изнасилованію и возмущеніямъ также велика, какъ и въ дворянствѣ, а по проценту государственныхъ преступленій они превышаютъ всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства. Такъ-какъ масса солдатъ набирается изъ крестьянъ, то небезынтересно сравненіе этихъ сословія по проценту тяжкихъ преступленій.

Солдаты : государственнымъ крестьянамъ — 2,58 : 1.

Эта пропорція показываетъ, что обращеніе крестьянина въ солдата увеличивало для него вѣроятность совершить преступленіе въ 2½ раза.

«Заводскіе съ фабричными, по значительной наклонности къ преступленіямъ, могутъ быть поставлены наравнѣ съ дворовыми и солдатами. Въ особенности отличаются заводскіе сильнѣйшею наклонностію къ смертоубійству, грабежамъ и поддѣлкѣ ассигнацій и монетъ. По двумъ послѣднимъ преступленіямъ, они превышаютъ всѣ прочія сословія, а по проценту смертоубійства уступаютъ только солдатамъ».

О дворовыхъ авторъ говоритъ, что обращеніе владѣльческаго крестьянина въ дворовые увеличивало для него втрое вѣроятность быть сосланнымъ въ Сибирь. Ибо, по пропорціи:

сосланные вообще дворовые: владѣльчeskимъ крест. — 3,06 : 1

» за тяжкія преступ.: владѣльчesk. крестьян. — 2,70 : 1
по наклонности къ смертоубійству, дворовый уступаетъ только солдату; по проценту сосланныхъ за зажигательство, дворовые рѣшительно превосходятъ всѣ другія сословія; по поддѣлкѣ документовъ, они уступаютъ только дворянамъ; по проценту сосланныхъ за воровство, превышаютъ всѣ другія сословія кромѣ однодворцевъ».

Мы нарочно привели эти три категоріи: солдатъ, фабричныхъ съ заводскими, дворовыхъ, — категоріи самыя высокія по проценту преступности, чтобы читатель могъ видѣть, какъ сильно безземельность и бездомовность можетъ вліять у насъ на развращеніе массъ.

Мы видимъ причины сильной преступности трехъ означенныхъ категорій именно въ безземельности и бездомовности. Прикрѣплены были къ помѣщикамъ и владѣльчeskіе крестьяне, какъ и дворовые; но владѣльчeskіе крестьяне, по проценту преступности, немного только превосходили крестьянъ государственныхъ. Военную службу несли и казаки, но казачье сословіе вообще,

говоритъ авторъ, не отличается наклоностію къ преступленіямъ; такъ, по проценту сосланныхъ за тяжкія преступленія, казаки, въ ряду другихъ сословій, стоятъ даже ниже мѣщанъ, и только немногимъ превосходятъ крестьянъ. Только по двумъ преступленіямъ, казачье сословіе выдается особенно между другими, именно: по проценту сосланныхъ за грабежъ и за плотскія преступленія. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей казачьяго сословія заключается въ томъ, что плотскія преступленія распространены между казаками болѣе поддѣлки ассигнацій, святотатства, зажигательства и даже поддѣлки документовъ.

По вѣроятности тяжкихъ преступленій солд. : казак. — 2, ₃₃ : 1.

Все это не худо бы имѣть въ виду тѣмъ, которые хлопочуть о безземельности нашихъ крестьянъ въ видахъ якобы преступленія земледѣлія и фабрично-заводскаго дѣла.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторые любопытные выводы, сдѣланные авторомъ относительно зависимости преступленій отъ вѣроисповѣданій и отъ мѣстности.

Статистическія данныя показываютъ, что изъ вѣроисповѣданій въ православномъ населеніи наклонность къ преступленіямъ гораздо значительнѣе другихъ. Въ этомъ отношеніи мужчины православнаго исповѣданія уступаютъ только магометанамъ, а православныя женщины превосходятъ по проценту женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Слабѣйшею наклонностію къ преступленіямъ отличается населеніе *протестантское*. Нѣтъ ни одного преступленія, по которому бы протестанты особенно выдавались среди всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.

Трудно объяснить, говоритъ авторъ, чѣмъ обусловливается слабая наклонность къ преступленіямъ въ протестантскомъ населеніи сравнительно съ населеніемъ другихъ исповѣданій. Можетъ быть, главную роль играютъ тутъ племенные особенности расъ финской и нѣмецкой, но весьма можетъ быть также, что нѣкоторая доля вліянія принадлежитъ въ этомъ случаѣ большому развитію грамотности въ протестантскомъ населеніи. Извѣстно, что изъ всѣхъ губерній Европейской Россіи наибольшимъ процентомъ грамотности отличаются три прибалтійскія губерніи съ протестантскимъ населеніемъ. По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ 1 учащійся приходится на 25 жителей, а вообще въ 49-ти губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи одинъ учащійся приходится на 133 челоуѣка. Какъ ни шатки эти цифры, но все-таки разница выходитъ огромная (по развитію грамотности остзейскія губерніи : всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи — 5,12 : 1), и можетъ быть ею отчасти и объясняется разница въ наклонности къ преступленіямъ.

Къ нѣскольکو подобному выводу приходитъ авторъ, рассматривая географическое распредѣленіе преступленій въ Россіи. Именно онъ находитъ, что наклонность къ преступленіямъ вообще очень замѣтно и довольно правильно уменьшается отъ во-

стока и эта имперія къ западу и северу. Этотъ выводъ, по мнѣнію автора, въ особенности подтверждается данными относительно убійства родныхъ и дѣтубійства. «Географическое распространеніе этихъ двухъ преступленій представляеть въ высшей степени интересныя особенности, говоритъ авторъ. Врядъ ли какое другое преступленіе такъ удачно характеризуетъ нравы населенія, какъ убійство родныхъ. Убійцею посторонняго можетъ сдѣлаться лицо, временно живущее въ известной мѣстности или пришлецъ, случайно туда попавшій, между тѣмъ какъ убійца родныхъ почти исключительно принадлежитъ къ коренному населенію. Приведенныя нами цифры показываютъ, что семейный разладъ чаще оканчивается преступленіемъ въ восточныхъ губерніяхъ, въ особенности въ приуральскихъ, рѣже во внутреннихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, слабѣ всего развито это преступленіе въ западныхъ, и въ особенности остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ убійство такого рода составляетъ чрезвычайную рѣдкость. Слѣдовательно, наклонность къ этому преступленію совершенно правильно и прогрессивно возрастаетъ отъ запада къ востоку. Этотъ замѣчательный фактъ трудно объяснить чѣмъ нибудь инымъ, какъ не такимъ же прогрессивнымъ уменьшеніемъ мягкости нравовъ по направленію отъ запада въ востоку. Самая слабая наклонность къ этому преступленію замѣчается въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, сильнѣйшая въ Пермской, Вятской и Казанской».

«Географическое распредѣленіе дѣтубійства представляеть совершенно противное убійству родныхъ. Именно, наклонность къ этому преступленію съ замѣчательною правильностью ослабѣваетъ отъ запада къ востоку. Сильнѣйшею она оказывается въ западныхъ губерніяхъ, преимущественно въ остзейскихъ, затѣмъ въ малороссійскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ, нѣсколько слабѣе въ югозападныхъ и новороссійскихъ, еще слабѣе во внутреннихъ. Наименьшимъ процентомъ дѣтубійства отличаются приволжскія губерніи. При соображеніи этихъ выводовъ невольно бросается въ глаза возрастаніе наклонности къ дѣтубійству по мѣрѣ приближенія къ западу. Очень можетъ быть, что болѣе развитое, и въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстное чувство стыда и боязнъ общественнаго мнѣнія, чаще заставляютъ остзейскую или малороссійскую дѣвушку губить плодъ незаконной любви и, напротивъ того, меньшая доза стыдливости у женщинъ меньше развитой, какъ напримѣръ, крестьянъ восточныхъ губерній въ сравненіи съ крестьянкой западныхъ, предохраняеть ребенка отъ насильственной смерти».

Приведенныхъ нами выдержекъ достаточно для того, чтобы читатель познакомился съ книгою г. Анучина. Дальнѣйшее, болѣе близкое знакомство съ нею предоставляемъ собственной любознательности читателя.

Мы же скажемъ еще нѣсколько словъ о выполненіи авторомъ

взятой имъ на себя задачи. Мы уже сказали, въ началѣ статьи, какой авторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ матеріалъ. Матеріалъ этотъ опредѣлялъ не только размѣръ, но нѣкоторымъ образомъ и порядокъ работы. Къ тому же авторъ скромно называетъ свой трудъ: *матеріалъ для уголовной статистики Россіи*, а не уголовною статистикою. Слѣдовательно, нельзя ставить ему въ упоръ, почему имъ разработано одно, выпущено изъ виду другое, болѣе нужное. Авторъ могъ работать только надъ тѣмъ матеріаломъ, который былъ у него въ рукахъ, и выполнялъ свою работу самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ выжалъ изъ своего матеріала все, что только можно было выжать, и можно скорѣе обвинять его въ излишнемъ напряженіи взять изъ матеріала больше, чѣмъ сколько матеріалъ могъ дать, нежели въ опущеніяхъ. Это напряженіе особенно замѣтно въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ, рассматривающихъ зависимость преступленій отъ вѣры и мѣстности. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что разныя особенности разныхъ вѣроисповѣданій могутъ косвенно вліять на развитіе тѣхъ или другихъ преступленій. Но чтобы то или другое вѣроисповѣданіе вліяло прямо и непосредственно на преступность, этого, конечно, сказать нельзя. Что православные и магометане отличаются сильнѣйшею склонностію къ преступленіямъ, чѣмъ послѣдователи другихъ преступленій, тутъ конечно и православная, и магометанская религія ни при чемъ. Слѣдовательно, дѣлать дробные процентныя расчеты и даже еще по каждому отдѣльному преступленію, сколько въ немъ есть православныхъ, протестантовъ, католиковъ и проч., едва-ли въ какомъ нибудь отношеніи можетъ быть нужно. Еще менѣе пользы можно ожидать отъ подобныхъ дробныхъ процентныхъ выкладокъ при разсмотрѣніи географическаго распредѣленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что разныя мѣстности, сложившіяся въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ особыхъ природныхъ условій и особыхъ мѣстныхъ обычаевъ, могутъ вліять сильно на тѣ или другія формы преступности. По всей вѣроятности, и у насъ, при болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи значительнаго числа фактовъ преступленій, окажется разнообразное вліяніе разныхъ мѣстностей на преступность, хотя на такой плоской равнинѣ, какъ Россія, неизмѣющейся никакихъ почти рѣзкихъ особенностей въ природѣ, притомъ населявшейся однимъ племенемъ съ одинаковыми обычаями, одинаковыми повѣрьюми и нравами, едва-ли найдется много такихъ мѣстностей, въ особенности если примемъ во вниманіе, что сильная, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ дѣйствующая централизація самымъ тщательнымъ образомъ сглаживала разныя племенные, мѣстныя, бытовныя рѣзкости и особенности. Авторъ, напротивъ, чуть-ли не въ каждой губерніи хочетъ отыскать вліяніе мѣстности на характеристику преступленій. Это, само собою разумѣется, приводитъ его къ мало-вѣроятнымъ выводамъ, а эти выводы ведутъ его въ свою оче-

редь къ безплоднымъ, ничего неразъясняющимъ и нисколько неубѣдительнымъ экспликаціямъ. Такъ, сравнивъ губерніи по проценту сосланныхъ за плотскія преступленія, авторъ дѣлаетъ такую экспликацію:

«Изъ сравненія губерній и группъ по проценту сосланныхъ за плотскія преступленія замѣчаемъ, что особенно часты подобныя преступленія на востокѣ и югѣ Россіи, и что по направленію къ западу и сѣверу наклонность къ нимъ ослабѣваетъ очень замѣтнымъ образомъ. Отражается ли въ этихъ выводахъ вліяніе климатическихъ условій и племенныхъ особенностей — положительно сказать довольно трудно. По всей вѣроятности, и то и другое имѣетъ здѣсь свою долю значенія. Впрочемъ, нѣкоторыя данныя заставляютъ предполагать, что въ этомъ случаѣ вліяніе племенныхъ особенностей превѣшиваетъ вліяніе климата. Если бы возрастаніе процента плотскихъ преступленій зависѣло главнымъ образомъ отъ климатическихъ условій, то онъ увеличился бы отъ сѣвера къ югу, но уже нивагъ не по направленію отъ запада къ востоку, такъ-какъ по этому направленію климатъ становится континентальнѣе. Пермская и Вятская губерніи, отличающіяся особенно высокимъ процентомъ для плотскихъ преступленій, имѣютъ очень суровый климатъ. Слѣдовательно, увеличеніе наклонности къ плотскимъ преступленіямъ должно главнымъ образомъ приписать племеннымъ особенностямъ, а на востокѣ Россіи исключительно вліянію магометанскаго закона».

Вообще страсть къ экспликаціямъ сильно заѣдаетъ автора. Онъ любитъ всегда широконько объясниться съ своимъ читателемъ, что можно видѣть даже изъ тѣхъ выдержекъ, которыя мы привели. Такъ, напримѣръ, пусть читатель пробѣжитъ выдержку, гдѣ дается объясненіе, почему магометанскія женщины кажутся менѣе порочными, чѣмъ христіанскія. Конечно, мы нисколько не противъ подобнаго рода экспликаціи, ибо хотя и растаянуты, онѣ не только дѣлу не вредятъ, напротивъ дѣлаютъ книгу автора удобочтимою для читателя, который вообще не любитъ читать одни сухіе статистическіе выводы и выкладки, но... мы совѣтовали бы автору въ будущемъ изданіи своей книги удержаться отъ тѣхъ экспликацій, которыя усиливаются объяснять необъяснимое...

И затѣмъ мы отъ души желаемъ, чтобы достойный трудъ автора нашелъ наконецъ то сочувствіе въ русской публикѣ, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ульяна. (*Очеркъ изъ жизни женщины*). Соч. Е. Н. Глобной. Спб. 1868 г.

Осуденіе русской музы за послѣдніе десять, двѣнадцать лѣтъ — явленіе ни для кого не безъизвѣстное. Причины, обусловившія это явленіе — также не тайна для всѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ русской литературы за это время. Время послѣднаго поэтическаго урожая, какъ вѣроятно это помнятъ читатели, совпадаетъ съ послѣдними изъ сороковыхъ и первыми изъ пятидесятыхъ годовъ, когда общественная жизнь не давала человѣку, желавшему мыслить и дѣйствовать, рѣшительно никакой для этого возможности. Въ это приснопаматное время, люди, имѣвшіе претензію на человѣческое достоинство, отъ ужаса житейской прагматики могли спасаться только въ евангеліи безпечальнаго созерцанія и въ самоуслажденіе изящной стороной жизни, какая выпадала на долю незначительному меньшинству, выросставшему паразитомъ надъ безчисленной массой трудового и безмолвнаго люда. Но такъ-какъ и въ этой пристани для мысли, рѣсть которой вообще обусловливается общеніемъ съ дѣйствительностью, а не удаленіемъ отъ нея, не было особеннаго простора, а изящество могло развиваться безпрепятственно, то большинство стихотворцевъ этого времени и достигло преимущественно развитія формы, иногда дѣйствительно замѣчательно прекрасной, но почти всегда прикрывавшей убогую нищету содержанія. Внесеніе въ эти формы гуманнаго, достойнаго дѣйствительно развитаго человѣка нашего времени содержанія, *поэтическое открытіе народа* и стремленіе быть дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ сыномъ своей страны и гражданиномъ (не въ смыслѣ только почетнаго, безъ каковаго прилагательнаго, тогда едва-ли приведенное нами слово даже и произпосилось у насъ) — удалось, какъ извѣстно, весьма немногимъ первостепеннымъ талантамъ. Когда, послѣ крымской войны, подъ гальваническимъ вліяніемъ различныхъ случайностей, русская мысль стала какъ бы просыпаться, и даже — въ нѣкоторыхъ исключительныхъ личностяхъ — покушалась идти путемъ самостоятельнымъ — на бессодержательныхъ стихотворцевъ должно было неизбежно начаться гоненіе. Оно тогда дѣйствительно и явилось, но такъ-какъ формопоклонники, отъ слишкомъ ревностнаго выполненія всѣхъ обрядностей своего культа, значи-

тельно утратили способность мысли и самое поэтическое чутье, когда дѣло не касалось до мѣриссовской отдѣлки деталей внѣшней стороны ихъ произведеній, то эти гоненія здравой критики вмѣсто того, чтобы выковать изъ этихъ стихотворцевъ доваждущее число булатовъ, разможили большинство ихъ въ осколки стекла. Стекло, конечно, не Богъ-знаетъ что, но оно обладаетъ способностью производить занозы... Оно и занозило русскую мысль въ то время, когда, казалось, дѣло критики было закончено, и гоненіе на послѣднихъ могоканъ безсодержательности перешло въ сатирическую и юмористическую ихъ травлю. Какъ отпоръ и реакція этихъ могоканъ — явилась съ ихъ стороны заноза, принимаемая многими добродушными людьми и до сихъ поръ за нѣчто справедливое и доказательное... Заноза эта — важнѣйшій ихъ аргументъ — состояла въ томъ, что они, не краснѣя, объявили во всеуслышаніе, что сосуществованіе тенденціи и искусства — немислимо, то-есть другими словами отняли отъ творчества, высшаго сознательнаго акта душевной дѣятельности человѣка, вслѣду цѣлесообразности, оставивъ за нимъ только рефлекторный и механически-случайный характеръ... Жрецы надругались надъ тѣмъ, что они притворно признавали своимъ божествомъ! Развитую мысль, стремленіе принести людямъ пользу — основной смыслъ человѣческаго общежитія — они окрестили названіемъ *гражданской скорби*, находя, что сочетаніе этихъ двухъ словъ удивительно смѣшно, что скорбь можетъ быть только личная, и что писатель не имѣетъ даже права возвышаться до такого развитія, когда, лично удовлетворенный, онъ не считаетъ себя нравственно успокоеннымъ, вида бѣдствія окружающихъ его людей и препятствія, появляющіяся съ разныхъ сторонъ тому, чтобы человѣчество вышло наконецъ на ту дорогу, которую оно можетъ до чего нибудь дойти... Мы лично глубоко сомнѣваемся, чтобы понятіе гражданской скорби представляло въ себѣ что-либо смѣшное, но люди мыслятъ и чувствуютъ различно; не даромъ Гоголь разсказывалъ, кажется о прапорщикѣ Дырявѣ, которому стоило показать палецъ, чтобы его бралъ неудержимый хохоть... Въ этомъ дѣлѣ обидно только то, что существуетъ еще много людей, на которыхъ даже смѣшливые прапорщики могутъ имѣть вліяніе и конечно подрывать вредитъ такого рода производителей хохота составляетъ нравственную обязанность всякаго сознательнаго писателя... Эти-то сердитые и смѣшливые стихотворцы, а вслѣдъ за ними и всякіе, поклоняющіеся имъ «униженные и оскорбленные» критики, то гоненіе, какое подняла у насъ серьезная мысль на стихотворенія безсодержательныя — злобно распространяютъ и на всякаго стихотворца, если даже его произведенія и пронянуты серьезнымъ сочувствіемъ или негодованіемъ ко всему, что по своей природѣ заслуживаетъ того или другаго чувства...

При такомъ положеніи дѣла, скудость русской музы, понятна само собою. Много ли у насъ дѣйствительныхъ поэтовъ...

публикѣ извѣстно. Формопоклонники изнываютъ въ послѣднихъ конвульсіяхъ, новыя же стихотворцы до того запуганы, что при скромности, неравнучной со всякимъ талантомъ, появленіе ихъ можетъ случиться только при исключительныхъ обстоятельствахъ, еслибы даже при богатствѣ мысли она обладали и порядочной формой...

Въ этомъ смыслѣ, мы не мало были удивлены смѣлостью г-жи Глобиной, рѣшившейся выступить въ публику съ стихотвореніемъ, напечатаннымъ даже не въ журналѣ, который могъ бы дать отпоръ могущимъ возникнуть на нее нападеніямъ, за то, что она въ наше время рѣшается публично говорить о своемъ сочувствіи народу — въ формѣ приличныхъ стиховъ. Имя г-жи Глобиной появляется въ печати чуть ли не въ первый разъ... и если содержаніе ея «Ульяны» нѣсколько сентиментально, а стихъ не довольно выработанъ, то все-таки мы не считаемъ себя въ правѣ отнестись къ ней безъ сочувствія. Проблески таланта въ ея небольшой поэмѣ — очевидны, форма — современемъ выработается, а за содержаніе ея будущихъ произведеній, при той теплотѣ чувства, которая согрѣваетъ ея «Ульяну», и томъ чутьѣ, какое она выказала, въ своемъ разсказѣ о несложныхъ страданіяхъ деревенской женщины, опутанной безразсвѣтнымъ рабствомъ обычаявъ — опасаться не представляется основаній...

Чтобы сужденіе наше не показалось голословнымъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ «Ульяны», и именно то мѣсто, въ которомъ г-жа Глобина, разсказавъ, какъ Ульяна, желая спасти своего ребѣнка отъ насилія и произвола грубаго и «не милаго» своего мужа, убиваетъ ребѣнка и самое себя.

Вотъ это мѣсто:

О, какъ я тебя понимаю,
 Безмѣрно несчастная мать!
 Смотри, надъ тобой я рыдаю
 И слезъ не могу удержать...
 Что пользы? Вѣдь нѣтъ во мнѣ силъ
 Тебя воскресить изъ могилы.
 Нѣтъ силъ твою горькую долю
 На лучшій удѣлъ измѣнить
 И рабство твое и неволю
 Сломить, уничтожить, разбить;
 Но будетъ же лучшее время
 И рухнетъ тяжелое бремя,
 Твою деревеньку родную
 Какъ лентой гаря обовьеть,
 Про новую жизнь и другую
 Соловушка пѣсню своею
 И выберетъ холмъ твой могильный
 Для пѣсни свободной и сильной...

Для начинающаго стихотворца, это мѣсто положительно не-
 дурно.

ОСНОВЫ ХИМИИ. Д. Менделѣева, профессора И. Сиб. университетта (вып. I. съ 92 полит.). Сиб. 1868 г.

Большинство учебниковъ химіи представляютъ собраніе эмпирическихъ свѣдѣній, съ изложениемъ весьма немногихъ обобщеній относительно отдѣльныхъ частныхъ группъ явленій. Они полны описанія ретортъ, банокъ, различныхъ реакцій, но о теоретическихъ взглядахъ обыкновенно не упоминается вовсе, или упоминается вскользь, какъ о чемъ-то случайномъ. Вслѣдствіе этого подобныя учебники теряютъ всякій интересъ для массы образованныхъ читателей, которые ищутъ въ наукѣ не знанія голаго факта, а мысли, дающей возможность составить цѣльный и ясный взглядъ на рядъ изучаемыхъ явленій. Ученые любятъ строго придерживаться фактовъ, опасаясь пускаться въ неизвѣстную область мысли, а между тѣмъ самое важное значеніе науки заключается именно въ томъ, что въ своихъ наиболѣе широкихъ обобщеніяхъ, она вводитъ новые элементы въ міросозерцаніе человѣка, характеризуетъ его отношенія къ природѣ. Таково, напр., значеніе закона о вѣчности матеріи, установленнаго Лавуазье, на которомъ съ тѣхъ поръ и зиждется вся химія.

Книга г. Менделѣева, въ этомъ отношеніи, представляетъ исключеніе изъ ряда сочиненій того же содержанія. Онъ является въ ней не только, какъ ученый специалистъ, но также какъ философъ, стремящійся объяснить факты и связать ихъ въ одно цѣлое. Чтобы охарактеризовать книгу съ этой стороны, мы, въ самыхъ братскихъ словахъ, коснемся теоретическихъ взглядовъ автора.

При изученіи, такъ-называемыхъ, частичныхъ явленій (свѣтъ, теплота, электричество, и т. д.), къ которымъ относятся и химическія явленія, чрезвычайно важную роль играетъ законъ постоянства силъ. Какъ матерія не можетъ возникнуть изъ ничего, или исчезнуть, точно также всѣ извѣстныя намъ силы: свѣтъ, теплота, электричество, химическое сродство, обыкновенное движеніе—не нарождаются вновь и не пропадаютъ безъ слѣда. Онѣ постоянно видоизмѣняются, переходятъ одна въ другую, но количество ихъ въ природѣ неизмѣнно. Это взглядъ, въ наукѣ, сравнительно новый. Онъ началъ развиваться только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Наиболѣе разработаны онъ въ примѣненіи къ ученію о теплотѣ, наименѣе въ области химіи. Русскіе читатели знакомы съ этимъ предметомъ только по переводнымъ сочиненіямъ Грове, Фарадея, Тиндала и Гельмгольца. Въ книгѣ г. Менделѣева мы находимъ примѣненіе этого закона къ изученію химическихъ явленій. «Если къ общимъ свойствамъ тѣлъ, говоритъ авторъ, причисляютъ непроницаемость, дѣлимость, притяженіе къ землѣ, и т. п., то къ нимъ же должно причислить и то, что всѣ тѣла заключаютъ въ себѣ запасъ тепла, и запасъ химической энергіи. Физика доказываетъ, что въ

каждомъ тѣлѣ есть свойственный ему запасъ тепла. Расходъ тепла при нагреваніи, выдѣленіе его при охлажденіи составляютъ прибыль и убытокъ этого запаса. Это объясняютъ тѣмъ, что признають частицы тѣлъ въ состояніи движенія. Напряженность этого движенія и есть запасъ тепла. Эта напряженность можетъ увеличиваться, или уменьшаться, но представить себѣ состояніе покоя нельзя, изучая физическія явленія. Таковъ и запасъ химической энергіи, свойственный тѣламъ. Его можно разсматривать, какъ мы постараемся развить впослѣдствіи, какъ особый видъ движенія, подобно теплотѣ. Этотъ запасъ увеличивается, или уменьшается при образованіи новыхъ тѣлъ, но не уничтожается совершенно ни при какихъ соединеніяхъ. Какъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое поглощается или выдѣляется часть запаса теплоты, такъ при соединеніяхъ, разложеніяхъ и всякихъ химическихъ процессахъ происходитъ измѣненіе въ запасѣ химической энергіи». Разсматривая химическія явленія съ этой точки зрѣнія, Менделѣевъ предлагаетъ намъ нѣчто новое, и въ высшей степени интересное. Сила химическаго сродства характеризуется имъ слѣдующимъ образомъ: «Сила эта подобна всякой притягательной силѣ. Она опредѣляетъ совокупленіе разнородныхъ веществъ въ одно цѣлое, новое вещество». Химическое соединеніе наступаетъ, когда притяженіе разнородныхъ частей беретъ перевѣсъ надъ притяженіемъ однородныхъ, разложеніе наоборотъ. Такое представленіе о ходѣ химическихъ процессовъ, какъ говоритъ самъ авторъ, заключается въ себѣ много гадательнаго, такъ-какъ наука не даетъ средствъ для измѣренія химической энергіи. О ней можно судить только по нѣкоторымъ физическимъ процессамъ, сопровождающимъ химическіе, но и тутъ изслѣдованіе трудно и запутанно по причинѣ сложности явленій. Тѣмъ не менѣе во многихъ частныхъ случаяхъ есть возможность понять отношеніе этой силы къ другимъ физическимъ силамъ, и этимъ путемъ до известной степени уяснить себѣ понятіе о сродствѣ и химической энергіи. Современное состояніе химіи, авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Химикъ предугадываетъ тѣ количества, въ которыхъ тѣла соединяются между собою, но качественныя отношенія тѣлъ, даже подѣйствуютъ ли тѣла другъ на друга, объ этомъ онъ можетъ судить только ощупью, по догадкѣ. Это составляетъ современную задачу химіи. «Должно думать, говоритъ г. Менделѣевъ, что по мѣрѣ разработки свѣдѣній о химической энергіи матеріи, можно будетъ столь же точно предугадывать качественныя отношенія различныхъ тѣлъ, какъ предугадываетъ химикъ въ настоящее время ихъ количественное отношеніе; здѣсь нужно ждать новаго Лавуазье, который бы открылъ приемъ опредѣлять мѣру химической энергіи, свойственной каждому веществу, какъ Лавуазье далъ приемъ измѣрять количество веществъ, вступающихъ во взаимодѣйствіе, который бы открылъ общій законъ, управляющій всѣми хими-

честными явлениями, какъ законъ вѣчности матеріи управляетъ количествомъ веществъ, вступающихъ во взаимодѣйствіе».

Мы не можемъ входить въ дальнѣйшія подробности содержанія этой книги, и скажемъ только, что вся она пронизана цѣльнымъ философскимъ взглядомъ на предметъ и составляетъ послѣднее слово науки. Но есть частности, выходящія изъ области химіи, которыя могутъ ввести читателя въ недоразумѣніе относительно образа мыслей г. Менделѣева. Такъ, въ предисловіи, помѣщенномъ на оберткѣ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Въ наукѣ о природѣ нельзя отыскать *прирожденных* аксіомъ, съ помощію которыхъ облегчается изученіе такихъ наукъ, какъ геометрія. Въ ней всѣ истины добыты путемъ упорнаго труда и всестороннихъ попытокъ наведенія». Употреблено ли здѣсь слово «прирожденных» случайно, или сознательно, мы не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ, оно наводитъ сомнѣнія. Повидимому, г. Менделѣевъ хотѣлъ сказать только то, что въ противоположность истинамъ другихъ наукъ, геометрическія аксіомы пріобрѣтаются безъ труда. Это справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онѣ были истинами, природными человѣку. Явленія, отъ которыхъ они отыскаются, такъ просты и до такой степени тѣсно связаны съ существованіемъ человѣка съ самаго его дѣтства, что онѣ усваиваетъ ихъ непосредственно, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Вслѣдствіе этого, когда ребенокъ принимается за изученіе геометріи, въ его умѣ являются готовыя истины, въ родѣ того, что цѣлое болѣе своей части, двѣ прямыя пересѣкаются въ одной точкѣ и т. п. Онѣ какъ будто природны ему, но въ сущности нѣтъ и не можетъ быть знанія внѣ опыта. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что существуетъ философская система, утверждающая существованіе природенныхъ понятій, система, съ которой г. Менделѣевъ, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Затѣмъ, на первой страницѣ своего сочиненія г. Менделѣевъ говоритъ слѣдующее: «Все замѣчаемое нами, мы ясно различаемъ, или какъ вещество, или какъ явленіе. Вещество занимаетъ пространство и имѣетъ вѣсъ, а явленіе есть то, что происходитъ во времени». Спрашивается: объемъ, фигура, однимъ словомъ, всѣ геометрическія свойства тѣлъ, что это: вещество, или явленіе? Не вещество, потому что не имѣетъ вѣса, и не явленіе, потому что не происходитъ во времени. Здѣсь недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго и въ самомъ опредѣленіи химіи вкралась нѣкоторая доля неопредѣленности. Краткость библиографической замѣтки не позволяетъ намъ входить въ дальнѣйшій разборъ этого вопроса. Замѣтимъ только, что точное и ясное опредѣленіе предмета науки, ежели оно возможно, важно въ томъ отношеніи, что оно характеризуетъ ея значеніе въ цѣни другихъ наукъ. Задача эта значительно облегчена умозрѣніями Огюста Конта въ его философіи науки (*Philosophie positive*).

Въ заключеніе, мы должны сказать, что сочиненіе г. Менде-

лѣва во всѣхъ отношеніяхъ превосходно, и составляетъ рѣдкое явленіе какъ по глубинѣ мыслей, такъ по ясности и точности изложенія. Факты сгруппированы такъ, что читатель не терпитъ въ ихъ обиліи, и постоянно имѣетъ въ виду главную мысль. Читатель съ удовольствіемъ прочтетъ его и получитъ значительное приращеніе умственного капитала.

Отчего и оттого. Вопросы изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома, методически составлены Отто Уле. Съ поминками въ текстъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Н. Неклюдова. 1868.

«Отчего? — вотъ постоянный вопросъ дѣтати, который такъ часто затрудняетъ родителей и учителей и, къ сожалѣнію, такъ часто подавляется отвѣтомъ: «этого ты еще не поймешь! или, это ты еще усидишь узнать». А между тѣмъ, вопросъ ребѣнка весьма часто вовсе не есть вопросъ простаго, безплоднаго любопытства, какъ часто думаютъ, а служить выраженіемъ пробуждающихся познавательныхъ стремленій, и потому заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны родителей и наставниковъ. Отдѣлываться отъ такихъ вопросовъ дешевыми отвѣтами, на подобіе вышеприведенныхъ, — значитъ въ самомъ зародышѣ забыть въ ребенѣ стремленіе къ разумному воспріятію впечатлѣній, первыя усилія просыпающагося мышленія. Всего чаще вниманіе ребѣнка притягивается явленіями физическаго міра, а много ли родителей, которые обладали бы хотя элементарнымъ знаніемъ законовъ и явленій этого міра. Самое преподаваніе физики въ школахъ страдаетъ — по мнѣнію автора — многими, весьма существенными недостатками. Въ школахъ или ограничиваются, такъ-называемымъ, нагляднымъ обученіемъ, которое тамъ, гдѣ, какъ въ физикѣ, дѣло идетъ не объ обнаруженіи явленій, а объ отысканіи и опредѣленіи ихъ причинной связи, очевидно, должно оказаться безплоднымъ или, по меньшей мѣрѣ, недостаточнымъ; или же исходятъ изъ законовъ, останавливаясь на явленіяхъ лишь на столько, сколько это необходимо для разъясненія и подтвержденія установленнаго закона. Въ послѣднемъ случаѣ, многія явленія остаются незамѣченными и неразъясненными, и потому, рѣдко даютъ намъ возможность на всякое возникающее впоследствии «отчего» пасть соотвѣтствующее «оттого». Вотъ тѣ соображенія, которыя побудили автора къ составленію предлагаемой книжки. Въ ней собрано значительное число вопросовъ и отвѣтовъ, дающихъ возможность «отъ извѣстныхъ явленій восходить до познанія важнѣйшихъ законовъ физики». При этомъ обращалось вниманіе главнымъ образомъ на такія явленія, которыя или уже знакомы учащемуся, или таковы, что легко могутъ быть ему представлены при помощи самыхъ дешевыхъ приборовъ.

Остается только прибавить, что книжка, въ самомъ дѣлѣ, составлена довольно удачно, вопросы по большей части заним-

ствованы изъ обыкновенной обстановки, окружающей ребенка, а отвѣты составлены толково и понятно. Только отдѣлъ о простыхъ машинахъ требуетъ полнѣйшей переработки, иначе онъ едва-ли будетъ доступенъ для дѣтей, для которыхъ, по преимуществу, назначается эта книжка.

Уходъ за дѣтьми физиологическій и нравственный. Составилъ преимущественно для родителей А. Комбъ, медикъ англійской королевы и членъ королевской эдинбургской медицинской коллегіи. Переводъ съ англійскаго девятаго изданія, просмотрѣннаго Д. Клеркомъ, медикомъ англійской королевы. Изданіе 2-е, А. Ѳ. Базунова. Спб. 1868.

Книга эта предназначается преимущественно въ руководство родителямъ и молодымъ медикамъ. Главная цѣль ея — въ общедоступномъ изложеніи представить основныя физиологическія законы физическаго и нравственнаго ухода за дѣтьми, чтобы за тѣмъ уже, на этихъ законахъ челоѳическаго организма основывать нѣкоторыя наиболѣе важныя, практическія указанія и правила. Но пусть не думаетъ читатель, что въ практическихъ наставленіяхъ, установленныхъ г-номъ Комбомъ, онъ найдетъ опредѣленные отвѣты на всѣ встрѣчающіяся ему въ практикѣ затрудненія. Книга Комба тѣмъ и отличается отъ многихъ другихъ сочиненій въ этомъ родѣ, что она не есть сводъ практическихъ отвѣтовъ на различныя жизненныя темы, но отвѣтовъ, по болѣе части основанныхъ на чистомъ эмпиризмѣ и въ общемъ выводѣ приносящихъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Вредны они потому, что обь опредѣленныхъ, безусловныхъ правилахъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такой сложной машинѣ, какъ челоѳическій организмъ, и рѣчи быть не можетъ. Каждый организмъ, при всемъ сходствѣ своемъ въ строеніи и отправленіяхъ съ другими организмами, представляетъ еще свои спеціальныя особенности, обуславливающіяся, такъ-называемой, конституціей, то-есть суммой всѣхъ мелкихъ отклоненій въ организаціи, которыя хотя и незамѣтны для поверхностнаго наблюденія, тѣмъ не менѣе, оказываютъ громадное дѣйствіе и производятъ то, что полезно для одного, очень часто обазывается вреднымъ для другаго организма, и наоборотъ. Особенно явственно это бываетъ въ болѣзняхъ. Всякій изъ насъ знаетъ, что не всѣ мы бываемъ одинаково чувствительны къ различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, и что весьма часто извѣстное средство на одного дѣйствуетъ цѣлебнымъ образомъ, тогда какъ относительно другаго оно оказывается неѳеѳективнымъ или даже вреднымъ. Вотъ почему книги-оракулы, съ опредѣленными отвѣтами на всевозможные случаи, вредны, или, по крайней-мѣрѣ, всегда бесполезны. Комбъ очень хорошо повялъ этотъ основной недостатокъ всѣхъ такого рода руководствъ. Онъ совершенно исключилъ изъ своего трактата отдѣлъ о дѣтскихъ болѣзняхъ, очень хорошо сознавая, что самое лучшее правило въ этихъ случаяхъ — какъ можно скорѣе

обратиться за совѣтомъ къ врачу. Точно также по всей книгѣ онъ старается провести ту мысль, что на его правила и указанія нивакъ не сѣдуетъ смотрѣть, какъ на изреченія оракула, имѣющія обязательную силу при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, и что главная цѣль его не эти изреченія, а то, чтобы дать родителямъ ключъ къ пониманію процессовъ, совершающихся въ дѣтскомъ организмѣ, и тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, удержать ихъ отъ всякаго непрошеннаго и невѣжественнаго вмѣшательства въ эти процессы. И надо отдать ему справедливость, цѣль его вполне достигается. Онъ даетъ весьма основательный очеркъ физиологій ребенка, начиная съ періода его зачатія, до того времени, когда дѣти, обыкновенно, начинаютъ посѣщать школы. Очеркъ этотъ долженъ наводить родителей на очень многія соображенія — не о ребенкѣ, а о нихъ самихъ, объ ихъ физическомъ и нравственномъ поведеніи и, еслибъ на свѣтѣ все дѣлалось какъ по писанному, то книга Комба могла бы принести громадую пользу. Приносить ли ова эту пользу, мы не знаемъ. Знаемъ только, что въ Англии она имѣла уже 9 изданій, а у насъ она также уже является вторымъ изданіемъ. Мы, съ своей стороны, можемъ только пожелать, чтобы и это изданіе раскупилось, подобно первому, потому что на нашъ взглядъ, это книга весьма и весьма полезная.

Кромѣ родителей, Комбъ имѣетъ въ виду также и молодыхъ медиковъ. Книга эта никому не принесетъ такой пользы, какъ этимъ лицамъ, особливо, если принять во вниманіе, какъ мало обращается вниманія на гигиену въ нашихъ медицинскихъ заведеніяхъ, ибо при всей своей популярности, она все-таки предполагаетъ въ читателѣ знаніе такихъ вещей, которыя намъ, простымъ людямъ, рѣшительно неоткуда узнавать. Греки и римляне, какъ извѣстно, очень мало посвящали времени изученію естественныхъ наукъ: первые занимались играми, а вторые, все время сочиняли сводъ законовъ. А такъ-какъ греки и римляне естественныхъ наукъ не знали и не любили, то, понятно, и мы, русскіе, тоже не должны звать, а паче любить ихъ. Вотъ почему даже такая книжка, какъ сочиненіе Комба, большинству изъ насъ неособенно недоступна.

Физическая географія Мери Сомервилль, автора сочиненій *Connexion of the physical sciences (связь физическихъ наукъ)*, *Mechanism of the heavens (механизмъ неба)* и проч. Перевелъ съ англійскаго языка изданіи Андрей Минь. Москва. Изданіе А. П. Глазунова. 1868.

Однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей современной Англии, Гербертъ Спенсеръ, оказывается величайшимъ обскурантомъ въ дѣлѣ эманципаціи женщинъ. Несмотря на свою дружбу и высокое уваженіе къ Стюарту Миллю, онъ рѣшительно возстаетъ, разумѣется, въ теоріи, противъ агитаціи послѣдняго въ пользу, такъ-называемаго, женскаго вопроса, считая этотъ вопросъ не-

современнымъ и лишеннымъ всякаго соціального значенія. Само собою разумѣется, что основанія, на которыя опирается Спенсеръ въ своемъ отрицаніи женскаго вопроса, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми глубокими мысленными соображеніями, которыя выставляются противъ него нашими доморожденными философами. Онъ не видитъ въ немъ ни подкоповъ противъ семейныхъ узъ и семейнаго благочинія, ни дерзостнаго бунта, ни потаеннаго желанія (очевидно, онъ не читалъ г-на Тургенева) сбросить съ себя всякую узду общественныхъ приличій и нравственности, чтобы тѣмъ съ большей невоздержностью предаться всякаго рода безпутствамъ и непотребствамъ. Словомъ, потому ли, что онъ незнакомъ съ русской литературой и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, или по какой-либо другой причинѣ, но въ своихъ возраженіяхъ противъ женской агитации, Гербертъ Спенсеръ исходитъ отъ совершенно другихъ началъ. Онъ говоритъ, что прежде, чѣмъ хлопотать о предоставленіи женщинамъ одинаковыхъ правъ съ мужчинами, необходимо сперва озаботиться о коренномъ измѣненіи всей системы современнаго воспитанія, которая во всѣхъ своихъ частяхъ носитъ еще на себѣ глубокіе слѣды и востоваго духа, и гибельныхъ предразсудковъ, а главное, какъ будто нарочно рассчитана на то, чтобы какъ можно тщательнѣе и хитрѣе скрыть отъ воспитывающихся существованіе внѣшняго міра съ его интересами и борьбою, съ его надеждами и нуждами. Покуда такое измѣненіе не произойдетъ, покуда воспитаніе не будетъ поставлено въ уровень съ современными соціальными требованіями въ самомъ широкомъ ихъ смыслѣ, до тѣхъ поръ всякое расширеніе правъ женщинъ поведетъ только къ переведенію безвредныхъ обскурантовъ въ категорію вредныхъ, которыхъ и безъ того вполне достаточно, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Объявите женщинъ равноправными съ мужчинами, и самымъ капитальнымъ результатомъ такой общественной реформы явится только увеличеніе числа узкоголовыхъ *почтеннѣйшихъ*, засѣдающихъ въ верхней палатѣ и съ тупымъ упрямствомъ и выжившей изъ ума привязанностью къ старинѣ тормозящихъ дѣло соціального развитія и усовершенствованія. Мало того, обскуранты-женщины всегда будутъ вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ таковыхъ же качествъ мужчины. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе долговременнаго рабства и приниженія, составлявшаго удѣлъ женщины всѣхъ временъ и расъ, въ характерѣ ея выработалась та черта тягучести и коснѣнія, которая составляетъ характерную особенность всѣхъ угнетенныхъ рабовъ и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть одна изъ величайшихъ преградъ для всего новаго и самобытнаго. И потому-то при нынѣшней системѣ воспитанія, имѣющей въ виду не просто человѣка, а того или иного рода будущаго члена общества, уравниеніе правъ женщинъ принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Мы не станемъ разбирать здѣсь, насколько мнѣніе Спенсера

справедливо, и основательно ли вообще, при обсужденіи подобнаго рода вопросовъ, становиться на такую, по меньшей мѣрѣ, оригинальную точку зрѣнія; мы не ручаемся также, что вполне вѣрно передаемъ сущность его воззрѣній. Сколько намъ извѣстно, печатно онъ нигдѣ не высказывался въ такомъ духѣ, да и вообще, кажется, онъ о женскомъ вопросѣ не трактуетъ вовсе. Все, что мы говорили здѣсь, мы вычитали у одного русскаго туриста, слышавшаго это изъ устъ самого Спенсера. Заговорили же мы объ этомъ потому, что оно какъ-то само собою пришло намъ на умъ при чтеніи книги г-жи Сомервилль — и вотъ по какому поводу. Мы всегда думали, что скука и педантство должны составлять исключительную привилегію писателей-мужчинъ, особенно ученыхъ. По самому свойству нашего воспитанія, уже съ раннихъ лѣтъ на наши умственные способности накладывается печать однообразія, невзрачивающагося и неоставляющаго насъ во все теченіе послѣдующей жизни, которая, съ своей стороны, есть не что иное, какъ непрерывный рядъ благоусмотрѣнныхъ и ясно формулированныхъ правилъ и пунктовъ. Главными воспитательными центрами служатъ школы, а что такое школы, какъ не такія учрежденія, которыя устроятся съ специальною цѣлью укоренять въ молодыхъ умахъ всякаго рода благочиніе. Но благочиніе, какъ извѣстно, именно въ томъ и заключается, чтобы всѣ были, какъ одинъ, и чтобы не раздавалось слишкомъ высокихъ нотъ и разныхъ тоновъ. Таковы образцы, скука, которую мы, мужчины, вносимъ съ собою во всѣ области нашей дѣятельности, получаетъ даже нѣкоторую officialную санкцію, и въ случаѣ какихъ-нибудь неблагонамѣренныхъ нареканій, мы можемъ, по крайней-мѣрѣ, сослаться на начальство. Совсѣмъ другое дѣло — женщины. Officialнаго воспитанія онѣ не получаютъ, а если теперь гдѣ и получаютъ, то въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что вполне могутъ сохранить всѣ свои умственные способности. Учеными быть имъ officialно не полагается, и потому, важись, у нихъ всѣ данныя, чтобы не сдѣлаться педантами. Говоря серьезно, для того, чтобы женщина могла достигнуть такой высокой эрудиціи, какою, повидному, владѣетъ г-жа Сомервилль, требуется стеченіе чрезвычайно многихъ благопріятныхъ условій такого рода, которыя должны бы оградить ее отъ рутинныхъ путей и пріемовъ, и не допустить ее впасть въ педантическую манеру officialной учености. Не въ школахъ и школьной мудрости черпаетъ она свою ученость, а изъ знакомства и общенія съ людьми и сочиненіями совсѣмъ другаго порядка, далеко болѣе разнообразнаго и живаго.

Но чтеніе книги г-жи Сомервилль доказало намъ то, что наше умозаключеніе, какъ и всякое апіористическое сужденіе, несостоятельно, что можно быть женщиной и тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ скуки и педантства, писать не хуже самаго закорюзлаго профессора. Книга ея не учебникъ и не популярное сочи-

неніе, а толстая, ужасающая своими размѣрами, компиляція, приправленная телеологическимъ добродушіемъ и закоснѣлостью въ устарѣвшихъ взглядахъ, которая такъ свойственна истымъ ученымъ. Какъ истый ученый, она еще въ 1862 г. отказывается признать теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, въ особенности въ приложеніи ея къ человѣку. Признаніе этой безбожной теоріи она считаетъ страшнымъ униженіемъ достоинства человека — существа, одареннаго разумомъ и проч. Для существа, одареннаго разумомъ, гораздо приличнѣе, если оно будетъ создано непосредственнымъ вмѣшательствомъ творческой дѣятельности. Словомъ говоря, книга г-жи Соммервиль очень толстая и почтенная книга, но она въ высшей степени скучна и педантична. Подтверждать наше мнѣніе цитатами изъ самой книги — мы не станемъ, потому что вообще не дѣло нашего журнала разбирать такіе высоко-ученыя сочиненія, какъ Физическая Географія г-жи Соммервиль, автора многихъ другихъ, судя по названію, не менѣе ученыхъ трактатовъ. Мы заговорили объ этой книгѣ потому, что изданіе ея на русскомъ языкѣ, очевидно, рассчитываетъ на г-жу Соммервиль, какъ на женщину, и намъ самимъ интересно было услѣдить, какъ женщина справится съ матеріаломъ, до сихъ поръ обрѣтавшимся исключительно въ рукахъ у мужчинъ. Намъ, кромѣ того, интересно было уличить Спенсера въ несправедливости къ женщинамъ и доказать ему, что женщины уже потому одному, что онѣ женщины, навсегда защищены отъ односторонности и ученаго фидистерства, заѣдающихъ нашего брата, мужчину, и потому аргументація его противъ женскаго вопроса лишена даже и той доли справедливости, которая можетъ отыскаться въ ней на первый взглядъ. На сколько мы успѣли въ послѣднемъ нашемъ намѣреніи — предоставляемъ судить читателю.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ.

(«Gaalight and Daylight» by G. A. Sala, «Paved with Gold», by A. Mayham, «Unsemental Journeys» by J. Greenwood).

I.

Русская читающая публика восхищалась безпощадно злымъ юморомъ и неприврашеною правдою въ умныхъ произведеніяхъ Теккерея; талантливый Диккенсъ забавлялъ ее своимъ тонкимъ остроуміемъ, расстрогивалъ до слезъ удивительно задушевностью; она читала свѣжія и дѣльныя произведенія Джорджа Эліота и даже знакома съ «женщиною въ бѣломъ» г. Уильяма Коллинса и съ равными «мертвыми» плодами миссъ Бродонъ; но, если мы не ошибаемся, произведенія Джорджа Са-

ля, Августа Мегью и Джемса Гринвуда ей до сихъ поръ еще неизвѣстны. Мы считаемъ излишнимъ познакомить русскую публику съ этими писателями, такъ-какъ они, на нашъ взглядъ, отличаются довольно замѣчательными особенностями отъ прочихъ своихъ собратій.

Произведенія каждаго изъ помннутыхъ трехъ писателей надѣляли довольно шуму въ Лондонѣ и, что гораздо существе-ннѣе, на столько потревожили величавыхъ гражданъ Великобританіи, что они сочли нужнымъ обратить вниманіе на общественныя благотворительныя, смиренныя и воспитательныя учрежденія и произвести въ нихъ кое-какія пзмѣненія. Заботливые издатели, ревнующіе о распространеніи просвѣщенія преимущественно посредствомъ предпринятыхъ ими изданій, на заглавномъ листѣ каждаго новаго труда этахъ писателей напоминаютъ, что Джемсъ Гринвудъ авторъ «Ночи въ рабочемъ домѣ», Августъ Мегью написалъ «Мощено золотомъ», и изъ-подъ пера Джорджа Сала вышелъ «Газовый Свѣтъ и Дневной Свѣтъ». Подобная мнительная попечатливость со стороны издателей понятна, но она бесполезна и излишня: тотъ, кто читалъ эти книги, навѣрно твердо запомнилъ имена ихъ авторовъ, каковы бы ни были его личные взгляды и убѣжденія. Его одинаково глубоко (хотя различнымъ образомъ) потрасетъ прочитанное, отнесется ли онъ къ авторамъ съ горячимъ сочувствіемъ или явится ихъ ожесточеннымъ порицателемъ.

Несмотря на все это, ни Джемсъ Гринвудъ, ни Джорджъ Сала, ни Августъ Мегью не сдѣлались настольною книгою не только въ изящныхъ аристократическихъ салонахъ или роскошныхъ буржуазныхъ гостинныхъ, гдѣ красуются золотообрѣзные Теккерея и Диккенсъ, и дается иногда мѣстечко Джорджу Элиоту, Уильяму Колинсу и миссъ Брэддонъ, но они не сдѣлались настольною книгою даже въ болѣе подвижныхъ средахъ общества; у нихъ нѣтъ фаланги чувствительныхъ поклонницъ, нѣтъ толпы восторженныхъ сторонниковъ, и фирма Таухница, поставившая себѣ задачей цивилизовать родъ человѣческой легкимъ, пріятнымъ и образовательнымъ чтеніемъ, не пустила и, по всей вѣроятности, не пуститъ въ ходъ такихъ «мрачныхъ, гнетущихъ» произведеній.

Да, произведенія эти дѣйствительно не имѣютъ свойства успокоивать читателя, или приводить его въ сладостно-мягкое или безпечно-веселое настроеніе, и хотя они пропитаны юморомъ, но окончивъ ихъ чтеніе, читатель почувствуетъ какой-то тяжелый гнетъ, и многія такъ-называемыя «свѣтлыя стороны», и «прогрессивныя побѣды» явятся ему въ темномъ цвѣтѣ.

Всѣ читатели, смѣемъ надѣяться, прекрасные люди, но дѣло въ томъ, что большинство ихъ привыкло, чтобы его шекотали очень легко и эгимъ легонькимъ щекотаньемъ вызывали смѣхъ или слезу; болѣе рѣзкое прикосновеніе руки заставляетъ ихъ нервно вздрагивать и приводить въ отвратительное расположеніе духа.

Разумѣтся, благонамѣренный читатель желаетъ, чтобы ему говорили правду, но онъ выслушиваетъ эту правду благосклонно только тогда, когда она высказывается ему деликатно и умѣренно. Но представьте себѣ человѣка воистину равнодушнаго къ земному величію, человѣка, который въ пылу рвенія и усердія забываетъ отдать почтительный поклонъ читателю, наступая ему на ноги и оттаптываетъ мозоли, и подумайте какъ эти самыя благосклонныя уши должны насторожиться! Несомнѣнно, что съ этой же самой минуты навѣнный вѣщатель истинѣ будетъ взятъ на замѣчанье и безвозвратно причисленъ къ категоріи тѣхъ неблагонадежныхъ волковъ, которыхъ сколько ни корми, а они все въ лѣсъ глядятъ.

Есть изолированные люди, повторяющіе слова, которыя, по преданію, восклицалъ пророкъ Іезекииль: Горе вамъ, подкладывающимъ мягкія подушки подъ локти челоуѣчеству и устранивающимъ челоуѣчеству пуховыя изголовья, горе вамъ, усыплющимъ его! но эти люди на перечеѣтъ, и ихъ одинокіе голоса заглушаются криками и воплями изнѣженнаго большинства, которое именно требуетъ мягкихъ подушекъ и пуховыхъ изголовій.

Человѣкъ слабъ и писатель слабъ тоже, и потому онъ запасается, выходя на попріще, имѣнно тѣми вещами, какія требуются.

Это можно отнести не только къ тѣмъ писателямъ, которые, искусно мѣшая истину съ вымысломъ, увѣряютъ, что мракъ разсѣвается и разсѣется самъ собою, и этимъ убаюкиваютъ челоуѣчество, но и къ тѣмъ которые, ясно сознавая необходимость немедленной перестройки «общественнаго зданія», предлагаютъ сдѣлать эту перестройку такъ, чтобы и дешево и мило, и родителямъ пріятно.

Подобныхъ писателей мы раздѣляемъ на два разряда. Одни, въ простотѣ душевной, сами твердо вѣрятъ въ доброту предлагаемаго ими товара; другіе, хотя и не имѣютъ этой навѣной вѣры, но по своимъ расчетамъ и соображеніямъ предпочитаютъ выступать на арену «высокой дѣятельности», запасшись такимъ товаромъ, каковъ требуется большинствомъ. Первые несомнѣнно очень много вредятъ, и случается дужій дѣтгна изъ ихъ стана швырнетъ камень такъ далеко и такъ глубоко, что десятерымъ разумнымъ головамъ приходится долго и мучительно обдумывать и соображать, какъ бы этотъ камень вытащить; но вторые вредятъ неизмѣримо больше и неизмѣримо прочнѣе, потому что не бросаютъ на отманшѣ камнями, а дѣйствуютъ расчетливо и осмотрительно, и никогда почти не даютъ промаха. Они обладаютъ въ высшей степени искусствомъ въ мѣру припугнуть, въ пору ободрить; умѣютъ встать нахмуриться и побичевать, встать связать теплое слово и приласкать; они знаютъ, какъ и когда взяться за дѣло, и носятъ такую личину, что при первомъ на нихъ взглядѣ всякій простодушный голову готовъ прозакладывать, что видитъ передъ

собой людей, чуждых всякой земной корысти и расчетливости, и движимых единственно чувством любви къ ближнему. Подъ этою личиною они нерѣдко втираются въ честную, но близорукую среду и съ холодною безсовѣстностью сбиваютъ съ толку свѣжія силы.

Джорджъ Салъ, Августъ Меігью и Джемсъ Гринвудъ принадлежатъ къ особому, самому малочисленному разряду тѣхъ писателей, которые являются передъ публикою безъ всякихъ поклоновъ и уловокъ, не отличаются върадчивою мягкостью, не умѣютъ или не желаютъ пѣть Лазаря, а скорѣе относятся къ ней дѣловымъ образомъ и вообще предпочитаютъ обращаться съ своимъ ближнимъ не какъ съ чувствительнымъ, а какъ съ разумнымъ существомъ. Подобные неделикатные авторы для благонамѣренныхъ читателей хуже ножа остраго; они бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ огня, обзываютъ ихъ холодными циниками, непризнающими ничего високаго и святаго на землѣ, и стараются внушить всѣмъ, что съ такими срамниками и изувѣрами не слѣдуетъ и соприкасаться добрымъ людямъ.

Сословіе благонамѣренныхъ читателей очень многочисленно, они очень крикливы, однако, при всей своей многочисленности и крикливости, они не въ силахъ подавить меньшинства людей инаго закала, тѣхъ людей, которые не боятся взглянуть прямо въ лицо существующему злу, не бѣгутъ прочь при видѣ общественныхъ извѣ. Эти здоровые, свѣжіе, крѣпкіе люди сразу узнаютъ въ вышеупомянутыхъ авторахъ честныхъ дѣателей и встрѣтатъ ихъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ.

II.

«Достовѣрно извѣстно, что въ Лондонѣ существуетъ 70,000 человѣкъ, которые просыпаются каждое утро въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи насчетъ того, гдѣ имъ преклонить голову на ночь. Быть можетъ, такихъ людей немного больше, или немного меньше 70,000, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что огромное количество народа ежедневно находится въ помянутомъ недоумѣніи и что для большинства изъ нихъ недоумѣнія эти разрѣшаются самымъ неприятымъ образомъ, т.-е. они вовсе остаются безъ пріюта на ночь».

Этими словами начинается книга г. Джорджа Сала «Газовый свѣтъ и Дневной свѣтъ, и нѣкоторыя сцены лондонской жизни, на которыя падаетъ это освѣщеніе».

Подобное вступленіе само по себѣ такая задача, что заставляетъ призадуматься человѣка, исполненнаго самыхъ отрадныхъ упованій, которому настоящее и будущее представляется въ переливахъ самыхъ радужныхъ цвѣтовъ. Слѣдующее затѣмъ описаніе ночи, случайно проведенной авторомъ безпомощно на улицѣ, вводитъ, такъ сказать, въ самую сущность дѣла.

«Полночь. Объ этомъ докладываютъ мнѣ часы св. Дунстана,
Т. СLXXXI. — Отд. II. 6

когда я, безпріютный, стою около Темплъ-Бара. Я изрядно походилъ впродолженіе дня, и меня беспокоятъ непріятное ощущеніе въ ногахъ, какъ будто бы подошвы моихъ сапоговъ сдѣланы изъ пережженного мелкаго кирпича. Меня томить жажда (на дворѣ июль мѣсяць и душно); какъ разъ при послѣднемъ ударѣ часовъ св. Дунстана, я вхожу въ пивную лавочку, выпиваю полпинты портеру, и девятая часть моего девятипенсоваго капитала оставляетъ меня навѣки. Пивная лавочка, снабжающая меня портеромъ, принадлежитъ къ числу «раннихъ», и хозяйинъ, подавая мнѣ полпинты, зѣваетъ и соннымъ голосомъ призываетъ своему мальчику заперать ставни и двери, потому что «пора въ постель». Счастливый хозяйинъ! Тутъ же доканчиваетъ свою послѣднюю пинту, сильно упившійся щетинистобородый портной и тоже объявляетъ намѣреніе пойти «завалиться». Трнадцать счастливый портной!

«Я съ свирѣпою завистью провожаю его глазами, хотя, быть можетъ, у него спальня гдѣ-нибудь на грязномъ чердакѣ и вся постель состоитъ изъ засаженного мѣшка въ заплаткахъ, и вмѣсто одѣяла будетъ служить матросская куртка.

«Я наблюдаю съ особымъ родомъ лѣниваго любопытства весь процессъ закрыванья ставень и замыканья дверей въ Бѣртонскомъ пивномъ заведеніи, начиная отъ огромнаго хлопанья ставенными половинками, визготни задвижекъ и вплоть до прилаживанья болтовъ и желѣзныхъ затворовъ. Затѣмъ, я направляю шаги къ западу, останавливаясь на углу улицы Велингтона и погружаюсь въ созерцаніе находящейся тутъ извозничьей биржи.

«Выбивайся изъ силъ, усталый, измученный умъ! истощайся въ ухищреніяхъ, искусная находчивость! изнемогай въ томленіи, талантливая изобрѣтательность! Всѣ вы, вмѣстѣ взятые, напрасно изворачиваетесь и не приобретете мнѣ презрѣннаго мѣстечка для пріюта и ночлега!

«Обладай я восхительнымъ безстыдствомъ, спокойною дерзостью моего пріятеля Больта, я бы пяти минутъ не остался безъ постели. На моемъ мѣстѣ Больта, я увѣренъ, безъ малѣйшаго колебанія отправился бы въ самый лучшій отель на Альберль-Стритѣ или на Джерминъ-Стритѣ, потребовалъ бы себѣ ужинъ, позвалъ слугу, приказалъ хорошенько нагрѣть себѣ постель и затѣмъ, съ вѣрою въ провидѣніе и свою счастливую способность падать, подобно коту, на всѣ четыре лапы, спокойно заснулъ бы до утра. Но мнѣ въ этомъ случаѣ такъ же легко подражать Больту, какъ плясать на канатѣ.

«Вотъ и Спѣнджъ тоже—онъ всегда, въ благодарность за оказанную помощь, грубитъ вамъ и не проситъ, а грозно требуетъ, чтобъ вы дѣлились съ нимъ съѣстными припасами, или ссудили ему полкроны — Спѣнджъ, будь онъ на моемъ мѣстѣ, ворвался бы къ знакомому и, еслибы не согналъ этого знакомаго съ постели, то, по крайней-мѣрѣ, завладѣлъ бы на ночь его двана-

номъ и какимъ нибудь плащемъ, а на утро съ буйною пылкостью потребоваль бы завтрака. Еслибн я могъ быть хотя Спѣнджемъ!

«Что мнѣ дѣлать? Теперь ровно четверть перваго; какъ же это бродить до завтрашняго утра? Положимъ, я могу исходить три мили въ часъ, — неужто мнѣ придется сдѣлать тридцать-пять миль по этимъ ужаснымъ лондонскимъ улицамъ? Положимъ, пойдетъ дождь, — неужто мнѣ простоять двѣнадцать битыхъ часовъ гдѣ-нибудь подъ воротами?»

«Я слыхалъ о темныхъ аркахъ въ Адельфи и о бездомныхъ горемыкахъ, которые тамъ ищутъ ночнаго пріюта, но я тоже читалъ, что полицейскимъ внушается каждую ночь отправляться туда, отыскивать помянутыхъ горемыкъ и выгонять ихъ изъ жалкаго убѣжища. Я слыхалъ еще о сухихъ аркахъ у Ватерлосскаго моста и объ аркахъ при желѣзной дорогѣ, но я оставляю всякую мысль исвать пріюта тамъ, потому что я робокъ и боязливъ отъ природы и не могу заглушить въ себѣ тревожныхъ мыслей о *хлороформѣ* и о *спасительномъ снарядѣ*, которые тѣсно связаны съ этими мѣстностями.

«Я слыхалъ тоже о постоянныхъ дворахъ «для бродягъ» и о «двушпенсовой веревкѣ». Я не могу положительно утверждать, что не воспользуюсь этимъ родомъ ночлега: я жестоко усталъ и совсѣмъ разбитъ на ноги. Но я не знаю, гдѣ мнѣ отыскивать такой постоянный дворъ, гдѣ найти двухшпенсовую веревку, а разспрашивать о такихъ мѣстахъ я стыжусь.

«Еслибн мнѣ гдѣ нибудь прилечь. Я стараюсь угадать, благосклонно ли приметъ вонъ этотъ кучеръ, если я предложу ему кружку портеру взамѣнъ позволенія отдохнуть въ его экипажѣ, пока его нѣкто не требуетъ, или онъ сочтетъ подобное предложеніе оскорбительнымъ для своего кучерскаго достоинства? Я знаю, что нѣкоторымъ кучерамъ случается иногда простоять цѣлую ночь на мѣстѣ, и я могъ бы прелестно выспаться въ каретѣ № 2,022. Но кучеръ, который разводитъ рѣчи съ водоносомъ о пивѣ и демократической политикѣ, не внушаетъ мнѣ благонадежнаго о себѣ мнѣнія; ни онъ, ни остальные, находящіеся тутъ его собратія, не похожи на людей, къ которымъ можно обратиться съ довѣрчивою просьбою.

«Нынѣшнимъ вечеромъ дають оперу, какъ я случайно узнаю изъ замѣчанія проходящаго мимо полицмена. Пойду, поглазѣю на раздѣвжающіеся послѣ оперы экипажи; это зрѣлище, навѣрное, развлечетъ меня и поможетъ мнѣ скоротать томительное время.

«И я направляюсь къ Ковентгарденскому театру съ какимъ-то, похожимъ на надежду, чувствомъ.

«Я сразу попадаю въ самую толпу. Толкотня, суматоха, крикъ и гамъ страшные; топотъ ретивыхъ коней и уворизны взволнованныхъ полицменовъ оглушительны. Вотъ экипажъ мистриссъ Фицъ заступилъ дорогу, а вотъ мистеръ Смитъ стоитъ, совершенно рас-

теранный, въ хаосѣ мелькающихъ экипажей, съ двумя лѣди на каждой рукѣ и беспомощно восклицаетъ: «вебъ!» Вотъ забавный эпизодъ въ образѣ полисмена, преслѣдующаго увертливаго карманщика между лошадиными мордами и подъ колесами; а вотъ трогательный эпизодъ, въ лицѣ пожилой дѣвственной лѣди, которая потеряла свою компанію во всеобщей давкѣ, и башмакъ въ грязи, и подпрыгиваетъ около подъезда, какъ воробей въ агоніи.

«Скоро, однако, все это кончается. Экипажи съ громомъ катятся и кебы разѣзжаются. Важный людъ, лорды изъ Ломбардъ-Стрита и владыки изъ Коригилля, исчезаютъ въ великолѣпныхъ каретахъ, сзади и спереди украшенныхъ гербами; герцоги и марезы уносятся въ крошечныхъ коласочкахъ и микроскопическихъ кабріолетахъ. Самая высокая особа страны отѣзжаетъ въ простой, незатѣйливой каретѣ въ двумя лакеями въ черномъ, и джентльменъ изъ провинціи, стоящій около меня, съ негодованіемъ восклицаетъ, что скорѣе подумаешь это ѣдетъ докторъ, а не королева Великобританіи. Мистеръ Смитъ нашелъ экипажъ, а воробьеподобная лѣди свою компанію и башмакъ. Почти всѣ разошлись и разѣхались. Нѣтъ, не всѣ еще. Вотъ показывается у выхода джентльменъ, заботливо исправляя громадный бантъ своего бѣлаго галстука и завертываясь во что-то среднее между лошадиною попоною и балахономъ, именуемое «оперною накидкой». Джентльменъ считаетъ «благороднымъ» препровожденіемъ времени посѣщать оперу; онъ пойдетъ теперь домой въ Клеркенуэлъ, съ футларемъ своей театральной трубки въ рукахъ, выставляя на видъ бѣлыя лайковыя перчатки, чтобы дать почувствовать всякому встрѣчному, что онъ идетъ изъ оперы. Безъ сомнѣнія, это покажется назидательнымъ слѣдующимъ за порядкомъ полисменамъ и ночнымъ ситальцамъ. Слѣдомъ за джентльменомъ выходитъ «обычный» посѣтитель всѣхъ оперъ, вѣроятно, большой любитель музыки. Сложивъ аккуратно свои перчатки, онъ прячетъ ихъ въ боковой карманъ, складываетъ лорнетъ и застегиваетъ пальто. Затѣмъ, онъ не спѣша отправляется въ Альбионъ, гдѣ, я вижу, важно принимается за пинту вѣрнаго пива. Ну, теперь всѣ, пѣшіе и конные, исчезли. Тяжелыя, массивныя двери закрыты и королевская итальянская опера предоставлена пожарному, ночному мраку и мнѣ.

«Пока все это вертѣлось передъ глазами, вопросъ о постели былъ временно отодвинутъ въ сторону. Разрѣшеніе его еще немного отложено забавою и поученіемъ, которые я извлекаю, наблюдая за дѣятельною торговлею ветчиной и говядиной въ мелочной лавочкѣ на углу Боу-Стрита.

«Тутъ цѣлыя толпы изморенныхъ и голодныхъ покупателей, прямо изъ Лисеума или Джери-Лена, громогласно требуютъ «ломтиковъ». Ломтики съ ветчиной, ломтики съ говядиной, ломтики съ нѣмецкой колбасою—цѣлыя легіоны ломтиковъ варъзы-

ваются и истребляются. Раздается крикъ: «горчицы!» мѣдъ гремитъ, протягивается плата и берется сдача. Потомъ приходитъ народъ, который покупаетъ и несетъ домой полфунта «холодной требухи» или трекпенсовую порцію «грудины»; я пытливо наблюдаю за этимъ народомъ, за покупаемымъ ими матеріаломъ и за ихъ грошами. Я съ живѣйшимъ вниманіемъ гляжу на всѣхъ и жду съ трепещущимъ интересомъ, чѣмъ окончится томительная борьба: перетянетъ вотъ этотъ послѣдній кусочекъ жиру или полуунцовая гирька. Полуунцовая гирька перевѣсила, и хозяинъ лавочки бойко ударяетъ лезвіемъ ножа по куску мяса и съ торжествомъ гремитъ полученною платою. Я такъ увлекся всѣмъ этимъ движеніемъ, что не замѣтилъ, сколько прошло времени; когда покупатели начали сбывать, я взглядываю на часы и съ пріятнымъ удивленіемъ убѣждаюсь, что уже десять минутъ втораго.

«Много еще впереди тяжелыхъ, томительныхъ ночныхъ часовъ. Улицы не совершенно еще опустѣли, попадаютъ довольно людей, но «почтенныя» прохожія и проѣзжія личности постепенно исчезаютъ, а число «непочтенныхъ» увеличивается съ ужасающею быстротою. Полисмены, закутанные въ плащи, дрожащіе ирландскіе бродяги и какія-то мелькающія какъ-будто женскія тѣни, завладѣли Боу-Стритомъ и Лонгъ-Авромъ. Они остались бы единственными хозяевами Джери-Лена, еслибы не выпали молоденькіе воры и не шаталось нѣсколько пьяныхъ каменщиковъ.

«Я блуждалъ по этой неблагоприятной улицѣ и останавливался, рассматривая ее съ безотраднымъ чувствомъ. Меня теперь поражаютъ въ ней углы улицъ. На самой улицѣ почти нѣтъ ни души, но на всѣхъ углахъ непремѣнно устроены столбы, и почти у каждаго столба видишь прислоненныя фигуры: здѣсь два дюжихъ полисмена ведутъ гражданскія рѣчи, здѣсь двѣ женщины, а вонъ тамъ кучка блѣднолицыхъ парней, съ длинными, замасленными волосами и съ короткими трубками. Воры, мой другъ (если есть у меня другъ), несомнѣнно воры!

«Промисловыхъ, настоящихъ нищихъ теперь не видать — съ какой стати имъ теперь выходить на улицу! *Попрошайки-нищенки* отправились домой ужинать и спать, *попрошай-нищие* тоже ушли ужинать и спать. У всѣхъ у нихъ есть постели!

«Около нѣкоторыхъ воротъ виднѣются какія-то свернувшіяся кучи; время отъ времени подходятъ къ этимъ кучамъ полисмень и ворочатъ ихъ своимъ жезломъ, или, вѣрнѣе, своимъ сапогомъ. Тогда вы видите беспорядочное движеніе рукъ и ногъ и слышите тоскливое стenanіе съ ирландскимъ акцентомъ. Если блюститель ночнаго порядка станетъ настаивать на своемъ «прочь убирайся», ноги и руки сдѣлаютъ нѣсколько усилій, проташутся шагъ-другой, и какъ только полисмень отвернется, закрадутся подъ другія ворота, — и, быть можетъ, черезъ чет-

верть часа снова будутъ выгнаны отсюда другимъ жезломъ, или другимъ сапогомъ.

«На часахъ св. Маріи половина втораго и я нахожусь въ Чарльзъ-Стритѣ, въ Дрѣри-Ленѣ. Это очень грязная, маленькая, узенькая улица; она въ этомъ отношеніи можетъ потягаться съ Чёрчъ-Леномъ, или съ Бекриджъ-Стритомъ. Однако, неопредѣленное, но сильное чувство влечетъ меня впередъ по ея гнуснымъ извилинамъ и заставляетъ пройти еще сотню шаговъ. Тутъ я останавливаюсь.

«Квартиры для холостыхъ мужчинъ за четыре пенса въ ночь». Мои глаза встрѣчаютъ это пріятное объявленіе на оковномъ стеклѣ, освѣщенномъ изнутри. Я отступаю на средину улицы, чтобы лучше охватить взоромъ зданіе, предлагающее ночлегъ за четыре пенса. Это отвратительный, грязный домъ, похожій на какой-то разбойничій вертепъ,—но всего четыре пенса! Возьмите это во вниманіе, господинъ вѣженка! Безчисленное множество писанныхъ объявленій налѣплено на дверныхъ косякахъ, и при свѣтѣ ближней уличной лампы я могу ихъ читать. Я разбираю льстивое сказаніе объ отдѣльныхъ постеляхъ, о всякомъ снисхожденіи въ стряпнѣ и о всегда готовой къ услугамъ теплой водѣ. Я вразумленъ, что здѣсь неподражаемый постоянный дворъ и, кромѣ того, наслаждаюсь островами насмѣшливыхъ куплетовъ насчетъ Спитальфильдскаго большаго постоянного двора, который въ этихъ куплетахъ обзывается «Бастилей». Я невольно начинаю ловить въ карманѣ свои восемь пенсовъ. Господь вѣдаетъ, въ какую компанію мнѣ придется попасть! Но вѣдь всего четыре пенса, а ноги у меня *такъ* устали! *Jacta est. alea.* Я отваживаюсь попробовать четырехпенсовой постели.

«Меня встрѣчаетъ такъ-называемый «выборный» или помощникъ заведенія, коротко остриженный, низколобий, отунѣвшій олухъ, который, говорятъ, бываетъ временами крутенежъ съ чересчуръ пытливыми и любопытными гостями. Но такъ-какъ я прихожу спать, а не любопытствовать, то меня не обижаетъ, а только осматриваютъ съ головы до ногъ и выпускаютъ. Я узнаю, что въ заведеніи осталось одно свободное мѣсто, которое предоставляется мнѣ занять. Я плачу четыре пенса и тогда — никакъ не прежде—меня вводятъ въ смрадный корридоръ. Выборный замыкаетъ двери и, помахивая желѣзнымъ подсвѣчникомъ, какъ будто бы онъ былъ античнымъ скипетромъ, приглашаетъ меня слѣдовать за нимъ.

«Но когда, взобравшись по заскорузлымъ ступенямъ, я очутился въ спальнѣ, и «выборный» съ волчьей миною пожелалъ мнѣ доброй ночи, что же заставляетъ меня стремглавъ бѣжать съ лѣстницы и мчаться по корридору, умоляя «выборнаго» выпустить меня, во имя всего святаго, на улицу? Когда «выборный» отмыкаетъ двери и выпускаетъ меня, обзывая кое-какими недестными именами и задерживая мои четыре пенса, я стою въ какомъ-то полуобморкѣ на улицѣ, покуда меня не

приводить въ чувство и не заставляеть опомниться едва не свалившій съ ногъ толчокъ, которымъ поподчивала меня шайка бродящихъ пьяницъ, оглашающая окрестность пьяною хоровою пѣсней.

«Я не былъ пораженъ подозрительною наружностью «выборнаго», ни разбойничьимъ видомъ заведенія. Меня даже не поразили видъ грязныхъ и оборванныхъ горемикъ, съ которыми приходилось вмѣстѣ ночевать. Меня просто на просто ошеломила вонь отъ клоповъ. Ухъ! они такъ и выпали тутъ! Они ползали по полу, падали съ потолка, перегоняли другъ друга по стѣнамъ!

«На улицу! на улицу!

«Но дойдя до Бродъ-Стрита, въ Сентъ-Джилльсъ, я уже начинаю думать, что поступилъ опрометчиво. Я чувствую себя такимъ усталымъ, такимъ измученнымъ, такимъ соннымъ и мнѣ приходитъ мысль, что останся я въ заведеніи, а бы заснулъ въ ту же минуту, какъ убитый, и не могъ бы чувствовать, какъ клопы меня пожирають. Теперь уже поздно. Четыре пенса утрачены и я не посмѣю взглянуть въ лицо «выборному».

«Два часа утра, но на дворѣ черная, непроглядная, непроницаемая ночь; я повертываю въ Оксфордъ-Стритъ. Мелькающія женскія тѣни попадаютъ рѣже на глаза. Четверть третьяго. Я дошелъ до Реджента и могу выбрать, чтѣ мнѣ угодно: прогуляться въ окрестностяхъ Реджентъ-парка, или спокойно побродить около клубовъ. Совершенная роскошь! Я выбираю клубы, и тащусь внизъ по Реджентъ-Стриту, къ Пиккадилли.

«Я чувствую, какъ съ каждою минутою влѣзаю, такъ-сказать, въ кожу настоящаго ночнаго бродяги — бездомнаго, отчаяннаго, горемичнаго бродяги. Я чувствую, ноги мои заплетаются нога за ногу, плечи поднимаются къ ушамъ, я держу руки, поджавъ ихъ подъ мышки; я уже не хожу, а ползаю; хотя на дворѣ июль мѣсяць, я дрожу, какъ листь. Когда я стою на углу Ковдвизъ-Стрита, проходящая фигура въ атласъ и въ черныхъ кружевахъ бросаетъ мнѣ пенни. Какъ могла она узнать, что я безпріютенъ и безпомощенъ? Я не гляжу оборванцемъ, но моя бѣда, должно полагать, все-таки очевидна. Я принимаю брошенный мнѣ пенни.

«Меня удивляетъ, куда эти подѣвались всѣ полисмены? Я прогуливаюсь взадъ и впередъ по срединѣ великолѣпнѣйшей улицы, и не встрѣчаю ни души. Погодите, вотъ изъ-за стѣны Тенисонсъ-Чепель показывается юный, свѣтлоголовый британецъ. Все его одѣяніе состоитъ собственно изъ однихъ панталонъ въ лохмотьяхъ, потому что объ остальныхъ частяхъ костюма не стоитъ и помянуть. Онъ буйно обращается ко мнѣ, требуя позволенія перекувырнуться передо мной и прокатиться колесомъ три раза сряду, — все это за пенни. Я отдаю ему пенни, полученное мною отъ фигуры въ атласъ и черныхъ кружевахъ, и прошу его не затруднять себя кувырчаньемъ и катаньемъ колесомъ. Но

строгая честность не позволяет ему отступать отъ предложеннаго разъ условія и, заложивъ за скулу пенни, онъ кувыряется, катится колесомъ и въ колесообразномъ видѣ исчезаетъ у меня изъ глазъ.

«На углу Квадранта ко мнѣ присоединяется собака, — не чистокровной, а смѣшанной породы собака. Я тотчасъ узнаю, что эта собака, подобно мнѣ, безпріютная. У нея нѣтъ той рѣшительной, сильной рыси, которыми отличаются домовитыя, пристроенныя собаки; она нерѣшительно и безцѣльно блуждаетъ, съ притворнымъ, дѣловымъ видомъ заворачиваетъ во всѣ закулки и съ опущенной головой возвращается оттуда на улицу; она останавливается и задумывается надъ сигарными окурками и капустными кочерыжками, чего не стала бы дѣлать ни одна собака, имѣющая опредѣленное жилище. Но даже эта собака счастливѣе меня, потому что она можетъ лечь на какомъ нибудь порогѣ и отдохнуть; никакой полицменъ не запретить ей сдѣлать это; но «новый полицейскій актъ» не позволяетъ такъ поступать мнѣ и угрюмо говорить, что я долженъ «идти прочь».

«У! вдали слышенъ шумъ, — ближе-ближе, громче и громче! Пожарная труба несется во всю прыть, и въ одно мгновеніе лица наполняется народомъ.

«Откуда вдругъ взялся этотъ народъ — я не могу сказать, но онъ тутъ, — тутъ сотни людей, которые всѣ кричатъ и шумятъ. Труба ѣдетъ дальше, шумная толпа слѣдуетъ за ней, съ завываньемъ ночнаго вѣтра смѣшивается страшный крикъ: «пожаръ!»

«Я, разумѣется, тоже бѣгу слѣдомъ за толпою. Мчащаяся во весь опоръ пожарная труба представляетъ для ночнаго бродяги такую же неотразимую прелесть, какъ большая свора собакъ для лейчестершейрскаго фэрмера. Пожаръ въ узкой улицѣ Сога, въ овощной лавкѣ. Пожаръ силенъ, и это, я полагаю, пріятно толпѣ; но въ домѣ никто не живетъ, что, конечно, производитъ нѣкоторое разочарованіе, потому — вы знаете — сильныя ощущенія на пожарѣ составляютъ всю его прелесть. Въ видѣ вознагражденія за это, подлѣ обитаетъ не менѣе трехъ семействъ съ маленькими дѣтьми; толпа чрезвычайно восхищается, когда ихъ, въ ночныхъ одеждахъ, проворно выносятъ пожарная команда.

«Еще сильныя ощущенія! Домъ на противоположной сторонѣ захваченъ огнемъ. Толпа въ восторгѣ, а между тѣмъ, воры дѣлаютъ единодушное нападеніе на всѣ возможные карманы, какіе только есть по близости. Не скажу, чтобъ мнѣ было пріятно, но я заинтересованъ, чрезвычайно заинтересованъ. Я сталъ бы качать воду, но не имѣю достаточной силы въ рукахъ. Я вижу, что тѣ, которые качаютъ, получаютъ пиво.

«Я такъ долго смотрѣлъ на пылающее зданіе, и, какъ бы грѣясь среди шума, криковъ и сматенія, слушалъ сильный стукъ орудій, восславленія толпы, глухой трескъ пожара, что вопросъ о

жючлегѣ совершенно отклонился и я вовсе забылъ о немъ въ это время. Но огонь погашенъ, или, по крайней-мѣрѣ, съ нимъ удалось, наконецъ, справиться, и когда языки пламени и снопы летящихъ всарь смѣнялись столбами дыма, сильныя ощущенія, естественно, начинаютъ нѣсколько ослабѣвать и удивленіе толпы уменьшается; отвернувшись отъ обуглившейся и разбитой овощной лавки, я слышу, что часы въ церкви св. Анны въ Сого бьютъ четыре, и вижу, что уже наступилъ бѣлый день.

«Еще предстоитъ блуждать четыре тяжелые часа, пока начнетъся настоящій лондонскій день; для довершенія моего безутѣшнаго положенія, крайней усталости и неумолимой бѣды, которая тяготѣетъ надо мною, начинается идти дождь, и притомъ, не сильный, пробивающій насквозь ливень, а дождь, медленно, однообразно, отвратительно морозящій,—дождь, который мочить, не смачивая, который то обманчиво наводитъ васъ на мысль, что сейчасъ пройдетъ, то внезапно брызгомъ прямо въ лицо насмѣшливо даетъ знать, что вовсе не имѣлъ подобнаго намѣренія. Я пробираюсь по узкимъ маленькимъ улицамъ около Сого, по истинѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи, не встрѣчая никого, кромѣ какого нибудь кота, возвращающагося изъ своего ночнаго собранія, и угрюмаго полицмена, который съ сердитымъ видомъ ощупываетъ болты у ставней и дергаетъ за дверныя скобки домовъ, какъ бы опасаясь, чтобы какой нибудь неосмотрительный обыватель не оставилъ ни малѣйшаго искушенія для хитрыхъ воровъ.

«Встрѣчаю въ Гольденъ-Скверѣ другаго полицмена, мрачнаго и недовольнаго; вѣроятно, ему не удалось воспользоваться обществомъ должностнаго лица, которое стережетъ спасительные пожарные снаряды въ этомъ модномъ краю города, и еще не возвратился съ пожара. Когда я прохожу мимо, полицменъ удостоиваетъ меня долгаго взгляда.

«Доброе утро», говоритъ онъ.

«Я отвѣчаю такимъ же привѣтствіемъ.

«Идете домой спать?» спрашиваетъ онъ.

«Д-д-да», отвѣчаю я.

«Онъ повертывается на каблучкахъ, и больше ничего не говоритъ; но я замѣчаю пропію въ его бычачьихъ глазахъ, презрительное недовѣріе въ его навощенномъ воротничѣ! Не нужно даже того долгаго тихаго свиста, до котораго онъ снисходитъ, чтобъ дать мнѣ понять, какъ онъ хорошо знаетъ, что у меня нѣтъ ни дома, ни постели.

«Я осторожно прокрадываюсь по Шеррардъ-Стриту. Не знаю почему, но я начинаю бояться полицменовъ. Я никогда не нарушалъ закона и, однакожъ, избѣгаю его «охранителей». Звукъ ихъ тяжелыхъ каблучковъ со шпорами отнимаетъ у меня спокойствіе. Одинъ изъ нихъ стоитъ у дверей заведенія гг. Суана и Эдгара, и чтобъ избѣжать встрѣчи съ нимъ, я даже оставляю

рѣшевіе пройтись по Редзентъ-Стриту, и, вмѣсто того, возвращаюсь по Геймаркету.

«Вотъ трое молодцовъ, которые, очевидно, имѣютъ постели для ночлега, хоть и запоздали нѣсколько отправиться на покой. Я знаю, что у нихъ есть ключи отъ квартиръ, знаю по ихъ рѣшительному виду, по ихъ дерзкой, смѣлой рѣчи. Они только-что вышли, или были выпровождены изъ устричной лавки. Они всѣ трое очень пьяны, перемѣнялись по ошибкѣ шляпами, а у одного въ платкѣ завязано нѣсколько морскихъ раковъ.

«Эти многообщающіе джентльмены вышли съ «пирушкѣ». Двери трактировъ и гостиницъ выпускаютъ цѣлые отряды такихъ молодцовъ по всему Геймаркету; нѣкоторые изъ нихъ самаго благороднаго вида, съ смѣло закрученными усами и бакеубардами; мнѣ кажется, что я ихъ видѣлъ прежде и, вѣроятно, увижу опять, — увижу ихъ, украшенныхъ ботфортами и золотыми шнурами, гарцюющихъ на огромныхъ воронныхъ лошадяхъ подлѣ экипажа ея величества, когда она поѣдетъ открывать парламентъ. Джентльмены, или, скорѣе, посѣтители «пирушекъ» называютъ ихъ «душею общества». Они, вѣроятно, будутъ спать въ нынѣшнее утро въ полицейской караулнѣ и будутъ оштрафованы различными денежными суммами за распутное поведение. Могу сказать, что эти люди въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ пьяны по триста разъ въ годъ. Въ эти три года они проведутъ нѣсколько десятковъ полисменовъ, сломаютъ нѣсколько сотенъ газовыхъ лампъ, сотни разъ «утекутъ» изъ рукъ охранителей порядка и произведутъ очень много шума. Они поѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ Эпсонъ и будутъ заводить безпорядки на пути. Они будутъ посѣщать за полцѣны Адельфи, а потомъ отправятся въ ночныя приставища. Растративъ свое жалованье на развратъ, они получаютъ новые денежные запасы отъ людей, дисконтрующихъ векселя, но и эти деньги у нихъ будутъ ловко вытравлены содержателями игорныхъ домовъ. Настанетъ день, когда и здоровье, и деньги этихъ джентльменовъ будутъ израсходованы, когда всѣ векселя у нихъ будутъ выпрошены, когда они будутъ достаточно обобранны всякаго рода промышленниками: тогда они должны будутъ оставить занимаемыя теперь мѣста и будутъ отвергнуты своими друзьями. Тогда они переселятся въ улипу Бѣлаго Креста, предстанутъ предъ судъ несостоятельныхъ должниковъ, и Богъ-знаетъ, должно быть, плачевно кончатъ жизнь: быть можетъ, передъ смертью дойдутъ до delirium tremens.

«Мнѣ пришла фантазія прогуляться по Сентъ-Джемскому парку; я уже готовъ спуститься по огромнымъ ступенямъ каменной лѣстницы, ведущей въ Малль, и встрѣчаю толпу служителей Марса, состоящую изъ гренадера въ сюртукѣ, съ зажженнымъ фонаремъ (хоть уже свѣтло, какъ въ полдень), офицера въ плащѣ, и четырехъ или пяти гренадеровъ, одѣтыхъ также въ сюртукахъ; всѣ они имѣютъ до-нельзя смѣшной видъ въ

этихъ безобразныхъ сѣрыхъ костюмахъ. Офицеръ, повидямому, смотритъ на все съ чувствомъ неподдѣльнаго отвращенія, и обязанность, къ которой призванъ, считаетъ истиннымъ наказаніемъ. Если не ошибаюсь, описанные люди составляютъ «дозоръ» или что-то въ этомъ родѣ. Когда офицеръ, при видѣ часоваго у памятника герцога Йорвскаго, обращаетъ къ нему какой-то непонятный вопросъ, офицеру дается отвѣтное, но столь же непонятное мычаніе. Тогда передовой гренадеръ вертитъ бессмысленно своимъ фонаремъ, въ родѣ того, какъ король Лиръ игралъ соломенкой, а офицеръ размахиваетъ шпагой; теперь я полагаю, «дозоръ», на сколько дѣло касалось герцога Йорвскаго, конченъ, потому-что вся команда важною поступью направляется по Палль-Маллю, къ памятнику герцогини Кентской.

«Я оставляю этихъ людей съ ихъ затѣями, и печально начинаю шататься по Палль-Маллю. Теперь еще только три четверти пятаго; я такъ измученъ и утомленъ, что едва могу волочить ноги. Дождь прекратился, но утренній воздухъ сыръ и холоденъ, и эта сырость, кажется, проникаетъ до мозга моихъ костей. Волосы у меня мокры, и грязными прядями падаютъ на щеки. Ноги мои, кажется, разрослись до нелѣпныхъ размѣровъ, а сапоги—до нелѣпности съузились. Я желалъ бы быть собакой или полевой крысой! Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ тутъ былъ стогъ сѣна или груда мѣшковъ, или что-нибудь подобное! Думаю, теперь я нашелъ бы отдохъ даже на тѣхъ ужасныхъ покатыхъ доскахъ, которыя видалъ въ Парижѣ, приготовленными въ сторожкѣ на набережной для найденныхъ утопленниковъ. Я имѣю поползновеніе разбить фонарь— пусть бы меня взяли въ полицейскую карательню! Или броситься съ Вестминстерскаго моста? Должно быть, я трушу, потому что не дѣлаю ни того, ни другаго. Замѣтивъ подъ деревомъ скамейку, я бросаюсь на нее; и какъ это ложе ни жестко и какъ ни преисполнено горбами и желваками— я все-таки свертываюсь на подобіе комка и стараюсь заснуть. Но, тщетная мечта! Я ужасно, мучительно бодрствую. Чтобъ до краевъ наполнить горькую чашу своихъ страданій, я встаю и дѣлаю кругъ или два; тогда я чувствую такое изнуреніе, что, кажется, могу спать стоя; но какъ только, улучивъ благоприятное, по моему мнѣнію, для дремоты мгновеніе, снова бросаюсь на скамью—чувствую, что сонъ такъ же далекъ отъ меня, какъ и прежде!

«Тутъ, кромѣ меня, есть еще одинъ безпріютный бродяга лѣтъ восемнадцати; онъ быстро заснулъ и храпитъ съ возмутительнымъ упорствомъ. Онъ—полунагой, у него нѣтъ ни сапоговъ, ни чулокъ. И однакожъ онъ спитъ, и спитъ, по всѣмъ признакамъ, очень вѣжливо. Когда громозвучные часы конной гвардіи пробили пять, онъ просыпается, смотритъ съ минуту на меня и пробормотавъ: «тяжеленько житье, товарищъ», поворачивается и снова засыпаетъ. Побуждаемый сознаниемъ таинственнаго брат-

ства бѣдняковъ, онъ называетъ меня «товарищемъ». Должно быть, я наконецъ заимствовала отъ него частицу бродячей способности спать въ трудныхъ обстоятельствахъ, потому что покорчившись и повертѣвшись на неудобномъ деревянномъ ложѣ до тѣхъ поръ, пока не заболѣли каждая кость и каждый мускулъ, я впадаю въ глубокой, глубокой сонъ, такой глубокой, что онъ похожъ на смерть.

«Сонъ такъ глубокъ, что я не слышу, какъ на этихъ безпокойныхъ для ночлежниковъ паркахъ часахъ конной гвардіи звонятъ четверти часа, и только вдругъ вскакиваю, когда бьетъ шесть часовъ. Мой безпріютный пріятель уже ушелъ; я самъ, опасаясь допроса отъ приближающагося полицмена (не зная еще, какое ужасное преступленіе составляетъ сонъ въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ), прихрамывая удаляюсь, совсѣмъ измученный, но немного освѣженный часовымъ сномъ. Я прохожу мимо мѣста, гдѣ доятъ коровъ и продаютъ творогъ и сыворотку въ лѣтніе вечера, и вступаю въ Чарингъ-Кроссъ, чрезъ длинный Спрингъ-гарденскій переулокъ.

«Нѣсколько разъ въ теченіе ночи я слышалъ, что въ это утро долженъ происходить торгъ въ Ковентъ-Гарденѣ. Я видѣлъ, какъ по молчаливымъ улицамъ пробирались телеги, нагруженные цѣлыми горами корзины съ зеленью. Я встрѣтилъ нѣсколько раннихъ мелочныхъ торговцевъ съ тележками, и ихъ юные помощники поглумились надъ моею унылою, убитою фигурою. Я смотрѣлъ на ковентгарденскій рынокъ, какъ на попутный вѣтеръ для моего путешествія, потому что слышалъ и читалъ, какое обиліе и разнообразіе представляетъ этотъ рынокъ на забаву и поученіе наблюдателя.

«Признаюсь, я обманулся въ ожиданіи. Ковентъ-Гарденъ кажется мнѣ не болѣе, какъ огромнымъ скопленіемъ капусты. Я осмѣянъ этимъ растеніемъ, когда его бросаютъ съ вершинъ нагруженныхъ телегъ къ стоящимъ внизу зеленикамъ. Проходя, я попадаюсь въ капусту и спотыкаюсь на капусту; коротче, и вверху, и внизу, и со всѣхъ сторонъ капуста преобладаетъ.

«Можно впрочемъ сказать, что имѣи я терпѣніе, я увидѣлъ бы что-нибудь, кромѣ капусты. Но я такъ ею забросанъ, меня такъ толкаютъ въ ту и другую сторону, со мной такъ мало церемонятся грубые лавочники, что я выбираюсь съ рынка и прокрадываюсь на площадь.

«Здѣсь я встрѣчаю моего безпріютнаго бродягу, товарища по парку; онъ дешево и питательно завтракаетъ въ кофейной. Эта кофейная сама по себѣ представляетъ какое-то неудобноописываемое зданіе, что-то среднее между цыганскимъ шатромъ и будкой часового; для полноты сравненія, лѣдя, приготовляющая кофе, очень походить лицомъ на цыганку, и на ней надѣто такое точно верхнее платье, какое бываетъ у часовыхъ. Ароматическое питье (если я могу назвать этимъ именемъ смѣсь жженыхъ бобовъ, жареной лошадиной печени и негоднаго цикорію, изъ

которых составлено «кофе») разливаютъ, горячее, какъ кипитокъ, изъ котла (какіе бывали у волшебницъ) въ цѣлый строй стоящихъ подлѣ него чашекъ и блюдечекъ; а для болѣе основательнаго поддержанія желающихъ, рядомъ съ чашками поставлены блюда съ огромными вучами толстыхъ ломтей хлѣба съ масломъ и какого-то двусмысленнаго вещества, называемаго «пирожнымъ». Кромѣ моего пріятеля-бродяги, два мальчика изъ числа «мелочныхъ» помощниковъ, пользуются гостепрѣимствомъ «кофейной», а толстый садовникъ, усѣвшисъ верхомъ на вучу картофельныхъ мѣшковъ, лежащую по близости, досталъ хлѣба, масла и кофе, и уплетаетъ все это съ такою жадностью, что при каждомъ глоткѣ изъ глазъ его выступаютъ слезы.

«Я вспомнилъ о существованіи въ моемъ карманѣ нѣкоторой четырехъ-пенсовой монетки, и два или три раза покушался надержать ее, но обдумавъ, счелъ лучшимъ пріобрѣсти на эти деньги настоящій завтракъ и отправиться въ настоящую кофейную. Между тѣмъ, въ это время быстро разсвѣтаетъ и лондонскій шумъ становится слышнѣе. Глухой стукъ колесъ не прекращался, впрочемъ, цѣлую ночь, но теперь нагруженные кареты бѣшено мчатся къ станціи желѣзной дороги. Ночные полусмены постепенно исчезаютъ, медленно показывается сонная прислуга трактировъ, зѣвая у дверей; выходятъ сонные слуги кофейныхъ домовъ и читальныхъ залъ. Есть трактиры и кофейни, которые были открыты цѣлую ночь. На рынокъ трактиръ «Разбойничье Оружіе» никогда не запирается. Молодой лордъ Стултусъ съ капитаномъ Азанусомъ сегодня утромъ въ четыре часа пытались перевернуть тамъ вверхъ дномъ всѣ конторки, но по настоятельному желанію трактирщика Фрума оставилъ это намѣреніе, и вслѣдъ за тѣмъ рыцарски предложили всѣмъ окружающимъ стаканы «Стараго Тома», что и было принято съ такою же рыцарскою готовностью. Такъ-какъ «всѣ окружающіе» составляли до тридцати человекъ лэди и джентльменовъ, то для Фрума это было дѣльце хорошее; какъ ловкій торговецъ, онъ вполнѣ воспользовался золотымъ случаемъ, распорядившись подавать тѣмъ членамъ общества, которые были пьяны (а такихъ было три четверти всего собранія), стаканы съ водой вмѣсто джину; такая операція, съ одной стороны, способствовала обузданію невоздержныхъ, а съ другой — очень замѣтнымъ и чувствительнымъ образомъ улучшила состояніе его собственнаго кошелка. Какъ было въ «Разбойничьемъ Оружіи», такъ и въ другихъ трактирахъ, посѣщаемыхъ продавцами зелени и ночными извозчиками; нечего и говорить о томъ извѣстномъ, уютномъ маленькомъ домикѣ близъ Дрери-Лена, называемомъ «Синія Дубина», который, какъ извѣстно, служитъ мѣстомъ свиданія знаменитаго Тама Сѣга съ его шайкой; подвиги ихъ по части удавленій, посредствомъ шелковаго платка и спасительнаго снаряда, употребляемаго въ видѣ колеса, заслужили всеобщее удивленіе со стороны солидныхъ защитниковъ системы

отпускныхъ билетовъ. Во время моихъ блужданій я заглядывалъ въ нѣкоторыя изъ этихъ извѣстныхъ заведеній. Съ наступленіемъ дня они принимаютъ видъ болѣе степенный, мрачный и сонный, и до полуночи остаются въ этомъ видѣ. Въ нихъ не загорится жизнь и веселость, не начнутся грабежи и наслія до наступленія «темныхъ» часовъ.

«То же самое и въ кофейныхъ. Я вхожу въ одну изъ нихъ, чтобъ превратить свою четырехъ-пенсовую монету въ завтракъ, состоящій изъ кофе, хлѣба и масла; эта кофейная также была открыта всю ночь; но теперь тамъ единственные посѣтители, кромѣ грязнаго слуги, находящагося въ жалкомъ состояніи дремоты, состоятъ изъ полдюжины бездомныхъ горемнѣкъ, которые получили право сидѣть за отвратительными столами благодаря тому, что заплатили за чашку кофе; склонивъ головы на руки, они жадно пользуются боязливымъ сномъ, изъ котораго скоро, увъ! слишкомъ скоро! пробуждаетъ ихъ слуга, растапливая спящихъ и говоря: «проснитесь, вы!» Повидимому, онъ имѣетъ приказаніе не позволять засыпать въ кофейной.

«Я сажусь и стараюсь не спать надъ столбцами стараго номера газеты «Солнце», но безуспѣшно. Я чувствую такую слабость и утомленіе, я до нельзя измученъ и усталъ, какъ собака, и впадаю въ усыпленіе; потому ли, что слуга также заснулъ, или — что расходъ на четыре пенса гарантируетъ мнѣ исключеніе изъ общаго правила, мнѣ позволяется дремать.

«Я вижу сны. Въ этихъ ужасныхъ видѣніяхъ мнѣ представляются и клопы, и капуста, и дѣлающіе обходъ солдаты и — по временамъ — пожаръ въ овощной лавкѣ. Проснувшись, я вижу, къ величайшей радости, что уже десять минутъ девятаго, оборванный мальчижъ, разнощикъ газетъ, приноситъ сырой экземпляръ «Times», и въ этой газетѣ я нахожу половину столбца, занятую статьей подъ заглавіемъ «Страшный пожаръ въ Сого».

«Еслибы усталость не обезсмыслила меня, то, безъ сомнѣнія, я предался бы по поводу этой ночи правдоучительнымъ разсужденіямъ; но теперь у меня въ головѣ только два предмета, только два предмета существуютъ для меня на цѣломъ свѣтѣ — *домъ и постель*».

Въ очеркъ этой одной безпріютной ночи очень ясно и отчетливо видѣнъ весь процессъ, которымъ безпомощная нищета можетъ привести человѣка къ преступленію и паденію. Сначала онъ весь подавленъ чувствомъ совершеннаго одиночества и его мучительно душитъ сознаніе собственнаго бесилія. Онъ пытается найти какой нибудь выходъ изъ жалкаго положенія, но напрасно ломаетъ себѣ голову: необыкновенные замыслы для него недоступны, великіе недосыгаемы — даже обыденная, часто не совѣстль чистая, находчивость, ловкая изобрѣтательность, гибкая изворотливость бесполезны; является сильная горечь и мелькаетъ мысль, что гораздо удобнѣе жить на свѣтѣ такимъ наглѣмъ

людямъ, какъ знакомый Больтъ, и такимъ безсовѣстнымъ, какъ вотъ другой знакомый Спѣнджъ.

Мысль эта ненова; онъ слыхалъ ее нерѣдко отъ другихъ, и ему самому приходитъ она въ голову не въ первый разъ, но дѣло въ томъ, что до поры до времени всякія мысли только скользятъ, задѣвая иногда и за живое, но такъ сказать, со стороны. Мы всѣ, напримѣръ, повторяемъ на разные печальныя и шутивыя, трусливыя и насмѣшливыя лады и тоны, что мы смертны и что слѣдственно жизнь наша можетъ очень легко угаснуть завтра, или нынче, или черезъ полчаса; но когда смерть является, мы только тогда хорошо почувствуемъ все ея значеніе, власть и силу. Намъ извѣстно, что голодъ мучителенъ и затемняетъ разсудокъ, но надо испытать муки голода, чтобы вполнѣ узнать, какъ терзаетъ онъ и до чего помрачаетъ мышленіе. Давно извѣстная истина, что наглые и безсовѣстные люди лучше и удобнѣе устриваются на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ люди совѣтливыя и честныя, возбуждаетъ въ безпомощномъ человѣкѣ, необладающемъ особенными нравственными и умственными силами, не рѣшимость бороться, а горькое раздражительное сожалѣніе, зачѣмъ онъ не наглець и къ чему сохранилъ неудобную деликатность и тонкость чувствъ? Разъ какъ подобная мысль вращивается, хотя бы и въ минуту отчаянія, можно почти навѣрно сказать, что если благоприятныя обстоятельства или счастливый случай не помогутъ, человѣкъ быстро или потихоньку, рано или поздно, а ужъ скатится съ своей нравственной высоты.

Г. Сала, представляя безпріютнаго и безпомощнаго человѣка, рассказываетъ, что этотъ человѣкъ встрѣчаетъ и видитъ, и какъ холодь, голодь и изнеможеніе даютъ ему себя чувствовать, но не распространяется о томъ, какія мысли его точатъ и какія чувства у него накипаютъ: читающій рассказъ угадываетъ ихъ самъ какъ нельзя лучше, и вполнѣ понимаетъ, что хотя злодѣяніе то или другое въ эту минуту и не свершается, но что всякое можетъ, даже должно случиться тамъ, гдѣ 70,000 чловѣвъ постоянно находятся въ безпомощномъ положеніи.

Цифры въ иныхъ случаяхъ убѣдительнѣе всевозможныхъ доводовъ, разсужденій и доказательствъ, а вѣрное, безъ прикрасъ и смягченій, представленіе обиденной жизни поразительнѣе всякихъ браспорѣчивыхъ воззваній и чувствительныхъ возгласовъ. Дѣло въ томъ, что въ наше время всѣ слова утратили прежнее значеніе и потеряли прежнюю цѣну и силу. Всѣ теперь выучились говорить красно и благородно, грозно и трогательно; всякій, по пословицѣ, высоко летаетъ, что вовсе не мѣшаетъ ему низко садиться.

Кто теперь не громить, напримѣръ, свѣтской пошлости и не позорить празднаго существованія? Кто не требуетъ эманципации женщинъ и не разрывается по поводу пролетаріата? Дама, обнажившая плечи на вершокъ меньше, чѣмъ ея сосѣдка, съ

негодованиемъ указываетъ пальцемъ на послѣднюю; обезпеченный господинъ, котораго непріятности съ начальствомъ довели до сознанія, что образованный умъ украшаетъ человѣка больше эполетъ или вышитаго воротника, съ презрѣніемъ смотритъ на тѣ эполеты и воротники, которые еще не подверглись начальнической немилости и не пришли къ заключенію о преимуществѣ ума надъ мундирами; дѣлые сонмы людей обоого пола поставили себя единственною дѣятельностію ходить по знакомымъ и выржать свое изумленіе и негодование, какъ это можетъ ктонибудь погрязнуть въ праздности и сдѣлаться коптителемъ неба? Шумъ словесный великій, говоръ и ропотъ постоянные; но безсодержательный гамъ уже прислушался, вздрагивать никого не заставляетъ, не шевелитъ заглушенныхъ силъ, не возбуждаетъ притихшихъ стремленій...

70,000 цифра безпріютныхъ людей, приведенная г. Саля, дѣйствуетъ какъ сильнѣйшій ударъ хлыста по изнѣженному лицу и производитъ очень больное и горькое, но отрезвляющее впечатлѣніе. Эта 70,000 цифра крѣпко засѣдаетъ въ голову, становится между всѣмъ, на что ни обращаются глаза, къ чему ни прислушиваются уши, и рѣшительно на все набрасываетъ самый мрачный колоритъ. Тѣ «прекрасныя, но тщетныя» стремленія и «несбыточныя мечты, разсыяныя суровою дѣйствительностію», тѣ «улегшіеся вопросы» и «усмиренныя житейскою опытностію требованія», съ которыми многіе люди, казалось, совершенно покончили, опять начинаютъ мутить и уничтожаютъ весь запасъ трусливыхъ примиреній съ окружающей жизнью и съ самимъ собою. Утѣшительныя выводы и успокоительныя разсужденія, подобранные долгими стараніями и труднымъ искусствомъ, разсыпаются въ прахъ, и на лицо остаются знаменательныя 70,000 безпріютныхъ и «беспомощныхъ людей, голодныхъ, измученныхъ холодомъ или духотою и падающихъ отъ изнеможенія на улицахъ просвѣщенной столицы великаго государства.

III.

Представляя статистическія цифры и существующіе факты, г. Саля не показываетъ «злоупотребленій», не выводитъ на свѣжую воду «злоупотребителей», что очень важно и придаетъ всему особый оттъѣнокъ и особое значеніе.

Большинство людей, какъ извѣстно, склонно къ нѣгѣ и обладаетъ въ замѣчательной степени способностью со всѣмъ на свѣтѣ быстро освоиваться, счастливымъ даромъ надѣяться на лучшее, умѣемъ морочить себя всевозможными иллюзіями и тѣшить себя нелѣпою увѣренностію, что дорогія вещи по случаю пріобрѣтаются по дешевой цѣнѣ. При такихъ свойствахъ понатно, что большинство людей стоять горой за полумѣры. Нанести ударъ тому или другому существующему злу у нихъ не поднимается рука. Они ходятъ

около него, пробуютъ его пальцемъ, совѣтуются, качаютъ головами, вздыхаютъ, призадумываются; вдругъ имъ бросается какойнибудь наростъ на чудовищѣ, и они, забывая о самомъ чудовищѣ, съ жадностью видятъ на него и вричатъ: вотъ гдѣ самый ядъ! вотъ гдѣ самая бѣда! Черезъ долгое или короткое время, смотря по обстоятельствамъ, наростъ кое-какъ вытравляется,—всѣ рады, торжествуютъ побѣду и спешно обращаются къ обычнымъ занятіямъ. Такое завидное состояніе продолжается или до какогонибудь сильно чувствительнаго толчка, или до той поры, когда чудовище не въ мѣру тяжело придавить. Тогда снова начинается то же нерѣшительное хожденіе вокругъ, прощупыванье пальцемъ, совѣты, вздохи, задумчивость, и снова дѣло ограничится только (въ самомъ лучшемъ случаѣ) вытравленіемъ нароста, покуда на помощь не явится личности инаго закала, которыхъ, если имъ повезетъ удача, именуютъ великими людьми, а если постигнетъ пораженіе, обзываютъ сумасбродами. Но такъ-какъ подобныя личности никогда не являются дѣжанами, то люди чаще всего хватаются за мелкія детали и глѣзуютъ изъ кожи, сокрушая частности.

Благонамѣренный человѣкъ, готовый покарать какогонибудь Ивана или Петра, за его нехорошее поведеніе, не будетъ вылавывать на это похвальное, хотя и недостаточное дѣло, разсказами г. Сала. У г. Сала всѣ Иваны и Петры люди милые, добрые, старательные и грѣшатъ развѣ только несообразительностію, что, какъ извѣстно, свершается не по собственной доброй волѣ, а по неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія, награждающаго кого однимъ, кого десяткомъ талантами. У него всѣ исправны на своихъ мѣстахъ, начиная съ ея величества королевы Викторіи, добродѣтельнѣйшей семейнивыи, кроткой и набожной женщины, которая любитъ простоту, ѣздитъ въ оперу въ черной, непоказной каретѣ, всего съ двумя лакеями на запяткахъ, старается о всеобщемъ благоденствіи и издаетъ свои «размышленія», до почтеннаго полнсмена, который предавъ весь своему долгу и скрѣпя сердце гонитъ бродягъ изъ-подъ воротъ общественныхъ зданій.

Нѣтъ ни одного Петра или Ивана, котораго слѣдовало бы покарать. Напротивъ, являются Иваны и Петры, къ которымъ чувствуется живѣйшая признательность, какъ, напримѣръ, къ учредителямъ общества для доставленія ночнаго крова безпріютнымъ и къ ихъ чиновникамъ и чиновницамъ. Мы почти цѣлкою приводимъ этотъ знаменательный разсказъ, озаглавленный у г. Сала «Безпріютные и Голодные».

«Я отправился, въ ненастный зимній вечеръ, къ Заставѣ Увѣчныхъ, съ цѣлью посѣтить убѣжище, основанное обществомъ доставленія ночнаго крова безпріютнымъ».

«Позвольте мнѣ, прежде всего, доложить вкратцѣ, какъ это общество объясняетъ свою дѣятельность. По словамъ отчета общества, главная цѣль и основное начало этого благотворительнаго учрежденія заключаются въ доставленіи ночнаго приюта

и помощи людямъ, которые въ суровую зимнюю пору остаются совершенно безпріютными и безпомощными, и въ доставленіи имъ возможности пріостановить на время, вслѣдствіе суровой погоды, свою работу, производящуюся на открытомъ воздухѣ. Для осуществленія этого намѣренія общество распорядилось, чтобъ пріютъ былъ открытъ и доступенъ въ каждый часъ ночи, безъ требованія отъ ищущихъ убѣжища какаго бы то ни было входнаго билета или другого паспорта или удостовѣренія, кромѣ его или ея собственныхъ словъ о своей безпомощной нуждѣ. Доставкаемая здѣсь помощь ограничивается порціей хлѣба въ такомъ количествѣ, которое достаточно для поддержанія жизни, теплымъ кровомъ и покоемъ. Такимъ образомъ, людямъ, весьма недалеко отстоящимъ отъ полной безпомощности, представляется мало побужденій пользоваться кровомъ исключительно для того, чтобъ воспользоваться пищей. Но, въ случаяхъ изнеможенія или слабости, происходящей отъ голода или холода, выдаются, подъ надзоромъ медика, приличныя подкрѣпительныя средства, какъ, напримѣръ, каша, вино, водка, супъ и лекарство. «Многіе были, такимъ образомъ, спасены», говоритъ отчетъ, «свѣтъ когтей смерти».

«У меня есть два пріятеля, которые не одобряютъ учрежденій, основанныхъ на изложенномъ началѣ. Мой добрый другъ Прагмось считаетъ ихъ бесполезными. Онъ доказывалъ мнѣ цифрами, таблицами, отчетами прозорливыхъ начальствъ, что въ Лондонѣ нѣтъ причинъ, порождающихъ лишенія, — что, говоря на основаніи статистическихъ данныхъ таблицъ, свѣдѣній почетныхъ совѣтовъ — въ Лондонѣ совсѣмъ нѣтъ безпомощности. Какъ *можетъ* тамъ быть такая кака бы то ни было безпомощность, когда подается и домашняя, и уличная помощь, когда существуютъ богаделенныя испытанія, — должностныя лица, обязанныя помогать бѣднымъ и временныя госпитали? Сверхъ того, для всѣхъ есть мѣста. Есть госпитали и лечебницы для больныхъ, богадельни для дряхлыхъ. Благосостояніе постоянно увеличивается. Безпріютнымъ и голоднымъ не можетъ быть никто, кромѣ людей праздныхъ и развратныхъ; если такіе и существуютъ, то должны, для своего спасенія, соединяться въ союзы, и, слѣдовательно, убѣжища для безпріютныхъ не ведутъ ни въ какой благодѣтельной цѣли, — напротивъ, — отводить благотворительныя пожертвованія отъ должнаго направленія, питаютъ праздность и пороки и выставляютъ на показъ, предъ глазами публики, бѣдность, которая, въ дѣйствительности, не существуетъ. Такъ рассуждаетъ Прагмось. Онъ не жестокосердъ; но просто, спокойно сознаетъ (вслѣдствіе вѣрованія въ арабскія цифры и въ девяносто-девятый отчетъ попечительнаго комитета о бѣдныхъ), что безпомощныхъ людей быть не можетъ. Едва онъ кончилъ цитировать вѣдомость подъ лит. Д, какъ мой другой, болѣе веселый, другъ Шарплинскъ, дѣлаетъ мнѣ шутливый, остроумный выговоръ. Онъ смѣется надо мной. «Безпомощность, дружище», говоритъ Шарплинскъ фамиллярно: «пустяки! Какъ можете вы,

все-таки говорю съ Галилеемъ: «ві ишовет!» и утверждаю, что въ городѣ, *самоуощенномъ золотомъ*, есть люди совершенно безпомощные, умирающіе у порога домовъ, на улицахъ, на лѣстницахъ, подъ темными сводами, въ канавахъ и у защищенной отъ вѣтра стороны стѣнъ. Полиція это знаетъ. Когда-нибудь, быть можетъ, правительство также снизойдетъ до признанія этого явленія и поручить какому-нибудь джентльмену принять на себя завѣдываніе имъ за тысячу фунтовъ въ годъ.

«Душая Прагмосѣи Шарпликтѣ, я шелъ вечеромъ въ прошедшій вторникъ по Смитфильду, и дошелъ до Варбикена. Это путешествіе — очень непривлекательное даже въ самую лучшую погоду, — но въ сирую февральскую ночь, когда погода колеблется между пѣвниащимъ морозомъ и морозящею оттепелью и, не переходя рѣшительно ни въ то, ни въ другое, даетъ вамъ почувствовать качества обонхъ, — путешествіе пѣшкомъ до улицы Вѣлаго Креста просто мучительно. Вся окрестность проникнута мязмами бѣдности, скрежущей зубами, нездоровой, угрюмой и часто порочной. Здѣсь все дешево и гадко; продавцы смотрятъ такими же бѣдняками, какъ и покупатели. Тутъ есть лавки, весь торговый запасъ которыхъ не стоитъ полудюжины шиллинговъ. Есть прокоше, все платье которыхъ слишкомъ дорого опѣнить въ девять пенсовъ. Свѣчныя лавки, морскіе склады, заемныя банки и публичныя дома поражаютъ глаза. Морозная ржавчина лежитъ на оконныхъ стеклахъ и на газовыхъ лампахъ. Хлѣбъ — продается самый черствый, плохой; въ мясныхъ лавкахъ, съ ихъ блистающими газовыми рожками, не выставлено ничего кромѣ объѣдковъ и обглодковъ мяса. Помѣщенная внизу зеленая лавка заграждаетъ вамъ дорогу своими корзинами; но она имѣетъ такой непривлекательный видъ, что хочется эти продукты свалить въ дождевой жолобъ, или отдать законнымъ властителямъ ихъ — свиньямъ. Воздухъ зараженъ запахомъ зловоннаго табаку, лежалыхъ сельдей, стараго платья и мастерскихъ различныхъ вредныхъ производствъ. Передъ вами пробѣсать изъ прихода гробъ, передъ вами проходить полисмень, неповоротливый и мрачный, полисмень, совершенно непохожій на проворнаго № 67. На сиромъ ночномъ вѣтрѣ долетаютъ до вашихъ ушей божба и выкрикиваніе гнилаго товара, и плачь оставленныхъ безъ призора дѣтей, и хорвое пѣніе развратныхъ пѣсень. Каждый крикитъ эгипаитъ, какой вамъ встрѣчается на пути отъ разнощичьей тележки до Пинфордской телеги, кажется, везетъ въ тюрьму какого-нибудь неисправнаго должника.

«Пробиваясь, сколько хватало силъ, чрезъ всю эту гадость, — скользя по грязной мостовой, и часто спотыкаясь, я дошелъ, наконецъ, до улицы Вѣлаго Креста и нырнулъ (это единственный способъ, которымъ можно туда проникнуть) въ ужасающій, грязный, тусклый проходъ, который былъ рубежомъ моего странствія — въ театральныи дворъ. У меня вѣтъ подъ рукой Пятера Бунингамъ, и я не на столько хорошій антиваріи, чтобъ сказать,

когда или гдѣ именно существовалъ театръ въ этихъ печальныхъ мѣстахъ. Теперь здѣсь разыгрывается скорбная драма.

«Мнѣ не трудно было найти пріютъ. Надъ входомъ висѣла лампа съ проводочнымъ колпакомъ, на которомъ намалевано было названіе пріюта. Я проиалъ въ открытой двери, откуда исходилъ теплый свѣтъ, и передъ которой обширнымъ полукругомъ расположились толпа прижавшихся къ землѣ существъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — терпѣливо ожидавшихъ, когда наступитъ ихъ очередь войти. Это именно была дверь въ домъ для бѣдныхъ.»

«Нѣтъ надобности объяснять, что цѣль моего посѣщенія была скоро понята начальствующими въ этомъ заведеніи лицами и что мнѣ доставили всѣ возможные удобства, чтобы видѣть, какъ дѣлается помощь бѣднымъ. Впрочемъ, съ показной стороны распорядители общества могли выставить предо мной немногое; у нихъ нѣтъ ни аппаратовъ для приготовления пищи паромъ, ни роскошныхъ ваннъ, ни желѣзной прачешней, ни коридоровъ со сводами, ни осьмиугольныхъ комнатъ, арно выбѣленныхъ известкой и ослѣпительно сверкающихъ мѣдными украшениями, — ни изданныхъ келій, снабженныхъ умывальниками и шкафами и различными удобствами новѣйшихъ привилегированныхъ изобрѣтеній. Напротивъ, все было самаго простаго и самаго суроваго качества; но все, по моему мнѣнію, удивительно соответствовало цѣли, для которой было назначено.»

Прежде всего, я вошелъ въ контору, гдѣ стояло нѣсколько огромныхъ корзинъ, наполненныхъ кусками хлѣба, гдѣ за бюро сидѣлъ человѣкъ, записывавшій въ большую книгу лицъ, которыхъ ждали быть принятыми; это совершалось по мѣрѣ того, какъ она являлись на его спросъ, останавливаясь въ дверяхъ или у перилъ. Люди эти подходили по одиночкѣ, чередуясь мужчины съ женщинами, по мѣрѣ того, какъ ихъ вызывали изъ полукруга, который былъ на дворѣ. Тутъ были и мальчики-матросы въ гернсейскомъ кафтанѣ, и измученный работою земледѣлецъ, и хлѣбный ремесленникъ, и изнуренная оборванная женщина съ кучею дѣтей, и — арѣлине самое жалкое изъ всѣхъ, — какая-нибудь удрученная горемъ, согнутая въ дугу швея, — еще молодая, но отъ бѣдности такъ постарѣвшая, что на видѣ ей лѣтъ сто, — недурная собой, но совершенно иссушенная и немощенная голодомъ. Отвѣты пріемальцевъ были почти всѣ одинаковы: они пришли изъ провинцій искать работы, или были уроженцы Лондона и не могли достать работы, или — что союзъ рабочихъ уже былъ разорванъ и они не могли добиться пріема, или что у нихъ не было денегъ, или имъ нечего было ѣсть, или они не знали — куда идти. Все это говорилось не бѣгло, не умоляющимъ тономъ, безъ всякихъ жалобъ, и лишь съ немногими прибавками противъ моихъ словъ, съ утомленнымъ видомъ, коротко, почти нехотя. Да и что имъ было говорить? Что отъ нихъ было нужно, кромѣ имени, числа, мѣс-

та? Въ ихъ жалкой одеждѣ, въ мертвенныхъ голосахъ, искаженныхъ лицахъ заключалось достаточно нѣмало враспорѣчія, чтобъ наполнить пятьсотъ большихъ книгъ, подобныхъ той, которая лежала на конторкѣ. Я не выдаю себя за физиономиста, но думаю, что обладаю достаточнымъ знаніемъ уличнаго міра, и могу различить нищаго по ремеслу отъ голоднаго человѣка; я могу утвердительно сказать, что въ эту ночь чрезъ дверь пріюта не прошелъ на моихъ глазахъ ни одинъ человѣкъ, на лицѣ котораго нельзя бы было прочитать: «оборванный и измученный, забитый до смерти, — совершенно безпомощный, — безпріютный и голодный». Распорядитель записывалъ имя каждаго приходящаго, возрастъ и мѣсто рожденія, также—гдѣ онъ спалъ въ прошлую ночь,—какія были его занятія,—по какой причинѣ онъ пришелъ. Книга для этой цѣли была раздѣлена на столбцы. Я взглянулъ на нее. Въ столбцѣ о причинахъ прихода былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ: безпомощность. Подъ вопросомъ: гдѣ спалъ прошлую ночь? стояли отвѣты: у Сентъ-Люка, въ Уайтъ-Чепелѣ, на улицѣ, въ Степни, — на улицѣ, на улицѣ, опять и опять на улицѣ, пона, наконецъ, у меня замельбало въ глазахъ это повтореніе. На свѣтѣ есть много лучновъ, ми это знаешь, и въ числѣ пятисотъ несчастныхъ, исцавшихъ здѣсь крова, могъ быть извѣстный процентъ обманщиковъ, — я этого не думаю оспаривать,—могли быть немногіе, собственное дурное поведеніе и неосмотрительность которыхъ довели ихъ до самаго жалваго и затруднительнаго положенія; но я все-таки держусь того мнѣнія, что эта печальная книга содержала въ себѣ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе правды, чѣмъ ее находятъ въ цѣлой библиотекѣ отчетовъ парламентскихъ комитетовъ.

«Воспользовавшись перерывомъ пріема, я спросилъ — есть ли тутъ ирландцы, когда распорядитель велѣлъ придвернику «вызвать первую женщину въ толпу». Случилось такъ, что «иервая женщина» именно была ирландка. Это была очень маленькая женщина въ самой крошечной шляпкѣ, какую только я видѣлъ. Шляпка эта была, положительно, не что иное, какъ черная заплата на задней части ея головы, съ обдерганными концами, которые были отчаянно стянуты къ подбородку, обнажая уши свозъ разодранный тюль. Платье ея смотрѣло такъ, какъ будто бы какой-нибудь искусный паукъ свилъ эту ткань изъ грязи, или будто бы это былъ разный соръ, кое-какъ смоченный и заштопанный. Ногъ ея я не видѣлъ, но слышалъ шлепанье на полу при ея движеніяхъ и угадывалъ, каваго роду башмаки она должна была носить. Эта маленькая женщина принадлежала къ числу тѣхъ, у которыхъ бывають круглія, пухленькія розовыя лица, и у нея были черныя какъ агаты глаза; но эти глаза и все лицо—были какъ бы раздавлены и разгромлены нуждой и страданіями. Даже кожа ея висѣла лохмотьями. Бѣдная маленькая женщина постоянно дѣлала гримасы, придавая лицу искусственно-спокойно, выраженіе, которое было бы смѣш-

но, еслибы—въ связи съ тѣмъ, что ее окружало и что на ней было надѣто, въ связи съ ея отважною рѣшимостью не плавать—этотъ видъ не разрывалъ сердце. Да, она была ирландка (она сказала это въ видѣ оправданія), но долгое время жила въ Ливерпулѣ. Мужъ бѣжалъ и оставилъ ее, дѣтей у нея не было. Еслибы были, то она, по ея словамъ, лучше бы переносила такую жизнь. Одну ночь она спала въ «саведеніи» (она нѣсколько гордилась этимъ словомъ и употребляла его довольно часто), но ей стыдно было придти туда опять, и потому она спала потомъ одну ночь въ богадельнѣ и послѣ того три ночи на улицѣ.

Надзиратель ласково сказалъ ей, что она можетъ остаться въ пріютѣ еще на одну или двѣ ночи, но что потомъ всего лучше сдѣлаетъ, если отправится опять въ Ливерпуль. «Но я, право, не могу идти туда, вскринула маленькая женщина: — я никогда не буду въ состояніи туда пойти. О, Господи! О, Боже!» Мужественно-напряженное лицо ея сразу какъ бы надломилось, когда она отошла съ своимъ билетомъ, и я слышалъ изъ коридора ея шлепающіе шаги и смиренныя рыданія. Она не навязывала намъ своей исторіи. Она не выплакивала себѣ сочувствія; она, повидимому, стыдилась своего горя. Хотѣлъ бы я знать, неужели эта женщина была обманщицей?

§ «Потомъ выступилъ длинный, худощавый человѣкъ, въ черномъ, грязномъ платьѣ; выраженіе его глазъ, казалось, колебалось между такимъ, которое должно быть у несомнѣнно «оборваннаго и утомленнаго», и зловѣщимъ выраженіемъ человѣка «оборваннаго и дошедшаго до отчаянія». Я никогда не забуду его рукъ, сврестявъ которыя онъ стоялъ на порогѣ: это были длинныя, чаклы куски костей, обтянутыя кожей. Это были именно такія руки, которыми человѣкъ можетъ сдѣлать самому себѣ или кому-нибудь другому зло, о которомъ послѣ онъ будетъ самъ жалѣть. Я никогда не забуду также того быстрого жгучаго взгляда, которымъ онъ смотрѣлъ, или почти пожиралъ огонь въ каминной рѣшеткѣ. На предлагаемые вопросы, онъ отвѣчалъ какъ бы механически, не глядя на вопрошающаго; все его вниманіе, всѣ желанія, мысли были сосредоточены на пламенившихъ угольяхъ. Казалось, онъ заранѣе упивался наслажденіемъ тепла; онъ жадно стремился къ нему. Лучше огонь здѣсь, чѣмъ вода холодной мрачной рѣки. Мнѣ стало легче, когда онъ получилъ свой билетъ, и все смотря черезъ плечо на огонь, переваливаясь, отошла прочь. Онъ меня пугалъ.

«Смотритель (словоохотливый военный человѣкъ, потерявшій ногу въ войнѣ съ кафрами) сообщилъ мнѣ, что у нихъ установлено, въ видѣ общаго правила, чтобы пріютъ, даваемый обществомъ лондонскимъ жителямъ, ограничивался тремя ночами, а иногороднымъ — семью. Въ особыхъ случаяхъ, однакожь, дѣлаются исключенія.

«Принимаются всѣ мѣры, чтобы подавать помощь этимъ усталымъ путникамъ, и стараются оказывать имъ возможное снисхож-

деніе и обращаться съ ними такъ хорошо, какъ только позволяетъ справедливость къ другимъ. Каждому принятому дается при входѣ порція — въ 8 унцій хлѣба; другая порція дается при выходѣ, на слѣдующее утро между восемью и девятью часами.

«Затѣмъ, въ сопровожденіи секретаря и смотрителя, я осмотрѣлъ спальни. Сперва мы посѣтили мужскую половину. Пройдя рядъ умывальницъ, гдѣ каждый ночлежникъ долженъ вымыть себѣ лицо, шею и руки (для этой цѣли заготовлена горячая вода), мы поднялись по деревянной лѣстницѣ и вступили въ цѣлый рядъ длинныхъ, высокихъ комнатъ (въ родѣ тѣхъ, какія бывають въ хлѣбныхъ ригахъ), раздѣленныхъ деревянными столбами на отдѣленія. Посрединѣ стояла громадная печь, отгороженная маленькими колами; и я могъ представить себѣ, какъ у ея заманчиваго, гостепріимнаго огня жадно грѣлись человѣкъ въ черномъ и еще десятка два другихъ бѣдныхъ братьевъ. По одной сторонѣ расположены были длинные ряды корытобразныхъ, похожихъ на могилы, постелей, каждая для одного ночлежника. Въ первое время существованія общества (оно существуетъ уже болѣе 30-ти лѣтъ) ночлежники спали на соломѣ; но такъ-какъ это во многихъ отношеніяхъ невыгодно отражалось на здоровьѣ и заводило нечистоту, а кромѣ того, представляло опасность отъ огня, то заведены были матрацы, набитые сѣномъ и покрытые непромокаемыми покрывалами, которые легко моются и провѣтриваются. вмѣсто одѣялъ, въ которыхъ заводятся насѣкомыя и которые, сверхъ того, менѣе прочны, тамъ ириваты широкія покрывала изъ овечьей кожи, теплыя и прочныя. Съ этими предметами, съ порціей хлѣба, съ благотворной теплотой цѣль заведенія достигается. Здѣсь нужно не то, что въ гостиницѣ. Малѣйшая доля роскоши подтвердила бы слова Прагмоса и послужила бы одобреніемъ для людей недостойныхъ, праздныхъ и развратныхъ. Пріютъ не конкурируетъ ни съ какой гостиницей, ни съ веровской кухней, ни съ погребомъ, въ которомъ укрываются бродяги; онъ — мѣсто для удовлетворенія самой крайней жизненной необходимости, самымъ простымъ жизненнымъ требованіямъ. Кровь, постель, тепло, кусокъ хлѣба — вотъ что предлагаютъ здѣсь людямъ, которые бывають ничего не имѣють.

«При свѣтѣ газа, который горитъ всю ночь, я стоялъ, прислонясь къ одному изъ деревянныхъ столбовъ, и смотрѣлъ на эту печальную сцену. Постели быстро наполнялись. Многие изъ утомленныхъ сигнальцевъ уже погружались въ сонъ; другіе, сидя на постеляхъ, чинили свои бѣдныя лохмотья; многіе не спали, но лежали, безмолвно отдыхая. На словъмо могъ замѣтить глаза, рядомъ корытъ соответствующихъ груди лохмотьевъ. Нервнымъ движеніемъ я перемѣнилъ свое мѣсто, увидѣвъ, что, куда ни обращусь, все стою подъ взглядомъ безчисленныхъ глазъ — глазъ спокойныхъ, неподвижныхъ, задумчивыхъ, безнадежныхъ.

Кто не испугалъ этого чувства, проходя чрезъ больницю, домъ умалишенныхъ, тюрьму? Вы сознаете, что на васъ обращены угрюмые, печальные, упрекающіе глаза. Вы почти чувствуете, что являетесь сюда невольнымъ гостемъ. Вы не докторъ, который приходитъ лечить, не священникъ, который утѣшаетъ, не благодѣтельная ладя, принедашая помогать страждущимъ. Какое право имѣете вы тутъ бить, навлекая колыу изъ людскихъ несчастій, заноса въдоха и слезы въ свою записную книжку?

«У огня за кентроной я нашель доктора. Его телько что при-звали для помощи одному заболѣвшему; это случается, впрочемъ, довольно часто. Несчастлиаго сейчасъ перенесли со скамьи на постель. Онъ вошелъ, и потомъ вдругъ ему сдѣлалось дурно, онъ заболѣлъ не холерой, не лихорадкой, не расстройствомъ желудка, но болѣзнью, называсемою — мой пріятель, Шарилгинскъ, этому не повѣрить — «изнеможеніемъ». Онъ просто былъ при смерти отъ измуренія и истощенія. Онъ оцѣнилъ отъ голода, былъ пресыщенъ стужей, обмеръ отъ усталости. Ему не нужны были ни ампутаціи, ни кровососныи банки, ни хининъ, ни сас-сараль: онъ просто нуждался въ небольшомъ количествѣ вина и кашки, въ теплѣ, ужинѣ и постели. Стоимость всего этого, вѣроятно, не превышала шести пенсовъ; но интересно то, что по недостатку этихъ шестипенсовыхъ нищи и повола, на дверяхъ полицейской караулки возможно было на слѣдующее утро появленіе билета, начинающагося словами: «найдено мертвое тѣло».

«Я спросилъ доктора: «Часто ли встрѣчаются подобныи случаи?»

— «Да, отвѣчалъ онъ.

— Всегда ли они имѣють роковой исходъ?

— Случается. Не дальше, какъ въ прошлую ночь полицейскій принесъ человѣка, котораго нашель втихомолку оцѣпенѣвшимъ отъ голода за телегой. Пока полицейскій рассказывалъ о его положеніи, онъ внезапно упалъ головой впередъ на полъ — мертвый! Онъ не былъ боленъ, а только умеръ съ голоду.

«Освѣдомлясь, каково вообще ведутъ себя ночлежники, я узналъ, что хорошее поведеніе составляетъ правило, а беспорядочныи поступки или строптивость — исключеніе.

— Еслибы вы были здѣсь въ восемь часовъ, сэръ, сказалъ смотритель (теперь было половина восьмага): — вы не услышали бы ни звука. Бѣдныи созданія! они слишкомъ утомлены, чтобы поднимать шумъ. Мальчики, конечно, немного поболтають между собою; но они легко успокоиваются. Какъ только у насъ появится беспорядочная личность, мы ее выпроваживаемъ, и тѣмъ дѣло кончается».

«Мнѣ говорили, громѣ того, что кроткимъ обхожденіемъ можно было почти все сдѣлать съ этой пестрой колоніею, и что всѣ они выражали и, повидимому, чувствовали искреннюю благодарность за оказываемую имъ помощь. Смотритель сказалъ, что между ночными товарищами рѣдко заводится дружба. Они приходятъ,

вдѣть, согрѣваются и уходятъ утромъ каждый своей дорогой — поодиночѣ. Горе ихъ слишкомъ велико для товарищества.

«Что же касается до мальчиговъ, то эта молодежь отсылалась въ отдѣльную колонію «корыть», куда они вырѣли и тамъ валялись съ обыкновенною манерою городскихъ бедуновъ. Я узналъ, что «заведеніе» (употребляя это простое выраженіе) относится къ мальчигамъ нѣсколько недоувѣрчиво. Они часто биваютъ безпокойны, и потому когда есть возможность, ихъ отсылають въ спальни «инколъ для лохмотниковъ», въ которыхъ, по словамъ моего проводника, ихъ заставляютъ прежде учиться, а потомъ уже класть спать, что имъ очень не нравится. Бываетъ еще и такъ, что иные родители, желая избавиться отъ хлопотъ доставленія своимъ дѣтамъ ужина и постели, посылають одного или нѣсколькихъ изъ нихъ въ пріютъ; тамъ, гдѣ свободное мѣсто имѣетъ такую высокую цѣну, понятно, что неаравильное введеніе хотя бы одного лишняго лица должно тщательно устраняться.

«Пріютъ открывается послѣ пяти часовъ вечера, и швейцаръ находитса на своемъ мѣстѣ всю ночь для посѣтителей, требующихъ безотлагательнаго приѣма. Огонь въ печкѣ и газъ также не потушаютъ цѣлую ночь, и смотритель со смотрительницей сидятъ тутъ, на случай какой-нибудь надобности. Пришедшіе въ пріютъ на ночлегъ въ субботу пользуются правомъ оставаться тамъ въ теченіе цѣлаго воскресенья. Имъ дается лишняя порція хлѣба съ тремя унциями сыру; утромъ и послѣ полудня совершается божественная служба. Въ Лондонѣ существуетъ много праздничныхъ дней покоя или такъ-называемыхъ субботъ: суббота укуса, суббота бархата и атласа, суббота раскаленной вечерги, суббота экипажей, мрачно-лѣтняя суббота, суббота трубокъ и горшковъ; но я сомнѣваюсь, чтобы которая-нибудь изъ нихъ могла сравниться съ днемъ покоя, проводимымъ въ этомъ жалкомъ «театральномъ дворѣ», съ истинной субботой покоя, мира и милосердія.

«Послѣ этого мы пошли на женскую половину. Расположеніе точно такое, какъ и на мужской половинѣ, съ тою разницею, что одна комната назначена для женщинъ съ семействами; тамъ перегородки между кроватями сняты, чтобы дѣти могли спать вмѣстѣ со своими матерями. Мы прошли между рядами постелей, замѣтивъ и здѣсь почти неизмѣнно такое же угрюмое, утомленное, бдительное молчаніе, хотя, какъ мнѣ говорили, невнужденное. Единственное запрещеніе, это запрещеніе курить. По временамъ, какая-нибудь худощавая дѣвушка, распустивъ свои черные волосы, приподнималась на постели и смотрѣла на насъ; гдѣ-нибудь, оборванная фигура изъ числа тѣхъ, которыя сидѣли въ ожиданіи, когда комната внизу освободится для ихъ принятія, поднималась со скамейки и отпускала намъ поклонъ, но общая тишина была глубокая и неизмѣнная. Тутъ же хлопотала безшуму приличная женщина со своей помощницей, которая смот-

рѣла странно среди всѣхъ этихъ лохмотьевъ; это была хорошая дѣвушка въ локонахъ и въ лентахъ. Каждый забылъ бы здѣсь, что подобное существо возможно. Я заговорилъ съ нѣкоторыми изъ женщинъ, сидѣвшихъ на скамейкахъ. Это все была та же старая исторія. Работа иглой за ничтожную цѣну, невозможность заплатить два пени за квартиру, друзей никого, полная безпомощность; или это, или смерть.

«Было нѣсколько (и число ихъ, какъ я слышалъ, постоянно увеличивается) женъ милиціонныхъ солдатъ, или людей изъ сухопутнаго перевозочнаго и армейскаго рабочаго корпусовъ. Мужья были отправлены на войну, жены не имѣли никакого права обратиться въ постоянное «общество для помощи воинскимъ чинамъ», не получали никакой части изъ жалованья своихъ мужей, оставались безъ пріюта и голодали.

«Я остановился и долго смотрѣлъ на комнату, гдѣ были женщины и дѣти. Они улеглись, несчастные, беспорядочно: одинъ прикорнулъ головою у ногъ другаго, поперегъ постели, какъ попало, чтобъ было теплѣе; всѣ лежали свернувшись, скорчившись подъ покрывалами, по временамъ тихо плакали. При видѣ этого торжественнаго, безмолвнаго, ужаснаго зрѣлища, вы содрогаетесь. Задайте себѣ вопросъ — по какому праву вы согрѣты, счастливы, сыты, хорошо одѣты, а эти несчастныя созданія, ваши братья и сестры, не имѣютъ лучшей пищи и лучшаго жилища, кромѣ этого? Еслибы не мраморный полъ и не чаны съ водой, то это мѣсто могло бы быть конурой для собакъ; еслибы не лохмотья и не этотъ рядъ глазъ, то можно бы было подумать, что тутъ помѣщается овчарня барановъ со Смитфильдскаго рынка.

«Наконецъ, я сошелъ съ лѣстницы; больше нечего было смотрѣть. Изъ дальнѣйшаго разговора съ секретаремъ я узналъ, что среднее число людей, неимѣющихъ пристанища, которые принимаются здѣсь на ночь, составляетъ 550, но что помѣщеніе рассчитано на 600. Взглянувъ на балансъ расходовъ общества, я нашелъ, что итогъ издержекъ на пріютъ (кромѣ уплаты ренты) менѣе тысячи фунтовъ. Тысяча фунтовъ! мы сжигаемъ ихъ на порохъ; мы тратимъ ихъ на дурачїе колпаки дипломатів; мы даемъ ихъ каждый мѣсяцъ достопочтеннымъ джентльменамъ за то, что они ничего не дѣлаютъ или портятъ дѣло, которое люди дѣльные исполнили бы лучше. Тысяча фунтовъ! Ее недостаточно на жалованье помощнику какого-нибудь военнаго начальника; ее едва достаточно для пенсїи помощнику протонотариуса. Тысяча фунтовъ! Должностное лицо отнеслось бы къ нимъ съ пренебреженіемъ, еслибы ему предложили эту сумму въ видѣ вознагражденія за потерю должности. Тысяча фунтовъ! Цифра эта раздавалась у меня въ ухахъ, когда я шелъ обратно чрезъ Смитфильдъ. По крайней-мѣрѣ, общество покровительства безпріютныхъ, за свои десять сотенъ фунтовъ, спасетъ въ годъ нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней.

«Я остаюсь при томъ убѣжденїи, что мужчины и женщины уни-

режутъ ночью въ нашия новолетники улыкала потому, что у насъ нѣтъ куса мяса, гдѣ прова, куда бы они могли прожонить свои жалкія головы. Фактъ, хотя и оставленный безъ вниманія людьми, наглядно показываетъ, что въ обществѣ, гдѣ подобныя явленія возможны, существуютъ элементы совершенно негодныя и гнидятся гниль и порча».

Окончивъ этотъ рассказъ, разумѣется, каждый, прежде всего, принесетъ должную дань уваженія и благодарности человѣколюбивымъ учредителямъ этого благотѣльного общества и пожелаеъ основанія подобныкъ заведеній и во всѣхъ другихъ столицахъ, но велѣдъ затѣмъ во всякой свѣтлой головѣ должны родиться крайне безотрадныя мысли и, соглашаясь вполне съ послѣдними словами разсказа г. Сага, каждый неизбежно выведетъ заключеніе, что общественная «гниль и порча» не вылечиваются даже и самымъ высокимъ милосердіемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

И.

Перемелется — мука будетъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. И. В. Самарина.

Въ прошлый театральнй сезонъ мы имѣли драму г. Стебницкаго, комедію г. Чернавскаго и, наконецъ, комедію г-жи Себиновой «Демократическій подвигъ» — три проваденія, въ которыхъ вполне выразился нашъ положительный нигилизмъ, тотъ нигилизмъ, который учитъ мыслать затѣнкомъ и кричатъ: «пожаръ!» при малѣйшемъ сознательномъ движеніи жизни впередъ. О первыхъ двухъ пьесахъ мы уже отдали отчетъ въ нашемъ журналѣ; что же касается до третьей, то она свидѣтельствуетъ только о томъ, къ какому тенденціозно-наружательнымъ подделкамъ можетъ быть способна мысль, доведенная до совершенной неурядицы, и споспѣшествуемая при этомъ крайнимъ недостаткомъ самихъ простыхъ свѣдѣній о свойствахъ чловѣческаго разума и совершеннымъ отсутствіемъ таланта. Болѣе говорить объ этой пьесѣ не стоитъ.

Нынѣшнй театральнй сезонъ начинается, повидному, подъ предзнаменованіями болѣе примирительными. Разумѣется, мы отнюдь не можемъ считать дублику на столько обезпеченною, чтобы до масленицы ея опять не ушибли какимъ-нибудь новымъ «Гражданскимъ бракомъ», но, во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ довольно благополучно. Въ сосѣдствѣ съ «Прекрасною Еленой» (это ли не примирительная пьеса, на которой, повидному, должны сойтись всѣ партіи, какъ литературныя, такъ и политическія!) театр дарятъ намъ новую комедію г. Самарина, названіе кото-

рой значится выше. Предоставляя специалистамъ отчитываться передъ публикой о достоинствахъ «Прекрасной Елены», мы считаемъ излишнимъ, для начала нашихъ бесѣдъ о петербургскихъ театрахъ, сказать нѣсколько словъ о произведеніи г. Самарина.

Комедія «Перемелется—мука будетъ» не безъ претензій. Она дѣлаетъ что-то выразить, что-то оправдать, кому-то оказывать услугу; она видимо не хочетъ, чтобъ ее причисляли въ разрядъ тѣхъ произведеній, къ которымъ принадлежитъ, наприимѣръ, «Демократическій подвѣгъ», и которыя въ умѣ благонамѣренныхъ петербургскихъ столоначальниковъ посѣваютъ сѣмя сомнѣнія насчетъ будущаго Россіи, якобы охваченной пожаромъ отрицанія. Она даже сама нѣчто отрицаетъ, разумѣется, отрицаетъ съ булавочную головку, т.-е. на столько, на сколько капелъдиректоръ Александринскаго театра могутъ выѣстить вещь столь ужасную, какъ отрицаніе.

Въ сущности, пьесѣ г. Самарина было бы всего приличнѣе именоваться такъ: «Дѣтскія мысли, или чего хочу — не знаю, о чемъ тужу—не понимаю». Какъ ни скромно такое названіе, но, во всякомъ случаѣ, оно выражаетъ основную мысль пьесы гораздо полнѣе и точнѣе, нежели заглавіе «Перемелется — мука будетъ», которое не только ничего существеннаго не выражаетъ, но даже оставляетъ зрителя въ недоумѣніи: гдѣ же тутъ мука? и какого она сорта?

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе ясною, расскажемъ прежде всего содержаніе пьесы.

Сцена откривается тѣмъ, что нѣкто Рѣшетовъ (г. Бурдигъ) рассказываетъ своему пріятелю Егорову (г. Малышевъ), какъ онъ, бывши нѣкогда крѣпостнымъ крестьяниномъ графовъ Шитвинскихъ, и замѣтивъ въ своемъ снѣгѣ, Ганѣ, особенную остроту ума, пробовалъ откупиться на волю, какъ Шитвинскій прітѣснялъ его слишкомъ несоразмѣрнымъ запросомъ дѣны крови, и какъ, наконецъ, Положеніе 19-го февраля 1861 года разрѣшило этотъ узелъ, освободивши Рѣшетовыхъ вмѣстѣ съ прочими, помимо согласія гг. Шитвинскихъ. Изъ разговоровъ этихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что Ганя Рѣшетовъ — малый самый отличный, скромень, съ дамами вѣжливъ, съ старшими почтителенъ, съ сверстниками обходителевъ, на лѣвѣхъ исправень, г-жѣ Онопѣ въ «Жизни за царя» не аппледировалъ, а потому и мировымъ судьей Перовымъ ни къ какому наказанію приговоренъ не былъ, и, въ довершеніе всего, до такой степени влюбленъ въ своихъ преподавателей, что даже получилъ за это степенъ кандидата московскаго университета. Покуда пріятели керемиваютъ такимъ образомъ изъ пустаго въ порожнее, приходитъ самъ молодой Рѣшетовъ (г. Нильскій), въ сопровожденіи четверыхъ студентовъ и бутылки шампанскаго...

Шампанское — это какой-то неотразимый атрибутъ г. Нильскаго; оно преслѣдуетъ его, какъ преслѣдовала нѣкогда Эльвира

Донъ-Жуана. Это, впрочемъ, объясняется отчасти складомъ новейшей русской жизни, въ которой ни одного великодушнаго или даже просто благонамѣреннаго начинанія не предпринимается безъ шампанскаго. А такъ-какъ благонамѣренныхъ начинаній пропасть, и во всѣхъ непремѣнно участвуетъ г. Нильскій, то и шампанскаго выпивается тоже пропасть, и во всякой выпивкѣ главнымъ участникомъ и даже иниціаторомъ является тотъ же г. Нильскій. Это сдѣлалось почти народною чертою нашихъ драматическихъ пьесъ, все равно, какъ оплеуха является главнымъ лъстящимъ народности двигателемъ пьесъ французскаго репертуара. Зайдите въ Михайловскій театръ, и вы заранѣе можете быть обезпечены, что если въ спектаклѣ участвуетъ г. Жавенъ или г. Дьёдоннѣ (а они рѣдко въ какой пьесѣ не принимаютъ участія), то кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно получитъ нѣсколько пощечинъ. Это явленіе до такой степени спеціализировалось на обѣихъ сценахъ, что установившаяся обычаемъ номенклатура драматическихъ амплуа становится тѣсною, именно, къ прежнимъ разновидностямъ «первыхъ любовниковъ» требуются прибавить двѣ новыхъ: перваго любовника съ шампанскимъ, и перваго любовника съ пощечинами. Но будемъ продолжать наше изложеніе.

Подаютъ шампанское; молодой Рѣшетовъ объявляетъ, что его посылаютъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ любви къ наукѣ, а покаместъ онъ отправляется на гѣто въ деревню къ графу Борису Федоровичу Шитвинскому, который приглашаетъ его, чтобы давать уроки маленькому своему сыну, Северу. Провозглашаются тосты, отъ которыхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего больше достается нашей alma mater — московскому университету. Бѣдная alma mater! Какимъ невостовымъ ласкамъ, какимъ припадкамъ сыновней нѣжности не подвергалась ты со стороны твоихъ благодарныхъ питомцевъ! О, еслибъ отъ нихъ зависѣло! они, конечно, истрепали бы тебя такъ, что и слѣда не оставили бы твоей первоначальной, исторической красоты. Но въ книгахъ написано: не до конца заслуживши — и вотъ ты цвѣтешь по прежнему, несмотря на утраты, понесенныя тобой въ лицѣ гг. Чичерина, Дмитріева и чуть-чуть не Соловьева... Провозгласивши тосты, господа студенты затягиваютъ: *Gaudeamus igitur*, чѣмъ и доказываютъ, что гг. капелъдиверы Александринскаго театра въ вопросѣ объ образованіи придерживаются преданій классицизма.

Второе дѣйствіе приводитъ насъ въ деревню графа Шитвинскаго (г. Самойловъ). Какъ это заведено уже издревле, у графа, кромѣ сына, есть еще дочь (г-жа Струйска 1-я). Графъ — чловѣкъ либеральный, но памятующій, что въ Петербургѣ издается газета «Вѣсть», которая вообще всѣхъ графовъ снабжаетъ готовыми либеральными афоризмами. Онъ, повидимому, всему сочувствуетъ, даже акцизно-соціально-демократическому либерализму чиновниковъ министерства финансовъ; но строго блюдетъ

чистоту своей графской крови, предполагая, навѣрное, что у графовъ она какая нибудь особенная, и что хотя обновленіе ея, въ крайнемъ случаѣ, и можетъ быть допущено, но только психонью и не иначе, какъ при содѣйствіи другихъ, болѣе цивилизованныхъ національностей, безъ всякой примѣси алцизнаго демократизма. Къ сожалѣнію, онъ не внушилъ этихъ убѣжденій дочери, которая, благодаря такому непростительному пробѣду въ воспитаніи, пошла такъ далеко по пути либерализма, что чуть-было не зашла въ самую трущобу.

Зміемъ-искусителемъ является молодой Рѣшетовъ, который какъ будто нарочно в поѣздку свою за границу отложилъ съ этою цѣлью. Своими разговорами о пользѣ наукъ и о преимуществѣ прилежанія надъ лѣнностью онъ до того отуманилъ голову графини Софьи Борисовны, что не далъ г. Самарину даже времени подготовить зрителя въ драматической катастрофѣ. Второе дѣйствіе уже застаётъ нашихъ влюбленныхъ влюбленными, каковая похвальная ихъ влюбленность проходить и черезъ все третье дѣйствіе. Разговариваютъ они и дома, и ночью въ саду, при свѣтѣ луны. Она рассказываетъ ему, что онъ для нея все, что чрезъ него она увидѣла свѣтъ; но онъ останавливаетъ и охлаждаетъ ея порывы. Онъ говоритъ, что ему надо еще учиться, что онъ изъ вольноотпущенныхъ, что графъ никогда не согласится и т. д. Но она такъ твердо надѣется на либерализмъ своего папаша (очевидно, онъ ухитывался «Вѣстью» тайкомъ отъ домашнихъ), что боится только, чтобъ онъ-то, Ганя Рѣшетовъ, какъ нибудь не отказался и согласился быть ея мужемъ; при чемъ присовокупляетъ, что и ей не вѣкъ же печатные пряники ѣсть, а надо учиться, учиться, учиться... «Ганя!» «София!» восклицаютъ эти любовники науки, и ужъ целуются же они... Боже мой! какъ целуются, повторяя свои клятвы быть вѣрными наукѣ! Тоска по наукѣ такъ и окватываетъ зрителями-столоначальниками при видѣ этихъ надрывающихъ душу сценъ, сопровождаемыхъ поцалуями. «Господи! да вѣдь никакъ и мы ничему не учились?» восклицаютъ они мысленно, и даютъ себѣ клятву на другой же день купить въ гостинномъ дворѣ книжку. Но въ гостинномъ дворѣ, вмѣсто книжки, заворачиваютъ имъ «Бродящія силы» г. Авенариуса; происходитъ печальное *qui pro quo*. Столоначальники опять идутъ въ Александринскій театръ, и опять не могутъ понять, по какой же книжкѣ публично изнываютъ въ стѣнахъ его.

Нѣтъ ничего пагубнѣе подобныхъ недоумѣній, особливо если они посвящаются въ ночное время и при свѣтѣ луны. Какъ разъ примешь одну книжку за другую, и, прочитавши «Жертву вечернюю» г. Боборыкина, получишь фальшивое убѣжденіе, что ознакомился съ «Новѣйшими основаніями науки психологін» и, чего добраго, пожалуй, сочтешь себя образованнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ.

Но для чего же, спросить читатель, эти разговоры объ наукѣ

въ саду, ночью и при лунѣ, тогда какъ, принимая въ расчетъ завѣдомый либерализмъ графа, ихъ можно вести на свободу дома и днемъ? Читатель! хотя мы и не можемъ разрѣшить этотъ вопросъ, но думаемъ, это не болѣе, какъ драматическій приемъ, или, лучше сказать, авторская хитрость, пущенная въ ходъ для того, чтобы явеса не могла растянуться до безконечности. Дѣло въ томъ, что нигдѣ такъ не удобно камердинеру Николаю за-
стать воркующую пару, какъ въ саду, гдѣ онъ тоже прохаживается ночью по своимъ дѣламъ; Николай же читаетъ къ Рѣшетову непримиримую злобу за то, что барышня-графиня слишкомъ исключительно съ нимъ занялась и вслѣдствіе того Рѣшетовъ возгордился. Разумѣется, Рѣшетовъ возгордился совсѣмъ не этимъ, а тѣмъ, что онъ выучилъ книжку; но Николай этого не понимаетъ (можетъ быть, и онъ съ своей стороны считаетъ себя въ правѣ гордиться тѣмъ, что прочиталъ «Вонтельницу» г. Стебницкаго), и доноситъ о своемъ открытіи графу. Графъ

... далъ ему злата и презрѣлъ его,

или попросту выгнать, а змію-Рѣшетову отказать отъ должности, т.-е. тоже выгнать, и тоже далъ на дорогу злата.

Но Соничка очень хорошо помнитъ, что папà ея либераль, и въ ту минуту, когда уже подаются лошади, чтобы увлечь Рѣшетова въ Москву (Николай отправленъ просто на подводу, а можетъ быть даже и пѣшкомъ), она вбѣгаетъ и требуетъ объясненія. Отрывается тайна несчастной любви, провозглашаются устами графа цѣлыя тирады изъ «Вѣсти», начинаются стоны — слабое предкусіе тѣхъ стоновъ, которые ожидаютъ зрителя въ четвертомъ актѣ!

Четвертый актъ — это та темная область стоновъ, въ сравненіи съ которыми ничтоженъ даже могущественный стонъ, который производитъ колеблющіеся тѣни въ глумковскомъ «Орфеѣ». Трудно себѣ представить, чѣмъ можетъ сдѣлаться стонъ, когда производство его поручено театральнымъ начальствомъ г-жѣ Струйской 1-й. Это что-то такое ужасное, передъ чѣмъ, мы увѣрены, не могла бы устоять даже самая непоколебимая административная твердость. Застоны такимъ образомъ недомысливъ-крестьяннинъ — можно сказать навѣрное, что исправникъ простить его! Г-жа Струйская стонеть въ продолженіе получаса безъ отдыха, какъ будто бы угрожая зрителю: «погоди! вотъ въ пятомъ актѣ застонеть г. Нильскій — тогда-то ты почувствуешь!» Этотъ систематическій, преднамѣренный стонъ изрѣдка перемежается непреклонностью стараго графа, который, попрежнему, остается вѣренъ афоризмамъ «Вѣсти». На помощь графу является сестра его, генеральша Каратаева, и тоже убѣждаетъ Софью Борисовну, что ежели что сказано въ «Вѣсти», — такъ тому и быть. Но тщетно все. Г-жа Струйская продолжаетъ стонать, и, наконецъ, захлебнувшись стономъ, падаетъ на сценѣ мертвая.

Мы слѣдили за лицами собравшихся вокругъ столоначальниковъ,

и ясно видѣли въ нихъ недоумѣніе. «Ужели, думалось имъ, страсть къ наукѣ можетъ довести до такихъ пароксизмовъ? ужъ не бросить ли намъ?» Съ другой стороны, можетъ быть, имъ думалось и то: изъ-за чего эта глуленькая дѣвочка стонетъ, когда ей стоило бы только бросить своего тупоумнаго отца, чтобы жить да поживать съ своимъ милымъ Ганичкой да дѣтей наживать? Увы! они не знаютъ, эти неопытные администраторы, коррозивной силы афоризмовъ «Вѣсти»! Они не понимаютъ, что эти афоризмы всасываются въ кровь человѣка и окрашиваютъ ее, особенною краскою, даже до третьяго колѣна! Мы, съ своей стороны, нисколько не удивились ни неистощимой непреклонности графа, ни неистощимой стонательной способности его дочери. Мы тѣмъ болѣе не удивились этому, что знали навѣрное, что г. Самаринъ все это съ тѣмъ и представилъ, чтобы ничему не вѣрили, и что ни подобныхъ графинь, ни подобныхъ графовъ на свѣтѣ не существуетъ.

Многихъ изъ зрителей приводило въ недоумѣніе: что сдѣлалось съ графомъ послѣ такихъ потрясеній? Убѣдился ли онъ въ несостоятельности афоризмовъ «Вѣсти» и сталъ подписываться на «Московскія Вѣдомости»? Или онъ подрѣшилъ себя еще афоризмами «Новаго Временя» и продолжаетъ пропагандировать ученіе о чистотѣ крови? Не онъ ли, прерывшись именованъ г. Сварятина, отправился съ тоски на торжество открытія орловско-витебской желѣзной дороги? раздавалось по театру; не его ли такъ утонченно-извительно отдѣлывъ наши либеральные и любезно-вѣрные смоленскіе сѣтели и дѣтели? Но г. Самаринъ оставилъ этотъ вопросъ безъ отвѣта и, вмѣсто того, чтобы разрѣшить его, предпочелъ прозвести въ пятомъ актѣ новый стонъ, горше перваго.

Пятый актъ составляетъ совершенно лишній придатокъ къ пьесѣ, и г. Самаринъ, безъ ущерба для своего произведенія, могъ бы совсѣмъ уничтожить его. Впрочемъ, онъ могъ бы столь же легко остановиться и на третьемъ актѣ, потому что и тогда уже исходъ драмы ни для кого не подлежалъ сомнѣнію. Но авторъ, какъ видно, человѣкъ солидный и аккуратный: онъ хотѣлъ показать зрителю, что случилось съ его героемъ, Рѣшетовымъ-сыномъ, и какъ онъ перенесъ потерю Сонички, то-есть палъ ли или воспрянулъ. Но съ другой стороны, зачѣмъ же онъ не объяснился съ зрителями насчетъ судьбы стараго графа? Зачѣмъ онъ не показалъ намъ, пересталъ ли пить Егоровъ, какъ живетъ, да поживаетъ Рѣшетовъ-отецъ, и получилъ ли мѣсто и за какое жалованье камердинеръ Николай? Все это такіе промахи, которыхъ онъ, конечно, постарается на будущее время избѣжать, сочинивъ такую комедію, которую мы будемъ смотрѣть три дня и три ночи, но въ которой за то уже ничто не останется необъясненнымъ.

Пятый актъ начинается, подобно первому акту, разговоромъ Рѣшетова-отца съ Егоровымъ, который является на сцену по-

рядочко уж выпивши. Рѣшетовъ разсказываетъ, что сынъ его совсѣмъ испортился: не пьетъ, не ѣстъ, не умывается, а только все толстѣетъ. Слѣдуютъ разсужденія, въ родѣ того: каково-то родительскому сердцу! и за что онъ себя губитъ! и какъ это все приключилось! и т. д. Разсужденія эти позволяютъ безобидно протануть время, новуда Рѣшетовъ-сынъ не сдѣлается снова дѣйствующимъ лицомъ. Но вотъ и онъ. Лицо его распухло и въ пятнахъ (очевидно, онъ не умывается съ тѣхъ поръ, какъ его примчали изъ деревни графа Шятвинскаго), зубы не вычищены, ногти отросли и въ беспорядкѣ; однимъ словомъ, все такъ и говорить въ немъ: вотъ истинная горестъ! вотъ какъ надо оплакивать потери сердца! Начивается стонъ, но, къ удивленію зрителя, Рѣшетовъ-сынъ не только не ослабѣваетъ въ этой тяжелой работѣ, подобно Соничевъ, но какъ будто бы почерпаетъ въ ней новыя силы. Долгое время Егоровъ уговариваетъ его безъ всякой пользы; долгое время коснѣющимъ отъ вина языкомъ онъ довазываетъ, что первое достоинство мужчины есть быстрота и натискъ, что не доучивши книжку, онъ тѣмъ самымъ нагло обманываетъ довѣріе начальства, что у него есть отецъ, о которомъ онъ не долженъ забывать, что онъ, наконецъ, не имѣетъ права бросить науку, ибо за что же она-то будеть страдать, и т. п. Увы! доброе сѣмя не вдругъ принимается въ этой благодарной почвѣ, и Рѣшетовъ-сынъ продолжаетъ стонать, переходя отъ рыданій въ вздохамъ...

Но вотъ онъ задумывается; зрители ожидаютъ, что онъ чахнетъ. Ни чуть не бывало. Онъ вздрагиваетъ, онъ проводитъ рукой по волосамъ, онъ подходитъ къ шкафу съ книгами и беретъ одну изъ нихъ. Конечно! спасительный кризисъ совершился! Изъ стона рыдательнаго, г. Нильскій дѣлаетъ быстрый переходъ въ стонъ лялюющій, и удивляетъ зрителей разнообразіемъ своихъ дарованій. Онъ машетъ книжкою (мы очень хорошо помнимъ, она была въ синей бумажной оберткѣ) и объявляетъ, что отнынѣ его любовницей будетъ одна наука. Учиться!... кто не учился... о, еслибы всѣ учились... все зло отъ того, что мы не учились — вотъ слова, которыя такъ и сыплются градомъ изъ устъ его на зрителей. «Засядемъ въ ночную!» возглашаетъ онъ въ заключеніе, и только быстрое паденіе занавѣсы препятствуетъ намъ видѣть, что шампанское уже готово, и что любовникъ науки приступаетъ къ занятіямъ на первый разъ тѣмъ, что съ гитарой въ рукахъ дирижируетъ: «Gaudemus igitur».

Пьеса кончилась, и дѣль пятаго акта объяснилась. Онъ лишній — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но въ то же время онъ главный, а лишними скорѣе должны быть названы остальные четыре акта — и въ этомъ тоже не можетъ быть сомнѣнія. Бываютъ такія пикантныя положенія въ драматической литературѣ, когда не знаешь сказать навѣрное, что именно лишнее: хорошо бы и такой-то актъ выкинуть, да и такой-то, пожалуй, не дурно... а не вычерпнуть ли всю пьесу? Гм... жалко! но

съ другой стороны, что же дѣлать, мой другъ? Мы, конечно, не принадлежимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя охотно подали бы г. Самарину совѣтъ снять его пьесу съ репертуара, но не принадлежимъ единственно потому, что для насъ рѣшительно все равно, будетъ ли на сценѣ Александринскаго театра одной плохой пьесой болѣе или менѣе.

Таково содержаніе драматическаго опыта г. Самарина. Не имѣвъ подъ рукой подлиннаго текста пьесы, мы, конечно, не можемъ представить читателю выдержекъ изъ нея, но во всякомъ случаѣ, ручаемся, что внутренній смыслъ комедіи переданъ нами вполне согласно съ истиной. Теперь обратимся опять къ тому, съ чего мы начали наше обзорѣніе.

Мы сказали выше, что комедія г. Самарина всего ближе было бы присвоить заглавіе: «Дѣтскія мысли, или чего хочу — не знаю, о чемъ тужу — не понимаю». Постараемся, по мѣрѣ силъ нашихъ, объяснить причины, побудившія насъ высказать такое мнѣніе.

Что такое дѣтскія мысли? Это суть такія мысли, которыя, получивъ право гражданственности, за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова, постепенно изъемятся изъ всеобщаго обращенія, или какъ ненужныя, или какъ слишкомъ общезвѣстныя, но въ то же время продолжаютъ волновать нѣкоторые умы, недостаточно знакомые ни съ исторіей развитія человѣческой мысли, ни съ тою суммою истинъ, которая въ данный моментъ составляетъ ея достоинствѣ. Вслушайтесь въ дѣтскія лепетъ, и вы навѣрное узнаете изъ него множество такихъ истинъ, которыя вамъ не только давно звѣстны, но съ которыми вы отчасти даже ужъ порѣшили, какъ съ непригодными, или имѣющими слишкомъ слабое значеніе, чтобы съ ними нянчиться. Эти истины, конечно, могутъ быть до известной степени интересными, если онѣ составляютъ плодъ самостоятельной умственной работы ребенка; но если этотъ ребенокъ вамъ почему-нибудь дорогъ, то вы, поглядявъ его по головкѣ за остроту ума, все-таки воспѣшите объяснить, что есть истины гораздо болѣе полезныя и плодотворныя, нежели тѣ, до которыхъ онъ дошелъ при помощи собственныхъ усилій. Такъ, напримѣръ, если вы увидите, что ребенокъ, убѣдившись въ пользѣ таблички умноженія, будетъ ломать свою голову надъ ея изобрѣтеніемъ, то, навѣрное, не будете столь жестоки, чтобы скрыть отъ него, что эта табличка уже изобрѣтена. Точно такое явленіе очень часто встрѣчается и въ людяхъ взрослыхъ, съ тою только разницею, что малыя дѣти ищутъ пищи для своей наивной изобрѣтательности въ области міра реальнаго, а дѣти взрослые — въ области міра нравственнаго. Такъ-называемыя общія мѣта, ничего неопредѣляющія, неэксклюзивныя въ себѣ никакого дѣйствительнаго содержанія, становятся въ этихъ случаяхъ таинъ неистощимымъ источникомъ изобрѣтательныхъ наслажденій, въ чадѣ которыхъ всякое даже ничего незначущее слово уже кажется чѣмъ-то плодотворнымъ, проливающимъ новыя и яркія свѣты на живнен-

ни отношеніи. Человѣкъ, провозвѣщающій, въ существѣ, лишь бессодержательные звуки, мнитъ себя новаторомъ, потому только, что никто не далъ себѣ труда объяснить ему, что нѣтъ надобности беспокоиться объ изобрѣтеніи таблички умноженія, какъ скоро она уже изобрѣтена.

Къ числу подобныхъ, давно отвергнутыхъ и отчасти уже упрежденныхъ истинъ принадлежитъ большая часть изрѣченій, такъ называемой, народной мудрости. Если бы кто задумалъ написать трагедію на тему: «праздность есть порокъ», то его трудъ, навѣрное, послужилъ бы только нагляднымъ доказательствомъ этой истины. То же самое должно сказать и объ истинѣ: «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма», которую проводитъ г. Самаринъ въ своей комедіи. Нѣтъ спора, это истина очень почетная, но слишкомъ ошибется тотъ, кто задумаетъ заявить претензію, что онъ первый додумался до нея. Онъ не получитъ правиллегіи на ее пропаганду уже по тому одному, что мысль эта давнымъ-давно свила себѣ гнѣздо въ сердцѣ каждаго изощрена.

Вотъ почему мы, кажется, были правы, предложивши назвать основную мысль комедіи г. Самарина мыслью дѣтскою.

Но сверхъ того, эта мысль поражаетъ насъ и своею чрезвычайною неопредѣленностью. Конечно, ученье — свѣтъ, а неученье — тьма, но исторія человѣческихъ обществъ была свидѣтельницаю учений столь разнообразныхъ и достигавшихъ столь различныхъ дѣлей, что любовь къ относительному дѣйствительнаго значенія, которое скрывается въ этомъ словѣ, дѣлается не только позволительнымъ, но и необходимымъ. Конечно, очень пріятно было слышать изъ устъ г. Самарина проповѣдь о необходимости ученья; но было бы еще пріятнѣе, если бы г. Нильскій объявилъ публикѣ, во крайней-мѣрѣ, заглавіе той книжки, которую онъ такъ усердно махалъ передъ ея глазами. А ну, если и въ самомъ дѣлѣ, это не иная какая книжка, какъ вторая часть «Жертвы Вечерней» г. Боборыкина? Какъ поступать, куда дѣваться съ подобнымъ учениемъ?

Предположимъ, однако, что авторъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ предоставить зрителю свободу выбора. Тѣмъ не менѣе, и за это его похвалать нельзя. Очевидно, онъ забылъ, что такъ-называемыя «явления свободы», вредны вообще, нигдѣ не приводятъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ въ дѣлѣ выбора руководящихъ книжекъ. Здѣсь, свобода не развязываетъ зрителю руки, а напротивъ того, угнетаетъ; онъ чувствуетъ, что отъ него чего-то требуютъ, что его дразнятъ какою-то книжкой, и не будучи въ состояніи уяснить себѣ этихъ поддразниваній, ожесточается. «Да ты самъ-то, полно, знаешь ли, какая у тебя книжка въ рукахъ?» восклицаетъ онъ, и въ неразуміи своего негодованія, скотне смѣшивается и Рѣшетова-сына, и г. Нильскаго, и даже самого г. Самарина.

А между тѣмъ, не было ничего легче, какъ устранить всѣ эти не-

доразумѣніа: стоило только присвоить пьесѣ названіе: «Чего хочу— не знаю, о чемъ туку— не понимаю». Несмотря на свою калущуюся способность, это заглавіе разрѣшило бы многое: оно не только освободило бы почтеннаго автора отъ обязанности называть заглавіе таинственной книжки, но и зрителю дало бы понять, что эта книжка самая безпутная, но по поводу которой нѣтъ даже надобности мучить себя излишнею любознательностію.

Разсказавъ такимъ образомъ содержаніе новой комедіи, и тѣ впечатлѣнія, которыя мы изъ нея вынесли, считаемъ излишнимъ прибавить нѣсколько словъ объ исполненіи пьесы на сценѣ Александринскаго театра.

Персональ петербургской русской сцены возобновляется до крайности туго. Вотъ уже много лѣтъ, какъ не появляется ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго дарованія, между тѣмъ, какъ старіе актеры, въ билое время удовлетворявшіе публику, очевидно, ветшаютъ. Характеръ репертуара въ послѣдніе десять лѣтъ измѣнился на столько же, на сколько измѣнились и самыя интересы русской публики. Въмѣсто «Вулочной» и «Героевъ преферанса», съ грѣхомъ пополамъ изображавшихъ былую современность, явились пьесы тенденціозныя, безкулетныя и имѣющія въ виду одну цѣль: какъ-нибудь такъ ошеломить почтеннѣйшую публику, чтобъ она столь можно дольше не могла поправиться. Нѣтъ спора, что эти наружно-увѣсистыя проивведенія, въ существѣ своемъ, столь же легковѣсны, какъ и «Герои преферанса», но эта увѣсистая легковѣсность имѣеть тотъ неизбежный результатъ, что она совершенно вятѣсняеть со сцены всѣхъ старыхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ актеровъ. У нихъ нѣтъ для подобныхъ пьесъ ни нужныхъ словъ, ни нужныхъ движеній; они и ради бы изобразить радость по случаю, напримѣръ, открытія земскихъ учреждений, но что дѣлать, если руки у нихъ двигаются на оборотъ? То же должно сказать и о такъ-называемыхъ капитальныхъ пьесахъ репертуара. Упразднены дѣльный репертуаръ Полеваго, Зотова, Купольника, и вмѣсто него, на сцену выступили пьесы съ бытовымъ содержаніемъ, но и въ нихъ актеры прежняго времени не появляются, да и появляться не могутъ, потому что привыкли ходить въ порфирѣхъ, а не въ зипунахъ. Положимъ, это бѣда еще небольшая. что мы рѣдко наслаждаемся игрою гг. Григорьева и Каратыгина; но бѣда въ томъ, что вмѣсто нихъ мы слишкомъ часто видимъ гг. Озерова и Шемаева, которые продолжаютъ ихъ традицію на русской сценѣ, забывая, что эта традиція уже анархонизмъ, и что они, сверхъ того, не имѣють въ своемъ распоряженіи и десятой доли той талантливости, которою обладали ихъ предшественники.

Изъ прежнихъ актеровъ остался одинъ Самойловъ, у котораго нашлись и нужныя слова, и нужныя движенія. Правда, что это одинъ изъ тѣхъ немногихъ сценическихъ дѣателей, которые могутъ украсить любую сцену; но, вопервыхъ, въ большинствѣ

пьесъ новаго репетуара онъ все-таки не участвуетъ, а повторять, мы невольно спрашиваемъ себя: что же останется на сценѣ Александринскаго театра, если Самойловъ почему-либо оставитъ ее? Останется, конечно, два-три полезныхъ артиста, а затѣмъ... Подумайте, читатель, что не только Мартыновъ, но даже Максимовъ до сихъ поръ не замѣненъ—а затѣмъ судите, не въ правѣ ли мы ожидать повторенія того же явленія и относительно Самойлова?

Эта бѣдность подготовки составляетъ своего рода загадку, распутать которую было бы весьма небезынтересно. Ни въ одномъ вѣдомствѣ (а сколько ихъ въ нашемъ отечествѣ—одному Богу навѣстно) она не выступаетъ такъ ярко, какъ въ театральномъ. Зайдите въ любой департаментъ, и вы увидите цѣлые легионы молодыхъ столоначальниковъ, которые не только не уступаютъ старшимъ, но развязностью манеръ даже превосходятъ ихъ. Мало того: каждый изъ сихъ малыхъ, едва вступитъ на сцену администраціи, уже таготится своимъ скромнымъ положеніемъ, и угрожаетъ въ непродолжительномъ времени сдѣлаться администраторомъ въ полномъ значеніи этого слова. Загляните въ вѣдомство болѣе подходящее — въ балетъ, и тамъ вы убѣдитесь, что каждый годъ непрерывно приноситъ что-нибудь новое: то г-жу Канциреву, то г-жу Вергину, то г-жу Ваземъ. Вездѣ прогрессъ, вездѣ неторопливое, но неуклонное шествіе впередъ: вводятся самострѣльные ружья, появляются самоговорящіе ораторы, издаются самошпионствующие журналы, выходятъ на сцену самопишущіе литераторы,—тронь только за пружину, и вдругъ все разомъ начинаетъ выкидывать такіе артикулы, что даже сморзѣтъ заворно! Одна русская драматическая сцена до сихъ поръ не успѣла ничего придумать для своего облегченія, даже самоиграющаго актера.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что создать хорошаго столоначальника нетрудно, потому-де, что тутъ нужно только умѣть подшивать бумаги. Но возраженіе это, очевидно, основано на недоразумѣніи, на воспоминаніи о старомъ типѣ петербургскаго столоначальника. Что прежніе столоначальники только подшивали бумаги и нюхали табакъ — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но нынѣшній столоначальникъ смотритъ на свое дѣло уже совсѣмъ другими глазами; онъ бдѣтъ, предусматриваетъ и стоитъ на стражѣ. Поэтому-то, бумаги у него остаются неподшитыми, за то стража и провинительность — превыше всякихъ похвалъ. Не нужно думать, что въ природѣ существуютъ занятія высокія и занятія низкія. Всѣ занятія одинаковы, всѣ требуютъ участія той обременительной для многихъ работы, которая называется работою мозговаго вещества.

Итакъ, особенностями актерскаго ремесла, тайна ни мало не разъясняется. Не разъяснится ли она особеннымъ устройствомъ нашего театральнаго училища, или какими-нибудь оригинальностями, допущенными въ самомъ образѣ командованія россійски-

ми драматическими искусствами? Какъ ни прискорбно такое предложеніе, но, по мнѣнію нашему, оно одно только и можетъ объяснить бѣдность нашего драматическаго персонала. Тѣмъ не менѣе, мы оставляемъ нашу бесѣду объ этомъ предметѣ до другаго раза, вопервыхъ, потому, что статья наша и безъ того вышла достаточно обширна, а вовторыхъ, потому, что мы имѣемъ въ виду собрать достаточное число фактовъ, необходимыхъ для нашей дѣли.

Что касается собственно до исполненія комедіи «Перемелется—мука будетъ», то говорить объ немъ значить говорить объ домѣ г. Самойловъ. Намъ положительно рѣдко случалось видѣть на какой бы то ни было сценѣ игру болѣе умную, изящную и пріятную. Главная задача актера—представить дѣльное лицо (иногда даже и помимо воли автора), была выполнена здѣсь вполне. Г. Самойловъ не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго жеста; повидному, онъ даже позабылъ о томъ, что актеръ долженъ непременно что-то изображать. Онъ жилъ на сценѣ, а не изображалъ.

Изъ остальныхъ актеровъ, упомянемъ о гг. Бурдинѣ и Горбуновѣ, которые сыграли свои роли весьма прилично. Но за то г. Нильскій, г-жа Струйская 1-я...

III.

РУССКАЯ ОПЕРА.

Своеобразие публички. — Комитетъ, учрежденный для обсужденія вопроса: что болѣе по вкусу публики — итальянская, русская или французская (комическая) опера? — Временное торжество итальянцевъ. — Поворотъ въ пользу національной оперной труппы. — Музыкальный эллитизмъ. — Г-жа Лавровская ученица здѣшней консерваторіи. — Бѣглый очеркъ исполненныхъ г-жей Лавровской партій въ трехъ операхъ: въ «Жизни за царя», въ оперѣ Глюка «Орфей» и въ «Трубадурѣ». — Вагнеръ. — Обзоръ статей, написанныхъ по поводу постановки «Лоэнгринъ» на нашей сценѣ.

Не даромъ слово «публичка» женскаго рода. Подобно женщинѣ, *почтеннѣйшая публичка* (говоря афишечнымъ языкомъ) своевольна, непостоянна, и какъ подобаетъ быть великосвѣтской женщинѣ — своевольна и вліятельна. Въ половинѣ сезона 1866 года, залъ Большаго театра, вдругъ ни съ того ни съ сего, начала пустѣть во время представленій итальянской оперы. Въ составѣ тогдашней итальянской труппы находились тѣ же, прежніе любимцы публики: миловидная, нѣсколько вслогоголосая, но драматическая (на французскій манеръ) Барбо; энергическій, хотя и поблекшій Тамберликъ; сладковзвучный, впрочемъ, приторный отчасти Граціани и проч. и проч.

Въ отношеніи состава итальянской труппы, казаюсь, все обстоитъ благополучно. Иностранные артисты получали громадное жалованье, то-есть отпускали каждый звукъ на вѣсъ золота, и продолжали еще пользоваться европейскою славой — чего же болѣе? Въ отношеніи репертуара также нельзя было пожаловаться. Публику продолжали угощать любимыми операми, подноси для эстетическихъ ей наслажденій въ сотнѣй разъ: «Дучіо», «Троваторе», «Травіату» и проч. и проч. Казалось, ничего лучшаго и желать не оставалось бы? а между тѣмъ, своеобразная, нестойкая публика вдругъ заупрямилась и перестала воспринимать представленія недавно еще превосходной, излюбленной ею итальянской труппы. Дѣло выходило серьезное! Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, платить груди золота ни за что, ни про что!

Вслѣдствіе этого неравнѣснаго абсентеизма публики, рѣшено было въ то время не возобновлять контрактовъ съ итальянскими пѣвцами и распустить ихъ по домамъ. Такъ и сдѣлано было; но тотчасъ же возникъ вопросъ: чѣмъ же замѣнить упраздненную оперу? Для обсужденія этого вопроса учрежденъ былъ комитетъ, составленный не столько изъ специалистовъ въ музыкальномъ дѣлѣ, сколько изъ людей бывалыхъ, опытныхъ въ отношеніи нравовъ и обычаевъ петербургской публики.

Обсужденія и пренія комитета оставались, конечно, тайною для большинства публики, но кой-какіе отголоски доходили и до нея. Говорили, между прочимъ, что въ комитетѣ предложено было однимъ изъ членовъ попробовать возобновить у насъ французскую комическую оперу, по примѣру того, какъ это было при Екаторинѣ II и въ началѣ текущаго столѣтія. Предложеніе это не нашло поддержки въ прочихъ членахъ.

Между тѣмъ, въ повременной нашей печати стали болѣе и болѣе раздаваться голоса въ пользу улучшенія и увеличенія состава національной оперной труппы.

Рецензенты угадывали, между прочимъ, что съ давнихъ временъ, лучшіе наши государственные люди стремились водворить у насъ лирическую драму на русской сценѣ. Такъ, напримѣръ, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, былъ выписанъ сюда неаполитанскій композиторъ Арая, которому поручено было написать на русской текстъ (написанный латинскими буквами) большую оперу. Какое впечатлѣніе произвели на публику эти попытки *обрусенія* итальянца, или, наоборотъ, попытки *италианизированія* русскихъ, неизвѣстно; но по дальнѣйшимъ послѣдствіямъ видно, однакоже, что попытки были, вѣроятно, не безуспѣшны, потому, что при Екаторинѣ II послѣднимъ были въ неаполитанскую консерваторію для обученія композиціи молодые русскіе композиторы. Плоды этихъ правительственныхъ командировокъ выразились операми Омина, Титова и другихъ.

Сторонники увеличенія состава, и расширенія и упроченія правъ гражданства національной труппы утверждали, что это послужитъ къ развитію отечественныхъ композиторскихъ талантовъ,

исполнять прочное основаніе русской музыкальной школы, и увеличить кругозор музыкальных наших наслажденій, имѣннѣе репертуаръ, набившій основную ежегодную повтореніемъ однихъ и тѣхъ же оперъ въ теченіе десятиль лѣтъ. Доходили ли до свѣдѣнія членовъ комитета всѣ эти мудрствованія — неизвѣстно; но въ одинъ прекрасный день распространили слухъ, что *ушмемъ* вновь возстановить у насъ итальянскую труппу въ увеличенномъ и обновленномъ составѣ. Рѣшеніе это состоялось, какъ говорятъ, вслѣдствіе формальнаго завіренія одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ комитета, что публика наша не прочь еще слушать многіе сотни разъ одиѣ и тѣ же итальянскія оперы, и что она попрежнему будетъ наполнять залу Большаго театра, лишь бы только залучить ее какою-либо *приманкою* въ видѣ новой, европейской, неизвѣстной еще здѣсь знаменитости.

Слова вліятельнаго члена блистательно оправдались на дѣлѣ, какъ извѣстно.

Приманкою послужила граціозная берлинская пѣвица, г-жа Лука, и—кто бы это подумалъ? — отживающая свой вѣкъ знаменитость, вѣкогда сладковучнѣйшій изъ теноровъ, а нынѣ съ дребезжающимъ голосомъ... Маріо! Остальной составъ труппы оставался отчасти прежній, отчасти же измѣнился вовсе не къ лучшему, тѣмъ не менѣе, своенравная публика толпами кинула въ возобновленную итальянскую оперу, дабы вновь насладиться заученными ею наизусть, можетъ быть, и прелестными, но, увы! до пошлости затасканными мелодіями.

Этотъ новшій взрывъ *итальяноманіи*, привязаній громадные размѣры, распространился, какъ извѣстно, и на *матушину* Москву. И тамъ, говорятъ, у дверей вассы итальянской оперы, дѣло доходитъ чуть не до смертоубійства, а у насъ уже появились въ газетахъ предложенія *трехсотрублевой* преміи за уступку ложи на 16 представлений!

Правъ былъ вліятельный членъ комитета, утверждая, что все дѣло въ *приманкѣ*!

Торжество итальяномановъ, казалось, было полнѣйшее, и на русской оперной сценѣ въ теченіе прошлагодняго сезона настало затишье. Осенью и зимою 1867 года, на Маринскомъ театрѣ было *довольно тихо*, какъ говорится про биржевые фонды. За исключеніемъ постановки новой оперы г. Кашпирева (неимѣвшей особеннаго успѣха), тамъ пробавлялись болѣею частью сборными спектаклями, что почитается, какъ извѣстно, сознаніемъ безсилія труппы.

Но кто признавалъ это безсиліе? Сами исполнители или дирекція?

Дѣло это выяснилось весною текущаго года.

Новый директоръ императорскихъ театровъ, виняиуъ въ дѣло, всмотрѣвшись и вслушавшись, счелъ полезнымъ впустить свѣжую струю въ составъ и русской оперной труппы. Еще до назначенія своего въ званіе директора, А. С. Геденовъ, присутствуя при экза-

менахъ въ консерваторіи, обратилъ вниманіе на одну изъ учениць, одаренную симпатическимъ и отлично выработаннымъ голосомъ. Возникъ въ послѣдствіи намѣреніе, какъ сказано выше, влить новую свѣжую струю въ составъ русской оперной труппы, г. Геденховъ ангажировалъ г-жу Лавровскую, ученицу г-жи Ниссенъ.

Дебютъ г-жи Лавровской въ роли Вани (въ «Жизни за царя») былъ блестящій, чему немало способствовало одно обстоятельство, заслуживающее особеннаго вниманія.

Какъ ни своенравна наша публика, но у нея, какъ вообще во всѣхъ большихъ массахъ, проявляются, повременамъ, трогательныя черты, обозначающія ея восприимчивость и добросердечіе. Первое представленіе «Жизни за царя» съ участіемъ г-жи Лавровской, ученицы консерваторіи, удостоила своимъ присутствіемъ августѣйшая покровительница русскаго музыкальнаго общества. Всѣмъ извѣстно, какое живое участіе Ея Императорской Высочество принимаетъ въ судьбахъ покровительствуемой ею консерваторіи; вслѣдствіе этого, публика, большинство которой не имѣло еще ни малѣйшаго понятія не только о талантѣ, но даже и о звукѣ голоса дебютантки, привѣтствовала появленіе ея на сценѣ единодушными, громкими, продолжительными рукоплесканіями.

Слѣдовательно, первый дебютъ г-жи Лавровской озаменовался *манифестациею*, выражающею сочувствіе къ русскому музыкальному дѣлу вообще; но съ первыхъ же звуковъ дебютныхъ завладѣла сочувствіемъ публики и послѣдующія рукоплесканія принадлежали уже собственно ей.

Голосъ г-жи Лавровской—*mezzo-soprano* достаточнаго протяженія (болѣе двухъ октавъ). Звукъ нижняго ея регистра весьма симпатичен, но слабѣе верхняго, выработаннаго, какъ бы сказать, искусственно, въ ущербъ природнаго тембра голоса.

Нынѣ это искусственное возвышеніе голоса принято всѣми учителями пѣнія, по той причинѣ, что для ограниченнаго контральтоваго діапазона композиторы теперь не любятъ писать эффе́ктивныхъ партій. Но партія Вани написана именно въ предѣлахъ контральтоваго голоса, и поэтому она не совсѣмъ-то соотвѣтствуетъ средствамъ г-жи Лавровской; тѣмъ не менѣе молодая пѣвица обворожила публику симпатическимъ звукомъ голоса, яснымъ и отчетливымъ произношеніемъ словъ и неподдѣльнымъ чувствомъ. Особенно рельефно вышли первый дуэтъ (съ Сусанинымъ) и анданте аріи въ 4-мъ дѣйствіи.

Для втораго дебюта, г-жа Лавровская появилась въ роли Орфея. Это вѣсколюе преждевременно. Партія глукковскаго Орфея, на которой зиждется вся опера, требуетъ не только полнѣйшей артистической зрѣлости, но и классическаго, такъ-сказать, образованія. Чтобы вдуматься въ эту роль, необходимо поближе ознакомиться съ такъ-называемою классическою литературою. Даровитѣйшая и образованнѣйшая изъ пѣвицъ, незабвенная

Полина Виардо, нѣсколько лѣтъ вдумывалась и вчитывалась, прежде чѣмъ рѣшиться (и то уже на закатѣ артистическаго своего поприща) выступить предъ публикою въ роли Орфея. Впрочемъ, нельзя сказать, что г-жа Лавровская неудовлетворительна въ роли Орфея: она и тутъ поетъ хорошо и играетъ прилично, но въ общемъ нѣтъ надлежащей круглоты и законченности.

Для третьяго дебюта г-жа Лавровская появилась въ «Трубадурѣ» Верди, въ роли цыгачки, и тутъ-то оказалось, что истинное призваніе нашей молодой пѣвицы таятъ ее въ сильно драматическіе роли.

Всѣмъ извѣстна нелѣпость содержанія этой оперы. Отчего нареченный снѣгъ цыгачки именуется трубадуромъ, по какому случаю командуетъ онъ войскомъ, и пр. и пр.—все это остается покрыто мракомъ неизвѣстности, но въ оперѣ есть небольшой рассказъ (не во гнѣвъ будь сказано гг. вердифобамъ), отлично написанный, въ которомъ предоставляется полный разгулъ для драматической декламации. Рассказъ этотъ г-жа Лавровская поетъ или; вѣрнѣе сказать, произноситъ отлично, придавая каждому слову и каждому звуку должное значеніе.

По этому образцу смѣло можно вывести заключеніе, что при первомъ удобномъ случаѣ, т.-е. при первой истинно-драматической, вполне осмысленной роли, игра г-жи Лавровской выкажется въ полномъ блескѣ.

Скажемъ въ заключеніе этого бѣлаго обзора дѣятельности новой пѣвицы, что она содѣлалась отнынѣ любимцею публики и что на представленія, въ которыхъ она участвуетъ, постоянно стекается множество зрителей.

Заручившись въ лицѣ г-жи Лавровской надежною *приминкою* (great attraction, какъ говорятъ англичане), дирекція возымѣла похвальную мысль приступить мало по малу и къ удовлетворенію любознательности публики посредствомъ расширенія артистическаго ея кругозора, т.-е. посредствомъ постановки новыхъ, неизвѣстныхъ еще здѣсь оперъ.

Говорятъ, что нѣсколько оперъ русскихъ композиторовъ приняты уже дирекціею и готовятся къ постановкѣ, но въ ожиданіи этого благополучія, намъ дана была возможность прослушать одну изъ оперъ Вагнера въ полномъ ея составѣ.

Пора! давно пора! Болѣе двадцати лѣтъ толки о Вагнерѣ и о предпринятой имъ *реформѣ* въ дѣлѣ лирической драмы волнуютъ весь музыкальный міръ, а петербургскіе меломаны, тратящіе громадные деньги на удовлетвореніе музыкальныхъ своихъ потребностей, слышали до сихъ поръ только кой-какіе отрывки изъ оперъ нѣмецкаго реформатора. Пора было, наконецъ, познакомить насъ основательно хоть съ однимъ изъ произведеній пресловутаго Вагнера, освященнаго въ Парижѣ (за «Тангейзера») и увынчаннымъ лаврами въ большей части Германіи.

Намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе необходимо было познакомиться.

съ произведеніи Вагнера, что ученіе его нустало у насъ значительные ростки.

При появленіи «Юдюн» на нашей сценѣ, узнаемо уже было на сродство между приѣмами г. Сброва и приѣмами Вагнера; ннѣсть есть поводъ предполагать, что вагнеризмъ распространился и промежду молодыхъ людей, невагнеризмъ себя неученію музыки

Замѣченіе это можно вывести, между прочимъ, изъ восторженнаго настроенія духа нѣкоторой части зрителей, присутствующихъ при представленіяхъ «Лоэнгрина». Въ то время, какъ большинство выслушивало всѣ три акта этой оперы холодно, но терпѣливо, — недоумѣвая, повидимому, слѣдуетъ ли слушать или восхищаться, — небольшіе кружки молодыхъ энтузіастовъ восторженно рукожескали. Подобные симптомы современнаго настроенія духа нашей молодежи въ дѣлѣ музыки заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и потому неважное внимание поглубже въ этотъ вопросъ, сдѣлавъ краткій обзоръ статей, появившихся въ повременной нашей печати по поводу постановки «Лоэнгрина» на нашей сценѣ.

Наиболѣе обстоятельныя и пространныя статьи по этому предмету помѣщены были въ газетѣ «Голось» (въ №№ 273, 274, 275 и 278). Три первыя статьи написаны г. Фаминцинымъ, а послѣдняя г. Ростиславомъ.

Рецензенты далеко не сходятся въ мнѣніяхъ насчетъ достоинства и значенія реформы, предпринятой Вагнеромъ, и это способствуетъ разъясненію дѣла.

Г. Фаминцинъ раздѣляетъ статьи свои на три отдѣла: 1) біографія Вагнера, 2) его теорія и 3) разборъ текста и музыки «Лоэнгрина».

Біографіи или, вѣрнѣе сказать, біографическимъ свѣдѣніямъ о Вагнерѣ, заимствованнымъ авторомъ вышеупомянутыхъ статей изъ предисловія, написанныхъ самимъ Вагнеромъ къ изданію текста первыхъ его трехъ оперъ, — г. Фаминцинъ предпосылаетъ слѣдующія слова: «Мы имѣемъ дѣло съ личностью, геніальность которой несомнѣнно выказывается не только въ громадности произведенной имъ реформы, но и въ томъ, что каждое новое произведеніе его, начиная съ первыхъ работъ, обнаруживаетъ несомнѣнный прогрессъ, все болѣе и болѣе приближеніе къ предполагаемому имъ идеалу. Очень ошибутся слушатели, ожидающіе отъ его оперы ряда арій, дуэтовъ и т. д. Вагнеръ является передъ публикою съ совершенно другими воззрѣніями и требованіями. Онъ домогается не музыкальнаго эффекта (sic! это въ оперѣ-то!), а драматической истинны, которая почти исчезла съ оперной сцены. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ; онъ самъ сочиняетъ тексты для своихъ оперъ. Отъ пѣвца онъ требуетъ игры, естественности; нѣведъ его музыкально (sic!) декламируетъ, а оркестръ выражаетъ при этомъ его чувства—отношеніе къ пѣвцу *совершенно новое*» (sic!).

Изъ автобіографическаго очерка видно, что Вагнеру судьба доставляла драгоценный случай ннкъмъ на бытъ *воститамимъ*, какъ онъ выражается. Отець его умеръ, когда онъ еще былъ младенцемъ, вслѣдствіе чего Вагнеръ, предоставленный собственному произволу, съ ребяческаго возраста руководимъ былъ только опытомъ жизни, стремленіемъ къ искусству и собственнымъ разумомъ. «Не бытъ *никкъмъ воститамимъ*, восклицаетъ Вагнеръ, вотъ что ведетъ человѣка къ развитію въ немъ гениальности!»

Механической виртуозности никто не училъ Вагнера, равно какъ и теоріи музыки. Онъ прислушивался; самъ, безъ помощи руководителя, изучалъ великія произведенія какъ драматическихъ, такъ и музыкальных писателей, и только на пятнадцатомъ году своей жизни страстно полюбилъ музыку, ознакомясь съ симфоніями Бетховена.

Это обстоятельство имѣло, повидному, рѣшительное, роковое вліяніе на будущность Вагнера, развивъ въ немъ преобладающее стремленіе къ симфонической музыкѣ.

Повинуясь внезапно возродившемуся въ немъ музыкальному влеченію, Вагнеръ усердно принялся писать сонаты, увертюры, симфоніи, и даже оперы. На восемнадцатомъ году онъ написалъ оперу подъ названіемъ «Фен», заимствовавъ сюжетъ изъ романа Гюгго, и вслѣдъ за нею другую оперу, подъ названіемъ «Запрещенная любовь или палермская послушница», переделанная изъ драмы Шекспира «Measure for measure». Самъ Вагнеръ сознается, что первыя его произведенія написаны были подъ вліяніемъ сочиненій Бетховена, Вебера и даже Маршнера.

Такъ-какъ при изслѣдованіи артистическаго развитія художника, весьма важно каждое обстоятельство, имѣвшее вліяніе на духовное его развитіе вообще, слѣдуетъ замѣтить, что іюльская революція застала Вагнера на 18-мъ году его жизни, то-есть на перынкѣ поразъ художнической его дѣятельности, и возбуждъ въ немъ горячее, восторженное сочувствіе, порѣшила будущее его направленіе въ политическомъ отношеніи. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ въ юности Вагнера два рѣшительныхъ, роковыхъ момента. На пятнадцатомъ году глубокою впечатлѣніемъ, произведенное на него Бетховенскими симфоніями, налагаетъ на него на вѣкъ печать *симфониста*, а восторженное чувство, возбужденное въ немъ событіями іюльской революціи, влечетъ за собой четырнадцатилѣтнее изгнаніе его изъ отечества (съ 1849 по 1863 г.).

Изъ автобіографіи мы узнаемъ, что на 19-мъ году своей жизни Вагнеръ дирижировалъ уже опернымъ оркестромъ, но гдѣ именно — не сказано, что заставляетъ, однако, предполагать, что первыя оперныя его попытки имѣли дѣлоторый успѣхъ, иначе никто не рѣшился бы поставить дирижеромъ молодого, неопытнаго самоучку. Этотъ періодъ своей жизни Вагнеръ описываетъ довольно шморстически:

«Разучиваніе легкихъ французскихъ модныхъ оперъ (вѣроятно, въ нѣмецкомъ переводѣ) и управленіе ими, въ качествѣ опернаго дирижера, доставляли мнѣ — говорить Вагнеръ — искреннее удовольствіе. Меня забавляли и душевно радовали хитрозадуманные (sic! во французскихъ-то операхъ!), нерѣдко упрямые оркестровые эффекты, послушно вылетавшіе направо и налево изъ-подъ моего дирижерскаго жезла. Подъ впечатлѣніемъ пестрой театральной жизни—продолжаетъ Вагнеръ—я искалъ развлеченія въ чувственныхъ наслажденіяхъ; въ музыкальной дѣятельности моей это настроеніе отразилось въ видѣ вѣшнаго, такъ-сказать, мишурнаго блеска и безпокойства моихъ сочиненій. За собственное *нашему стѣку легкомыслію* я поплатился столь же современнымъ вознагражденіемъ (это не совсѣмъ понятно!). Я влюбился, въ порывѣ *пылкой упрямства*, женился, и съ того времени сталъ мучить себя и другихъ отвратительнымъ впечатлѣніемъ крайней бѣдности, физически и нравственно убивающей столько тысячъ людей».

Выходка эта доказываетъ, во первыхъ, что Вагнеръ не совсѣмъ-то доволенъ своею женитьбою, и, вторыхъ, что въ то время денежные его обстоятельства находились, несмотря на дирижерство, въ весьма нецвѣтущемъ положеніи.

За сѣмъ Вагнеромъ овладѣло непреодолимое, впрочемъ, весьма естественное влеченіе вырваться какъ изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, такъ и изъ мелочной нѣмецкой жизни. Его влекло въ Парижъ, а между тѣмъ онъ попался къ намъ — въ Ригу, въ качествѣ также опернаго капельмейстера. Тутъ онъ написалъ первые два акта «Ріэнзи» — оперы, выросшей изъ романа Бульвера, но не ужился въ Ригѣ, и лишенный почти всякихъ средствъ (по какому это случаю, не объяснено), отправился искать счастья въ Парижъ. Тутъ ему пришлось уже совершенно плохо! О постановкѣ «Ріэнзи» на парижской сценѣ онъ потерялъ всякую надежду, и для поддержанія своего существованія и, вѣроятно, существованія несчастной женщины, на которой, по словамъ его, онъ такъ опрометчиво женился, Вагнеръ принужденъ былъ принимать поденные, такъ-сказать, заказы на различныя музыкальныя аранжировки. Вагнеръ, по окончаніи «Ріэнзи», почувствовалъ потребность, какою бы ни было образомъ, излить свое негодованіе, за постигшія его неудачи, и для этого избралъ *критическое поприще*. Вагнеру удалось попасть въ редакцію «Gazette Musicale», и тутъ онъ излагалъ досыта всю накопившуюся въ немъ желчь. По счастью, потребность дѣятельнаго, артистическаго творчества не заглохла въ немъ подъ терніями горькихъ сарказмовъ озлобленнаго критика, и онъ принялся съ энергическимъ рвеніемъ за разработку сюжета новой оперы «Le Vaisseau fantome». «Это было первое народное сказаніе (прибавимъ этъ себя фантастическое, какъ и послѣдующія его оперы) — говоритъ Вагнеръ — глубоко проникнувшее въ мое сердце; меня непреодолимо влекло объяснить и воспроизвести»

его въ видимой формѣ. Съ той поры начинается мое поприще *поэты* (полно, такъ ли?), я перестаю быть поставщикомъ *оперныхъ текстовъ*. Въ то же время Вагнеръ получилъ извѣстіе, что «Ріэнзи» его ставится на дрезденской сценѣ.

Съ той минуты, своенравная фортуна повернулась лицомъ къ Вагнеру. Жаль, что въ автобіографіи, представленной въ извлеченіи г-мъ Фамивцинымъ, не сказано, какимъ образомъ и чрезъ кого Вагнеръ, до того времени неизвѣстный и угнетенный трудными обстоятельствами, добился постановки своей оперы въ Дрезденѣ. Выясненіе этого было бы весьма интересно и поучительно, тѣмъ болѣе, что еще до постановки и успѣха «Ріэнзи» въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ уже согласились принять «Моравасвятальца» (*Le Vaisseau fantôme*), оперы еще неоконченной. Благопріятныя эти извѣстія ободрили Вагнера, но онъ не могъ, однакоже, тотчасъ же оставить Парижъ, и отправиться немедленно туда, куда стремился всѣми помыслами души, за немѣнѣемъ денежныхъ средствъ. «На этотъ разъ — сказано въ автобіографіи — онъ занимался переложеніемъ для фортепьяно оперъ Галеви, но уже не съ прежнимъ чувствомъ оскорбленнаго артиста, а съ юморомъ (*sic!*), въ надеждѣ на скорое улучшеніе обстоятельствъ». Пока Вагнеръ зарабатывалъ необходимыя деньги для путешествія въ Германію, ему попалось подъ руку народное сказаніе о «Тангейзерѣ» и о «Лоэнгринѣ». Знакомство съ этими сказаніями — говоритъ онъ въ автобіографіи — открыло ему, наконецъ, новый міръ поэтическихъ сюжетовъ. Вагнеръ намѣревался-было приняться за историческій сюжетъ (Манфреда), но отвергнулъ на всегда помысли объ историческихъ сюжетахъ на слѣдующихъ основаніяхъ: «Въ исторіи — говоритъ онъ — мнѣ представлялись *обстоятельства* и только обстоятельства, человѣка же я находилъ только обусловленнымъ обстоятельствами, но не обусловляющимъ ихъ. Въ сказаніяхъ же я находилъ не историческую условную фигуру, въ которой одежда интересуетъ насъ болѣе самой фигуры; мнѣ представился *дѣйствительный*, живой человѣкъ, въ которомъ широко и свободно обращается кровь, въ которомъ широко и свободно движеніе мышцъ; словомъ, я увидѣлъ *человѣка*».

Это странное воззрѣніе укоренилось въ Вагнерѣ на двадцать-девятью году его жизни и послужило основаніемъ всей его будущей лирической дѣятельности.

Въ началѣ 1838 года, Вагнеру удалось, наконецъ, скопить небольшую сумму денегъ для путешествія въ Германію. Онъ прибылъ въ Дрезденъ для присутствованія при обѣщанной ему постановкѣ «Ріэнзи». Успѣхъ этой оперы, написанной въ тогдашнихъ условныхъ оперныхъ формахъ, превзошелъ всѣ его ожиданія.

Впечатлѣнія, испытанныя имъ въ то время, изображены въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«... Меня, говорятъ онъ, до того времени неизвѣстнаго, всѣ-

ми покинутого, безпріютнаго, вдругъ полюбили, мнѣ дивились, мною восхищались. Нельзя слишкомъ обвинять меня за то, что послѣ продолжительной борьбы, нищеты, горя, лишеній, радужный, полный дѣбви и поощреній приемъ вскружилъ мнѣ голову и я сталъ предаваться иллюзіямъ, въ которыхъ мнѣ суждено было, впрочемъ, горько разочароваться.

Послѣ блистательнаго успѣха «Риензи», Вагнеру предложено было мѣсто капельмейстера при дрезденскомъ королевскомъ театрѣ и тотчасъ приступлено къ постановкѣ «Моряка скитальца». Тутъ улыбувшаяся-было Вагнеру фортуна вновь отъ него отвернулась и начались горькія разочарованія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ автобіографіи...

«Морякъ скиталець» провалился въ Дрезденѣ, а въ то же время въ Гамбургѣ и въ Берлинѣ потерпѣли совершенный фіаско и «Риензи» и «Морякъ скиталець». Сомнѣніе въ самомъ себѣ закралось въ душу Вагнера и возбудило въ немъ сильную внутреннюю борьбу. «Я зналъ, говоритъ онъ въ автобіографіи, что мнѣ стоило только дѣйствовать на нѣкоторыхъ слабахъ струнахъ публики для того, чтобы достигнуть блистательнаго успѣха; но я съ отвращеніемъ отбросилъ эту мысль. Меня влекло къ чистому, идальному, вдохновенному творчеству, и я съ новою силою и энергією сталъ разрабатывать «Тангейзера», слѣдуя задуманному мною музыкальному идеалу. Этимъ сочиненіемъ, присовокупляетъ Вагнеръ, я подписалъ себѣ смертный приговоръ въ глазахъ операго міра, и болѣе не могъ рассчитывать на жизнь!»

Нельзя не почувствовать этой твердости духа, но не поддѣжить сомнѣнію, что Вагнеръ скорѣй достигнулъ бы предположенной цѣли, т.-е. проведенія и упроченія лирическихъ своихъ принциповъ, еслибы сдѣлалъ во время вой-вадія уступки въ пользу преобладающаго вкуса публики. Твердость духа Вагнера, конечно, заслуживаетъ похвалы, но пропаганда принциповъ, за которые онъ ратуетъ, пострадала отъ его несговорчивости.

Самъ онъ сознаетъ, что изъ пераго представленія «Тангейзера», прослушаннаго дрезденскою публикою съ *медоумтнімъ* и *неудовольствіемъ*, онъ вынесъ убѣжденіе, что «Тангейзеръ» написанъ только для немногихъ близкихъ друзей его, а не для публики, къ которой онъ однако *неволею обращался*, задумывая оперу. Намъ кажется, что еслибы въ то время Вагнеръ вникнулъ бы поглубже въ причины *медоумтнія* и *неудовольствія* большинства публики, то онъ узналъ бы, что она вовсе не отвергаетъ основныхъ его принциповъ, т.-е. драматической правды, правильной декламации, и полнаго симфоническаго содѣйствія оркестра для выраженія данной ситуаціи и для очертанія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Приведеніе въ исполненіе этихъ принциповъ публика приняла бы съ благодарностію и оцѣнила бы сразу оцѣнить; но что поставило ее въ недоумѣніе, и возбудило ее неудовольствіе — это пренебреженіе правъ *человѣческой волюи* въ лирическомъ произведеніи.

Публика не могла примириться съ мыслию, что пѣвцовъ будто бы не существуетъ, а что есть только роли (какъ выразился Вагнеръ въ одномъ изъ своихъ литературныхъ сочиненій). Публика негодовала за то, что пѣвцы, вмѣсто пѣнія, пробаваютъ почти что разговорною рѣчью, предоставляя оркестру очертаніе одушевляющихъ ихъ чувствъ. Вотъ единственная причина, кажется намъ, неуспѣха «Тангейзера» предъ дрезденскою публикою. Еслибы въ то время Вагнеръ принялъ это къ свѣдѣнію, то послѣдующія его произведенія, не отступая ни на шагъ отъ вышеупомянутыхъ основныхъ, совершенно рacionales принциповъ, имѣли бы тотчасъ повсемѣстный успѣхъ. Но мы видимъ что въ этомъ отношеніи онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки, а напротивъ усугублялъ еще въ послѣдующихъ произведеніяхъ подчиненность пѣвцовъ оркестру. Вагнеръ бѣдствовалъ, сокрушался, вновь впалъ въ одиночество и преданъ былъ забвенію, но ни на шагъ не отступилъ отъ предвзятой мысли.

Между постановкою «Тангейзера» въ Дрезденѣ и постановкою «Лоэнгринна» въ Веймарѣ прошло 12 лѣтъ. Постановкѣ этой, Вагнеръ обязанъ знаменитому пѣвцу Листу, находившемуся тогда капельмейстеромъ при веймарскомъ дворѣ.

Весною 1849 года Вагнеръ, компрометированный во время революціоннаго движенія предшествовавшаго года, вынужденъ былъ бѣжать изъ Германіи. Первоначально онъ отправился въ Парижъ, но потерявъ надежду поставить тамъ одно изъ своихъ лирическихъ произведеній, онъ вскорѣ удалился въ Швейцарію. Тамъ онъ принялся вновь за перо—но уже не для писанія музыкальной партитуры, а для изложенія проповѣдуемыхъ имъ принциповъ въ литературной формѣ. Брошюры сочиненія Вагнера подъ названіемъ «Искусство и революція» и «Художественное произведеніе будущности», можно, по справедливости, назвать громкимъ протестомъ противъ общественнаго возрѣнія на искусство. Брошюры эти появились въ 1849 году, и намъ кажется, что чтеніе ихъ болѣе способствовало къ возбужденію въ Францѣ Листѣ сочувствія къ музыкальнымъ произведеніямъ Вагнера, чѣмъ самыя оперы. Какъ бы то ни было, но Листъ содѣлался съ тѣхъ поръ самымъ горячимъ и самымъ дѣятельнымъ сторонникомъ Вагнера, проповѣдая и словомъ и дѣломъ его ученіе. Въ 1850 году онъ поставилъ въ Веймарѣ «Лоэнгринна», и въ то же время написалъ брошюру подъ названіемъ «Лоэнгринъ и Тангейзеръ», въ которой изложилъ главные основанія теоріи Вагнера. Между тѣмъ Вагнеръ находился въ изгнаніи, и одержимый нервическою, тяжелою болѣзнію, прозябалъ въ Парижѣ, куда онъ возвратился изъ Швейцаріи, желая вновь попытаться счастья насчетъ постановки своихъ оперъ. Вагнеръ приходилъ въ отчаяніе и уже намѣревался бросить все и бѣжать, бѣжать отъ людей, самъ не зная куда—какъ вдругъ, неожиданно получилъ извѣстіе, что для него вновь занимается заря счастья, об-

щающая ясные дни. Вотъ въ какихъ пламенныхъ выраженіяхъ Вагнеръ привѣтствуетъ этотъ лучъ надежды:

«Въ это самое время, говорить онъ, мнѣ пришлось узнать полнѣйшую, благороднѣйшую, чистѣйшую любовь, любовь дѣйствительную, безусловную; она возвратила меня искусству. Меня понялъ и вырвалъ изъ отчаяннаго положенія человѣкъ, почти меня незнавшій. Этотъ чудесный другъ—*Франц Листъ*».

Съ тѣхъ поръ счастье окончательно улыбнулось ему—оперы его стали распространяться по всей Германіи и приобретаѣли большую и большую не только извѣстность, но даже популярность. Однажды только въ Парижѣ, лѣтъ семь тому назадъ, «Тангейзеръ» его потерпѣлъ неудачу; но это нисколько не поколебало его убѣжденій, и не помѣшало дальнѣйшей композиторской дѣятельности.

Кромѣ «Риэнзи», «Морскаго скитальца», «Тангейзера» и «Лоэнгрина», Германія ознакомилась уже съ «Нюрнбергскими лѣвцами» (весьма тяжеловѣсною, какъ говорятъ, комическою оперою) и съ «Тристаномъ и Изольдою», выдержавшею въ Мюнхенѣ только нѣсколько представленій, несмотря на могущественную поддержку молодого короля, величайшаго приверженца Вагнеровской музыки.

Нынѣ Вагнеръ занятъ приведеніемъ къ окончанію громаднаго, говорятъ, произведенія: «Кольцо Нибелунга», не отступая отъ зарока, даннаго самому себѣ еще въ молодости—«предпочитать легендарныя и фантастическія сюжеты историческимъ сюжетамъ».

Мы не станемъ слишкомъ много распространяться о такъ называемой «Теоріи Вагнера»; въ основныхъ принципахъ она есть не что иное, какъ продолженіе воззрѣній Глюка на трагическую драму, какъ это доказываетъ весьма убѣдительно другой рецензентъ газеты «Голось», представляя выписки изъ предисловія Глюка къ Альцесту. Скажемъ только въ общихъ чертахъ, къ чему стремится Вагнеръ, судя по тѣмъ его произведеніямъ, которыя извѣстны намъ, и по его брошюрамъ,

Вагнеръ говорить, что у грековъ подъ именемъ «музыки—искусства музъ, подразумѣвались поэзія, пѣніе, инструментальная музыка, декламація и танцы». Отдѣльные элементы въ совокупности входили въ составъ драмы, которая у грековъ имѣла торжественный, возвышенный, религіозный характеръ. Тѣ же элементы и теперь входятъ въ составъ лирической драмы, и торжественность и возвышенность представленія зависятъ совершенно отъ таланта лицъ, занимающихся постановкою.

Намъ кажется, что Вагнеръ не сказалъ ничего особенно новаго, выразивъ желаніе, чтобы лирико-драматическія произведенія «созидались совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ спеціальныхъ по каждой отрасли художниковъ». Стремиться къ наибольшему совершенству весьма законно, и для достиженія этой цѣли, конечно, нужно прибѣгать къ совокупному содѣйствію лучшихъ художниковъ, а не прѣстѣнныхъ ремесленниковъ.

Выразивъ эту, далеко новую мысль, Вагнеръ въ сочиненіи своемъ «Опера и драма» приходитъ къ убѣжденію, что опера въ настоящее время (т.-е. до произведеній Вагнера) дошла до предѣловъ ничтожества и неестественности... «Заблужденіе въ оперной формѣ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что средство къ выраженію (т.-е. музыка) сдѣлалось цѣлю, а цѣль выраженной (драма) средствомъ его». Выражаясь не столь туманно, Вагнеръ могъ бы сказать, что въ лирическихъ произведеніяхъ драма отодвинулась на второй планъ, предоставляя первенство музыкѣ.

Въ краткомъ очеркѣ Вагнеръ обобщаетъ оперную дѣятельность Глюка, Моцарта и Вебера, заслугамъ которыхъ отдаетъ должную дань справедливости, но всею силою негодованія нападаетъ на Россини и въ особенности на ненавистнаго ему по видимому Мейербера. Россини, говоритъ онъ, уничтожилъ окончательно разумное развитіе оперы, сдѣлавъ мелодію единственнымъ, законнымъ факторомъ въ оперѣ, которому рабски должны были подчиниться всѣ прочіе интересы, но болѣе всего дѣятельность поэта, составлявшаго текстъ.

Противъ этого невозможно возражать, если Вагнеръ говоритъ о лирическихъ произведеніяхъ Россини, предшествовавшихъ «Вильгельму Телю». Въ нихъ Россини подчинялъ мелодію не только текстъ либреттиста, но и драматическую ситуацію. Нерѣдко прорывался у него плясовой мотивъ тамъ, гдѣ люди гибли или страдали; но Вагнеръ писалъ обвинительный свой актъ почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ появленія «Вильгельма Теля», и странно, что онъ не обратилъ вниманія на переворотъ, совершившійся въ россиніевской манерѣ. Неужели не замѣтилъ, что въ «Вильгельмѣ Телѣ» характеры дѣйствующихъ лицъ очертаны музыкально, и декламация выдвинута на первый планъ и музыкѣ приданъ мѣстный колоритъ? Все это Вагнеръ, вѣроятно, очень хорошо замѣтилъ, но ему хотѣлось доказать, что самостоятельно, твердо очертанная мелодія — то, что онъ называетъ *мелодическою мазурью*, никуда не годится для лирической драмы. «Не только Россини, восклицаетъ онъ, но и самъ Веберъ придали мелодіи такое рѣшительное значеніе, что она, вырванная изъ драматической связи, даже лишенная словъ, во всей, такъ сказать, *наготнѣ* своей сдѣлалась достоинствомъ публики». Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Вагнеръ возстаетъ противъ господства мелодіи, т.-е. противъ мелодій легко запоминаемыхъ и привлекательныхъ по собственному своему мелодическому достоинству.

О творцѣ «Роберта» и «Гугенотовъ» Вагнеръ отзывается съ проніемъ. Онъ сравниваетъ Мейербера съ *скворцомъ*, который, слѣдуя въ полѣ за плугомъ, съ поспѣшностью ловитъ вырывающихся на поверхность червей. «Ни одно направленіе, говоритъ онъ, не принадлежитъ Мейерберу: каждое изъ нихъ онъ подмѣтилъ и употребилъ въ дѣло съ необыкновеннымъ тщеславіемъ, и притомъ съ такою быстротою, что не успѣвалъ его предше-

ственникъ выговорить слово, какъ у него была уже готова на это слово дѣлая фраза».

Дѣйствительно, Мейерберъ подражалъ Россини въ операхъ, написанныхъ имъ на итальянскій текстъ, но, сочиняя «Роберта», онъ желалъ поддѣлаться подъ стиль французской школы, чему служить доказательствомъ, между прочимъ, множество мелодическихкихъ чертаній, заимствованныхъ имъ изъ извѣстныхъ французскихъ мотивовъ.

Вагнеръ, негодуя на всѣхъ своихъ предшественниковъ за деспотическое ихъ вліяніе на поэта, т.-е. на составителя либретто, вослищаетъ, между прочимъ: «Веберъ желалъ драмы, которая бы всегда, въ каждомъ сценическомъ явансѣ разрѣшалась въ его благородной, задушевной мелодіи; Мейерберъ, напротивъ, искалъ чегонибудь чудовищно-пестраго, исторически-романтическаго, *набожно-чувственнаго, легкомысленно-священнаго, таинственно-дерзкаго (sic), сантиментально-мошеитическаго* въ формѣ драматическаго произведенія, чтобъ имѣть случай сочинять музыку *чудовищно-курьезную*». Не говоря уже о чудовищномъ наборѣ эпитетовъ, въ этой выходкѣ насъ поражаетъ озлобленіе Вагнера, доведшее его, такъ сказать, до абсурда.

Желая поразить противника, онъ поражаетъ и самого себя, включивъ въ номенклатуру порицаемыхъ имъ лирическихъ драмъ и романтическо-историческую. Если «Лоэнгринъ» имѣетъ право гражданства въ лирической драмѣ, то нельзя отказать и «Роберту» въ тѣхъ же правахъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, Вагнеръ приходитъ къ заключенію, что лирическая драма тогда только можетъ усовершенствоваться, когда и текстъ, и музыка воплотятся въ одной и той же головѣ. Противъ этого возражать нечего.

Если въ одномъ и томъ же человѣкѣ соединятся и композиторскія и поэтическія достоинства, то это тѣмъ лучше; но тутъ необходима величайшая осмотрительность. Если композиторы нрѣдко употребляли во зло деспотическую власть надъ либреттистами, то тутъ можетъ видти наоборотъ. Въ данный моментъ, сознаніе собственного достоинства поэта можетъ взять верхъ надъ композиторомъ и заставить сего послѣдняго пожертвовать музыкальною ситуаціею для вышшаго торжества поэтическаго текста. Дабы предупредить подобнаго рода возраженія, Вагнеръ объясняется на этотъ счетъ, въ довольно туманныхъ, впрочемъ, выраженіяхъ:

«... При составленіи эскиза отдѣльныхъ сценъ, говорить онъ, я нисколько не видѣлъ себя вынужденнымъ подчинять ихъ какойнибудь впередъ придуманной музыкальной формѣ, такъ-какъ сцены мои сами обуславливали необходимую для ихъ выраженія въ музыкѣ форму... *И такъ, я нисколько не игралъ роли умиленнаго разрушителя, по принципу формъ арии, дуэта и т. д., но не употреблялъ этихъ формъ, потому что ихъ не требовали мои тексты...*» Сознаніе это весьма важно! Мы видимъ, что Вагнеръ

по принципу не отвергаетъ формъ аріи, дуэтовъ и пр., и между тѣмъ избѣгаетъ ихъ по возможности въ своихъ операхъ. Намъ кажется, что это происходитъ единственно отъ внутренней борьбы, совершающейся въ душѣ человѣка, совмѣщающей въ себѣ и композитора, и либретиста. Вагнеръ утверждаетъ, что онъ не прибѣгаетъ къ извѣстнымъ формамъ аріи и дуэтовъ потому только, что текстъ этого не требуетъ. Полно, такъ ли? Возьмемъ, на примѣръ, одну изъ ситуацій втораго дѣйствія въ «Лоэнгринѣ».

Прелестная Эльза выходитъ на балконъ подышать вечернимъ воздухомъ. Ночь! Кругомъ все тихо. Блѣдные лучи мѣсяца освѣщаютъ стройную фигуру дѣвушки. Все въ ней дышитъ поэзіею, и сладковзвучная мелодія такъ и проситъ сорваться съ устъ восторженной дѣвушки. Въ той части души двойственнаго человѣка, т.-е. композитора-поэта, въ которой властвуетъ композиторъ, уже сложилась мелодія вполне соответствующая данной обстановкѣ, но душа поэта почувствовала, подъ вліяніемъ той же обстановки, непреодолимое влеченіе высказать свои мысли во поводу вечерней прохлады, бродящихъ облаковъ, аромата цвѣтовъ и пр. и пр. Если композиторъ одолѣетъ, то выйдетъ прелестная, пѣвучая мелодія; если же одолѣетъ поэтъ, то выйдетъ мелопея, т.-е. едва очертанная мелодія, предоставляющая первенство слову. Такъ и вышло въ означенной сценѣ втораго дѣйствія «Лоэнгринна». Нельзя сказать, чтобы мелодическая фраза, предоставленная въ этомъ мѣстѣ Эльзѣ, не соответствовала ситуаціи. Напротивъ; но она едва-едва очертана для того именно, чтобы слушатели не потеряли ни одного слова изъ поэтическаго текста. Къ сожалѣнію, композиторъ-поэтъ не достигаетъ своей цѣли.

Большая часть словъ все-таки пропадаетъ, во первыхъ, потому, что большая часть пѣвицъ и пѣвцовъ не довольно ясно и отчетливо произносятъ слова, а восторныхъ, потому, что интересная инструменталія отвлекаетъ вниманіе слушателей. Притомъ же, громадный составъ современныхъ оркестровъ, въ которыхъ струнные инструменты считаются десятками, причиною, что даже и *riapissimo* серинокъ и басовъ, на примѣръ, составляетъ уже значительную массу звуковъ.

Впрочемъ, надо сказать, что возрѣнія Вагнера на мелодію различествуютъ отъ общепринятыхъ понятій. По собственному его сознанію, сначала онъ подражалъ общепринятымъ мелодическимъ формамъ; но когда сталъ заниматься выработкою «Моряка скитальца», то мало по малу, говоритъ онъ, освободился отъ вліянія сильно запечатлѣвающагося слуху новѣйшей (т.-е. итальянской) оперной мелодіи. Ритмическая народная мелодія повела ему болѣе соответствующую вновь избранному нѣмъ направленію; въ «Морякѣ скитальцѣ» онъ и приспособилъ ее, но тамъ только, гдѣ сюжетъ входилъ въ прикосновеніе съ народными элементами. Вездѣ же, гдѣ онъ долженъ былъ выражать ощущенія драмати-

ческих личностей, тамъ онъ воздерживался отъ ритмической народной мелодіи. «Впрочемъ, говорить онъ, мнѣ и въ голову не приходило въ этихъ случаяхъ пользоваться ею; здѣсь я имѣлъ задачу передавать *рѣчь*, причемъ должно было возбуждать звуками *чувство*, а не *образъ* (т.-е. манеру) его музыкальнаго выраженія... Я сталъ *производить* такимъ образомъ мелодію свою изъ вѣрной и осмысленной *декламации рѣчи*».

Легко сказать: «*производить* мелодію изъ осмысленной декламации рѣчи!» Но какъ это сдѣлать? вотъ вопросъ!! Впервыхъ, мелодія есть положительно «дщерь вдохновенія», и слѣдовательно, не подлежитъ *производству*, т.-е. фабрикации, а добывается посредствомъ *творчества*. Вовторыхъ, мелодія, на подобіе словесной рѣчи, состоитъ изъ періодовъ, составленныхъ изъ предложений, съ той существенною разницею, что словесный періодъ можетъ состоять изъ одного предложія (какъ на примѣръ: «Богъ всемогущ!»), а мелодія, состоящая изъ одного только предложія, не есть мелодія, а только мелодическая фраза, требующая развитія. Мелодія содѣлывается удобопонятною или, какъ выражается Вагнеръ, *сильно запечатлѣваемою слуху*, тогда только, когда составляющія ея предложенія находятся въ связи между собою. Пояснимъ это примѣромъ, почерпнутымъ изъ литературы. Вотъ полная картина, обрисованная стихами:

«Гирей сидѣлъ потуля взоръ,
Ягтарь въ устахъ его дымался,
Безмолвно работѣнный дворъ
Взругъ хана грознаго тѣснился!

Изъ этихъ четырехъ стиховъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ предложений, мы получаемъ полное понятіе о личности грознаго хана, о его дѣйствіяхъ въ данный моментъ и, наконецъ, объ окружающихъ его лицахъ. Еслибы вмѣсто этой ясной картины была бы написана слѣдующая (безсмыслица:

«Гирей сидѣлъ потуля взоръ,
А сундукъ въ углу стоялъ —
Ханъ Гирей не видалъ,
Спотыкнулся и упалъ!»

Изъ этого мы узнали бы только, что Гирей — ханъ; но суровъ ли, или благодушенъ — это осталось бы въ неизвѣстности и осталось бы также неразрѣшеннымъ, зачѣмъ сундукъ въ углу стоялъ? и какимъ образомъ Гирей могъ упасть, когда онъ сидѣлъ.

Въ мелодической рѣчи или, вѣрнѣе сказать, въ правильной мелодіи то же самое. Въ ней необходима логическая послѣдовательность, т.-е. связь между предложеніями, иначе мысль улетучивается и слуху представляется только хаотическое впечатлѣ-

нѣ безсвязныхъ звуковъ. Слѣшимъ оговориться. Этимъ примѣромъ мы хотѣли только, по возможности наглядно, доказать, что и въ мелодическихъ періодахъ должна быть логическая послѣдовательность, но не имѣли намѣренія подвести подъ уровень означеннаго примѣра фактуру всѣхъ вообще вагнеровскихъ мелодій. Вся симфоническая часть «Лоэнгрива» построена, напротивъ того, съ замѣчательною логическою послѣдовательностію; то же можно сказать и относительно хоральныхъ нумеровъ, но вантлены солистовъ (дѣйствующихъ лицъ), дѣйствительно, нѣсколько туманны и отзываются *производствомъ* (т.-е. фабрикаціею), а не вдохновеніемъ.

Восторженные поклонники г. Вагнера приписываютъ особенное значеніе постройкѣ и содержанію лирическихъ его драмъ.

Въ *поэмахъ* Вагнера, утверждаютъ они, нѣтъ никакой художности или мишурныхъ эффектовъ, а все основано на художественной правдѣ. Посмотримъ, справедливо ли это показаніе.

Сюжетъ «Лоэнгрива» заимствованъ изъ средневѣковой германской легенды.

«Многимъ, конечно, извѣстно (говорить г. Фаминцынъ въ № 275 «Голоса») сказаніе о священномъ Гралѣ. Гралемъ, по преданію, называлась чаша, сдѣланная изъ драгоцѣннаго камня, изъ которой, во время тайной вечери, Спаситель давалъ пить вино апостоламъ; въ эту же чашу Іосифъ собралъ нѣсколько капель крови изъ раны пригвожденнаго къ кресту Спасителя, послѣ чего драгоцѣнное это сокровище перешло изъ рукъ въ руки, пока не было водворено, наконецъ, на священной горѣ, окруженной непроходимымъ кипариснымъ лѣсомъ, лежащей далеко на востокъ. Чаша сохранялась въ замкѣ или храмѣ, выстроенномъ королемъ Титурелемъ изъ дорогаго дерева, золота и драгоцѣнныхъ камней. Замокъ охраняли рыцари, отличившіеся на землѣ высокими нравственными доблестями. Поступая въ число рыцарей Граля, они продолжали являться на землѣ для защиты невинности, и даже могли оставаться между людьми, но только до тѣхъ поръ, пока сохранялось тайнѣ ихъ знамя. Однимъ изъ преемниковъ Титуреля былъ Персиваль; сынъ его былъ тотъ самый Лоэнгривъ, о которомъ Вагнеръ говоритъ, что онъ искалъ женщины, которая бы всею душою, съ полнѣйшимъ довѣріемъ полюбила его, не спрашивая у него ни имени, ни рода».

Вотъ легенда, послужившая основаніемъ вагнеровской лирической драмы. Расскажемъ вкратцѣ содержаніе самой драмы.

Генрихъ-птицеловъ, король германскій, прибываетъ въ Брабантъ для учиненія суда и расправы. Фридрихъ Тельрамундъ, опекунъ малолѣтнихъ брабантскихъ принцевъ, пользуясь присутствіемъ короля, обвиняетъ Эльзу, принцессу брабантскую, въ убіеніи его брата. По призыванію короля, приводятъ на сцену Эльзу, начѣтъ неповинную, но неимѣющую возможности

оправдаться, за неимѣніемъ юридическихъ доказательствъ. Вся эта сцена судебного разбирательства утомительна и далеко не художественна. Согласно средневѣковымъ обычаямъ, король предлагаетъ Эльзѣ подчиниться испытанію «божьяго суда» то-есть предоставить защиту честнаго ея имени судьбѣ оружія. Эльза соглашается. Король повелѣваетъ глашатаямъ провозгласить обычный вызовъ. По третьему вызову появляется, наконецъ, защитникъ невинности. Вдали на рѣкѣ, видѣнъ челнокъ, влекомый лебедемъ. Издали, и лебедь, и челнокъ, и стоявшій въ немъ витязъ должны, конечно, представляться въ уменьшенномъ видѣ; вслѣдствіе этого, за мѣсто Лознгринна показывается сначала небольшой мальчикъ, который, по мѣрѣ приближенія, преобразовывается въ широкоплечаго г. Никольскаго. Вотъ уже первое, и по вымыслу автора либретто, неизбежное отступленіе отъ художественной правды. За симъ начинается цѣлый рядъ несообразностей. Вопервыхъ, Лознгринъ, чудесное появленіе котораго на челнокѣ, влекомомъ лебедемъ, не могло не возбудить всеобщаго смятенія, продолжительно и преспокойно прощается съ лебедемъ:

«Плыви назадъ (говоритъ онъ) о, лебедь мой!
Путь твой въ даленія моря,
Туда, откуда мы съ тобой;
О, не забудь, мой другъ, меня!
Намъ (?) счастье здѣсь дано судьбой
Прости, прости, о лебедь мой!

Трогательное это прощаніе происходитъ во всеуслышаніе, на глазахъ оцѣпенѣвшей толпы народа, и въ виду короля, преспокойно воссѣдающаго на возвышенномъ мѣстѣ, не взирая на совершившееся чудо, то-есть несмотря на появленіе челнока, влекомаго лебедемъ.

Распростившись съ лебедемъ, Лознгринъ обращается наконецъ къ королю съ привѣтствіемъ. Король отвѣчаетъ, что онъ очень радъ прибытію неизвѣстнаго ему витязя, и предоставляетъ ему защиту обвиняемой. Эльза бросается къ ногамъ Лознгринна, и безъ дальнѣйшихъ околичностей прямо объявляетъ:

«Защитникъ правды! рыцарь мой!
Я вся твоя! умру съ тобой.

Лознгринъ хладнокровно выслушиваетъ это обвиненіе, и даже не даетъ себѣ труда поднять колѣнопреклоненную Эльзу. Это уже не порыцарскія. Долго объясняется Эльза на колѣняхъ, и наконецъ, встаетъ и бросается на шею Лознгрину, несмотря на присутствіе короля, опекуна ея, остолбенѣвшихъ передворцовъ и толпы народа. Странно также, что король разрѣшаетъ состязаніе, то-есть очистительный поединокъ между однимъ изъ под-

властныхъ ему графовъ съ явнымъ чародѣемъ, раздѣвляющимъ на лебедѣ. Все это намъ кажется далеко отъ возвышенной, художественной правды, къ которой, говорятъ, стремится композиторъ-поэтъ Вагнеръ.

Лоэнгринъ побѣждаетъ, разумѣется, обвинителя Фридриха, и рѣшается жениться на Эльзѣ съ условіемъ, что она не будетъ допытываться о его происхожденіи. Но женщины, какъ извѣстно, до крайности любопытны. Несчастливая Эльза не сдержала слово, и въ самый день свадьбы, такъ настойчиво принялась допытывать Лоэнгринна: кто онъ такой? и откуда онъ? что рыцарь Граля, вѣрный своему обѣту, отправился вновь во свояси, покинувъ любопытную Эльзу, которая, впрочемъ, тутъ же, на сценѣ, умираетъ съ горя. Рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подписывающій статьи свои тремя звѣздочками, предлагаетъ назвать эту драму мѣщанскимъ прозвищемъ: «Наказанное любопытство».

Для самолюбія великаго германскаго реформатора, это было бы уже слишкомъ обидно; но нельзя не согласиться, что поэтъ Лоэнгринна не соответствуетъ во многихъ отношеніяхъ тѣмъ возвышеннымъ цѣлямъ, къ которымъ, говорятъ, стремится Вагнеръ. Последняя сцена, на примѣръ, вызываетъ улыбку, а вовсе не то возвышенное впечатлѣніе, на которое рассчитывалъ композиторъ-поэтъ. Смѣшно видѣть, какъ лебедь кувряется въ парусинныя волны, изъ которыхъ возникаетъ человѣчекъ, долженствующій изображать пропавшаго безъ вѣсти брата брабантской принцессы — и какъ голубокъ, замѣнившій лебедя, тянетъ челнокъ на веревочкѣ.

Мы сказали уже въ началѣ статьи, какое впечатлѣніе производитъ на публику опера Вагнера. Большинство слушаетъ ее терпѣливо, съ средоточеннымъ вниманіемъ, но, повидимому, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Небольшой, но восторженный кружокъ любителей восхищается каждымъ ея звукомъ.

Мнѣнія, высказанныя въ поврежденныхъ изданіяхъ, довольно разнообразны.

Г. Фаминцынъ (въ №№ 273, 274 и 275 газеты «Голосъ») безусловно превозноситъ и теорію Вагнера и оперу «Лоэнгринъ».

Рецензентъ «Сына Отечества» отзываясь о постановкѣ «Лоэнгринна» на нашей сценѣ, какъ о великомъ событіи, и самую оперу называетъ образцовой.

Г-нъ П. М. въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» говоритъ, что въ оперѣ Вагнера все вообще представляется продуктомъ глубокаго музыкальнаго ума и знакомства съ силами оркестра (№ 270-й «Вир. Вѣдом.»).

Рецензентъ «Инвалида» отзываясь о «Лоэнгринѣ» съ уваженіемъ, но довольно сдержанно.

Въ разрѣзъ всѣмъ этимъ восхваленіямъ, въ № 278-мъ «С.-Пе-

тербургских Вѣдомостей» является статья, въ которой рецензентъ подъ тремя звѣздочками объявляетъ во всеуслышаніе, «что Вагнеръ — художникъ совершенно бездарный, лишенный творческой способности, и что, къ тому же, въ натурѣ его лежитъ закваска грубаго безвкусія, отъ которой онъ никакъ не можетъ освободиться».

Означенный рецензентъ приучилъ уже читателей къ эксцентрическимъ выходкамъ, но намъ кажется, что въ этомъ отзывѣ срывается именно та *закваска грубаго безвкусія*, которую онъ надѣляетъ Вагнера.

Вообще трудно понять, чего добивается и къ чему стремится господинъ о трехъ звѣздочкахъ.

Однажды, онъ обозвалъ Моцарта пошлякомъ; Вильгельма Теля Россини онъ называетъ тривіальнымъ произведеніемъ; Мейрбера — шарлатаномъ; Мендельсона — кислятиной и т. д.

До сего времени, судя по прежнимъ отзывамъ, мы полагали, что Вагнеръ придется ему по плечу — выходить, что нѣтъ. Увидимъ, что будетъ далѣе, и въ какомъ свѣтѣ выкажется суровый критикъ, когда онъ самъ выступитъ, наконецъ, на поприще композитора, какъ о томъ ходятъ слухи.

Другой рецензентъ газеты «Голось», г. Ростиславъ, не примыкаетъ ни къ безусловнымъ восхвалителямъ «Лоэнгрина», ни къ порицателямъ этой оперы.

Г. Ростиславъ стремится доказать, основываясь на выпискахъ изъ сочиненій Глюка, что главные принципы, такъ-называемой, вагнеровской теоріи, почерпнуты изъ давнишнихъ возрѣній Глюка на лирическую драму. «Подобно Глюку — говоритъ онъ — Вагнеръ возстаетъ противъ преобладанія виртуозности и требуетъ отъ исполнителей выразительности, декламации, а не однихъ только вокальныхъ упражненій».

Подобно Глюку, прибавимъ мы отъ себя, Вагнеръ ищетъ художественной правды, но, судя по вышеупомянутымъ сценамъ въ «Лоэнгринѣ», не всегда этого достигаетъ.

Высказавъ мнѣніе, что первенство реформы въ лирической драмѣ принадлежитъ по праву Глюку, а не Вагнеру, г. Ростиславъ разбираетъ шагъ за шагомъ оперу (въ особенности первое дѣйствіе), отдаетъ справедливость лучшимъ мѣстамъ, указываетъ на то, что онъ почитаетъ недостатками, и относится вообще съ большимъ уваженіемъ къ труду вѣмецкаго композитора. Изъ статьи его можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Хотя онъ и не признаетъ оперу Вагнера за *мировое собитіе*, за ультра-образцовое произведеніе, но видитъ въ ней весьма замѣчательный трудъ, изобличающій въ ея авторѣ весьма талантливаго композитора.

Склоняясь въ пользу этого мнѣнія, мы присовокупимъ, что авторъ «Лоэнгриня» по призванію *симфонистъ*, потому что вся симфоническая часть оперы неизмѣримо выше вокальной. Вообще

во всѣхъ нумерахъ, въ которыхъ по преимуществу участвуютъ хоральныя массы и оркестръ, тамъ Вагнеръ находится въ своей сферѣ; тамъ же, гдѣ должна преобладать одна кантилена, Вагнеръ или увлекается предвзятою теоріею, или слабѣетъ отъ недостатка мелодическаго вдохновенія.

Въ заключеніе обзора музыкальныхъ критикъ, написанныхъ по поводу «Лоэнгрина», мы должны упомянуть о письмѣ извѣстнаго нашего композитора г. Сѣрова, напечатаннаго на французскомъ діалектѣ въ 234-мъ № «Journal de-St.-Petersbourg».

Въ исполненіе возложеннаго на него порученія г. Вагнеромъ касательно наблюденія за постановкою на нашей сценѣ «Лоэнгринъ», г. Сѣровъ почтительнѣйше доноситъ своему довѣрителю, что все обстоитъ благополучно. Онъ хвалитъ г. Николаева, г-жу Платонову, г. Кондратьева—всѣхъ вообще, и совершенно справедливо.

За сямъ онъ отзывается съ большою похвалою о декораціяхъ, о костюмахъ, о пальмейстерѣ, о хорахъ и объ оркестрѣ.

Все это и справедливо и вполнѣ законно; но вотъ что до крайности неловко въ письмѣ нашего соотечественника, предназначеннаго для свѣдѣнія не одного только Вагнера, а опубликованнаго на весь міръ и при томъ въ полуофіціальной газетѣ, издаваемой въ Петербургѣ.

«Что же касается—говоритъ г. Сѣровъ—до нашей музыкальной критики, то это слабая наша сторона. Мы совершенно лишены талантливыхъ и свѣдущихъ людей по этой части. Наша пресса непопулярна, это правда, но она толкуетъ *pro* или *contra*, (то-есть и вкось и вкривь), частію изъ фанатическаго убѣжденія и частію по глупости (*par betise*)».

Неужели г. Сѣровъ позабылъ поговорку, «что выносить соръ изъ избы не слѣдуетъ» и не сообразилъ, что заявленіе его, напечатанное на французскомъ діалектѣ, получить огласку и подастъ весьма невыгодное понятіе объ умственномъ нашемъ развитіи. Притомъ г. Сѣровъ, выражаясь столь абсолютно и столь круто о русской музыкальной критикѣ, выказываетъ, по истинѣ сказать, возмутительную неблагодарность.

Кто, какъ не русская музыкальная критика, вынесла его «Юдифъ», такъ сказать, на плечахъ, объяснивъ недоумѣвающей публикѣ каждый звукъ, и вникнувъ во всѣ намѣренія и поэтическіе отгѣнки автора?

Впрочемъ, можетъ быть, г. Сѣровъ составилъ себѣ особенное понятіе о чувствахъ благодарности.

Онъ, можетъ быть, формулируетъ это понятіе французскимъ изрѣченіемъ: «L'ingratitude c'est le privilège des grands hommes»!

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Петербургскій климатъ и цивилизація. — «Прекрасная Елена» на русской сценѣ; ея дѣйствіе на публику и на дѣтей. — Зимнее занятіе для сельскихъ дамъ и дѣвицъ. — Школы для взрослыхъ; могутъ ли онѣ хорошо идти при теперешнихъ народныхъ учителяхъ и не грѣшно ли учить и учиться въ праздники? — Послѣдніе дни «Педагогическаго собранія». — О паранахъ. — Бить безземельныхъ крестьянъ. — Добрый помѣщикъ. — «Держи ихъ». — Подрывъ коммерціи. — Мужья и жены. — NB.

Самое современное въ настоящую минуту, это — дождь, грязь и холодъ! Вотъ уже болѣе двухъ недѣль подрядъ петербургскіе жители не видали ни одного яснаго дня. Все дождь, дождь и дождь — петербургскій дождь, то-есть самый противный изъ всѣхъ возможныхъ дождей — мелкій, рѣдкій, едва замѣтный; но тѣмъ не менѣе, пронизывающій до мозга костей. Такая погода способна отравить всѣ радости жизни, — особенно у того, кто ихъ и безъ того мало имѣетъ! Она нагоняетъ тоску, отчаяніе и вызываетъ даже на рѣшимость раздѣлаться съ жизнью. Лѣтомъ отравлялъ нашу жизнь дымъ, а теперь отравляетъ ее «петербургская погода».

Но не безпокойтесь за насъ, любезные провинціальныя читатели — мы далеки отъ сплина и отъ всѣхъ страшныхъ послѣдствій его. Мало того, мы даже почти и не замѣчаемъ, что у насъ такая дурная погода. Это далеко не то же, что нашъ недавній гость — дымъ. Тогда мы хотѣли наслаждаться природою, хотѣли гулять, веселиться и, по мѣрѣ надобности, трудиться подъ открытымъ небомъ, сидѣть на балконахъ, у растворенныхъ оконъ. А теперь мы не имѣемъ никакой нужды въ природѣ. Хороша она, свѣтло, тепло, сухо — прекрасно! Нехороша — дождь, слякоть, мракъ — тоже не бѣда! Слава-Богу, мы пережили уже тотъ періодъ развитія, когда люди во всемъ зависѣли отъ внѣшней, неразумной, природы, и если мы не совсѣмъ еще подчинили себѣ эту внѣшнюю, такъ-сказать, уличную природу, за то сумѣли отрѣшиться отъ нея. На улицѣ можетъ быть и дождь, и свѣтъ, и холодъ и что угодно — для насъ это рѣшительно все равно! Въ нашихъ домахъ, театрахъ, клубахъ намъ и тепло, и свѣтло, и уютно; даже тѣмъ теплѣе и уютнѣе, чѣмъ хуже тамъ, на дворѣ. Зимой-то именно Петербургъ и хорошъ, и тѣмъ-то онъ собственно и хорошъ, что въ немъ можно найти всѣ удобства жизни, можно такъ хорошо оградить себя отъ всѣхъ неудобствъ и непріятностей внѣшней, неразумной природы.

Другіе люди живутъ только лѣтомъ, а зимой прозябаютъ; мы же, наоборотъ, лѣтомъ прозябаемъ, а осенью и зимой живемъ. Чувствовать себя хорошо — тепло, сыто, весело — лѣтомъ, на солнышкѣ, на берегу ручейка, подъ тѣнью фруктоваго сада, среди полей и луговъ — невеликая хитрость; а вотъ ухитритесь устроить свое существованіе также точно приятно и удобно при всѣхъ невгодахъ вѣшней природы — это не такъ-то легко! Для этого надобно сперва посѣять, а потомъ и пожать плоды цивилизаціи. Мы хотя и мало ихъ сѣяли, за то пожинаемъ въ изобиліи. Пожинайте ихъ и вы, провинціальныя и сельскіе жители, тогда и вы заживете отлично.

Но вамъ далеко еще до насъ. Мнѣ даже грустно становится при мысли о томъ, какъ вы отстали отъ насъ! Я уже не говорю о томъ, что вамъ никогда не удастся видѣть и слышать божественную А. Патти (ея еще и мы до сегодня не видали), но вы не видали даже и «Елены прекрасной» — ни французской, ни нѣмецкой, ни русской! А мы ее видѣли, всѣхъ трехъ видѣли. Сперва французскую, потомъ нѣмецкую (въ двухъ экземплярахъ), и на дняхъ удостоились видѣть даже русскую. Можетъ ли что сравняться съ блаженствомъ видѣть эту «Елену прекрасную», слышать эти, за душу забвращающіе, мотивы, чувствовать этотъ невыразимый, пробѣгающій по всему тѣлу, трепетъ при видѣ того, какъ прелестная женщина, въ объятіяхъ таковаго же прелестнаго мужчины, падаетъ, падаетъ и, наконецъ, совсѣмъ падаетъ на софу! А кругомъ таинственный полумракъ; оркестръ что-то шепчетъ; правовѣды и лиценсты совсѣмъ замерли и, кажется, хотятъ прыгнуть на сцену; маманьки и сестрицы стараются ничего не видѣть, а папеньки и дяденьки приятно ухмыляются и, такъ сказать, облизываются. Ничего вы этого не видали и не переживали и, можетъ быть, долго еще не увидите и не переживете — бѣдные вы провинціалы и деревенскіе жители! Жаль мнѣ васъ!

Вы, можетъ быть, скажете: и видѣть не желаемъ, потому что это безнравственно.

Безнравственно?... Можетъ быть. И у насъ многіе говорятъ то же самое, хотя въ то же время и сами идутъ и дѣтей своихъ пускаютъ смотрѣть эту безнравственность (я видѣлъ въ одной ложѣ Александринскаго театра цѣлую кучу дѣтей, 7—10-лѣтняго возраста, и всѣ эти дѣти хлопали «Еленѣ прекрасной» самымъ восторженнымъ образомъ). Что для дѣтей нетолько 7, но даже 15 или 17-лѣтняго возраста, «Елена прекрасная» зрѣлище нѣсколько преждевременное, съ этимъ я совершенно согласенъ. Но что касается до нашей обыкновенной театральной публики, то я не нахожу для нея ничего опаснаго и развращающаго въ этой пресловутой «Еленѣ», равно какъ и во всѣхъ подобныхъ ей пьесахъ. Я не скажу, что «масла масломъ не испортишь», потому что это было бы слишкомъ сильно, и въ отношеніи ко многимъ посѣтителемъ нетолько Александринскаго и французскаго театровъ, но даже и въ отношеніи ко многимъ записнымъ,

балетоманамъ несправедливо; но нѣчто подобное можно бы сказать. Конечно, кто никогда не бывалъ ни въ «Эльдорадо», ни на «Минеральныхъ водахъ», ни во французскомъ, ни даже въ Александринскомъ театрѣ и вообще не видывалъ ничего, хоть сколько-нибудь подобнаго «Прекрасной Еленѣ», для того эта «Елена» будетъ зрѣлищемъ, дѣйствительно, слишкомъ приятнымъ. Но такихъ наивныхъ или добродѣтельныхъ людей между зрителями русской «Прекрасной Елены», конечно, не много найдется. Петербургскіе жители привыкли уже ко многому, какъ хорошему, такъ и дурному, и насъ не удивишь ни тѣмъ, ни другимъ. Мы не приходимъ въ экстазъ отъ зрѣлищъ, преисполненныхъ добродѣтели, не рѣшаемся, вслѣдствіе одного того, что мы видимъ или слышимъ что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее хорошее или полезное, сейчасъ же усвоить себѣ это и перенести въ свою жизнь. Равнымъ образомъ и дурное не дѣйствуетъ на насъ непремѣнно одурающимъ образомъ. Въ большинствѣ случаевъ, мы относимся ко всему этому только наблюдательнымъ образомъ. Вотъ эта прекрасная «Елена» дается у насъ на сценѣ уже третій (или четвертый?) годъ, но особеннаго ухудшенія нравовъ отъ этого не видно. Мы знаемъ, что при каждомъ представленіи этой пьесы на французской и нѣмецкой и теперь вотъ на русской сценѣ извѣстные юноши наполняютъ собою театръ и высказываютъ свое полнѣйшее сочувствіе разнымъ пикантнымъ мѣстамъ этой пьески. Но заключать изъ этого о томъ, что, будто бы, прежде, до появленія у насъ на сценѣ подобной пьесы, юноши эти не сочувствовали ничему пикантному, или даже, что они можетъ быть и понятія не имѣли ни о какой пикантности и безнравственности, было бы слишкомъ несправедливо. Стоитъ только вспомнить о разныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, сценахъ и подвигахъ на Невскомъ, въ Пассажѣ, на «Минеральныхъ водахъ», въ «Шато-де-Флѣрь» и т. п., или объ извѣстныхъ... анимальныхъ десертахъ, гдѣ на блюдахъ подавались къ столу женщины *sans habit*. Въ настоящее время только выступаетъ наружу, дѣлается явно, при тысячахъ зрителей, то, что прежде дѣлалось и чему высказывалось сочувствіе тайно, въ кругу посвященныхъ. Большой разницы здѣсь нѣтъ. Это едва-ли даже не шагъ къ лучшему; по крайней-мѣрѣ, это послѣдній шагъ на этомъ непохвальномъ пути. Потому что чего же еще ожидать за симъ? Анимальныхъ десертовъ? Но на сценѣ они невозможны, а въ посвященныхъ кружкахъ они потеряли уже интересъ новизны и не могутъ быть болѣе пикантны. По необходимости должно будетъ послѣдовать пресыщеніе. Возбужденію этого чувства много могла бы помочь та часть публики, которая имѣетъ и понимаетъ и другіе еще интересы въ жизни, кромѣ этихъ — эротическихъ, хотя бы тѣмъ, чтобы поднимать на смѣхъ слишкомъ усердныхъ поклонниковъ «Прекрасной Елены».

Въ настоящее время еще трудно отличить въ Александрин-

скомъ театрѣ истыхъ, записныхъ поклонниковъ этой пьесы, отъ случайныхъ. Пьеса эта дана была по настоящее время всего только 7 или 8 разъ. Театръ постоянно полонъ; билеты достаются съ величайшимъ трудомъ, за нихъ платятъ вдвое, втрое, въ пятеро противу настоящей цѣны (одинъ барышникъ увѣрялъ меня, что еслибы у него былъ пятирублевый билетъ въ бель-этажъ, для 3 представленія, то онъ сейчасъ же продалъ бы его за 50 руб.). Русскую «Прекрасную Елену» спѣшать видѣть всѣ: одни, чтобы посмотрѣть, какъ эта пьеса играется на русскомъ театрѣ; другіе чтобы насладиться знакомыми картинками; третьи — просто, чтобы посмотрѣть, что это за «Прекрасная Елена», о которой такъ много говорятъ. Судить о томъ, какъ русская (т.-е. собственно александринская публика) относится къ этой пьесѣ, трудно — въ театрѣ повидимому всѣ очень довольны, всѣ веселы и смѣются. Но судить поэтому о томъ, что, будто бы, пьеса эта пришлась всѣмъ какъ нельзя болѣе по вкусу, еще нельзя. Одни смѣются дѣйствительно потому, что чувствуютъ себя необыкновенно пріятно; другіе смѣются не болѣе и не менѣе, какъ надъ исполнителями; третьи — надъ глупостью многихъ мѣстъ пьесы; четвертые — надъ своими сосѣдями, приходящими отъ всей этой пикантности - галиматии въ восторгъ; наконецъ, пятые смѣются надъ самими собою, что и они сочли своимъ долгомъ непремѣнно посмотрѣть эту пресловутую пьесу. Но есть и такіе, которые не смѣются, а сердятся. Они не удовлетворены. Они ожидали большаго, имъ слишкомъ много наговорили о пикантности пьесы. И вдругъ самое большее, самое пикантное только то, что Елена въ объятіяхъ Париса падаетъ на софу! Не знаю, много ли было такихъ недовольныхъ, но по крайней-мѣрѣ одинъ изъ моихъ сосѣдей высказывалъ такое недовольство довольно громко. И это даже въ отношеніи къ русской «Прекрасной Еленѣ», съ ея исполнительницей г-жею Лядовой, которая, единственная изъ всѣхъ видѣнныхъ мною шести (!) исполнительницъ этой роли, въ извѣстной сценѣ въ спальнѣ, не довольствуется простымъ обниманіемъ, но даже падаетъ!...

Чему смѣются и отчего приходатъ въ восторгъ 7—10 лѣтнія дѣти, занимающія съ папашами и мамашами нѣкоторыя ложи бель-этажа, я не знаю; но во всякомъ случаѣ это слишкомъ не педагогически начинать воспитаніе дѣтей съ такихъ зрѣлищъ, какъ «Прекрасная Елена», и со стороны той части публики, которая понимаетъ это, было бы очень не лишне громко высказать свое негодованіе при видѣ того, какъ глупые родители привозятъ на представленіе подобныхъ пьесъ своихъ 7 — 10 лѣтнихъ дѣтей.

Отъ изложенія содержанія этой пьесы, хотя уже и старой для Петербурга, но новой собственно для русской сцены, равнымъ образомъ и отъ разбора игры исполнителей и описанія костюма главной исполнительницы (а костюмъ ея играетъ здѣсь не ма-

луду роль), я себя увольняю. Я потому только и о появленіи этой пьесы на русской сценѣ заговорилъ, чтобы показать провинціальнымъ читателямъ, чѣмъ мы теперь болѣе всего интересуемся и какъ умѣемъ отрѣшиться отъ всякихъ непріятностей окружающей насъ виѣшной природы. «Прекрасная Елена», «Царь Кандавлъ» (это есть такой балетъ, въ которомъ мужъ показываетъ пріятелю свою жену *sans habit*; а жена на это обижается и заставляетъ мужнинаго пріятеля убить за это ея мужа и жениться на ней), ожиданіе пріѣзда Ад. Патти, клубныя маскарады и т. п. интересы, заставляютъ насъ совершенно не замѣчать, что мы въ полномъ разгарѣ петербургской осени.

Но каково-то жить теперь въ провинціи, и особенно въ деревнѣ! Боже мой, какая, я думаю, тоска и скука! Конечно, карты и тамъ есть, и въ стуколку играть тоже умѣютъ; есть и унылыя фортепiano, можетъ быть, даже цѣлыя военные оркестры, подъ звуки которыхъ можно и танцовать, и сплетничать, и въ любви объясняться; есть, по увѣренію нѣкоторыхъ знатоковъ провинціального быта, и мадера въ изобиліи; но я разумѣю не тѣхъ провинціальныхъ жителей, у которыхъ все это есть, а тѣхъ, у которыхъ ничего этого нѣтъ, или и есть, могло бы быть, но они желали бы жить болѣе разумною жизнью. Чтò дѣлаютъ эти провинціальныя и деревенскія жители?

Чтò дѣлаете вы, образованныя дамы и дѣвицы, живущія въ скучное осеннее и зимнее время въ деревнѣ? Вѣроятно, читаете газеты, романы и журналы, а между этимъ занятіемъ,—мечтаете, скучаете и жалуетесь на то, что кругомъ васъ такъ безлюдно? Знаете, чтò предложилъ бы я вамъ для того, чтобы вы могли разогнать свою скуку? Петербургскія дамы заявили желаніе учиться и просятъ открыть для нихъ лекціи при университетѣ; московскія дамы заявили то же самое; смоленскія, полтавскія, калишскія прислали, по этому поводу, сочувственныя адреса. Вѣроятно, и много найдется еще женщинъ и дѣвицъ, которыя сочувствуютъ этому, которыя желали бы учиться; а тѣ, которыя будутъ лишены возможности посѣщать университетскія лекціи, будутъ завидовать этому, и еще болѣе скучать въ своемъ сельскомъ уединеніи. Но какъ бы вы наполнили свою жизнь, сколько это доставило бы вамъ развлечения и, по всей вѣроятности, наслажденія, если бы вы послѣдовали примѣру тѣхъ двухъ деревенскихъ дѣвицъ, дочерей помѣщика, которыя всю прошедшую зиму занимались обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ? Если вы будете имѣть и университетскія дипломы, а кругомъ васъ попрежнему будутъ сотни людей не только мало образованныхъ, но даже безграмотныхъ, — ваша жизнь будетъ попрежнему скучна и лишена всякихъ удобствъ цивилизованныхъ странъ. Въ сочувственномъ адресѣ калишскихъ дамъ, между прочимъ, говорится: «первоначальное воспитаніе и образованіе дѣтей въ Америкѣ, ввѣрено исключительно женщинамъ. И у насъ университетское образованіе доставитъ сотнямъ женщинъ средства серьезно преподавать науку»...

Это совершенно вѣрно, и противъ того, чтобы женщины, научившись образомъ образованныя, сдѣлались преподавательницами наукъ, нельзя ничего сказать. Но для того, чтобы учить людей грамотѣ или сообщать имъ общія понятія объ исторіи, географіи и отчасти литературѣ, нѣтъ необходимости имѣть университетскій дипломъ, — на столько-то, вѣроятно, учена каждая шестнадцатилетняя двѣнадцатилѣтняя дѣвица, умѣющая говорить пофранцузски и играть на фортепіано. Покажите же свою любовь къ просвѣщенію не на томъ только, чтобы самимъ просвѣщаться, но и на томъ, чтобы другихъ просвѣщать, и если вы заявляли свое желаніе учиться, не боясь глупыхъ насмѣшекъ... синихъ колпаковъ, то нечего бояться вамъ и пересудовъ и насмѣшекъ разныхъ тѣтушекъ и братцевъ надъ тѣмъ, что вы просвѣщаете этихъ темныхъ людей.

Препятствій другаго рода, болѣе серьезныхъ, вы, въ настоящее время, кажется, не можете встрѣтить. Тѣ времена, когда просвѣщеніе считалось у насъ преступленіемъ или вообще не одобрялось, давно уже прошли; то время, когда просвѣщеніе считалось дѣломъ похвальнымъ, но преслѣдовалось распространеніе его или собственно распространители и распространительницы, тоже прошло уже. Воскресныя школы для дѣтей начинаютъ снова распространяться, хотя и въ другомъ видѣ. Недавно было даже заявлено официальное предложеніе епархіальнымъ архіереямъ открыть народныя школы для взрослыхъ — по вечерамъ и въ нерабочіе дни. Все это, кажется, говоритъ о томъ, что просвѣщеніе народа не считается уже, не можетъ считаться дѣломъ предосудительнымъ и что несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей при томъ, когда вы будете учить крестьянскихъ дѣтей авамъ или сообщать имъ общія свѣдѣнія объ исторіи и географіи, — не будетъ преслѣдоваться, какъ неукосненіе къ нарушенію общественного спокойствія. Притомъ же, вы и ваши отцы и супруги находитесь по всей вѣроятности, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстными властями...

Примитесь же за это доброе и полезное дѣло, — полезное не только для другихъ, но столько же, если еще не больше, и для васъ самихъ, для вашихъ братьевъ и дѣтей, — если только просвѣщеніе вамъ въ самомъ дѣлѣ дорого.

Еще одно возраженіе, но уже самаго комическаго свойства. Это то, что вы, со времени утраты извѣстныхъ отношеній къ крестьянамъ, находитесь съ ними въ не совсѣмъ пріязненныхъ отношеніяхъ...

Но этого возраженія я не хочу и опровергать. Если вы дѣйствительно представите его мнѣ, то я въ отвѣтъ на это только пожелаю вамъ самой сильнѣйшей скуки и самой сквернѣйшей осени, сквернѣйшей зимы, весны и даже самаго невнятнаго, для васъ, гѣта!

Относительно школъ для взрослыхъ я считаю излишнимъ до-
Т. СЛXXXI. — Отд. II. 10

бавить, что ихъ предполагается учредить преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже есть школы для дѣтей; обученіемъ въ нихъ должны будутъ заниматься тѣ же учителя, которые и дѣтей учатъ; учебными средствами предполагаются тѣ же средства каждой школы и кромѣ того вновь могущія поступить собственнo на этотъ предметъ пожертвованія и восполненія отъ правительства».

Тѣ же учебныя средства... А мѣры привлеченія учениковъ въ школу и удержанія ихъ въ ней и особенно пресловутыя «педагогическія мѣры исправленія»? Тоже — *ты же?*

Конечно, въ школахъ для взрослыхъ этихъ педагогическихъ мѣръ не будетъ, — хотя потому, что взрослые ученики ихъ не потерпятъ; но за то вѣдь, вѣроятно, большая часть теперешнихъ учителей нашихъ народныхъ школъ едва-ли и способна будетъ привлекать взрослыхъ учениковъ въ школу и удерживать ихъ въ ней безъ этихъ педагогическихъ мѣръ. Взрослыхъ учениковъ нужно будетъ заинтересовывать самымъ предметомъ и способами преподаванія его, а на сколько сильна въ этомъ большая часть теперешнихъ сельскихъ учителей, это, кажется, всѣмъ извѣстно.

Вино новое, какъ извѣстно, въ мѣхи старыя не вливаютъ.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, къ мѣрѣ этой нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ. Хотя бы изъ сотни нашихъ теперешнихъ сельскихъ учителей только одинъ оказался способнымъ для своей новой роли, и то было бы прекрасно. Школы для взрослыхъ новость только для насъ, но въ Западной Европѣ и особенно въ Америкѣ онѣ, какъ извѣстно, давно уже существуютъ и приносятъ прекрасныя плоды.

Но, вотъ что, — не грѣшно ли учиться въ воскресныя и праздничныя дни?

Вопросъ, конечно, очень странный; тѣмъ не менѣе онъ недавно кѣмъ-то былъ возбужденъ и рѣшонъ — утвердительно! Ибо... «воскресныя и праздничныя дни, по ученію православной церкви, посвящаются отдыху отъ житейскихъ работъ и занятій, молитвѣ... Занятія умственныя для людей, обреченныхъ (?) на тѣлесныя работы, составляютъ отдыхъ, какъ было понимаемо это еще въ древности и выражено самимъ словомъ *школа* (сколи), означающимъ *праздность* (но вѣдь «праздность» есть мать всѣхъ порокамъ?!)... Несомнѣнно, что преподаваніе въ воскресныхъ школахъ есть трудъ для преподавателей; но сей трудъ совершается не съ цѣлю житейскихъ выгодъ, а имѣетъ свойство дѣла духовнаго милосердія, вполне приличнаго христіанскому проведенію праздниковъ».

Слѣдовательно, учителя народныхъ школъ не потребуютъ за свои воскресныя и праздничныя занятія въ школахъ прибавки жалованья, — не смѣютъ требовать, потому что, въ противномъ случаѣ, они будутъ нарушать заповѣдь о празднованіи воскресныхъ и праздничныхъ дней? Это меня очень радуетъ; а то я, при первомъ извѣстии о томъ, что епархіальнымъ архіереямъ

предложено было устроить воскресныя школы для взрослыхъ, началъ-было опасаться, что слѣдствіемъ этого будетъ только возникновеніе новыхъ пререканій между писарями и сельскими старшинами съ одной стороны и сельскими же священниками съ другой — изъ-за платы за уроки, и даже, какъ дальнѣйшее слѣдствіе этого, разные обвиненія и жалобы по начальству (См. «Совр. Зам.» въ № 10 «Отеч. Зап.»).

Но въ то время, какъ для просвѣщенія народа изыскиваются новыя средства, просвѣщенію самихъ просвѣтителей народа, учителей — угрожаетъ опасность. Извѣстно, что въ Петербургѣ нѣкоторые учителя казенныхъ и частныхъ училищъ и люди, вообще интересующіеся педагогіей, по два раза въ мѣсяцъ собираются вмѣстѣ для разъясненія разныхъ интересующихъ ихъ педагогическихъ вопросовъ. Сужденія и рѣшенія этого собранія, хотя и печатаются, въ видѣ резолюцій и педагогическихъ правилъ или аксіомъ, въ одномъ специальномъ журналѣ, для общаго свѣдѣнія, но они не имѣютъ ни для кого обязательной силы, ни кому не навязываются и не заставляютъ учителей слѣдовать въ ихъ практической учительской дѣятельности непременно этимъ рѣшеніямъ или совѣтамъ собранія педагоговъ. Можно быть даже членомъ этого собранія и не соглашаться съ его рѣшеніями и мнѣніями, составлять въ собраніи постоянную оппозицію и въ своей практической дѣятельности поступать совершенно вопреки рѣшеніямъ собранія, — собраніе не употребляетъ противъ этого никакихъ мѣръ, не исключитъ, напримѣръ, такого члена изъ своей среды. Словомъ, въ практическомъ отношеніи, это самое невинное и безобидное учрежденіе. Тѣмъ не менѣе ему угрожаетъ опасность закрыться. Если я не ошибаюсь, оно существовало доселѣ на правахъ только временнаго учрежденія; во всякомъ случаѣ, недавно оно представило проектъ своего переустройства. Но проектъ этотъ былъ возвращенъ собранію съ такими измѣненіями, которыхъ собраніе вовсе не желало, и, главное, съ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы измѣненія эти были собраніемъ приняты, иначе — собраніе будетъ закрыто. Желая спасти хоть что-нибудь, собраніе рѣшилось принять эти измѣненія. Но здѣсь явилось еще особенное обстоятельство, которое можетъ устранить отъ участія въ совѣщаніяхъ будущаго, преобразованнаго, собранія большую часть его теперешнихъ членовъ. Лица, подписавшіяся подъ тѣмъ проектомъ, который представленъ былъ на утвержденіе, совершенно неожиданно для нихъ самихъ, признаны были учредителями будущаго собранія или общества, такъ сказать, единственными хозяевами дѣла. Отъ нихъ зависѣтъ будетъ принять въ свое общество всѣхъ остальныхъ членовъ настоящаго собранія или не принимать ихъ и лишить такимъ образомъ возможности гдѣ либо собираться и разсуждать о томъ, что ихъ такъ интересуеть. Изъ того же самаго педагогическаго собранія, желавшаго только нѣсколько прочіе устроить свое существованіе и можетъ быть расширить

свои права, можетъ выйти, при новомъ уставѣ, нѣчто совершенно другое, нисколько не похожее на теперешнее собраніе— съ другимъ направленіемъ, съ другими цѣлями дѣятельности.

Грустно было присутствовать на послѣднемъ засѣданіи этого собранія! Члены его видимо не знали, что же имъ дѣлать, на что рѣшиться — принять или не принимать? Да и что принимать? Вѣдь уже все рѣшено — общество уже существуетъ и извѣстны лица, самая малая часть членовъ *бывшаго* педагогическаго собранія, признаны учредителями, основателями-хозяйцами этого общества. Собственно говоря, педагогическое собраніе болѣе уже не существуетъ, и бывшіе члены его собрались только для того, чтобы узнать, что сдѣлалось съ нхъ ходатайствомъ, и потомъ спросить своихъ бывшихъ депутатовъ: что же вы, господа, намѣрены устроить общество или нѣтъ, и если намѣрены, то принимаете ли вы на себя нравственную обязанность и нась, вашихъ бывшихъ довѣрителей, принять въ свою среду?

Нѣкоторые «основатели», кажется, испугались-было этой нравственной обязанности, потому что нѣкоторое время колебались отвѣтить *да*; другіе хотѣли вовсе отказаться отъ неожиданной для нихъ чести быть основателями. Но эти недоразумѣнія и колебанія скоро были разсѣяны, и всѣ «основатели» отвѣтили на оба вопроса утвердительно.

Во всякомъ случаѣ, посмотримъ, что-то выйдетъ изъ этого феникса и не начнетъ ли онъ пѣть, можетъ быть, болѣе громкую и благонамѣренную пѣсню, но только на другой ладъ.

Я распространяюсь о мелочахъ — о петербургской погодѣ, о пошленькой опереткѣ и о разныхъ педагогическихъ опытахъ; но въ началѣ вѣстившаго мѣсяца опубликованъ былъ законодательный актъ такой важности, что объ немъ, по всей справедливости, слѣдовало бы сказать прежде всего.

Это — указъ о поземельномъ устройствѣ царанъ.

Царане — это крестьяне Бессарабской области, неизмѣнныя своей земли и жившіе на землѣ, принадлежавшей помѣщикамъ и духовному вѣдомству. Они пользовались личною свободою, но «нигдѣ право переходить съ земли помѣщика только на землю другаго помѣщика, на казенныя же земли не принимались; переселяться на свой собственный участокъ земли, если такой участокъ ими приобрѣтался, они нигдѣ право только въ томъ случаѣ, если участокъ этотъ заключалъ въ себѣ пространство не менѣе четырехъ фальчей (?) въ одномъ мѣстѣ». За пользованіе землею царане платили или работою, или деньгами и, кажется, въ обоихъ случаяхъ, еще десятую часть изъ продуктовъ земли. Съ изданіемъ настоящаго указа, царанамъ отдается все то количество земли, которымъ они доселѣ пользовались за повинности: усадьбы, пастбища, водопои, пахатныя и сѣнокосныя земли и сады; «отводъ земель дѣлается по добровольному соглашенію, а если соглашеніе не состоится, то на основаніи обязательныхъ правилъ. Если царане пользовались землею въ меньшемъ коли-

чествѣ, противъ установленнаго, то могутъ получить новыя, или дополнительные участки». За отведенныя имъ участки, они должны отбывать прежнимъ владѣльцамъ земли опредѣленную повинность — денежную или издѣльную, по взаимному соглашенію (впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, направленными въ тому, чтобы крестьяне отбывали преимущественно денежную повинность). Затѣмъ, крестьяне могутъ выкупать свои участки, и дѣлаться «крестьянами-собственниками». При выкупѣ, они пользуются содѣйствіемъ отъ правительства. «Если помѣщикъ самъ потребуетъ выкупа отъ поселянъ, то они могутъ отказаться отъ него не иначе, какъ отказавшись въ то же время и отъ пользованія своимъ надѣломъ. Но въ такомъ случаѣ, земля эта поступаетъ не въ пользованіе помѣщика, а въ пользованіе другихъ лицъ земледѣльческаго сословія, съ торговъ».

Такимъ образомъ, бытъ царанъ устроивается почти совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ это было и съ бывшими великорусскими и малорусскими крѣпостными людьми. Нѣкоторыя частности этого устройства зависятъ чисто отъ мѣстныхъ условій.

Я не буду вдаваться въ подробности, которыя можно бы было извлечь изъ положенія, — для большинства читателей, это будетъ едва-ли интересно. Гораздо интереснѣе было бы представить здѣсь описаніе прежняго быта царанъ — на сколько онъ разнился отъ быта, такъ хорошо знакомыхъ намъ, нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ, или былъ сходенъ съ нимъ.

По однимъ голымъ фразамъ: денежная повинность и издѣльная повинность, нельзя еще судить объ истинномъ положеніи дѣла. Повидимому, въ этихъ фразахъ нѣтъ ничего особенно страшнаго; кажется, нѣтъ и особеннаго улучшенія въ томъ, что теперь царане будутъ отбывать «опредѣленную» денежную и издѣльную повинность; но мы знаемъ, что скрывалось подъ этими выраженіями, въ отношеніи къ нашимъ «крѣпостнымъ», прежде, и что разумѣется подъ ними теперь. Разница, повидимому, невелика, повидимому, — кромѣ личной крѣпостной зависимости, — все остается по прежнему. Денежная повинность — это «оброкъ», издѣльная или задѣльная — это «барщина». Но если судить о значеніи этихъ, повидимому, совершенно одинаковыхъ терминовъ по тому, что говорятъ объ нихъ такъ-называемые крѣпостники, то окажется, что между теперешнимъ отношеніемъ крестьянъ къ ихъ повинностямъ и прежнимъ окажется огромная, почти не-вѣроятная разница. То же, вѣроятно, окажется и относительно новыхъ повинностей царанъ.

Для большинства публики, неинтересующейся частностями, самое главное въ этомъ узавѣ о царанахъ то, что всѣ надежды извѣстныхъ личностей на поворотъ къ прежнему вдругъ оказываются совершенно неосновательными. Напрасными оказываются и всѣ опасенія другихъ людей. Еслибы существовали какія-либо колебанія и сомнѣнія относительно того, что не постигли ли-де съ освобожденіемъ крестьянъ, не слишкомъ-ли быстро пошла по

новому пути и не слѣдуетъ-ли нѣсколько возвратиться назадъ, то не было бы необходимости спѣшить и освобожденіемъ царя.

Мы желаемъ вѣдь не прежней барщины и не прежняго оброка, а не болѣе и не менѣе, какъ прежней личной крѣпостной зависимости! А тутъ вдругъ даютъ землю, отрываютъ возможность сдѣлаться совершенно независимыми людьми — положимъ, что какому-то царю, а не русскимъ мужикамъ, но все же рабамъ, мужикамъ! Кого бы ни освобождали и гдѣ бы ни освобождали, — пусть будутъ это польскіе крестьяне, латыши, ирландцы, негры — это все равно; главное — принципъ!

И этому-то принципу наносится ударъ!

Какъ бы то ни было, и что бы ни случилось, но, послѣ новаго акта освобожденія людей несвободныхъ, самое послѣднее, чего можно бы было ожидать, не можетъ уже осуществиться. И люди, мечтающіе о восстановленіи въ Россіи прежняго крѣпостнаго права, должны теперь направить свои надежды и злоухищренія на что-нибудь другое; съ другой стороны, и всѣ ихъ козни къ восстановленію безвозвратно осужденнаго, можно оставлять на будущее время безъ вниманія.

Это, впрочемъ, не значить, что я предлагаю пѣть пѣсню о побѣдѣ или объ обезоруженіи, — до этого еще далеко! Мы видимъ, что бывшіе крѣпостные крестьяне не блаженствуютъ еще, хотя они и освобождены уже отъ личной зависимости и землю владѣютъ; не блаженствуютъ и государственные крестьяне, хотя они всегда были вольными и землю имѣли. Стало быть, могутъ быть и еще нѣкоторые другія обстоятельства, кромѣ крѣпостной зависимости и невладѣнія землею, которыя могутъ мѣшать людямъ жить хорошо. Восстановленіе крѣпостнаго права, очевидно, уже невозможно; тѣмъ не менѣе у насъ все еще есть люди, которые стремятся къ достиженію этой недостижимой цѣли, а стремясь къ ней, они постоянно изобрѣтаютъ всевозможныя препятствія и затрудненія для того, чтобы благодѣтельныя мѣры и начинанія развивались надлежащимъ образомъ. Они до того запутываютъ и затемняютъ дѣло, что иногда становится совершенно трудно его узнать. Отъ этого у насъ оказывается необходимою какая-то погонянная внутренняя, скрытая война: съ одной стороны запутываніе, съ другой распутываніе, при чемъ никто ничего положительнаго не выигрываетъ, а только понапрасну силы тратятся. Не лучше ли бы было, еслибы люди ясно и опредѣленно сознали свое положеніе, опредѣлили бы свои цѣли и взаимное отношеніе и, отдѣливъ при этомъ достижимое отъ недостижимаго, дружно, не мѣшая другъ другу, стремились къ упроченію своего благосостоянія? Но это невозможно дѣло, — мы стремимся къ достиженію цѣлей не параллельно идущихъ, не такихъ, которыя допускали бы совмѣстное существованіе, а прямо противоположныхъ, другъ другу враждебныхъ. Кто-нибудь долженъ при этомъ уступить. Кто же долженъ уступить? Сила или правда? Но и сила и правда находятся

на одной сторонѣ; на другой же сторонѣ только сила случайная, временная, и рано или поздно она должна будетъ уступить силѣ дѣйствительной. Вѣдь это уже общезвѣстная, избитая истина, что до тѣхъ поръ, пока нѣтъ общаго благосостоянія, благосостоянія большинства, и благосостоянія частное, личное, идущее въ разрѣзъ съ общимъ, не можетъ быть въ такой степени совершенно и прочно, какъ это было бы при обратномъ положеніи дѣла.

Но дѣло въ томъ, что мы далеко не хватаемъ. Мы не задумываемъ нетолько за столѣтія впередъ—куда ужь намъ до этого! мы не расчитываемъ впередъ даже за десятки лѣтъ, даже за годъ. Только вотъ теперь было бы намъ хорошо, въ настоящую минуту, а тамъ—будь, что будетъ!

Это какое-то школьническое легкомысліе, и нельзя было бы думать, что такъ способны дѣйствовать люди, имѣющие всю видимость крайней солидности, люди важные, глубокомысленные, разсуждающіе о предметахъ самыхъ возвышенныхъ.

Но ихъ дѣла показываютъ это. Вся эта важность и солидность, эти, повидимому, серьезныя пренія и разсужденія и этотъ жаръ, — все это напускное, только видный доскъ, слѣды и плоды извѣстнаго воспитанія. Человѣкъ здравомыслящій съ этими людьми не можетъ говорить и никогда ни въ чемъ ихъ не убѣждать, потому что они неспособны понимать и убѣждаться. Да она и слушать не будутъ, и разсуждать не будутъ, потому что не привыкли къ этому. Поэтому, ихъ надобно оставлять въ покоѣ и только передѣлывать то, что они дѣлаютъ. Дѣти шалать, разбрасываютъ игрушки и все ставятъ въ домъ вверхъ дномъ, а няня ходи за ними и подбирай, приводитъ все въ порядокъ.

Но кто же долженъ быть здѣсь нянькой?

Такъ-какъ настоящихъ, такъ сказать, узаконенныхъ нянекъ при этихъ дѣтяхъ не полагается, то должны явиться непрошенныя, самозванныя няньки. И такою нянькой можетъ и долженъ быть всякій, кто въ состояніи замѣтить безпорядокъ, произведенный этими дѣтьми. Будьте такой нянькой и вы, читатель, и, не вступая въ споры и разсужденія съ тѣми, которые не въ состояніи разсуждать, распространяйте здравыя понятія и взгляды на вещи въ той средѣ, которая можетъ понимать и убѣждаться.

Возвращаюсь къ царанамъ.

Я увѣренъ, что очень многіе, слыша о томъ, что какимъ-то царанамъ дали свободу или что ихъ надѣлили землею и сравняли ихъ положеніе съ теперешнимъ положеніемъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, спрашивали себя: да развѣ были еще въ Россіи такіе крестьяне, которыхъ не коснулась реформа 19 февраля? Мы знали въ Россіи только «вольныхъ» и «барскихъ» людей; барскіе узавомъ 19 февр. были освобождены; затѣмъ, кажется, не должно уже было остаться на всемъ пространствѣ Русской Имперіи ни одного человѣка несвободнаго или находящагося въ такомъ же положеніи, какъ бывшіе «барскіе» люди. Откуда же валились еще эти

царяне, относительно которых оказался необходимым почти такой же указъ, какъ знаменитый указъ 19 февраля?

Да, были, и не только были, но и теперь есть еще въ Россіи люди, которые находились и находятся почти въ такомъ же состояніи, какъ наши бывшіе барскіе люди до ихъ освобожденія. Въ нѣкоторахъ отношеніи положеніе этихъ людей даже хуже, чѣмъ бывшее положеніе русскихъ крестьянъ. Это — крестьяне, неимѣющіе своей земли и живущіе на землѣ чужой, съ которой ихъ могутъ прогнать по произволу. Бывшіе русскіе помѣщики обременяли своихъ крестьянъ непомерной барщиной и непомерными оброками, они могли ихъ даже продавать, какъ движимое имущество; но они не имѣли права согнать ихъ съ земли и никогда не согнали. А крестьянъ острова Эзеля недавно выгнали изъ ихъ домовъ, прогнали съ усадьбъ и, такъ сказать, прижали къ берегу моря. Да и это была еще милость, что берегъ-то моря имъ оставили, потому что и берегъ моря былъ не ихъ.

Они жили на чужой землѣ, за которую должны были платить аренду. Въ настоящемъ году имъ объявили, что съ будущаго года они должны платить больше. Крестьяне не захотѣли на это согласиться, и тогда имъ приказано было убираться куда угодно. Крестьяне не уходили. Для «усмиренія» ихъ призваны были войска. И крестьяне усмирились, — съ женами и дѣтьми и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ поселились... нѣтъ, просто расположились, сѣли на берегу моря! Они могли бы идти и нѣсколько дальше еще, въ самое море, потому что имъ оставлены были лодки и рыболовные сѣти — они могли бы жить на этихъ лодкахъ!

Въ настоящее время, кажется, все уже уладилось: одни крестьяне приняли условія, на которыхъ имъ отдали землю, другихъ пустили въ избы, на время.

Все это основывается болѣе или менѣе на правѣ, на томъ, что земля крестьянамъ въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ. Но крестьянамъ отъ этого не легче, и тѣмъ хуже для нихъ, что они должны бѣдствовать на основаніи права.

А въ такомъ отношеніи къ землѣ находятся не одни только жители небольшого острова Эзеля, но почти все крестьянское сословіе прибалтійскихъ губерній, около 4 милліоновъ людей.

Поэтому ми въ правѣ ожидать, что и они, въ виду освобожденія русскихъ вѣрнопостныхъ крестьянъ и надѣла ихъ землею и въ виду недавняго переустройства быта царянь, вѣроятно, болѣе или менѣе скоро дождутся своего 19-го февраля и 14-го іюля.

Справедливость и необходимость, а можетъ быть даже и близость такой мѣры начинаютъ, кажется, сознавать и сами привилегированные землевладѣльцы этого края. Недавно напечатано было въ газетахъ, что одинъ лифляндскій помѣщикъ, нѣкто фонъ-В., возвратившись отсюда-то, послѣ семилѣтнаго отсутствія, въ свои владѣнія, созвалъ всѣхъ крестьянъ, живущихъ на его землѣ и, между прочимъ, объявилъ имъ слѣдующее: «Хотя въ

монхъ помѣстьяхъ уже давно соблюдалось правило, по которому арендное владѣніе крестьянскимъ участкомъ постоянно переходило отъ отца къ сыну, но я хочу, чтобы теперь вы стали причастны *благодѣянію* жить на собственной своей землѣ. При продажѣ участковъ я вовсе не имѣю въ виду достиженіе значительныхъ барышей; я хочу прежде всего, чтобы каждый теперешній арендаторъ могъ стать собственникомъ арендуемаго имъ участка. Съ этою цѣлью я назначаю умѣренную цѣну, въ размѣрѣ отъ 100 до 150 руб. сер. за талеръ, такъ что стоимость талера среднимъ числомъ не должна превышать 125 руб.). «Принимая во вниманіе, что и при такой платѣ за талеръ, многіе изъ крестьянъ не будутъ въ состояніи тотчасъ же совершить куплю, такъ-какъ скопленные ими избытки потрачены на улучшеніе хозяйства, г. фонъ-В. обѣщаетъ не стѣснять ихъ относительно уплаты, а выжидать пока каждый изъ нихъ скопнтъ сумму, равную шестой части стоимости талера».

Не зная мѣстной стоимости земли, трудно судить о томъ, на сколько это предложеніе для крестьянъ выгодно, особенно еще при неясности и неопредѣленности послѣдняго, только что приведеннаго условія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь важно признаніе того, что жить крестьянамъ на своей собственной землѣ есть — *благодѣяніе* для нихъ *.

Одинъ господинъ открылъ, впрочемъ, и другое средство къ возвышенію благосостоянія остзейскихъ крестьянъ. Онъ говоритъ, что крестьяне бѣдствуютъ оттого, что землевладѣльцы бѣдствуютъ; поэтому нужно прежде всего, посредствомъ учрежденія въ краѣ, на счетъ государства, обширныхъ общественныхъ работъ, возвысить благосостояніе помѣщиковъ; тогда около нихъ и крестьяне могутъ кое-чѣмъ поживиться! (Не такъ, что общественныя работы дадутъ крестьянамъ возможность больше добывать; нѣтъ, а именно, что помѣщики, улучшивъ, вслѣдствіе этихъ работъ, свое состояніе, расширятъ затѣмъ кругъ своей дѣятельности и дадутъ этимъ земледѣльческому сословію возможность больше зарабатывать).

Но довольно объ этихъ слишкомъ серьезныхъ матеріяхъ. Я долженъ еще сказать кое-что о двухъ судебныхъ процессахъ, надѣлавшихъ въ послѣднее время очень много шума, или, собственно, кое-что по поводу ихъ.

Если считать пубliku, присутствующую на судебныхъ засѣданіяхъ, представительницею всего общества данной мѣстности, — а вѣдь есть много основаній такъ думать, — то я долженъ сознаться, что мы, петербуржцы, недавно сконфузили себя самымъ ужаснымъ образомъ. Ибо мы въ одномъ судебномъ засѣданіи держали себя такъ дурно, что насъ начали переписывать, какъ

---

* Г. фонъ-В. подарилъ еще крестьянамъ, на ихъ общественныя нужды, нѣсколько земли, строеваго дѣсу для постройки лазарета и домовъ общиннаго управленія и довольно значительную сумму денегъ.

распалывшихся школьниковъ, а когда мы пустились отъ этого бѣжать по коридору и внизъ по лѣстницѣ, то на насъ (будто-бы) закричали даже: «Держи ихъ». Такому посрамленію не подвергались даже жители ни одного увѣднаго городища, а мы, просвѣщенная публика просвѣщенной столицы... Чтѣ же, послѣ этого, подумаютъ объ насъ «провинциалы!» Хороши вы, скажутъ они! Только гордиться и хвалиться передъ нами умѣете, а сами и хорошаго обращенія не знаете, не умѣете солиднымъ образомъ вести себя въ публичномъ мѣстѣ, да и трусы отчаянные.

Чтѣ дѣлать, мы и сами сознаемъ это, и одна газета прочтала уже публикѣ по этому поводу приличное наставленіе. Смыслъ этого наставленія тотъ, что: 1) въ публичномъ мѣстѣ слѣдуетъ вести себя прилично, 2) если имѣешь мнѣніе и высказываешь его, то имѣй храбрость и защищать его; какимъ бы ты опасностямъ за это ни подвергался, оставайся при своемъ.

Это очень хорошія мысли и ихъ нельзя не одобрить. Но «войдите въ положеніе...» Извѣстно вѣдь, что въ иныхъ случаяхъ отъ избытка сердца уста говорятъ, а равнымъ образомъ и руки. А то засѣданіе петербургскаго окружнаго суда, гдѣ публика такъ неблагоуразумно высказала свое сердце, говорить, было очень чувствительное; нѣкоторые присяжные засѣдатели, будто бы, плакали, и обвиняемый плакалъ, и самъ г. Лохвицкій, защитникъ его, тоже плакалъ! Такъ какъ же тутъ было публикѣ-то не расчувствоваться и на мгновеніе не забыть, что выразить въ судѣ свои чувства ей не дозволено! (Это было уже по окончаніи всего, въ тотъ моментъ, когда присяжные засѣдатели сказали: «невиновень»). Но я все-таки вполне соглашаюсь съ тѣмъ, что публика поступила нехорошо.

Затѣмъ, о трусости и бѣгствѣ публики. Это тоже очень нехорошо, это даже ужъ совсѣмъ нехорошо — бѣжать! Даже безъ верхней одежды, совсѣмъ бѣжать и придти за своими пальто только на другой день, и при этомъ еще говорить, что мы-де вчера случайно забыли ихъ здѣсь! Это уже ни на что не похоже, и я увѣренъ, что такихъ бѣглецовъ, а равнымъ образомъ и вообще бѣглецовъ, было немного, и судить по нимъ о всей публикѣ, бывшей на этомъ засѣданіи — не слѣдуетъ. Но что вообще струсить можно было, то съ этимъ, вѣроятно, всякій согласится. Въ этомъ засѣданіи былъ одинъ мой знакомый, морякъ, который бури и штурмы выдерживать, грохота пушекъ не боится, абордажи видывалъ — и тотъ струсилъ! Одобрить этой трусости нельзя, но объяснять и понимать ее можно. Потому что... Да неужели это требуетъ еще объясненія? Мы родились и выросли въ страхѣ Божіемъ, въ немъ и должны пребывать, и если на публику, посѣщающую судебныя засѣданія, смотреть такъ, что ее не только можно «переписывать», но даже кричать на нее «держи ихъ», то, стало-быть, публика эта имѣетъ основанія иногда и трусить. Это, кажется, ясно, какъ день.

Посему, господа провинціалы, не насмѣхайтесь надъ нашей трусостью — и вы не имѣете основанія быть храбрѣе насъ.

О самомъ процессѣ я не считаю нужнымъ говорить, потому что онъ не представляетъ ничего особеннаго, хотя объ немъ почему-то и много говорятъ (одинъ адвокатъ обвинялся въ присвоеніи денегъ своей довѣрительницы; но это не было доказано, и онъ оправданъ).

Другой процессъ — въ Москвѣ, отставнаго полковника Колзакова.

Здѣсь интересна самая сущность дѣла, или, вѣрнѣе, то, что въ настоящее время могутъ возникать судебныя преслѣдованія, даже и по такимъ дѣломъ, какъ поступокъ Колзакова. А поступокъ этотъ такого рода, что тысячи, десятки тысячъ русскихъ людей ни за что не признаютъ его преступленіемъ. Отставной полковникъ Колзаковъ занимался покупкою и продажей лошадей; покупалъ за дешево, продавалъ за дорого, то-есть барышничалъ или вель маленькую торговлю лошадами. Вотъ, однажды, и случилось ему продать пару такихъ лошадей, которыя были съ изъяномъ, а онъ увѣрялъ, что лошади совершенно здоровы. За это его и отдали подъ судъ и даже присудили къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и на 3 мѣсяца въ тюрьму.

Справедливо ли осудить Колзаковъ или нѣтъ, это, пожалуй, вопросъ еще спорный, потому что Колзаковъ увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ обмануть и заявлялъ, что лошади не совсѣмъ здоровы; но бесспорно то, что отъ сего для коммерціи не можетъ болѣе процвѣтать, что за обманъ при продажѣ можно подвергаться судебному преслѣдованію и лишиться даже правъ состоянія! А развѣ можно торговать безъ обмана? Конечно, обманъ въ торговлѣ и прежде не считался добродѣтелью, но прежде за него, по крайней-мѣрѣ, не преслѣдовали, и купецъ, продавшій дурную вещь за хорошую, могъ считать себя, съ полученіемъ за нее денегъ, уже совершенно покойнымъ. Много, много еслибы его за это при случаѣ ругнули. Но брань на вороту не виснетъ. А теперь?! За всякую лежалую, подмошную, подсохшую, подкрашенную, вообще попорченную вещь можно попасть на сканью подсудимыхъ! Нѣтъ, да на чтѣ же это похоже! Этакъ совсѣмъ и торговать нельзя!

И вотъ «новый судъ» пріобрѣтаетъ себѣ еще новыхъ враговъ, въ лицѣ торгующаго и плутующаго купечества (т.-е., того купечества, которое съ плутами торгуетъ)! Впрочемъ, это враги неопасные.

Но неужели честность, гуманность и вообще человѣческія отношенія между людьми должны у насъ распространяться, въ самомъ дѣлѣ, только чрезъ угрозы наказаній? Это было бы очень прискорбно; а однако это почти такъ; потому что другихъ средствъ для нашего гражданственнаго воспитанія или перовоспитанія у насъ очень мало. И потому, остается только же-

вать, чтобы новый судъ все болѣе и болѣе расширялъ сферу своей дѣятельности и принималъ къ разбирательству и рѣшалъ по правдѣ и совѣсти даже такія дѣла, на которыя, повидимому, и суда нѣтъ.

Дѣлъ такого рода много; но въ настоящій разъ я укажу только на одно — это ненормальныя отношенія между лицами, связанными между собою узами родства. Хотя дѣла этого рода судъ и принимаетъ къ разбирательству, но онъ относится къ нимъ крайне нерѣшительно и сдержано, — вѣроятно, въ томъ предположеніи, что дѣла этого рода должны сами собою улаживаться и что въ нихъ должно быть какъ можно рѣже и меньше допускаемо постороннее вмѣшательство. Онъ беретъ за нихъ со всею своею обыкновенною строгостью, со всѣмъ безпристрастіемъ только тогда, когда изъ простыхъ ненормальныхъ отношеній возникаютъ уже положительныя преступленія. Какъ, на примѣръ, поступаетъ судъ въ томъ случаѣ, если жена жалуется на своего мужа, что онъ съ ней дурно обращается и что ей отъ него житья нѣтъ? Если жалоба справедлива, то мужа сажаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, съ преданіемъ церковному покаянію, или и безъ преданія покаянію, — и только. А по окончаніи срока заключенія, мужъ опять начинаетъ поминать женою, и конечно, еще хуже прежняго (бываютъ даже и такія рѣшенія суда, что виноватые выходятъ вовсе ненаказанными!). Но вотъ жена, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, рѣшается на преступленіе, — и тогда ее судятъ уже по всей строгости законовъ, — не обращая вниманія на то, что она была доведена до преступленія снисходительностію или недѣятельностію самого же закона. То же самое и наоборотъ, — когда мужъ, чтобы избавиться отъ жены, рѣшается на преступленіе, — хотя это и несравненно рѣже бываетъ. (Вообще, статистика признаетъ, что жены чаще убиваютъ своихъ мужей, чѣмъ мужья женъ, потому что женамъ чаще приходится страдать отъ мужей, чѣмъ мужьямъ отъ женъ). Бываетъ еще и другой исходъ дѣла, и едва-ли не гораздо чаще, — это самоубійство. Здѣсь суду уже не приходится ничего дѣлать, развѣ только лишить самоубійцу «честнаго погребенія»!

«Въ «Кіевлянинахъ» извѣщаютъ, что въ Житомирѣ, въ домѣ отставнаго волж. асессора К., повѣсилась жена его, какъ передаетъ полицейское дознаніе, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею мужа ея».

Будетъ ли за это мужъ подлежать какому либо наказанію или нѣтъ, — это неизвѣстно еще; очень можетъ быть, что и нѣтъ, или что все наказаніе ограничится преданіемъ мужа церковному покаянію; и во всякомъ случаѣ онъ не будетъ судимъ, какъ убійца. Да дѣло-то и не въ томъ, чтобы мужа непременно наказали, — жена его отъ этого не воскреснетъ, а въ томъ, какъ дошла эта несчастная женщина до того, что единственное для нея средство спасенія, защиты оказалось само-

убійство! Чтò дѣлали тѣ люди и учрежденія, которые защищаютъ насъ не только отъ самыхъ мелкихъ ворнишекъ, но которые наблюдаютъ даже затѣмъ, чтобы мы, въ извѣстныхъ случаяхъ и мѣстахъ не слишкомъ громко говорили, не смѣялись бы и не хлопали въ ладоши, и допускаютъ людей страдать до такой степени, что они рѣшаются даже на самоубійство? А въ настоящемъ случаѣ были, кажется, всѣ данныя для того, чтобы предотвратить этотъ роковой конецъ. Еще въ августѣ напечатано было въ петербургскихъ газетахъ слѣдующее извѣстiе изъ Житомира: «Молодому человѣку, принадлежащему, по положенiю своему, къ порядочному обществу, понравилась молодая дѣвушка, дочь родителей, по сословию и по положенiю, пользующихся почетомъ. Умненькая, хорошо воспитанная и хорошенькая собой, дѣвушка составить семейное счастье, а пожалуй, и карьеру; приѣзровъ-то у насъ на это много,—разсуждалъ года два тому назадъ молодой человѣкъ. Познакомившись съ родителями дѣвушки, онъ началъ ислатъ руки ея, но во все время знакомства не только не могъ возбудить въ ней привязанности къ себѣ, но рѣшительно не нравился,—былъ, какъ говорится, не по сердцу. Хотя онъ и видѣлъ холодность дѣвушки, но это не только не отдаляло его отъ нея, а, напротивъ, еще усиливало его намѣренiя, и онъ задалъ себѣ задачу, во что бы то ни стало, жениться на ней. Онъ увидѣлъ возможность осуществить свои надежды черезъ мать дѣвушки и сталъ настойчиво домогаться согласить дѣвушку на бракъ съ нимъ. Болѣе года продолжались настоянiя и вразумленiя со стороны матери, но молодая дѣвушка была непреклонна. Мать желала, какъ говорится, сбить дочку съ рукъ, и когда увидѣла, что ни совѣты, ни наставленiя не достигаютъ цѣли, то, попросту, приказала своей дочери быть женой избраннаго ею, матерью, для нея жениха и въ январѣ 1868 года устроила свадьбу. По пословицѣ «насилъно милъ не будешь», молодой человѣкъ и послѣ брака остался чуждымъ сердцу дѣвушки. Какъ до брака, такъ и послѣ брака она продолжала выражать ему свою холодность и нерасположенiе. Когда ласки и угрозы мужа въ продолженiе шести мѣсяцевъ не помогли ему возбудить въ ней нѣжности, то онъ въ концѣ iюля мѣсяца прибѣгнулъ къ силѣ. Найдя какой-то предлогъ, онъ очень сильно побилъ жену. Несчастливая думала найти спасенiе отъ побоевъ мужа въ домѣ родителей, и, вырвавшись изъ рукъ его, прибѣжала къ матери. Но она ошиблась; вслѣдъ за ней прибѣжалъ туда и мужъ, и вмѣстѣ съ матерью высѣли молодую женщину розгами, при чемъ мать внушала ей исполнять требованiя мужа и повиноваться ему. Изъ опасенiя продолженiя истязанiй, молодая женщина убѣжала изъ дому матери въ квартиру одного изъ знакомыхъ, человѣка почтеннаго, прося защиты и спасенiя, но и это не удалось: вскорѣ мужъ отыскалъ ее и отвезъ въ свою квартиру. Говорятъ, что несчастная, послѣ побоевъ и истязанiй, серьезно больна; не знаемъ, перенесетъ ли она страданiя. Всѣ

знающіе эту молодую женщину искренно скорбятъ о ней и сокрушаются о ея будущности. Казалось бы, каждый долженъ возмущаться безчеловѣчными поступками мужа и матери съ молодой женщиной, но, увы, и тутъ нашлись люди, которые стали на сторону тирана и дѣлаютъ положеніе молодой женщины безвыходнымъ».

Вѣроятно, весь Житомиръ зналъ объ всемъ томъ, что здѣсь говорится; должна была знать это и полиція, и судебные слѣдователи, и прокуроръ; должны были знать это, хоть воть по этой печатной корреспонденціи, явившейся еще въ августѣ, и въ Петербургѣ. И однако, никто не вмѣшался въ это дѣло, — потому что это семейныя отношенія, въ которыхъ постороннимъ людямъ вмѣшиваться не слѣдуетъ и которые должны улаживаться сами собою. А воть теперь конецъ его! Впрочемъ, извѣстіе «Кіевлянина» касается, можетъ быть, вовсе не этой женщины, — въ Житомирѣ, кажется, вообще нерѣдки случаи такого обращенія мужей съ ихъ женами; въ апрѣльской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» я уже сообщалъ, что «въ Житомирѣ жена одного чиновника подожгла домъ, для того, чтобы ее хоть въ тюрьму посадили, но избавили бы отъ мужа, который ее жестоко бьетъ». Въ такомъ случаѣ, — если женщина эта еще жива — пусть поспѣшатъ, — кому это вѣдать надлежитъ, — спасти ее отъ заразительнаго примѣра. Прокурорскій надзоръ и судъ могутъ и должны вмѣшиваться и въ такія дѣла, — не для того только, чтобы наказывать, но чтобы разбирать людей, уяснять имъ ихъ отношенія и уничтожать причины ихъ ненормальныхъ отношеній.

NB. Обѣдъ, о которомъ я сообщалъ въ прошедшій разъ, дѣйствительно состоялся; но не въ г. Гжатскѣ и стоилъ не 20,000 руб., кушанье приготавливалъ тоже не Борель. Все это были ложныя извѣстія. За то вѣрно то, что былъ обѣдъ въ Смоленскѣ, приготовленъ былъ Дюссо и стоилъ, съ привозомъ туда и обратно разныхъ гостей, 50,000 руб.! А въ «Сѣверной Почтѣ», отъ 1-го ноября, напечатано: «изъ губерній, постигнутыхъ въ настоящемъ году неурожаемъ, наиболѣе озабочивала министерство *Смоленская*, въ которой, по случаю прошлогодняго неурожая, матеріальныя средства крестьянъ совершенно истощены: рабочій скотъ и самыя необходимыя вещи распроданы или заложены, хлѣбныя запасныя магазины почти вездѣ пусты. — Между тѣмъ, по донесенію губернатора и по свѣдѣніямъ земскихъ учреждений, менѣе чѣмъ въ половинѣ уѣздовъ могъ получиться удовлетворительный урожай, въ прочихъ нельзя было ожидать и посредственнаго, а во многихъ мѣстностяхъ даже возврата посѣянныхъ сѣмянъ; изъ общаго числа крестьянскаго населенія губерніи 29,000 душъ не въ состояніи будутъ обсеменить озимыя поля и свыше 150,000 душъ — проворимтся до новаго урожая».

ЗАМѢТКА О ВЫСТАВКѢ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Всякая жатва обыкновенно бываетъ осенью, и противъ этого говорить нечего — таковъ законъ природы. Рожь не поспѣваетъ раньше, и пшеница не поспѣваетъ, яблоки тоже—значить, надо ждать осени, — это совершенно понятно. Но почему картины живописцевъ и программы зодчихъ, гипсовые носы ваятелей и прочій урожай искусства поспѣваютъ только къ осени — этого я не понимаю, и даже противъ такого поздняго поспѣва могу сказать весьма многое: вопервыхъ, въ осенней темнотѣ Петербурга не только художественнаго, но и своего собственного носа большею частью нѣтъ возможности видѣть, отчего произведенія, достойныя лучшей участи, остаются покрытыми мракомъ невѣстности; вовторыхъ, грязныя галоши любителей художествъ наносятъ изъязъ новенькой, какъ съ иголки, академической швейцарской, и втретьихъ, насморки отъ сложенія съ себя ризъ въ упомянутой швейцарской, причиняютъ немалый изъязъ любительскимъ носамъ. Значить, никто не въ выигрышѣ, въ проигрышѣ же—рѣшительно всѣ. Видѣть въ октябрѣ выставку отнюдь еще не значить—увидѣть выставку, это чаще всего значить увидѣть только, что не видѣлъ выставки.

— Ну, что, хороши картины?

— Да, право, не знаю, я хорошенько не разсмотрѣлъ—темно ужъ очень было. А должно быть, хороши: народу много.

Такие отзывы случается слышать о выставкѣ.

Одному посѣтителю показалось, что новѣйшіе художники умѣютъ на свои произведенія налагать печать времени; а другой понялъ это такъ, что они пишутъ темныя картины, потому что время стоитъ темное... Вотъ вамъ и неудобство осенней жатвы—даже недоразумѣнія порождаетъ.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это тоже законъ природы, что искусства не менѣе яблокъ требуютъ свѣта и солнца для своего произрастанія, а солнце и свѣтъ свойственны (и то въ слабой степени) одному лѣту. Согласенъ. Но принужденъ сказать, что только яблоки, во избѣжаніе порчи, требуютъ непосредственнаго подаванья на столъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ они сняты; картины же и статуи зимою не портятся, даже совершенно наоборотъ: свѣжая, только что написанная картина, оконченная часто съ успѣшностью во вредъ своему достоинству, лишь бы не опоз-

дать на выставку, подвергается портѣ, если ее рано покроютъ лакомъ, для показу; непокрытая же лакомъ, *пожухла*, она теряетъ половину своего достоинства. Только тщательно оконченный, въ мѣру выстоявшійся и въ пору покрытый лакомъ, холстъ дѣлится во всемъ своемъ блескѣ — ни одинъ полутопъ, ни одно намѣреніе кисти не ускользнуть отъ глаза, и картина никогда не дастъ трещинъ, также какъ непремѣнно потрескается всякая, отъ преждевременнаго лака или сушки (секатива) въ краскахъ. При томъ же, всякому извѣстно, что а зимою художники работаютъ исправно, даже исправнѣе лѣта; лѣтомъ можно подготовить работы, дѣлать этюды съ натуры; зима помогаетъ ихъ оканчивать, правда медленно и уловляя немногіе дни, которые съ утра непохожи на сумерки. Стоить толкнуться только въ мастерскія художниковъ зимою, чтобы повѣрить истину этихъ словъ. Значить, не законъ природы, а болѣе законъ рутинны способствуетъ назначенію выставокъ поздней осенью. Свозите въ академію къ началу апрѣля, или, пожалуй, къ половинѣ августа, когда и снопы свозятся на гумна, ваши художественные снопы — и всѣмъ будетъ лучше: снопамъ, жнецамъ и потребителямъ. Незыблемы твердыни академіи, такъ долго выставившія обновленія всякаго рода, не склоня передъ ними вы, должны же были наконецъ уступить потоку — омыться и скинуть въковой халатъ, дырявый и засаленный; онѣ пріодѣлись понинѣшнему, даже освѣтали свои картины болѣе или менѣе какъ слѣдуетъ, — словомъ, прінесли дань свободнымъ требованіямъ свободныхъ художествъ, а это, для академіи, очень много! Неужто жъ они окажутся непреклонными передъ закономъ рутинны, заставляющимъ окутывать октябрьскимъ мракомъ произведенія своихъ питомцевъ и орлять, орловъ и вскармленныхъ мужей?...

Въ настоящемъ году, впрочемъ, тотъ, кто видѣлъ выставку не увидавъ ее, можетъ пребывать въ счастливомъ заблужденіи, и относить на счетъ темноты черезчуръ уже большую скромность количества и качества, даже размѣровъ выставленныхъ произведеній. Это очень маленькая и очень маленькая выставка — вотъ все, что можно сказать о ней. Новая квартира не привлекла въ себѣ на первый разъ большихъ жильцовъ, и стѣны ея обновляются мелкими. А картины теперь — на стѣнахъ, какъ это дѣлается давно въ цѣломъ свѣтѣ, а не на попитрахъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ у насъ. Такимъ образомъ, вы ходите точно въ картинной галлерей, отдѣленные отъ холстовъ желѣзными перилами, и не рискуете повалить наземъ призванныхъ упираться въ небо боговъ. Это удобство; неудобство же заключается въ томъ, что картины, вися почти безъ промежутковъ, мѣшаютъ одна другой, напрашиваются по нѣскольکو вмѣстѣ на вниманіе и очень напоминаютъ Петровъ Ивановичей Вобчинскаго и Добчинскаго, которые о ревиזורѣ хотѣли говорить разомъ. Только истинно плохія работы и въ состояніи выдвинуть при этомъ изъ своего общества то, что получше; но будь выставка составлена

поровнѣ—трудно было бы уловить фзіономію многихъ картинъ, которыми только и извнняется въ нынѣшнемъ году приглашеніе публики на новоселье академіи.

Да, въ новоселью академіи отнеслись какъ-то холодно наши лучшіе художники. Большинство ихъ просто отсутствуетъ, даже г. Айвазовскій не произвелъ своего обычнаго морскаго прилива, который, бывало, ждетъ только удобнаго случая, чтобъ совершить вторженіе въ залы первой открывающейся выставки! Изъ тѣхъ же, кто явились, ни однимъ не внесено ничего новаго или замѣтнаго въ общій итогъ ихъ произведеній. Гг. Боголюбовъ и Перовъ выставили каждый по нѣскольку, болѣе или менѣе удачныхъ, даже, можно сказать, прелестныхъ бездѣлицъ. Виды Палермо и Золотаго Рога, перваго, такъ свѣтлы, теплы и привлекательны, написаны съ такимъ соблюденіемъ мѣры и въ колоритѣ, и въ оконченности, что могутъ принадлежать кисти мастера, несомнѣнно достигшаго полнаго развитія. Этюдикъ сада—сама природа. Сцена мужичковъ (г. Перова), дивущихся бѣгущему поѣзду желѣзной дороги, тоже мастерская. Но все это мелко и на хорошей выставкѣ не было бы замѣчено. Фигура стараго фанатика, который нашивается передъ распятіемъ крестъ на шляпу («Канунъ варооломеевской ночи» г. Гуна), одна можетъ быть названа истинною картиною, выражая этимъ сосредоточеннымъ выраженіемъ морщинистаго, жесткаго лица и всѣмъ движеніемъ длиннаго сухаго тѣла предчувствіе цѣлой драмы. Работа г. Якоби (кардиналу Гизу повязываютъ голову адмирала Колинна, убитаго въ варооломеевскую ночь) хотя и сложнѣе по сочиненію, ужаснѣе по замыслу, но далеко не достигаетъ одинаковаго впечатлѣнія. Притомъ же солдатъ, принесшій голову, нѣсколько обязательно свирѣпѣе, а самъ Гизъ, у аналога съ молитвенникомъ, словно на минуту оторвавшійся отъ бесѣды съ Богомъ, если и удовлетворяетъ выраженіемъ скрытаго удовольствія на притворно-набожномъ лицѣ, зато ужъ черезчуръ напоминаетъ эффектомъ освѣщенія слишкомъ извѣстнаго Тасса въ темницѣ, Галле. Вся картина въ полусвѣтѣ, и однѣ руки, какъ тамъ, только освѣщены сверху. Правда, движеніе пальцевъ правой руки, невольное поглаживающихъ лѣвую, выражено какъ нельзя лучше, и это стоило показать зрителю, какъ проявленіе внутренняго ощущенія кардинала, но красота рукъ, написанныхъ Галле, много вредитъ рукамъ г. Якоби...

Вотъ и все, что есть хорошаго по части «исторической драмы». Драма «мѣщанская» представлена нѣсколькими вѣрными, какъ всегда, воспроизведеніями будничнаго горя и всеневныхъ, мелкихъ, долбачихъ ударовъ жизни... Эта щемящая за душу нота въ искусствѣ льетъ чернила и краски, какъ льетъ она слезы въ дѣйствительности. *Молодые* художники къ ней особенно чутки, и такъ велика ихъ чуткость въ этомъ отношеніи, что на настоящей выставкѣ только *классные* художники (т.-е. немнѣющіе еще художественнаго ранга) дали образчики такихъ произведеній. За Т. СLXXXI. — Отд. II. 11

то г. Лемохъ, напримѣръ, своимъ «Семейнымъ горемъ» могъ бы заставить покраснѣть не одного титулованнаго чиновника академив. Въ небольшой комватѣ, на диванѣ, у зеленыхъ ширмъ, за которыми виднѣется край постели, сидать старушка, исплакавшаяся и убитая, съ лицомъ покорнымъ бѣдѣ, почти безъ выраженія, — такое *выраженіе* лицу придаетъ именно горе! Рядомъ съ нею молодая женщина. Она отвернулась къ ширмамъ, впиалась въ нихъ и сжатою въ кулакъ кистью руки подперла свою щеку. Лица такимъ образомъ почти не видно; но движеніе тѣла, эта сжатая рука и весь порывъ женщины въ ту сторону, гдѣ совершается что-то жестокое для ея сердца—можетъ быть умираетъ мужъ, любимый человекъ, — все это вмѣстѣ выражаетъ горячее отчаяніе, почти вызовъ и проклятіе злой судьбѣ... Ребеночъ съ куклою разбѣжался — бѣжалось, да такъ и оупшиль: всѣмъ что-то не до него... Эта сѣренькая драма удержитъ передъ собою зрителя гораздо долѣе, чѣмъ Гизъ, съ его ярко-освѣщенными руками, золотомъ застежекъ на молитвенникѣ и брошенными на налой четками, которыя вотъ-вотъ только что богомольно перебирались этими бѣлыми руками... А вотъ и опять драма въ одномъ лицѣ: дѣвушкѣ возвратили обручальное кольцо. Она положила его подлѣ себя и тупо оставила хорошенькіе свои черные глазки, полные слезъ. Такую картину написалъ г. Брянскій (гоже петитулованный художникъ), и написалъ очень хорошо; онъ былъ такъ скромень, что даже не выставилъ цѣны за свою работу, а г. заслуженный профессоръ Тютрюмовъ повернулъ къ зрителямъ задомъ напередъ такую-то раздѣтую женщину и положилъ за нее 500 р.!

Не перечисляя всѣхъ произведеній молодыхъ художниковъ, болѣе или менѣе стремящихся осуществлять на полотнѣ дѣйствительность, нельзя не отнести къ этому разряду и гипсовую работу г. Каменскаго «Вдова съ ребенкомъ». Здѣсь также точно обиденная драма, а въ кааніи это особенная рѣдкость, можно даже сказать смѣлость. Лѣпкѣ подлежали до сихъ поръ только Амуры да Венеры, гладиаторы, боги и всякій ненуждающийся въ одеждѣ народъ. Г. Бродскій и другіе такъ и продолжаютъ думать, и академія, конечно, вмѣстѣ съ ними, наполняя ихъ гипсами и мраморами свои залы. И вдругъ является чудакъ, который лѣпить не богиню и Амура, но скромную, кроткую, унылую женщину, въ платкѣ на шеѣ, съ нерастрепанными, но причесанными волосами на головѣ; на рукахъ у нея спитъ ребенокъ, и она съ горькимъ-горькимъ счастьемъ смотритъ на него. Маленькія, полненькія ножки выбились изъ пеленокъ, ручки тоже... вотъ и вся нагота. А сколько художественности въ этой закрытой фигурѣ женщины и ея слоненномъ молодомъ, миловидномъ, безъ идеализаціи лицѣ.

Если я упомяну еще о мастерской сценѣ плашущихъ мужичковъ, г. Корзухина, о работахъ г. Ридцони, выточившаго на этотъ разъ множество маленькихъ картинокъ, п — о, диво! не изъ

еврейскаго бита—что должно быть даже обидно избранному имъ народу, да укажу на портретъ г. Горавскаго, съ такимъ бриллиантовымъ перстнемъ на рукѣ католическаго епископа, передъ блескомъ котораго меркнетъ самъ епископъ, написанный впрочемъ прекрасно; если не скрою, что по торной дорогѣ г. Сверчкова выпустилъ цѣлыя поколѣнія и полныя конюшни лошадей г. Ковалевскій, и наконецъ отмѣчу нѣсколько пейзажей даровитаго Дюкнера, сосновую рощу г. Шашкина и крымскіе виды много общающаго г. Орловскаго... то могу, безъ особенныхъ уприсевій совѣсть, поставить точку и подписать:

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

ЛИТЕРАТУРА НА ОБѢДЪ.

«Не все коту маслиница».

Русская пословица.

Я знаю тебя, милый мой россиянинъ, отъ первыхъ ногтей юности твоей, знаю всѣ твои входы и исходы, и для меня ясно нутро твое. Напрасно ты хочешь отвести мнѣ глаза, обморочить меня разными заморскими убранствами, которыя захваталъ ты изъ заморскихъ книгъ и даже просто изъ газетъ. Когда ты прикидываешься передо мною ученымъ, умирающимъ надъ наукою, дитяруешь цѣлый ворохъ разныхъ европейскихъ свѣтъ науки, я знаю, что твоя ученость все-таки не восходитъ выше учености покойнаго «Свиста». Когда ты разыгрываешь роль государственнаго человѣка, политика, притворяешься изучившимъ въ тонкости положеніе всей Европы, я твердо убѣжденъ, что твоя политическая мудрость идетъ никакъ не далѣе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида». Высказываешь ли ты мнѣ мрачный взглядъ на міръ, являешься самымъ яркимъ матеріалистомъ и социалистомъ, для меня это—ясный знакъ, что твоя карьера доселѣ была безуспѣшна и что тебѣ нигдѣ не удалось даже прихватить взаимн порядочный кушъ денегъ; когда ты начинаешь говорить о необходимости вѣры, о святости собственности, для меня дѣлается очевиднымъ, что ты уже приобрѣлъ хорошую обстановку и денегъ давать никому не намѣренъ. Я не вѣрю даже въ искренность твоего космополитизма и патріотизма, ибо иначе отчего бы въ цѣлой Россіи не было ни одного космополита въ штабъ-офицерскихъ чинахъ? Наконецъ мнѣ просто смѣшно, когда ты начинаешь либеральничать необузданно и безаардонно, ничего опредѣленно не желая и ничего опредѣленно не отвергая, нося и на языкѣ и въ сердцѣ вѣчную гражданскую скорбь о необходимости улучшеній и на дѣлѣ противо-

дѣйствуя всѣми возможными способами всякимъ улучшеніямъ, и такимъ образомъ являясь какимъ-то нескладнымъ протестомъ противъ самого себя, ходячимъ возраженіемъ противъ разумности человѣческой природы. Я знаю, что стоитъ только съѣсть тебѣ за обѣдъ, выпить много два-три тоста, и спадутъ съ тебѣ всѣ дохмоты либерализма и явнись ты истиннымъ, неподдѣльнымъ россіяниномъ, какимъ ты есть и какимъ долженъ быть по законамъ непреклонной судьбы.

Исторія Россіи, въ особенности новѣйшей, есть исторія ея обѣдовъ, и напрасно тотъ будетъ стараться разгадать и понять хитраго россіянина, непрестанно мѣняющагося, подобно хамелеону, кто не будетъ наблюдать за нимъ во время торжественныхъ обѣдовъ.

Съ этою цѣлью мы рѣшились занести для будущаго историка на страницы нашего журнала исторію смоленскаго торжественнаго обѣда по случаю открытія орловско-витебской желѣзной дороги.

Въ Россіи немного можно насчитать городовъ, которые могутъ поспорить съ Смоленскомъ своею знаменитостью. Смоленскъ существовалъ, когда еще не было и въ поминѣ Русскаго государства. Константинъ Багрянородный знаетъ его уже цвѣтущимъ и богатымъ. Въ XII-мъ вѣкѣ Смоленскъ уже блистала классическимъ образованіемъ, изучая греческій и латинскій языки. Когда основалась Москва, Смоленскъ сдѣлался, по выраженію нашихъ предковъ, *дорогимъ озеремлемъ* Россіи, которымъ, впрочемъ, не менѣе Москвы дорожила и Литва. Смоленскъ поочередно переходилъ то къ той, то къ другой, и катался какъ сыръ въ маслѣ. Перейдетъ къ Литвѣ—Литва его награждаетъ вольностями, правами и льготами; перейдетъ къ Москвѣ—Москва, хотя по обычаю и искоса посматриваетъ на эти вольности и права, но подтверждаетъ ихъ и холитъ своего любимца. Надобно отдать честь Смоленску, что онъ всегда горѣлъ патріотическимъ жаромъ къ тому отечеству, въ которомъ находился; потому съ усердіемъ билъ Литву и ляховъ, когда былъ въ предѣлахъ Москвы; и съ такимъ же усердіемъ билъ русскихъ, когда попадался къ Литвѣ. Поэтому когда Смоленскъ окончательно присоединенъ былъ къ Россіи, онъ сдѣлался правою рукою Москвы по патріотизму. Онъ разверзалъ длань свою на всякаго врага, покушавшагося на Москву, и сжималъ ее въ кулакъ, чтобы проводить его, когда его начинала гнать Москва.

Г. Скарятинъ, вблизи видѣвшій этотъ патріотическій кулакъ, не безъ основанія догадывается, что почтенные строители орловско-витебской желѣзной дороги, генералъ А. К. Казаковъ и П. И. Губонянъ для торжества открытія дороги, выбрали Смоленскъ не почему другому, какъ по глубинѣ и древности его патріотическихъ чувствъ.

Знаменитости избраннаго для торжества мѣста, само собою разумѣется, должна была соответствовать и знаменитость самаго

торжества. И дѣйствительно, даже русскія лѣтописи желѣзныхъ дорогъ доселѣ не занесли на свои страницы ничего подобнаго. Мы говоримъ: даже русскія; ибо иностранцы, напримѣръ нѣмецкія открытія желѣзныхъ дорогъ обходятся не дороже десяти талеровъ; изъ этой сумми 8 талероу употребляются на пиво, и два талера на бутерброды, — другихъ *развлеченій* для гостей не полагается. Празднество открытія орловско-витебской дороги стоило 50,000 р. сер. Для приготоуленія обѣда выписанъ былъ изъ Петербурга въ Смоленскъ Дюссо, и обѣдъ съ винами, кромѣ впрочемъ шампанскаго, обошелся въ 6,000 р. Но этотъ обѣдъ нисколько не помѣшалъ гостямъ, возвращаясь изъ Смоленска въ Петербургъ въ числѣ 70 ч., прообѣдать снова на псковской станціи 2,800 руб. По счету содержателя псковскаго буфета, 70 человекъ смоленскихъ гостей выпили въ четверть часа на псковской станціи 80 бут. лафиту, 50 бут. лафиту, 50 бут. сотерна, 50 бут. хереса, 50 бут. мадеры, 200 бут. пива, всего 480 бутылкоу, т.-е. каждый гость въ четверть часа выпилъ почти 7 бутылкоу. И хозяева смоленскаго праздника безпревословно заплатили этотъ счетъ?! Не могу не благоговѣть передъ широкой русской натурой, равно великой и въ умѣннхъ сколотить деньгу на шарамышку, и въ умѣннхъ разбросать ее на вѣтеръ, хотя внутренно не могу не сочувствовать великому скражничеству великаго русскаго царя, который цѣлую жизнь не могъ забыть, что рижскіе нѣмцы взяли съ него два черовница за десятокъ яицъ. Для увѣковѣченія смоленскаго торжества въ потомствѣ, хозяева праздника выбили для всѣхъ почетныхъ гостей своихъ жетоны, изъ которыхъ каждый стоилъ 50 руб. сер., а три жетона, назначенные дамамъ и украшенные брилліантами, стоили по нѣсколькы сотъ.

По сему краткому очерку читатель можетъ понять, что подобное торжество не могло состояться безъ присутствія въ немъ литературы. Такъ взглянули на это дѣло и почтенные устроители торжества и просили разныхъ редакціи украсить ихъ празднество. Само собою разумѣется, что редакціи не имѣли никакихъ причинъ отказать устроителямъ праздника въ такомъ законномъ ихъ желаніи.

И вотъ четверо отъ четырехъ газетъ, а именно: Скарятинъ отъ «Вѣсти», Марковъ отъ «Инвалида», Панитинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» отправились въ Смоленскъ.

Посадили ихъ въ вагонъ съ другими почетными гостями и повезли... Повидимому ничего, какъ и быть слѣдуетъ. Но уже дорогою они начали примѣчать, что генералъ Казаковъ, сопровождавшій гостей, цѣнить ихъ не особенно высоко. Такъ по крайней мѣрѣ поваль свое и другихъ положеніе «Незнакомецъ», но нисколько этимъ не огорчился; всю дорогу онъ видимо благодушествовать, освѣжая себя впечатлѣніями природы, а въ Псковѣ даже древностей не забылъ. Невниманіе же

въ себѣ и другимъ генерала Казакова объяснилъ себѣ тѣмъ, что генераль, даже по самому свойству своего чина, не могъ иѣсколько не игнорировать литературы, чиновностию, какъ извѣстнo, не блистающей.

Но вотъ прибыли наконецъ въ Смоленскъ. Отъ станціи желѣзной дороги до дома дворянскаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, разстоянія версты четыре. Представители журналовъ стали искать приготовленнаго для нихъ экипажа, такъ-какъ для всѣхъ званннхъ гостей экипажа были приготовлены заранѣе предусмотрительными хозяевами; но экипажа для нихъ не оыазалось. Они было-хотѣли принаять на свои деньги, но всѣ извозчики были уже заранѣе наняты для гостей.

Такимъ образомъ и Скарятинъ отъ «Вѣсти», и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» должны были отправиться на празднество пѣхтурой. Пройти разстояніе въ четыре версты, конечно, не Богъ вѣсть какая вещь, тѣмъ болѣе, что петербургская литература привыкла дѣлать пѣхтурой и не такіа разстоянія.

Но неприятно было то, что хозяева въ этомъ случаѣ позабыли позаботиться о своихъ литературныхъ гостяхъ. Этого уже нельзя было приписать одному генералу Казакову. Тутъ оказывалось уже невниманіе общее. Послѣ этого можно было всего опасаться, можно было опасаться даже и не пообѣдать. Все это должно было пріѣхавшую въ Смоленскъ литературу навести на грустные мысли относительно ея значенія въ общемъ и цѣломъ. И такъ-какъ несчастія вообще скоро соединяютъ людей, то нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя она состояла и изъ весьма разнородныхъ элементовъ, рѣшилась на этотъ разъ быть, какъ выражались наши предки, въ *одимачество*, дѣйствовать за *одну*.

Пришедши въ залу дворянскаго собранія, литература помѣстилась совокупно за однимъ изъ пяти боковыхъ столовъ. Болѣе почетные гости сидѣли за столомъ поперечнымъ.

Начался обѣдъ; затѣмъ пошли тосты; съ тостами, по русскому обычаю, полилась и рѣчь.

Возникъ вопросъ: говорить ли литературѣ или молчать?

Не странно ли молчать представителямъ слова? сказали въ сердцѣ своемъ Скарятинъ отъ «Вѣсти», Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса» и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» и порѣшили: «говорить».

Возникъ второй вопросъ: говорить съ тенденціозностию или безъ тенденціозности?

И сказали себѣ въ сердцѣ своемъ: Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ»: «если скажемъ: говорить съ тенденціозностию, упечетъ насъ Скарятинъ; скажемъ лучше: безъ тенденціозности», и сказали: безъ тенденціозности. И сказала Скарятинъ: «да будетъ такъ».

И пошелъ Скарятинъ и взялъ позволеніе на слово, и всталъ чтобы говорить. Но вотъ Скарятинъ ростомъ малъ, съ задъ-

него стола, гдѣ сидѣла литература, никому не виденъ, и раздались голоса: «*на стуль, на стуль*», и Скарятинъ влѣзъ на стуль. «По собранію, говорятъ Незнакомецъ, прошелъ какой-то гулъ, не то — въ знакъ изумленія, не то въ знакъ одобренія».

И Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» находились въ притрепетномъ ожиданіи послѣдующихъ событій.

Вѣроятно еще болѣе въ безпокойномъ положеніи былъ Скарятинъ. Потому онъ рѣшился затанць на этотъ разъ въ душѣ своей свои поворотныя убѣжденія и высказывать одни только *безповоротныя*.

Смысль высказаннаго Скарятинимъ безповоротнаго убѣжденія состоялъ въ томъ, что черезъ строящіяся нынѣ желѣзныя дороги русскія силы и русскій духъ напрутъ на окраины и враждебный духъ окраинъ не устоятъ противъ этого напора.

Услышавъ это, сказали себѣ въ сердцѣ своемъ: Марковъ отъ «Инвалида», Панютинъ отъ «Голоса», Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ»: «нѣтъ, не учесть насъ Скарятинъ», и стали отъ радости рукоплескать и кричать «браво». Въ это время вблизи ихъ раздалось зловѣщее: «довольно». Но крикъ былъ слабый и робкій. Полагая, что это крикъ какихъ нибудь ничтожныхъ провинціальныиъ зюльовъ,—и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ» отвѣтили на него шканьемъ и въ то же время снова прокричали Скарятину «браво». Но крики «довольно» стали усиливаться, превратились въ шумъ, Скарятинъ возвысилъ-было голосъ, чтобы перекричать... но это было невозможно... Патриоты видимо услаивались. Скарятинъ замолкъ, — но шумъ не прекратился и только занравшая музыка положила ему конецъ. Скарятинъ не зналъ, что ему дѣлать—оставаться ли на стулѣ или сойти. Нѣсколько мгновеній, говоритъ Незнакомецъ, онъ «все еще оставался здѣсь совершенно смущенный и разстроенный».

Незнакомецъ не рассказываетъ, какія чувства наполняли въ это время его самого, и Маркова отъ «Инвалида», и Панютина отъ «Голоса». Но видимо становилось небезопасно для всѣхъ. Разъ взволнованное патриотическое чувство трудно быто ввести въ предѣлы, тѣмъ болѣе, что тости продолжались. А это патриотическое чувство уже и прежде до того было взволновано, что совершенно не поняло изъ рѣчи Скарятина, въ чемъ онъ убѣжденъ *безповоротно*. Ему почувилось, что Скарятинъ считаетъ «окрайной» Смоленскъ и думаетъ, что на него надо напирать русскимъ духомъ.

Когда кончился обѣдъ, образовались кружки, которые начали разсуждать о происшедшемъ. Въ разныхъ мѣстахъ послышались голоса, что бывшаго «довольно» для Скарятина не довольно. Въ кружкахъ слышалось алополучное «окрайна». И хотя въ некоторымъ удавалось кой-гдѣ убѣдить шумящихъ, что рѣчь Скарятина непонята, что безповоротное убѣжденіе его совсѣмъ не

то, но никто не хотѣлъ вѣрить въ искренность этого убѣжденія. Припомнили его прошедшую дѣятельность; припомнили, что «онъ крѣпостникъ, что онъ утверждалъ солидарность русскаго общества съ Каравозовымъ, что онъ проповѣдывалъ гибельность реформъ». Слѣдствиемъ всѣхъ этихъ дебатовъ было то, что какой-то голосъ прокричалъ: «а баа, Скарятинъ!». Тогда: «а баа, Скарятинъ! долой, вонъ Скарятинъ!» раздается по всей залѣ. Въ это время одни изъ смольянъ бѣгутъ изъ залы, другіе продолжаютъ кричать, но уже съ сверкающими глазами. Минута становится критическая.

Одинъ Господь только можетъ спасать — въ подобныя минуты. А Скарятинъ все думаетъ принять патріотовъ краснорѣчіемъ. Онъ бросается къ стулу и жестомъ требуетъ себѣ позволенія говорить. Но «онъ стоялъ, говорить Незнакомецъ, поникнувъ головой, блѣдный, убитый, готовый разрыдаться». Это умпротворило патріотовъ, дажѣ они не дерзали.

Этимъ и окончилась исторія великаго смоленскаго скандала.

Передадимъ теперь тѣ впечатлѣнія, которыя произвелъ этотъ скандалъ на разные органы нашей прессы.

Первое извѣстіе о скандалѣ, бывшемъ на смоленскомъ торжествѣ, сообщилъ самъ Скарятинъ въ своей газетѣ «Вѣсть». Заимѣчательно, что онъ, несмотря на то, что игралъ роль жертвы, отнесся къ происшествію самымъ благодушнымъ образомъ. Передавъ своимъ читателямъ свѣдѣнія о томъ, какъ прервана была его рѣчь криками «довольно» и сообщивъ самую рѣчь, Скарятинъ пускается въ патетическое восхваленіе древнихъ патріотическихкихъ подвиговъ Смоленска и распадается въ благодарности устроителямъ праздника за то, что они устроили торжество въ такомъ знаменитомъ своимъ патріотизмомъ городѣ.

«Забудемъ ли Смоленскъ—такъ говоритъ Скарятинъ въ заключеніе своего изображенія доблестей Смоленска — этотъ многострадальный и славный городъ лѣтописи русской? Не намъ пренебрегать славнѣйшими именами русской исторіи. Забудемъ ли нашу славу, станемъ ли прятать ее? Напротивъ, гордо и славно понесемъ ее на радость друзьямъ, на страхъ врагамъ!

«Итакъ, избранимъ Смоленска хозяева праздника заслуживъ искреннюю признательность своихъ гостей, затронувъ въ ихъ русскихъ сердцахъ одну изъ лучшихъ струнъ лѣтописи нашей славы, великой, единой Руси».

Иной возль, прочитавъ статью Скарятина о смоленскомъ торжествѣ и слышавъ ее съ дѣйствительнымъ ходомъ бывшихъ тамъ событій, можетъ подумать, что Скарятинъ, обжегшись на своихъ безповоротныхъ убѣжденіяхъ на смоленскомъ обѣдѣ, постъ теперь Лазаря передъ смоленскимъ дворянствомъ. Мы этого не скажемъ. Мы, напротивъ, болѣе склонны думать, что смущенный на обѣдѣ въ самомъ началѣ своей рѣчи, потомъ окончательно сконфуженный, разстроенный, Скарятинъ не вполне понялъ суть случившагося съ нимъ, а многое, можетъ быть,

не примѣтилъ или запоминать... Да и какъ было не запоминать. Дѣло было жаркое. Легко было запоминать, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Незнакомца, Скарятинъ, отправившись изъ дворянскаго собранія немедленно послѣ скандала въ вагонъ, упалъ съ платформы и ушибъ себѣ ногу такъ сильно, что всю дорогу принужденъ былъ лежать. Нуженъ очень сильный организмъ, чтобы, перенесши массу самыхъ сильныхъ впечатлѣній, потрясеній, ощущеній самаго непріятнаго свойства и сверхъ того страшную боль физическую, удержать все въ памяти въ стройномъ порядкѣ и послѣдовательности, какъ то было въ дѣйствительности. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Скарятинъ забылъ какъ ему кричали: à bas, вонъ, долой Скарятинъ,— и не сказалъ ничего объ этомъ въ своей первой статьѣ, поэтому же крики: *довольно*, онъ понялъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Незнакомецъ. По той же причинѣ, Скарятинъ былъ въ заблужденіи, какъ мы видѣли уже, и въ послѣднемъ дѣйствіи скандала, когда свергающихъ очами смолянъ хотѣлъ остановить потокомъ своего краснорѣчія.

Въ другомъ положеніи, чѣмъ Скарятинъ, находился на смоленскомъ празднествѣ Незнакомецъ. Психическое состояніе его было, можетъ быть, и не вполне безмятежно во время скандала, но по крайней-мѣрѣ на столько спокойно и здраво, что онъ могъ все видѣть и все понять. Поэтому, разсматривая все дѣло въ дѣломъ, онъ не относится такъ благодушно къ смолянамъ. Правда, и онъ, какъ поэтическая душа, предается нѣкоторымъ словозверженіямъ на счетъ древнихъ доблестей смолянъ, но это служить ему только точкою отправленія для того, чтобы прочесть строжайшую проповѣдь тѣмъ современнымъ смолянамъ, поступокъ которыхъ съ Скарятиннымъ онъ ничѣмъ не отличаетъ отъ извѣстнаго поступка пермскихъ мужиковъ въ прошедшемъ году съ Сев-Лораномъ.

Еще жестче къ смоленскому происшествію, чѣмъ Незнакомецъ, отвесся редакторъ «Новаго Времени» Юматовъ. «Смоленское происшествіе поставило теперь, говорить онъ, весьма рельефно вопросъ о томъ, что журналисты въ Россіи не могутъ на патриотическихъ обѣдахъ считать себя внѣ опасности. Въ перспективѣ имъ грозитъ даже публичное побіеніе; и если настроеніе людей извѣстной фразціи не остынетъ, то можно опасаться, что журналисты сдѣлаются на обѣдахъ такимъ же рѣдкимъ звѣремъ, какъ волкъ въ Англіи, и также нѣмы, какъ рыбы... Есть люди, въ присутствіи которыхъ нуженъ для поддержанія порядка не только обычный президентскій колокольчикъ, но и будетъ лишнею и кавалерійская нагайка, какъ оружіе обороны. Это тѣ лица, которыя на умѣренное слово отвѣчаютъ призывомъ къ физической расправѣ. Кавалергардскій оркестръ на роскошномъ банкетѣ вещь хорошая, но нѣсколько здоровыхъ вахмистровъ могутъ быть еще нужнѣе для предупрежденія нѣкоторыхъ печальныхъ недоразумѣній».

Такъ отнеслась къ смоленскому происшествію петербургская пресса *Московская* взглянула на дѣло совершенно иначе.

По смыслу двухъ статей, написанныхъ по поводу смоленскаго происшества «*Московскими Вѣдомостями*», надобно удивляться не тому, что такое происшествіе случилось съ Сваратинымъ, а надобно бы было удивляться и, пожалуй, сожалѣть о томъ, если бы оно не случилось. Ибо вѣдь кто такой Сваратинъ? Человѣкъ, который основалъ особый органъ для того, чтобы служить враждебнымъ Россіи силамъ. Кто тормозитъ русскую свлу въ польскомъ дѣлѣ, содѣйствуетъ и радуется успѣхамъ его, нападаетъ на патриотовъ, страдающихъ отъ интригъ поляковъ? — Все это дѣлаетъ Сваратинъ. И пускай бы онъ дѣйствовалъ открыто. Нѣтъ, онъ старается обморочить общество, представляется говорящимъ отъ имени всего русскаго дворянства, поддерживающимъ будто бы интересы послѣдняго. Не должно ли было, или лучше сказать, могло ли дворянское общество, бывшее на смоленскомъ обѣдѣ, общество, представлявшее собою лучшую русскую интеллигенцію, не показать Сваратину, что у него нѣтъ ничего общаго ни съ русскимъ обществомъ, ни съ русскимъ дворянствомъ, отъ имени и во имя которыхъ онъ проповѣдуетъ? Сваратинъ не могъ не предвидѣть этого, и начавъ говорить, онъ самъ этимъ обрекъ себя на неизбѣжный скандалъ.

Такъ или почти такъ разсуждаютъ «*Московскія Вѣдомости*», и разсуждаютъ, по нашему мнѣнію, весьма здраво и основательно. Но становясь вполнѣ на ихъ точку зрѣнія, мы не можемъ однакоже не сдѣлать нѣкотораго упрека цвѣту русской интеллигенціи, присутствовавшему на смоленской торжествѣ.

Нельзя не замѣтить, что они дѣйствовали не довольно энергически, можно сказать, даже вяло, даже апатично. Какъ! Передъ нами стоялъ человѣкъ, тормозящій русское дѣло, служащій польскимъ интересамъ, однимъ словомъ, измѣнникъ отечеству, и ограничиться только тѣмъ, что провричать ему только *à bas, долой, вонъ!* И больше ничего!?? Пошадите, Бога ради! Да гдѣ жъ тутъ патриотизмъ? Развѣ такъ долженъ патриотъ поступать съ измѣнниками, и особенно съ измѣнниками, которые хотятъ замаскировать себя, одурачить все общество, которые являются предъ глаза всего общества въ качествѣ людей добронормочныхъ и начинаютъ говорить патриотическія рѣчи? И чтожь, въ виду такого-то обстоятельства, смоленскій патриотизмъ ограничился только тѣмъ, что остановилъ рѣчь Сваратина и потомъ провричалъ ему: *à bas! вонъ!* Но и это было сдѣлано вяло, не единодушно! Крики: *довольно!* начались слабо, едва слышно, въ одномъ только мѣстѣ, и потомъ уже только были поддержаны значительнымъ числомъ голосовъ. Но, очевидно, что и такое легкое выраженіе патриотизма повравнилось не всему обществу. Ибо послѣ обѣда начались дебаты о томъ, хорошо ли это сдѣлано. Были люди, которые не одобрили кричавшихъ и защищали Сваратина, — и ихъ, какъ кажется, было не мало. Потому что, когда наступила рѣ-

шительная минута, когда нѣкоторые крайніе порѣшили кричать: à bas! вонъ! тогда зала, по свидѣтельству Незнакомца, значительно опустѣла. Кричащихъ и свержающихъ глазами осталось немного.

Такое неединодушное, вѣлое дѣйствіе смолянъ сильно, по нашему мнѣнію, повредило дѣлу смоленскаго патріотизма. Вѣдь вотъ уже и теперь Скарятинъ говорить, что *довольно* кричали не всѣ, другіе, напротивъ, требовали продолженія рѣчи, и что музыка прервала рѣчь его вовсе не по приказанію распорядителя праздника, который удостовѣрилъ Скарятина лично, что онъ этого приказанія не давалъ. Скарятинъ думаетъ, что музыкѣ велѣлъ играть какойнибудь изъ враговъ его, очевидно потому, что не надѣялся съ своими единомышленниками перебить тѣхъ, которые требовали продолженія рѣчи Скарятина. О кригахъ: à bas! вонъ! Скарятинъ убѣжденъ, что они были произведены только нѣсколькими единичными голосами. Такимъ образомъ, онъ скандалъ смоленскій вовсе не принимаетъ за выраженіе общественнаго мнѣнія относительно его, а приписываетъ его небольшому, враждебному для него, кружку лицъ. И, прибавимъ мы, имѣетъ право на это, потому что скандалъ происходилъ такъ недружно, такъ робко, что его никакъ нельзя признать единодушнымъ желаніемъ всѣхъ. Юматовъ идетъ еще дальше. Онъ думаетъ, что нетолько число участвовавшихъ въ скандалѣ было очень незначительно, но что и родовитыхъ дворянъ тутъ вовсе не было, а произвели скандалъ «какіе-нибудь однодворцы и приказные, которыхъ въ прежнее время и не принимали даже въ хорошемъ провинціальномъ кругу, но теперь, благодаря недавнимъ успѣхамъ, которые сдѣлало наше общество на пути равенства, упомянутые люди могли быть допущены на обѣдъ въ видѣ опыта, но однакожь оказалось, что вводимое равенство еще преждевременно». «Русскія Вѣдомости» идутъ еще дальше Юматова. Они просто на просто говорятъ, что скандалъ былъ произведенъ людьми пьяными. «Вино, разумѣется — говорятъ они — лилось рѣкою, и по мѣрѣ того, какъ опорожничивались бутылки, умы собесѣдниковъ восплалились, языкъ развязывался, и развязался наконецъ до того, что перелилъ границы приличія и самоуваженія».

Вотъ какая образовалась путаница мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Не правы ли мы, когда говоримъ, что смоленское общество поступило не довольно энергически или, что то же, не довольно патріотически. Учини они скандалъ дружно, единодушно, съ натискомъ, съ одушевленіемъ, даже съ остревеніемъ, да прихвати при этомъ и остальную литературу, бывшую на обѣдѣ, тогда для всѣхъ были бы ясны патріотическія мысли и желанія смолянъ, а ихъ дѣйствія для всѣхъ были бы поучительны. Теперь же какая изъ всего скандала польза, когда даже люди пострадавшіе, какъ Скарятинъ, нисколько имъ не вразумлены? Да и вразумить нѣтъ никакой возможности. Развѣ всѣ бывшіе на обѣдѣ дадутъ собственноручныя подписки въ томъ, что скандалъ учиненъ былъ

съ общаго согласія? Да и такое единогласіе нисколько не убѣдитъ теперь Скарятина. Онъ скажетъ, что они всѣ увлечены въ такому согласію толкованіемъ «Московскихъ Вѣдомостей», что самый ходъ скандала доказываетъ совершенно противное.

А если для самаго Скарятина скандалъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, не имѣетъ вовсе никакого поучительнаго значенія, то тѣмъ болѣе такая полумѣра не можетъ имѣть ничего внушительнаго для литературы. Вѣдь порази смоляне Скарятина единодушно, да прихвати при этомъ и бывшую въ Смоленскѣ литературу,—тогда вся петербургская литература поняла бы, что въ провинціяхъ патріотизмъ не дремлетъ, что онъ всегда живъ и дѣйственъ для того, чтобы опочить на хребтахъ враговъ. Тогда, конечно, ни одинъ петербургскій литераторъ не посмѣлъ бы показать носу въ провинція, а не то, что выставиться тамъ на парадныхъ обѣдахъ и говорить рѣчи. Не потому, конечно, чтобы петербургскіе литераторы были не патріоты, а потому, слово «патріотъ», въ наше время очень скользкое и неопредѣленное и чуть ли еще не болѣе имѣетъ смисловъ, чѣмъ сколько во время Гоголя имѣло слово: «добродѣтельный человѣкъ». За примѣрами ходить недалеко. Вѣдь вотъ въ Петербургѣ нѣтъ ни одной редакціи, которая бы не оскорбилась, если бы ее назвали непатріотической, и нѣтъ ни одного литератора, который бы не считалъ себя самымъ горячимъ патріотомъ. А между тѣмъ, давно ли Москва сомнѣвалась не только въ патріотизмъ всей петербургской литературы вообще, а даже въ патріотизмъ и самаго Петербурга? А въ провинціи, быть можетъ, и патріотизмъ самой Москвы находить еще подозрительнымъ. Ктожь бы туда поѣхалъ, еслиби смоляне энергически проявили свой патріотизмъ? А теперь... будетъ открываться опять гдѣ-нибудь желѣзная дорога, опять празднество и опять поѣдутъ туда: и Марковъ отъ «Инвалида», и Панютинъ отъ «Голоса», и Незнакомецъ отъ «Петербургскихъ», и Скарятинъ отъ «Вѣсти». Скарятинъ??—Можетъ ли это быть, спроситъ изумленный читатель. Вѣрно не поѣдетъ?—То-то поѣдетъ. Онъ уже заявилъ объ этомъ, почитая какъ бывшій, такъ и всякій имѣющій быть съ нимъ скандалъ въ будущемъ вѣнцомъ своего общественнаго служенія.

«Люди,—говоритъ онъ, — выступающіе на публичную арену, должны быть заранее готовы на всякія случайности, которыя зависятъ отъ состава и настроенія духа публики, ихъ слушающей. Въ странахъ, гдѣ публичность вошла въ нравы и обычаи, общественные дѣятели, по очереди, не смущаясь, или терпя пораженіе, или вызывая рукоплесканія. Общественный дѣятель, сегодня въ такомъ-то городѣ вызвавшій рукоплесканія, завтра терпитъ пораженіе въ другомъ городѣ (*Гімъ пораженіе! т.-с. какъ? Боксомъ?*)

«Одна изъ газетъ,—говоритъ онъ далѣе,—высказала мнѣніе, что послѣ случая въ Смоленскѣ, представители печати сдѣлаютъ ся такимъ же рѣдкимъ звѣремъ на торжественныхъ обѣдахъ,

какъ волки въ Англїи, и нѣмы, какъ рыбы. Мы, напротивъ, убѣждены, что русское общественное мнѣніе оцѣнить по достоинству настоящій скандалъ и что рѣдкимъ звѣремъ на этихъ обѣдахъ сдѣлаются не представители свободнаго слова, а его ненавистники».

«Ну, чтожъ за бѣда, что поѣдутъ? Пусть ѣдутъ», скажетъ читатель. «Какъ, что за бѣда? Вѣдь опять чтонибудь случится, опять прокричатъ: «довольно», какомунибудь литератору, прокричатъ, можетъ быть, à bas, вонъ, а можетъ быть, выведутъ, и наконецъ, мало ли что можетъ быть. Кто можетъ предвидѣть, до какихъ предѣловъ можетъ дойти разгораченный патріотизмъ?»

Въ виду всего этого редакціи, отправляющія своихъ сотрудниковъ на празднества, не могутъ оставаться безучастными къ ихъ положенію.

Вотъ Юматовъ и теперь говоритъ, что на подобныя торжества не худо бы отправлять вахмистровъ. Редакціи менѣе воинственныхъ воззрѣній позаботятся съ своими сотрудниками, отправляющимися на празднества, послать хоть не вахмистровъ, а здоровыхъ молодцовъ на всякій непредвидѣнный случай. Наконецъ, самыя бѣдныя редакціи, и тѣ, вѣроятно, будутъ снабжать своихъ сотрудниковъ, хотя желѣзными масками. Вотъ вѣдь къ чему все это ведетъ.

Когда я написалъ эти слова, ко мнѣ вошелъ мой хорошій знакомый и полюбопытствовалъ узнать, что я пишу. Я ему прочиталъ.

«— Совсѣмъ вы не то пишете, что слѣдуетъ, сказалъ онъ мнѣ, выслушавъ мою статью. — Вы забываете самое главное, именно то, что скандалъ у насъ есть пока единственный двигатель мысли общественной и литературной».

«— Какъ! и литературной даже?» спросилъ я съ изумленіемъ.

«А вы думали какъ? Развѣ можетъ какаянибудь серьезная публицистическая литература (о ней главнымъ образомъ я говорю) быть въ странѣ, гдѣ нѣтъ полной свободы слова, гдѣ нѣкоторая свобода слова дана только для опыта, и то избраннымъ. Всѣ ваши газетныя, передовыя статьи и разсужденія ни дать, ни взять тѣ *челобитья*, которыя въ древнее время писали государевы сироты. Сироту пооброчили не по силамъ и не по животамъ, у сироты землишку отняли, сироту воевода пообидѣлъ, ну — садится сирота и строчить. И каждый сирота излагаетъ свою собственную нужду и горе, до общаго ему нужды нѣтъ. Такъ и у васъ въ литературѣ, каждый газетный сирота сидитъ и строчить свое собственное челобитье и только старается прикрыть его общественной нуждой. А какая общественная нужда, когда всѣ газетчики поютъ обыкновенно врознь! Одинъ вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ говорить о смертной казни, когда другой въ это же время пишетъ о необходимости новой кодификаціи свода законовъ, третій о замыслахъ Наполеона на Пруссію и т. д. Однимъ словомъ, нѣтъ того, чтобы статьи въ газетахъ

вызывались самымъ положеніемъ вещей, были отвѣтомъ на вопро-сы дня, и на вопросы дня не второстепенные какіе нибудь, а фи-гурирующие, настоятельныя, неотразимыя. Вѣдь вотъ возьмемъ въ примѣру крестьянскій вопросъ. Онъ теперь основной вопросъ всего нашего будущаго развитія, судьбы всѣхъ нашихъ новыхъ учрежденій, всѣхъ нашихъ чаяній и надеждъ въ будущемъ. Отъ такого или другаго разрѣшенія его зависить все наше буду-щее. А вѣдь что мы о немъ знаемъ? Положительно ничего. Кой-гда въ встрѣтятся замѣтка въ газетахъ, что тутъ-то, дескать, опи-саны крестьянскія имѣнія за недоимку въ столько-то тысячъ, или что по какой нибудь губерніи недоимки возросли во столько-то сотенъ тысячъ, и ничего больше. Прошу васъ представить се-бѣ: такъ ли бы дѣйствовали газеты, еслибы крестьянскій вопросъ разрѣшался, напримѣръ, въ Англіи? Тамъ вѣрно въ каждой деревнѣ сидѣли бы газетные репортеры и изо дня въ день да-вали бы извѣстія о ходѣ дѣлъ».

Я было-открылъ ротъ, чтобы возразить на этотъ потокъ красно-рѣчія. Но мой знакомый остановилъ меня и снова продолжалъ:

«Знаю, знаю, что вы хотите сказать, что наши газеты ли-шены совершенно возможности заниматься своимъ дѣломъ. Но мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я только констатирую, — какъ лю-бить у васъ выражатся, въ литературѣ, — фактъ, — говорю, что всѣ ваши передовыя статьи и разсужденія только сиротскія кни-жанья, надъ которыми читающіе умирають отъ скуки и которыя сами сироты пишутъ только съ горя. Потому-то я и говорю, что скандалъ пока почти единственный возбудитель и двигатель на-шей мысли, не только общественной, но и литературной. Когда случится скандалъ, разумѣется, крупный, онъ немедленно дѣ-лается фигурирующимъ явленіемъ дня въ литературѣ. Объ немъ начинаютъ говорить, его начинаютъ обсуждать всѣ газеты. И какъ говорятъ, какъ обсуждаютъ!.. Это уже не тѣ сиротскія че-лобиты, которыя пишутся обыкновенно. Тутъ является и задоръ, и жаръ, и страсть, и всесторонняя оцѣнка фактовъ, и оцѣнка движущихъ все воззрѣній и принциповъ, — и все это, не говорю, прочитывается, а проглатывается публикою съ жадностію, какъ вивакая другая газетная дребедень. Думаете ли вы, что все это остается безъ сильнаго нравственнаго вліянія на публику? Вѣрь-те, нѣтъ. По поводу смоленскаго скандала и всего, что напи-сано о немъ, оглянутся на себя не только смольяне, но и дру-гія провинціи, оглянется на свою дѣятельность самъ Святинъ, оглянутся даже «Московскія Вѣдомости», — и всѣ болѣе или ме-нѣе умягчатся.

Я засмѣялся.

«Вѣрьте, умягчатся въ правахъ. Еслибы это нужно было, я бы вамъ исторически могъ доказать, что мы цивилизуемся по-средствомъ скандаловъ. Да и какъ вы хотите иначе въ обще-ствѣ, гдѣ только по поводу крупнаго скандала мысль приходитъ повсюду въ пробужденіе, начинается всматриваться во все окру-

жающее, анализировать себя и другихъ, понимать извѣстныя воззрѣнія и принципы; однимъ словомъ, дѣлаться чѣмъ-то дѣйствительно сознающимъ? Теперь спрашивается: кому причиняется вредъ скандалами? Одной только жертвѣ скандала. Жертва эта бываетъ всегда невольная, очень нерѣдко совершенно невинная, но за то всегда почти очистительная для общества, то-есть посредствомъ своего моментальнаго страданія, вносящая извѣстную дозу свѣта и добра въ общественное сознание. Въ виду великаго общественнаго блага, въ виду поднятiя уровня общественнаго сознанiя, хоть на одну линiю, стоять ли жалѣть о такой ничтожной въ сущности жертвѣ? Если чѣмъ мнѣ Сквартинъ понравился на смоленскомъ скандалѣ, то это тѣмъ философскимъ взглядомъ на свое отношенiе къ подобнаго рода сюрпризамъ. Онъ справедливо говоритъ, что общественный дѣятель всегда долженъ быть къ нимъ готовъ, что они въ его служенiи неизбежны...

— И такъ... сказалъ я.

— Да здравствуетъ всякій крупный скандалъ, очищающiй нравственные мiазмы въ нашей общественной атмосферѣ! заключалъ рѣчь свою мой знакомый.

— Вы думаете, что чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше, и даже... спросилъ я.

— Гм! Ну, нѣтъ... я не тово... не въ томъ смыслѣ, замаялся мой знакомый. — Вѣдь не киргизскiя у насъ, въ самомъ дѣлѣ, степи!

П Р И З Н А К И В Р Е М Е Н И .

ПЕРИОДИЧЕСКIЯ ЗАМѢТКИ.

II.

Нѣсколько словъ о нашемъ «*zavoig vivre*» и о мѣрахъ къ постепенному распространенiю его.

«Нынче, мой другъ, народъ не то, чтобы просто, а какъ-то очень ужъ глупъ сталъ. Все самъ себя обманываетъ, самъ себя прельщаетъ, даже словно самъ у себя украсть хочетъ. Назовешь это вещь другимъ именемъ, и думаетъ, что и вещь другая сдѣлалась. Возьми, напримѣръ, хоть то: выдумали теперь какой-то *zavoig vivre*, а разбери ты его какъ слѣдуетъ, этотъ ихнiй *zavoig vivre*, — анъ выйдетъ то же мошенничество!» Эти слова принадлежать не мнѣ, а бабушкѣ Прасковѣ Павловнѣ, которая во всемъ околудѣ известна своею мудростью и откровенностью (однажды она, за эту самую откровенность, чуть-чуть не была водворена въ городъ Варнавинъ). Вообще, это женщина, которая придерживается старыхъ порядковъ, а про затѣи современныхъ

либераловъ отъивается такъ: «повѣрь, душа моя, что все это одинъ savoig vivre!»

Признаюсь, хотя я далеко не убѣдился въ справедливости сравненія дорогой бабушки, тѣмъ не менѣе, для меня несомнѣнно, что на свѣтѣ, дѣйствительно, существуетъ какой-то «savoig vivre», повидимому, обладающій замѣчательною творческою силою.

Куда ни посмотришь — вездѣ savoig vivre. Тотъ приобрѣлъ многоэтажный домъ, другой — стануль цѣлую желѣзную дорогу, третій — устроилъ свою служебную карьеру, четвертый — отлично женился, пятый — набралъ денегъ и бѣжалъ за границу... И все съ помощью какого-то таинственнаго savoig vivre! Право, даже любопытно становится.

— Разсудите, пожалуйста! говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ знакомый: — вотъ человекъ, который, продавая мнѣ имѣнiе, показывалъ чужой лѣсъ за свой собственный! Ну, не подлецъ ли?

— Зачѣмъ же подлецъ? хладнокровно оправдывался такъ-называемый «подлецъ». — Спрашиваю я васъ: ежли я что имъ показываю, должны ли они моими показами руководствоваться?

Я разсудилъ, вникнулъ, взвѣсилъ, разсмотрѣлъ, и нашель, что, дѣйствительно, тутъ нѣтъ никакой подлости, а есть savoig vivre — и больше ничего.

— Вообразите! воцѣлалъ другой мой знакомый: — вотъ человекъ, который моимъ именемъ выманулъ у моего кредитора пять-десять тысячъ — и скрылъ! ну, не мошенникъ ли?

— Зачѣмъ же мошенникъ? оправдывался обвиняемый: — разсудите сами: ежли я подлинно что у нихъ просилъ, должны ли они были моими просьбами руководствоваться?

Я опять разсудилъ, и опять нашель, что мошенничества тутъ нѣтъ, а есть довольно крупный savoig vivre — и ничего больше.

— Позвольте! остановилъ меня третій знакомый: — вотъ вамъ субъектъ: онъ былъ моимъ ходатаемъ по дѣламъ, выигралъ мой процессъ, взискалъ деньги, и прикарманилъ! ну, не бездѣльникъ ли?

— Зачѣмъ же бездѣльникъ? оправдывался субъектъ: — разсудите сами: ежли я, что для нихъ, по ихъ порученью, дѣлаю, должны ли они за мной смотрѣть или нѣтъ?

И я опять разсудилъ, что тутъ нѣтъ никакого бездѣльничества, а есть savoig vivre — и больше ничего!

И что всего замѣчательнѣе, потерпѣвшiя стороны сами очень хорошо понимали, что во всемъ этомъ главную роль играетъ savoig vivre. Если онѣ жаловались на своихъ обидчиковъ, то въ этихъ жалобахъ слышался матеріальный ущербъ, а отнюдь не нравственная сторона вопроса: «Только отдай ты мнѣ, что у меня укралъ, звучало въ ихъ голосахъ, а ужъ я тебѣ и съ своей стороны покажу savoig vivre!» И въ ожиданiи этого, они готовы были не только примириться съ своими обидчиками, но и обзывать ихъ голубчиками...

— Ахъ, какой умный! Что за голова! Что за savoig vivre! и

вотъ говорятъ, что у насъ нѣтъ смѣлости и предприимчивости! случается слышать вездѣ, гдѣ соберется кучка гулящихъ русскихъ людей.

Полюбопытствуйте разспросить, кому слагаются эти похвалы, и вы убѣдитесь, что тутъ навѣрное или стаяли желѣзную дорогу, или пустили по міру десятки и сотни семействъ.

— Вотъ-то дурачина! вотъ-то пентюхъ и осель! опять раздается все въ той же толпѣ гулящихъ русскихъ людей.

И опять полюбопытствуйте, и опять убѣдитесь, что тутъ идетъ рѣчь о какомъ-нибудь наивно-простоватомъ труженикѣ, на которомъ довѣрчивая компанія развязныхъ дармоѣдовъ (поклонниковъ *zavoig vivre*) рѣшилась создать свое благополучіе. И вѣрьте мнѣ, нѣтъ того поноснаго ругательства, нѣтъ того презрительнаго выраженія, которое бы не послали вслѣдъ простаку гуляціе русскіе люди! «Фофанъ! соломенная голова! ослиныя уши! курицыны сны!» такъ и стонуть они своими утробными голосами.

Бабушка! бабушка! ужели же ты и въ самомъ дѣлѣ была права, утверждая, что *zavoig vivre* и мошенничество — одно и то же?

Но я все еще сомнѣваюсь; все еще стараюсь увѣрить себя, что *zavoig vivre* — самъ по себѣ, а мошенничество — само по себѣ. Поэтому буду говорить здѣсь только о *zavoig vivre*.

Zavoig vivre, какъ и всякая другая творческая сила, переживаетъ, въ своемъ развитіи, очень много самыхъ разнообразныхъ фазисовъ. Сначала, оно представляетъ собой явленіе простое и малосодержательное, потомъ все больше и больше усложняется, и набирается соковъ; наконецъ, лопается, словно ныпшиный кактусъ, и, не опасаясь публичности, предъявляетъ изумленному міру разнообразіе и полноту своего содержанія.

Самая простая и первоначальная форма, въ которой проявляется *zavoig vivre* — это тайное присвоеніе платковъ, скрывающихся въ чужихъ карманахъ. На предпріятія подобнаго рода обыкновенно рѣшаются такіе люди, у которыхъ нѣтъ своихъ собственныхъ платковъ, но такъ-какъ при этомъ не требуется ни глубины взглядовъ, ни обширности соображеній, то, по большей части, умѣлыхъ людей этой категоріи называютъ карманными ворами и бьютъ. Понятно, кака я нужна осмотрительность, чтобы проводить *zavoig vivre* въ этой простой и нѣсколько грубой формѣ; но понятно также и то, что, въ виду безпрестанныхъ опасеній, дѣло это само собой не можетъ удержаться на первоначальной своей точкѣ, но будетъ постоянно стремиться расширить и распространить свою арену.

И дѣйствительно, *zavoig vivre* въ скоромъ времени усложняется и входитъ въ послѣдующій фазисъ своего развитія. Утанавливается дома, деревни, капиталы, дороги; устроятся карьеры и браки; появляются проекты ограбленія въ столь обширныхъ размѣ-

рахъ, что польза ихъ такъ и бьетъ всѣмъ въ глаза. Предпріятіи такого рода, конечно, уже гораздо труднѣе, ибо предполагаютъ знаніе человѣческаго сердца и извѣстную смѣлость взгляда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они и легче, потому что не сопровождаются заушеніемъ и ослеваніемъ. Они производятся у всѣхъ на виду и при открытыхъ дверяхъ, а потому приобрѣтаютъ характеръ турнира. Безстрашнѣйшими и безупречнѣйшими рыцарями этого *savoir vivre* исторія представляетъ намъ бывшихъ откупщиковъ; въ будущемъ, мы можемъ усматривать зачатки такого же рыцарства въ блистательно начинающемся желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. «На то война!» говорятъ пропагандисты этого *savoir vivre*, и съ самою утонченною вѣжливостью преломляютъ копыя.

— Кажу я, душа моя, дорогу получилъ! говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ прекрасный молодой человекъ, котораго до сихъ поръ я имѣлъ навывность считать пустѣйшимъ малымъ: — объ-ядѣніе!

— Чтѣ же такое?

— Кромѣ песку и виси поднебесной — ничего!

И затѣмъ, онъ началъ мнѣ разъяснять. Милліоны и сотни тысячъ такъ и лились изъ его устъ, словно это совсѣмъ не милліоны, а какіе-нибудь презрѣнные мѣдяки.

— Ты понимаешь? я взялъ — и сейчасъ въ сторону! и у меня осталось...

Опять поспалились милліоны и тысячи, такъ что мнѣ, подъ конецъ, сдѣлалось тошно.

— Послушай, другъ мой, а зѣдь я думалъ, что у тебя соломенная голова! сказалъ я: — ты меня извини!

— Извиняю, душа моя, все извиняю! отвѣчалъ онъ, и въ порывѣ счастья (вотъ какъ оно украшаетъ человѣка!) не только извинилъ, но бросился даже цаловать меня, повторяя: пе-ески! пе-ески!

— Но, позволь, однако, чтѣ скажетъ Катковъ? остановилъ я его.

— Разрѣшигы!

Понятно, что такого рода *savoir vivre* никакъ нельзя сравнивать съ первымъ. Это даже почти не *savoir vivre*, а, такъ сказать, законная дань качествамъ ума и сердца. Тутъ нѣтъ ничего... совсѣмъ ничего... мошенническаго... Тутъ просто развязность, изобрѣтательность, знаніе географіи... и песни!

Но по мѣрѣ того, какъ мы привыкаемъ къ такому *savoir vivre*, по мѣрѣ того, какъ онъ доставляетъ намъ деньги, комфортъ и всеобщее уваженіе, нашъ умственный горизонтъ расширяется самъ собою и предъявляетъ взору такія перспективы, которыхъ мы не могли даже и предвидѣть. Мы начинаемъ терять способность различать не только между своимъ и чужимъ платками, но даже и между всевозможными платками вообще, кому бы они ни принадлежали и гдѣ бы ни находились. Всякій платокъ представляется намъ олицетвореніемъ афоризма: *res nullius in capto occipandi*. Не только поступки и дѣйствія наши прони-

каются учениемъ о непреложности *avoir être*, но и наши сужденія, наши поштыи произвесты нравственную оцѣнку такого-то поступка или дѣйствія всецѣло подчиняются ему...

Это, конечно, самый счастливый и самый цѣлѣбный періодъ *avoir être*; это самая совершенная форма его. Если первая изъ упомянутыхъ выше формъ можетъ быть охарактеризована изрѣченіемъ: *на ворѣ шапка горитъ*, вторая — изрѣченіемъ: *не пойманъ — не воръ*, то третью всего приличнѣе формулировать такъ: *и пойманъ, да не воръ*, потому что кому же судить?

Бабушка! бабушка! что ты надѣлала? Съ какою цѣлью ты поселила во мнѣ разладъ?

Кто растолкуетъ мнѣ, какое дѣйствительное значеніе заключается въ словѣ «воръ»? Кого долженъ я разумѣть настоящимъ воромъ, и кого — просто агентомъ общества *avoir être*? Кому могу я пожать руку, кому обязываюсь плюнуть на оную?

Куда я теперь дѣнусь? Если бѣжать въ степи, то вѣдь и онѣ прорѣзываются ниче желѣзными дорогами, а вмѣстѣ съ ними и туда проникаетъ *avoir être*.

Неслыханное зрѣлище представляютъ эти прекрасныя, дѣйствительныя русскія степи! Хищный волкъ подходитъ къ робкому барану, но не хватается его за шиворотъ, а любезно вилая хвостомъ, спрашиваетъ: «позвольте ли васъ слушать?» Лисица, забравшись въ курятникъ, не душитъ и не терзаетъ, но ищетъ успокоить всполохнувшихся куръ, и вкрадчивымъ голосомъ вопіетъ: «посмотрите, мыла, какъ я васъ ошпилю!» Эта душегубствующая любезность, это умеротворяющее хищничество приводятъ меня въ ужась. Я чувствую, какъ капли пота выступаютъ у меня на лбу, какъ холодѣетъ спина, и начинаютъ дрожать ноги.

Тысячи разнородныхъ экземпляровъ челоуѣка проходятъ мимо меня, и, странное дѣло! — никому-то не стыдно, никто не краснѣетъ!

Всѣ идутъ очень свободно; всѣ разговариваютъ, и беззапѣчиво передаютъ другъ другу свои вчерашнія и сегодняшнія процессы.

— Слышали, какую штуку Федька удралъ? говоритъ одинъ.

— Слышали, какой Сережа проектъ ко всеобщему ободранию сочинилъ? вторитъ другой.

— А! вотъ и онъ! Сережа! Сережа! къ намъ! сюда! *Quand on parle du soleil, on en voit les rayons!* слышется со всѣхъ сторонъ.

Сережа приближается; онъ ситъ, доволенъ и, сверхъ того, чувствуетъ, что его уважаютъ. Его окружаютъ, около него лебезятъ. Что же мудренаго — онъ финансистъ.

— Ну, что, шалопаи! Хотите въ компанію? благосклонно спрашиваетъ онъ, подавая собесѣдникамъ концы пальцевъ.

— Сережа! голубчикъ! хоть чуточку! воніетъ одинъ.

— «Пѣтушкомъ!» ослабляется другой.

Остальные облизываются.

— Вы, однако, должны знать, messieurs, что это дѣло серьезное... очень, очень серьезное! глубокомысленно провозглашаетъ Сережа.

— Ужъ я! ужъ мы! только допусти!

— А помнишь ли ты, соломенная голова, какъ ты у братьевъ наследство укралъ? вдругъ врывается въ бесѣду чей-то фофанскій годось, очевидно, обращающійся къ Сережѣ.

— Что касается до этого, то... nous en parlerons plus tard, mon cher! Теперь же могу сказать тебѣ одно: въ наше время жизнь дается только тѣмъ, кто ее съ бою беретъ, а не тѣмъ, кто передъ нею слюни точитъ! провозноситъ Сережа и величественно удаляется, сопровождаемый толпою поклонниковъ.

Это — послѣднее слово современнаго savoir-vivre. Умѣть экамотировать шары, съ утра до вечера рисовать по городу и тентать въ переднихъ ковры — это называется брать жизнь съ бою; сидѣть спокойно дома и чуждаться охватившей всѣхъ жаднѣ стѣжанія... стѣжанія во что бы то ни стало—это называется точить слюни.

— Совсѣмъ насъ узнать нельзя! говорилъ кто-то на дняхъ въ какомъ-то учено-объединномъ обществѣ:—просто мы не славно, а англо-саксы заиѣ-то сдѣлались! такъ и хватаемъ! такъ и хватаемъ!

— Кирѣмъ отлично! прибавилъ другой:— только какъ бы не наклеветаться на замаскированный кричокъ!

— Съ Божьею помощью, этого не случится! прервалъ третій, который, повидимому, еще не успѣлъ сбить свои акціи, и котораго воспоминаніе о кричкѣ сильно передернуло.

Однимъ словомъ, восторгъ общій. Ученныя общества надѣются и провидятъ новыя залоги преуспѣванія, публицисты плещутъ руками и подаютъ благоразумныя совѣты; генералы входятъ въ общеніе съ простыми негоціантами, задаютъ обѣды съ музикою и говорятъ синчи; присяжные повѣренныя предлагаютъ свои услуги.

Никогда не было на Руси такого веселья! Были мы грубы и неотесаны; только и было на языкѣ: мошенники да мошенники! И вдругъ... savoir vivre!

— N'est-ce pas que cela applanit bien des choses? говорила надвяхъ одна прекрасная вѣзотка, и говорила сущую правду.

И за всѣмъ тѣмъ, меня тревожатъ два вопроса:

Вопросъ первый. Какимъ образомъ могло случиться, что соломенные головы вдругъ сдѣлались и экономистами, и финансистами, и чуть-чуть не политиками?

Вопросъ второй. Если справедливо, что отъ всѣхъ этихъ

затѣмъ пахнеть милліонами, то съ какаго благодатнаго неба должны свалиться на насъ эти милліоны?

Первый вопросъ разрѣшается очень легко: именно потому-то и имѣють успѣхъ соломенныя головы, что онѣ соломенныя.

Нѣтъ ничего проще, какъ устройство соломенной головы. Правда, что она не отличается прочностью, и что чрезъ ея сѣважины очень скоро стекаетъ всякая мысль, которая въ нее извнѣ вливается; но зато въ нее и попадаетъ всякій соръ гораздо удобнѣе, нежели въ обыкновенную человѣческую голову. Она постоянно раскрыта для каждаго вѣтра, хотя бы даже и зловоннаго, но поэтому-то самому такъ быстро и колеблется всякими дуновениями. Обыкновенная голова имѣеть способность задерживать мысли и комбинировать ихъ съ тѣмъ мыслительнымъ капиталомъ, который нажить прежде. Напротивъ того, соломенная голова ничего не задерживаетъ и не имѣеть надобности комбинировать, потому что мысли проходятъ сквозъ нея, какъ сквозъ пустое рѣшето. Это качество во многомъ ее облегчаетъ: оно дѣлаетъ ее быстро-воспаламеняющеюся, оно дозволяетъ ей дѣйствовать ничѣмъ не стѣсняясь. Не нужно быть ни экономистомъ, ни финансистомъ, ни политикомъ, чтобы скалить зубы на чужой платокъ. Для этого требуются только вѣрныя истинныя плотоядности и чревоугодничества, а затѣмъ званія экономистовъ, финансистовъ и политиковъ придуть сами собою.

Нахальство, нестѣсняемость, развязность и постоянное, неуклонное стремленіе къ вуску—вотъ основанія и принципы этой новой экономической науки.

Что такое рубль? откуда онъ выходитъ? какая его родословная?— все это вопросы, совершенно чужды соломенной головѣ, и я положительно утверждаю, что только при отсутствіи этихъ вопросовъ и можно дѣлать тѣ операціи, которыя она дѣлаетъ.

Соломенная голова разсуждаетъ такъ: рубль — это рубль, и ничего больше. Она думаетъ, что это какая-то заблудшая овца, которая родилась на монетномъ дворѣ или въ ибнимальной лавочкѣ, потомъ шаталась гдѣ-то безъ дѣла, и теперь, благодаря ея *saveoir vivre*, лѣзетъ къ ней въ карманъ.

Соломенная голова даже не знаетъ, что будетъ дѣлать эта заблудшая овца у нея въ карманѣ. «Полагать надо, думаетъ она, что пошевелится она тамъ малое время безъ призрѣнія, покуда не пристроится опять къ какому нибудь ибнималь, и опять надо будетъ ее оттуда вытаскивать...

Что такое «операція»? Что изъ нея выйдетъ? на сколько она можетъ подѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ? и на что подѣйствовать? и эти вопросы точно также чужды соломенной головѣ, и я точно также утверждаю, что только при совершен-

ной свободѣ отъ нихъ можно дѣйствовать на отмахъ и не стѣсняясь.

— Пе-ески! пе-ески! радостно восклицалъ мой юный пріятель, о которомъ я повѣствовалъ выше, и разсуждалъ такъ наивно, что даже нѣтъ возможности спросить его: «да чему же ты, дурашка, радуешься? Что тебѣ вдругъ такъ весело сдѣлалось?» Нельзя сдѣлать ему этотъ вопросъ уже потому одному, что онъ и слово «пески» во всемъ его объемѣ постигнуть и объяснить не можетъ.

Многіе думаютъ, что тутъ кроется какаа-то тайна. Совсѣмъ никакой тайны нѣтъ, а дѣло самое обыкновенное. Нахальство и стремительность въ достиженіи цѣлей (а слѣдовательно и успѣхъ) столь же свойственны соломеннымъ головамъ, сколько совѣстливость и нѣкоторая нерѣшительность свойственны обыкновеннымъ головамъ человѣческимъ. Это истина, которую подтверждаетъ и исторія. Стоитъ только ничѣмъ не брезговать, да вольно ходить, и вдругъ очутишься такимъ финансистомъ, что самъ Моливари руками разведетъ.

Говорятъ, что мы не славяне, а англо-саксы. На чемъ, однако, основано такое мнѣніе? На томъ ли, что мы очень жадны? на томъ ли, что насъ, при видѣ гривенника, кидаетъ въ ознобъ? Но есть нѣкоторое животное, боровомъ называемое, которое и того жаднѣе, но которое, за всѣмъ тѣмъ, никому и въ голову не приходило называть англо-саксомъ! Стало быть, это вздоръ, а правда — вотъ она: всѣ мы бахвалы-лежебоки, которымъ легкій трудъ очень нравится! И ничего болѣе.

Изъ всего изложеннаго видно, что многіе вопросы, которые на первый взглядъ кажутся очень трудными, въ сущности, разрѣшаются самымъ свободнымъ образомъ. Итакъ, не завидуя, читатель, успѣху соломенныхъ головъ и будь доволенъ тѣмъ, что у тебя на плечахъ голова обыкновенная! *Si vis cuique: nimis*—рубль и соломенный намѣтъ; тебѣ — голова, и три копейки мѣдныхъ. Чей удѣлъ счастливѣе?

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросъ нумера втораго, а именно: съ какого благодатнаго неба имѣютъ свалиться на насъ ожидаемые милліоны?

Но такъ-какъ вопросъ этотъ дѣйствительно очень труденъ, то я предпочитаю не разрѣшать его. Будемъ думать, что онъ когда-нибудь разрѣшится самъ собою.

Меня всегда удивляло, почему *savoir vivre* такъ мало развитъ между такъ-называемою меньшею братшею? И, — что всего замѣчательнѣе, — чѣмъ бѣднѣ эта меньшая братія, чѣмъ слабѣе въ ней развиты всякаго рода промышленныя и цивилизующія поползновенія, тѣмъ менѣе оказывается и чувства *savoir vivre*.

Меньшая братія не знаетъ ни заемныхъ писемъ, ни векселей, ни сохранныхъ росписокъ, ни контрактовъ. Пробовали давать меньшему брату взаймы денегъ безъ всякихъ документовъ—отдасть; пробовали заключать съ нимъ самыя, что называется, удовлетворительныя условія безъ малѣйшаго посредства бумаги—исполнять. Какъ ни испытывали его *sa voir vivre*, какъ ни старались возбудить его въ немъ—не оказывается, да и все тутъ.

Если меньшій братъ взялъ у васъ денегъ и предвидитъ, что ему нечѣмъ будетъ заплатить въ срокъ, то онъ уже загодя мучится и всею своею фигурой говоритъ: выцвовать! То продастъ мимо васъ, потупивъ глаза, то вдругъ взглянетъ на васъ... какъ взглянетъ! Тогда изъ него хоть веревки вей. По первому вашему мановенію, онъ начинаетъ и пахать, и сѣять, и косить, и жать, или, другими словами, дѣйствовать хребтомъ, и дѣйствуетъ имъ до тѣхъ поръ, покуда вы сами, наконецъ, не скажете: довольно!

— А вѣдь это, братъ, только проценты! долгъ-то, братъ, самъ по себѣ инсинуируете вы ласково.

— Ну, само собой! долгъ-это, разумѣется, само собой! отвѣчаетъ онъ, и какъ благодаренъ-то, какъ благодаренъ онъ вамъ, что вы позволили ему подѣйствовать мало-мало хребтомъ...

И въ самомъ дѣлѣ, что такое ему хребетъ! онъ дѣйствуетъ имъ такъ свободно и ловко, какъ будто онъ у него не свой, а казенный!

Вотъ въ какихъ прекрасныхъ результатахъ можно придти, ежели сойдутся вмѣстѣ: съ одной стороны *sa voir vivre*, а съ другой — недостатокъ въ ономъ.

То ли дѣло другъ мой, Феденька Козелковъ! Онъ три года долженъ мнѣ нѣкоторую сумму, и, всякій разъ какъ мы встрѣчаемся, не онъ робѣетъ передо мной, а я передъ нимъ. Онъ такъ развязно подходитъ ко мнѣ, такъ любезно спрашиваетъ о моихъ занятіяхъ, что я чувствую себя не только очарованнымъ, но даже боюсь, буквально боюсь, чтобъ онъ какъ нибудь не проговорился о своемъ ничтожномъ должкѣ!

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что тѣмъ не менѣе, большинство воровъ, грабителей, разбойниковъ и т. д. все-таки выходитъ изъ меньшей братіи, и слѣдовательно... Позвольте, господа! впервыхъ, можно поручиться заранѣе, что эти воры и т. д. болѣе или менѣе уже тронуты стремленіемъ къ *sa voir vivre*; вовторыхъ, возьмите ихъ численное отношеніе къ массѣ меньшей братіи, и вы увидите, что объ этомъ даже и говорить не стоитъ.

Но чѣмъ больше мужикъ оперируется, тѣмъ настоятельнѣе начинаютъ взывать въ немъ истинныя *sa voir vivre*. Изъ простаго чибиса онъ дѣлается коршуномъ, изъ барана—волкомъ. Правда, что ни орломъ, ни львомъ онъ все-таки никогда не сдѣлается, но вѣдь и мѣсто наше такое... по нашему мѣсту, и волка очень довольно.

Онъ начинаетъ отрицаться, утаивать, отговариваться запантованіемъ, и всѣ эти акты своего *savoir vivre* сопровождается вздохами. «Ничего я этого не знаю», «никогда я у тебя не бралъ», «си напрасно ты меня этимъ дѣломъ беспокоишь»—вотъ слова, которыя нарезаютъ его уста въ этотъ первый періодъ его превращенія. Потомъ, онъ мало по малу входитъ въ разсмотрѣніе среды, въ которой живетъ, и, тщательно изучивъ положеніе каждаго изъ ея членовъ, начинаетъ производить свои финансовыя операціи въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Потомъ, голову его постепенно начинаетъ угнетать мысль о всеобщемъ ограбленіи; ему становится тѣсно въ деревнѣ; ему надо губернію, двѣ губерніи, три губерніи... цѣлую Россію! И вотъ онъ бредетъ откуда нибудь, изъ родной Заманиловки, не ѣстъ, не пьетъ, все думаетъ: какъ бы отдѣлать дѣло въ лучшемъ видѣ! И вдругъ, спустя полгода, вы узнаете, что народился новый финансистъ!

— Кто такой? кто такой? спрашиваете вы съ жадностью.

— Представьте... простой мужичокъ! и даже неграмотный! отвѣчаетъ вамъ одна изъ соломенныхъ головъ, плѣнная проектомъ быстрого и всеобщаго уязвленія.

— Чтò жъ онъ такое сочинилъ? продолжаете вы ваши вопросы.

— Ну, это, покажѣтъ, еще тайна!

Оказывается, однакожъ, что мужичокъ-финансистъ, при помощи авоськи да смекалки, ничего не упустилъ изъ вида; что онъ не только поверхность земли, но и сама ея нѣдра предположилъ устроить и привести въ порядокъ, чтобъ не лежали праздно, а приносили посильный плодъ на пользу и радость любезному отечеству.

Появляются проекты объ эксплуатированіи собачьяго помета, проекты о собираніи на всемъ пространствѣ Россіи рыбьихъ костей, о заселеніи песчаныхъ степей, объ обращеніи бесплодныхъ мѣстъ въ плодородныя...

— Иванъ Ивановичъ! голубчикъ! такъ мы, стало быть, собачій пометъ собирать станемъ? спрашиваетъ соломенная голова, готовая, въ порывѣ энтузіазма, даже и на этотъ подвигъ.

— На что же-съ! Мы только авціи выпустимъ-съ! отвѣчаетъ мужичокъ-финансистъ, и затѣмъ уже начинаетъ обстоятельно и толково объяснять современную сущность проекта.

Я отнюдь не говорю, и не думаю, чтобы у этого мужичка-финансиста была соломенная голова (я скорѣе готовъ назвать ее булжжиковою), но предоставляю читателю судить о тѣхъ, кто соблазняется проектами, до концепціи которыхъ онъ дошелъ собственнымъ умомъ...

На дняхъ я читалъ книгу Тенѣ: «Paris en Décembre 1851» и убѣдился, что современный *savoir vivre* ведетъ свое начало изъ переворота 2-го декабря 1851 года. Мало того: эта книга дока-

зала мнѣ, что истинный *savoir vivre* можетъ быть иногда доведенъ даже до размѣровъ ползлага свободомыслія

Никто не станетъ отрицать, что Кавеньякъ, Шангарнье, Шаррасъ, Тьеръ, Викторъ Гюго, и множество другихъ жертвъ декабрьскаго переворота—люди умные и довольно провидательные. Многие утверждаютъ, что они въ этомъ отношеніи стоятъ даже выше, нежели какіе-нибудь Морни, Сентъ-Арно и Мопà и другіе герои того же закала, которые невѣдомо откуда взялись и расцвѣли въ ночь съ перваго на второе декабря (въ Тьеръ и Шангарнье нельзя, однакожъ, отвергать и замѣчательнаго *savoir vivre*). И вотъ, однакожъ, эти внезапные выходцы неизвѣстности, эти простые люди, незнакомые ни съ міромъ, ни съ его ухищреніями, вдругъ, въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ, становятся выше, опытнѣе и дальновиднѣе тѣхъ, которые, впродолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, уловляли вселенную! Надо же, чтобы была какая-нибудь причина, объясняющая столь загадочное явленіе.

По моему мнѣнію, такое извращеніе естественнаго порядка въ дѣлѣ уловленія произошло единственно оттого, что ни Тьеръ, ни Шангарнье, ни Кавеньякъ не умѣли возвыситься до того свободомыслія, до котораго разомъ возвысились простые рыбаки, никогда нестѣснявшіеся никакими соображеніями. Кажется, что можетъ быть легче, какъ войти цѣлой ордой въ домъ къ снающему человѣку и пришпилить его, а кто же, кромѣ совершенно свободномыслящаго человѣка, рѣшится затекой подвигъ? Что можетъ быть проще насилія, пошлѣ коварства, нахальнѣе необузданности, и между тѣмъ кто, кромѣ субъекта, вполне освободившагося отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ, охотно согласится на такіе поступки, которые повлекутъ за собой для него названіе человѣка коварнаго и необузданнаго? Всѣ подобнаго рода дѣйствія не требуютъ ни ума, ни особенныхъ способностей; единственное условіе, которому они подчиняются—это условіе внезапности. Сюрпризы, изготовляемые при помощи *savoir vivre*, тѣмъ именно и благонадежны, что въ нихъ нельзя приготовиться, и что, слѣдовательно, ни умъ, ни провидательность, ни таланты — ничто не можетъ устоять противъ нихъ. Это своего рода кирпичи, внезапно сваливающіеся съ крыши и убивающіе человѣка — что противъ нихъ подѣлаешь?

«Сберегайте ваши силы, и утомляйте силы обывателей». «Повременамъ ушибайте, но дѣлайте видъ, что это произошло невзначай». «Обманывайте, обманывайте и обманывайте!» Ничего не можетъ быть проще и даже глупѣе этихъ аксіомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ открыты, какъ прояснились наши понятія! какія обширныя перспективы открылись передъ нами! Мы нашли средство вывести ихъ изъ той спеціальности, въ которой онѣ первоначально замыкались, и отыскивать для нихъ такія примѣненія, которыя едва-ли снились даже изобрѣтателямъ ихъ. Мы переносимъ эти аксіомы во всевозможныя живыя сферы, какія доступны нашему пониманію, мы видимъ въ нихъ не только идеалъ прав-

тической мудрости, но в единственное условіе кавихъ бы то ни было успѣховъ. Мы обманываемъ, обманываемъ, обманываемъ...

Съ одной стороны *savoir vivre*, съ другой—толпа, до которой имѣеть дѣло этотъ самый *savoir vivre*. Какъ ни простъ сей послѣдній, какъ ни ограниченны его дѣля, все-таки онъ знаетъ, чего хочетъ, и слѣдовательно обладаетъ извѣстною дозой рѣшимости. Онъ тогда только и выходитъ, когда уже заранѣе опредѣлитъ и свои собственныя позвціи, и точку, въ которую предстоитъ ему дѣляться. Совсѣмъ другой видъ представляетъ толпа: какъ ни предполагайте ее провидательному, она уже по тому одному не въ силахъ ничего предпривять, что не знаетъ, откуда и вакого рода камень будетъ въ нее брошенъ. Она можетъ выдѣлять изъ себя великихъ и гениальныхъ людей, она можетъ совершать чудеса самопожертвованія и доблести, но противъ неожиданностей и разставляемыхъ ловушекъ ничего совершить не въ состояніи.

На этомъ-то именно и основанъ весь расчетъ такъ-называемаго *savoir vivre*, и вотъ этотъ-то именно расчетъ и поняли въ совершенствѣ, такъ-называемыя, соломенныя головы.

Когда мы дойдемъ до той степени простоты взглядовъ, что, встрѣчаясь на улицахъ, будемъ говорить другъ другу:

— Поздравь меня, душенька! я только-что сію минуту у Доминика пирога съ прилавка благополучно стащилъ!

— Эга невидаль! А я вчера тридцать тысячъ укралъ — и то никто не примѣтилъ!

Когда, говорю я, мы достигнемъ такого свободомыслія, что перестанемъ отличать свои бармавы отъ чужихъ — тогда настанетъ для насъ тотъ блаженный періодъ, въ которомъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, а существуютъ одни умѣлые люди.

Я не утверждаю, чтобы мы были очень близки въ этой волшебной дѣля; но достойно замѣчанія, что уже теперь, когда мы находимся еще на половинѣ пути къ ней, истинно умными людьми называются только люди умѣлые. Ихъ однихъ дѣлятъ, одними ими дорожать. Все остальное, неподходящее въ этому идеалу, составляетъ собраніе, такъ-называемыхъ, *têtes creuses*, о которыхъ не можетъ быть даже помину, когда идетъ рѣчь о развернутомъ фронтѣ разнообразныхъ актовъ нашего *savoir vivre*.

Мнѣ кажется, однако, что мы могли бы имѣть и еще больше успѣха, еслибъ дѣйствовали нѣсколько смѣлѣе и увѣреннѣе. Насъ смущаетъ мысль, что мы все-таки не больше, какъ *les cadets de la civilisation*, и что настоящихъ образцовъ даже въ такомъ простомъ дѣлѣ дать никому не можемъ. Французское мастерство продолжаетъ застилать намъ глаза, и отнимаетъ у нашихъ попытокъ всякую оригинальность. Въ этомъ случаѣ, образованность и слѣшкомъ большая начитанность, по моему мнѣнію, даже вредны. Не будь у насъ этой боязни идеаловъ,

этого обожанія чужой цивилизаціи, мы не падали бы въ обморокъ при мысли: что-то свяжутъ наши учителя? — но устроивали бы свое дѣло, собственными средствами, какъ Богъ на душу положить... И навѣрное, дѣлали бы много, прочно и хорошо.

Уважу, напримѣръ, на слѣдующее простое дѣло: украсть человѣкъ сумму, или лучше сказать, не украсть, а незамѣтнымъ образомъ совершилъ экспроприацію. Фактъ, повидимому, простой, и совершенно безобидный — и что жъ вы, однакожь, думаете? — поднялась разногласица, устроился чуть ли не цѣлый турниръ! по поводу такого-то, ничего не стоящаго факта! Одни говорятъ (въ счастью еще, что случившійся люди вполне компетентны!): если украсть — пускай пользуется! другие говорятъ: нѣтъ! воровать не позволяется, потому что такимъ манеромъ скоро не будешь звать, цѣлесообразно или не цѣлесообразно выходить на улиду одѣтымъ, и имѣть при себѣ платокъ?

— Этакъ, батюшка, куски изо рта вырывать будутъ! говорили голоса болѣе рѣшительные.

— Такъ вы скорѣе глотайте! возражали имъ голоса не менѣе рѣшительные.

Я понимаю, что въ вопросъ столь великой важности, подобный разладъ совершенно умѣстенъ; тѣмъ не менѣе, овъ все-таки на столько прискорбень, что служатъ почти единственною помѣхою для нашего поступанія впередъ. Еслибъ мы были на этотъ счетъ согласны, еслибъ мы одинъ разъ навсегда сказали другъ другу: прочь сомнѣнія! укравшій — пусть пользуется; оплошавшій — пусть вкушаетъ плоды экспроприаціи! — нельзя даже исчислить, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ цивилизаціи мы могли бы дойти! Всякій, видя насъ, говорилъ бы: вотъ люди, которые знаютъ чего хотятъ! вотъ люди, на которыхъ можно положиться, какъ на каменную стѣну! — тогда, какъ теперь, видя наши неурядицы, всѣ говорятъ: вотъ слабое, преждевременно-отжившее поколѣніе, которое препирается даже на счетъ такихъ общезвѣстныхъ предметовъ, какъ экспроприаціи!

Нѣтъ; какъ ни несомнѣнно мое уваженіе къ старой бабушкѣ, я не могу согласиться съ нею. *Savoir vivre* и мошенничество, можетъ быть, двѣ равно великія, но въ то же время совершенно различныя силы. Большая развѣца: *вырвать* у ближняго изо рта кусокъ наглѣмъ образомъ, и *вынуть* тотъ же кусокъ такъ, чтобъ никто не замѣтилъ; на сколько первое зазорно и оскорбительно, на столько второе естественно... почти законно!

Пускай огорченные идеологи ораторствуютъ на счетъ развращенности современныхъ нравовъ; пускай какой-нибудь оболившійся мизантропъ провозглашаетъ, что наше время можетъ представить только ядовитые продукты умственнаго и нравственнаго

гнѣнія; скажемъ другъ другу разъ навсегда: это говорить зависть, ограниченное скудоуміе, — и затѣмъ, станемъ дѣбре.

На свѣтѣ слишкомъ много простосердечныхъ людей, чтобы можно было допустить ихъ коптить небо невозбранно. Пожалуй, они закоптятъ его такъ, что намъ, людямъ умѣлымъ, нельзя будетъ прямо взглянуть на солнце. Этотъ народъ плодущъ и назойливъ; его необходимо разрѣзать частью посредствомъ водворенія... въ извѣстныхъ границахъ, частью посредствомъ проглатыванія. Только въ этомъ разрѣженномъ состояніи можно допустить участіе столь безпокойнаго элемента въ общемъ жизненномъ хорѣ; только въ этомъ видѣ, онъ можетъ быть разсматриваемъ не только какъ извѣстный, неоскорбляющій слуха диссонансъ, но даже какъ нѣкоторая поправка нашему слишкомъ разыгравшемуся *savoir vivre*.

Нѣтъ спора, снисходительность и великодушіе похвальны; но и они становятся приторными, какъ скоро употребляются безъ мѣры и несвоевременно. Время не терпитъ; каждая минута приноситъ за собой капиталы; намъ предстоитъ шарить, хватать, глотать — а мы станемъ распускать слюня и слушать проповѣди о воздержаніи и какихъ-то ядовитыхъ продуктахъ нравственнаго гнѣнія! — поймите же, наконецъ, до какой степени это будетъ несообразно и глупо!

И такъ, будемъ великодушны, и въ то же время тверды. Пускай наша снисходительность умѣряется бодростью и неуклоннымъ шествіемъ впередъ. Сверхъ того, не станемъ стѣсняться образцами, но изберемъ себѣ тѣ пути, которые укажутъ намъ наши собственные инстинкты любостыжанія. И да не постыдимся.

- XVII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ — *Джорджа Салля, Августа Мейю и Джемса Гринвуда.* («Gaslight and Daylight» by G. A. Sala, «Paved with Gold», by A. Mayhew, «Unsemental Journeys» by J. Greenwood). Статья первая: *Джоржъ Оалъ* 78
- XVIII. — ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ. Русская драма. (Перемелется — муза будетъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *И. В. Самарина*) 108
- XIX. — П. РУССКАЯ ОПЕРА. — (Комитетъ, учрежденный для обсужденія вопроса: что болѣе по вкусу публики — итальянская, русская или французская (комическая) опера? — Г-жа Лавровская. — Вагнеръ. — Обзоръ статей, написанныхъ по поводу постановки «Лоэнгринъ» на нашей сценѣ) 119
- XX. — СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. — Петербургскій климатъ и цивилизація — «Прекрасная Елена» на русской сценѣ; ея дѣйствіе на публику и на дѣтей. — Зимнее занятіе для сельскихъ дамъ и дѣвицъ. — Школы для взрослыхъ; могутъ ли онѣ хорошо идти при теперешнихъ народныхъ учителяхъ и не грѣшно ли учить и учиться въ праздники? — Последніе дни «Педагогическаго собранія». — О паранахъ. — Бить безземельныхъ вѣрстьянъ. — Добрый помѣщикъ. — «Держи ихъ». — Подрывъ коммерціи. — Мужья и жены 140
- XXI. — ЗАМѢТКА О ВЫСТАВКѢ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. *Петербургскаго жителя* 159
- XXII. — ЛИТЕРАТУРА НА ОБЪДѢ 163
- XXIII. — ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ. Периодическія замѣтки. (II. Нѣсколько словъ о нашемъ «savoir vivre» и о мѣрахъ къ постепенному распространенію его) . 175

Объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1869 г.

Объявленія: отъ музыкальныхъ магазиновъ М. Бернарда и А. Битнера и объ изданіи журналовъ «Нувеллистъ», «Учитель» и «Надѣля». Особо прилагаются: отъ редакціи «Всемирнаго Путешественника» для всѣхъ подписчиковъ, отъ «Magasin Pittoresque» для городскихъ, отъ книжнаго магазина С. В. Звонарева и объ изданіи журналовъ «Зари» и «Моднаго Магазина» для иногородныхъ подписчиковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ въ слѣдующемъ 1869 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ издаются въ нынѣшнемъ году.

ЦѢНА ЗА ГODOBЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки:
15 р., съ доставкою 16 р. 50 к. сер.

съ пересылкою:
18 руб. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничковскаго дворца, домъ № 64 (Меншикова) поступили въ продажу только что отпечатанныя

ПЯТЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

Три частн. Изд. С. В. Звонарева. Спб. 1868 г. Цѣна три руб. съ пересылкою.

